

**Государственное бюджетное учреждение культуры
Владимирской области
«Муромский историко-художественный музей»**

УВАРОВСКИЕ ЧТЕНИЯ – X

ФИЗИОГНОМИКА ГОРОДА

**Материалы всероссийской научной конференции
с международным участием
Муром, 19-21 апреля 2017 г.**

**Владимир
2018**

УДК 94(47)+72+908(470+571)+02
ББК 63.3(2)+85.11+26.89+78.3
У18

Редактор: Ю. М. Смирнов

Печатается по решению Ученого совета
ГБУК ВО «Муромский историко-художественный музей»

У18 Уваровские чтения – X: Физиогномика города: материалы всероссийской научной конференции с международным участием. Муром, 19-21 апреля 2017 г. / Муром. Историко-худож. музей; научн. редактор Ю. М. Смирнов. – Владимир: ВИТ-принт, 2017. – 356 с.: 149 ил., 11 табл. – Библиогр.: 935 назв. ISBN 978-5-905895-04-3

Сборник включает доклады и сообщения, сделанные на десятых Уваровских чтениях, освещающие широкий круг вопросов по истории, археологии, культуре, быту, повседневности городов, связанных с их самобытностью. Включены также доклады заседания секции, проведенного совместно с Муромской епархией и посвященные десятому празднованию Дня семьи, любви и верности и 470-й годовщине канонизации св. благоверных князей Петра и Февронии Муромских. Также сборник содержит статьи, связанные с изучением Муром и Муромского края и деятельности П. С. и А. С. Уваровых.

УДК 94(47)+72+908(470+571)+02
ББК 63.3(2)+85.11+26.89+78.3

ISBN 978-5-905895-04-3

© ГБУК ВО «Муромский историко-художественный музей», 2017

СОДЕРЖАНИЕ

От редактора <i>Ю. М. Смирнов. Физиогномика города</i>	7
В. И. Васильев (Псков) <i>Особенности облика Пскова, влияющие на его восприятие</i>	9
В. Г. Пуцко (Калуга) <i>Классицизм – фасад старой Калуги</i>	14
А. В. Лисицына (Нижний Новгород) <i>Архитектурный пейзаж исторических городов Нижней Оки (Павлова, Муром, Касимова) в начале XX века</i>	22
Т. В. Харитонова (Кольчугино) <i>Формирование исторического центра города Кольчугина в конце XIX – начале XX веков</i>	30
О. А. Завадовская (Берлин) <i>Город, который выжил</i>	35
Д. С. Хмельницкий (Берлин) <i>Сталинский город. Обстоятельства возникновения</i>	41
М. Г. Меерович (Иркутск) <i>Советская власть против «духов места»: градостроительная теория и практика в СССР (1917-1941 гг.)</i>	57
Е. Н. Плахова (Энгельс) <i>Новый Царьград: к истории вопроса местожительства города Энгельса</i>	65
Н. В. Панкратова (Кольчугино) <i>Строительство Ленинского поселка в Кольчугине как прообраза «города-сада» (20-е годы XX века)</i>	72
Б. Р. Колегов, И. Л. Жеребцов (Сыктывкар) <i>Трансформация городской среды Усть-Сысольска – Сыктывкара в первые десятилетия советской власти (по материалам местных газет)</i>	78
Е. С. Бутрин (Иваново) <i>«Собачье дело» в Иваново-Вознесенске в конце XIX – начале XX вв.</i>	86
Ю. А. Яроцкая (Владивосток) <i>Восприятие и оценка города лесным человеком (В. К. Арсеньев «По Уссурийскому краю», «Дерсу Узала»)</i>	92

О. К. Крамарь (Елец) <i>Образ города в романе Т. В. Чурилина «Тяпкатань»</i>	97
Л. В. Рассказова (Пенза) <i>Культурное пространство городской и сельской дворянской усадьбы</i>	101
В. Н. Блохин (Горки, Беларусь) <i>Глобальный город: трансформация образа жизни</i>	106
М. Р. Арпентьева (Калуга) <i>Город будущего: цифровые кочевники и цифровые беспризорники</i>	109
Нил, епископ Муромский и Вязниковский <i>Уроки Петра и Февронии: о жизни святых супругов</i>	114
Д. М. Володихин (Москва) <i>Когда жил святой Петр Муромский?</i>	117
О. Серапион (Воскобойник) (Муром) <i>Христианские смыслы и образы в «Повести о Петре и Февронии Муромских»</i>	121
О. В. Агапова (Муром) <i>Почитание образа Владимирской Богоматери в Муроме XIX столетия на примере одноименной иконы из собрания МИХМ</i>	123
С. А. Волостнов (Муром) <i>К вопросу о восприятии некоторых «символических фигур» истории Мурома (Петр и Феврония, Константин, Илья Муромец)</i>	133
С. Ю. Шокарев (Москва) <i>Иногородние жители Москвы в первой половине XVII века</i>	137
М. А. Казанкова, Т. А. Лаптева (Москва) <i>Город Муром и его жители в первой трети XVIII в. (по материалам крепостных книг Мурома и Муромского уезда)</i>	141
В. П. Пушков (Москва) <i>Муром на книжном рынке Москвы XVII века. (по архиву Приказа книгопечатного дела)</i>	147
Л. И. Глущенко, Ю. М. Смирнов (Муром) <i>«Свято место пусто не бывает...» (Кремлевская гора в городском пространстве Мурома)</i>	151
О. А. Сухова (Муром) <i>«Никола Мокрый» в Муроме: храм в топографии, истории и мифологии города</i>	183

Т. Б. Купряшина (Муром) <i>Утопающий в зелени город древний над тихой Окой</i>	216
А. Р. Комлев (Москва) <i>Муромский фотограф Николай Сажин</i>	228
М. А. Иванов (Нижний Новгород) <i>Нижегородское посадское самоуправление в конце XVIII века</i>	233
А. Н. Журухин (Красная Горбатка) <i>Из истории старообрядчества Драчёвской волости Меленковского уезда Владимирской губернии</i>	235
С. С. Михайлов (Москва) <i>К изучению истории и культуры ассирийских центров в Москве. Самотёка</i>	239
Ю. В. Белов (Суздаль) <i>«Загадочный старец» Стефан и паломничество к нему в начале XX века в Суздаль</i>	248
М. К. Павлович (Москва) <i>Синодальный ризничий архимандрит Савва — уроженец Владимирской губернии. Страницы биографии</i>	251
М. А. Полякова (Москва) <i>Проблемы сохранения памятников искусства и старины в журнальной периодике начала XX века</i>	256
Е. В. Пронина (Балашиха) <i>Несчастью верная сестра: Екатерина Сергеевна Лунина-Уварова. (Новое к генеалогии дворян Уваровых)</i>	260
А. А. Кашеев (Москва) <i>К истории библиографического описания архимандритом Леонидом (Кавелиным) руко- писей из собрания графа Уварова</i>	265
М. А. Виноградов (Москва) <i>Графский род Уваровых в контексте выставок центральных музеев Москвы</i>	268
Вал. В. Бейлекчи (Муром) <i>Головные и нагрудные украшения, предметы быта и производства в коллекции из грабительских раскопок 1910 г. на Подболотьевском могильнике муромы</i>	272
Т. О. Галкин (Владимир) <i>Исследования на городище Воютино в 2014-2016 годах</i>	290

В. Е. Ершов (Муром)

*Территория и характеристика землевладения Куземского стана Муромского уезда по состоянию на первую треть XVII века.....*297

А. А. Тихомирова (Владимир)

*Состояние и содержание дорог в Муромском уезде в конце XIX – начале XX вв.*305

А. С. Мохова (Муром)

*Изображение оружия на иконах «Великомученик Никита с житием» и «Св. благоверные князья Константин, Михаил и Федор Муромские с житием» из коллекции Муромского музея*312

С. М. Фазлуллин (Москва)

*Историко-культурное наследие Оки как фактор развития туризма: на примере Луховицкого района Московской области.....*319

Е. А. Васильченко (Муром)

*Деятельность библиотек Мурома и Муромского района в годы Великой Отечественной войны (по материалам местной прессы)*325

Е. В. Емелин (Козьмодемьянск)

*От купеческого особняка до музея сатиры и юмора. История и перспективы развития Козьмодемьянского музея О. Бендера.....*330

Н. В. Сильвестрова (Козьмодемьянск)

*Коллекция музея купеческого быта: из истории некоторых экспонатов*334

В. Л. Шерстнев (Козьмодемьянск)

*Сохранение культурного наследия в г. Козьмодемьянске.....*341

Г. А. Пудов (Санкт-Петербург)

*Из истории сундучного промысла Муромского уезда Владимирской губернии (послереволюционный период)*345

Н. А. Тлеубергенова (Нукус)

*Личность мастера-ремесленника в мировоззрении каракалпаков.....*350

*Список сокращений.....*355

От редактора

ФИЗИОГНОМИКА ГОРОДА

Если спросить любого человека, знает ли он, что такое город, тот без колебаний ответит: «Да». Однако если ему же предложить дать определение города — затруднения неизбежны. В лучшем случае ответы сводятся — с большей или меньшей детализацией — к противопоставлению города деревне. По сути это вполне закономерно, ибо исторически изначальные взгляды на город проистекали именно из такого сравнения. При этом одни видели в городе благо, средоточие ценностей культуры и цивилизации, другие — вместилище ужасов, несправедливостей, разврата и пороков.

Специфика городской жизни в самом широком ее проявлении давно обратила на себя внимание архитекторов, политиков, правителей. Не вдаваясь в историографический экскурс, который бы занял невероятно большой объем, отмечу лишь, что город, сначала рассматриваемый исследователями как нечто целое, со временем стали дробить на мелкие и очень мелкие части и системы, предлагая при этом самые разные аспекты изучения. Это неизбежно привело к многообразию подходов и выделению бесчисленного множества проблем. К тому же города различаются не только по своему возрасту, величине, населению, географическому и климатическому расположению, ландшафту, этно-культурной принадлежности, но и «специализацией». Есть города промышленные, нередко являющиеся лидерами в производстве какого-то вида продукции; есть курортные, торговые, портовые, университетские, вольные, военные, наукограды, города-заповедники, религиозные центры, города-государства, города развлечений, экогорода и проч. Возможна и оценка/разделение городов по иным таксонам: маленький — большой, столичный — провинциальный, промышленно развитой — депрессивный, средневековый — античный, русский — западно-европейский, древний — современный, капиталистический — социалистический и т. д. Здесь же, пожалуй, стоит упомянуть и о таких концептах, как идеальный город, город-сад, город будущего,

Опять скажу: никто не обнимет необъятного!

Козьма Прутков

город коммунистического быта. Все они, отличаясь друг от друга, имеют нечто общее, зачастую трудноопределимое.

Не стоит погружаться в анализ и сравнение всех определений, данных городу в разное время и разными исследователями, иначе возникает риск погрязнуть в терминологической дискуссии, тем паче, что в каждой из множества этих дефиниций есть справедливые суждения, особенно если учесть время происхождения и контекст каждой формулировки. Основные выводы, которые вытекают из этого невербализованного сравнения, суть следующие: 1) термин «город» не имеет однозначно оформленного содержания, соответственно, отсутствует инвариантная дефиниция, под которую подходили бы все виды городов; 2) изменения представлений о городе во времени свидетельствуют о том, что не только накапливались знания о городах и изменялись представления о них, но и что города не являются чем-то застывшим — они изменяются сами, и, таким образом, попытка описать любой город в определенный момент в следующий момент может потребовать уже иного описания. Это, в свою очередь, наводит на мысль, что город — это не только состояние, константная форма, но и процесс, динамическая конструкция. С одной стороны, это делает проблематичным применение какой-то одной методики в исследовании, с другой — приходится признать: имея дело с городом, мы имеем дело со сложной системой, сложной не в том смысле, как сложная задача, а в том, что он сложен из множества систем, каждая из которых, в свою очередь, тоже является системой. Связи между этими разноуровневыми системами сложны и неоднозначны, и, соответственно, изменения в одной из них неизбежно влекут изменения в других, порой такие, предвидеть которые было невозможно. К сожалению, в аппарате гуманитариев отсутствует универсальная методика, позволяющая изучать город как сложную динамическую систему. Некую надежду в свое время дал структурализм, допускав-

ший совмещение синхронной и диахронической проекций в одной модели, однако его несомненные достижения, значительно продвинув и изменив наши представления о городе, достаточно скоро оказались исчерпанными, так и не нарисовав полной его картины. Предлагаемый в последние годы фрактальный подход позволяет проследить некую динамику, однако также не является панацеей.

Урбанистика (от лат. *urbs* — город), начало которой было положено еще трудами Платона и Аристотеля и занимающаяся изучением различных городских систем, при всех попытках ввести ее в прокрустово ложе неких концепций или конструкторов, в результате также оказывается аморфным сочетанием разных сфер профессиональной деятельности, так или иначе связанных с городом, которые различаются между собой неодинаковыми точками зрения на предмет. Таким образом, взгляды на проблемы могут быть брошены с самых разнообразных ракурсов: территориально-поселенческого, экономического, градостроительного, психологического, историко-культурного, семиотического, философско-методологического, социологического, символического, мифологического, исторического, политического, этнического, мистического и т. д. В силу синкретичности предмета изучения в исследованиях вынужденно переплетаются такие дисциплины, как география, история, культура, политология,

экономика, городское планирование, философия, социология, культурология, статистика, демография, культурно-антропологическое градоведение, визуальная антропология, гуманитарная география, геоурбанистика, искусствознание, литературоведение, ландшафтоведение, история архитектуры, искусствоведение, социальная география, экономика, правоведение, социология, культурология, этнопсихология и проч., — я не берусь перечислить все возможные. Главная беда всех этих штудий заключается в том, что, даже становясь основополагающими для своего узкого направления, они зачастую не могут экстраполировать свои результаты в область исследований других дисциплин, а эти самые дисциплины не подозревают о существовании разработок, которые могли быть использованы ими.

Поэтому, когда встал вопрос о тематике очередной конференции, определяющей характер города, мы, в общем-то, понимали тщетность усилий. Тем не менее все же решили попытаться под одной крышей соединить самые разные направления городских исследований, максимально широко и нейтрально сформулировав тему. Наиболее подходящим оказалось определение «физиономия», которое в отношении города было не чуждо классикам жанра, работавшим в начале XX в. — Н. П. Андиферову, К. Гассерту и др. Так и появилась «физиогномика города».

Ю. М. Смирнов

В. И. Васильев (Псков)

ОСОБЕННОСТИ ОБЛИКА ПСКОВА, ВЛИЯЮЩИЕ НА ЕГО ВОСПРИЯТИЕ

Название любого города, где нам довелось побывать, для нас обычно ассоциируется с теми его неповторимыми образами, благодаря которым этот город надолго (а то и навсегда) остается в нашей памяти. Петербург вызывает воспоминания об Адмиралтействе и стрелке Васильевского острова. Киев ассоциируется с Владимирской Горкой и Андреевским спуском. Флоренция — это Кампанилла и Дуомо. Прага для нас неразрывно связана с Карловым мостом и Староместской площадью.

Какие образы вызывает у Вас название моего родного Пскова? Я спрашиваю тех, кому повезло увидеть его в хорошую солнечную погоду, в апреле, когда едва распутившаяся листва ажурной фатой слегка прикрывает его храмы. Или в сентябре, в любимую пушкинскую пору, когда сдержанная величавость наших церквей и башен оправлена в роскошный багряно-золотой оклад.

На мой взгляд, Псков выделяется из неисчислимого ряда прочих городов почти уникальным сочетанием четырех отличительных признаков: это крепостные стены, множество храмов, реки и невзыскательный облик большинства остальных зданий.

Стены и башни псковской крепости встречают Вас везде — начиная с открыточного вида псковского кремля и вплоть до укромных уголков тихого Запсковья. Там, среди зарослей боярышника и сирени, в окружении ветхих деревянных домишек Ваш взгляд упирается вдруг в трещиноватую брутальную кладку из серого выветренного известняка. Вы видите осыпающиеся руины древней крепостной стены, тянущиеся откуда-то издалека и уходящие куда-то за поворот. Как будто во время блуждания по незнакомому лесу Вы встретили заброшенную железную дорогу, ржавые рельсы которой уходят в обе стороны в неведомые края, теряясь в обступающих зарослях.

Так уж сложилась история Пскова, что в нем сохранилась до наших дней бóльшая часть крепостных стен и башен — практически все внешнее кольцо укреплений крепости, да еще и кремль — историческое ядро города. Только те стены и башни, которые оказывались внутри вновь

построенного очередного полукольца крепостных укреплений, были разобраны по камешку моими рачительными земляками-предками, став стенами новых амбаров и жилых домов.

Сохранению псковских крепостных стен (даже после утраты ими существенного оборонного значения) способствовало то обстоятельство, что они мало кому мешали. В отличие от тех городов, которые пережили бурный рост и потому без сожаления сносили свои старые крепости, расчищая себе жизненное пространство, Псков, наоборот, испытал три периода стагнации. Первый из этих периодов начался во второй четверти XVIII в., когда после победы России в Северной войне граница нашего государства отодвинулась далеко на запад. Потеряв оборонное значение, Псков утратил вместе с ним и внимание к себе со стороны столичной власти, после чего не сразу обрел новый стержень своего экономического существования и развития.

До былого своего средневекового величия Псков так больше никогда и не поднялся, однако смог удержаться от полного запустения благодаря своему выгодному географическому расположению. Под Псковом древний торговый путь из Риги в Новгород пересекался со старинным Великорусским трактом, который вплоть до второй четверти XIX в. петлял по северо-западной Руси, как заяц по полям. Худо-бедно, но Псков продолжил жить как большой постоялый двор, давая приют многочисленным путникам, проезжающим по упомянутым трактам и вконец измученным утомительным путешествием. В клетке старых крепостных стен места хватало всем, поэтому даже внутреннюю стену XIV в. никто разбирать не стремился. А те, кто не желал жить в паутине кривых улочек старого города и платить городские налоги, селился в многочисленных слободах, облепивших Псков почти со всех сторон.

Почти, потому что на Завеличье, как испокон веков псковичи называли левый, западный берег реки Великой, хотели жить немногие. И здесь в нашем рассказе появляются новые персонажи — реки Пско́ва.

Между прочим, далеко не каждый пскович сразу вспомнит, что кроме рек Великой и Псковы, у слияния которых и возник Псков где-то на рубеже VIII-IX вв., в нашем городе есть еще речушка Мирожя, давшая название древнему Мирожскому монастырю. Есть еще Колокольничий, или Гремящий ручей, по имени которого была названа грозная Гремячая башня. Есть почти исчезнувшая, превратившаяся в обмелевший ручеек речка Ремонтка — рудимент короткого, но некогда полноводного и норовистого Любятковского ручья. И уже только историки да дотошные краеведы расскажут Вам об ушедшей под землю древней речке Зрачке, еще в сер. XIX в. пересекавшей центр Пскова с востока на запад и питавшей несколько прудов.

Конечно же, при всем перечисленном разнообразии Пскова и Великая остаются главными реками нашего города, во многом определяющими его облик. И, если стремительно мелеющая Пскова давно, еще с XVI в., когда ее устье было охвачено кольцом крепостных стен, фактически превратилась в своеобразную городскую улицу, то широкая и полноводная Великая существенно влияла на повседневную жизнь псковичей. Вплоть до начала XX в. в Пскове не было ни одного постоянного моста через Великую, хотя первые высочайшие распоряжения о его строительстве относятся к сер. 1840-х гг. Поэтому река, несколько столетий служившая для горожан надежным защитным рубежом от вражеского нападения (а именно с запада вплоть до Ливонской войны подходили к Пскову все армии захватчиков), с начала XIX в. становилась все более серьезным препятствием для развития города. Попасть с левого берега в центр города можно было только по льду зимой, а летом — по наплавному мосту, который с незапамятных времен ежегодно наводили после окончания «полноводья». В период ледостава и ледохода Завеличье оказывалось практически отрезанным от остального города, и сообщение осуществлялось лодочниками-перевозчиками. Неудивительно, что преимущественную часть домовладельцев Завеличья составляли пригородные помещики, вдовы и отставные военные — то есть те категории людей, которым не требовалось ежедневно в обязательном порядке и к установленному сроку быть «в городе». Впрочем, пользуясь

значительной дешевизной аренды, здесь нередко снимали жилье мелкие чиновники, которые, впрочем, по мере роста карьеры и оклада перебирались на жительство в центр Пскова.

«И все-таки в центр, в тесную клетку старых крепостных стен?» — спросите Вы недоуменно. Но, как это ни покажется странным, псковичам старые стены не мешали — они привыкли к ним, сроднились с ними. Эти стены стали неотъемлемой и абсолютно естественной частью городского пейзажа для многих поколений псковичей, осыпавшиеся заброшенные руины были одним из любимых мест детских игр. Вспомните тот эпизод из советского кинофильма «Два капитана», где мальчик Саня Григорьев встречается с Катей Тарариной на развалинах старой крепости в Н-ске! Этот эпизод снят в псковском кремле, и не случайно: детские и юношеские годы Вени Зильбера (будущего писателя Вениамина Каверина) прошли в Пскове, ставшем прообразом города Н-ска в его знаменитом романе. Вглядитесь в эту сцену повнимательней, когда будете в следующий раз смотреть этот добрый старый фильм, и Вы увидите Псков таким, каким он был сто и даже двести лет назад: он меняется так же мало и медленно, как и наши храмы.

Но некоторым приедем не нравились наши крепостные стены и башни, тем более, что ветшающая известняковая кладка, и в новом состоянии не отличающаяся выдающейся прочностью, угрожала падением отдельных глыб и даже крупных фрагментов. Особо примечательна в этом отношении позиция Бориса Антоновича Адеркаса, назначенного в 1816 г. псковским губернатором. Остзейский немец, переведенный в захудалый русский городок из Петербурга, был, судя по всему, шокирован обликом Пскова. Уже вскоре после своего назначения, едва оправившись от путешествия из столицы в Псков, он составил доклад на имя министра внутренних дел, хранящийся в РГИА под многозначительным заголовком «О безобразных по городам строениях»¹. На нескольких листах свежее испеченный генерал-майор и губернатор красочно описал грязь и беспорядок, встреченные им в Пскове и в Порхове, через который он проезжал к новому месту своей службы. Попутно досталось и псковским крепостным стенам, о которых Адеркас написал следующее: «В городе

Пскове имеющаяся кругом города древняя каменная стена местами вверху угрожает падением, позволите ли ваше высокопревосходительство, по личному моему осмотру опасные угрожающие падением сверху места сей стены сносить»². Эти строки, судя по всему, относятся к стене Окольного города, окружающей Псков по периметру. А вот что генерал писал о стене Среднего города: «В городе Пскове есть внутри города старая каменная стена разделяющая город, я полагаю весьма полезным стену сию снести, употребить камни и мусор на планирование улиц что тем более нужно; ибо поистине едва ли есть другой город где бы грязь и топь была как в Пскове, весною едва проехать можно, а осенью вовсе нельзя»³.

К счастью, несмотря на то, что «Государь Император изъявил Высочайшее соизволение на сломку в городах Пскове и Порхове некоторых древних стен и башен»⁴, псковские стены тогда устояли. Но случилось это исключительно по причине все той же бедности псковского бюджета: не было денег на поддержание старых стен в безопасном состоянии, но не было и денег на их разборку...

В следующий раз псковские стены хотел снести спустя четверть века еще один псковский губернатор — и снова приезжий, и снова иностранец, и снова свежеспеченный генерал-майор. Федор Федорович Бартоломей, происходивший из итало-немецкого рода, в 1841 г. направил в столицу доклад, в котором писал следующее: «В городе Пскове находится древняя, окружающая весь город на протяжении 7ми верст, каменная крепостная стена с башнями и бастионами, которая была возобновлена во время Шведской войны, но с тех пор, за упразднением крепости, оставаясь без поддержки, пришла ныне в ветхость, так что некоторая из башен угрожают разрушением, могущим причинить вред стоящим вблизи обывательским домам и подвергнуть опасности жизнь людей... Для сохранения означенной стены с башнями в первоначальном виде, потребуется огромный капитал, на покрытие коего местных источников нет; но во всяком случае признаю необходимым подвергнуть сломке те части крепостной стены и башен, кои при совершенной ветхости представляют опасность для окрестных жилых строений и находятся у расположения улиц»⁵.

И хотя ходатайство Бартоломея снова было поддержано государем, псковские стены были опять сохранены для нас из-за отсутствия денег на их снос. Министерство финансов признало, что в текущем 1841 г. не удастся выделить даже те 15 834 р. 35 к., которые были заложены в бюджет на частичный снос псковских стен по высочайшему соизволению.

К тому же царствование Николая I весьма существенно отличалось от предыдущего правления его брата Александра I более внимательным отношением к сохранению предметов старины. То, на что с легкостью было получено высочайшее соизволение в 1816 г., уже не так же бесспорно воспринималось в 1841 г. Рассматривая ходатайство Бартоломея, комитет министров, «имея в виду Высочайшее... соизволение на поддержание вообще древних памятников, находит, что и в настоящем случае желательнее бы было изыскать средства для сохранения в первоначальном виде крепостной стены города Пскова, служащей воспоминанием важных событий».

Справедливости ради следует упомянуть, что губернатор Бартоломей отнюдь не был солдафоном и гонителем русской старины: за публикации в «Псковских губернских ведомостях» статей по псковской истории, которой интересовался Федор Федорович, Королевское Копенгагенское ученое общество северных антикварий избрало его членом своего русского отделения.

Что касается крепостных стен, то последняя атака на них была предпринята в самом конце XIX в. 22 мая 1898 г. псковская городская дума — вполне демократический орган власти — приняла постановление, в котором следующими словами была обоснована необходимость сломки хотя бы части крепостных стен: «Стены двух местностей в центре города от Петровских ворот до Михайловской башни и на Запсковье от Гремячих ворот до Кисловской башни, от времени почти разрушены и посему представляют неблаговидный вид, и как неимеющие особого исторического значения, по снесении их, послужили бы в настоящее время собственно к благоустройству города, именно на первой местности возможно образовать площадь, в которой город встречает крайнюю необходимость»⁶. Что тогда спасло нашу крепость от, казалось, неминуемого поэтапного разрушения?

В конце позапрошлого века деньги у города уже были, потому что вновь набрали силу псковские купцы и промышленники, которые, впрочем, эксплуатировали почти исключительно сырьевые запасы псковской губернии: лен и лес. Но в то же время набрало вес и влияние Псковское археологическое общество. Именно его активная позиция против сноса даже небольшой части крепостных стен оказалась решающей.

Почему в данном обзоре столь значительное место уделено истории борьбы за снос или сохранение псковских крепостных стен? Именно потому, чтобы стала понятна та череда случайностей и закономерностей, благодаря которым обычное, в общем-то, для облика русских городов единение храмов и водной глади превратилось в почти уникальное сочетание, дополнившись почти целиком сохранившейся средневековой крепостью, да еще и немалого масштаба. Тот факт, что по суммарной длине всех своих стен псковская крепость была крупнейшей в Европе, по-настоящему осознаешь только тогда, когда пытаешься от ее южного края — от Покровской башни — разглядеть ее северную оконечность — Варламовскую башню.

Любуясь видом Пскова со стороны реки Великой, мы видим парадный фасад города. Это хорошо понимали те, кто восстанавливал Псков после войны, кто в конце 1960-х и в 1970-е гг. реставрировал стены и башни псковской крепости. Подавляющее большинство сил и средств были потрачены на восстановление псковского кремля (или крома, как его издревле называют коренные псковичи) и той части стен и башен, которые обращены в сторону Великой. Кроме этого, частично реставрировали, частично законсервировали отрезки крепостных стен и некоторые башни, примыкающие к основным городским улицам и к наиболее популярным обзорно-видовым площадкам.

А стены, обращенные в сторону реки Псковы или просто бегущие вдоль городских улиц, так и остались в полуразрушенном состоянии. Долина этой малой псковской реки гораздо точнее и сердечнее передает нам истинный облик древнего города, очень мало и медленно меняющийся. В этом нетрудно убедиться, сравнивая современные панорамы и те, что запечатлены на почтовых открытках начала XX в., любовно собираемых известнейшим псковским краеведом и коллекционе-

ром Натаном Феликсовичем Левиным. Здесь, на берегах Псковы, особенно хорошо видишь и чувствуешь, как целомудренно естественны псковские храмы, как точно соответствуют их лаконичные формы и незамысловатый декор природно-архитектурному окружению. Многие из них вообще прячутся среди окружающих домов по самые свои плечи, и лишь белые главы их в луковидных шапках-куполах призывно манят тебя издали. Единственное исключение — громада Троицкого собора, которая видна почти во весь свой семидесятиметровый рост не только из самых дальних уголков Пскова, но и за многие версты от города.

Да и с речного простора Великой наши храмы тоже видны тут и там, но далеко не всегда их окружение составляет им достойную оправу. В этом смысле отчасти спасает невзыскательность псковской архитектуры, о которой было упомянуто в самом начале данного повествования. Пожалуй, можно признать: лапидарные четырех-пятиэтажные кирпичные здания, построенные по непритязательным типовым проектам в третьей четверти XX в., еще не так сильно диссонируют с жемчужинками псковских церквей, как стекло, блеск и вычурные формы современной архитектуры. Откровенно говоря, спасительными для псковских памятников стали буквальная периферийность и глубокая провинциальность нашего города, который и в советские годы так и не стал крупным промышленным центром, а в постсоветскую эпоху вообще практически лишился всех своих заводов и фабрик. Вплоть до последней четверти XX в. самым крупным градостроительным вторжением в псковский пейзаж было здание ТЭЦ, построенное в 1928 г. Внесенный им диссонанс был настолько очевиден профессионалам, что генеральный план Пскова, разработанный в 1945 г., относил здание ТЭЦ к числу неприятных, восстановление которых было признано нежелательным. Однако экономические реалии послевоенного Пскова и обком КПСС заставили отказаться от сноса этого ключевого объекта, и он до сих пор «украшает» набережную. Тот факт, что это здание уже более двадцати лет не функционирует, и недавно разработан проект его приспособления под элитный жилой дом, мало радует: ведь его громоздкие габариты и конструктивистские формы останутся неизменными.

Но времена меняются. То, что было очевидным для ленинградских архитекторов — авторов генплана 1945 г., отнюдь не является таковым для современных застройщиков Пскова. Возможно, это происходит потому, что из более, чем шестидесяти членов псковского отделения Союза архитекторов, только один является коренным псковичом, а из всех остальных приезжих архитекторов только моя любимая жена по-настоящему трепетно относится к памятникам псковской старины... Фактом остается то, что желание моих коллег воплотить свои архитектурные амбиции пока что приводит

только к очередным градостроительным ляпам, ляпсусам и ляпищам...

Все это заставляет с большой опаской и остороженностью относиться к любым новым попыткам градостроительного вторжения в хрупкую историко-архитектурную среду Пскова. Надо не семь, а семьдесят раз отмерить и понять, что новая архитектура (несомненно, необходимая для развития любого живого города) должна стать достойным обрамлением для псковских церквей, крепостных стен и башен, вот уже несколько столетий отражающихся в тихой речной воде.

¹ РГИА. — Ф. 1286. — Оп. 2. — Д. 156.

² Там же. — Л. 2об.

³ Там же. — Л. 3.

⁴ Там же. — Л. 13.

⁵ РГИА. — Ф. 1263. — Оп. 1. — Д. 1420 (1468). — Л. 282-284.

⁶ Вестник Псковского губернского земства. — 1898. — № 7. — С. 62.

КЛАССИЦИЗМ – ФАСАД СТАРОЙ КАЛУГИ

Калугу принято считать городом русского классицизма. В значительной мере это справедливо, если иметь в виду преобладавшие в ее центральной части до недавнего времени сооружения, теперь заметно поредевшие, уступив место безликим многоэтажным домам — порождению новейшей цивилизации. И все же, к счастью, город пока не утратил окончательно своего архитектурного облика, сложившегося в течение конца XVIII и первых десятилетиях XIX вв. Именно он в основном привлекает внимание.

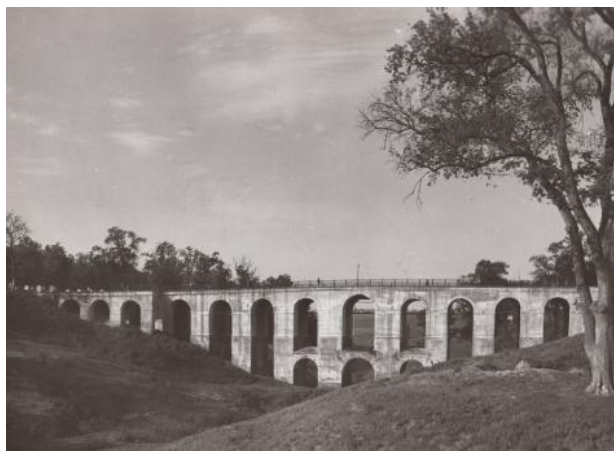
Зодчество Калуги указанного времени освещали в литературе такие авторы, как Г. К. Лукомский, Ю. и Э. Шамурины, С. В. Бессонов, М. В. Фехнер, Г. М. Морозова¹. В их работах можно найти немало тонких наблюдений и массу полезных исторических сведений, относящихся к строителям и домовладельцам. Это преимущественно богатое купечество.

Городскому строительству способствовало, прежде всего, учреждение указом от 24 августа 1776 г. Калужского наместничества, торжественно открытого в январе следующего года. Осенью 1777 г. калужский наместник М. Н. Кречетников (1776-1793) уже направил разработанный в Калуге под руководством архитектора П. Р. Никитина проект плана города в Петербург. Роль этого зодчего в истории реконструкции Калуги как губернского города является исключительной².

Неизмеримы и заслуги М. Н. Кречетникова, без активного участия которого многие проекты оказались бы неосуществленными, причем и в иных городах Российской империи: он имел свой стиль работы с профессиональными архитекторами, позволявший видеть впечатляющие результаты³. Составленный в 1785-1786 гг. и утвержденный М. Н. Кречетниковым план губернского города Калуги дошел в копии 1805 г., разработанный уже И. Д. Ясныгиным, вступившим в должность калужского губернского архитектора 1 января 1785 г. Он определил окончательно сложившееся трехгранное полукольцо широких улиц, четко отделяющее город от предместья. Это характеризует дальнейшую планировку и застройку.

К посещению Калуги Екатериной II в 1775 г. у въезда в город со стороны Москвы возвели каменную триумфальную арку с кордегардиями и обелисками, с классической трактовкой арки ворот, фланкированной парными тосканскими колоннами, с аттиковым этажом, обработанным филеиками и парными пилястрами с декоративными контрфорсами у основания. От этого сооружения уцелел лишь обелиск, отмечающий место московской заставы. Арка исчезла в советский период.

В 1777 г., вскоре после открытия наместничества, П. Р. Никитин приступил к проектированию, а затем к строительству каменного моста через Березуйский овраг, законченному в 1780 г.

Ил. 1. Калуга. Каменный мост через Березуйский овраг. 1777-1780. Архитектор П. Р. Никитин

Ил. 2. Калуга. Каменный мост. Фрагмент ограждения. 1840-е.

(Ил. 1). Мост, созданный на пересечении архитектурных традиций, подобен древнеримским акведукам. Это казенное строительство с утилитарной точки зрения не было рациональным: проще оказывалось засыпать часть оврага, как это позже сделали в других частях Калуги. Но М. Н. Кречетников первоначально планировал построить еще два моста через тот же овраг и еще

один перекинуть через Городецкий ров к востоку от прежней крепости, на месте которой тогда же было задумано построить Присутственные места. Расчет был на панорамное восприятие центра Калуги с противоположного берега Оки. Все это становится более понятным лишь в контексте крепостного и дворцового строительства того времени, и акведукоподобный мост в духе и стиле античности явно ассоциировался с кремлевскими подклетами, поддерживавшими террасу, с которой открывался панорамный вид на Замоскворечье. Сближается сооружение и с Палладиевым мостом в Царском Селе. Существуют и различные европейские аналогии того же времени⁴. Лаконичная простота Каменного моста создает контраст с живописными склонами глубокого оврага. Мост является прекрасной видовой площадкой, позволяющей обозреть окрестности. На концах моста стояли низкие сооружения лавок, разобранные

Ил. 4. Калуга. Боковое крыло центрального корпуса Присутственных мест. 1783

Ил. 3. Калуга. Восточный (семинарский) корпус Присутственных мест. 1787 (портик – 1823. Архитектор Н. Ф. Соколов)

ном доме генерал-губернатора, о его летней резиденции. Как известно, планомерная застройка города по «регулярному» плану началась с возведения в 1780 г. ансамбля Присутственных мест, на территории прежней крепости. Центральный корпус вместе с первоначально не предусмотренными проектом боковыми крыльями был закончен в 1783 г. Через два года оказался готов западный корпус, а в 1787 г. завершено строительство и третьего, восточного корпуса, до 1796 г. остававшегося неотделанным и впоследствии переданного Духовной семинарии (Ил. 3). Проект ансамбля, по-видимому, был составлен еще в 1777 г., судя по тому, что его П-образный план с проездными арками своеобразной формы между средним и боковыми корпусами (Ил. 4, 5) есть на уже упомянутом проекте плана города. Автором проекта Присутственных мест, следовательно, был П. Р. Никитин (1720-1784), ранее руководив-

Ил. 5. Калуга. Арки присутственных мест. 1780-1787

в 1840-х гг., когда вместо них появилась ныне существующая решетка с кронштейнами в виде волют (Ил. 2).

В наши задачи не входит освещение строительства, предпринятого в те годы генерал-губернатором в Калуге. Поэтому не говорим о театре («Оперном доме»), о деревян-

ший застройкой Твери. По общей композиции и по характеру обработки фасадов, с членением плоскости стен ризалитами, и по рисунку плоских наличников окон калужский ансамбль близок тверским сооружениям. Попутно надо заметить, что портик в центре семинарского корпуса пристроен по проекту архитектора Н. Ф. Соколова в 1823 г. Присутственные места стали основой формирования целостного образа Калуги вместе с созданным несколько позже и дополнившим их городским садом над обрывом к Оке⁵. Сама схема генерального плана Присутственных мест напоминает резиденции европейских монархов, и это сближение вряд ли случайное.

После смерти П. Р. Никитина наблюдение за строительством Присутственных мест было возложено на И. Д. Ясныгина, который сумел внести существенный вклад в застройку Калуги. Именно им был составлен проект городского Троицкого собора, который должен был стоять в центре площади, ограниченный корпусами Присутственных мест. Судя по сохранившемуся проекту, он мог оказаться величественным и изящным по своим пластическим формам. Закладка сооружения состоялась в 1786 г., но работы велись слишком медленно, и только в 1819 г. зодчий дождался освящения храма, построенного в стиле

Ил. 6. Калуга. Гостиный двор. 1784-1796. Южные корпуса

лучшие традиции⁶. Об этом, в частности, свидетельствовал построенный в 1816 г. по его проекту большой деревянный дом на каменном цокольном этаже, имевший трехчастную композицию с шестиколонным портиком, для вице-губернатора Ф. П. Загряжского.

Особое место в городской застройке занимает начатый сооружением в 1780-х гг. и образовавший целый квартал Гостиный двор, в котором при общей классической композиции использованы архитектурные формы и мотивы русского зодчества допетровского времени, придающие ансамблю довольно оригинальный вид (Ил. 6). Высказано предположение, что проект составлен одним из московских зодчих между 1777-1782 гг. Строительство затянулось до 1796 г. Существенные изменения в общую композицию были введены И. Д. Ясныгиным, который включил эффектные аркады открытых галерей вдоль западного фасада, а также архитектурную обработку северных и юж-

Ил. 7. Калуга. Городская усадьба П. М. Золотарева. Главный дом. 1805-1808

Ил. 8. Калуга. Городская усадьба П. М. Золотарева. Фасад главного дома

русского классицизма, хотя и с заметными отступлениями от проекта. В молодости И. Д. Ясныгин, обладавший ярким талантом градостроителя, работал под руководством архитекторов В. И. Баженова и М. Ф. Казакова в экспедиции строения Кремлевского дворца. Оказавшись в Калуге, он достойно продолжил

Ил. 9. Калуга. Городская усадьба П. М. Золотарева. Северный фасад каретного сарая

Ил. 10. Калуга. Городская усадьба П. М. Золотарева. Двор за домом с жилым флигелем и двойной колоннадой

ных ворот с кувшинообразными полуколоннами и декором своеобразного рисунка⁷.

На рубеже XVIII-XIX вв. в Калуге активно осуществляется строительство городских усадеб. Это уже отметил вышедший здесь в 1804 г. журнал «Уrania»: «Ощутительно калужане с 1777 г. переменили как образ своих мыслей, так и в поступках и обхождениях приметно восприняли совсем новое преобразование: самая одежда, экипажи, пища и пиры появились в новом вкусе». Отсюда потребность в появлении больших роскошно отделанных домов, чему особенно способствовали богатые купцы. Правда, большей частью они строили не по индивидуальным, а по «образцовым» проектам.

Установлено, что П. Р. Никитин также раз-

работал проекты «к построению казенных и обывательских домов» для Калуги на основе «примерных фасадов обывательских домов» 1770-х гг., а И. Д. Ясныгин применил их в застройке города. В большинстве случаев строили двухэтажные дома, но и одноэтажные не были редкостью. Некоторые из них уцелели до настоящего времени. Единственный их декор — прямоугольные филленки разных пропорций, иногда размещенные только под окнами нижнего этажа. Эта своего рода рядовая застройка, тем не менее, в значительной мере определяет общий характер Калуги в ее основной части.

Теперь надо сказать о тех усадьбах, которые принято считать наиболее замечательными в городе. Это, прежде всего, усадьба П. М. Золо-

Ил. 11. Калуга Городская усадьба Билибиных. 1809-1810

Ил. 12. Калуга. Павильон в ограде усадьбы И. Х. Билибина. Конец XVIII в.

Ил. 13. Калуга. Городская усадьба Яновских. Конец XVIII в.

тарева, известного своим богатством и крупными торговыми операциями в столичных городах и за границей. Он явно заказал проект видному зодчему, который был детально ознакомлен с местоположением будущей городской усадьбы: иначе вряд ли смог столь продуманно организовать застройку ограниченного по ширине участка и поставить на крутом спуске улицы две совершенно одинаковые на первый взгляд разные по высоте арки ворот (Ил. 7). Еще сложнее было раскрыть ансамбль к Оке. Главный дом по своей сдержанной композиции и декоративной обработке представляет выдающееся архитектурное сооружение конца XVIII в. (Ил. 8). Усадьба построена в течение 1805-1808 гг. Она включает в свой состав двухэтажный купеческий особняк с антресолями, с незначительно выступающим ризалитом, пере-

Ил. 14. Калуга. Пестриковская богадельня. Конец XVIII в. Главный фасад

крытым фронтоном, подчеркивающим среднюю часть главного фасада, украшенного горельефами с античными сюжетами. В овальных нишах ворот помещены фигуры Славы. Лепными барельефами в таких же овальных нишах украшен торец каретного сарая с парными колоннами, видимый через металлическое кружево ворот со стороны улицы (Ил. 9). Прекрасно организовано архитектурное пространство двора за домом, ограниченное жилым флигелем и каретным сараем, отделенное от сада двойной колоннадой (Ил. 10). Не меньшей достопримечательностью дома служит интерьер парадных комнат, украшенный со всей мыслимой роскошью московской мастерской С. П. Кампиони. И здесь особо примечательны горельефы⁸.

Более скромной по своему общему характеру является другая городская усадьба, известная

Ил. 15. Калуга. Пестриковская богадельня. Боковое крыло главного фасада

Ил. 16. Калуга. Пестриковская богадельня. Вид со стороны двора

как дом Чистоклетовых, построенная в 1809-1810 гг. по заказу купца Билибина (Ил. 11). Главный дом здесь отнесен вглубь парадного двора, на улицу выходят симметрично расположенные одноэтажные флигеля, соединенные оградой на высоком каменном цоколе, с въездом между пилонами ворот. Главный фасад дома хороших пропор-

Ил. 17. Калуга. Городская усадьба Ф. Торубаева. 1800-е.

ций, с оригинальной постановкой трехчетвертных колон тосканского ордера на плиту, опирающуюся на кронштейны. Скульптурный фриз портика с тремя барельефами над средними окнами второго этажа, выполненными по модели большого мастера, отличается изысканностью, как и оформление интерьера, явно уступающее по роскоши золотаревскому дому⁹.

Билибины построили в Калуге несколько домов, главным образом в центральной части города. В самый большой из них, занимающий полквартала, с двумя павильонами-ротондами, принадлежащий купцу И. Х. Билибину, конца XVIII в., упирается Гостинорядский переулок. Центральная часть фасада обработана пилястрами, имеет оконные ниши в нижнем этаже с львиными ма-

сками непосредственно над оконными проемами. Особо примечательны упомянутые павильоны-ротонды; угловой из них с двухколонными портиками, ориентированными по двум улицам и двору усадьбы (Ил. 12). Сейчас он обращен в часовню.

Еще в XVIII в., в конце 1790-х гг., построена, возможно по проекту И. Д. Яс-

ныгина, городская усадьба, известная как дом Яновских (Ил. 13). Фасады ее главного дома обработаны с применением характерного для того времени приема вертикального членения лопатками. Но при этом в композицию введен четырехколонный портик, опирающийся на аркаду цокольного этажа. Тщательно прорисован лепной декор. По сторонам главного дома одноэтажные флигеля с помещенными на главном фасаде барельефами с амурами и помещенными в ниши многофигурными композициями. Похоже, что по тому же проекту несколько позднее построен дом напротив, очень близкий по общей композиции, по архитектурным мотивам и скульптурным деталям, как и предыдущий, первоначально принадлежавший купцу Прянишникову, продавшему его затем купцу Пестри-

Ил. 18. Калуга. «Дом С. А. Старичкова». 1806-1807

Ил. 19. Калуга. «Дом С. А. Старичкова». Центральная часть фасада

Ил. 20. Калуга. Дом у церкви Покрова на рву. 1800-е.

кову, приспособившему здание под богадельню (Ил. 14-16). Дом, несмотря на перестройки, сохранил основные элементы пластического убранства своих фасадов, в том числе и обращенных в пространство двора.

Здание с поддерживающей портик массивной колоннадой было построено в начале 1800-х гг. для купца Федора Торубаева (Ил. 17). После 1867 г. в нем разместились благотворительные учреждения правления Малютинского банка. Построенный в 1806-1807 гг. двухэтажный дом, фасад которого с портиком, поддерживаемым четырьмя колоннами, относится к числу более скромных (Ил. 18, 19). Для калужан он более памятен как подаренный городскими властями семье героя С. А. Старичкова, унтер-офицера Азовского мушкетерского полка, раненного в сражении под Аустерлицем, спасшего полковое знамя; находясь в плену и чувствуя приближение смерти, он передал знамя рядовому Чуйке с приказом возвратить

Ил. 22. Калуга. Городская усадьба Польмана. Начало XIX в.

Ил. 21. Калуга. Городская усадьба на Воскресенской улице. 1800-е.

знамя в полк. Примерно тогда же возведен дом напротив церкви Покрова на рву, тоже двухэтажный; пластическое убранство его фасадов ограничено карнизами и рельефными геральдическими мотивами (Ил. 20). В настоящее время обозрение фасада затруднено каменной оградой.

В процессе изучения жилого каменного строительства в Калуге конца XVIII в. выявлено три основных варианта обработки фасадов с их разновидностями, что свидетельствует о варьировании «образцовых» проектов¹⁰. Это объясняет причины в целом типологического единства сооружений, принадлежавших жителям среднего достатка, составлявших значительную часть населения губернского города.

Говоря о развитии градостроительных принципов в осуществлении реконструкций Калуги 1780-х гг., разработанной И. Д. Ясныгиным, надо особо отметить продуманный градостроительный подход при возведении дома на Воскресенской

Ил. 23. Калуга. Хозяйственные постройки во дворе напротив Театральной площади. Первая треть XIX в.

улице явно по индивидуальному проекту. Он отличается трехчастной композицией от жилых домов, построенных до появления «образцовых» проектов фасадов 1809 г.¹¹ Благодаря этому, дом одновременно оформляет две улицы и хорошо воспринимается с третьей, ведущей с площади (Ил. 21). К сожалению, недавно проведенная реставрация, выведшая сооружение из аварийного состояния, заметно видоизменила фасад, придав ему черты «антикварности».

Архитектурное «обличье» старой Калуги немислимо без хорошо известных в литературе деревянных домов в стиле классицизма, временами относимых к «калужскому купеческому ампиру». Из уцелевших сооружений, появившихся в начале XIX в., надо отметить дом Польшмана с трехчастным членением главного фасада со скромным четырехколонным портиком в центре, в композиции капителей колонн которого ионические волюты с акантовыми листьями (Ил. 22). От всей застройки усадьбы сохранился лишь дом, воспринимаемый скорее как музейный экспонат. То же можно сказать и о находящемся на противоположной стороне улицы доме Толстых, относимом к 1830-м гг., и о доме Толмачевых, датированном 1814 г., в котором цен-

Ил. 24. Калуга. Ворота городской купеческой усадьбы. Первая треть XIX в.

тральная часть первого этажа и мезонин объединены сильно выступающим портиком. Исключительный интерес представляет комплекс деревянных хозяйственных строений начала XIX в. во дворе каменного дома конца XVIII в.: конюшни, каретный сарай, амбары, дровяник, кладовые (Ил. 23). Это лишь часть расположенного «покоем» строения, включавшего также ворота¹². Показательно, что при строительстве использованы каменные архитектурные прототипы. Можно не сомневаться в том, что частично уцелевший ансамбль в Калуге не был уникальным,

как и затейливо выполненные ворота теперь уже утраченных дворов городских усадеб (Ил. 24). Все это и составляло общий архитектурный фасад старой Калуги.

Первые исследователи калужского зодчества без тени сомнения считали такие сооружения ампирическими. Лаконичность стиля и порой его фольклорное истолкование возможно давали для этого повод. Вместе с тем, все это мало соответствует тем эталонам, которые стремились представить¹³. Поэтому вряд ли стоит перечисленные калужские постройки включать непременно в отмеченную категорию.

¹ Лукомский Г. Несколько памятников архитектуры в Калуге // Старые годы. — 1909. Ноябрь. — С. 612-619; он же. Памятники старинной архитектуры в России // Наша провинция. — Пг., 1915. — Ч. 1; Шамурины Ю. и З. Калуга, Тверь, Тула, Торжок. — М., 1914; Бессонов С. В. Калужский деревянный амбир. — Калуга, 1928; он же. Дом Исторического музея, бывший Кологривовой, в Калуге. — Калуга, 1929; он же. Калужский Гостиный двор. — Калуга, 1929; он же. Калужский купеческий амбир. — Калуга, 1930; Фехнер М. В. Калуга. — М., 1961; она же. Калуга. — М., 1971; она же. Калуга. Боровск. — М., 1972; Морозова Г. М. Калуга. Прогулки по старой Калуге. — Калуга, 1993.

² Сытина Т. М. Работа архитектора Петра Никитина в Калуге // Ежегодник Института истории искусств за 1960 год. — М., 1961. — С. 17-44.

³ Лукьянов Н. А. Кречетниковская Калуга. Город эпохи

Просвещения // Труды регионального конкурса научных проектов в области гуманитарных наук. — Калуга, 2002. — Вып. 3. — С. 207-231.

⁴ Подробнее см.: там же. — С. 213-219.

⁵ Там же. — С. 219-224.

⁶ Фехнер М. В. Калуга. — М., 1971. — С. 80-82.

⁷ Там же. — С. 83-88.

⁸ Там же. — С. 119-136.

⁹ Там же. — С. 136-141; Пионтковская Ю. Е. Билибины. История рода, воспоминания, письма, стихи. — Калуга, 2008. — С. 191-211.

¹⁰ Фехнер М. В. Калуга. — М., 1971. — С. 102-106.

¹¹ Там же. — С. 107-108.

¹² Там же. — С. 150-157.

¹³ См.: Некрасов А. И. Русский амбир. — М., 1935.

АРХИТЕКТУРНЫЙ ПЕЙЗАЖ ИСТОРИЧЕСКИХ ГОРОДОВ НИЖНЕЙ ОКИ (КАСИМОВА, МУРОМА, ПАВЛОВА) В НАЧАЛЕ XX ВЕКА

Понятие «архитектурный пейзаж» впервые ввел замечательный русский и советский ученый Николай Павлович Андиферов (1889-1958), один из основоположников краеведения, культурологии, изучения исторических городов и культурных ландшафтов. Рассматривая город как единое целое, как своего рода историко-культурный организм, Андиферов отмечал, что, кроме физических, объемно-пространственных структур его характеризует особая атмосфера, аура, «душа». Олицетворением этого нематериального, но существующего в наших ощущениях качества города издавна считался античный *genius loci* — гений или дух места. Освоение города предполагает глубокое понимание его духа; последнее же неразрывно связано с изучением историко-архитектурной среды. Без этого, подчеркивал Андиферов, невозможно постичь город во всей его полноте, «познать как должно содержание его души, ибо значительная доля ее заключена в *архитектурном пейзаже* (курсив мой. — А. Л.) города. *Genius loci* не заговорит с нами на понятном языке, если мы не углубимся в постижение его каменного святилища»¹.

Историческому городу свойственно длительное бытие во времени. Выступая свидетелем далекого прошлого, он одновременно является полем жизни и деятельности людей в настоящем и будущем. При всей стабильности своих материальных структур, город постоянно подвергается изменениям. Его сложившиеся контексты преобразуются с исчезновением старых элементов и появлением новых. Однако в развитии каждого города всегда можно выделить несколько поэтапных «временных срезов», когда архитектурный пейзаж характеризуется определенной законченностью. Один из таких «срезов» приходится на начало XX столетия, когда завершился важнейший период последовательного, эволюционного формирования историко-архитектурной среды российских городов. Начало данного периода определила проведенная при Екатерине II губер-

нская реформа 1775 г., а конец — революционные события 1917 г. К этому моменту архитектурный пейзаж большинства исторических городов России имел целостный вид, подробно зафиксированный в многочисленных фотографиях. Не стали исключением и города нижней Оки — Касимов, Муром, Павлово.

Отметим, что при всей несхожести исторического развития данных населенных мест, их общей чертой долгое время было расположение на восточных рубежах русского государства. До 1571 г. через Касимов, Муром и Павлово проходила самая северная из линий Засечной черты XVI-XVII вв. Все три города имели действующие деревоземляные крепости и позиционировались как пограничные вплоть до начала XVII в.² В более позднее время Павлово, Муром и Касимов характеризовало периферийное размещение вблизи границ крупных административных образований — Нижегородской, Владимирской и Рязанской губерний соответственно. Однако в географическом, социально-экономическом и историко-культурном аспектах эти населенные пункты находились на единой территории, развитие которой во многом определялось разносторонним и многоплановым влиянием двух крупнейших центров — Москвы и Нижнего Новгорода.

Цель статьи — сопоставить сложившиеся к началу XX в. архитектурные пейзажи Касимова, Мурома и Павлова, выявить их общие черты и отличительные особенности, определявшие индивидуальность каждого из городов. Необходимо уточнить, что здесь и далее в целях обобщения будет использоваться слово «города», хотя Павлово в рассматриваемый период являлось селом; городской статус оно получило только в 1919 г.

Анализируя архитектурный пейзаж города, следует выделить четыре группы составляющих: 1) природно-географические факторы; 2) социально-экономические факторы; 3) градостроительные факторы; 4) архитектурные факторы.

В группу природно-географических факторов входят: а) формы рельефа; б) водные пространства; в) природное окружение города.

Несмотря на неповторимость природного ландшафта каждой местности, именно на этом уровне обнаруживаются общие черты архитектурного пейзажа изучаемых городов. Все они находятся на краю Приволжской возвышенности, в ее северо-западной части. Каждый из городов расположен на высоком берегу Оки (Касимов и Муром — на левом, Павлово — на правом), что являлось характерным для русского градостроительства. Приречные высоты тянутся вдоль русла Оки, выходя к ней обрывистыми мысами. Территорию отличает развитая овражная сеть. В топографии населенных пунктов издавна существуют названия отдельных «гор» и «круч», разделенных глубокими ветвящимися оврагами. Неотъемлемой принадлежностью всех трех городов являются величественные панорамы окской поймы — излучины и плесы широкой полноводной реки, высокие живописные берега, заречные луга и леса.

К группе социально-экономических факторов относятся: а) административный статус населенного пункта и численность его жителей; б) преобладающий вид занятости населения (земледелие, торговля, кустарные промыслы, промышленность); в) национальный состав населения и обусловленные им формы вероисповедания.

Общим для рассматриваемых городов являлось расположение на берегах крупной судоходной реки Оки, в местах, где ее пересекали большие сухопутные тракты. Это способствовало раннему развитию торговли, промыслов и ремесел. Касимов и Муром являлись центрами торговли хлебом, железом, кожами; оба города имели значительные по товарообороту пристани, которым пристань в Павлове заметно уступала. В каждом из городов проводились ежегодные ярмарки: в Павлове — так называемая Девятая (на девятой неделе после Пасхи); в Муроме — Муромская (24 июня — 3 июля по старому стилю); в Касимове — Казанская (8-10 июля по старому стилю)³. Население всех трех городов в середине XIX — начале XX вв. было сопоставимо по численности и прорастало достаточно равномерно (Табл. 1)⁴.

Предшественником Касимова был русский город Городец Мещерский, основание которого раз-

Таблица 1. Численность населения городов Нижней Оки в середине XIX — начале XX вв.

Название	1859 г., чел.	1897 г., чел.	1913 г., чел.
Касимов	10 092	13 547	17 545
Муром	10 328	13 271	15 719
Павлово	8531	12 425	15 229

ные исследователи относили к IX, XI или XII вв. В 1452-1681 гг. город представлял собой центр Касимовского ханства, подчиненного Москве. Эта особенность обусловила сосуществование русского и татарского населения, а, следовательно, — православия и ислама. В начале XX в. Касимов являлся уездным городом Рязанской губернии. В его промышленном развитии большую роль играло канатопрядильное производство. Традиционной была обработка кож и торговля кожевенными изделиями, сосредоточенная в руках татарских купцов. Получило развитие и судоходство⁵.

Муром в рассматриваемый период был вторым по значимости городом Владимирской губернии. Неоспорима его роль важного духовного центра православия, связанная с древностью города (известен с 862 г.) и зафиксированная в его структуре многочисленными храмами и монастырями. В промышленности традиционные кожевенное и полотняное производства сменились механическими и чугунолитейными заводами, льнопрядильными и бумаготкацкими фабриками пореформенного периода⁶. Муром славился вишневыми и яблоневыми садами, имевшими товарное значение⁷. Стабильному росту города и сохранению за ним роли торгово-промышленного центра способствовало строительство Муромской железной дороги, открытой в 1879 г.⁸ В 1912 г. на южном краю города был построен железнодорожный мост через Оку.

Павлово, основанное гораздо позднее, чем Муром и Касимов, известно с 1566 г. Почти 250 лет (1621-1861) оно являлось вотчиной Черкасских — Шереметевых. При содействии этих крупных землевладельцев Павлово превратилось в развитое торгово-промышленное село, все население которого занималось слесарными промыслами. В начале XX в. Павлово представляло собой ядро крупнейшего в стране кустарного района металлообработки, в который входило около 250-ти селений Горбатовского и Муромского

уездов⁹. По численности населения Павлово превосходило все уездные города Нижегородской губернии, не исключая даже Арзамаса. В аспекте религии достаточно крупной и влиятельной была единоверческая община. В Павлове находился один из немногих на территории губернии единоверческих приходов¹⁰.

Среди градостроительных составляющих архитектурного пейзажа необходимо отметить следующие: а) характер планировочной структуры; б) пространственно-видовой каркас, сформированный архитектурными доминантами и другими высотными ориентирами; в) расположение и композиция главных общественных пространств — площадей и улиц.

Древняя нерегулярная планировка Касимова и Муром в конце XVIII — начале XIX вв. была преобразована в соответствии с принципами градостроительства эпохи классицизма. В обоих случаях основой городского плана стала регулярная ортогональная сетка кварталов, разделенных прямыми улицами. Взаимноперпендикулярные главные улицы связывали приближенный к реке центр города с заставами, от которых начинались основные дороги. При этом план Мурома относился к компактному типу, а план Касимова, вытянутый вдоль Оки, — к линейному. В обоих городах стройность планировки нарушалась на прибрежных территориях, изрезанных оврагами. Спонтанно сложившееся «неправильное» строение прибрежной части и городских окраин, являвшееся своеобразный противовес жесткой структуре центра, было особенно характерно для Мурома¹¹. Специфику Павлова составляло сохранение нерегулярной планировки, обусловленной сложным рельефом приокских высот и долины реки Тарки. Планировочный каркас исторического ядра поселения напоминал сеть, наброшенную на рельеф и принявшую наиболее оптимальные, устойчивые, естественные формы. Лишь район Новых Линий, который застывался по общему плану после большого пожара 1872 г., имел прямоугольную планировочную структуру. Развитие Павлова шло от единого двухчастного центра по четырем радиальным направлениям, разделенным обширными овражными территориями¹².

Исторически сложившаяся система архитектурных доминант и визуальных связей между

ними формировала в каждом из городов собственный пространственно-видовой каркас, выявляющий характер планировки и ее структурные узлы. Вертикали колоколен и церковных глав являлись ориентирами в однородных по высоте (один-два этажа) массивах жилой застройки. Общая традиционная черта приречных городов — размещение основных архитектурных доминант вдоль берега реки, позволявшее формировать эффектные панорамы. Церковные и монастырские комплексы в большинстве своем располагались на верхних отметках рельефа или в полугоре. Однако некоторые самые старинные церкви стояли у подножия холмов, буквально у кромки берега, напоминая о том, что именно эти территории издревле были наиболее освоенными (церковь Козьмы и Дамиана в Муроме, церковь Николая Чудотворца в Павлове). Необходимо отметить, что в силу канонической ориентации по странам света все церкви в Касимове были обращены к реке колокольнями, в Муроме — апсидами, а в Павлове — боковыми северными сторонами. Сравнительный анализ количества высотных ориентиров позволил установить, что наибольшей выразительностью отличался силуэт Мурома (Табл. 2).

Таблица 2. Количество высотных ориентиров в городах Нижней Оки в начале XX в.

Название города	Церкви, колокольни	Ориентиры инженерного и производственного назначения	Акценты второго порядка (часовни, башенки оград монастырей)
Касимов	21	3	7
Муром	29	4	16
Павлово	11	1	9

Следует уточнить, что особенностью церковных зданий Касимова являлась колокольня, далеко отстоящая от основного объема храма и соединенная с ним длинной просторной трапезной. В силу этого с юго-запада и северо-востока колокольня воспринималась как самостоятельная доминанта (что отражено в Табл. 2). Наиболее примечательными по архитектуре были церкви Богоявления и Успения, сочетающие объем храма в формах XVII в. с барочной колокольней, церковь Троицы с окружающей колокольню от-

крытой двухъярусной галереей, церковь пророка Или — хороший образец архитектуры классицизма, а также Вознесенский собор, построенный в формах русско-византийского стиля середины XIX в. Уникальным памятником средневековья являлся минарет соборной ханской мечети XV в.

Своеобразие архитектурного пейзажа Муром во многом определяли церковные и монастырские ансамбли XVI и XVII вв., где органично соединялись черты московского, суздальского и поволжского зодчества. Наиболее примечательными сооружениями 1550-х гг. были городской собор Рождества Богородицы, собор Спасо-Преображенского монастыря, церковь Козьмы и Дамиана. Богато украшенные «узорочьем» храмы Благовещенского, Троицкого и Воскресенского монастырей середины XVII в., восходившие к московским образцам периода правления царя Алексея Михайловича, вписали яркую станицу в историю всей русской архитектуры¹³. Из более поздних сооружений следует отметить Николо-Набережную церковь с выразительной барочной колокольной и Смоленскую церковь в формах, переходных от барокко к классицизму¹⁴.

Среди одиннадцати церковных зданий Павлова наиболее значительными являлись соборная церковь Преображения середины XVII в., построенная на средства князя Я. К. Черкасского, церковь Воскресения конца XVIII в. на месте одноименного монастыря, Троицкий собор и единовременная церковь Богоявления начала XIX в. (последняя — по проекту выдающегося архитектора М. П. Коринфского)¹⁵.

Центральные общественные пространства рассматриваемых городов были представлены главными площадями и улицами. В период классицизма, когда создавались генеральные планы большинства российских городов, ведущая роль отводилась центральной площади, совмещавшей религиозные, торговые и административные функции. В этом ракурсе показательна Соборная площадь в Касимове, распланированная и застроенная талантливым архитектором-самоучкой И. С. Гагиным. Целостный архитектурный облик площади определяли сооружения первой половины XIX в. в стиле позднего классицизма — протяженные корпуса торговых рядов, особняки и усадьбы, общественные и казенные здания.

Доминирующую роль в застройке площади сохранили церкви Благовещенья и Успения, а также перестроенный позднее Вознесенский собор.

Наибольшее многообразие типов площадей демонстрировал Муром. Центр города являл собой сложную систему взаимосвязанных общественных пространств, различных по форме и по композиции. Среди них ограниченная торговыми рядами Гостинодворская площадь, обширная Конная площадь у стен Троицкого и Благовещенского монастырей, Сенная площадь, устроенная на месте засыпанного оврага, и наконец, Соборная площадь, занимавшая западную часть Воеводской горы, где прежде находилась деревянная крепость. Такое разнообразие отражало многовековую градостроительную историю Муром, который обладал значительным наследием дорегулярной эпохи, но, несмотря на это, был подвергнут радикальной перепланировке на рубеже XVIII-XIX вв.

Главная улица города, как правило, сочетала в себе жилые, общественные, деловые и торговые функции, была отмечена одной или несколькими архитектурными доминантами и имела наиболее представительную, преимущественно каменную застройку. Во второй половине XIX — начале XX вв., в период эклектики, главная улица воспринималась как актуальное для современников «лицо» города, существенный элемент архитектурного пейзажа, который стремились запечатлеть на фотографиях и почтовых карточках. В это время застройка главных улиц активно обновлялась, повышалась ее плотность и капитальность, этажность зданий увеличивалась до двух-трех этажей. Данные процессы обусловили тесное соседство построек в формах классицизма, эклектики, модерна. В этом отношении характерны ул. Большая (Соборная) в Касимове и ул. Московская в Муроме; представляя собой главные оси городской планировки с широкими прямыми трассами, эти улицы к началу XX в. получили выразительный архитектурный облик. В Павлове примечательна ул. Большая Никольская — главная торговая улица, широкой дугой огибавшая базарную площадь. Как отмечал С. М. Шумилкин, это один из немногих примеров сельских улиц со сплошной каменной застройкой и полифункциональным насыщением, своеобразный образец провинциального градостроительства рубежа XIX-XX вв.¹⁶

Разнохарактерные по архитектуре здания объединяет общий масштаб, широкие арочные витрины торговых помещений в первых этажах, проездные арки, ведущие во дворы.

Несмотря на то, что все изучаемые города располагались у реки, прибрежные территории не позиционировались как престижные из-за подтопления во время половодий. Полноценная набережная с односторонней купеческой и мещанской застройкой, обращенной к речным просторам, существовала лишь в Касимове. А вот связь этих зон с промышленными, складскими и транспортными функциями издавна была очень тесной. В пореформенный период здесь начали появляться крупные механизированные промышленные здания и комплексы. Их протяженные краснокирпичные объемы в два-три этажа, дополненные высокими дымовыми трубами, стали активными элементами речных панорам. В Муроме в последней трети XIX в. были построены три льнопрядильных и две бумаготкацких фабрики; одной из ведущих являлась бумаготкацкая фабрика «Товарищества Муромской мануфактуры», размещенная на берегу Оки¹⁷. Крупнейшим предприятием Касимова стала «Компания Троицкой машинной канатной фабрики»; ее производственный комплекс также выходил на реку¹⁸.

Наконец, собственно архитектурные характеристики городского пейзажа обусловлены следующими факторами: а) типология застройки (жилые, общественные, промышленные здания); б) морфология (архитектурное формообразование) застройки; в) преобладающая архитектурно-художественная стилистика застройки; г) наиболее выразительные архитектурные произведения (сооружения и комплексы).

Архитектурный облик Касимова определяли сооружения эпохи зрелого и позднего классицизма (ампира). Мягкая провинциальная версия этого большого универсального стиля характеризовалась камерностью и живописностью. Излюбленным элементом в композиции здания была повышенная угловая ротонда, оформленная колоннами или пилястрами и завершенная пологим куполом. Лучшие произведения касимовского ампира — усадьба Д. С. Баркова, здание женской гимназии, три корпуса торговых рядов — связывают с именем И. С. Гагина. Примечательны и расположенные

в центре города крупные усадебные комплексы, сопоставимые с загородными «дворянскими гнездами»: это усадьба И. О. Алянчикова, усадьба Н. М. Скорнякова, усадьба П. Г. Шемякина — Ф. Кастрова¹⁹. Еще один своеобразный слой архитектуры Касимова обусловлен присутствием татарской культуры, наследием которой являлись замечательные памятники средневековья: соборная ханская мечеть, текие (гробница) Шах-Али-хана, текие Авган-Мухаммед-султана. Национальный колорит прослеживался в облике многочисленных татарских усадеб с торговыми лавками: их краснокирпичные фасады украшал геометрический орнамент, изображения звезд и полумесяцев. Столбы каменных ворот завершали объемные элементы в форме шаров или эллипсоидов. Восточные мотивы просматривались даже в декоре православного Вознесенского собора²⁰.

В Муроме великопение церковного зодчества до некоторой степени «затмевало» гражданскую архитектуру (причины этого явления раскрыты в монографии Ю. М. Смирнова)²¹. Активное строительство после пожаров 1792 г. и 1805 г. обусловило появление первых каменных казенных и общественных зданий в стиле классицизма: присутственных мест, городской управы, торговых рядов. Распространение получили представительные каменные особняки в формах ампира; самыми видными из них были дом купца Г. А. Шведова — купца М. А. Каратыгина и главный дом усадьбы купца К. Д. Зворыкина. В дальнейшем в архитектуре города развивались академические направления эклектики, восходящие к европейской культурной традиции и сохранявшие преемственность с поздним классицизмом²². Внимание привлекают дом купца Ф. Н. Чепарева — купца Д. Л. Голубева с чертами ампира, дом купца Ф. И. Смольянинова — здание уездной земской управы с декором в духе необарокко, водонапорная башня городского водопровода в упрощенных формах неоренессанса²³. В пореформенный период в Муроме были построены крупные краснокирпичные здания и комплексы общественного назначения — реальное училище, женская гимназия, городское училище, казенный винный склад. Однако в архитектуре жилых домов «кирпичный стиль» и модерн были представлены лишь единичными постройками.

Определяющими для архитектурного облика Павлова стали сооружения 1880-х — 1910-х гг., отмеченных небывалым строительным подъемом. Широкое распространение получили различные направления эклектики, и, прежде всего, — «кирпичный стиль». Характерные черты архитектуры этого периода сфокусировала в себе усадьба В. И. Гомулина, знаковый для Павлова объект незаурядного художественного уровня. К таким чертам следует отнести: крупный масштаб и активный силуэт зданий, который формировали башенки, эркеры, аттики, парапеты, декоративные гребни на коньках крыш; эффектное сочетание краснокирпичных стен и резных белокаменных деталей; введение белокаменных плит в венчающие карнизы; фиксирование на фасадах даты постройки дома и инициалов владельца. В начале XX в. отмечается увлечение формами модерна, наиболее последовательно воплощенного в архитектуре дома А. М. Тербина. Примечателен и яркий по образному решению дом П. В. Щеткина с выразительным «висячим» эркером. Своеобразным

обликом отличались деревянные и каменно-деревянные дома с чертами русского стиля и модерна. Крупные производственные здания и комплексы, появившиеся на рубеже XIX-XX вв., выдержаны в рациональном «кирпичном стиле»²⁴.

В результате совокупного воздействия всех перечисленных факторов архитектурный пейзаж города приобретает свою индивидуальность и неповторимость. Человек постигает его через характерные видовые точки — архитектурные картины (виды с возвышенностей, с подъездных дорог) или линии сплошного панорамного восприятия, позволяющие обозревать речные панорамы, виды на город и из него. Таким образом, архитектурный пейзаж выступает в качестве важнейшей визуальной характеристики исторически сложившейся архитектурной среды города. Ниже приведены обобщенные результаты аналитического обзора архитектурного пейзажа Касимова, Муром и Павлова (Табл. 3).

В заключение отметим, что архитектурный пейзаж уездных городов, к которым принадлежа-

Таблица 3. Отличительные особенности и общие черты архитектурного пейзажа городов Нижней Оки в начале XX в.

Город	Отличительные особенности архитектурного пейзажа	Общие черты архитектурного пейзажа
Касимов	<ol style="list-style-type: none"> 1) Осуществление жесткой прямоугольной планировки вопреки расчлененному рельефу. 2) Целостное ансамблевое решение Соборной площади, наличие полноценной набережной. 3) Своеобразный вариант провинциального ампира, связанный с именем архитектора И. С. Гагина. 4) Специфика, обусловленная присутствием национальной татарской архитектуры. 	<ol style="list-style-type: none"> 1) Сложный рельеф высокого берега Оки: глубокие овраги, разделяющие край верхней пойменной террасы на отдельные «горы»; значительный перепад высотных отметок, обусловивший существование в городах «верхней» и «нижней» частей; густая зелень на откосах. 2) Размещение архитектурных доминант вдоль берега реки, преимущественно на верхних отметках. 3) Размещение центральных общественных пространств (площадей и улиц) вблизи реки. 4) Размещение фабрично-заводских и товарно-складских территорий на берегу реки.
Муром	<ol style="list-style-type: none"> 1) Сочетание жесткой прямоугольной планировки конца XVIII в. со значительным архитектурно-градостроительным наследием дорегулярной эпохи. 2) Система «перетекающих» общественных пространств в центральной части города. 3) Уникальные церковные и монастырские ансамбли середины XVI в. и середины XVII в. 4) Железная дорога, элементы ее инфраструктуры (железнодорожный мост, здания вокзалов). 5) Обширные вишневые и яблоневые сады. 	
Павлово	<ol style="list-style-type: none"> 1) Сохранение нерегулярной планировочной структуры, обусловленной формами рельефа. 2) Стилиевое разнообразие в общем русле эклектики 1880-1910-х гг. «Кирпичный стиль». 3) Выразительные силуэтные характеристики жилой застройки (башенки, эркеры, аттики). 4) Эффектные каменно-деревянные жилые дома начала XX в. с чертами русского стиля и модерна. 	

ли Касимов и Муром, нес в себе следы общих для всего государства правил и норм, единых принципов периода классицизма — регулярности, единообразия, ансамблевости. Здесь в большей степени прослеживалось влияние дворянской культуры и деятельности профессиональных архитекторов. Архитектурный пейзаж крупных торгово-промышленных сел, к которым относилось Павлово, был результатом коллективного творчества народа, его наиболее энергичных представителей — купцов и промышленников. Облик таких поселений определяло стилевое и морфологическое разнообразие застройки, ее контрастность, широкое распространение различных разновидностей эклектики.

Проведенный сравнительный анализ подтверждает, что в начале XX в. архитектурный пейзаж каждого из трех исторических городов

Нижней Оки отличался цельностью и гармоничностью, что было обусловлено длительным эволюционным развитием предыдущих столетий. Рассуждая о городе как явлении культуры, Н. П. Андиферов подчеркивал характерную особенность мироощущения современников накануне мировой войны и революции: «Перед европейской войной, погубившей старую Россию, русское общество переживало расцвет любви к своему прошлому. После посещения маленьких городов Италии и Германии русские люди стали замечать те культурные богатства, которые наполняли русскую провинцию»²⁵. Увы, совсем скоро большая часть этих богатств сгинет в революционных вихрях и останется только на фотографиях; в жизни России и ее городов начнется абсолютно новая эпоха.

¹ Андиферов Н. П. Душа Петербурга. — Петербург, 1922 // [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://www.wmos.ru/book/detail.php?PAGEN_1=1&ID=4255#nav_start.

² Русское градостроительное искусство: Градостроительство Московского государства XVI-XVII веков. — М., 1994. — С. 61.

³ Семенов П. П. Павлово // Географическо-статистический словарь Российской империи. — СПб., 1868. — Т. 4. — С. 3-4; Добрынкин В. Н. Муром прежде и теперь. — М., 1903. — С. 73-74; Материалы для географии и статистики России, собранные офицерами генерального штаба. Рязанская губерния / Сост. М. Баранович. — СПб., 1860. — С. 526-527.

⁴ Списки населенных мест Российской империи, составленные и издаваемые центральным статистическим комитетом Министерства внутренних дел. XXV Нижегородская губерния: по сведениям 1859 года. — СПб., 1863. — С. 79; Первая Всеобщая перепись населения Российской Империи 1897 года: XXV Нижегородская губерния. Тетр. I. — СПб., 1901. — С. 54-55; Сводные таблицы и ведомости к статистическим отчетам всех уездов Нижегородской губернии, 1914 // ЦАНО. — Ф. 61. — Оп. 216. — Д. 949; Списки населенных мест Российской империи, составленные и издаваемые центральным статистическим комитетом Министерства внутренних дел. VI. Владимирская губерния: по сведениям 1859 года. — СПб., 1863. — С. 2; Первая Всеобщая перепись населения Российской Империи 1897 года: VI Владимирская губерния. Тетр. I. — СПб., 1900. — С. 1; Пехов И. М. Муром в прошлом и настоящем. — Муром, 1913. — С. 33; Списки населенных мест Российской империи, составленные и издаваемые центральным статистическим комитетом Министерства внутренних дел. XXXV Рязанская губерния: по сведениям 1859 года. —

СПб., 1862. — С. 2; Первая Всеобщая перепись населения Российской Империи 1897 года: XXXV Рязанская губерния. Тетр. I. — СПб., 1903. — С. 1; Благодерова И. Касимов: историко-архитектурный путеводитель. — Шацк, 2010. — С. 33.

⁵ Шишкин Н. И. История города Касимова с древнейших времен: печ. по изд. 1891 г. — Рязань, 1999. — С. 158.

⁶ Топографическое описание Владимирской губернии, составленное в 1784 году / Под ред. Г. А. Рязжского. — Владимир, 1906. — С. 56; Россия. Полное географическое описание нашего Отечества / Под ред. В. П. Семенова. — Т. 1. Московская промышленная область и Верхнее Поволжье. — СПб., 1899. — С. 415.

⁷ Купряшина Т. Б. Муром, утопающий в садах. Начало XX века // Сообщения Муромского музея — 2015. — Владимир, 2016. — С. 234-269.

⁸ Добрынкин В. Н. Указ. соч. — С. 81-82.

⁹ Миронов Н. К. Павловский металлообрабатывающий район. — Горький, 1982. — С. 58.

¹⁰ Снежицкий А. Адрес-календарь Нижегородской епархии [в 1888 г.]. — Нижний Новгород, 1888. — С. 910-915.

¹¹ Чернышев В. Я. Особенности планировочной структуры города Муроме конца XVIII — начала XIX вв. // Рождественский сборник. — Ковров, 1998. — Вып. V. — С. 68-73.

¹² Лисицына А. В. Особенности планировки и силуэта торгово-промышленных поселений Нижегородской губернии конца XIX — начала XX вв. (на примере Лыскова и Павлова, Богородского и Большого Мурашкина) // Нижегородский краеведческий сборник. — Нижний Новгород, 2005. — Т. 1. — С. 259 — 275.

¹³ Свод памятников архитектуры и монументального искусства России: Владимирская область. — М., 2004. — Ч. 1 —

С. 52-54, 66-67, 76.

¹⁴ Беспалов Н. А. Муром. Памятники искусства XVI — начала XIX в. — Ярославль, 1971. — С. 69-72, 88-89.

¹⁵ Лисицына А. В. Неизвестное церковное здание архитектора М. П. Коринфского // Приволжский научный журнал. — Нижний Новгород, 2017. — № 1. — С. 83-88.

¹⁶ Шумилкин С. М. Планировка и застройка торгового села Павлово на Оке в XVIII-XIX веках // Архитектурное наследство. — М., 2012. — № 57. — С. 214-225.

¹⁷ Пехов И. М. Указ. соч. — С. 58.

¹⁸ Родин Н. А. Касимов — Городец Мещерский: Историко-краеведческие очерки; Пристань: повесть. — Рязань, 2002. — С. 67-68.

¹⁹ Вагнер Г. К., Чугунов С. В. По Оке от Коломны до Мурома. — М., 1980. — С. 116-121.

²⁰ Вагнер Г. К., Чугунов С. В. Рязанские достопамятности. — М., 1989. — С. 62.

²¹ Смирнов Ю. М. Муром: город на особицу (субъективные заметки о муромском менталитете). — Владимир, 2013.

²² Вагнер Г. К., Чугунов С. В. По Оке от Коломны... — С. 155, 158; Свод памятников архитектуры... — С. 130.

²³ Чернышев В. Я. Московская улица (Социальноэкономическая история XVII — начала XX вв.). — Муром, 2005. — С. 100-115, 151-156.

²⁴ Иллюстрированный каталог объектов культурного наследия (памятников истории и культуры), расположенных на территории Павловского района Нижегородской области / Отв. ред. А. В. Лисицына. — Нижний Новгород, 2015. — С. 48-55.

²⁵ Андиферов Н. П. Указ. соч.

ФОРМИРОВАНИЕ ИСТОРИЧЕСКОГО ЦЕНТРА ГОРОДА КОЛЬЧУГИНА В КОНЦЕ XIX – НАЧАЛЕ XX ВЕКОВ

Таких городов, как наше Кольчугино, в России тысячи. Все они возникают как моногорода последней трети XIX века под влиянием либеральных реформ Александра II и промышленного переворота. Однако Кольчугино имеет свою специфику в образовании сначала поселка (1871), а затем и города (1931). Исследованию факторов, повлиявших на формирование генетического кода города, его особенностям и посвящена эта работа.

Прежде всего, на открытие медеплавильного завода и строительство заводского поселка повлияли природные условия: месторасположение, рельеф местности, наличие водных и лесных ресурсов, полезных ископаемых. Завод был основан на месте соединения трех уездов Владимирской губернии: Александровского, Юрьевского и Покровского в ста двадцати километрах от Москвы. Про такое удачное сочетание близости крупных промышленных и торговых центров в народе говорят: «И в стороне, и в людях». Обилие лесов стало непременным условием для выплавки меди, т. к. лес необходим как топливо в процессе раскисления меди. Роль лесных массивов нашла отражение в гербе города: половина поля герба зеленая, что символизирует обилие лесов. Два глухаря, размещенные на рукоятках орудий труда металлургов, говорят о богатой охоте на этих птиц в окружающих лесах.

Пологие холмы Восточно-Европейской возвышенности не мешали строительству зданий и дорог, однако и они наложили отпечаток на будущий облик города. Он разбит на поселки, каждый из которых располагается на холме или осваивает пригодную равнину между ними (Центральный поселок, поселок Труда, Ленинский поселок, поселок Сахалин и др.).

Обилие рек бассейна реки Клязьма (Пекша, Белая, Шайка) также благоприятно влияло на развитие медного дела.

Полезными ископаемыми кольчугинская земля небогата. Залежи болотных руд, которые стали использовать для выплавки меди еще фа-

тьяновские племена, были исчерпаны. Но малопродуктивные земли заставляли крестьян осваивать кустарные производства (ткачество, кузнечное и литейное дело, обработка кожи). Много было и крестьян-отходников.

Социально-экономическими факторами, сыгравшими значительную роль в закладке генетического кода города, были изобилие рабочих рук и наличие близлежащих деревень (Губаниха, Зайково, Литвиново, Лялино, Ульяниха, Давыдково, Васильевское), из которых обедневшие крестьяне шли на наемную работу на завод. Помещичьи хозяйства беднеют, разоряются, и помещики с охотой продают земли и лес купцам-предпринимателям. «Лета 1873 февраля в 22 день я, вдова коллежского асессора, бывшего майора Екатерина Федоровна дочь Митькова продала московскому 1 гильдии купцу А. Г. Кольчугину из принадлежащей мне недвижимости имение, состоящее во Владимирской губернии Юрьевского уезда в селе Васильевское, с деревни Танково, заложенные в Московской Сохранной Казне; часть земли, не вошедшей в состав надела крестьян означенных селений и освобожденной от залога Сохранной Казне по случаю перевода долга оной на крестьянский надел, а именно: всю землю под господский дом, всю мельничью землю и всю землю в пустошах Малашевой и Латырковой, доставшиеся мне в наследство означенные населенные имения от поручика Валериана и майора Платона Фотиевичей Митьковых по купчей, совершенной во Владимирской гражданской палате 15 декабря 1826 года. Продажу эту я учинила: 1. по всем на этой земле водам и всякого рода угодьям за исключением проданного на сруб юрьевскому купцу Павлу Петровичу Соловьеву... 2. с плотиною на реке Белой и примыкающими к ней землями. 3. Со всеми на сей земле обязательствами, а равно законными исками, какие ныне состоят или впредь открыться могут... Взяла с продажи с него, покупщика, за оную землю со всем показанным денег серебром восемь тысяч пятьсот рублей».

Не последнюю роль сыграло близкое расположение Ярославской железной дороги, проходившей через Александров в сорока километрах от будущего завода. В регионе располагались ярмарки в Киржаче, Юрьеве-Польском, селах Черкутино и Дубки, что гарантировало сбыт продукции. Промышленный переворот в России набирал темпы: стране был нужен медный прокат для топков паровозов, проволока для телефонного и телеграфного кабеля, заготовки для самоваров. Тяжелые и унизительные последствия Крымской войны (1853-56) заставили правительство начать перевооружать армию. Нужна латунь для капсюлей патронов, для оружейных гильз и снарядов.

Важнейшим градообразующим элементом для нашего города стал завод, основателем которого был московский купец первой гильдии Александр Григорьевич Кольчугин. Но завод возник не на пустом месте. В 1865 году близ села Васильевского юрьевский купец А. Соловьев построил плотину, возвел мельницу и открыл небольшую бумажную фабрику по производству политуры бумаги. На бумажной фабрике работало двадцать человек. По берегу реки Пекши у Соловьева было два медных заводика: Волокобино (под Ульянихой) и близ села Давыдовское. На них работало еще шестьдесят человек. На заводах выпускался листовой металл, медная и латунная посуда, церковная утварь, отливали золото, чеканили сусальное золото для покрытия куполов. Продукция этих заводиков была низкого качества и не выдерживала конкуренции.

Соловьев ищет покупателей, и на его предложение откликается А. Г. Кольчугин. Купцы и предприниматели Кольчугины занимались книгоиздательством и книготорговлей. На Никитской улице в Москве у них было целых три книжных лавки. В наследство от жены основатель рода Никита Никифорович Кольчугин получает медресовочный завод в селе Рай-Семеновское Серпуховского уезда Московской губернии. Все дети Кольчугиных получили хорошее домашнее или университетское образование. После смерти отца завод переходит Александру Григорьевичу Кольчугину, и он десять лет проходит выучку на заводе у дяди Алексея Кольчугина. В совершенстве овладев технологией обработки цветных металлов, он становится успешным владельцем завода после отъезда дяди в Сибирь. Он принимает предложение Соловьева, т. к. в Московской губернии запрещается вырубка лесов. Суконная мануфактура Вяземских и пореформенная Москва притягивают рабочие руки. Кольчугин стал испытывать недостаток в кадрах. Кроме того, недалеко от села Васильевского под Киржачом в селах Мележи и Захарово расположены медные самоварные заводики брата Василия. Зимой 1871 года Кольчугин перевозит из Московской губернии часть оборудования, двести рабочих и еще сто человек рабочих передает ему брат. Такого размаха здешние места еще не знали. Сюда приехали подготовленные кадровые рабочие, мастера, управляющим был назначен Николай Иванович Козлов. Кольчугин

Ил. 1. План Кольчугинского медно-латунного завода. 1876

планирует производить здесь капсулы для патронов, но, увидев какой спрос был на цветной металл (листы, прутки, проволока), он решает построить завод в три цеха, используя и расширяя строения бумажной фабрики Соловьева. Из донесения Юрьевского полицейского управления от 24 сентября 1871 года: «Фабрика состоит из следующих строений: главный корпус, в котором заключается паровая и приводы для листопрокатных станков, при нем каменная пристройка для паровых котлов, которые инспектированы губернским владимирским механиком, два здания, в которых помещаются горны для плавки меди, три здания для обжигательных печей и одно здание для осветления латуни — это последнее здание, которое стоит на воде».

Уже в первоначальном плане завода прослеживается будущая специфика города: четкая планировка и вытянутость вдоль реки. Вместе с заводом строятся деревянные бараки для рабочих по сто человек в каждом, контора управляющего, бухгалтерия, баня и фельдшерский пункт. В ответ на предписания Владимирского губернского правления от 9 октября 1871 года Николай Иванович Козлов, руководивший всеми делами строительства пишет: «Имею честь объяснить, что здания будут состоять из деревянной самой простейшей постройки: из одноэтажных сараев и деревянных изб, то к постановке их и не требовалось архитектора, а за не имением в заводе такового лица мы не можем составить требуемые Губернским Правлением плана и фасадов строений»¹.

Уже на первом этапе, когда использовались только имеющиеся производственные площади, Кольчугин понял, что средств ему не хватит. Тем более, что он планировал постепенно вводить дополнительное строительство. Кольчугин вынужден был обратиться за деньгами и металлом к немецкой фирме «Вогау и К°». Торговый дом «Вогау и К°» — одна из крупнейших в России систем акционерных, торговых, промышленных, финансовых предприятий. Он существовал с 1859 по 1917 годы. Основателем дома являлся Максимилиан фон Вогау, открывший вместе с братьями Фридрихом и Карлом в Москве торговую фирму, которая впоследствии включила в себя шесть крупных отделов: химических производств, строительных материалов (цемент), чая, сахара, хлопка,

металлов. Торговый дом владел акциями двадцати крупнейших компаний².

Они потребовали от Кольчугина строительства современного производства и расширения ассортимента и выделили ему огромную сумму на развитие — 100 000 рублей серебром. Кольчугин, уверенный в своих силах, не заметил опасности, таившейся в щедрости иностранной фирмы. Кроме того, много времени он отдавал общественной деятельности в Москве. Он был старшиной Купеческой управы; четыре раза избирался в Московскую городскую думу от купеческого сословия; был гласным Московской городской думы; являлся попечителем нескольких училищ и богаделен, домов призрения; председателем правления высочайше утвержденного общества Верхних торговых рядов на Красной площади. Кольчугин был удостоен звания Почетного гражданина Москвы.

В 1876 году братья Вогау потребовали возвращения кредитов и процентов. Кольчугину пришлось согласиться на продажу акций и образование промышленной фирмы «Товарищество латунного и меднопрокатного заводов Кольчугина». Пришлось уволить Н. И. Козлова и заменить его немецким управляющим. Из-за авторитета А. Г. Кольчугина и его многочисленных связей он еще десять лет остается директором-распорядителем заводов. С приходом к власти Вогау завод и поселок начал технически перевооружаться, расширяться, т. о. влияние немецкого руководства сыграло определенно положительную роль в создании поселка. Выполнив самый тяжелый этап в основании завода и поселка, Кольчугин вынужден продать свои и сестры Анны пай, и в 1886 году Александр Григорьевич уезжает в Москву. Но окончательно с заводом не порывает. На его примере основания и развития завода мы видим, сколь велико влияние личности. Горожане не забудут его вклада в основание города и завода: в 1931 г. в период господствующей социалистической идеологии они называют город именем купца, а в 2006 г. устанавливают на площади перед заводом памятник А. Г. Кольчугину.

Еще более значительна роль личности Владимира Ивановича Штуцера в модернизации завода и создании индустриального поселка нового типа. В. И. Штуцер (1860-1917) работал на заводе сначала в должности главного механика, а затем

двадцать лет с 1887 по 1907 гг. был управляющим Кольчугинскими заводами. Он закончил Высшее императорское техническое училище и работал два года в США на литейном заводе в Филадельфии, пройдя путь от рабочего-литейщика до мастера. Вернувшись в Россию, ищет для себя дело с размахом, где с успехом могли бы реализоваться его технические знания, опыт и политические убеждения буржуазного либерала по созданию передового производства и нового индустриального города.

В 1886 г. фирма *Voagu* заказывает в Германии план расширения и модернизации заводов и строительства рабочего поселка. Осуществлять этот план выпало на долю В. И. Штуцера³.

На новом месте, ближе к реке Пекше, он строит семь новых заводов, оснащая их самым передовым оборудованием, которое закупает в Германии, Англии, США. Там же он перенимает новые технологии и приглашает немецких специалистов для работы на заводе. К началу XX века завод становится лидером цветной промышленности России, получает 60 % государственных заказов.

Вместе с современным производством создается и современная производственная инфраструктура. В 1896 г. близ завода строится железная дорога из Александрова в Юрьев, по которой ходят товарные и пассажирские поезда. В 1904 г. в поселке открывается почта, телеграф и телефон, которыми пользуются и жители поселка. Три динамомшины переводят завод с паровой на электрическую тягу. Улицы и дома в поселке освещаются. Для сравнения можно добавить, что во Владимире освещается только дом губернатора. На заводе создается пожарный обоз, пробурены артезианские скважины, в дома и казармы проведен водопровод. Жилищное строительство идет по трем направлениям: строительство рабочих казарм, строительство блоковых домов на несколько семей и выделение ссуд на индивидуальное строительство.

За десять лет с 1894 года строится семь казарм для рабочих. В двух из них строят комнаты-коморки для семейных рабочих. Казармы строятся в непосредственной близости к заводу и повторяют архитектуру промышленных цехов. Этот архитектурный стиль получил название кирпичный. Он был популярен в последней трети XIX века. Один из его авторов — профессор ар-

хитектуры В. А. Шрётер. При отказе от штукатурки декоративное значение приобретала сама кирпичная кладка: фасады выкладывались из полихромного кирпича, глазурированной керамической плитки, изразцов, терракотовых вставок, нередко использовался природный камень. Такие постройки были относительно недороги и более «неприхотливы» в условиях российского климата, поэтому быстро приобрели популярность в провинции⁴. Для удобства рабочих вблизи казарм открывается харчевая лавка (продуктовая), лабаз (товары первой необходимости), баня, столовая на пятьсот мест. Продукты поставляли из хозяйств помещика Лялина, с прудов Горшихи везли живую рыбу, а огурцы и помидоры с тепличных хозяйств у завода.

В течение семи лет с 1898 года строятся четырехквартирные каменные дома. Так появились первые улицы поселка — Большая и Кооперативная. В год строилось по четыре дома. В них поселяли мастеров и опытных рабочих. Дома имели западноевропейский облик, сдвоенные решетчатые окна, лукообразные наличники, изрядно украшались деревянными фронтоны крыш. У каждой семьи рядом с домом был небольшой земельный участок. Под руководством начальника архитектурного отдела завода В. А. Пиотровского разрабатываются проекты деревянных домов для четырех семей. При строительстве их сохранялся лес, при домиках разбиваются огороды. Провинциально-дачный стиль построек пришелся по душе немецким специалистам, поэтому их здесь и поселили, а улицу назвали Немецкой. Гладко выструганные бревна блестели на солнце, и в народе эти дома получили название «золотых».

Соседняя улица была застроена уже двухэтажными деревянными домами. Она получила название Больничной из-за открытой в 1896 году заводской больницы. В самом начале больничной улицы у пруда строится дом управляющего в стиле загородной дворянской усадьбы, а напротив него дом приезжих (заводская гостиница). В нем разместили бильярд, буфет и первую библиотеку.

Настоящей гордостью Штуцера стало открытие Народного дома (1902). *Voagu* денег на строительство не выделяли. Кроме того, это было время экономического кризиса. Но Штуцер так увлек рабочих идеей создания театра-чайной,

что прирост продукции составил 20 %. В зале на шестьсот мест находилась сцена, электрический орган, расставлялись лавки и столы. При театре-чайной ведется большая просветительная работа: с лекциями из Москвы приезжают историк П. Н. Милюков, лидер партии кадетов, профессор И. М. Жерасков, литературовед В. М. Фриче, доктор медицинских наук Л. Г. Левин. Кроме того, в театре чайной создается музыкально-драматическое и спортивное общество МДСО: осуществляются театральные постановки, консультантами которых являются видные деятели театра М. П. Садовский и К. С. Станиславский, работают спортивные кружки по гиревому спорту, бильярду, рыбалке, шахматам, создается первая в губернии футбольная команда «Металлург»⁵. Открываются общество охотников, Келлеровское общество трезвости, заводской хор, оркестр. Позднее приобретено оборудование для синемаатографа (1909).

Русская революция 1905-1907 гг. не только приостановила строительство заводского поселка, но и заставила Штуцера уволиться с завода и уехать с семьей в Москву. Последствие этой трагедии ощущались очень долго, но лидерство завода в цветной металлургии страны укрепилось. Завершающим аккордом в создании исторического центра поселка стало строительство при директоре Николае Александровиче Степанове (1913-17). Он был выпускником Харьковского технического института. Проявил себя как ква-

лифицированный специалист. При нем количество рабочих на заводе превысило 10 000 человек. В 1914 году по улице Больничной было построено три многоэтажных кирпичных здания с квартирами для работников. В поселке Труда строится общежитие на 1000 рабочих, к которому сразу «приклеилось» название «тысячная казарма». Так в поселке заявил о себе новый тип промышленного модерна — строительство многоэтажных домов по типу доходных. Строится на пустыре выше улицы Больничной двенадцать засыпных деревянных домов-бараков, в которых планировалось размещать строителей заводов. В 1916 году в поселке открыта новая каменная больница, впоследствии ставшая тубдиспансером.

Итак, Кольчугинские заводы стали одними из первых в России заводами с современными условиями труда. Передовая производственная база сочеталась с развитой производственной инфраструктурой. Все развитие социальной инфраструктуры было взаимосвязано и обусловлено развитием заводов. При строительстве поселка за образец вводится европейский стандарт создания промышленного центра. Поселок строится по единому плану и в очень сжатые сроки. Осуществление планов генерируют талантливые руководители заводов. В поселке созданы передовые условия труда, жизни, быта рабочих и их культурного развития. Все это позволяет сделать вывод о том, что Кольчугино на рубеже XIX и XX веков стало образцом города индустриальной культуры.

¹ Ребров В., Княжевский В. Кольчугино на рубеже веков. — Кольчугино, 2001. — С. 72.

² Андреев М. И., Карев В. М. Вогау и К° // Москва. — М., 1997. — С. 173.

³ Барсукова А. К. Первопроходцы. — Владимир, 1999.

— С. 17.

⁴ Юсупов Э. С. Словарь терминов архитектуры. — СПб, 1994.

⁵ Ребров В. И., Середа Н. Е. Народному дому 110 лет. — Владимир, 2012.

О. А. Завадовская (Берлин)

ГОРОД, КОТОРЫЙ ВЫЖИЛ

*А за стеною — русский мат, а за стеною — автомат.
Вилли Токарев. Берлинская стена.*

«Люблю город Б.», — так часто начинает свой виртуальный рассказ о Берлине моя знакомая. И за этим обычно следует фотография: человек перевозит пианино на метро(!). Или пожилая монашка на велосипеде, держащая в одной руке сумку с рассадой. Иногда это целая поэма из жизни берлинских собак. Я ее понимаю. Она всего лишь год в Берлине и еще не успела надышаться воздухом этого удивительного города. Города, как заметила совершенно справедливо другая знакомая, «который дает возможность каждому быть самим собой».

Городов с особой судьбой много. Не только у Берлина были взлеты и падения, процветание и нищета, монументальный облик, выстроенный в безумных мечтах диктатора, и послевоенные руины. Но только Берлин в свое время разрезали «по-живому», разделив на восточный и западный, перегородив сначала проволокой, а потом бетонной стеной площади и улицы, закупорив эти городские вены и артерии, пройдясь гусеницами не только по асфальту, но по живым людям, по семьям, по душам. Западный Берлин не имел права на существование.

Такие события меняют город до неузнаваемости. Какой там характер! Выжить бы. Поэтому, думаю, что стоит вспомнить Берлин разных времен, — он и был совершенно разным.

После войны город был разделен на зоны. Почти половину отхватили русские и со временем отгородились от всех колючей проволокой. Остальное успели занять союзники — американцы, англичане и французы. Правда, эти заборы не строили, а весьма мирно ходили друг к другу в гости. Если говорить на языке военного времени, это были зоны оккупации. В августе 1961 года русские войска начали строительство стены, которая должна была навсегда отделить восточную Германию от западной, а западную часть Берлина, оккупированную союзниками, просто окружить кольцом.

Мы попали в Западный Берлин в 1981 году. Стена еще стояла и не думала падать. Чужой город абсолютно другого мира поразил какой-то своей неправдоподобной неофициальностью. После Москвы он показался мне тихим и даже провинциальным. В нем и был провинциализм — благодаря стене. Преодолеть ее без потерь можно было только на самолете. Туристов было не очень много, связи культурные или экономические страдали из-за такого дикого географического положения: получалось, что Западный Берлин, располагающийся посреди Восточной Германии, — остров, обнесенный мощной двойной стеной. Можно было, конечно, еще ездить на машине, но унижительная процедура въезда-выезда и пересечения ГДР отбивали охоту даже у сильных духом.

Западный Берлин 80-х годов прошлого века был очень уютным. Характер — мягкий, не очень решительный. Такое милое, улыбчивое, чуть растрепанное, но чистое и пахнущее свежестью, очень интеллигентное существо, вежливое до невозможности, любящее цветы и домашних животных, музыку и поэзию, природу и архитектуру. Тысячу раз до меня уже было описано, как поражались советские люди чистоте европейских городов, и все же не могу об этом не упомянуть. Почему, думаю я, почему же мы такие свиньи? Да наверное, потому, что нас приучили, что все принадлежит обществу. Нет ничего собственного, а значит, нет и хозяина. Если всем на все наплевать, то все вокруг и есть заплевано. Как писали одесские сатирики: «Украдено у государства — значит сохранено и служит людям».

Наших первых русских гостей времен перестройки количество зелени в Западном Берлине просто лишало дара речи. Особенно тех, кому раньше удавалось побывать в восточной части города, в ГДР. Они все до одного представляли

себе серый, мрачный, каменный исторический памятник. Их, как и нас в свое время, поражало, что Западный Берлин невысок, что в домах от силы пять этажей, что фасады раскрашены в разные цвета, что это город для жизни, для людей. В нем не было небоскребов, он уютный и человеческий по сравнению с восточной его частью, рассчитанной на парады и шествия.

Большой город всегда многолик. Это и архитектура, и толпы туристов, и море машин, и парки, и озера. Но если убрать всю суету и оставить город сам по себе, то у него всегда будут только две стороны. Как у двуликого бога Януса: вид спереди и вид сзади. Спереди — это улицы. Сзади — дворы. Только сами жители знают лицо города с этой стороны.

Петербургские дворы — вечный мрак, слепые, немые окна и провода связками по стенам. Мир Достоевского. Тоска под руку с необъяснимой романтикой.

Одесские дворы — жизнь, вывернутая наружу, стирка, белье на веревках, виноград, запахи еды, крики, юг, темперамент.

Дворы новостроек во всех городах бывшего Советского Союза — пустыри, грязь, жалкие останки детских площадок, пьянь, бездомные собаки, безнадежность.

«Оборотная» сторона Берлина оказалась не менее интересной, чем его «парадный вход».

Маленький дворик дома, где мы получили квартиру, окружен стенами. С двух сторон его замыкает дом, другие две стороны — стена выше человеческого роста. Когда-то он был просто забетонирован. Потом в бетоне проделали несколько дырок разной величины, построили деревянные ящики, и получились песочница и две клумбы. На клумбах ничего не росло, потому что соседский каштан затенял весь двор. Маленьких детей в доме тогда не было, и песочница всегда пустовала. В конце концов, земляные дыры засадили плющом. С балкона это выглядело тихим, грустным кладбищем. А за стеной был зеленый двор, где росли цветы, гуляла овчарка, и хозяйин ее, мрачный старик, бывший дворник этого дома, косил траву. Летом вся его семья устраивала пикники, к ним приходили родственники в гости, а жильцы нашего дома сидели на балконах или смотрели в окна на эти садовые пикники. С сосе-

дями мы встречались, в основном, около мусорных бачков и обменивались мечтами снести эту стену и овладеть соседским двором.

У знакомых был другой двор. Из окон, отскакивая эхом от стен, рвался наружу рев детей, гремела музыка, время от времени чье-то окно с шумом закрывалось, зато открывалось другое, и оттуда доносился крик: «Если ты, придурок, не сделаешь свою музыку тише, я сейчас к тебе приду!» Никто никому не подчинялся. Лето, всем жарко. На подоконнике стоит бутылка с пивом, но и ее некогда выпить, потому что как раз в квартире напротив видно, как выходит из душа совершенно голый сосед. Окна домов так близко друг к другу, что можно внимательно проследить за тем, как он бреется. Маленькая, вечно улыбающаяся старушка, вечно торчащая в открытом окне первого этажа, опять выбрасывает мусор не в тот ящик. Музыка ей не мешает — она очень плохо слышит. Рано утром во всех домах чертыхаются, потому что кто-то яростно выбрасывает бутылки в мусорный контейнер, начинают плакать дети, рождается новый день.

В таких дворах вся жизнь на виду. Облегченный вариант коммунальной квартиры, где все всех знают, не хватает только скамеечки у входа в подъезд и старушек, грызущих семечки. Берлин, конечно, не южный город, во дворах нет крытых балконов и террас, увитых виноградом, и крика все же поменьше, но жизнь задних дворов — это тоже Одесса. Не такая теплая, не такая беспардонная, но чем-то похожая

Есть и третий вид дворов — это уже, на наш взгляд, что-то неземное. Изумительные миниландшафты, с небольшими прудами, в которых вода держит короны белых и розовых лилий, где есть и солнечные лужайки, и тенистые загоулки, и где можно провести в хорошую погоду целый день.

Есть дворы, где ревностный дворник без конца машет своей метлой, убирая каждый упавший листик. Есть и такие, где за лето вокруг деревянного стола собирается хоровод пустых пивных бутылок, постепенно зарастающий зеленью. Главное — это чувствовать себя дома под своим каштаном или сиренью.

До сих пор в Берлине полно дворов, в которых резвятся «свободные художники». Там стоят по-

рванные диваны, металлические сооружения «а ля скульптуры», выброшенные ванны, в которых трогательно растут цветы, а стены домов чудовищно расписаны живописью «граффити».

Странное ощущение не покидало меня летом: я иду по главной улице Западного Берлина, Курфюрстендамм, сверкают витрины магазинов, снуют машины, а посередине — зеленый бульвар, и вся улица в тени огромных платанов. Тротуары заставлены столиками кафе и ресторанчиков, под вечер они все заняты, люди отдыхают, смеются, откуда-то звучит музыка, ну просто настоящий южный город. И мне кажется, что если повернуть за угол — откроется море. Я долго искала это море в самой себе и не понимала, почему я его ищу.

А дело было не в море. На самом деле, я не могла привыкнуть к другому — к атмосфере легкости и дружелюбия, к улыбке, к открытому смеху, к радости во взгляде. Такое возможно только на отдыхе, казалось мне. А город начинал меня перевоспитывать. Не насильно, не специально, а показывая примеры. В конце концов, не только красота, чистота и природа составляют основу восприятия. Хоть и остров, но он был заселен людьми, с которыми мне нужно было учиться жить вместе. А люди — всюду люди, совершенно неважно, на каком языке они говорят. Правда, берлинцы всегда считались особым «народом».

Всем нам когда-то было ясно, что в Германии живут немцы. Как во Франции — французы. На самом же деле немец никогда не назовет себя просто немцем. Он скажет: «Я — шваб». Или: «франконец», «мекленбуржец», «вестфалец», «баварец». «Типичного» немца просто не существует. Германия объединилась только в 1871 году. Еще 130 лет назад на границах между землями были таможи. Действовали разные законы, ходили разные деньги, употреблялись разные меры весов. До сих пор каждому школьнику известно: от этой горы до той — еще Саксония, а от той до следующей — уже Тюрингия. И в самом деле: проедешь какие-то тридцать километров — пейзаж изменился полностью, вместо католических костелов лютеранские кирхи, да и люди смотрят как-то по-другому. Но самая главная примета — диалект. При розыске преступника в объявлении указывают: говорит с восточнофранконским ак-

центом или с южнобогемским, или изъясняется, как выходец Пфальца.

Город, в котором мы живем, тоже имеет свой собственный диалект. И какой! Карл Гутцков, немецкий писатель XIX века, называл берлинский диалект «самым отвратительным из всех диалектов». Гете и Фонтане находили его, мягко говоря, несимпатичным. С самого начала его возникновения и родители, и педагоги пытаются бороться с «берлинским языком» своих детей и учеников, правда, безуспешно.

Иностранцев учат говорить на литературном немецком языке, старательно выговаривая мягкое «х» в слове «их», а берлинец небрежно бросает «ике». «Мейне бейне» — это на самом деле «майне байне», т. е., «мои ноги», а «икекофе...», произнесенное скороговоркой, в переводе на нормальный немецкий — «их кауфе...», т. е. «я покупаю...»

Что же такое «берлиниш», как называют свой диалект берлинцы? Филологи объясняют это очень противоречиво. Одни называют это жаргоном, сленгом, другие считают, что это почти самостоятельный язык, третьи обосновывают этот диалект особенностью большого города, где все смешано, как в салате. Действительно, — насколько разнолико население Берлина, настолько и многообразны источники этого удивительного говора. В нем есть понятия, которые совершенно не употребляются в немецкоговорящем пространстве. Например, булочка из пшеничной муки — «шриппе» или пластиковый мешок с ручками — «тютя». Тютя, как говорим уже мы, кореза это название, всего лишь сокращение от «траге-таше», т. е. сумка, в которой что-то носят.

Если «шриппе» — это белая булка, то ржаная уже называется «шустер-юнге», что дословно обозначает «мальчик сапожника». Этим же словом берлинцы называют сильный дождь.

Те, кто родился и вырос в Берлине, справляются с этим диалектом запросто. Мало того, это способ общения с друзьями и, зачастую, дома. «Берлиниш», раскованный и небрежный, служит своеобразным паролем, как в джунглях у Маугли «мы с тобой одной крови...»

Еще когда Берлин был просто большим городом, Гете писал: «В Берлине, где, насколько я мог заметить, народ дерзкий и отчаянный, на учтивом обхождении далеко не уедешь: в Берлине, чтобы

продержаться на поверхности, надо уметь постоять за себя».

Как бы ни ругали берлинцев жители других городов, коренное население столицы обладает достаточным чувством самоиронии, чтобы охарактеризовать себя еще похлеще. Вот как рассказывают о себе сами берлинцы: «У берлинца никогда не хватает времени. У него всегда что-то намечено, он договаривается о срочной встрече по телефону, опаздывает на эту встречу и тут же сообщает всем, как много у него дел». «В этом городе не работают, здесь пашут. Даже удовольствие — это работа. Берлинец не то, что бы прилежен, просто у него всегда аврал. К сожалению, он уже давно забыл, для чего он вообще на этом свете». «Берлинцы не умеют вести беседу. Когда разговаривают двое, они не беседуют, а проговаривают друг другу свои монологи. Они и слушать не умеют: напряженно ждут, когда же закончит один, чтобы тут же включился другой».

Но в то же время у берлинцев развито чувство юмора. Они остроумны, ничему не удивляются, общительны, но немного заносчивы. Может быть потому, что живут в столице. И темп жизни скоростной. В немецком языке есть прилагательное «шлагфертиг», что значит «находчивый, бойкий на язык», то бишь «не лезет за словом в карман». Эта бойкость не всем чужакам по плечу — некоторые берлинцы отвечают прежде, чем их о чем-то спросишь — так они о себе говорят. Свой диалект они называют «Берлинер шнауце». «Шнауце» вообще-то в переводе — морда, рыло. Собачники знают породу собак «ризеншнауцер». Но если вы слышите «хальт ди шнауце!», то на чистом русском языке это значит «заткни глотку!»

Берлинцы обожают давать всякие смешные и даже обидные прозвища зданиям и сооружениям родного города. Причем, зачастую попадают «в яблочко» так, что официальные названия уже никто и не вспоминает. Так Александерплац, площадь, названную именем русского царя Александра I, по-братски называется Алекс. Кафе «Восьмиугольник». Кто-нибудь знает, где это кафе? Оказывается, это старинные туалеты. Их в Берлине осталось около двух десятков. Они восьмиугольной формы и выкрашены зеленой краской. В случае нужды не заметить их невозможно.

Кстати, знаменитые «розиненбомбер» — «изюмные бомбардировщики», самолеты союзников, спасшие Берлин от голодной смерти во время блокады, — название, придуманное берлинцами. Или «Трененпаласт» — Дворец слез. Это сооружение около станции Фридрихштрассе, где был переход из одного Берлина в другой, служило для пограничного контроля ГДР. Душераздирающие сцены прощания в эпоху Стены и дали ему это имя.

Новую Кайзер-Вильгельм-Гедехтнис-Кирхе тут же прозвали «упаковкой для яиц», здание библиотеки на Потсдамерштрассе — комодом, а Конгрессхолл — беременной устрицей.

Что касается запретной лексики, то и тут берлинцы впереди. Они с давних пор знамениты своей нецензурной бранью. Ни один другой город ежегодно не пополняет свой лексикон таким количеством бранных слов и ни в одном другом городе не употребляют так часто эти слова в обиходной речи. Эти ругательные «канонады», которые в самом деле могут вызвать ощущение враждебности, являются часто безобидными выражениями. Характерны для берлинского диалекта ругательства, которые наполнены иронией и издевкой, но означают больше умение владения языком, нежели желание оскорбить или задеть собеседника. Да к тому же, если говорить честно, то все эти ужасные выражения подобны детскому смеху на лужайке по сравнению с русскими.

Когда упала стена, у города началась другая жизнь. Не сказать, чтобы затягивание многолетних ран происходило безболезненно. После искренних слез, салютов шампанским в ночное небо и братания немцев с немцами, после неподдельной радости — от того, что свершилось, и оттого, что без крови — наступили будни. Стена, покуда еще не снесенная, становилась уже историческим фактом, а мы — свидетели воистину исторических событий, пока еще не понимали, что будет дальше. Мы, как и окружающие нас люди, были опьянены легкостью победы, и казалось, теперь уже может быть только лучше. Как говорил один мой любимый литературный герой: «Мне не нужна „Победа любой ценой!!!“. Я предпочитаю иную формулировку: „Победа. Недорого“». И он прав. Уж больно непомерной оказывается эта цена. Всегда, без исключения.

Сегодня тот Берлин, которым он был в начале девяностых, представляется мне какой-то буйной ярмаркой с толпами приезжих, бойкой торговлей, гремящей музыкой, поцелуями и мордобоем. Друг Горбачев, внезапная влюбленность в шапки-ушанки с кокардами, фуражки, матрешки, русскую водку... Все это и раньше продавалось около Чек-Пойнт-Чарли (checkpoint Charlie) — бывшего пропускного пункта между Западом и Востоком, но в то безумное время эти русские атрибуты удвоились, утроились по количеству, и спрос постоянно рос. Все смешалось — богатые и бедные, иллюзии и реальность. Играл свадьбу, крутится чертово колесо, затевается скандал.

На границе двух Берлинов начиналась стройка. Нужно было соединить разорванный город. Между двумя бетонными стенами находилась нейтральная полоса, которая раньше свирепо охранялась, как самая настоящая граница. Нога обычного человека туда не ступала, и за много лет на ней образовался маленький заповедник, с кроликами, лисами, редкими растениями и птицами. Когда-то это была центральная площадь, Потсдамерплатц, но восстанавливать ее в первоизданном виде было немыслимо, учитывая современную транспортную ситуацию в будущем центре города. Было проведено множество конкурсов, определены лучшие проекты, и стройка началась. Строительные фирмы и рабочие из всех европейских (и не только) стран принимали в ней участие. Надо ли говорить, что берлинцам результат не понравился. Нам в том числе. Кусочек чужого мира с двумя небоскребами, которых в Берлине отродясь не бывало. Сейчас, спустя более, чем два десятилетия, все уже привыкли, но относятся к этой застройке с явно выраженным пренебрежением: «Это для туристов...».

Восстановили и открыли ранее заколоченные станции метро, по которым поезда проходили черепашим шагом, а по перронам гуляли пограничники с собаками. Объединенный город внезапно «разбогател» — у него появилось два оперных театра, две филармонии, два зоопарка. Проще всего оказалось залатать уличные дыры, наполнить товарами магазины и посадить цветочки в парках. Гораздо хуже обстояли дела у людей, населяющих этот много повидавший город. Мне кажется, что он до сих пор не оправился от того

внезапного счастья воссоединения. Дети, рожденные уже в объединенном Берлине, не знают, что такое Стена. Это хорошо. И одновременно плохо. Не стоит иметь этот исторический факт в личном опыте, но обязательно — в памяти.

Конечно, город очень изменился за последние четверть века. Особенно потому, что стал столицей. Потому, что толпы туристов. Потому, что центр Европы. Положение обязывает. Но по-прежнему в нем есть все для всех, как ни смешно это звучит. Я вижу, как его обживают наши дети, открывая для себя его небольшие тайны, давно известные нам; я по-прежнему могу найти в нем уголки, дорогие мне по воспоминаниям — ничего не изменилось, здесь умеют хранить и сохранять. И я снова возвращаюсь к его характеру. Он восхитительный.

Летом, когда жарко и все окна открыты, посетители садятся прямо на широкие ступени португальского бара, спускающиеся к тротуару. Мы в Митте, бывшем восточном районе. Мимо проходит трамвай, атмосфера совершенно свободная, дружелюбная и раскованная. Кажется, что все происходит в Лиссабоне. Чашка с кофе стоит рядом, на коленях — тарелочка с португальским пирогом, который напоминает ванильный пудинг со слоеным тестом, и вот уже завязывается разговор.

Говорят, что многие киношники именно в таких местах находят и сюжеты, и замечательных непрофессиональных актеров, и бесплатных помощников для своей съемочной группы.

Внутри бара — восхитительное отсутствие какого-то ни было стиля. Старая кофейная машина пыхтя выплевывает в маленькие чашечки порции эспрессо. Рядом натужно работает соковыжималка, выдавливая в стакан витаминную бомбу из таких экзотических ингредиентов, как свекла, сельдерей и кокосовое молоко.

Следующий бар называется так, как эспрессо на португальском языке: «Vica». Хозяйка родом из Хорватии. Она сама выкрасила потолок в красный цвет, а забавную люстру придумала из разных старых ламп. Светящийся ящик на стене, на котором написаны предлагающиеся блюда и напитки, служил раньше по медицинской части — на нем просматривали рентгеновские снимки. У хозяйки много друзей среди таких же, как она, хозяев

маленьких кафе и баров, и эти друзья с радостью снабжают ее новыми кофейными рецептами и адресами поставщиков португальских сладостей и выпечки.

Шаг за шагом этот удивительный город открывает тебе свой главный секрет: здесь ты можешь быть самим собой.

— Привет! — кивает мне Эйуп, молодой турок из газетного киоска.

— Доброе утро! — кричит через дорогу хозяин Бруно, английского бульдога. Солнце пронизывает золотые клены. Мы идем с собакой по улицам, заваленным опавшей листвой. Я люблю бабье лето в Берлине. Я люблю этот город в любое время года. Он давно уже стал моим.

Д. С. Хмельницкий (Берлин)

СТАЛИНСКИЙ ГОРОД. ОБСТОЯТЕЛЬСТВА ВОЗНИКНОВЕНИЯ

Сталин захватил абсолютную власть в Политбюро ЦК ВКП(б), а, следовательно, и во всем СССР, в короткий промежуток времени между 1927 и 1929 годами. Этим временем датируется начало сталинских социальных и экономических реформ, полностью изменивших страну в течение нескольких лет. Помимо прочего, в это время начал складываться и «сталинский город» — специфическое для сталинской эпохи явление со своей особой, невиданной раньше социальной и пространственной структурой.

В первые десять лет советской диктатуры города СССР в целом сохраняли и прежний архитектурный характер, и прежнюю структуру населения. Экономическое безумие военного коммунизма сменилось в 1921 году «новой экономической политикой», благодаря которой городская жизнь начала постепенно приходить в норму. О дореволюционном благополучии речь не шла, но национализация крупной промышленности, оказавшейся в руках большевиков и функционировавшей гораздо хуже, чем раньше, не сказалась роковым образом на образе жизни населения.

Частная мелкая промышленность, частная торговля, сфера обслуживания, ремесла, инфраструктура развлечений и — главное — частное сельское хозяйство обеспечивали в середине 20-х годов определенный рост экономики страны, и, следовательно, рост уровня жизни.

Вплоть до 1927 года советские города, как и сельские поселения, сохраняли сложившуюся с началом НЭПа более или менее естественную социальную структуру населения. Рост городского населения тоже был естественным и по прогнозам первых пятилетних планов составлял менее одного миллиона в год.

В архитектурно-градостроительном смысле никаких принципиальных изменений с советскими городами до начала индустриализации тоже не происходило. Городское строительство возобновилось только в 1923 г. и очень медленно набирало обороты. Немногочисленные правительственные здания, жилые комплексы для советской

партийно-государственной элиты и редкие кооперативные жилые дома не меняли серьезно облика существующих советских городов. Рабочие поселки будущих промышленных предприятий находились на стадии проектирования. Принципы их формирования также не отличались существенно от тех, что существовали до революции.

Структура советского населения к 1925 году выглядела следующим образом.

Сельское население СССР в 1925 году составляло 114,8 млн. чел. (примерно 25 млн. хозяйств)¹. Сельское хозяйство практически целиком было частным. Коллективные хозяйства в разных формах объединяли около миллиона человек и, несмотря на помощь государства, были хронически убыточными.

Городское население составляло в 1925 г. 22,7 млн. чел.

Рабочих и служащих крупной фабрично-заводской промышленности насчитывалось 2,109 млн. чел. (соответственно 1,898 и 0,211 млн. чел.). Еще полтора миллиона — сельскохозяйственных рабочих.

Служащих всякого рода (госучреждения, связь, просвещение, искусство, здравоохранение) — 0,571 млн.

В строительстве работало 280 тыс. человек.

В торговле — 490 тыс. человек (в государственной — 150 тыс.; кооперативной — 220 тыс.; частной — 120 тыс.).

На транспорте — 243 тыс. человек.

Еще 572 тыс. человек числились прислугой и поденными рабочими.

В мелкой промышленности (целиком частной) было занято 384 тыс. человек.

Всего в 1925 году в СССР насчитывалось 8,26 млн. лиц наемного труда, из которых около 7 млн. человек получали зарплату от государства².

Промышленного пролетариата, чью диктатуру, якобы, осуществляла партия, было менее двух миллионов человек, то есть где-то 1,4 % населения. Резкий рост его численности в первые варианты пятилетних планов заложен не был.

Новая экономическая политика, введенная Лениным в 1921 г., ослабила пресс принуждения к труду времен военного коммунизма, но все внутрипартийные дискуссии 20-х годов сводились, в конечном счете, к вопросу о том, в какой степени следует контролировать трудоиспользование населения. Конечная идея обобществления экономики, то есть подчинения всех ее секторов правительству, была естественной и желанной и для левых, и для правых коммунистов. Расходились они только во взглядах на темпы и способы обобществления (огосударствливания) экономики, то есть, в конечном счете, во взглядах на степень и способы принуждения населения страны к труду на государство.

«Левые» во главе с Троцким требовали скорейшего строительства (военной) промышленности за счет крестьянства. Правые — Рыков, Бухарин, Томский, Дзержинский — не готовы были таким образом подрывать едва наметившийся хрупкий рост экономики страны ради эфемерного победоносного будущего. Сталин вплоть до падения Троцкого в 1927 г. формально поддерживал «правых».

Разрешение свободной торговли и частного предпринимательства оставляло правительству не очень много рычагов контроля за трудовой деятельностью населения. Только государственный аппарат, крупная промышленность и оптовая государственная торговля находились под управлением правительства. Остальное население, как городское, так и сельское, платило тяжелые налоги, но их труд был свободным. Государственных доходов было достаточно для поддержания статус-кво, но категорически не хватало для серьезных инвестиций в тяжелую и военную промышленность, без которых перспективы распространения советской власти за границы СССР выглядели иллюзорными.

Все изменилось в 1927 году, когда диктатура Политбюро, члены которого не были едины во взглядах на будущее экономической политики правительства, сменилась единоличной диктатурой Сталина.

Установка на продолжение и развитие «новой экономической политики» Ленина, которую защищали находившиеся до 1928 года в Политбюро в большинстве «правые коммунисты», сменилась

сталинской установкой на ликвидацию НЭПа, введение всеобщего принудительного труда и концентрацию всех ресурсов на строительство тяжелой промышленности, отнюдь не рассчитанной на обеспечение населения жизненными благами.

Первые планы пятилетки, разрабатывавшиеся сторонниками НЭПа начиная с 1926 года, исходили из равномерного и взаимоувязанного роста сельского хозяйства и промышленности, взаимно обеспечивавших друг друга необходимыми средствами. И, как следствие, из постепенного роста уровня жизни населения. Их насильственная переработка под сталинские установки началась весной 1927 г.

Официально утвержденный в 1929 г. после многочисленных переделок план первой пятилетки уже потерял всякую связь с каким-либо осмысленными экономическим расчетами. И тоже подвергся практически сразу после утверждения фатальным переделкам с целью ужесточения. План совмещал противоестественно высокие директивные показатели роста промышленности, которые предстояло выполнить любой ценой, и заведомо не рассчитанные на выполнение чисто фиктивные фантастические показатели роста производительности труда, народного потребления, строительства жилья и т. д. Первое полностью исключало второе. Выполнение сталинских планов промышленного производства могло быть осуществлено только за счет изъятия ресурсов — продуктов, рабочей силы, средств производства — у населения. Это было понятно всем разработчикам пятилетних планов.

Первые авторы отвергнутых Сталиным пятилетних планов из Госплана и ВСНХ были осуждены на «процессе меньшевиков» в 1931 г. Уцелевшие жили в соответствии с афоризмом, приписывавшимся Станиславу Струмилину, который на начальной стадии руководил разработкой пятилетних планов в Госплане СССР: «Лучше стоять за высокие темпы, чем сидеть за низкие».

С началом индустриализации в 1928 году вся сложившаяся структура городского и сельского населения начала рушиться. Целью сталинской индустриализации было построение в кратчайшие сроки военной промышленности и создание самой крупной в мире механизированной армии.

При НЭПе правительство не обладало ни нужными для этого средствами, ни ресурсами, материальными и человеческими. Сделать это можно было только за счет изъятия у населения всей собственности, превращения всего труда в СССР в принудительный, понижения уровня жизни населения до возможного минимума и перекачки рабсилы из деревни туда, где ее не хватало. Именно такие социальные и экономические реформы и провел Сталин в СССР в 1928-1930 гг.

Коллективизация в деревне превратила за считанные годы все сельское население в принудительных рабочих. Она позволила не только произвольно изымать из деревни всю сельскохозяйственную продукцию для нужд Политбюро, но и принудительно перекачивать миллионы сельских жителей в города и рабочие поселки при строившихся новых промышленных предприятиях. Закладывались они, как правило, в безлюдных местах, вблизи источников сырья и энергии. Рабочую силу предполагалось подвозить к ним плановым (то есть, насильственным) образом.

Была разрушена вся городская экономика. Ликвидация НЭПа означала ликвидацию любых видов частной предпринимательской деятельности. Была уничтожена мелкая промышленность, которая, собственно, и обеспечивала население всем необходимым для жизни — едой, одеждой, всевозможной утварью. Исчезла частная торговля, прекратилось всякое негосударственное строительство. Была ликвидирована сфера услуг и ремесла. Торговля была заменена распределительной системой. Все население, занятое до сих пор в этих областях экономики, потеряло средства к существованию и было вынуждено начать работать на государство там, где это государству требовалось. Доступ к закрытым распределителям, карточкам и жилью получали только люди, работавшие на государственные ведомства.

В кратчайшее время изменилась и предельно упростилась социальная структура городского населения. Оно поделилось на госаппарат (с армией и карательными органами) и обслуживающее его население — рабочих и совслужащих.

При этом городское население начало с 1928 года расти противоестественно быстрыми темпами за счет крестьян, разными способами выдавливавшихся на стройки пятилетки. Со-

гласно официальным данным, опубликованным в книге «Итоги выполнения первого пятилетнего плана развития народного хозяйства Союза ССР», численность населения СССР в 1932 г. составила 165,7 млн. человек, увеличившись с 1928 г. на 11,5 млн. Городское население составило 38,7 млн., сельское — 127 млн. Это значит, что городское население увеличилось с 1928 г. на 11,1 млн. человек, сельское — на 0,4 млн.³

Скорее всего, общая численность населения в 1932 г. завышена на несколько миллионов. Во всяком случае, она примерно соответствует данным переписи 1937 г., результаты которой были отменены, а организаторы репрессированы. Можно предположить, что численность городского населения 1932 г. указана более или менее верно, поскольку статистика была более доступной — почти все городское население обеспечивалось продовольственными карточками. Численность сельского населения, несомненно, была фальсифицирована. Как мы теперь знаем, голод в деревне 1931-33 гг. стоил от 6 до 8 миллионов жизней.

Надо иметь в виду, что городским считалось все несельское население СССР. Рост советских городов времен первой пятилетки, часто именуемый «урбанизацией», происходил за счет возникновения огромного количества рабочих поселков вблизи новых и расширяющихся старых предприятий. Часто — в отдаленных, безлюдных и малопригодных для жизни местах.

С уничтожением независимой экономики государство взяло на себя обязанность по обеспечению всего городского населения едой, жилищами и прочими потребительскими товарами. К 1930 году всякие частные инвестиции в строительство жилья, составлявшие до того основную долю всего финансирования жилищного строительства, прекратились полностью. В сталинскую эпоху (начиная с 1928-29 годов) городская застройка в СССР формировалась только за счет государственного финансирования.

Во времена НЭПа (в середине — второй половине 20-х годов) в городах СССР развернулось довольно интенсивное строительство жилых комплексов для привилегированных слоев населения, сотрудников различных ведомств. Больше всего

было жилых комплексов ОГПУ, что указывало на его место во внутригосударственной иерархии.

Рабочая квартира и при НЭПа была понятием гипотетическим. Предполагалось, что когда-нибудь, в неопределенном будущем, рабочие будут жить в квартирах или, по крайней мере, будут обеспечены благоустроенным жильем по санитарной норме. Квартирных домов для рабочих не строили при НЭПе по очевидным финансовым соображениям. Однако с началом индустриализации в 1927 году само понятие «рабочая квартира» было выведено из употребления. Одним из первых признаков новой эпохи можно считать постановление ЭКОСО РСФСР от 19 марта 1927 года о строительстве коммунальных домов: «19 марта 1927 года. Строительство коммунальных домов. Обратит внимание ведомств РСФСР, исполнительных комитетов, государственных учреждений и их хозрасчетных предприятий и кооперации, осуществляющих рабочее жилищное строительство, на целесообразность проведения в жизнь строительства типов домов с коллективным использованием вспомогательной площади (как то: кухни, столовой, ванных, прачечных и пр.)»⁴.

В 1930 г. вышло постановление коллегии Наркомтруда РСФСР, которым на квартирах для рабочих окончательно ставился крест: «Опытно-показательные дома-коммуны. Коллегия Наркомтруда РСФСР официально постановляет прекратить всякое строительство индивидуального жилища для рабочих, и переключить проводимое Наркомтрудом опытное строительство рабочих жилищ с индивидуальных домов на дома-коммуны. Все ассигнованные в распоряжение Наркомтруда средства на опытное строительство комиссариат направляет на постройку домов-коммун»⁵.

Понятно, что и постановление ЭКОСО РСФСР 1927 г., и постановление коллегии Наркомтруда РСФСР 1930 г. — это отражение решений, принимавшихся на уровне Политбюро и касавшихся финансирования жилищного строительства в целом.

С конца 20-х годов и вплоть до хрущевских реформ середины 50-х планами советского правительства исключалось обеспечение низших и самых широких слоев городского населения индивидуальными (или даже коммунальными) благоустроенными квартирами. Речь могла идти только

о разного рода «коммунальном жилье», то есть общежитиях. Именно такое — барачное в основном — строительство и составляло основную массу застройки советских городов сталинской эпохи.

Специфический характер сталинского градостроительства хорошо прослеживается по планам финансирования жилья 20-30-х годов.

В 1925-26 годах в Госплане и ВСНХ были начаты три программы экономического планирования — краткосрочная (на ближайший год), перспективная (пятилетний план) и долгосрочная (генеральный план на 10-15 лет).

Краткосрочным планированием (на ближайший год) в Госплане занималась комиссия под руководством Владимира Громана, которая начала работу в феврале 1925 г. Громан возглавлял работу по подготовке годичных контрольных цифр вплоть до выпуска «Контрольных цифр на 1928/29 г.», после чего она перешла в другие руки, поскольку изменились ключевые установки планирования.

Разработкой перспективной программы (пятилетнего плана) в Госплане также занималась группа под руководством Станислава Струмилина, заместителя председателя Госплана СССР. Эта работа была издана в 1927 г. под названием «Перспективы развертывания народного хозяйства СССР на 1926.27 — 1930-31 гг.».

Перспективная программа (пятилетний план) разрабатывалась также и в ВСНХ. Этой работой руководил Абрам Моисеевич Гинзбург, занимавший с 1922 г. пост заместителя руководителя экономического отдела ВСНХ⁶.

Результаты работы группы Гинзбурга были опубликованы в том же 1927 г. под названием «Материалы к пятилетнему плану развития промышленности С. С. С. Р. (1927-28 — 1931-32 гг.)». Ни тот, ни другой пятилетние планы утверждены не были. За ними последовало еще несколько промежуточных вариантов, пока наконец в 1929 г. не был утвержден «оптимальный» вариант пятилетнего плана, разительно отличавшийся от первоначальных вариантов.

Разработкой генерального плана (на две-три пятилетки) занималась в Госплане с 1925 г. еще одна комиссия под руководством П. С. Осадчего, одного из авторов плана ГОЭЛРО. Эту комиссию сменила вторая (во главе с Н. А. Ковалев-

ским, 1928-1930 гг.), а ее — третья (Г. И. Ломов, 1931-1933 гг.)⁷.

Все авторы первых программ были сторонниками продолжения НЭПа и исходили из этого в своих расчетах. По идее, все три программы — краткосрочная, перспективная и долгосрочная, должны были дополнять друг друга. Однако в действительности этого не произошло. К 1928 г. начался период, по выражению Наума Ясного, «вакханалии планирования»⁸ — «контрольные цифры на октябрь-декабрь 1930 г. и планы на 1931 г. превратили планирование в фантазмагорию»⁹.

Генеральный план, который, по идее, должен был указывать основные направления экономического развития страны, разработать в связном виде и, тем более, что было самым важным для практического исполнения — утвержденном Политбюро, вообще не удалось, несмотря на многочисленные попытки. Уже в 1931 г. гуманитарная катастрофа, накрывшая страну, была настолько очевидной, что обильно публиковавшиеся в 1929-30-м годах фантазии о процветании народного хозяйства и счастливой жизни населения через 10 лет¹⁰ теряли пропагандистский смысл и выглядели издевательством.

1. «Контрольные цифры...» Владимира Громана

Вышедшие в 1926 году «Контрольные цифры народного хозяйства на 1925/26 год» предусматривали рост городского населения за год на 740 тыс. чел., а рост числа рабочих — на 400 тыс. человек.

Потребность в жилищном строительстве исчислялась в 2,055 млрд. рублей — с учетом прироста городского населения, обеспечения его по норме 8 кв. м на человека (тогдашняя санитарная норма) и увеличения жилой площади для рабочих со среднестатистических 5,0 кв. м на человека до 6,0 кв. м.

При этом реально выделить на предстоящий год планировалось 375 млн. рублей (т. е. всего лишь 18 % от исчисленной потребности). Стоимость строительства жилья исчислялась в среднем в 450 руб. за квадратную сажень (100 руб. за кв. метр).

Таким образом, на 1925/26 год запланировано было строительство в три раза меньших объемов жилья, нежели чем это требовалось для

обеспечения одного лишь только прироста городского населения в соответствии с санитарной нормой. Было запланировано строительство около 2,05 млн. кв. метров жилья, при необходимости нового строительства в объеме 5,92 млн. кв. м (1,310 млн. кв. саженей)¹¹.

По данным «Контрольных цифр народного хозяйства» на следующий 1926/27 г. объем фактически осуществленного нового жилищного строительства для рабочих в прошедшем 1925/26 оценивался в 354 тыс. кв. саженей — 1,61 млн. кв. м¹², т. е. чуть меньше 80 % от запланированного и в размере 36 % от потребного. Для того, чтобы реализовать в 1926/27 г. программу работ по жилищному строительству и восполнить все зафиксированные потребности в ремонте, восстановлении, поддержании в нормальном состоянии, новом строительстве и т. д., требовалось не менее 1 млрд. руб.¹³

Согласно данным «Контрольных цифр народного хозяйства на 1926/27 год» на финансирование рабочего жилищного строительства в предыдущем году было в реальности потрачено 216,6 млн. черв. рублей, т. е. всего лишь 58 % от запланированного. И на текущий 1926/27 г. было запланировано выделить примерно такую же сумму — 231,2 млн. черв. рублей.

Эти цифры свидетельствуют о том, что даже в мягкие времена НЭПа экономическое планирование ни в какой мере не было направлено на решение в СССР жилищной проблемы. Существование этой проблемы фиксировалось, широко обсуждалось сотрудниками плановых органов, однако практическое разрешение ее правительством никак не планировалось. Наоборот, ситуация только планомерно усугублялась.

Согласно приведенным данным, душевая норма жилой площади в советских городах неуклонно падала. Так, в Москве она упала с 6 кв. м в 1923 году до 5 кв. м в 1926 г. (в 1913 г. она составляла — 7,35 кв. м); в Нижнем Новгороде — с 8,7 до 5 кв. м, в Минске — с 7,8 до 5,5 кв. м, в Иваново-Вознесенске — с 5,75 до 4 кв. м. В среднем по стране площадь рабочего жилья не превышала 4,5 кв. м на человека¹⁴.

В следующих «Контрольных цифрах на 1927/28 г.» рост городского населения за год

предусматривался в 1 млн. чел. (в 1926/27 г. — 25,9 млн. чел., в 1927/28 г. — 26,9 млн. чел.).

На предстоящий 1927/28 г. в обобщественном (государственном) секторе намечалось создание новой площади в 2,5 млн. кв. м, призванной обеспечить жильем около 420 тыс. человек. «В отношении к наличному жилфонду обобщественного сектора, вновь возведенная площадь составляла в 1924/25 г. — 1 %; в 1925/26 г. — 5 %; в текущем году — 3 %, а в предстоящем 1927/28 г. — около 4 %»¹⁵.

В таблицах, посвященных вложениям в строительство в СССР, приводятся следующие данные: в 1926/27 гг. на жилищное строительство в СССР было потрачено 577,6 млн. руб.¹⁶ Из них 45 млн. из государственного бюджета, 70,6 млн. — из местных и 462 млн. — из собственных средств населения¹⁷

Важно обратить внимание на то, что в последний год НЭПа только государственные инвестиции в жилищное строительство составили лишь 19 % от общих вложенных средств. Все остальное — собственные средства населения. Через два года население обнищало настолько, что частное финансирование жилого строительства полностью прекратилось.

В 1927/28 г. новое жилищное строительство планировалось в объеме 455,8 млн. руб., которые по источникам финансирования распределялись так:

- государственный бюджет — 17,2 млн. руб.;
- собственные средства населения — 254,1 млн. руб.;
- кредитные средства — 184,5 млн. руб. Таким образом, государственное финансирование нового жилищного строительства составляло лишь 3,7 %.

В 1926/27 г. объем городского жилого фонда составлял:

- частный сектор — 74,866 млн. кв. м; обобщественный сектор — 68,436 млн. кв. м. Всего — 143,302 млн. кв. м.

В 1927/28 г. городской жилой фонд должен был достичь:

- в частном секторе — 76,389 млн. кв. м;
- в обобщественном секторе — 70,435 млн. кв. м.

Всего — 146,824 млн. кв. м¹⁸.

Общий городской фонд, таким образом, должен был увеличиться на 3,5 млн. кв. м (5,004 млн. кв. метров нового строительства за вычетом 1,482 млн. кв. м годового износа).

Расчет, учитывающий плановое увеличение городского населения на 1 млн. человек, показывает, что на одного нового горожанина должно было появиться по 3,5 кв. м новой жилой площади. При этом предполагалось, что общая душевая норма планомерно снизится с 5,53 кв. м (143,302 млн. кв. м / 25,9 млн. чел.) до 5,46 кв. м на чел. (149,824 млн. кв. м / 26,9 млн. чел.).

Крайне любопытны данные, свидетельствующие о стоимости жилой площади, положенной в основу расчетов: «Площадь, отстроенная в 1926/27 г. получена делением вложений на 152 руб. стоимости 1 кв. м жилой площади для госсектора и 47 руб. 1 кв. м — для частного сектора. То же для 1927/28 г. — для госсектора из 140 червон. руб. и для частного сектора на 47 руб. за 1 кв. м жилой площади»¹⁹. Следовательно, в многоэтажном многоквартирном доме, оборудованном водопроводом, канализацией и отоплением 1 кв. м стоил от 140 до 190 руб. Массовое частное жилище, видимо, совсем простые избы, обходилось в 47 руб./кв. м.

Средняя стоимость квадратного метра жилья в 100 рублей, условно принятая в расчетах «Контрольных цифр», означала, что только относительно небольшая часть нового жилья должна была быть комфортабельной и благоустроенной. Остальная часть, вынужденно — из-за ограниченности выделяемых на ее возведение ресурсов — представляла собой разные виды удешевленного («временного») неблагоустроенного жилья вплоть до бараков-казарм, плановой стоимостью в 60 руб. за кв. м²⁰.

Получается, что запланированное на 1927/28 г. жилищное строительство представляло собой приблизительно на 49 % (2,451 тыс. кв. м) благоустроенное государственное жилье, стоимостью 140 руб. за кв. м, а на 51 % (2,553 тыс. кв. м) трущобы, стоимостью 47 руб. за кв. м.

Можно предположить, что по большей части эти строения даже формально не попадали под понятие жилой площади с точки зрения санитарных норм.

С началом ускоренной индустриализации в 1929 г. возможности населения самостоятельно финансировать строительство жилья резко снизились и полностью исчезли в 1930 г.

В 1931 г. специальным распоряжением СНК СССР будут установлены лимиты средней стоимости квадратного метра жилья по республикам — от 103,5 руб. в РСФСР до 122,5 руб. в Таджикистане²¹. За этими условиями будет скрываться чрезвычайно резкая и постоянно усложняющаяся социальная дифференциация жилищного строительства в СССР.

Данные о государственном финансировании жилья интересны тем, что выдают действительные намерения правительства в отношении роста благосостояния и улучшения условий жизни населения СССР.

Осенью 1927 г. Владимир Громан был отстранен от работы над расчетами контрольных цифр. Открытая травля В. Громана и его единомышленников началась в ноябре 1929 г., а 13 июля 1930 г.²² он был арестован. В марте 1931 г., наряду с Базаровым, он стал одним из ключевых обвиняемых на полностью фальсифицированном «Процессе меньшевиков». В. Громан был приговорен к десяти годам лагерей и 11 марта 1940 г. умер в Суздальском исправительно-трудовом лагере²³.

2. «Материалы к пятилетнему плану развития промышленности СССР 1927/28-1931/32»

Абрама Гинзбурга

Разработкой первого пятилетнего плана в ВСНХ руководил бывший меньшевик, экономист Абрам Моисеевич Гинзбург. Это был план развития не всего народного хозяйства СССР, а только крупной промышленности, подчиненной ВСНХ.

Чрезвычайную тревогу у всех авторов пятилетних планов вызывало жилищное строительство, без которого было невозможно планировать возведение сотен новых промышленных предприятий — на пустых местах — в степи, тайге, тундре. Жилищное строительство для размещения миллионов новых рабочих рук, перебрасываемых в ходе реализации программы индустриализации на новостройки пятилетки было жизненно необходимым. И оно требовало очень значительных вложений. Не говоря уже о жилищном кризисе, который усиливался в существовавших городах,

где люди вынуждены были обитать на 3-5 кв. метрах на человека.

Общие затраты на жилищное строительство за пятилетку (при старых и новых предприятиях) планировались в объеме 918 млн. рублей (что составляло около 13,7 % общей суммы капитальных затрат)²⁴. Эта сумма раскладывалась на две части: а) 654,6 млн. руб. — жилищное строительство при действующих заводах и б) 262,9 млн. руб. — жилищное строительство на новостройках²⁵. При этом авторы плана указывали, что из общей суммы в 918 млн. руб. собственные вложения промышленности смогут составить только 184 млн. руб. — 20 % от требуемой суммы²⁶.

Дефицит средств предполагалось пополнять из иных источников: 492 млн. руб. планировалось взять в качестве долгосрочных кредитов, а еще 242 млн. руб. — получить из фонда улучшения быта рабочих.

По расчетам авторов плана, общей суммы затрат должно было хватить на предоставление жилья только для 400 тыс. рабочих, из которых 240 тыс. составляли часть планируемого общего прироста численности рабочих за пять лет²⁷. При этом средняя жилая площадь на одного рабочего, составлявшая в 1926/27 г. 10,4 квадратных аршин (5,35 кв. м) должна была сохраняться все пять лет на том же самом уровне. Поскольку выделявшихся денег было совершенно недостаточно, чтобы выправить положение, постольку речь шла о том, чтобы хотя бы не допустить ухудшения ситуации: «Приостановить падение жилой площади на одного живущего, которое имело место в предыдущий период»²⁸.

К моменту завершения работы над пятилетним планом ВСНХ умер председатель ВСНХ Дзержинский, сторонник «правых» и продолжения НЭПа. Его сменил сталинский назначенец Куйбышев. Изменились и политика Политбюро. В предисловии к «Материалам...» Куйбышев фактически дезавуировал всю проделанную работу фразой: «Отправные пункты оказались настолько не совершенны, что вся концепция пятилетнего развития оказалась не соответствующей тем директивам в области народного хозяйства, которые установлены для него правительством»²⁹.

Абрам Моисеевич Гинзбург был арестован 16 мая 1930 г. и осужден на процессе меньшевиков

в марте 1931 г. к десяти годам лагерей. 27 декабря 1937 г. постановлением тройки управления НКВД Челябинской области Гинзбург приговорен к высшей мере наказания. Расстрелян 30 декабря 1937 г.³⁰

3. «Перспективы развертывания народного хозяйства...» С. Струмилина

В апреле 1926 г. в Госплане СССР была создана Центральная комиссия по перспективным (пятилетним) планам³¹ под председательством Станислава Густавовича Струмилина (Струмилло-Петрашкевича). Возглавляемая им работа была закончена в марте 1927 г.³² и издана под названием «Перспективы развертывания народного хозяйства СССР на 1926-27 – 1930-31 гг.».

Одним из главных разделов плана был вопрос народонаселения и трудовых ресурсов. По расчетам авторов «Перспектив...», население России должно возрасти со 141,1 млн. чел. в 1926 г. до 157 млн. чел. в 1931 г. При этом сельское население должно вырасти со 117,1 млн. до 128 млн. чел. (на 10,9 млн. чел.), а городское с 24,8 млн. до 29,7 млн. чел. (на 4,9 млн. чел.). К 1941 г. население в целом должно вырасти до 190,4 млн. чел.³³ Миграция сельского населения в город ожидалась в объеме около полу-миллиона человек ежегодно.

«Перспективы...» планировали общую сумму вложений в новое жилищное строительство на пятилетие в размере 2,290 млн. черв. руб. «из которых на обобщественный сектор приходится 1,885 мил., или 82,3 %, и на частный — 405 мил. рублей, или 17,7 %».

Однако разработчики плана не могли не отдавать себе ясного отчета в том, что этих средств хронически недостаточно: «Если бы мы поставили себе целью к концу пятилетия обеспечить все население указанной санитарной нормой... потребовалось бы вложить в новое жилищное строительство за 5-летие около 11 миллиардов рублей и при этом пришлось бы отстроить, около 100 мил. кв. метров жилой площади»³⁴.

Разработчики могли легко вычислить, что денег нужно, по меньшей мере, в пять раз больше, но запланировать способны были лишь те средства, которые потенциально имелись: «Выше мы видели, что при напряжении всех источников финансирования, если не изыскать

для этой цели дополнительных, на жилищное строительство за 5 лет может быть обращено только 2,290 мил. рублей, т.-е. около 22 % от действительной потребности»³⁵.

В итоге, на 1930/31 г. план С. Струмилина реалистично прогнозировал снижение средней душевой нормы до 5,41 кв. м³⁶.

Согласно «Перспективам...» за пять лет планировалось возвести в ходе нового жилищного строительства 21,71 млн. кв. м³⁷. Легко высчитать, что средняя стоимость квадратного метра оказывалась равной 105 руб.

Если предположить, что 10 % этой площади — а именно подобное соотношение благоустроенного жилья к барачному (10% / 90%) было характерным практически для всех, без исключения, рабочих поселков и соцгородов начала первой пятилетки³⁸ — представляли собой квартирные дома для ведомственного и партийно-советского начальства, стоимостью 150 руб. за кв. м, то их строительство (в объеме 1,651 млн. кв. м) потребовало бы вложения в размере 247,65 млн. руб.

Следовательно, на оставшиеся 14,86 млн. кв. м. жилья приходилось 1,264 млрд. руб. вложений. Таким образом, один квадратный метр рабочего жилья должен был стоить в среднем 85 рублей.

Это примерно соответствует стоимости строительства деревянного рубленого общежития-казармы на 60 человек с общими спальнями на 15 человек без водопровода и канализации — 78,8 руб. за кв. м полезной площади и 110,3 рублей за кв. м жилой площади. При этом на одного человека в таком общежитии приходилось примерно 4,43 кв. м жилой площади и 6,2 кв. м полезной площади, согласно «Альбому проектов рабочих жилищ», выпущенному Цкомбанком в 1929 г.³⁹

Эти расчеты с определенной точностью иллюстрируют ту социальную структуру и, соответственно, воплощающую ее типологию жилища, которая была заложена в основу финансирования жилья первой пятилетки по плану С. Струмилина.

4. Пятилетка Межлаука

Практически сразу после того, как были изданы пятилетние планы Гинзбурга и Струмилина, началась их переработка согласно директивам II съезда плановых работников (фактически — директивам Политбюро).

В ВСНХ специальную («Особую») комиссию под руководством А. Гинзбурга сменила более «надежная» и более сговорчивая исполнительная комиссия по составлению контрольных цифр пятилетнего плана под руководством самого Председателя ВСНХ В. В. Куйбышева и его заместителя В. И. Межлаука.

Результаты деятельности комиссии были изданы в том же 1927 г., видимо, к самому началу XV съезда партии (2-19 декабря 1927 г.), под названием «Контрольные цифры пятилетнего плана развития промышленности СССР (1927/28-1931/32 гг.)». Этот вариант пятилетнего плана получил название «пятилетки Межлаука».

В написанном В. Межлауком введении говорилось о том, что «материальное благосостояние рабочих значительно улучшается и путем жилищного строительства. Затраты на эти цели составляют на протяжении пятилетия 1065,6 млн. руб., что обозначает возможность постройки 2 млн. кв. саж. Это позволит увеличить больше, чем на 12 % среднюю жилую площадь для всех рабочих, живущих в домах промышленности, доведя ее с 10,2 кв. аршин до 11,5 кв. аршин»⁴⁰ (т. е. с 5,1 кв. м до 5,75 кв. м).

Таким образом, планируемые затраты на жилищное строительство в промышленности превышали показатели плана Гинзбурга уже довольно серьезно — на 16 % (1,065,6 млн. руб. против 918 млн. руб.). Если в плане А. Гинзбурга ставилась задача удерживать падение душевой нормы жилой площади, то в предложениях В. Межлаука она росла. Разумеется, эти данные были сознательным пропагандистским блефом.

В целом, несмотря на то, что предлагавшиеся показатели все в большей степени утрачивали генетическую связь с реальностью, из которой они должны были последовательно выводиться, «пятилетка Межлаука» все же была еще относительно робкой попыткой высосать из пальца более высокие, чем это было в первых вариантах и, тем самым, в большей степени устраивавшие Политбюро показатели пятилетнего плана.

5. «Перспективная ориентировка на 1927/28-1931/32»

Одновременно с работой в стенах ВСНХ над «пятилеткой Межлаука», переработка пятилетнего плана шла и в Госплане, который

к XV съезду партии выпустил брошюру в шестьдесят страниц под названием «Перспективная ориентировка на 1927/28-1931/32».

Согласно приводившимся выше расчетам Струмилина, для того, чтобы душевая норма не падала, а сохранялась на уровне 5,7 кв. м на человека, следовало затратить на пятилетку 3,19 млн. руб.⁴¹ Видимо, разработчики брошюры стремились подтянуть данные по жилищному строительству к этим показателям. Жилищное строительство в 1926/27-1930/31 гг. по отправному варианту планировалось в 2,675 млн. руб., по оптимальному — 3,056 млн. руб.⁴². (По пятилетке Струмилина — 2,290 млн. руб.). По пятилетке 1927/28-1931/32 жилищное строительство планировалось по отправному варианту в 3,017 млн. руб., по оптимальному — в 3,704 млн. руб.

Однако, согласно таблице «Перспективы строительства СССР по социальным секторам», вложения в жилищное строительство за пятилетку в целом оценивались в 4,197 млн. рублей, из которых на обобщественный сектор приходилось 2,892 млн. руб. (69 %), а на частный — 1,305 млн. руб. (31 %)⁴³.

В брошюре утверждалось, что для обеспечения прироста рабочей силы в городах «душевая норма площади для пролетарских групп населения может быть заметно повышена»⁴⁴, но при этом оговаривалось, что эта программа могла быть выполнена только в случае повышения доходности квартирного фонда, то есть, по сути дела, в результате повышения квартплаты. Никаких цифровых данных о предполагаемой душевой норме не приводилось, так же, как и отсутствовали какие-либо указания на характер роста квартплаты или любых иных формах «повышения доходности квартирного фонда».

6. Утвержденный пятилетний план 1929 г.

Утвержденный в мае 1929 г. на V съезде советов пятилетний план вышел в том же году двумя изданиями в виде трехтомника. Первый том содержал «Сводный обзор» плана, второй том (в двух частях) освещал строительную и производственную программу плана, третий том содержал районный разрез плана. Его дополнял выпущенный отдельной книжкой список планируемых к строительству объектов. В трехтомнике были представлены оба варианта плана — отправной

и оптимальный (утвержденный). Различия между ними состояли в том, что отправной учитывал возможности неурожая, относительно не очень быстрый рост качественных установок в целом, и в сельском хозяйстве в особенности, и относительно больший удельный вес оборонной программы (при ее тождественности в обоих вариантах).

Оптимальный вариант исходил из отсутствия неурожая, больших экспортных ресурсов, быстрого роста иностранных кредитов и резкого сдвига качественных показателей в народно-хозяйственном строительстве (себестоимость, урожайность и т. д.)⁴⁵.

Согласно трехтомнику, жилищный фонд городов составлял в 1929 г. примерно 160 млн. кв. м и оценивался примерно в 13 млрд. руб. (18 % фондов страны).

Строительная программа предполагала по отправному варианту доведение жилого фонда до 204 млн. кв. м, а по оптимальному до — 213 млн. кв. м, в обобщественном секторе с 76 млн. кв. м до 107 или 114 млн. кв. м. Из этого следует, что в обобщественном секторе предполагалось построить 31 млн. кв. м по отправному и 38 млн. кв. м по оптимальному варианту.

Общая сумма вложений в жилищное строительство по отправному варианту — 5 млрд. руб., по оптимальному — 6 млрд. руб. Из них четвертая часть приходится на частное индивидуальное строительство⁴⁶.

Предполагалось поднять душевую обеспеченность промышленных рабочих с 5,6 кв. м в начале пятилетки до 6,9 кв. м по отправному варианту и 7,3 кв. м по оптимальному.

Указывается при этом, что для достижения «голодной санитарной нормы» в 6 кв. м на человека необходимо достроить «около 50 % относительно всей существующей жилой площади»⁴⁷.

Всего по отправному варианту должно быть выстроено новой жилплощади 32,04 млн. кв. м, а с учетом компенсации естественной убыли — 34,65 млн. кв. м⁴⁸.

Индивидуальными застройщиками должно быть выстроено 17 млн. кв. м, в том числе 5,3 млн. кв. м в возмещение естественной убыли.

Средняя стоимость строительства одного кв. метра жилья в обобщественном секторе за пятилетие должна была по плану снизиться

с 125 руб./кв. м до 87,5 руб./кв. м, что даст за пятилетие среднюю стоимость в 100 руб./кв. м, а стоимость всей программы в 3,465 млрд. руб.⁴⁹

Последние данные однозначно указывают на то, что массовым типом жилья в пятилетке должны быть самые примитивные бараки без благоустройства. Средняя стоимость строительства квадратного метра нормального каменного или деревянного дома в конце 20-х годов колебалась между 140 и 190 руб. за кв. метр.

Оптимальный вариант затрат на жилищное строительство исходит из 4 млрд. рублей в обобщественном секторе и 965 млн. рублей — в частном. Предполагается, что в этом варианте удастся достигнуть обеспеченность «наиболее отставших групп рабочих и служащих до 6 кв. м на душу»⁵⁰.

7. Итоги выполнения первой пятилетки

О том, насколько результаты первого пятилетнего плана не соответствовали не только первым вариантам пятилетки 1927-28 гг., но и официально утвержденному проекту 1929 года, можно судить по выпущенному в 1933 г. тому «Итоги выполнения первого пятилетнего плана развития народного хозяйства Союза ССР».

Разумеется, к статистическим данным этого времени следует относиться с особой осторожностью, то, что они в целом фальсифицировались — сомнений нет. Начиная с 1930 года систематически фальсифицировалась вся публиковавшаяся в СССР статистика. В то же время даже по недостоверным данным, догадываясь, что именно и с какой целью фальсифицировалось, можно понять смысл происходивших в СССР экономических и социальных процессов.

Можно с уверенностью утверждать, что, наращивая темпы индустриализации, Сталин выстраивал экономику мобилизационного типа, смыслом которой было создание военной промышленности и, как следствие, максимально большой и боеспособной армии. Все остальные отрасли экономики играли подчиненную роль и обслуживали тяжелую и военную промышленность.

Очень скупо освещены в «Итогах выполнения пятилетнего плана» результаты жилищного строительства. Всего в течение первой пятилетки сдано в эксплуатацию 22 264 тыс. кв. м жилой площади. Еще 5 млн. должны быть сданы в начале 1933 г.⁵¹ Общий жилой фонд, в городах со-

ставлявший в 1928 г. 162,46 млн. кв. м, вырос к 1932 г. до 185,6 млн. кв. м⁵². Капиталовложения обобщественного сектора в жилищное строительство составили 4 млрд. руб.⁵³

Никаких данных о том, что собой представляла построенная жилая площадь, — какую часть ее составляло временное жилье, а какую нормальное, соответствующее санитарным нормам, какую часть составляли квартиры, а какую общежития — в «Итогах...» не сказано. Отсутствуют в них также данные о душевой норме жилой площади.

Если исходить из вышеприведенных данных, то на 38,7 млн. городского населения в 1932 г. приходилось 185,6 млн. кв. м. То есть душевая норма упала с 5,6 кв. м в 1928 г. до 4,8 кв. м в 1932 г. вместо того, чтобы вырасти до 6,9 кв. м по отправному и до 7,3 кв. м по оптимальному (утвержденному) плану пятилетки.

Согласно статистическому ежегоднику 1934 года, на 1 января 1933 года городское население СССР составляло 38 739 тыс. чел.⁵⁴, а жилищный фонд в городах СССР 1933 г. — 191,5 млн. кв. м⁵⁵. Отсюда душевая норма — 4,94 кв. м. Скорее всего, данные о городском населении более или менее верны, а данные о построенном жилье завышены. Так же, как завышены и данные о финансировании жилья. Во всяком случае, реальное положение с жильем в городах СССР, особенно в новых промышленных городах, было намного хуже.

Получается, что городское население по официальным данным выросло за пятилетку на 12,423 млн. чел. (27,316 млн. в начале 1929 г. и 39,739 млн. в начале 1933 г.)⁵⁶. Жилая площадь выросла за это время на 23 млн. кв. м. Следовательно, на одного нового городского жителя за пятилетку было выстроено в среднем 1,85 кв. м жилой площади. Приблизительно столько и приходилось в 1931-32 г. на одного жителя новых промышленных городов, не имевших старого жилищного фонда, и, следовательно, лишенных возможности уплотнения.

Для примера, в Челябинске, где строился гигантский тракторный завод, средняя душевая норма в 1933 г. составляла 2,2 кв. м, в Перми — 2,8 кв. м. В Магнитогорске, строившемся в чистом поле, — 1,6 кв. м, а в Свердловске, обладавшем старым фондом — 4,2 кв. м (в 1928 г. — 5,3 кв. м)⁵⁷.

8. Второй пятилетний план

В 1934 году был принят и опубликован «Второй пятилетний план». Там приводятся следующие данные по жилищному строительству второй пятилетки: «Общий объем капиталовложений в жилищное строительство установлен в 13,4 млрд. руб., в том числе на городское и промышленное жилищное строительство 12,502 млн. руб.»⁵⁸.

Новое строительство планируется в объеме 61,4 млн. кв. м⁵⁹, что составляет одну треть имеющегося в СССР жилого фонда. Душевая норма возрастает на 12,8 %⁶⁰ (с 4,66 кв. м/чел. до 5,35 кв. м/чел.)⁶¹. При этом указывается, что удельный вес кирпично-каменного строительства должен быть повышен до 60 %. Надо полагать, что речь идет о 60 % финансирования, а не общей площади жилья.

Исходя из данных о капиталовложениях в жилищное строительство и планируемого объема, можно рассчитать среднюю стоимость строительства кв. метра — (12,5 млрд. руб. / 61,4 млн. кв. м) — около 200 руб. за кв. м.

Но на основании этих данных не просто определить, какую часть запланированного к строительству жилья должны были составлять каменные и деревянные квартирные дома, а какую коммунальные бараки. Вот возможный вариант расчета.

В 1934-35 гг. Торгсин планировал продавать иностранцам квартиры за валюту в Москве и других крупных городах из расчета себестоимости квадратного метра жилья 500 рублей⁶². Видимо, это была реальная себестоимость благоустроенного квартирного жилья с учетом инфляции последних нескольких лет.

Если исходить из того, что 60 % от всех капиталовложений (7,5 млрд. руб.) шли на строительство квартирного жилья по 500 руб. за кв. м, то общий объем такого строительства должен был составить 15 млн. кв. м.

Следовательно, на запланированное дешевое массовое строительство оставалось 46 млн. кв. м и 5 млрд. руб. То есть, стоимость одного квадратного метра должна была составить около 108 руб., что вполне нормально для коммунальных бараков. Таким образом, доля квартирного (постоянного) жилья должна была составить около четверти от всего запланированного.

Согласно выпущенному в 1939 г. тому «Итогов второго пятилетнего плана», во второй пятилетке было построено 26,8 млн. кв. м жилья — в 2,3 раза меньше, чем было запланировано по второму пятилетнему плану 1934 г. При этом никаких указаний на типологию построенного жилья, на соотношение постоянного и временного жилья в «Итогах...» не приводится.

Нет никаких оснований доверять и этой цифре.

Скорее всего, она возникла только потому, что она больше, чем официальные данные по строительству жилой площади в первой пятилетке — 22 264 тыс. кв. м⁶³. Данных по капитальным вложениям в жилищное строительство во второй пятилетке в «Итогах...» тоже нет, поэтому определить среднюю стоимость квадратного метра новопостроенного жилья невозможно.

Нет данных и по средней душевой норме жилья. Определить ее самостоятельно также невозможно, потому что полностью отсутствуют данные о статистике населения СССР, как сельского, так и городского. Что немудрено. «Итоги...» были подписаны к печати в мае 1939 г. Данные переписи 1937 г., определившие численность населения СССР в 162 млн. человек, были уже забракованы, а ее руководители (начальник ЦУХНУ И. А. Краваль и начальник бюро переписи О. А. Квиткин) арестованы и расстреляны⁶⁴. Эти данные оказались меньше, чем названная Сталиным на 17 съезде ВКП(б) расчетная цифра населения на конец 1933 г. — 168 млн. человек⁶⁵.

Новая перепись, проведенная в 1939 г., определила численность населения СССР в 170,5 млн. человек⁶⁶. Уточнение цифр переписи, которые могли бы удовлетворить правительство, шло всю первую половину 1939 г.

Согласно официальным и, несомненно, завышенным данным переписи 1939 г. городское население СССР составило на 17 января 1939 г. 56,125 млн. человек. Согласно итогам выполнения первого пятилетнего плана городское население в 1932 г. насчитывало 39,7 млн.⁶⁷ На 17 декабря 1926 г. городское население в СССР составляло 26,3 млн. чел.⁶⁸

Итак, официально за первую пятилетку городское население выросло на 13,4 млн. чел., а за вторую — еще на 16,45 млн. чел. Всего за две пятилетки — на 29,85 млн. чел.

Получается, что за первую пятилетку на одного нового горожанина пришлось 1,66 кв. м новопостроенного жилья, а за вторую пятилетку (26,8 млн. кв. м/16,45 млн. чел.) — 1,63 кв. м жилья. Если суммировать всю жилплощадь, официально построенную в СССР за две пятилетки (без учета убыли), то получится 49,1 млн. кв. м (22,3 + 26,8 млн кв. м). А всего городской фонд должен был составить к концу второй пятилетки около 210 млн. кв. м. При городском населении в 56,125 млн. чел. это дает душевую норму в 3,74 кв. м/чел.

Парадокс ситуации состоит в том, что, согласно составленной в 1953 г. для Л. Кагановича секретной справке о состоянии городского жилищного фонда, в 1940 г. в городах СССР насчитывалось только 167,3 млн. кв. м жилой площади⁶⁹, практически столько же, что и в начале первой пятилетки. Таким образом, средняя душевая норма при 56,1 млн. чел. городского населения должна была бы составить к концу второй пятилетки меньше трех кв. метров на человека. Что, видимо, и соответствовало действительности.

Развернутую картину того, как выглядели результаты реализации этих планов на Урале, дает исследование Надежды Макаровой «Повседневная жизнь Магнитогорска в 1929-1935 гг.»⁷⁰.

Магнитогорский комбинат был основной стройкой Урала, а город Магнитогорск возник на пустом месте, практически с нуля. Поэтому его развитие можно рассматривать как типичный пример градостроительного планирования сталинской эпохи. Те же процессы с теми же статистическими характеристиками шли и в рабочих поселках, возникших при существующих городах.

Строительство Магнитогорского комбината началось в 1929 г. в совершенно необжитом месте. В 1930 году население Магнитогорска составляло 22 тыс. чел.; в 1931 — 70,4 тыс.; в 1932 — 205 тыс.; в 1933 — 266 тыс. чел.

Для сравнения, город Новокузнецк (Сталинск, крупный центр уральской промышленности) вырос с 1930-го по 1935 год с 40 до 220 тыс. человек. При этом текучесть рабочей силы составляла в 1931 году 70,9 %, в 1932 году — 69 %. Только к 1935 году она уменьшилась до 3,9 %⁷¹.

В 1937 году население Магнитогорска составляло 152,4 тыс. человек. При этом с 1930-го по 1935 год город покинуло 100 тыс. человек⁷². За этой статистикой стоит катастрофическая картина блужданий по стране сотен тысяч и миллионов нищих и голодных людей, безуспешно пытающихся найти возможность прокормиться и выжить. Частная экономика уже уничтожена, а условия работы на государственных предприятиях всюду более или менее одинаковы — одинаково ужасны.

Как пишет Макарова, «весомую долю среди первых магнитогорцев составляли <...> крестьяне Уральского региона. Важным каналом трудовых ресурсов стал организованный набор рабочих по договорам с колхозами. Подобная практика получила в масштабах СССР широкое применение. В частности, такая практика активно применялась для вербовки трудовых ресурсов в Кузбассе»⁷³.

Условия жизни в Магнитогорске были очень плохими. Коэффициент смертности в 1930 году достигал 110,22 чел. на 1000, в 1931 году — 27,21, в 1932 — 20,21. В 1935 году коэффициент смертности уменьшился до 13,01⁷⁴.

Младенческая смертность в Магнитогорске в 1930 году была равна 8,4 %, а к 1932 году выросла в 4,5 раза и составила 38,6 %. В 1933 году показатель младенческой смертности составил 23,9 %⁷⁵.

В 1932 году население города было 205 тыс. чел., из них заключенные и спецпереселенцы составляли 50 тыс. чел., или 24,3 %⁷⁶, при этом численность их постоянно менялась. В ноябре 1932 года численность заключенных ИТК составляла около 6 тыс. человек, в декабре выросла до 13 тыс., в 1934 году она составляла около 10 тыс. человек⁷⁷.

В 1933 году среди заключенных официально насчитывалось 77,6 % «трудящихся» и 22 % «классово-чуждого элемента». В 1934 году ситуация резко поменялась. «Трудящихся» было 8,4 %, «классово-чуждых» — 71,4 %⁷⁸. «Классово-чуждым элементом» были, видимо, зажиточные крестьяне и «нэпманы». Остальные 20,2 % составляли колхозники и лица без определенных занятий⁷⁹. Можно предположить, что резкое изменение социального состава заключенных было результатом введения в начале 1933 года паспорт-

ной системы и очистки с ее помощью городов от «классово-чуждых элементов», становившихся «лишенцами». Изгнанные на первых порах из центральных городов, они в большинстве своем в конечном счете оказывались в лагере.

Обеспеченность жителей города жильем выглядела следующим образом.

В марте 1931 г. население Магнитогорска достигло 83 тыс. человек, общая жилая площадь составляла 160 000 кв. м, то есть 1,9 кв. м на человека. К январю 1932 г. она уменьшилась до 1,8 кв. м (196 тыс. чел, 359 тыс. кв. м)⁸⁰. Цифры показывают, что за 9 месяцев 1931 г. в Магнитогорск привезли 113 тыс. человек, на каждого из которых приходилась жилая площадь размером со спальное место.

К январю 1935 г. количество жителей уменьшилось до 154 790, норма жилплощади во всех типах зданий повысилась до 3,89 кв. м на человека. При этом 16 % жителей города жили в «домах», 75 % — в бараках, 9 % — в землянках⁸¹.

Средняя норма жилплощади скрывала за собой классовую дифференциацию: «Приблизительная норма для рабочих и членов их семей составляла 3,2 кв. м, а для инженеров, технического персонала и членов их семей — 6,26 кв. м в домах с улучшенной планировкой»⁸².

Стивен Коткин, приводя эти данные из доклада главного бухгалтера Магнитогорского металлургического комбината, отмечает, что, скорее всего, они неполные, поскольку: «В распределении жильцов по разного типа домам этот чиновник, возможно, не указал дома в исправительно-трудовой колонии (или ИТК) и специальный трудовой поселок, который был под юрисдикцией НКВД и ГУМП и состоял преимущественно из бараков. В этом же отчете приводятся следующие данные: 10 837 человек (то есть 14,4 % от общего числа рабочего населения) жили в постоянных домах. 80 % рабочих, проживающих в «полноценных» домах (около 8 700), были заняты на производстве. А остальные 25 811 рабочих, занятых на производстве, для которых, собственно, и строился этот социалистический город, продолжали жить в бараках»⁸³.

Джон Скотт приводит крайне любопытную таблицу распределения жителей Магнитогорска по типам жилья в 1938 г. Скотт ссылается на тог-

дашнюю внутреннюю статистику, у него в Магнитогорске был знакомый чиновник, который владел цифрами.

Поселок «Березка» и гостиница «Центральная»	2 %
Кировский район и другие многоквартирные дома	15 %
Частные дома	8 %
Баракы и другие временные сооружения	50 %
Землянки	25 %

Поселок «Березки» состоял из одноквартирных домов, которые впоследствии традиционно публиковались в советской прессе как пример рабочего жилья. В «Березках» и гостинице «Центральная» жил высший правящий слой города.

Кировский район — бывший «соцгород», объект творчества группы Мая. Соцгород состоял из пятидесяти кирпичных трех-пятиэтажных домов, каждый на 75-200 комнат без кухонь и ванн. На человека в Кировском районе приходилось 3,34 кв. м, селили по 4-5 человек в комнату. Средняя норма площади в бараках была 3,68 кв. м, в землянках — 3,7 кв. м⁸⁴.

В 1937 г. средняя норма жилой площади в Магнитогорске составляла 2,6 кв. м на чел.⁸⁵

В 1939 г. по официальным данным в Магнитогорске жило 158 000 человек и на каждого приходилось 3,5 кв. метра жилплощади⁸⁶. Данные за 1941 дают цифру 3,6 кв. м на человека⁸⁷.

Итак, норма жилплощади в Магнитогорске, начавшись в 1929 г. с нуля (первые десятки тысяч рабочих жили в палатках), выросла до 1,8-1,9 кв. м в 1930-31 гг. В 1933 г. — 1,6 кв. м. на человека⁸⁸. К 1935 года норма жилплощади выросла приблизительно до 3,5 кв. м и держалась на этом уровне вплоть до смерти Сталина. Это был тот же стандарт советского расселения, что и в других промышленных центрах страны.

Так же, как и в других местах, нечеловеческие условия жизни исключали возможность свободного найма рабочей силы. В Магнитогорске оказывались в основном люди, у которых не было иного выхода. Население Магнитогорска в середине 30-х годов состояло из шести различных категорий: крестьяне из окрестных мест, коммунисты и комсомольцы, посланные на «стройки пятилетки» по партийному поручению, депортированные «кулаки», заключенные, ссыльные и иностранцы.

Социальная структура советского промышленного города сталинской эпохи напоминала трудовой лагерь. Бесправное и согнанное туда насильно население управлялось небольшой группой привилегированного начальства, чьи условия жизни резко отличались от условий жизни и снабжения всевозможными благами общей массы. Резкая социальная дифференциация и упрощение советского общества в сталинскую эпоху предполагали и резкую дифференциацию в архитектурно-градостроительном обслуживании населения. В 1929-30-х произошло разделение советского градостроительного планирования на официальное и неофициальное. Неофициальное градостроительство занималось проектированием промышленных предприятий и формированием неблагоустроенных барачных поселков при них, составлявших примерно 90 % всего строившегося жилья. Данные об этом строительстве никогда не попадали в печать, так же, как и данные о градостроительном проектировании лагерных комплексов, рассчитанных в общей сложности на несколько миллионов человек. Архитектура этих комплексов не сильно отличалась от архитектуры вольных городов. Те же ряды бараков, только под охраной, и изолированные поселки для руководства и охраны. Официальное градостроительство занималось планированием замкнутых жилых комплексов и поселков для партийного и ведомственного начальства и проектированием монументальных центров городов. Такие центры состояли из центральных площадей с правительственными или административными зданиями и ведущих к ним магистралей, застроенных более или менее роскошными (в зависимости от ранга поселения) домами для городской элиты. Все это публиковалось в журналах и подавалось как единственно возможное в СССР жилое и общественное строительство. Публичная сталинская архитектура, представлявшая собой парадную, но незначительную по объему часть общего строительства, до сих пор часто рассматривается как единственное лицо сталинского города. На самом деле, это была только крохотная видимая часть айсберга, основная масса которого представляла собой огромный массив неблагоустроенного трущобного жилья, остававшегося как бы невидимым для официальных наблюдателей.

- ¹ Гухман Б. Динамика численности и занятий населения СССР // Плановое хозяйство. — 1926. — № 8. — С. 248.
- ² Гухман Б. Численность и заработная плата лиц наемного труда по СССР в 1924/25 гг. // Плановое хозяйство. — 1926. — № 5. — С. 270.
- ³ Итоги выполнения первого пятилетнего плана развития народного хозяйства Союза ССР. — М., 1933. — С. 252.
- ⁴ Постановление Экономического совещания РСФСР «О регулировании жилищного строительства, осуществляемого исполнительными комитетами, государственными учреждениями и кооперацией» // [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://arzamas.academy/materials/595>.
- ⁵ Хроника строительства // Строительство Москвы. — 1930. — № 1. — С. 40.
- ⁶ Ясный Н. Советские экономисты 1920-х годов. Долг памяти. — М., 2012 — С. 208.
- ⁷ Мау В. Реформы и догмы. 1914-1929. — М. 1993. — С. 181.
- ⁸ Ясный Н. Указ. соч. — С. 203.
- ⁹ Там же. — С. 171.
- ¹⁰ В первую очередь речь идет о многочисленных книгах и статьях сотрудника Госплана Леонида Сабсовича.
- ¹¹ Контрольные цифры народного хозяйства на 1925-1926 год. — М.-Л., 1927. — С. 33.
- ¹² Там же. — С. 66.
- ¹³ Там же. — 1927. — С. 46.
- ¹⁴ Данные в источнике приведены в саженях и аршинах. «Контр. цифры... 1926/27». — С. 64-65.
- ¹⁵ Контрольные цифры народного хозяйства на 1927-1928 год. — М.-Л., 1928. — С. 36-37.
- ¹⁶ Там же. — С. 527.
- ¹⁷ Там же. — С. 528-529.
- ¹⁸ Там же. — С. 533.
- ¹⁹ Там же. — С. 533.
- ²⁰ В сборнике «Контрольные цифры по труду на 1929/30год» указывается, что 17 % годовой программы по строительству жилья (1,108 млн. кв. м с затратай 66,48 млн. руб.) может быть выполнено за счет «удешевленного облегченного строительства» со стоимостью 1 кв. метра жилой площади до 60 руб. См.: Контрольные цифры по труду на 1929/30 год. — М., 1930. — С. 143. Расчет жилищного строительства для рабочих целлюлозно-бумажного комбината на Кара-Узьяке в Казахстане основывался на стоимости 1 куб. м стройки в 20 руб. и высоте здания 3 м, что дает стоимость одного кв. м в 60 руб. См.: Пятилетний план развития промышленности Казакстана. — Алма-Ата, 1930. — С. 144.
- ²¹ «О лимитах стоимости кв. метра жилой площади. Постановление Сектора капитальных работ и районного планирования Госплана СССР М 15 от 23/Ш 1931 г. На основании постановления СНК СССР „О плане финансирования рабочего жилищного строительства в 1931 году” (№ 187 от 1 марта с. г., пункт И) Сектор капитальных работ и районного планирования Госплана СССР устанавливает следующую среднюю стоимость квадратного метра жилой площади по союзным республикам: 1. По РСФСР — 103,5 руб., по УССР — 104,0 руб., по БССР — 103,0 руб., по ЗСФСР — 107,5 руб., по Узб. ССР — 105,0 руб., по Туркм. ССР — 110,0 руб. и по Тадж. ССР — 122,5 руб.». См.: Постановления и директивы сектора капитальных работ Госплана Союза СССР. — М.-Л., 1931. — Вып. 18. — Сб. 12. — С. 7.
- ²² Ясный Н. Указ. соч. — С. 183.
- ²³ Там же. — С. 188.
- ²⁴ Материалы к пятилетнему плану развития промышленности СССР 1927/28-1931/32». — М. — С. 61.
- ²⁵ Там же. — С. 107.
- ²⁶ Там же. — С. 108.
- ²⁷ Там же. — С. 107-108.
- ²⁸ Там же.
- ²⁹ Там же. — С. 5.
- ³⁰ Ясный Н. Указ. соч. — С. 23.1
- ³¹ Перспективы развертывания народного хозяйства СССР на 1926/27-1930/31 гг. — М., 1927.
- ³² Подписанное Струминым предисловие датировано 21 марта 1927 г.
- ³³ Перспективы развертывания народного хозяйства СССР на 1926/27-1930/31 гг. — С. 9.
- ³⁴ Там же. — С. 366-367.
- ³⁵ Там же.
- ³⁶ Там же. — Прилож., с. 163.
- ³⁷ Там же. — С. 162.
- ³⁸ Меерович М. Г. Типология массового жилища соцгородов-новостроек 1920-1930-х гг. // Архитектон: известия вузов — 2010 // [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://archvuz.ru/2010_3/6.
- ³⁹ Проекты рабочих жилищ. — М., 1929. — С. 204-205.
- ⁴⁰ Контрольные цифры пятилетнего плана развития промышленности СССР (1927/28-1931-32 гг. — М., 1927. — С. XI-XII.
- ⁴¹ Перспективы развертывания народного хозяйства СССР на 1926/27-1930/31 гг. — С. 160-161.
- ⁴² Перспективная ориентировка на 1927/28-1931/32. — М., 1928. — С. 53, 61.
- ⁴³ Там же. — С. 34.
- ⁴⁴ Там же. — С. 21.
- ⁴⁵ Пятилетний план народно-хозяйственного строительства СССР. — М., 1929. — Т. 1. — С. 11.
- ⁴⁶ Там же. — Т. 2. — Ч. 2. — С. 283.
- ⁴⁷ Там же. — С. 284.
- ⁴⁸ Там же. — С. 285.
- ⁴⁹ Там же. — С. 286.
- ⁵⁰ Там же. — С. 288.
- ⁵¹ Итоги выполнения первого пятилетнего плана развития народного хозяйства Союза ССР. — М., 1933. — 186.
- ⁵² Там же.
- ⁵³ Там же.
- ⁵⁴ Социалистическое строительство СССР. Статистический ежегодник. — М., 1934. — С. 353.
- ⁵⁵ Там же. — С. 436.
- ⁵⁶ Там же. — С. 353.
- ⁵⁷ Бакунин А. В., Цыбульникова В. А. Градостроительство на Урале в период индустриализации. — Свердловск, 1989. — Табл. 1.
- ⁵⁸ Второй пятилетний план развития народного хозяйства СССР (1933-1937). — М., 1934. — С. 348.

- ⁵⁹ Там же. – С. 348-349.
- ⁶⁰ Там же. – С. 533.
- ⁶¹ Там же. – С. 348-349.
- ⁶² Осокина Е. Золото для индустриализации: Торгсин. – М., 2009. – С. 245.
- ⁶³ Итоги выполнения первого пятилетнего плана... – С. 186.
- ⁶⁴ Всесоюзная перепись населения 1939 г. Основные итоги. – М., 1992. – С. 4-5.
- ⁶⁵ Там же. – С. 4.
- ⁶⁶ Там же. – С. 7.
- ⁶⁷ Второй пятилетний план развития народного хозяйства СССР (1933-1937). – С. 533.
- ⁶⁸ Всесоюзная перепись населения 1939 г. – С. 20.
- ⁶⁹ Советская жизнь 1945-1953. – М., 2003. – С. 174.
- ⁷⁰ Макарова Н. Н. Повседневная жизнь Магнитогорска в 1929-1935 гг. Диссертация на соискание ученой степени кандидата исторических наук. – Магнитогорск, 2010. – С. 46.
- ⁷¹ Там же.
- ⁷² Там же. – С. 45.
- ⁷³ Там же. – С. С. 51.
- ⁷⁴ Там же. – С. 47.
- ⁷⁵ Там же. – С. 47-48.
- ⁷⁶ Там же. – С. 57.
- ⁷⁷ Там же. – С. С. 57-58.
- ⁷⁸ Там же. – С. 57.
- ⁷⁹ Там же. – С. 57.
- ⁸⁰ Коткин С. Жилище и субъективный характер его распределения в сталинскую эпоху // Жилище в России: век XX. – М., 2002. – С. 105.
- ⁸¹ Там же. – С. 117.
- ⁸² Там же. – С. 105.
- ⁸³ Там же. – С. 117.
- ⁸⁴ Там же. – С. 118.
- ⁸⁵ Бакунин А. В., Цыбульникова В. А. Указ. соч. – С. 34.
- ⁸⁶ Из истории магнитогорского металлургического комбината и города Магнитогорска (1929-1941 гг.). – Челябинск, 1965. – С. 45.
- ⁸⁷ Коткин С. Указ. соч. – С. 118.
- ⁸⁸ Бакунин А. В., Цыбульникова В. А. Указ. соч. – С. 34.

М. Г. Меерович (Иркутск)

СОВЕТСКАЯ ВЛАСТЬ ПРОТИВ «ДУХОВ МЕСТА»:

ГРАДОСТРОИТЕЛЬНАЯ ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА В СССР (1917-1941 ГГ.)

Советское градостроительство осмысленно и целенаправленно боролось с воплощением в проектах городов и поселков каких-либо проявлений «духа места». Все планировочно-расселенческие доктрины, которые последовательно возникли и практически реализовались в СССР в период 1917-1941 гг.: а) советского ведомственного рабочего поселка, б) социалистического города, в) социалистического расселения — противостояли учету в архитектурно-градостроительных проектах специфических ландшафтных или культурных особенностей места строительства и присущих ему локальных традиций.

Первый раунд борьбы: попытка отстоять право «духа места» в формировании идентичности советских поселений

Одним из направлений интерпретации в дореволюционной России идеи города-сада было ее осмысление с позиций традиционного проектного подхода, основывавшегося на учете в проектах поселений: а) природных факторов, б) культурных традиций, в) исторических планировочных форм, г) образа жизни, быта, обрядов и культов местного населения, д) артефактов прошлого и т. д.

Российские архитекторы в условиях революционных социальных преобразований — отмены частной собственности на землю, провозглашения приоритета общественных интересов перед частными и т. п. — в самых первых своих послереволюционных проектах обратились к идее города-сада. Они надеялись, что советская власть устраним все недостатки дореволюционных поселений подобного типа и создаст подлинные города-сады — с коллективными формами организации быта, с общественным управлением процессами градостроительства и повседневной эксплуатации поселений, с комфортабельными индивидуальными домами коттеджного типа для отдельной семьи, с персональными участками земли для разведения сада, огорода, домашней живности. Архитекторы видели в городе-саде прообраз поселений будущего: с общественной собственностью на землю

и государственным финансированием возведения жилища и инфраструктуры. С этих сторон идея рабочего поселка-сада, с учетом ее приложения к идеалам, возникшим на фоне революции, рассматривалась в трудах Г. Б. Бархина, Б. Великовского, И. И. Везубова, Е. В. Виленц-Горовиц, Л. В. Воронина, Я. Г. Гевирц, И. И. Гельмана, А. А. Глазырина, И. Г. Диканского, В. Ф. Иванова, В. С. Карповича, П. М. Кожаного, В. Д. Мачинского, М. Н. Петрова, П. В. Прейса, С. Н. Семенова, Э. Г. Френкеля, Д. И. Шейнса и др.¹

Российские архитекторы, гражданские инженеры, гигиенисты, экономисты — все, кого объединяла идея города-сада — стремились в новых политических условиях практически реализовать наиболее привлекательные художественно-образные принципы города-сада: живописность планировки, эстетическую привлекательность среды обитания, комплексное формирование застройки, озеленения и инженерной инфраструктуры, целостность композиции, единое пространственное решение общественных пространств: улиц, кварталов, площадей, поселения в целом и т. п.

Однако совершенно неожиданно эта позиция встретила жесткое сопротивление со стороны госструктур. Первый раунд борьбы за изгнание «духов места» из пространства архитектурно-градостроительного проектирования развернулся в середине 1922 г., когда традиционный подход к архитектурно-планировочному обустройству поселений столкнулся с позицией Главного управления коммунального хозяйства НКВД (ГУКХ НКВД).

Поводом для прямого столкновения сторонников переноса концепции города-сада на советскую почву с противниками применения традиционных подходов к планировке поселений явилось учредительное заседание по возрождению в Советской России общества городов-садов. Заседание проходило 30 июня 1922 г. в Москве на совершенно законных основаниях и даже под «государствен-

ным патронажем» — председателем заседания был заместитель народного комиссара здравоохранения т. Соловьев².

На нем сторонники идеи городов-садов говорили о необходимости развить то позитивное, что выработала предшествовавшая практика градоустроительной деятельности.

А их противники утверждали, что проектный подход (характерный для идеи города-сада), основанный на учете особенностей места, категорически неприменим в советских условиях. Прежде всего, они возражали против воплощения в СССР социального содержания идеи города-сада³, заключающейся в непосредственном участии в принятии архитектурно-планировочных решений гражданского сообщества, которое, собственно, и обеспечивало учет и проектное воплощение традиций, обычаев, обрядов, культурных ценностей в результате самодеятельности населения. Непосредственно на самом учредительном заседании и позднее, на страницах периодических изданий, представители органов, осуществлявших государственную градостроительную и жилищную политику (в частности, ГУКХ НКВД)⁴, высказывали принципиальное несогласие с направленностью инициатив на возведение городов-садов на основе «соучаствующего проектирования» (так именуется этот проектный подход в современных терминах).

Противники идеи города-сада утверждали, что социализм должен сознательно и целеустремленно формировать поселения совершенно иного — «некапиталистического» типа. Такие, которые основывались бы не на учете каких-то нематериальных, «духовно-мистических» особенностей места, о которых толковали их оппоненты: культурно-исторических, ментально-событийных, природно-энергетических, эмоционально-чувственных и прочих, а на государственном подходе, выражавшемся в «индустриально-производственном обустройстве среды обитания трудящихся масс». Противники города-сада требовали категорического отказа от таких традиционных механизмов градоформирования, как: а) рыночное саморегулирование; б) наличие разнообразных форм самообеспечения населения продуктами питания и предметами первой необходимости; в) саморазвивающиеся частные формы обслуживания; г) частное предпринимательство в строительстве;

д) общественное самоуправление; е) социально-экономическая самостоятельность повседневного функционирования и саморазвития поселений и т. п. Они исходили из того, что формируемая вертикаль власти центра над Советами на местах должна последовательно проявлять себя и в государственном регулировании всеми без исключения процессами градоформирования. На этом фоне и живописность планировки (присущая городу-саду), и характер озеленения, и традиционные приемы ландшафтнообразной ансамблевой застройки невольно вступали в конфликт с экономикой. Причина в том, что постоянно ужесточавшиеся государством требования экономии средств заставляли архитекторов отказываться от согласованных с особенностями ландшафта пластических планировочных решений и переходить к регулярной планировке. Потому, что регулярная планировочная схема (с укрупненным строительным кварталом) позволяла сокращать: а) общую протяженность проездов; б) число проездов с односторонней ориентацией застройки; в) протяженность инженерных сетей (водных и канализационных), что в совокупности приводило к ощутимому снижению расходов на благоустройство и инженерное оборудование территории, а в целом — к уменьшению общих затрат на строительство поселения. Установка на экономию денег также диктовала сокращение числа скверов, объезды вокруг которых увеличивали протяженность улиц. В итоге, живописность проиграла экономике, а «верность идентичности места» не просто оказалась невостребованной, а была заклеена как вредная для развития народного хозяйства страны.

Таймаут: точка бифуркации — концепция соцгорода против доктрины города-сада

Переломным моментом в затяжной (почти десятилетней) борьбе за воплощение в проектах поселений «советского типа» специфики места, стала принятая 28 мая 1928 г. Инструкция НКВД № 184⁵, диктовавшая единые правила, по которым впредь должны начинать проектироваться в СССР все без исключения города и рабочие поселки.

Эта Инструкция была своеобразной точкой бифуркации, т. к. содержала одновременно: а) концептуально-теоретические представления, генетически вытекавшие из идеи города-сада

(условно назовем их «нормативы города-сада»), и б) принципиально иные представления о поселениях нового типа — соцгородах и соцпоселках (условно назовем их «нормативы соцгорода»). И эти две диаметрально противоположные, противоречившие друг другу группы нормативных требований к проектированию поселений, совершенно различные по содержанию и идеологической направленности, входили в состав Инструкции почти равновесно.

Через «нормативы города-сада» город раскрывался таким, каким он укоренился в профессиональном сознании еще с дореволюционных времен, с того периода, когда умами прогрессивной общественности, в том числе архитекторов, завладела социально-реформаторская идея Э. Говарда⁶ (т. е. с конца 1890-х гг.). Причем, завладела настолько сильно, что, несмотря на могучую поступь советской расселенческой доктрины, за полгода до выхода в свет Инструкции НКВД — в 1927 г., Э. Говард был избран Почетным членом Ленинградского общества архитекторов.

Через «нормативы соцгорода» город представлялся таким, каким его желала видеть советская власть, осуществляя программу ускоренного формирования военно-промышленного комплекса и индустриального освоения отдаленных сырьевых регионов — таким, каким он был концептуально сформулирован в выработанной Госпланом доктрине соцрасселения — как средства территориально-административного удержания трудовых ресурсов на новостройках первых пятилеток.

Парадоксальное сосуществование в одном нормативном документе «нормативов города-сада» и «нормативов соцгорода» объясняется тем, что в этот период в советской градостроительной теории и, соответственно, в нормировании, одновременно продолжали соседствовать две группы философски-культурологических воззрений, две архитектурных идеологии, два антагонистических градостроительных концепта. Один из них (теория соцгорода и соцрасселения) активно разрабатывался, законодательно оформлялся и принудительно вводился органами государственной власти в повседневную практику проектирования, а другой (идея города-сада) по инерции все еще продолжал существовать, но уже активно критиковался «плановиками-коммунистами», идеологически

отвергался и постепенно вытеснялся из архитектурно-градостроительной концептуально-теоретической и нормативной действительности.

Нормативы города-сада выражали характерное для этой доктрины: а) «персонифицированное», «штучное» отношение к каждому конкретному поселению, ориентированное на максимальный учет локальных особенностей данной территории, специфики уклада хозяйственной деятельности, культуры и быта населения; б) на формирование общественных форм и коллективного характера самоуправления населенным местом и т. п.

В противоположность им постулаты соцрасселения утверждали: а) технократические и волюнтаристские (в те годы их именовали «телеологическими», т. е. основанными не на учете реалей, а на выдвигаемых целях⁷) механизмы возникновения новой промышленности и неразрывно связанного с ней размещения трудовых ресурсов; б) функционально-территориальные особенности формирования новых городов и рабочих поселков исключительно как селитьбы при промышленности; в) специфику государственно-ведомственного распределения финансовых и материальных ресурсов на обустройство среды обитания по остаточному принципу, а также г) характер социально-культурного функционирования поселений в условиях стремления партийно-государственного аппарата сконцентрировать в своих руках все рычаги управления процессами жизнеустройства т. п.

В той части, которая содержала «нормативы города-сада», Инструкция предлагала обязательную программу широкого предпроектного выявления и изучения специфических, присущих лишь данному месту, характеристик: а) культурных — изучение «памятников старины, искусства, и природы»; б) ландшафтно-географических — влияние на устройство города его топографического расположения, геологии, гидрографии и орографии окружающей местности; в) природно-климатических — влияние на планировку поселения климата и растительного мира; г) исторических — сведений об особенностях предшествовавшего пространственного развития города, вытекавших из истории его возникновения и развития в культурном, экономическом и административном отношениях; д) фактических данных, выявляющих неблагополучие города в целом и по отдельным его районам

и кварталам в отношении заболеваемости и смертности; эпидемий, их частоты и продолжительности; е) характера влияния общественно-политической жизни и т. п.⁸

Именно результаты подобного предпроектного анализа должны были задавать специфическую основу разработки задания для проектирования планировочной схемы и выбора типов застройки каждого конкретного поселения⁹. Причем подчеркивалось, что «разработка основных заданий для проекта планировки (города или поселка) является задачей чрезвычайно важной и ответственной, так как лишь при правильно сформулированном задании может быть правильное разрешение проблем переустройства и будущего развития города (поселка)»¹⁰.

Ориентация на индивидуальный характер обследования каждого конкретного места строительства и устремленность на индивидуальность разработки задания на проектирование, предписываемая «нормативами города-сада», проявлялась также и в предусмотренной Инструкцией возможности определения того конкретного списка позиций программы обследования, который наиболее полно соответствовал бы особенностям конкретного места. Инструкция предоставляла возможность организациям, осуществлявшим изучение города¹¹, самостоятельно, на свое усмотрение, разрабатывать собственные программы обследований в соответствии со спецификой конкретного поселения¹²: «В зависимости от обширности города и сложности входящих в состав последнего сооружений... на месте разрабатывается детальная программа изучения, в которой может быть изменена последовательность статей, отдельные части основной программы должны получить сообразное обстоятельствам дела развитие, а некоторые пункты, как не имеющие существенного значения для данного города, могут вовсе отпасть»¹³.

«Нормативы города-сада», будучи генетически связанными с говардовской идеей общественного самоуправления поселением, основывались на широком привлечении общественности к работам по изучению городов и поселков, рассматривая ее как главного «субъекта» управления развитием города. Это напрямую фиксировалось в Инструкции: «Кроме технического аппарата, по возможности, привлекаются широкие массы

трудящегося населения города или поселка через секции совета, общества Краеведения и другие научные и общественные учреждения»¹⁴.

«Нормативы соцгорода», противостоявшие «нормативам города-сада», были принципиально безразличны к «духу места», нейтральны ко всем особенностям места будущего города, кроме технических (геологические условия, климатические характеристики и проч.). Даже по отношению к такой традиционно важной для градостроительного проектирования характеристике, как рельеф, они оказывались нейтральными, так как площадка для возведения будущего промышленного комплекса и привязанной к нему селитьбы еще на предварительной стадии должна была выбираться максимально ровной, что и было законодательно предписано еще в декабре 1927 г. постановлением ЭКОСО РСФСР «Об утверждении строительных правил и норм для постройки жилых домов в поселках на территории РСФСР»¹⁵.

«Нормативы соцгорода» законодательно обеспечивали реализацию концепции соцрасселения, которая официально утверждала безусловный идеологический приоритет промышленно-производственного потенциала существования и развития поселений перед всеми прочими. Они законодательно закрепляли приоритеты «производства» и «транспорта» перед «селитьбой», трактуя соцпоселения как «производственные и экономические центры»¹⁶ и предписывая осуществлять их планировку так, чтобы обеспечить, прежде всего, «развитие и организацию промышленности во всех ее видах»¹⁷.

Второй раунд борьбы: формы организации производственной деятельности против смыслов жизни

Концепция социалистического расселения в качестве «единицы» социально-культурной формы организации людей утверждала их производственно-бытовую организацию. Она исходила из того, что основной формой сосуществования людей должны являться социально-трудовые коммуны¹⁸. Она рассматривала всю систему расселения как единый технологический процесс по производству продукции (единообразно устроенный и планомерно разворачивающийся), а каждый отдельный населенный пункт — прежде всего, как промышленное производство, а потом

уже как «селитьбу», в качестве «тары для складирования рабочей силы». «Социалистические поселения» замысливались именно «при» производственных (промышленно-хозяйственных) комбинатах и рассматривались как единая форма расселения, заменяющая как старые города, которые следует как можно скорее уничтожить, не оставив камня на камне, так и «мелко-буржуазное деревенское расселение».

Концепция социалистического расселения интеллектуально обеспечивала «великий поворот к индустриализации», утверждая ценность строительства новых городов как мест, свободных от пережитков прошлого и, тем самым, благоприятных для формирования подлинно «социалистических» поселений. Она утверждала принципы «искусственно-технической» организации процессов функционирования населенных мест, в которой быт, труд, отдых должны быть организуемы целенаправленно, на основе научных знаний и расчетов так, чтобы исключить неконтролируемые процессы деятельности и жизни. Утверждалось, что концепция социалистического расселения базируется на идее социальной справедливости, но в реальности это выливалось в лимитированное плановое распределение жизненных благ.

Концепция соцрасселения предписывала формировать соцгорода-новостройки как места сосредоточения пролетариата («классовые пролетарские центры»¹⁹) за счет группировки вокруг них промышленных и сельскохозяйственных округов и административного подчинения им крестьянского населения, проживавшего на прилегающих территориях. Требовала осуществлять административно-территориальное деление: а) для крупных районов — с учетом сосредоточения промышленности, технических культур, направления и характера путей сообщения (железнодорожного, водного и автотранспорта), а также численности и национального состава населения; б) для мелких районов — с учетом тяготения населения «к существовавшим ранее или образовавшимся после Октябрьской революции центрам распределительной системы»²⁰ (т. е. «местам сдачи продуктов местного хозяйства и пунктам товарообмена или распределения»)²¹. Концепция соцрасселения, утверждая основное предназначение соцгорода — быть

центром промышленного производства, требовала обеспечить рациональную взаимную увязку расположения промышленных объектов на территории соцгорода.

Советская градостроительная теория категорически отбрасывала представления о естественном генезисе поселений, основывающемся на существовавших особенностях места. Отвергала «прорастание» поселений из накапливавшихся в течение многих веков характерных свойств и закономерностей формирования специфических культурно-исторических укладов.

В основе ее лежали исключительно искусственно-принудительные механизмы формирования селитьбы, призванной обеспечивать рабочей силой промышленное производство, для функционирования которого, собственно, эта селитьба и возводилась. Кстати, ключевая роль производства в образовании поселения была закреплена в советской теории специальным термином: «градообразующее» предприятие. Подобный подход принципиально отвергал традиционный, дореволюционный, который основывался на «естественных факторах», таких, как: а) плодородие почв; б) распределение влаги; в) климат; г) растительный покров; д) исторически сложившиеся занятия жителей; е) зоны концентрации населения и его плотность; ж) характер основной деятельности коренного населения; з) исторически сформировавшиеся траектории перевозки грузов и, как следствие, и) направление путей сообщения и т. п. Было совершенно неважно, в какой местности оказывается размещенное поселение, главное, чтобы выгодно и рационально (в отношении сырья, потребного количества воды, электроэнергии, связей с кооперированными фабриками и заводами) было расположено производство.

«Методология индустриализации» Госплана осознанно шла по пути принесения любой специфики места в жертву определенному типу организации промышленного производства. Телеологический подход разработчиков программы индустриализации отказывался «обнаруживать» локальные импульсы развития поселений в ходе скрупулезного обследования места. Он требовал их сознательно и целенаправленно «формировать». За счет искусственных (а если нужно, то и принудительных) мер — в рамках общегосударствен-

ной логики административно-управленческого руководства формированием современного, технологически передового военно-промышленного комплекса. Советское градостроительное нормирование, в противоположность «нормативам города-сада» требовало проводить предпроектный анализ вовсе не для выявления специфики места, а лишь для того, чтобы при планировке поселения установить: 1) какую промышленность края и города (добывающую и обрабатывающую) следует формировать в данном месте; 2) какой профиль сельского и лесного хозяйства назначить как приоритетный; 3) какой внешний транспорт следует завести в данное поселение; 4) каким образом будет обеспечено перемещение грузов между «промышленно-селитебным образованием» и тяготеющим к городу районом; 5) за счет чего будет обеспечено электроснабжение производства и, как следствие, города. «Местное» учитывалось лишь в одном случае — для обнаружения возможностей использования в производстве местных строительных материалов или природных ископаемых²².

«Дух места» в отношении этих задач был абсолютно несущественен.

Третий раунд борьбы:

полное и окончательное поражение традиционного проектного подхода

Советская власть формировала такую систему управления расселением и городами, которая основывалась на совершенно иных, нежели в царской России, условиях: а) единого народнохозяйственного планирования; б) централизованного финансирования и материально-технического снабжения; в) новых принципов размещения, возведения и функционирования поселений; г) искусственных форм организации внутригородской жизни и деятельности; д) централизованного создания инфраструктуры и «распределительного» характера системы обслуживания; е) специфической жилищной политики и т. д.

Учет «духа места» в рамках этой системы оказывался серьезной помехой для превращения архитектора в государственного служащего, в винтик единого общегосударственного механизма массового проектного дела.

Социально-организационная доктрина управления советским государством, заключавшаяся в объединении трудовых ресурсов в т. н. «трудо-

бытовые коллективы» — единицы административно-территориальной организации населения, покоящаяся на фундаменте технократической идеологии приоритетного формирования военно-промышленной индустрии, привела к возникновению такой системы принятия расселенческих решений, в которой не было возможностей для воплощения «духа места».

Это положение резко усугубилось со стартом программы индустриализации, в ходе которой ускоренная реализация планов промышленно-транспортного освоения новых территорий и зон ресурсодобычи, поспешное воплощение концепции соцрасселения, особенно в период первой пятилетки, сформировало такую градостроительную политику, в рамках которой архитекторы оказывались отрезанными от решения огромного количества вопросов, предопределявших качество среды обитания.

Авторы планировок соцгородов и поселков были лишены возможности учитывать культурную, ландшафтную, ментально-поведенческую, обрядовую, бытовую и проч. специфику места: населения, природы, истории, не способны были с этих позиций влиять на типологию жилой архитектуры или параметры генплана. Вне их компетенции оказывалось традиционное фундаментальное содержание архитектуры и градостроительства: ландшафтосообразный характер структурирования поселения на части; формирование комфортной системы общественных пространств; привлекательный для конкретного населения состав объектов обслуживания; характер обустройства автономного домохозяйства; характер заселения квартир и домов, установление количества квадратных метров жилья, предназначавшихся человеку (или семье); маркировка социально значимых мест; воплощение культурных кодов территории, даже стилистика архитектуры. Все это либо задавались свыше через предписания программ проектирования и постановления о лимитировании стоимости квадратного метра жилья, ограничении использования определенных видов строительных материалов и конструкций, указаний конкретной структуры жилого фонда, указаний на обращение к тем или иным образным прототипам и т. п. Либо просто отвергалось архитектурной теорией, градостро-

ительным законодательством, переформатированной профессиональной идеологией, возможностями реальной проектной практики.

Проектировщикам (и прямо, и косвенно) уже в готовом виде задавались места размещения промышленных предприятий и градостроительные принципы формирования селитбы при них: расчетная численность населения содгородов, показатели баланса территории, плотность застройки, вид планировочной структуры (строчная, периметральная, регулярная, живописная), иерархия планировочных единиц, состав объектов обслуживания, их вместимость, уровень инженерного оборудования территории, ориентация пешеходных связей, количество озеленения, виды городского транспорта и проч. Все перечисленные выше параметры в повседневную практику проектирования внедрялись через нормативные предписания, а также распространялись благодаря образцам проектных решений, вырабатываемым как непосредственно в ходе проектирования, так и на специально организуемых конкурсах, итоги которых популяризировались потом через архитектурную печать.

Вместо выводов

Борьба с практикой учета «духа места» со стороны советской государственной мегамашины производства проектной документации не была одномоментной. Процесс превращения дореволюционной позиции свободно практикующего

архитектора в подневольного государственного совслужащего растянулся на полтора десятка лет.

Используя нормативные документы, власть изменяла не только идеологию градоформирования, сложившуюся в предреволюционный период, но и те теоретические представления, которые успели вырасти под влиянием идеологии реформаторских социальных преобразований первого послереволюционного десятилетия. Используя нормативы, власть вводила деятельность архитекторов в систему надличностных правил, обладавших в рамках целенаправленно создаваемой ею общегосударственной системы проектного дела мощностью, значительно превышавшей и волеизъявление отдельных людей, и даже организационные возможности целых проектных коллективов.

Идеологически вводя шаблоны проектных решений, законодательно утверждая определенные нормативы, власть принуждала проектировщиков перестраивать свои персональные представления о предназначении городов и о целях проектной деятельности в соответствии с официальной доктриной. Причем, эти «добровольно-принудительные» изменения оказывались обязательными для всех участников проектного процесса, т. к. процедуры согласования и утверждения проектной документации основывались на тех же самых нормативах и неисполнение их обесмысливало результаты проектной работы.

В этой системе «духу места» места не было...

¹ Бархин Г. Б. Современные рабочие жилища. Материалы для проектирования и плановых предположений по строительству жилищ. — М., 1925; Великовский Б. Планировка рабочих поселков // Рабочая жилищно-строительная кооперация. — 1925. — № 4. — С. 63-72; Вerezубов И. И. Благоустройство селений и кооперация. — М., 1925; он же. К вопросу о проблеме социалистического города // Строительство Москвы. — 1930. — № 1. — С. 13-16; Виленц-Горовиц Е. В. Из области жилищного вопроса в Германии (законодательство, инспекция, строительство). — М., б. г.; Воронин Л. В. Рациональное устройство жилищ, поселков и городов. Современные методы планировки. — М., 1926; Гевирц Я. Г. Эволюция жилищ. — М., 1925; Глазырин В. А. Поселки-сады и поселки на путях сообщения. — Л., 1928-1929. — Вып. 1-2; Диканский М. Г. Борьба за рабочее жилище. — М., 1925; он же. Жилищный вопрос. — Харьков, 1919; он же. Квартирный вопрос и социальные опыты его решения. —

СПб., 1908; он же. Постройка городов, их план и красота. — Пг., 1915; он же. Проблема современных городов. Движение в больших городах. Кризис жилища. — М., 1926; Иванов В. Ф. Города-сады и поселки для рабочих. Планировка, водоснабжение, канализация. — Л., 1925; Карпович В. С. Рост городов и достижения Запада в области рабочего строительства // Справочник по жилищному строительству. — М., 1925. — С. 17-29; Кожаный П. Рабочее жилище и быт. — М., 1924; Мачинский В. Д. Рабочий поселок. — М., 1925. — С. 110-111; Петров А. И. Опыт постройки городов-садов в Западной Сибири // Коммунальное дело. — 1923. — № 1. — С. 35-36; Преис П. В. Планировка городов и поселков — М.-Л., 1927; Семенов В. Н. Благоустройство городов. — М., 1912; Френкель Э. Г. Задачи правильной застройки населенных мест в освещении современной гигиены: по данным отдела застройки городов на Международной Дрезденской выставке 1911 г. — М., 1912; Шейнис Д. И. В борьбе

- за научное обоснование проектов планировки // Планировка и строительство городов. – 1934. – № 2. – С. 8-9 и др.
- ² Шлиосберг И. А. Нужно ли общество городов-садов? // Власть Советов. – 1923. – № 5. – С. 59-62.
- ³ Райх О. Я. К вопросу о городах-садах для РСФСР // Известия ВЦИК. – 1922 г. – № 292 (24 декабря). – С. 4.
- ⁴ Коммунальное хозяйство. – 1922. – № 13, 14, 15.
- ⁵ О порядке составления, рассмотрения и утверждения проектов планировки городских поселений и рабочих, дачных, курортных поселков: Инструкция НКВД № 184 от 28 мая 1928 г. // Бюллетень НКВД. – 1928. – № 21 (276). – С. 397-412.
- ⁶ Блок А. Город будущего // Жилищная кооперация. – 1928. – № 4. – С. 28.
- ⁷ Меерович М. Г. «Генетики» и «телеологи» – дискуссия о районировании СССР // Архитектон: известия вузов. – 2012. – № 2 (38) // [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://archvuz.ru/2012_4/8; он же. Конфликт двух методологических подходов к административно-территориальному районированию: «генетического» и «телеологического» // МШК Московская школа конфликтологии. – 2012. – № 2 (38) // [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://conflictmanagement.ru/konflikt-dvuh-metodologicheskikh-podhodov-k-administrativno-territorialnomu-rayonirovaniyu-geneticheskogo-i-teleologicheskogo>.
- ⁸ О порядке составления, рассмотрения и утверждения проектов планировки городских поселений и рабочих, дачных, курортных поселков: инструкция НКВД № 184 от 28 мая 1928 г. // Бюллетень НКВД. – 1928. – № 21 (276). – С. 397-412, 403, 404.
- ⁹ Там же. – С. 404.
- ¹⁰ Там же. – С. 405.
- ¹¹ В инструкции не было указано, какие конкретно организации должны осуществлять подобное предварительное изучение города, заметим, требующее высокой квалификации и специальных знаний.
- ¹² О порядке составления... – С. 405.
- ¹³ Там же. – С. 402.
- ¹⁴ Там же. – С. 411.
- ¹⁵ Об утверждении строительных правил и норм для постройки жилых домов в поселках на территории РСФСР: Постановление ЭКОСО от 31 декабря 1927 г. // Систематическое собрание законов РСФСР действующих на 1 января 1928 г. – М., 1929. – Т. 2. – С. 912-922.
- ¹⁶ О порядке составления... – С. 397-412, 399.
- ¹⁷ Там же. – С. 399.
- ¹⁸ Антоценко А. В., Меерович М. Г. Трудно-бытовые коллективы – социально-организационная основа доктрины соцгорода // Miasta nowych ludzi. Architektoniczna i urbanistyczna spuscizna komunizmu. – Warszawa, 2007. – Т. 1. – С. 101-112.
- ¹⁹ ГАРФ. – Ф. 5677. – Оп. 1. – Д. 3. – Л. 2.
- ²⁰ Волков Е. З. К истории хозяйственного районирования СССР // Плановое хозяйство. – 1925. – № 3. – С. 235.
- ²¹ Там же. – С. 235.
- ²² О порядке составления... – С. 403.

Е. Н. Плахова (Энгельс)

НОВЫЙ ЦАРЬГРАД:

К ИСТОРИИ ВОПРОСА МЕСТОЖИТЕЛЬСТВА ГОРОДА ЭНГЕЛЬСА

В Энгельском краеведческом музее хранятся документы Саратовского государственного научно-исследовательского института градостроительства «Крайгипрогор» — генерального проекта нового города Энгельса, — официальная документальная статистика, вызывающая интерес крупномасштабными проектами, грандиозными задачами.

Справка: город основан в 1747 году как перевалочный пункт перевозки соли с озера Эльтон, первоначальное название Покровская слобода, с 1914 г. — город Покровск, с 1922 — столица Автономной области, с 1924 г. — Автономной Советской Социалистической Республики немцев Поволжья (АССР НП), в 1931 г. переименован в город Энгельс. С 1941 г. районный город Саратовской области.

Строительство нового города Энгельса в 1930-е годы сравнимо с планами переноса сибирских и уральских рек, освоением Аляски, великими географическими открытиями. Человек почувствовал себя гигантом, способным спорить со временем и Богом: за 7-10 лет он рассчитывал сделать то, что создавалось столетиями — построить новый город как символ его могущества и превосходства над миром, самим собой, Вечностью...

Судьба нашего города могла измениться в любую секунду тогда, 80 лет назад... Сейчас, спустя почти столетие, видно, как на пожелтевших страницах среди сухих фраз и бесчисленных протокольных стенограмм рождалось и с каждой новой главой росло его величество Тщеславие. Поставив людей на сомнительный пьедестал истории, оно обрисовало призрачные границы их мечты, вот только аплодисментов они так и не дождались...

А начиналось все просто и буднично.

Мысли о новой планировке существующего города Энгельса, тогда еще Покровска, появились у городского руководства в 1929 году после выхода в свет декрета ВЦИК и СНК РСФСР от 4.X. 1926 г. «Об обязанности для городских поселений и поселков иметь планы и проекты пла-

нировки». На тот момент генерального плана застройки города не было, хотя Покровск (Энгельс) являлся столицей республики немцев Поволжья, призванный своим статусом быть наглядной агитацией и пропагандой счастливого и процветающего края — края, получившего всего 10 лет назад национальную самостоятельность, к которой так долго шел немецкий народ.

Столичный статус обязывал городские и республиканские власти обратить пристальное внимание на решение растущей проблемы благоустройства города, и на осуществлении этого были брошены все силы.

Справедливости ради надо сказать, что за время столичности в городе были построены сохранившиеся до наших дней здания образовательных учреждений, кинотеатра, дворца пионеров, гостиницы, жилые дома и многое другое.

Но планировалось гораздо больше: так, в газете «Трудовая правда» за 1930 год мы читаем: «Совнарком немецкой республики обратился в Центральный Коммунистический Банк с просьбой отпустить долгосрочный кредит на постройку Дворца Труда. Было переведено 150 тыс. рублей. Но стоял вопрос — что строить: Дворец Труда, где будут размещены лишь профсоюзные организации, или Дома Культуры, где будут сконцентрированы одни лишь культурно-просветительские учреждения. Хочется, чтобы во Дворце Труда были сконцентрированы как профсоюзные организации, так и все культурно-просветительские учреждения.

Он должен иметь зрительный зал, библиотеку, парткабинет, помещение для пионерской работы, шахматно-шашечную комнату, радио-комнату, кабинет для мастеров, техников, инженеров и агрономов»¹.

Но все эти попытки были лишь предвестниками грандиозного плана строительства новой столицы — города Энгельса, который, как птица феникс, должен был возродиться на руинах старого города, взяв в светлое будущее только имя.

Ил. 1. План нового и старого города Энгельса

И проводником такой идеи на самом начальном ее этапе был Генрих Михайлович Фукс, председатель ЦИК и Совнаркома АССР немцев Поволжья.

Выходец из семьи поволжского немца, из с. Поповкино (Иост) Зельманского (Ровенского) уезда, учащийся Варшавского политехникума, участник Первой мировой войны, дослужившийся до чина поручика и командира роты

в царской армии, командира батальона и помощника командира полка в период Временного правительства, командир 1-го Екатериненштадтского коммунистического немецкого полка, человек, переживший австрийский плен, он привык ставить глобальные задачи и решать их.

Коллеги вспоминали о нем как о необычном человеке с благородным характером, который был суров и по-юношески весел, беспощаден и вели-

кодушен, человек, способный двадцатилетним командовать полком и дивизией и двадцати двух лет управлять губернией².

Со страниц «Трудовой правды» Г. М. Фукс высказывал следующие соображения по облику города: «Покровск, преобразованный в город из слободы, сохранил все следы сельского поселения: узкие, кривые улицы, неправильную и смешанную застройку, отсутствие зеленых массивов. Всякое новое строительство продолжалось бессистемно, не планоно, в результате такого строительства мы имеем совершенно неуместное и недопустимое с санитарно-гигиенической точки зрения расположение промышленных предприятий»³.

В 1931 году обозначились реальные перспективы городской перестройки: в связи с началом строительства мясокомбината в районе станции Анисовка Рязано-Уральской железной дороги, было решено приступить к составлению проекта планировки «Большого Энгельса».

Что такое «Большой Энгельс»? Это новый город, символизирующий торжество и победу идеалов новой власти, власти людей, способных изменить мир. Город с именем Фридриха Энгельса должен был, по мнению его руководителей, поражать и восхищать своими объемами, массами и площадями.

Планы планами, но тут вышло постановление СНК РСФСР и ЦК ВКП (б) от 22 мая 1932 г. о широком орошении Заволжья и строительстве Камышинской плотины⁴.

Планировалось сооружение гидроэлектростанции в районе Камышина с отметками верхнего барьера 24-25 метров и сроком окончания — 1937 год.

Поначалу дело продвигалось ударными темпами...

2 марта 1932 года состоялся пленум горсовета на тему: «О возможности строительства у г. Камышина величайшей в мире плотины».

Держа руку на пульсе и учитывая, что при строительстве Камышинской плотины город должен будет уйти под воду, Совнарком и горсовет после долгих раздумий и различных вариантов разработали две программы развития города: программу-минимум и программу-максимум.

Программа-минимум предусматривала перенос столицы АССР НП на площадку промрайона у

станции Анисовка. В этом случае расходы на старый город становились минимальными с учетом постепенного отмирания старого города и переноса крупных промышленных объектов в новый район. В случае отказа от постройки Камышинской плотины город через 10-15 лет превратится в небольшой сателлит нового Энгельса, не имеющий промышленного значения и представляющий собой лишь некоторый резервный жилфонд нового города. Если же плотина будет сооружена, то город через 15-20 лет целиком окажется под водой, что и подтвердит решение властей о максимальной экономии средств на развитие старого города.

При программе-максимум за старым городом сохраняется его существование при любых решениях проблемы Большой Волги. Промышленного строительства на площадке старого города не будет проводиться, и некоторые его промышленные объекты окажутся в новом промрайоне⁵.

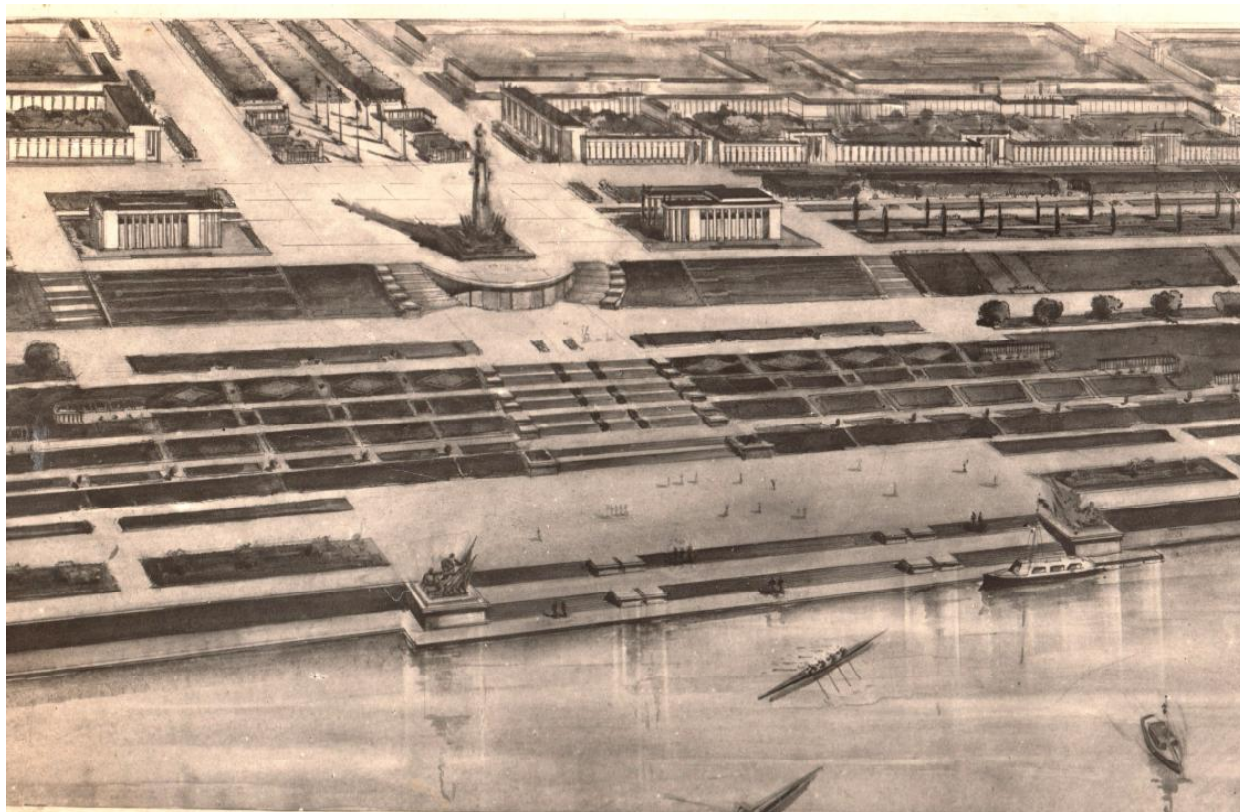
Получается, что улучшение старого города предполагалось растянуть на долгие годы, а строительство целого города должно было занять быстрыми ударными темпами всего лишь какие-то 10-15 лет.

Для принятия окончательного решения были приглашены специалисты Саратовской областной проектной конторы (Сароблпроект).

Представленное ими заключение полностью совпало с взглядами республиканской и городской власти, желающей сделать что-то грандиозное и великое, заметное там, в Москве.

Специалисты сделали следующее заключение по старому городу Энгельсу:

- отсутствие перспектив промышленного и хозяйственного развития старого города;
- неблагоприятные транспортные условия: железнодорожный тупик и обмеление водоподхода⁶;
- неудовлетворительные санитарно-гигиенические условия местности;
- низкий уровень коммунального хозяйства: в городе нет канализации, мостовые замощены только на 5 %;
- жилой фонд малочислен и изношен: деревянные дома — 83 %, двухэтажные дома — 2,1 %;
- постройка железнодорожного моста в 1935 году через Волгу у станции Увек поставила существующий город Энгельс в положение относительной транспортной изоляции.

Ил. 2. План набережной нового города

Получается, что нашему городу дали отставку, поставив диагноз: болен, причем неизлечимо.

«Город Энгельс не может быть в его современном состоянии признан соответствующим тем высоким требованиям, которые мы привыкли предъявлять к индустриальным пунктам и тем более к социалистическим городам»⁷.

Проект указывал, что новый город «должен быть перенесен из случайного места, где он начал развиваться, на новое место, где он мог бы быть отстроен не по типу Покровской слободы, а как новый социалистический город»⁸.

3 августа 1933 г. Совнарком АССР НП вынес решение о строительстве нового города в районе станции Анисовка — с. Квасниковка на левом берегу Волги⁹.

Строительство нового города планировалось осуществить к четвертой или пятой пятилетке, т. е. к 1947 году.

План строительства нового города Энгельса разрабатывал архитектор М. В. Крестин, который был уже известен в г. Саратове.

На протяжении 1935 и 1936 гг. было проведено множество заседаний СНК АССР НП, Президиума Энгельсского горсовета, совещаний при

архитектурно-планировочном управлении НККХ РСФСР. И, наконец, 28 апреля 1938 г. вышло постановление № 20 Главного Архитектурно-планировочного Управления НККХ РСФСР о признании генерального плана нового города Энгельса. Оставалось дело за малым: получить финансирование на начальный период строительства.

В пояснительной записке к генеральному проекту нового города Энгельса регламентировалась буквально все: от подземных коммуникаций до масштабных архитектурных проектов.

Новый город Энгельс рассматривался как крупный промышленный, культурно-просветительный и национально-столичный центр АССР немцев Поволжья. Учитывая проблемы старого города, новый город был призван олицетворять иной подход в строительстве и созидании крупного населенного объекта, своим видом и архитектурой символизирующим новую жизнь. Широкие проспекты и площади, прямоугольные кварталы, высокие здания, строгие линии, четкие границы, ровные края, бетонные стены: все конкретно, фундаментально и прочно, как прочен советский строй.

В процессе знакомства с проектом становится ясно, что авторами была проведена серьезная

аналитическая работа, к созданию проекта были привлечены представители различных профессий: экономисты, архитекторы, инженеры, техники, было заслушано множество докладов по всем аспектам строительства нового города, взвешены все «за» и «против».

Но хотелось бы обратить внимание на другое: этот проект подкупает не только своей грандиозностью планов и масштабами работы, ведь в те 1930-е годы люди жили и работали на пределе своих сил и возможностей, а чаще всего и за пределами своих возможностей.

Проект показывает реальную заботу о нуждах конкретного человека, простого советского человека, которому жить и работать в новом городе, в нем продуманы все мелочи социальной сферы, необходимые для нормальной работы, учебы, лечения, отдыха. Человек здесь ставится во главу угла. Лозунг «Все во имя человека, все для блага человека» был принят авторами проекта за основной. С другой стороны, заложенные на бумаге даже самые прекрасные и благородные идеи превращаются в прах, если будущего воплощения их не происходит и причины здесь уже не важны.

Процесс строительства нового города был долгосрочен, ведь сооружение ирригационной системы в Заволжье, которая предполагала строительство плотины и гидростанции в Камышине — процесс не одного года, к тому же первоначальный срок — 1937 год — был передвинут на 10 лет, и поэтому проектными документами предусматривалось сосуществование старого и нового города Энгельса до 1947 года включительно.

В этот период старому городу отводилась роль медленного умирающего населенного пункта: до 1942 г. планировалось выделение средств лишь на капитальный ремонт предприятий старого города, после 1942 г. любые вложения в промышленность прекращались¹⁰.

При полном отказе от промышленного и иного строительства на старой площадке минимальные мероприятия по благоустройству старого Энгельса не отменялись, как и временное деревянное строительство, для облегчения острого жилищного вопроса старой столицы АССР НП¹¹.

В то же время в новом городе планировалось постепенным строительством жилья обеспечить население Энгельса нормами, казавшимися за-

предельными в то время любому советскому человеку: с 6 кв. м на одного человека до 9 кв. м. Кстати, в 1937 г. размер жилплощади на жителя Энгельса составлял всего лишь 2,75 кв. м.

Каким же образом планировалось так серьезно увеличить жилфонд? Элементарным способом, каким создавались все гигантские стройки Советского Союза — т. н. «черпанием» строительной рабочей силы из местного городского населения (6 тыс. человек), и разбором 30 % жилого фонда старого города для применения материала на строительстве нового города.

По плану до 1942 г. население старого города должно было оставаться неизменным — в пределах цифр 1937 года: от 50 тыс. до 52,5 тыс. человек, с 1942 г. кривая численности населения резко падала вниз — до 25 тысяч человек, т. е. население сокращалось вдвое. И к 1947 г. планировалось, что в двух городах будет проживать 170 тысяч человек¹², а, точнее, уже практически в одном новом городе.

О масштабности и размахе проекта градостроительства говорит заложенный под него финансовый фонд. По цифрам капиталовложения в новый город в 4,5 раза должны были превзойти оценочную стоимость всех предприятий и жилфонда старого города Энгельса.

Так, с 1937 г. капиталовложения в новый город до 1942 г. должны были составить 242,6 млн. руб., а затем до 1947 г. сумма вырастала в 5 раз и составляла 1167,8 млн. руб. Причем затраты государства на одного жителя нового города Энгельса возрастали с 4 тыс. руб. в 1942 г. до 7 тыс. руб. в 1947 г.¹³

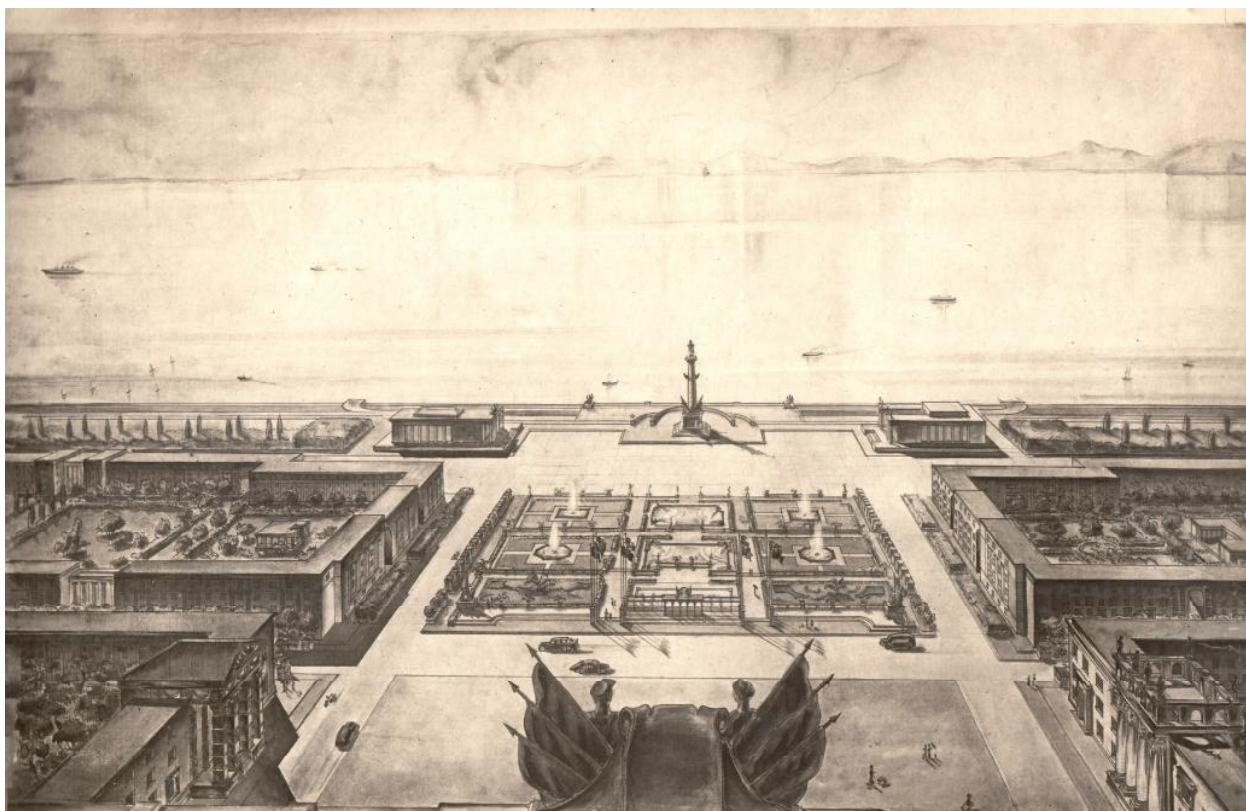
Давайте попробуем представить этот город, так и оставшийся в мечтах его создателей.

Новый город делился на четыре территории:

- транспортная и промышленная зоны;
- защитная зона;
- жилая зона;
- зеленая зона.

Основной промышленный район был запроектирован к югу от железной дороги, в районе мясокомбината.

В промышленной зоне планировалось разместить предприятия металлообрабатывающей, деревообрабатывающей, пищевой и текстильной промышленности.

Ил. 3. Перспектива центра нового города Энгельса

Причем размахи были воистину грандиозные. Ранее в старом городе собственной ТЭЦ не было, поэтому в новом городе она должна была быть построена за 2 года мощностью до 24 тыс. квт, и количество занятых на ней людей должно было составить 360 человек¹⁴.

А самое главное, проект предусматривал трудоустроить на промышленных предприятиях 24 тыс. человек к 1947 г.¹⁵ Это половина населения тогдашнего города Энгельса.

Размещение промышленных предприятий было запроектировано таким образом, что наиболее удаленными от жилой зоны оказывались предприятия, имеющие наибольшую вредность в санитарно-гигиеническом отношении, менее вредные предприятия были запроектированы между ними и жилым районом.

Подъездные пути к промышленности рассчитывались с таким расчетом, чтобы избежать пересечения железнодорожных веток с городскими магистралями, которые вызывали бы лишнюю суету.

Планы построить новый город индустриальным могли оказаться реальными, т. к. у г. Энгельса в будущем создавалось выгодное транспортно-

географическое положение в связи с развитием железнодорожного узла, в результате Энгельс был бы связан с Донбассом (Саратов-Миллеровская магистраль), Средней Азией (Александров Гай-Чарджуй) и Сибирью (Пугачев-Чапаевск).

В новом городе планировалось строительство пассажирской гавани и промышленного порта. Основной вид жилой застройки города — строительство каменных четырех-пятиэтажных зданий, которых в старом городе было незначительное количество. А точнее, только три трехэтажных дома располагались на центральных улицах города в середине 1930-х гг.

В городе была запроектирована система культурно-бытовых учреждений: строительство республиканского и городского административных центров, театров — оперы и балета и драматического, а также музея, библиотеки, дома Красной Армии, цирка, Центрального кино, Центрального Дома Культуры, концертного зала на 400 человек, универмагов и районных парков.

В городе планировалось размещение сельскохозяйственного института, высшей коммунистической с/х школы им. Сталина, пединститута, медицинского института и ряда техникумов.

Планировалось создание в новом городе научно-исследовательских институтов: мелиорации, Мичуринского института. Последний был просто необходим, т. к. город планировалось озеленять не только саженцами древесных и кустарниковых пород, но и плодовыми: яблонями, грушами, вишней, абрикосами. Настоящий город-сад!

В городе должно было быть автобусное и трамвайное сообщение, мостовые переходы и даже гражданский аэропорт.

По принципам архитектурной организации основной композиционной осью города являлась эспланада, связывающая республиканский и городской центр с площадью, запроектированной в центре набережной.

Эспланада, площади и набережная с памятником Фридриху Энгельсу в центре представляли собой наиболее парадную часть города.

Самый главный принцип: архитектура зданий должна учесть национальные особенности — черепичные кровли, клинкерные покрытия, рисунчатые покрытия улиц и площадей будут отвечать элементам национальной архитектуры, т. к. население нового города в национальном составе

из 12 % в 1926 г. немецкого населения города должно было увеличиться до 40 %.

Кроме того, здания должны строиться из местных стройматериалов, в частности, наличие высокосортных глин, являющихся базой кирпичной, черепичной и керамической промышленности позволит широко применять «кирпичную архитектуру».

Таким образом, строительство нового города Энгельса должно было явиться местом расцвета новой архитектуры национальной по форме и социалистической по содержанию.

Грандиозный проект так и остался на бумаге, и, изучая его, удивляешься смелости и размаху людей того времени, не побоявшихся громко заявить о своих возможностях. А возможности оказались гораздо скромнее: отсутствие финансовых средств, человеческих ресурсов, специалистов и короткие сроки, а самое главное, начавшаяся в 1941 году Великая Отечественная война свели практически к нулю красивую мечту о новом «Царьграде».

Почему «практически»? Потому что мечты не умирают, они обязательно воплотятся, но уже другими людьми.

¹Что строить: Дворец Труда или... // Трудовая правда. — 1930. — № 122. — С. 5.

²Письмо В. Г. Фукс с воспоминаниями о Г. М. Фуксе. 1950-е гг. Документальный фонд ЭКМ.

³Фукс Г. Где строить гор. Покровск // Трудовая правда. — 1930. — № 115. — С. 5.

⁴О борьбе с засухой и орошение Заволжья // Трудовая правда. — 1932. — № 117. — С. 1.

⁵Материалы технико-экономических исследований. — Саратов, 1935. — Т. 2. — С. 47.

⁶Приложение к генеральному проекту нового города Энгельса. Сосуществование старого и нового города Энгельса. — Саратов, 1938. — С. 1.

⁷Экономическое обоснование к схеме нового города Энгель-

са. — Саратов, 1935. — Т. 1. — С. 13.

⁸Материалы технико-экономических исследований. — Т. 2. — С. 102.

⁹Пояснительная записка «Обоснование строительства нового города Энгельса». — Саратов, 1935. — С. 7.

¹⁰Приложение к генеральному проекту нового города Энгельса. — С. 23.

¹¹Там же. — С. 24.

¹²Там же. — С. 73.

¹³Там же. — Схема № 2.

¹⁴Консультационные материалы генерального проекта нового города Энгельса. — Саратов, 1938. — Т. 4. — С. 5.

¹⁵Там же. — С. 83.

СТРОИТЕЛЬСТВО ЛЕНИНСКОГО ПОСЕЛКА В КОЛЬЧУГИНЕ КАК ПРООБРАЗА «ГОРОДА-САДА» (20-Е ГОДЫ XX ВЕКА)

Город Кольчугино — районный центр на северо-западе Владимирской области, расположенный на правом берегу реки Пекши — притока Клязьмы. Город образован в 1931 году из поселка при медерасковочном и проволочном заводе московского купца Александра Григорьевича Кольчугина. Медно-латунное заведение, переоборудованное из мелкой бумажной фабрики, купленной А. Г. Кольчугиным у владельца купца А. Соловьева, начало давать продукцию 6 мая 1871 г. В 1876 году предприятие было преобразовано в акционерное общество «Товарищество Кольчугина». К этому времени на заводах Кольчугина работало до 1000 человек¹.

Завод бурно развивался, с ним рос и рабочий поселок. После 1887 года в поселке строятся кирпичные и рубленые одно- и двухэтажные дома для специалистов и большие казармы-общежития для рабочих. И на заводе, и в поселке появилось электричество, а также различные общественные и социальные заведения: столовая, баня, гостиница, Народный дом («Театр-чайная»), заводская больница. В 1900-1905 годах на территории завода близ речки Беленькой снесли первые деревянные дома и на их месте построили большой четырехэтажный корпус давяльного завода (производство самоваров). К 1915 году завод «Товарищество Кольчугина» был крупным заводом России, на нем работало свыше 10 тыс. человек². Особенно бурный рост рабочего поселка вместе с расширением завода приходится на двадцатые-тридцатые годы. Директором завода в то время был Е. И. Пархоменко. По его совместному с администрацией поселка ходатайству 20 марта 1931 г. рабочий поселок получает статус города. К тому времени на заводе работало более 12 тыс. человек, а население в поселке превышало 15 тысяч. Таким образом, Кольчугинский завод стал поистине градообразующим предприятием, наложившим специфический отпечаток на архитектуру, расположение улиц и площадей и на развитие всей инфраструктуры.

Сразу после переоборудования бумажной фабрики в медерасковочное предприятие перед купцом А. Г. Кольчугиным встал вопрос о привлечении рабочих и строительстве для них жилья. Для приходящих из соседних деревень на сезонную работу крестьян сначала были построены землянки, а спустя 15 лет строятся двухэтажные кирпичные казармы. Их было построено пять, в каждой размещалось до 200 человек. Это были большие комнаты на 100 человек, но уже с отдельной кроватью для каждого рабочего. Одновременно на прилегающих к заводу свободных территориях строились дома для специалистов.

Город строился поэтапно и развивался за счет строительства поселков. Чтобы понять принцип застройки города, надо представить рельеф местности. Местность достаточно низкая: река Пекша, ее притоки речки Белая, Беленькая, Шайка, много бьющих ключей, пересекающие местность овраги, и среди всего этого водного изобилия, так необходимого для промышленного производства, — несколько холмов, громко называемых «горами». Завод тоже расположен в низине.

После Великой Октябрьской социалистической революции встал вопрос о строительстве отдельного удобного и комфортабельного жилья для рабочих, чтобы они могли жить в нем с семьями. Впервые этот вопрос был затронут в 1922 году, когда отмечали пятилетие Октябрьской революции. На совместном заседании руководителей поселкового Совета, заводоуправления Кольчугинского завода, профсоюза «Металлист» и райкома ВКП(б) было принято решение о необходимости строительства нового, современного по тому времени микрорайона с развитой социальной инфраструктурой, многоэтажными домами. С 1920 по 1923 гг. председателем заводской коллегии (директором) Кольчугинского завода по обработке цветных металлов был Иван Максимович Немцов. При нем производство расширилось, велось освоение новых сплавов, главным из которых был кольчугалюминий. Было расширено литейное

производство, освоена горячая прокатка. Обсуждался вопрос об открытии нового производства — планировалось выпускать самолеты из получаемого на заводе сплава кольчугалюминия. Под этот будущий проект и обратился И. М. Немцов в Трест государственных предприятий по обработке цветных металлов (Госпромцветмет) ВСНХ СССР, в чьем подчинении был тогда Кольчугинский завод, с предложением о строительстве нового современного поселка с удобными деревянными и каменными домами различной этажности. Госпромцветмет дал согласие. Заводская коллегия просила учесть при проектировании возведение социальных объектов для жителей (ясли, детский сад, общежитие, магазины, зоны отдыха, банно-прачечный комбинат, физиолечебницу и т. д.) Все это было учтено, поселок при заводе считался образцом нового социалистического строительства.

В начале прошлого века проектирование и строительство таких поселков с комплексной застройкой в нашей стране было очень распространено. Это нашло отражение в литературе. «Города-сады», «Голубые города» стали символом жизни в новом социалистическом обществе.

Отцом-прародителем идеи строительства таких городов был Эбенизер Говард (1850-1928) — английский философ и социолог-утопист, известный своей публикацией «Города-сады будущего» (Garden Cities of Tomorrow) (1898). В ней он описал утопический город, где люди живут в гармонии с природой. Публикация привела к основанию движения «город-сад», а также к попыткам построения подобных городов в начале XX века сначала в Великобритании, а затем и в других странах³.

В Москве концепция «города-сада» была реализована архитекторами при строительстве поселка «Сокол». Были построены одноэтажные (с мансардой и без нее), блокированные, с большими и меньшими приусадебными участками, бревенчатые и щитовые, кирпичные и деревянные оштукатуренные дома. В градостроительных планах 1920-х годов — «Новая Москва» Алексея Щусева и «Большая Москва» Сергея Шестакова — также широко использовалась идея «города-сада». Окраины и пригороды Москвы предполагалось застроить поселками, состоящими из невысоких домов, в которых должны были быть

свои библиотеки, клубы, спортивные и детские площадки, детские сады.

Коллегией завода решено было под строительство поселка отвести территорию в северо-западной части от завода, на так называемой Литвиново-Васильевской горе. В сентябре-октябре 1923 г. прибывший на завод землемер Бедняков обмерил и составил «План 1-го участка на Литвиново-Васильевской горе для рабочего поселка Кольчугинского медеобрабатывающего завода». На основе плана был составлен ревизионный акт обследования участка под застройку жилыми помещениями. В нем отмечались неблагоприятные почвенные условия участка, высокое стояние грунтовых вод даже вблизи вершины горы (возможно, это было связано с мельничной плотиной, расположенной на реке Шайка — ныне это место ниже ключей, вытекающих из пруда на улице Ключевая). Плотину и мельницу ликвидировали, чтобы понизить уровень грунтовых вод. Комиссия посчитала нерациональным размещение социальных учреждений (бани и прачечной) в возвышенной части участка, а жилых домов в два и более этажа — ниже по склону, где было много овражков с бьющими ключами. Поэтому в проекте было рекомендовано предусмотреть выравнивание рельефа, отвод идущих с вершины горы почвенных вод, исключить застройку мелких овражков и котлованов по южному склону.

Районный главный врач А. А. Цветаев отмечал еще один неблагоприятный фактор — ложбину ручья, текущего у подножия холма (где ныне пруд), а еще ниже к заводу — глубокий овраг (ныне он засыпан). Он считал, что ложбина будет являться своеобразным коридором для дыма из труб заводских котельных, и он пойдет на нижний склон поселка. И действительно, так было до 50-х годов, пока не построили высокую трубу.

Одним из главных стал вопрос о финансировании строительства. Жилищное строительство предполагалось вести по трем направлениям: заводское (кирпичные многоэтажные дома, учреждения соцкультбыта, бани, прачечная, общежития, детский сад, магазин, школа), а также кооперативная и индивидуальная застройка деревянными домами. Завод взял большую территорию центра будущего поселка ближе к заводу. Кооперативу была отведена западная часть. Для индивидуаль-

ного строительства собственных деревянных домов отвели дальнюю, северную часть территории.

Главным архитектором проекта был назначен художник-архитектор Владимир Дмитриевич Адамович, работавший в то время главным архитектором Госпромцветмета.

В. Д. Адамович — яркий представитель стиля модерн. Закончил с Малой серебряной медалью Московское училище живописи, ваяния и зодчества (МУЖВЗ). Во время учебы, в 1893-1898 гг., работал помощником архитектора Ф. О. Шехтеля, имел большую строительную практику. По его архитектурным проектам построены дом в Спасопесковском переулке в Москве (сейчас в нем находится резиденция посла США), старообрядческая церковь Покрова Пресвятой Богородицы, дом управляющего ткацкой фабрикой в г. Юрьев-Польском и ряд других интересных зданий⁴.

В своем проекте Адамович старался сохранить стиль, уже сложившийся при застройке призаводской территории. Дома на улице Щербакова по внешнему виду похожи на строения по улице III Интернационала (бывш. Немецкой), однако отдельные элементы (арочные чердачные окна) напоминают, что эти дома строились в эпоху модерна (Ил. 1). Одно из направлений модерна, так называемый кирпичный стиль, когда архитекторы отказывались от штукатурки, и все декоративные детали здания делались из кирпича, мы видим в домах по ул. Алексеева. Входные двери, обрамленные широкими каменными наличниками, стремящиеся ввысь вертикальные линии — все это характерные особенности модерна.

Для застройки поселка В. Д. Адамович разработал проекты домов двух типов. Первый — одно-

Ил. 1. Арочные чердачные окна как элемент модерна

этажный каменный четырехквартирный, приближающийся по типу к сельским домам (тип «А»). Ныне это каменные дома, расположенные по ул. Щербакова (Ил. 2). Каждая квартира состояла из двух комнат: комнаты-спальни и столовой-кухни. Входное крыльцо было расширено и могло служить балконом, террасой с выходом в сад. На чердачное помещение можно было попасть по наружной лестнице.

Двухэтажные каменные четырехквартирные дома — второй — приближающиеся по типу к городским (тип «Б» и «В»), ныне расположенные по ул. Алексеева, имели трех- и четырехкомнатные квартиры для многодетных семей рабочих (Ил. 3). Разбивка квартир была уютной, симметричной, а лестничная клетка имела два выхода — в сквер и во двор. Ванные комнаты, туалеты и кладовые светлые, имеют естественное освещение. Вход на чердак — по самостоятельной каменной лестнице.

Особенностью домов являлось то, что комнаты-спальни в них были обращены окнами на юг, а все вспомогательные помещения (туалеты, ванны, кладовые, входы) были спроектированы так, что имели естественное освещение. Также все квартиры имели хорошее сквозное проветривание, они оборудованы самостоятельным балконом, ванной, водопроводом, канализацией и т. д.

В проекте было предусмотрено, что одноэтажные дома имеют 3 сажени отступа от улицы (1 сажень = 3 аршина = 2,16 м), двухэтажные — 7 сажений, а разрывы между домами — 10 и 20 сажений. Улицы должны иметь ширину не менее 10 сажений. Величина кварталов в плане 80x100 сажений, а по проекту — 88 сажений.

Ил. 2. Дома типа А. Первая очередь строительства

Дома окружены небольшими садами. Каждая группа из двух домов должна была иметь собственный двор с отдельными двориками для хозяйственных построек: сараев, погребов и т. д.

Предусматривалось, что у дворов будут самостоятельные выезды в уличную сеть поселка помимо «парадных» подъездов к домам с улицы.

Поселок строился несколько левее конно-пешей дороги, шедшей от завода в сторону деревень Отяевка, Марьино, Губаниха, Литвиново, Давыдовское. Вся эта проезжая часть за первым мостом через речку Шайку была пустырем. И вот на этом пустыре и началось проектирование и строительство нового поселка. При проектировании архитектор использовал шахматную (прямоугольную) систему, при которой улицы пересекаются под углом 90°. Эта система предполагает относительно равномерное освоение территории.

В конце августа 1924 года состоялось совещание в Управлении Владимирского губернского инженера (УВГИ), на котором проект трех видов домов утвердили с некоторыми изменениями: учли размещение возле домов хозяйственных строений и погребов. Это была первая очередь строительства.

Осенью 1924 года состоялась закладка первого дома нового поселка (Ил. 4). Был организован митинг трудящихся завода и жителей поселка. Председатель треста Госпромцветмет С. С. Кржижановский зачитал приветственную телеграмму Председателя ВЦИК М. И. Калинина кольчугинским рабочим, «начавшим социалистическое переустройство быта». Именно тогда, на митинге, рабочие попросили назвать поселок Ленинским, в центре его установить памятник

Ил. 3. Дома типа Б

В. И. Ленину, а вокруг разбить сквер для отдыха трудящихся. По воспоминаниям работника завода В. С. Зорина и землеустроителя Лебедева, присутствовавших на том митинге, в «красный» угол фундамента первого дома было заложено послание потомкам: «Начало социалистического строительства на Ленинском поселке». Послание подписали пять человек: директор завода И. С. Красненков, главный строитель-прораб, мастер, представитель профсоюзной организации и руководитель поселкового комитета.

Строительство поселка разделили на два этапа. В первый строительный сезон предполагалось построить 18 домов: типа «А» 10 домов, типа «Б» и «В» — по 4 дома.

В 1927 году в ежемесячном журнале Владимирского губплана в статье «10 лет работы гос. завода по обработке цветных металлов в Кольчугине» автор Г. А. Паулина пишет: «В 1924 и 25 годах построен большой рабочий поселок имени Ленина, состоящий из 10 каменных одноэтажных домов по 4 квартиры, 9 каменных двухэтажных домов по 4 квартиры в каждом. Ленинский поселок построен по типу английских коттеджей, каждая квартира имеет все культурные удобства, ванную и балкон»⁵. Но, на мой взгляд, одноэтажные дома больше походят на немецкую архитектуру и напоминают построенные в конце XIX — начале XX вв. на Немецкой улице дома для специалистов завода.

Однако жизнь показала, что малоэтажные дома не позволяют решить проблемы массового жилищного строительства из-за своей социальной и экономической нецелесообразности. Поэтому с 1924-1925 гг. начало развиваться более отвечаю-

Ил. 4. Первый дом поселка (на заднем плане)

щее поставленным задачам строительство многоэтажных жилых зданий.

Восточная часть поселка вдоль бульвара, который сейчас называется сквером, стала застраиваться во вторую очередь многоэтажными сорокапяти- и сорокачетырехквартирными домами.

В период 1925-1926 гг. по проекту архитектора В. Д. Адамовича было начато строительство двух общежитий. Общежитие № 3 – кирпичное здание в три этажа. В здании было 59 жилых комнат, рассчитанных на проживание в каждой по четыре-пять человек. Были предусмотрены помещения для центральной кухни, общей столовой и библиотеки.

В восточной части бульвара стали строить два общежития. Они имели три-четыре этажа и хорошо вписывались в одно- и двухэтажное окружение. Отлично смотрелся установленный в начале бульвара в 1925 году бронзовый памятник В. И. Ленину, выполненный по проекту архитектора М. Я. Харламова. Этот памятник отлили всего в трех экземплярах для трех заводов Госпромцветмета: Кольчугинского, Тульского и «Красного выборжца» в Ленинграде.

В середине 1928 г. руководители завода обратились в Управление Строительного Контроля (УСК) с просьбой утвердить проект сорокапятиквартирного и нескольких шестиквартирных домов. Сорокапятиквартирный трехэтажный дом стал первым опытом строительства жилья свыше двух этажей. Управлением было сделано несколько замечаний: в доме свыше двух этажей обязательно наличие лифта, общественной прачечной, помещения для организации яслей или детского сада.

Автором этого необычного проекта также был В. Д. Адамович. Следующий дом, переделанный из сорокатрехквартирного в сорокапятиквартирный, уже рассматривался на заседании Технического совета Строительного комитета ВСНХ СССР в присутствии автора проекта. Проект утвердили, но сделали несколько замечаний, направленных на удешевление проекта. Например,

Ил. 5. Первые многоэтажные дома. На заднем плане – средняя школа

не делать балконов, исключить из проекта лифты, инженерное оборудование квартир выполнять в несколько очередей. Затем в процессе строительства за счет правого крыла дома, которое надстроили еще на этаж, количество квартир довели до сорока восьми. Этот дом был принят в эксплуатацию в мае 1930 года.

В 1925-1930 гг. директором завода был М. И. Долбилкин. При нем в 1925 году продолжалось строительство и капитальный ремонт основных (производственных) и вспомогательных помещений, в т. ч. водонапорной башни, очистительных сооружений, детского сада, яслей и т. д.

Впервые в Кольчугино от домов Ленинского поселка строилась канализация с учетом расширения ее в будущем. В марте 1930 года Бюро технической инвентаризации над строительством сделало проверочный расчет пропускной способности всей канализационной линии поселка. Результат оказался обнадеживающим. В то время в поселке проживало уже 1300 человек, а запас в объеме стоков сети составлял более 30 %. Так что строительство жилья могло продолжаться. Оно и происходило и в довоенные, и в послевоенные годы. А построенная по тому проекту с учетом запаса канализация в поселке существует до сих пор.

Верхняя (северная) оконечность бульвара по замыслу архитектора замыкалась постройкой средней школы (ныне МБОУ «Средняя школа № 6»), которая в 2016 году отметила свое восьмидесятилетие. На фотографии (Ил. 5) видны многоэтажные дома, удачно расположенные замкнутым прямоугольником вокруг сквера и памятника В. И. Ленину.

Постановление ЦК ВКП(б) «О работе по перестройке быта» (май 1930 г.) указало на исключительную важность формирования нового, социалистического быта и на те ошибки, которые были допущены на этом пути. Выдвигалась задача обеспечить строящиеся рабочие поселки всеми видами благоустройства и коммунального обслуживания⁶.

В 1932 г. на Ленинском поселке были построены бани (два отделения — мужское и женское). При них была открыта заводская физиолечебница, оборудованная современными аппаратами для проведения различных процедур. Затем рядом строится большая прачечная.

Каково же значение строительства Ленинского поселка для Кольчугинского поселка и завода?

Если свести к элементарному, основные циклы человеческого существования — это труд, быт, отдых. И все это было реализовано при строительстве поселка. Труд — это завод. Быт

— удобные дома для жилья, социальная инфраструктура (магазины, банно-прачечный комбинат, детские учреждения и школа). Отдых. В 20-е гг. еще не было таких разнообразных форм досуга, какие мы имеем сейчас. Не было телевизора и даже радио, и кино показывали только в Народном доме. Кинотеатр на Ленинском появится только в 1963 году. И, тем не менее, впервые при заводе проектировался и строился поселок нового социалистического образца — с удобным жильем и различными социальными учреждениями.

¹ Ребров В. И. Наши корни. Очерки по истории Кольчугинского края. — Кольчугино. — 1994. — Кн. 2. — С. 33.

² Там же. — С. 88.

³ Рыбчинский В. Эбенизер Говард и рождение «города-сада» // Рыбчинский В. Городской конструктор. Идеи города. — М. — 2014. — С. 23-30.

⁴ Нащокина М. В. Адамович Владимир Дмитриевич // Нащокина М. В. Сто архитекторов московского модерна.

Творческие портреты. — М. — 2000. — С. 21-25.

⁵ Паулина Г. А. 10 лет работы гос. завода по обработке цветных металлов в Кольчугине // Наше хозяйство. — 1927. — № 12. — С.12.

⁶ О работе по перестройке быта. Постановление ЦК ВКП(б) // КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК (1898-1986). — М., 1984. — Т. 5. — С. 118-119.

**ТРАНСФОРМАЦИЯ ГОРОДСКОЙ СРЕДЫ
УСТЬ-СЫСОЛЬСКА – СЫКТЫВКАРА
В ПЕРВЫЕ ДЕСЯТИЛЕТИЯ СОВЕТСКОЙ ВЛАСТИ
(ПО МАТЕРИАЛАМ МЕСТНЫХ ГАЗЕТ)**

Социально-культурная среда формируется на основе двух элементов: природного компонента и городской среды обитания. Сочетание этих двух компонентов сформировало к началу XX века среду Усть-Сысольска (современный Сыктывкар) – обычного уездного города со слабо развитой экономической базой, достаточно консервативным и неспешным образом жизни. В 1918 г. Усть-Сысольск начал стремительно развиваться и за короткий период стал сначала региональным центром Коми автономной области (1921), а потом и Коми АССР (1936). К 1941 г. трансформация социально-культурной жизни в основном завершилась.

Доклад основан на материалах региональной периодической печати. Советская периодическая печать не только сохранила, но и расширила стиль и жанр дореволюционной журналистики, наполнила его новым содержанием. На страницах газет и журналов предстал новый герой: советский человек со своими бытовыми проблемами, со своими бытовыми радостями и огорчениями, со своим бытовым патриотизмом. Все это и создало особый исторический источник, который отличается периодичностью и единым подходом к опубликованным материалам; публикует свежую и конкретную информацию произошедших событий; затрагивает все аспекты повседневной жизни региона.

Процесс формирования советской периодической печати в Коми республике начался в июне 1918 г. С 1918 по октябрь 1929 гг. и с февраля 1931 г. газета издавалась на русском языке, в конце 1929 – начале 1931 гг. – на коми. Периодичность выпусков, объем газеты, ее тематическое содержание и тираж на протяжении первой половины XX в. изменялись. Первоначально газета выходила два-три раза в неделю, состояла из двух полос. Тираж газеты достигал 200-500 экземпляров. К 1941 г. объем газеты достиг четырех полос, газета выходила пять-шесть раз в неделю.

Каким же предстает Сыктывкар на страницах местных газет в 1920-е годы?

Внешний вид города. Как уже говорилось выше, Усть-Сысольск в начале XX века был обычным уездным городом. Одно-двухэтажные деревянные и каменные дома, соборы и церкви. Городская черта, в соответствии с правилами градостроительства, была разделена на улицы и площади, имеющие традиционные для российских городов названия.

В городе имелось три зеленые зоны: городской сад у Троицкого собора, больничный сад и сад около здания духовной семинарии. Улицы в городе были не замощены. Проезжая часть, покрытая выбоинами и ямами, осенью и весной превращалась в непроходимое болото. Вдоль городских зданий для пешеходов тянулись деревянные тротуары. Водой население снабжали р. Сысола и пять городских колодцев. Вопросы канализации решали выгребные и ретирадные ямы при присутственных местах и частных домах. Уличного освещения не было. По городу на выпасе бродили домашние животные (козы, лошади, овцы). В Усть-Сысольске не существовало адресной нумерации домов. Город был разбит на кварталы, которые делились внутри на земельные участки.

Каждый квартал и каждый земельный участок в квартале имели собственный общегородской номер. Поэтому к нумерации домов прибегали крайне редко. Имя владельца или наименование учреждения при определении их местоположения в городе было гораздо удобнее. В газетных объявлениях и статьях указывались или название учреждения («Пожарное депо»), или улица («на углу Набережной и Никольской»), или фамилия владельца дома («в доме Клыкова»). Если одинаковую фамилию имели несколько домовладельцев, то делалось уточнение, о каком

именно доме идет речь («в доме Беляевой напротив Старой больницы»).

Начало формирования новой городской среды. События 1917-1920-х гг. в России и в Коми крае привели к появлению в Усть-Сысольске новых социальных групп: беженцы, дезертиры и демобилизованные с фронта солдаты. В совокупности с проживающими в городе курсантами учительской семинарии, служащими учреждений и учащимися городских школ, они и составили тот материал, который привел к серьезным изменениям городской среды. Во-первых, больше 90 % мигрантов были коми-зыряне; во-вторых, большая часть из них, включая часть горожан, была переполнена революционными настроениями левого толка; в-третьих, в Усть-Сысольске и в уезде к тому времени оказалась сосредоточена большая часть «национальной интеллигенции», жаждавшей получить «свободу от самодержавия» и мечтающей претворить в жизнь права народов на самоопределение вплоть до отделения. Местный большевистский переворот, осуществленный в Усть-Сысольске летом 1918 г., стал началом ее изменения.

Первые действия новой местной власти являлись калькой событий, происходящих в Петрограде и Москве. Были организованы ВЧК и Народная милиция и переименованы улицы и площади города. Кроме того, власти стали формировать отряды Красной армии из местных жителей на добровольной основе.

Горожане к нововведениям властей отнеслись пассивно. В самом городе наступили смутные времена. Стали процветать самогонварение и пьянство. Пили все — от власть имущих до простых граждан. И делали это так активно, что последовал грозный приказ начальника гарнизона города Усть-Сысольска № 1 от 23 октября 1918 г., в котором всем ночным патрулям приказывалось «после 10 часов вечера по новому времени, при осмотре пропусков на право хождения в ночное время, справляться у проходивших граждан о цели их ходьбы, и если обнаружится, что гражданин, имеющий пропуск, злоупотребляет им, то сейчас же пропуск такого должен быть отобран»; всем союзам и обществам, которые устраивали публичные мероприятия, велено было «показывать в афишах или объявлениях время, до которого Начальником Гарнизона разрешено увеселение

или собрание, на основании данных от меня письменных разрешений». В рядах Красной армии пьянство тоже процветало. Так, на «общем собрании красноармейцами было внесено постановление: нипод каким видом не употреблять спиртных напитков, виновные будут подвергаться товарищескому суду». Участились случаи воровства и порчи имущества («красноармейцы и учащиеся училищ неоднократно крадут лодки жителей города для переправы на пляж в Заречье и там бросают их; приводят в негодность дома, отведенные для их проживания»).

В беспорядок приходило городское хозяйство. Усть-Сысольск страдал от разрушающихся пешеходных тротуаров («движение по ним становится невозможным не только ночью, но и днем») и от отсутствия ассенизационных обозов. Переполненные помойные и выгребные ямы выливали нечистоты прямо на улицы. Стала ощущаться нехватка дров.

В дело наведения порядка в городском хозяйстве был вынужден включиться Усть-Сысольский уездный комитет РКП(б). 25 марта 1920 г. было проведено совместное с представителями советских организаций заседание, результатом которого стало принятое грозное постановление о проведении в городе Усть-Сысольске «Недели чистки». По нему «все граждане города в порядке натуральной трудовой и гужевой повинности без всякой оплаты с 1 по 7 апреля» должны были привести город в порядок.

Тяжелым испытанием для городского совета стал продовольственный кризис. Длительный период административных мер в снабжении населения продовольствием (запрет на въезд в «Усть-сысольск и уезд лиц, ищущих работу и желающих поселиться в уезде и городе»; учет работников учреждений и горожан; введение продажи продуктов по карточкам; отказ обеспечивать пайками зажиточных и учащихся училищ; попытки установить твердые цены на продукты первой необходимости; авансовая предоплата; политика распределения полученных товаров и борьба со спекуляцией и т. д.) успехом не увенчался. Попытки приучить население к «добыче патоки и карамели из картофеля» и обеспечить беднейших служащих работой и продовольственными пайками (для чего надлежало «взять на учет всех

служащих Советских учреждений, общественных и частных предприятий г. Усть-Сысольска, выявив их семейное и материальное положение, время поступления на службу, кем назначены и утверждены ли Исполкомом, и предоставить право Отделу [труда] заменить имущих служащих неимущими, а также [заменить тех] которые были взяты помимо Отдела и без утверждения Исполкома») также не решились проблемы.

Попытка партийных властей повлиять на сложившуюся ситуацию через городскую парторганизацию успехом не увенчались. Городские партийные собрания не набирали кворума из-за того, что многие коммунисты их не посещали. Появилось даже постановление уездного комитета РКП(б), гласившее, что «члены Р. К. П. не посетившие подряд два партийных собрания и не предоставившими уважительных на то причин, будут считаться выбывшими из партии и уже автоматически исключаются из списка Р. К. П.», а в газете стали публиковать списки исключенных из партии коммунистов с номерами их партийных билетов и с объяснением причин.

В конце концов, власти пришли к выводу, что в первую очередь необходимо: во-первых, решить проблему снабжения населения продовольствием и, во-вторых, навести порядок в городе через систему новых общественных и культурно-просветительских институтов. В августе 1919 г. в городе и в уезде «разрешается свободная продажа по вольным ценам ненормированных продуктов как-то: яйца, масла, овощей... и чтобы доставляли таковые на рынок города. Исполком гарантирует, что означенные продукты на рынке реквизируются не будут». В 1920 г. исполком открыл столовую-чайную для рабочих и служащих, где их обслуживали по продуктовым карточкам, и стал выделять пустующие земельные участки учреждениям и организациям под «коллективные коммунальные огороды». Особого успеха это не принесло, но напряжение сняло.

Образование и культура. В рассматриваемый период произошли серьезные изменения в области образования и культуры. Образование стало полностью демократическим. Существующие в городе учебные заведения были переименованы в «советские школы». В школах отменили вступительные экзамены, ввели совместное об-

учение мальчиков и девочек, создали школьные ученические комитеты (с правом решающего голоса при педагогических советах в распределении продуктов и промтоваров) и установили выборность учителей.

В школах ввели преподавание на зырянском языке. В июле 1918 г. были проведены курсы преподавателей-зырян, заказан шрифт зырянской азбуки. 7 декабря 1918 г. отдел народного образования Усть-Сысольского уезда издал постановление «о допущении зырянского языка наряду с русским в делопроизводстве отдела и в официальных сношениях с учащими и учреждениями в пределах уезда». 9 декабря 1918 г. уездный исполком постановил: «1. Не допускать в первые два года обучения в 1-й ступени Советских школ употребления другого языка, кроме родного. 2. Применять в качестве средств обучения последние три года исключительно зырянский язык. 3. Начиная с третьего года обучения до конца учебного курса допустить преподавание русского языка как отдельного предмета, а не как средства обучения». В 1920 г. были изданы учебники на коми языке.

Количество школ в Усть-Сысольске увеличилось. В городе появилось первое государственное бесплатное дошкольное учреждение (детский сад). В него «принимаются дети от 5 до 9 лет. Занятия проводятся два раза в день по два часа — играми, гимнастикой, рисованием, лепкой, чтением сказок и прочим детским ручным трудом». На основе учительской семинарии в 1921 г. в Усть-Сысольске организован Коми институт народного образования (первое в Коми крае высшее учебное заведение).

Серьезные изменения произошли и в культурной жизни. В 1919-1921 гг. в городе стали формироваться общественные, культурные и спортивные организации (политклуб «Звезда», «Союз женщин», спортклуб «Заря»). «Союз женщин» возник после проведения 21 апреля 1919 г. «Дня Работницы». По словам организаторов, первой обязанностью союза «должно явиться стремление во что бы то ни стало вывести женщину-хозяйку из мрака духовного бессилия. Необходимо дать женщине образование. Второй задачей организации является учесть все наличные силы женщины и направить их на помощь рабочим в революционном строительстве. Женщина должна будет

участвовать в общественной жизни тем самым быть ответственной за свои поступки. Необходимо использовать право женщин и проводить членов организации в Советы и Исполнительные комитеты на ответственные посты».

Культурно-просветительская жизнь в городе оживает. После долгого перерыва возобновила работу городская библиотека, появилась киноустановка (вскоре ставшая кинотеатром). Начинают проводиться спортивные соревнования. В городе появились хор, неаполитанский и духовой оркестры, детская музыкальная школа, театральная труппа, ставившая спектакли на коми языке. Однако горожане посещали их с неохотой, поэтому для привлечения зрителей после спектаклей всегда устраивались танцы «до утра».

Каждый год 7 октября, 23 февраля и 1 мая в городе проводились манифестации и парады. Манифестации начинались на Народной площади; затем горожане шествовали по центральным улицам города с регулярными остановками и произнесением речей (тезисы выступлений публиковались заранее в газете). Парады проводились более организованно. На Красную площадь с разных концов города сходились колонны представителей организаций и отдельных частей города. Мимо них под звуки духового оркестра проходила сводная колонна конвойной роты НКВД, ВЧК и милиции. Затем следовали выступления официальных лиц города. Проводились и общероссийские мероприятия («Неделя народного просвещения», «Неделя помощи красноармейцам», «Дни Советской пропаганды» и т. д.). Еще одной особенностью общественной жизни в исследуемый период стали торжественные похороны красных героев революционных событий и гражданской войны.

В 1930 г. Усть-Сысольск был официально переименован в Сыктывкар. После принятия Конституции 1936 г. он, как и ряд других провинциальных городов, стал столицей автономной республики. Что же изменилось в жизни города в 1930-е гг.?

Внешний вид города. К 1931 г. в Сыктывкаре проживало около 26 тыс. чел., в 1939 г. — 35 тыс. Коми составляли около 75 % жителей. Город был небольшой — пятнадцать улиц и две площади, деревянные дома в один-два этажа. Проезжая часть улиц и пешеходные тротуары были разбиты, зеле-

ни — мало. Попытки горсовета навести порядок в озеленении и в дорожном строительстве успехом не увенчались. В 1930-е гг. в Сыктывкаре появились новые проблемы. Первая — питьевая вода. На весь город было всего пять колодцев, а вода из реки была низкого качества (в месте забора купались, стирали и полоскали белье, на пароходах во время стоянки туалеты не закрывались, а пристань стояла по течению выше). Заложенные в 1935 г. две скважины со своей задачей не справлялись. Другая проблема — вывоз бытовых отходов. Очистка выгребных и помойных ям в городе проводилась днем «в негерметичную тару» и «просто вываливалось за пределы города». Проблемой была и помывка горожан. В 1933 г. построенная баня-прачечная не могла обеспечить желающих вымыться горячей и холодной воды. Еще одна проблема — электроэнергия. Существовавшая электростанция не справлялась с возросшими потребностями города. Из-за перегрузок перебои с электричеством стали такими частыми, что население предпочитало освещать свои дома и комнаты керосиновыми лампами. Следующая проблема — пьянство и хулиганство. Пили в столовых, на улицах, во дворах. На улицах испражнялись, приставали к прохожим, пели песни «циничного содержания», устраивали драки.

Жилищный кризис. В среднем на каждого приезжего в Сыктывкаре в 1936 г. приходилось два квадратных метра жилой площади. Селились приехавшие в ведомственных домах и в общежитиях. Состояние в последних было ужасным. «Грязь, холод, дым от железной печки, табачный дым, люди спят на одной койке по два, по три человека... на всю комнату в 12 коек один стол и одна скамейка». Стены в них были сделаны из досок, проложенных опилками, полы и потолки не сколочены. Электричества не было, водопровод отсутствовал, туалет стоял во дворе, а выгребные ямы не очищались. В ведомственных домах выделяли отдельные комнаты, но они распределялись горсоветом и отдавались нужным для города специалистам. Для решения жилищной проблемы использовались помещения школ и частных домовладельцев.

Перебои с продуктами. Купить «хлебобулочные изделия, крупу и овощи» в Сыктывкаре было затруднительно, особенно после окончания

рабочего дня. Закрепление малообеспеченных граждан за определенными магазинами и авансовая торговля ситуации не улучшили. Спасал городской рынок. Он пользовался большой популярностью. Для привлечения продавцов увеличили вес бесплатного багажа и снизили тарифы на пассажирские билеты и багаж. Весной и осенью на нем проводили областную ярмарку. К ней в Сыктывкар завозились фрукты, ткани, одежда, обувь. Рабочее время в дни работы ярмарки сокращалось, а рабочим и служащим выдавались авансы и зарплаты.

Общественное питание. В Сыктывкаре в начале 1930-х гг. существовало две категории столовых: рабочие и общепитовские. Ни те, ни другие не отличались чистотой. «Миллионы мух и тараканов, продукты хранятся прямо в заготовительной комнате в грязи, пища приготавливается низкого качества из бракованных продуктов». В столовых процветало воровство и обвес. Механизм получения блюд был сложным, что вело к длинным очередям. Все попытки установить контроль над процессом приготовления пищи и ее раздачи успехом не увенчались. В 1936 г. в Сыктывкаре появились два ресторана. Но большая часть посетителей приходила сюда не обедать или ужинать, а выпить. Нередко случались драки и поножовщина.

Общественно-политическая жизнь. Официальными праздниками были: Новый год (с 1 января 1936 г.), День смерти В. И. Ленина и начала Первой русской революции (22 января), День РККА (23 февраля), Международный день работницы (8 марта), День международной солидарности трудящихся (1 мая), Всесоюзный день физкультурника (с 18 июля 1939 г.), День Военно-морского флота (с 24 июля 1939 г.), День Авиации (18 августа), МЮД (начало сентября), День Сталинской конституции (с 5 декабря 1936).

22 января, 1 и 2 мая, 7 и 8 ноября были нерабочими днями. С 1934 г. с введением семидневной прерывной рабочей недели были установлены дополнительные дни отдыха: 23 февраля, 6 августа (День индустриализации), 5 сентября и 14 октября (День урожая). К началу 30-х гг. XX века празднование проходило по стандартной схеме: 1. Инструктаж по темам докладов и бесед в трудовых коллективах; 2. Оформление города

лозунгами, плакатами, портретами и диаграммами; 3. Выставки в красных уголках, библиотеке, музее; 4. Партийные, комсомольские и профсоюзные собрания на предприятиях и в учреждениях с докладом по текущему моменту; 5. Выпуск стенгазет, посвященных празднику, с отражением выполнения принятых коллективом социалистических обязательств; 6. Общегородское собрание с «ударническими обязательствами по стопроцентному выполнению стройфинпланов года пятилетки досрочно»; 7. Радиопередачи, посвященные празднику; 8. Торжественное общегородское заседание с ударниками производства и представителями партийно-комсомольско-профсоюзной общественности, концертом и спектаклем; 9. Митинг с выступлением представителей партийно-государственных и общественных организаций, представителями от рабочих, колхозников, молодежи и интеллигенции; 10. Демонстрация; 11. Народное гуляние.

Каждый праздник имел свою особенность. Новый год — детские елки на предприятиях и в школах; День смерти В. И. Ленина — беседы о жизни и деятельности Ленина и траурные заседания с докладом и вечером самодеятельности; День РККА — массовая сдача норм БГТО и «Ворошиловский стрелок»; Международный день работницы — женские собрания; 1 мая и 7 ноября — общегородские демонстрации; День авиации — воздушный парад, выступления парашютистов и катание на самолетах; День ВМФ — выступления водолазов и спасателей, соревнования по гребле, гонки на моторных и парусных яхтах; День физкультурника — спортивный парад, День МЮД — вечерний митинг, карнавал и фейерверк.

1 мая и 7 ноября город украшали арки с наглядной агитацией, здания иллюминировались, на улицах устанавливались репродукторы, магазины заполнялись дефицитными товарами, развешивалась развешивалась торговля с лотков и автолавочек. Демонстрация начиналась с формирования колонн у пунктов сбора. С места сбора колонны шли по указанным маршрутам к центральной площади. Митинг на ней открывал первый секретарь обкома ВКП(б), затем по иерархии выступали руководители облисполкома, горкома ВКП(б), горисполкома, обкома и горкома ВЛКСМ, обкома

профсоюза. После митинга начиналась демонстрация. Колонны проходили мимо трибуны, с которой произносились здравницы. Вечером в Доме культуры проходил большой концерт.

Юбилейные мероприятия (10-летие Коми пионерской организации, 15-летие Коми комсомола, 15-летие Коми области, 100 лет со дня смерти А. С. Пушкина, 20-летие ВЛКСМ, 110 лет со дня рождения официально признанного основоположником коми литературы И. А. Куратова) проходили проще: прием делегаций, получение поздравительных телеграмм, торжественное заседание с выбором почетного президиума (Сталин, Молотов и т. д.), докладом и приветственной телеграммой т. Сталину. Митинги и собрания на предприятиях оканчивались принятиями резолюций «досрочно выполнить план», «повысить революционную бдительность», «отдать свои голоса за кандидатов сталинского блока коммунистов», подписываться на заем «в размере 2-3 недельного заработка» и «выполнять дневное задание в среднем на 170 %».

В «День леса» и «День птиц» город оживал. В «День птиц» устанавливали скворечники и проводили уборку городских улиц, в «День леса» — чистили берега от молевой древесины и сводили плоты, соревнуясь «за переходящее знамя ударников», и проводили общегородские субботники. Заработанные трудовые дни сначала передавались на городские и на общегосударственные нужды. Проводились конференции с писателями и актерами, «конкурс на лучшее воспитание детей» и партийно-комсомольско-профсоюзно-общественная учеба. На конференциях требовали «поднять идейно-художественный уровень... произведений, показывать героев нашей страны». На конкурсе обязывали (семьи, домкомы, клубы, магазины, медучреждения, школы, пионерские отряды) брать на себя функции досуга и воспитания, а на учебе обсуждали «итоги выполнения квартального промфинплана, вопросы внутренней и внешней политики, изучались партийные документы и „История ВКП(б)“. Заседали по три-четыре часа, и график учебы был жестким: «Советский день проводится — 2 числа месяца, партийный — 3, комсомольский — 16, профсоюзный — 28, собрания добровольных обществ — 21, партийно-комсомольская учеба — 1, 7, 13, 19, 25,

семинары пропагандистов — 27, 28, 29, техническая учеба — 5, 9, 14, 22, 29».

Образование. Городская система образования испытывала серьезные трудности. Во-первых, с финансированием — из городского бюджета она получала минимум. Больше приходилось надеяться на помощь со стороны родителей. В яслях, детских садах и школах родители ежемесячно отчисляли 1 % от зарплаты и оказывали помощь по благоустройству, ремонту и пилке дров. Состояние городских школ было ужасающим. Они не были обеспечены наглядными пособиями, учебниками, мебелью и были переполнены. Во многих школах отсутствовало освещение и горячие завтраки. За столами сидели по четыре человека. Тетради выдавались учащимся на год из расчета 24 тетради на ученика. Не хватало квалифицированных учителей. В 1934 г. в педагогическом институте работали «2 профессора, 9 доцентов, 12 ассистентов и 3 лаборанта». В 1938 г. из 127 учителей 28 % имели высшее образование, 10 % — незаконченное высшее, 49 % — среднее, 8 % — общее среднее, 5 % — незаконченное среднее. Сложности добавляло параллельное образование. В школах в параллели существовали коми и русские классы. Кроме обязательных предметов, преподаваемых в коми классе по учебникам на коми языке, углубленно изучали русский язык и советскую литературу, а в русских классах — коми язык и коми литературу. В конце года на проверочных испытаниях сдавались экзамены по коми языку (письменно в русских классах) и по русскому языку (устно в коми классах).

Прием в средние и высшие учебные заведения осуществлялся по социально-классовому принципу. К заявлению необходимо было приложить «документ, удостоверяющий социальное положение поступающего и его родителей, справку о том, что поступающий и его родители не лишены избирательного права». С учетом всего этого он осуществлялся за счет «откомандированных в Ленинградский и Вологодский Пединституты, рабфака и разверстки». Разверстка составляла: для членов ВКП(б) — 70 человек, для профсоюзов — 60 человек, для членов ВЛКСМ — 50 человек. Предполагалось, что первый контингент студентов пединститута составит около 120 человек. Желающих поступить оказалось 22 человека. Из них по-

сле собеседования допущено к приемным летним экзаменам было 13 человек. Постоянно объявлялись дополнительные наборы. Был сильный отсев (от 18 до 26 %). Процветало второгодничество. Не хватало помещений для учебы и общежития. В 1935 г. город должен был принять 880 учеников. В школах места нашлись только для 600. Лесотехникум (230 учащихся) и Лесрабфак (225 учащихся) занимались в 14-ти классных комнатах, в остальных помещениях проживали жильцы, были склады и картофелехранилища. Отметим, что в городе было много детских кружков: в Доме пионеров — драматический, кукольный, рукодельный, хоровой, стрелковый, санитарный, в детской художественной студии — драматический, струнных и духовых инструментов, живописи, рисунка, лепки, хореографии, хорового пения, на детской технической станции — радио, фото, авиамоделирования. На станции юннатов выращивали новые сорта овощей.

Культура. Летом 1934 г. в городе был организован Коми драматический театр и объявлен «дополнительный набор на постоянную работу и учебу, включая работников из школ». Был проведен отбор на учебу в Ленинградский театральный техникум и организован театральный оркестр. В кинотеатре перед показом кинофильмов играл местный домробалаэчный оркестр, созданное концертно-эстрадное бюро «давало концерты в двух отделениях с участием... джаз-оркестра». 1930-е гг. для Коми краеведческого музея стали годами расцвета. Он получил стационарное здание с земельным участком. В здании были размещены постоянные экспозиции, а на «опытно-акклиматизационном участке с солнечными часами и фонтаном» выращивалось около 300 видов растений южных регионов. Музей проводил экскурсии, оказывал «справочно-краеведческую помощь», устраивал персональные выставки художников Коми республики. В 1930-е гг. большую роль в жизни горожан играли кино и радио. В кино ходили семьями. Сеансы были вечерние (для взрослых с 18 ч.) и дневные (детские с 14 ч.).

В выходные дни сеансы начинались с 12 и 14 часов. Цены на билеты зависели от мест (первые, вторые и третьи) и колебались от 1 до 3 рублей. Билеты на детские сеансы — 50 копеек. Радиопередачи начинались в 8 часов утра и заканчивались в 20 часов вечера. С утра передавали статьи из газет, днем — концерты, литературные монтажи и отрывки художественных произведений, передачи для детей, вечером — лекции, беседы и последние известия на двух языках.

Спорт и отдых. Спорт в середине 1930-х гг. в Сыктывкаре развивался. Появились летно-планерная школа, авиаотряд Осоавиахима и Спортивный городок. В авиаотряде готовили мотористов и летчиков, в летно-планерной школе — инструкторов и пилотов планеристов. Сюда брали только комсомольцев с обучением без отрыва от производства. В городке построили футбольное поле, легкоатлетическую дорожку, стрелковый тир и парашютную вышку. Появились военно-спортивные виды спорта: массовые походы в противогазах; городские военизированные эстафеты (велосипедист, конник, «пешеходы», бег в противогазах, переноска «раненого», бег с барьерами); ночные военные занятия. Стали проводиться зимние и летние спортивные походы: зимнее троеборье (бег, прыжки с трамплина и слалом), лыжная эстафета имени Сталинской Конституции, саночный поход Сыктывкар-Архангельск, велопробег Сыктывкар-Летка-Сыктывкар «среди детей», автопробег Сыктывкар-Троицко-Печорск, кроссы имени Шверника и Ворошилова, шлюпочный поход Сыктывкар-Усть-Уса-Сыктывкар. В 1934 г. в Сыктывкаре появился «Институт выходного дня». В эти дни зимой проводили «катанье на коньках, с горок, сдачу норм ГТО, игру в хоккей», а летом устраивались массовые выезды в Белый Бор «со сдачей норм на Ворошиловский стрелок», а также метанием гранат и копий.

Такие изменения, происходившие в повседневной жизни Усть-Сысольска — Сыктывкара, зафиксировали материалы, опубликованные в местных газетах в 1920-1930-х гг.

1. Жеребцов И. Л. Погост на Усть-Сысоле реке // Сыктывкар и сыктывкарцы. — Сыктывкар, 2004. — С. 6-43.
2. Жеребцов И. Л., Таскаев М. В., Рогачев М. Б., Коле-

гов Б. Р. Историческая хроника. Республика Коми с древнейших времен. — Сыктывкар, 2002.

3. Жеребцов И. Л., Таскаев М. В. Коми край в годы граж-

- данской войны: хроника событий (август 1918 — осень 1921 гг.) // Труды Коми отделения Академии военно-исторических наук. — Сыктывкар-Вологда, 2012. — Вып. 11. — С. 140-187.
4. Жеребцов И. Л., Таскаев М. В., Колегов Б. Р. Комирет-ро: 95 лет истории Коми, от официальной до курьезной. — Сыктывкар, 2016.
5. История Коми с древнейших времен до конца XX века. — Сыктывкар, 2004. — Т. 2.
6. История Коми с древнейших времен до современности. — Сыктывкар, 2011. — Т. 2.
7. История Сыктывкара. — Сыктывкар, 1980.
8. Колегов Б. Р. Из жизни устьсыольцев в 1919 году (по страницам газеты «Зырянская жизнь» / «В зырянском краю») // Повседневная жизнь Коми края. — Сыктывкар, 2010. — Вып. 2. — С. 17-29.
9. Колегов Б. Р. Странная страна. — Сыктывкар, 2015.
10. Колегов Б. Р. Странная страна-2. — Сыктывкар, 2017.
11. Колегов Б. Р., Жеребцов И. Л. Из жизни устьсыольцев в 1921 году (по материалам газет «Удж», «Югыд туй») // Повседневная жизнь российской провинции. — Сыктывкар, 2013. — Вып. 5. — С. 107-111.

«СОБАЧЬЕ ДЕЛО» В ИВАНОВО-ВОЗНЕСЕНСКЕ В КОНЦЕ XIX – НАЧАЛЕ XX ВВ.

История появления окладного сбора с владельцев собак в г. Иваново-Вознесенске тесно связана с проблемой распространения бешенства в растущем промышленном центре на рубеже XIX-XX вв. Проблема приобретала актуальность в связи с быстрым ростом городского населения, а, соответственно, — и числа бродячих животных, всегда сопровождающих места жительства человека.

2 мая 1886 г. иваново-вознесенский полицмейстер доносил городскому голове, что в городе с апреля «появилось бешенство на собаках, которыми было укушено несколько человек». Полицмейстер письменно обязал всех владельцев собак, «чтобы они не допускали их бродить по улицам, а держали бы их на привязи во дворах». Но это его требование было исполнено далеко не всеми. Он просил городскую думу «в непродолжительное время издать обязательное постановление», которым санкционировалось бы уничтожение собак, передвигающихся по городу без намордников. Для истребления бродячих собак требовалось нанять специальных лиц, которые должны были «ловить собак и уничтожать их на городском скотском кладбище». Соответствующее постановление было издано городскими властями достаточно оперативно — уже 28 мая 1886 г. Согласно этому документу, всем собакам, появившимся на улицах без ошейников и намордников, грозила немедленная смерть.

Однако с организацией уничтожения бродячих собак, требовавшей ассигнования городом известных средств, возникли некоторые проблемы. Лишь 31 июля 1886 г. городской голова принял решение: выплачивать по 50 коп. за уничтоженную бешеную собаку. 2 октября 1886 г. последовал циркуляр владимирского губернатора, предлагавший те меры, которые уже были предприняты городскими властями. Новшеством было одно — введение поголовного сбора с владельцев собак на содержание персонала, осуществляющего истребление бродячих животных. Вопрос об этом

персонале был весьма животрепещущим: Иваново-Вознесенская дума отдавала истребление бешеных собак «на откуп» частным лицам, однако они могли получить вознаграждение лишь в случае болезни собаки, удостоверенной полицией. Бродячие собаки уничтожению не подлежали — постановление думы об убийстве собак, оказавшихся на улице без ошейников и намордников, было отменено Владимирским по городским делам присутствием 30 апреля 1887 г. Все это вызвало очередное обострение ситуации. 26 мая 1890 г. полицмейстер сообщал голове, что владельцы собак не исполняют постановлений думы, тогда как в течение мая 1890 г. было зарегистрировано уже три случая «появления бешенства на собаках». На некоторых виновников были заведены административные дела, однако штраф по ним оказался ничтожным. Полицмейстер потребовал дополнить постановления пунктом об истреблении бродячих собак в случае появления бешенства. Таким образом, экстренные обстоятельства способствовали введению правил, отмененных губернским начальством.

От городской управы требовалось нанять для истребления собак специальных лиц. На заседании думы 12 июня 1890 г. это предложение было принято, но ассигновать средства для организации отлова собак она не торопилась. 13 февраля 1891 г. полицмейстер вновь сообщал, что для уничтожения бродячих собак управой должны быть наняты «опытные для того люди»: «прежний способ уничтожения собак» не достиг своей цели, поскольку все бравшиеся за это дело оказывались неспособными. Однако городской голова отвечал, что таких «испытанных людей» у города не имеется¹.

В результате организация уничтожения бродячих животных в городе стала плодом не волевого решения городских властей, а частной инициативы. 16 апреля 1898 г. нижегородский крестьянин С. И. Рагузин спрашивал у городской управы разрешения заниматься в течение пяти лет ловлей на городской территории бродячих собак и уборкой трупов умерших животных. Он предложил

следующие условия отлова: все собаки без ошейников и намордников доставлялись в специальное помещение на городском скотском кладбище, где оставались в течение трех дней, в продолжение которых владельцы могли требовать их возвращения. Также он безвозмездно обязывался убирать и закапывать трупы павших животных (лошадей и коров), испрашивая у города исключительно права пользоваться их шкурами. Городская управа отнеслась к просьбе вполне благосклонно. Проект был передан в думу, которой для обсуждения его условий была собрана специальная комиссия². По ее мнению (28 января 1899 г.), необходимо было принять меры с целью «уменьшения числа собак вообще, и бесполезных в частности». Для этого предлагалось два основных средства: налогообложение хозяев животных и ловля бродячих собак. Дума постановила установить налог в пользу города с каждой собаки в размере 2-х руб. в год, поручив управе составить проект о порядке истребления бродячих собак³. В проекте, представленном управой 8 апреля 1899 г., предлагалось «в виде опыта воспользоваться предложением» С. И. Рагузина⁴.

Таким образом, принципиальное согласие на предложение нижегородского крестьянина было получено. 7 февраля 1900 г. он заключил договор на строительство деревянного дома на городской земле при скотском кладбище³. А 15 февраля подписал с управой трехлетний контракт, согласно которому был обязан ловить и истреблять бродячих собак, не имеющих на ошейниках установленных управой значков. Ловля собак должна была производиться в присутствии участкового полицейского «во избежание пререканий и даже драки между ним и недовольными обывателями». Время ловли было ограничено: она производилась рано утром (с марта по апрель — до 8 час. утра, с апреля по август — до 7 час. утра, с сентября по март — до 10 час. утра). Пойманных собак можно было истреблять по истечении 3-х суток со дня поимки, если владелец за это время не предъявит квитанции о взносе сбора. За содержание собаки он должен был уплатить 20 коп. в сутки. Кроме того, Рагузин был обязан бесплатно убирать и закапывать трупы павших животных в городе. Ему предоставлялась возможность пользоваться с согласия владельцев шкурами этих живот-

ных. При этом за свою «концессию» Рагузин обязан был выплачивать в городскую кассу от 50 до 150 руб. в год.

В таком случае оказывались непонятными причины, побудившие его взяться за столь тяжелую и неблагодарную работу. Они вполне проясняются благодаря сообщениям в городскую управу от губернского и городского ветеринаров. 10 июня 1902 г. первый из них сообщал, что пункт о праве Рагузина пользоваться шкурами павших животных, «может служить поводом к недоразумениям между владельцами животных и контрагентом». Ветеринар обращал внимание, что в случае возникновения у владельца желания получить свою шкуру, Рагузин мог потребовать с него вознаграждение за уборку трупа. Вследствие этого врач вносил предложение об установлении определенной платы за уборку трупов⁵. Некоторые детали бизнес-схемы нижегородского крестьянина раскрываются отношением в городскую управу губернского ветеринарного инспектора от 14 августа 1902 г. При осмотре инспектором 2 августа 1902 г. места «для зарытия трупов павших в городе животных», оказалось, что они закапываются в неглубокие ямы, причем, трупы больных животных не дезинфицируются. Вместо этого Рагузин, не имея разрешения и необходимых условий, занимался «живодерным промыслом». В специальном котле он «вываривал мясо и вытапливал сало, взятое от трупов павших животных». Этими продуктами он кормил «разводимых здесь же собак». Это были те самые собаки, которых крестьянин отлавливал на городских улицах. Инспектор просил управу запретить контрагенту заниматься живодерным промыслом и обязать его производить захоронение более тщательно. 25 августа 1902 г. Рагузин дал соответствующую подписку. Правда, речь в ней шла не о переносе живодерни на новое место, а лишь об обязательстве получить разрешение на производство этого промысла⁶.

Городской ветеринарный врач Н. И. Любимов в заявлении от 18 февраля 1905 г. оценивал настоящую «постановку дела уборки трупов павших животных» как ненормальную. По его словам, владельцы почти никогда не соглашались уступить уборщику шкуру животного: все мероприятия по вывозке, снятию шкуры и захоронению трупа стоили 2 руб., тогда как стоимость шкуры

простирались до 5 руб. В результате предприниматель вынужден был «платить неуступчивому владельцу от 1 до 3 руб. за шкуру». Бесплатно контрагент получал шкуры лишь тех животных, «владельцы которых были поуступчивее, или не знали, что с их животных будет снята и продана шкура». По мнению врача, город «из уборки трупов не должен был делать доходную статью», а взять дело в свои руки. Для этого необходимо было иметь на кладбище городскую сторожку, где должен постоянно проживать сторож, занимающийся захоронением и наблюдением за могилами. Уборщик же трупов обязан жить в городе и получать жалование. Средства для перевозки трупов и инструменты для ловли собак должны быть сделаны на городские средства, с соблюдением санитарных требований. Кроме того, необходимо было установить с владельца животного плату в размере 2 руб. За эту плату уборщик был обязан захоронить труп, а со шкурой поступить «по желанию владельца». При этом владельцу предоставлялось право самому провести все эти мероприятия, что освобождало его от платы⁷.

Сведения, приведенные в цитированных выше заявлениях, проясняют особенности концессии Рагузина. Он получал доход, прежде всего, со шкур трупов павшего в городе крупного рогатого скота. Еще один значительный источник дохода — содержание хозяйских собак, выловленных им на улицах города (для их кормления он использовал мясо с трупов павших животных). Обоснованные требования городского ветеринарного врача заставили власти прислушаться к его заявлению. В марте 1905 г. управа за 160 руб. приобрела у Рагузина его дом на кладбище. Согласно новому контракту с ним, заключенному на 1 год с 1 апреля 1905 г., дом передавался ему в пользование на время договора. Кроме того, ему была назначено жалование в размере 25 руб. в мес.⁸ На следующий год (с 1 апреля 1906 г.) в договор были введены новые пункты: для уборки трупов Рагузин обязывался иметь собственную лошадь и телегу (сани), покрытую железом («для того, чтобы вытекающие из палых животных жидкости не текли на землю»). Был введен и пункт об ответственности за нарушение условия договора — в этом случае Рагузин должен был уплатить штраф от 5 до 25 руб. Введение значительного

числа ограничений в схему нижегородского крестьянина способствовало сворачиванию им своей деятельности. Со 2 октября 1906 г. подряд был передан шуйскому помещику Ф. Р. Захарову, а с 27 августа 1908 г. — нерехтскому крестьянину С. Н. Назарову⁹.

7 мая 1910 г. подряд был передан шуйскому крестьянину В. А. Мохову. Однако исполнение им своих обязанностей вызвало недовольство полицмейстера: 21 января 1911 г. он обращался в управу с просьбой подыскать для истребления бродячих собак «более надежного человека», поскольку Мохов «относится к делу весьма халатно». 7 мая 1911 г. был заключен годовой контракт с суздальским крестьянином А. Н. Каштановым, а 19 июля 1912 г. подряд принял другой крестьянин Суздальского уезда, М. А. Боков. При этом за получение этой концессии велась серьезная борьба: 8 декабря 1911 г. о сдаче подряда ему просил С. И. Рагузин, а 29 ноября 1912 г. аналогичное прошение поступило от А. А. Назарова¹⁰. Однако 5 июля 1913 г. контракт вновь был подписан с М. А. Боковым. При этом Боков просил городские власти изменить условия соглашения, увеличив размер жалования для содержания работника: «ловля собак не так добычна», а владельцы трупов скота «просят платы», назначая в ходе торга такую цену «чего и она (шкура. — Е. Б.) не стоит», в противном случае угрожая сдать труп конкурентам. К разрешению споров неоднократно приходилось привлекать полицию. Но власти так и не вняли просьбе крестьянина — договор был возобновлен на прежних условиях. Пойти навстречу просьбе ловца их заставил лишь рост инфляции в первые месяцы войны: 1 августа 1914 г. Боков сообщал, что «на старых условиях служить невозможно, работы прибавилось, жалования мало, а расход большой». С 1 января 1915 г. его жалование было увеличено до 30 руб. Однако в заявлении от 9 января 1916 г. Боков вновь отмечал, что «цены на все удвоились да утроились, а я служу при прежних условиях, расход не оправдывается». Он ссылаясь на то, что «при деле» трудится все его семейство. Серьезных доходов для него не предвиделось: «На мой товар, то есть собак, купца не находится, которые раньше забирали, отказываются»¹¹. Таким образом, Мохов вел торговлю пойманными им собаками. Некото-

рое время эта деятельность приносила солидный доход, но общее обеднение населения в военный период положило конец торговле. Сложившаяся ситуация вновь привлекла основоположника «собачьего дела» в Иваново-Вознесенске С. И. Рагузина: он просил пригласить его на место Мохова после окончания контракта с последним (с 1 июня 1916 г.). При этом жалования он требовал на треть меньше старого подрядчика — всего 20 руб. Управа приняла это предложение. Рагузин продолжил службу в прежней должности и в дальнейшем: 8 июня 1918 г. он получил открытый лист на ловлю собак от городского Совета¹².

Работа собаколова была достаточно интенсивной. В 1911 г. было «поймано и истреблено» 415 бродячих собак, а в 1913 г. — 391. Однако уважением у населения эта профессия не пользовалась. Не зря В. А. Мохов в одном из своих прошений характеризовал свою деятельность так: «Труд несун, бесчестье терплю и все бескорыстно». Способ ловли собак был настолько жесток, что конфликтов с обывателями избежать не удавалось. 6 июля 1911 г. полицмейстер сообщал в управу, что «способ ловли бродячих собак при посредстве накидывания проволочной петли не может быть признан законным, так как причиняет животным напрасные мучения». Он отмечал, что ловля каждый раз сопровождалась «рядом скандалов и столкновений с публикой». Находившийся тогда на службе А. Н. Каштанов был вынужден дать подписку, что обязуется использовать для ловли исключительно сеть. Однако такой способ был трудоемким и недостаточно эффективным. В результате 16 февраля 1912 г. полицмейстер извещал управу, что не возражает «против временного перехода к ловле петлей, при условии, чтобы ловец не допускал излишних жестокостей».

Это вызвало новые конфликты с обывателями. 31 января 1912 г. управа сообщала полицмейстеру, что городовые «не проявляют должного вмешательства в тех случаях, когда между ловцом собак и посторонней публикой возникают пререкания». Не оставалась в стороне и сама «публика»: 16 апреля 1915 г. в управу поступило заявление Н. С. Бубнова, который просил обратить внимание на городских собачников, занимающихся ловлей «в недозволенное время и причиняющих животным жестокие мучения на глазах прохо-

жих». В доказательство своих слов он приводил происшествие накануне: на 1-й Ильинской ул. «поймав собаку мертвой петлей, собачник тащил ее на веревке по земле к фуре, причиняя этим боль, отчего собака визжала и каталась по земле». Возмущенные прохожие потребовали прекратить это безобразие. В данном случае дело для собачника ограничилось словесными упреками, однако негодование обывателей могло привести и к более серьезным последствиям. 8 августа 1916 г. в центре города был покусан городской собаколов М. А. Боков. Защититься он не мог, поскольку «был схвачен за руки неизвестным господином». Городовой, к которому он обратился за содействием, помощи не оказал. В своем заявлении в управу врач выразил негодование действиями полиции, особенно возмутительными в связи с тем, что в это время в городе прогрессировала эпидемия бешенства¹³.

Развитие в городе с 1912 г. эпидемии бешенства явилось серьезным толчком к усовершенствованию законодательства относительно истребления бродячих собак. Уже 24 мая 1912 г. в управу поступило тревожное сообщение ветеринарного врача о ежедневных «укусах людей собаками, подозрительными по бешенству». Врач отмечал, что собаки в городе уничтожаются «далеко не столь энергично, как вызывается обстоятельствами». Собаки не уничтожались и в пригородах, находившихся в юрисдикции не города, а уездного земства. Это приводило к тому, что пригороды являлись «как бы питомником собак». В целях борьбы с эпидемией врач предлагал организовать отряд для уничтожения собак и допустить их дневную ловлю. Доклад в управу комиссии, собранной по этому поводу, главной причиной наличия бешенства в городе называл слабость организации отлова («один ловец с фурой не может успешно производить ловлю во всем городе»), проблему пригородов и отсутствие обязательных постановлений, устанавливающих правила содержания собак. Комиссия предлагала: увеличить число ловцов до двух человек, увеличить время ловли до 9-ти часов утра, просить земство принять меры к истреблению собак в пригородах, издать обязательное постановление о содержании собак. В проекте этого постановления новшеством для горожан было запрещение «водить со-

бак на бульвары в городские сады». Крестьяне же обязывались «привязывать собак к экипажам», на которых они появлялись в городе¹⁴.

Однако это постановление так и осталось проектом, как и удвоение числа городских собачников. 8 июня 1912 г. Иваново-Вознесенская управа просила шуйское земство организовать ловлю и истребления бродячих собак в пригородных поселениях. Город предлагал «принять на себя этот труд» при условии ассигновании земством на расходы 600 руб. В ответе от 17 февраля 1914 г. земство обращало внимание на то, что «никто не уполномочивал городскую управу производить ловлю собак в пригородах» и выражало сомнения в «необходимости и целесообразности такой меры»¹⁵. В самом городе власти также действовали весьма нерешительно. Лишь 24 февраля 1914 г. врачебно-санитарная комиссия решила с 15 апреля 1914 г. ввести ловлю собак с 7 часов вечера до 8 утра осенью и зимой и с 10 часов вечера до 8 утра весной и летом. Однако 10 октября 1914 г. полицмейстер вновь просил управу «ввиду увеличения числа бродячих собак в городе, понудить ловца к их истреблению». 23 октября 1914 г. время ловли было увеличено еще на один час в сутки.

Весной 1915 г. эпидемия вспыхнула с новой силой. 10 апреля была обнаружена очередная бешеная собака, покусавшая еще троих животных. Вновь собранная городская комиссия предложила ввести для собак обязательное ношение намордника, а выкуп задержанных собак осуществлять только под надзором ветеринара. Также требовалось нанять двух дополнительных собаколово, которые ежедневно должны были производить ловлю сетями: в городе с 5 до 7 часов утра, а по окраинам — с 5 до 8 часов вечера. Для наблюдения над ловлей, содержанием и умерщвлением собак приглашался ветеринарный фельдшер. Кроме того, управа должна была выделить средства на устройство при скотском кладбище пятидесяти клеток для содержания собак. 4 мая 1915 г. были изданы распоряжения городской управы, согласно которым ловле подлежала любая собака без намордника. 21 мая и 1 июня 1915 г. С. Е. Бубновым были наняты специальные собаколовы (крестьяне А. А. Лапин и И. П. Кочетов).

Однако эти полумеры не прекратили распространения эпидемии. 3 ноября и 5 декабря 1915 г.

полицмейстер в связи увеличением количества бродячих собак вновь просил управу сделать распоряжение о принятии самых энергичных мер к их поимке. 13 июня 1916 г. последовало заявление ветеринарного врача с предложениями новых мер по борьбе с бешенством. Они не отличались оригинальностью: привлечение полиции для «содействия городским собаколовам», распространение ловли на пригороды, увеличение числа фургонов и ловцов. Меры, предложенные городской комиссией 10 июня 1916 г., в целом повторяли прошлогодние. В числе новшеств можно отметить запрещение водить по улицам самок во время течки и увеличение времени ловли практически на весь световой день: с 6 утра до 12 дня и с 4 до 8 вечера. Постановления комиссии о борьбе с бешенством были опубликованы в № 129, 130 и 131 городской газеты «Ивановский листок». Однако 10 июня и 21 июля 1916 г. полицмейстер вновь просил управу «принять самые энергичные меры к ловле бродячих собак». В ответ он получил заверения, что городская власть делает все возможное, но обыватели вовсе не торопятся исполнять изданные ею обязательные постановления. Управа просила полицию принять меры по привлечению виновных к уголовной ответственности. Управа, впрочем, также не торопилась исполнять постановление комиссии от 10 июня: лишь 4 ноября 1916 г. в качестве дополнительного собаколова был нанят И. И. Фалин. Новая власть в полной мере унаследовала проблему бродячих животных на улицах города. 15 июня 1917 г. ветеринарный врач сообщал в управу, что в городе вновь участились случаи нападения на людей бродячих псов. 21 июня 1917 г. и 18 мая 1918 г. управа обращалась к начальнику гражданской милиции города с настойчивой просьбой оказывать содействие собаколову в его деятельности. Однако ситуация отнюдь не нормализовалась, что вызвало 23 октября 1918 г. соответствующее распоряжение Президиума исполкома городского Совета. Этот документ повторял аналогичные постановления прежней власти: граждане обязывались выпускать собак на улицу только в намордниках, вводилась ежедневная ловля собак особо нанятыми лицами. Имелся и пункт об ответственности хозяев, нарушавших это постановление, однако конкретный ее механизм так и остался неясным¹⁶.

Как можно видеть из приведенного фактического материала, проблема бродячих животных в Иваново-Вознесенске не теряла актуальности на протяжении трех десятилетий на рубеже XIX-XX вв. Но городские власти относились к ее решению весьма прохладно. Организация борьбы с бродячими животными требовала от них не только некоторых финансовых вливаний, но и разработки адекватного законодательства. Однако они длительное время старались ограничиться минимальными ассигнованиями денежных средств, а разработкой законов пренебрегали вовсе. Толчком к решению вопроса

явилась, как ни парадоксально, частная инициатива, результатом которой стала организация уничтожения бродячих животных. Однако непосредственная организация этого процесса мало заботила городские власти. Они были вынуждены предпринять некоторые меры по ее регламентации лишь после появления в городе эпидемии бешенства, вызывавшей значительные расходы по лечению подвергавшихся угрозе заражения лиц. Но в связи с тем, что обеспечивать исполнение решений городских властей должна была местная полиция, эффективность подобного законодательства оставляла желать лучшего.

¹ ГАИО. — Ф. 2. — Оп. 1. — Д. 2035. — Л. 1-2, 4-6об., 8-15, 21, 24, 26, 29-32, 35-36.

² Там же. — Д. 6548. — Л. 101об.-102.

³ Там же. — Д. 6571. — Л. 25об.

⁴ Там же. — Л. 75-75об.

⁵ Там же. — Д. 4141. — Л. 1об.

⁶ Там же. — Оп. 2. — Д. 484. — Л. 10-11.

⁷ Там же. — Оп. 1. — Д. 3070. — Л. 179-181.

⁸ Там же. — Оп. 2. — Д. 484. — Л. 222-224.

⁹ Там же. — Оп. 1. — Д. 4142. — Л. 1об.

¹⁰ Там же. — Д. 4206. — Л. 1-5об.

¹¹ Там же. — Оп. 2. — Д. 599. — Л. 1, 4-5об., 7, 8, 66, 336.

¹² Там же. — Оп. 1. — Д. 5443. — Л. 1-2об., 8-13.

¹³ Там же. — Оп. 2. — Д. 599. — Л. 537.

¹⁴ Там же. — Л. 6об., 9об., 11, 27, 374, 486об.

¹⁵ Там же. — Л. 52, 53, 55-56об.

¹⁶ Там же. — Оп. 1. — Д. 5443. — Л. 3; Оп. 2. — Д. 599. — Л. 60об., 65, 368об.

¹⁷ Там же. — Оп. 2. — Д. 599. — Л. 338-339об., 370, 371, 377, 378, 385, 406, 433об., 440, 452, 453, 458, 473, 517, 525, 526, 532, 551; Оп. 2. — Д. 750. — Л. 15об.; Оп. 1. — Д. 5443. — Л. 10-11.

ВОСПРИЯТИЕ И ОЦЕНКА ГОРОДА ЛЕСНЫМ ЧЕЛОВЕКОМ

(В. К. АРСЕНЬЕВ «ПО УССУРИЙСКОМУ КРАЮ», «ДЕРСУ УЗАЛА»)

В статье мы рассматриваем финальные эпизоды книги В. К. Арсеньева «Дерсу Узала» (1923), относящиеся к пребыванию проводника отряда гольда Дерсу Узала в Хабаровске. Контекстом являются три крупных произведения В. К. Арсеньева: «По Уссурийскому краю» (1921), «В горах Сихотэ-Алиня» (1937), «Сквозь тайгу» (1930). Перед нами стоит задача исследовать, каким представился город человеку традиционной культуры, гольду (нанайцу), который всю жизнь прожил в тайге.

Исследователь Дальнего Востока В. К. Арсеньев родился в 1872 г. в Петербурге, окончил военное училище и в возрасте двадцати восьми лет по собственной просьбе был переведен на службу из Польши во Владивосток. Он хотел заниматься экспедиционной деятельностью, и такая возможность ему представилась. Первая крупная экспедиция была им совершена в 1906 г., тогда он и встретился с Дерсу Узала, гольдом, который стал его проводником. Дерсу сопровождал Арсеньева в двух экспедициях — 1906 и 1907 гг. Он погиб перед началом самой крупной экспедиции Арсеньева 1908-1910 гг. под Хабаровском, уходя из города, где недолгое время по просьбе путешественника жил у него в доме. Дерсу посвящены две книги: «По Уссурийскому краю» и «Дерсу Узала». Арсеньев прожил на Дальнем Востоке до конца своей жизни, всего в течение тридцати лет.

Арсеньев упоминает Владивосток и Хабаровск (города, в которых он жил) в своих книгах. В первые крупные экспедиции 1906, 1908-1910 гг., описанные в книгах «По Уссурийскому краю», «В горах Сихотэ-Алиня», он отправляется из Хабаровска. Экспедиция 1907 г., описанная в книге «Дерсу Узала», и последняя крупная экспедиция 1927 г., о которой написана книга «Сквозь тайгу» (1930), отправлялись из Владивостока.

Для Арсеньева экспедиция — то, о чем он мечтает, находясь в городе, который лишает его свободы, погружает в суету и регламент. Отъезд

из города в экспедицию — праздник: «Наконец, ударил станционный колокол, раздался свисток, и поезд тронулся. В эту минуту чувствуешь, как какая-то неимоверная тяжесть свалилась с плеч. Все беспокойства остались позади. Сознание, что ровно год будешь вне сферы штабов, управлений и канцелярий и ровно год не будут беспокоить предписаниями и телефонами — создает душевное равновесие. Чувствуешь себя свободным; за работу принимаешься с удовольствием и сам себе удивляешься, откуда берется энергия»¹. Но и возвращение — тоже праздник, поскольку заканчивается очередное тяжелое испытание, и на некоторое время в жизнь возвращается комфорт: «После долгого питья из кружки дешевого кирпичного чая с привкусом дыма — с каким удовольствием я пил хороший чай из стакана! С каким удовольствием я сходил в парикмахерскую, вымылся в бане и затем лег в мягкую постель с чистой подушкой»². Город — в этом случае место, где можно обдумать и обобщить экспедиционный опыт.

Если у Пржевальского в книге «Путешествие в Уссурийском крае 1867-1869 гг.» можно отметить бинарную структуру тайга/город, то у Арсеньева — градацию, каждая ступень которой представлена определенным видом жилища: «Красота жизни заключается в резких контрастах. Как было бы приятно из инородческой юрты сразу попасть в богатый городской дом. К сожалению, переход этот бывает всегда постепенным: сначала юрта, потом китайская фанза, за ней — крестьянская изба, а затем уже город»³.

В своих текстах Арсеньев описывает все перечисленные в отрывке виды жилья, но не описывает в подробностях «богатый городской дом».

Настроение выхода в экспедицию и возвращения из нее — всегда взволнованное. Начало экспедиции — романтически-приподнятое состояние ожидания новых впечатлений и открытий. Таким описано и начало экспедиции 1927 г. в книге «Сквозь тайгу»: «В ноябре 1927 года Дальневосточное районное переселенческое управле-

ние предложило мне организовать экспедицию по маршруту г. Хабаровск — Советская Гавань с целью выяснить, что представляют собой в колониационном отношении лежащие на этом пути местности»⁵. Путь экспедиции начинается во Владивостоке морским маршрутом. Так же, морем, Арсеньев выходил из Владивостока в 1907 г. Но тогда Владивосток был для него лишь местом, где случилась потеря времени в начале экспедиции, во время которой должно было обследовать центральную часть Сихотэ-Алиня⁶.

В 1927 г., может быть, в связи с тем, что исследовалась возможность колонизации земель, автор описывает город таким, каким увидел его с борта парохода «Син-пин-ган»: «Несмотря на ненастье, пассажиры еще долго находились на палубе и любовались Владивостоком, который при вечернем освещении действительно имел эффектный вид. Дома города, расположенные по склонам гор, взбирались до самых вершин, отчего все сопки казались иллюминированными. Множество огней как бы повисало в воздухе; они расходились, перемещались, сливались вместе и все разом отражались в черной воде»⁷. Это описание вечернего города может быть использовано и для современного Владивостока. Автор объясняет красоту города необычной красотой места, на котором он расположен. В описании представлены все стихии: воздух, огонь, земля и вода. Город в этом эпизоде является, возможно, прообразом тех новых городов, которые пока существуют только в проектах. Арсеньев представляет Владивосток, органично вписанным в необычный мир приморской природы. Природа украшает город, а город — природу.

«Сквозь тайгу» — последнее крупное произведение, изданное при жизни Арсеньева. В более раннем тексте «Дерсу Узала» автор представляет город глазами своего проводника. Мотив города в сочетании с образом Дерсу Узала появляется довольно рано в первом крупном произведении Арсеньева «По Уссурийскому краю». После рассказа Дерсу о своей жизни, из которого молодой герой-повествователь узнает, что охотник гольд — одинокий человек, потерявший всех своих близких, он с благими намерениями предлагает старику свое ружье в обмен на его старую берданку: «Но он отказался, сказав, что берданка дорога ему как

память об отце, что он к ней привык, и что она бьет очень хорошо. Он потянулся к дереву, взял свое ружье и стал гладить рукой по ложу»⁸. Дерсу пытаются приобщить к благам цивилизации, но память о предках мешает ему принять эти блага, которые, как выяснилось в финале книги «Дерсу Узала», для него опасны.

В негативном контексте упомянут город в другом эпизоде книги «По Уссурийскому краю»: после ночевки в таежном балагане Дерсу оставляет в нем немного еды, спички и другую мелочь, но, не готовясь прийти сюда вновь, а для незнакомцев, которые тоже могут здесь остановиться на ночлег. Герой-повествователь рассуждает: «Забота о путнике!.. Отчего же у людей, живущих в городах, это хорошее чувство, это внимание к чужим интересам заглохло, а оно, несомненно, было ранее»⁹.

Центральным эпизодом первых шести глав «По Уссурийскому краю» является пурга на озере Ханка, во время которой Дерсу спасает жизнь молодому спутнику. Кажется, у героя-повествователя был шанс убедиться в том, что тайга — родной дом Дерсу, он приспособлен к жизни в самых сложных таежных условиях. Однако он настойчиво предлагает Дерсу уйти из леса: «Я стал снова рассказывать ему про удобства и преимущества жизни в городе. Дерсу слушал молча. Наконец, он вздохнул и поговорил:

— Нет, спасибо, капитан. Моя Владивосток не могу ходи. Чего моя там работай? Охота ходи нету, соболя гоняй тоже не могу, город живи — моя скоро пропади»¹⁰. Появлению гольда в Хабаровске предшествует эпизод, когда Дерсу промахивается на охоте¹¹. Это укрепляет героя-повествователя в мысли взять старика с собой в город: «Для него, добывающего себе средства к жизни охотой, ослабление зрения было равносильно гибели»¹².

После этого случая Дерсу соглашается пойти в Хабаровск, но, как видно из его слов, жить он там не собирался: «Мне маленько осталось жить. Скоро помирай»¹³. Эти слова перекликаются со словами Дерсу из книги «По Уссурийскому краю», где он утверждает, что в городе пропадет. Таким образом, герой не воспринимает город как место для жизни. Он как будто идет туда умирать.

Еще в тайге Дерсу встречается с приметам незнакомомого для него мира — мира цивилизации.

И, если огнестрельное оружие было знакомо Дерсу с детства, он получил ружье от своего отца, то железная дорога для него пока не знакома: «Подгоняемая шестью лодка наша хорошо шла по течению. Километров через пять мы достигли железнодорожного моста и остановились на отдых. Дерсу рассказал, что в этих местах он бывал еще мальчиком с отцом. Они приходили сюда на охоту за козлами. Про железную дорогу гольд слышал от китайцев, но никогда ее раньше не видел»¹⁴. Дерсу свойственен интерес к миру. Осваивая таежный мир практически, он и к чужеродным элементам его подходит с соответствующих позиций: «Переходя через полотно дороги, Дерсу остановился, потрогал рельсы рукой, посмотрел в обе стороны и сказал: „Моя это слышал. Кругом люди говорили. Теперь понимай есть”»¹⁵.

Потеряв чернильницу с чернилами, которую ему доверил нести герой-повествователь, Дерсу, представитель бесписьменной культуры, точно определяет, в чем ее ценность: «Мои спутники рассмеялись, а он обиделся. Он понял, что мы смеемся над его оплошностью, и стал говорить о том, что „грязную воду” он очень берег. Одни слова, говорил он, выходят из уст человека и распространяются вблизи по воздуху. Другие закупорены в бутылку. Они садятся на бумагу и уходят далеко. Первые пропадают скоро, вторые могут жить сто годов и больше. Эту чудесную „грязную воду” он, Дерсу, не должен был носить вовсе, потому что не знал, как с ней надо обращаться»¹⁶.

Путешествие на миноносце в бушующем море также не явилось для Дерсу большой неприятностью, кажется, что жизнь в тайге подготовила его к любым испытаниям, в том числе и сильной качке, а анимизм позволяет, очеловечивая все на свете, все на свете понимать, буквально чувствовать «душу» каждой вещи: «Дерсу, против ожидания, легко перенес морскую качку. Он и миноносец считал живым существом.

— Моя хорошо понимай — его (он указал на миноносец „Грозный”) сегодня шибко сердился»¹⁷. «Сердился» миноносец на волны: «Когда пенная волна накрывала легкое суденышко с носа, казалось, что вот-вот море поглотит его совсем, но вода скатывалась с палубы, миноносец всплывал на поверхность и упрямо шел вперед»¹⁸.

Также, еще будучи в тайге, Дерсу узнает от «капитана» «Сказку о рыбаке и рыбке» А. С. Пушкина, воспринимает конфликт, дает оценку персонажам и находит для героя приемлемый, с его точки зрения, выход: «Верно, таковой баба много есть. — Он даже плюнул с досады и продолжал: — Бедный старик. Бросил бы он эту бабу, делал бы оморочку да кочевал бы на другое место»¹⁹.

Таким образом, еще до встречи героя с городом, автор обнаруживает, что ему понятна суть вещей, которые не являются органической частью его таежного мира, а привнесены в него из мира цивилизации, основой которой является город. Также автор утверждает, что Дерсу присуще понимание человека другой культуры. Видя, что солдаты в отряде часто смеются над его представлениями о мире, он не совершает при них поминального обряда, а уходит подальше, чтобы его не видели²⁰. Чтобы успокоить ссорящихся солдат, Дерсу поет песню, вероятно, заметив, что солдаты сами любят петь²¹. Дерсу также отмечает, что в цивилизованном обществе нет порядка и справедливости: «Как это? — рассуждал он вслух. — Царь есть, много всяких капитанов есть, и хунхузы есть. У китайцев тоже так: царь есть и хунхузы есть. Как наша живи? Царя нету, капитанов нету и хунхузов нету»²².

В городе Дерсу и «капитан» поменялись местами: если в тайге «капитан» находился в незнакомом мире и нуждался в проводнике — его советах, помощи, даже защите, то сейчас Дерсу находится в таком положении. Разница в том, что герой-повествователь идет в тайгу по своей воле и таежный мир интересен ему, привлекателен для него, а Дерсу приходит в город вынужденно. Его чужеродность этому миру подчеркивается автором: «Собрались близкие мне друзья.

На Дерсу все поглядывали с изумлением и с любопытством. Он тоже чувствовал себя не в своей тарелке и долго не мог освоиться с новыми условиями жизни»²³.

Городская жизнь делает Дерсу бездеятельным: «Он предпочитал сидеть на полу или чаще на кровати, поджав под себя ноги по-турецки. В этом виде он напоминал бурхана из буддийской кумирни»²⁴. Как в тайге есть приметы цивилизации, так и в городе Дерсу находит приметы та-

ежной жизни: «Ложась спать, он по старой привычке, поверх сенного тюфяка и ватного одеяла каждый раз подстилал под себя козью шкуру.

Любимым местом Дерсу был уголок около печки. Он садился на дрова и подолгу смотрел на огонь. В комнате для него все было чуждо, и только горящие дрова напоминали тайгу. Когда дрова горели плохо, он сердился на печь и говорил:

— Плохой люди, его совсем не хочу гори»²⁴.

Усугубляет ситуацию городской образ жизни героя-повествователя, явившийся для Дерсу неожиданностью: «Капитан сопка ходи — работай, назад город ходи — работай. Совсем гуляй не могу»²⁵. Но поиски Дерсу занятия и для себя заканчиваются весьма печально: «Однажды, войдя к нему в комнату, я застал его одетым. В руках у него было ружье.

— Ты куда? — спросил я.

— Стрелять, — отвечал он просто и, заметив в моих глазах удивление, стал говорить о том, что в стволе ружья накопилось много грязи. При выстреле пуля пройдет по нарезам и очистит их, после этого канал ствола останется протереть тряпкой. Запрещение стрельбы в городе было для него неприятным открытием»²⁶.

Также не удалось Дерсу помочь «капитану» с дровами для печки «Он сам пошел в лес за дровами. Его задержали и составили протокол... Сколько потом я ни объяснял ему, почему нельзя рубить деревья около города, он меня так и не понял»²⁷.

Таким образом, таежному человеку оказывается нечем заняться в городских условиях. Но то, как зарабатывают на хлеб другие люди, его возмущает: «Однажды Дерсу присутствовал при покупке дров: его поразило то, что я заплатил за них деньги»²⁸. «Следующее маленькое событие окончательно нарушило его душевное равновесие: он увидел, что я заплатил деньги за воду.

— Как! — опять закричал он. — За воду тоже надо деньги плати? Посмотри на реку, — он указал на Амур, — воды много есть. Землю, воду, воздух бог даром давал. Как можно?..»²⁹

Эти два маленьких эпизода соотносятся с эпизодом из последней главы книги «По Уссурийскому краю», когда встретившийся отряду мужик с возом предложил герою-повествователю на время свои запасные перчатки, т. к. в экспедиции тот

сносил свои и сейчас ему приходилось зарисовывать рельеф на холоде, сильно морозя руки. За это в конце совместно пройденной части пути мужик потребовал деньги: «Больше всех рассердился Дерсу. Он шел, плевался и все время ругал мужика разными словами.

— Вредный люди, — говорил он, — моя такой не хочу посмотри. У него лица совсем нету»³⁰. Но если в эпизоде с перчатками солдаты отряда предложили крестьянина побить, а герой-повествователь про себя назвал его «троглодитом», т. е. в оценке поступка все были заодно, то в Хабаровске Дерсу в своих оценках одинок. Для героя-повествователя платить деньги за дрова и воду означает оплачивать работу, для Дерсу тот, кто берет за это деньги, — также человек «без лица». Поэтому в его глазах город — мир, где царит беззаконие, а его друг «капитан» пытается убедить его в обратном.

В городе действует целый ряд запретов, причем запрещены самые естественные для людей вещи: «Случилось как-то раз, что в его комнате нужно было сделать небольшой ремонт: исправить печь и побелить стены. Я сказал ему, чтобы он дня на два перебрался ко мне в кабинет, а затем, когда комната будет готова, он снова в нее вернется.

— Ничего, капитан, — сказал он мне, — моя можно на улице спи: палатку делай, огонь клади, мешай нету.

Ему казалось все так просто, и мне стоило больших трудов отговорить его от этой затеи. Он не был обижен, но был недоволен, что в городе много стеснений»³¹.

Сам городской дом является для Дерсу символом несвободной жизни: «Как можно люди в ящике сидеть?»³² Дерсу сравнивает дом с ящиком, в котором гольды держали возле своих жилищ пойманных уток. Сам герой тоже ощущает себя пойманным: «Он понял, что в городе надо жить не так, как хочет он сам, а как этого хотят другие»³³. Ощущение себя рабом города выразилось у Дерсу в том, как он просит отпустить его в тайгу. С героем-повествователем они друзья, Дерсу несколько раз спасал ему жизнь в экспедициях, он годится «капитану» в отцы по возрасту, но становится перед ним на колени и просит: «Капитан! Пожалуйста отпусти меня в сопки. Моя совсем не могу в городе жить...»³⁴ В книгах «По Уссурий-

скому краю» и «Дерсу Узала» Дерсу становится на колени, прося прощения у тигра за то, что отряд вторгся на его территорию, а также перед женьшенем. Но перед «капитаном» только тогда, когда благодарит его за приглашение в Хабаровск после промаха на охоте и перед уходом из города.

Автор подчеркивает, что Дерсу — понимающий человек, городские реалии осмысливаются им разумно. Это проявляется в эпизоде с фонографом. Дерсу понимает, чего хочет «капитан». Он рассказывает в трубку звукозаписывающего устройства длинную сказку, и, выслушав запись, заявляет: «Его, — он указал на фонограф, — говорит верно, ни одного слова пропускай нету»³⁵. «Очеловечив» фонограф, он, тем не менее, точно определил, для чего нужен этот прибор.

Ясно поняв суть городской жизни, герой своим уходом обозначает несогласие жить по таким правилам, которые лишают человека свободы и даже разрушают сложившуюся систему отношений равный с равным, которая была у него с «капитаном».

Таким образом, в глазах Дерсу город — это место, где все чужие, все нельзя, и требуют деньги за то, что принадлежит всем по праву. В городе есть комфорт, но нет простоты человеческих взаимоотношений, здесь один неизбежно подавляет другого, и никто не живет так, как хочет. Городской мир видится Дерсу миром, где разрушены законы жизни, но никто этого не признает. И беззаконие воспринимается нормой даже теми, кто умеет соблюдать таежные законы.

¹ Арсеньев В. К. По Уссурийскому краю // Арсеньев В. К. Собрание сочинений в 6-ти т. — Владивосток, 1947. — Т. I. — С. 88.

² Арсеньев В. К. Дерсу Узала // Там же. — С. 278.

³ Там же.

⁴ Арсеньев В. К. Сквозь тайгу // Там же. — Т. IV. — С. 1.

⁵ Арсеньев В. К. Дерсу Узала. — С. 4.

⁶ Арсеньев В. К. Сквозь тайгу. — С. 6.

⁷ Арсеньев В. К. По Уссурийскому краю. — С. 4.

⁸ Там же. — С. 18.

⁹ Там же. — С. 79.

¹⁰ Арсеньев В. К. Дерсу Узала. — С. 218.

¹¹ Там же. — С. 212.

¹² Там же. — С. 222.

¹³ Арсеньев В. К. По Уссурийскому краю. — С. 35.

¹⁴ Там же. — С. 57.

¹⁵ Арсеньев В. К. Дерсу Узала. — С. 272-273.

¹⁶ Там же. — С. 7.

¹⁷ Там же.

¹⁸ Там же. — С. 19.

¹⁹ Там же. — С. 34.

²⁰ Там же. — С. 19.

²¹ Арсеньев В. К. По Уссурийскому краю. — С. 338.

²² Арсеньев В. К. Дерсу Узала. — С. 279.

²³ Там же. — С. 279.

²⁴ Там же. — С. 279-280.

²⁵ Там же. — С. 280.

²⁶ Там же. — С. 280-281.

²⁷ Там же. — С. 282.

²⁸ Там же.

²⁹ Там же.

³⁰ Арсеньев В. К. По Уссурийскому краю. — С. 405.

³¹ Арсеньев В. К. Дерсу Узала. — С. 281.

³² Там же.

³³ Там же. — С. 282.

³⁴ Там же. — С. 282-283.

³⁵ Там же. — С. 280.

О. К. Крамарь (Елец)

ОБРАЗ ГОРОДА В РОМАНЕ Т. В. ЧУРИЛИНА «ТЯПКАТАНЬ»¹

«Был Чурилин родом из Лебедяни...», — писала М. И. Цветаева в очерке «Наталья Гончарова»², определяя тем самым место рождения поэта, прозаика и драматурга как важнейший фактор его самосознания и его творческого мышления. В этом убеждает, в частности, роман «Тяпкатань»³, в котором под вымышленным топонимом фигурирует реальная Лебедянь последней четверти XIX — первой четверти XX века⁴. Уже само название произведения указывает на то, что местом действия и одним из его главных героев является город. Он существует в прозе Чурилина в нескольких функциональных измерениях: реально-топографическом, социально-экономическом, этнографическом, конфессиональном, персонологическом, мифопоэтическом, биографическом.

«Художественная местнография» Чурилина сколь подробна, столь и точна: «нахолменный, на семи (холмах. — О. К.)» город расположен «на Дону, на ленте реки, истоковой, узконькой, молодой»⁵. Со всех сторон он окружен слободами: «Слобод — 5 — Стрелецкая, Кузнецкая, Пушкарская, Инвалиды, Подмонастырная. Все 5 мкнут к Тяпкатани, городу, с разных концов и облицовывают его рощами, лесками, полями, жильем, бытjem»⁶. Неоднократно упоминается в книге о близком соседстве и о давнем соперничестве города с Данковым, Рязанью, Ельцом, Тулой, Тамбовом (в романе — *Столбов*), Ефремовом (в романе — *Ефремов*), Воронежем (в романе — *Вранеж*, *Петронеж*). Что касается самого города, то все его пространственные точки совпадают с пространственными точками реальной Лебедяни. Это и знаменитая Тяпкина гора, и «прямая, как стрела» Большая Дворянская улица, и Ярмарочная площадь, и многое другое. Жизнь описанного Чурилиным города так же, как и в реальном лебедянском варианте, связана с кожевным промыслом, ссыпками зерна и знаменитыми ярмарками: «Бытье — вот: земляца, ссыпка, кожа, рожа (мальва), самосад, сад, огороды и лошады ярморочи-и-ии!»⁷. Раскинувшийся на берегах Дона «холмоград» отмечен Чурилиным как город,

«оцерквенный шестнадцатую божьими учреждениями». Одно из них — это построенный еще в 1771 году Старый Казанский собор, в течение длительного времени бывший главным храмом города. Метрические книги Старой Казанской церкви, в которой автобиографический герой в детстве «апостола с шестипсалмием читал», сохранили записи о крещении, венчании, отпевании и погребении представителей нескольких ветвей рода Чурилиных. Неоднократно и очень подробно описываются в романе Чурилина Свято-Троицкий мужской монастырь, основанный в 1621 году на месте бывшей Яблоновой пустыни в полутора верстах от Лебедяни на правом берегу Дона, и расположенные на его территории старинные Троицкая Соборная, Успенская и Ильинская церкви. Это внимание к Свято-Троицкому монастырю обусловлено, в том числе, и тем, что в качестве одного из рассказчиков в книге Чурилина выступает «бывший иеромонах» монастыря, «тяпкатаньский летописец» и «саморода-ученый, естествоиспытатель и книжник».

Девятнадцать лет, прожитых Чурилиным в Лебедяни, обогатили его поистине неисчерпаемым материалом этнографического характера. Читая произведение, можно в мельчайших деталях и подробностях представить жизнь и быт купеческой Лебедяни рубежа XIX-XX веков, получить из первых рук сведения о том, что ели и пили, что пели и танцевали, как одевались и причесывались, как отдыхали и развлекались, как жили и умирали горожане и жители слобод. Внимание автора привлекают как специфические архитектурные пристрастия жителей Лебедяни и ее градостроительный облик в целом, так и внутреннее убранство купеческих покоев, вплоть до обладающих мнемонической цепкостью «кадок с толстеными олеандрами» на нижнем балконе «дома-дома» Чурилиных (в романе — *Чудилиных*).

Лебедянская повседневность находит в романе Чурилина свое полное и глубокое воплощение. Может быть, особенно ярко это проявляется в описании музыкальной жизни и городского пе-

сенного репертуара. Чурилин дифференцирует музыкальные пристрастия горожан и жителей окружающих город слобод, упоминает о музыкальных инструментах, звучащих самостоятельно или сопровождающих исполнение песен, при этом особое внимание уделяется гармонии и пастушьей жалейке. В художественное целое романа «Тяпкатань» включено большое количество песен: хороводные, свадебные, поминальные, ямщицкие, застольные, сатирические, «предбранные» запевки-дразнилки, предшествующие кулачному бою. Народные песни в произведении перемежаются песнями-стилизациями, принадлежащими перу автора романа, отрывками из песен начинаются и завершаются монологи и диалоги многих действующих лиц произведения.

Не имея возможности показать в романе весь исторический путь «града божьего и древнего», Чурилин вводит в повествование эпический «Тяпкатаньский сон» (так называется третья глава романа. — О. К.), где прошлое, в котором «грядущее зреет», рассматривается в одном ряду с настоящим, в котором «прошлое тлеет», где более чем произвольно переплетаются вымышленные и реальные исторические события, где жившие в разные времена вымышленные и реальные герои вступают в более чем неожиданные отношения друг с другом, где в конспективной форме воссоздаются все кризисные моменты тяпкатаньской истории. Главным действующим лицом этого онейрического действия является герой многих народных преданий и легенд, «разбойничек проезжих и больших дорог» по имени Тяпка, от которого, как считает Чурилин, «и пошел город, его прозвание, начало жизни, бытия, духовных его путей и окоулков»⁸. Использование имени легендарного Тяпки, свирепого разбойника, а впоследствии смиренного монаха, в качестве точки отсчета в истории города многое объясняет в отношении Чурилина к месту своего рождения: его Тяпкатань-Лебедянь — это город, где высокое и низкое, святое и грешное, «горнее» и «дольнее» сосуществуют в нерасторжимом единстве. Что же касается вынесенного в заглавие имени города, то освященное веками представление о Лебедяни как о городе прекрасных белоснежных птиц⁹, категорически не соответствовало замыслу Чурилина рассказать в произведении о себе са-

мом, «вороне и лебеде тяпкатаньском черном». Чурилинская «Тяпкатань» — это своеобразная вершина айсберга, последний слой автобиографического палимпсеста, который создавался писателем на протяжении всей его творческой жизни. Оставаясь в русле одной и той же проблематики, Чурилин занимался напряженными поисками формы, способной вместить в себя мучившие его воспоминания о городе, который был для него и счастьем, и болью, и проклятием, и — всегда! — наиважнейшим творческим импульсом. Практически в каждом произведении Чурилина, будь то проза, поэзия, драматургия, пульсирует неизбывная память о Лебедяни. Это напрямую связано с доминирующей в человеческом и творческом сознании Чурилина сложнейшей психологической проблемой, поглощенность которой подвигала писателя к непрерывно осуществлявшемуся процессу самоидентификации. Тихон Васильевич Чурилин родился в Лебедяни в мае 1885 года в семье представителя богатой лебедянской купеческой династии, «водочника-складчика-трактирщика» Василия Ивановича Чурилина, однако фактическим его отцом был «прибылец из Москвы», провизор Александр Тицнер (в романе — *Волександр Кицнер*)¹⁰. Для «отца по закону незаконного» (так автор «Тяпкатани» называл В. И. Чурилина) это был второй брак, первая его жена умерла через шесть лет после венчания, четверо рожденных в этом браке детей умерли в раннем детстве и младенчестве. Это позволяет судить о том, насколько острой была для богатого купца проблема наследника, которым волею недоброй судьбы [«родился — матери в любовь и муку, а вотцу (вотциму) — на позор и горе и нелюбу»] стал будущий писатель. Эта драматическая история разворачивалась в маленьком провинциальном купеческом городке, в котором к концу XIX века насчитывалось около тринадцати тысяч жителей, поэтому тайна рождения Чурилина наверняка была для большинства обитателей Лебедяни вовсе не тайной, а предметом досужих разговоров и сплетен. В течение всей жизни факт незаконнорожденности был для Чурилина той травмой, изжить которую он пытался всеми доступными для себя способами. Созданные «Тяпкатани» в каком-то смысле и есть свидетельство процесса мучительного изживания

личной драмы и вызванного этим обстоятельством ощущения своей национальной, ментальной и социальной ущербности.

Предлагая свою версию названия города, Чурилин, возможно, отталкивался от зафиксированного в его подготовительных записях высказывания историка П. Н. Черменского о том, что послуживший прототипом разбойника Тяпки «боярин Тяпкин времени Ивана Калиты — личность мифическая, предание выдумало его, чтобы объяснить географическое название горы», и осуществляет замену геогенного топонима Лебедянь антропогенным топонимом Тяпкатань¹.

Фактологическая несостоятельность народных преданий о лебедянском разбойнике Тяпке убедительно доказывается в работах современных историков, однако для Чурилина субъективно важной была именно эта, отвергаемая учеными, «легендарная» составляющая истории города. Отсутствие документально подтверждаемой основы мифа о разбойнике Тяпке давало писателю поистине безграничные возможности для собственного толкования этого образа, для выстраивания собственных версий биографии «древнейшего местного Кудеяра», чем Чурилин не преминул воспользоваться, максимально соотнеся в романе перипетии жизни героя лебедянских преданий с перипетиями собственной жизни и судьбы. Особую роль в данном случае играет созданный Чурилиным миф о незаконнорожденности Тяпки, послужившей причиной его низвержения с высот в «испод», данный в параллели с присущим Чурилину трагическим ощущением собственной выброшенности из «сословия купецкого и человекского». Благодаря «переписанному» Чурилиным мифу, легендарный разбойник Тяпка и «сын-несын» богатого лебедянского купца уравнивались общей бедой, и потому город, окрашенный именем и деяниями Тяпки, объективно становился и его — Чурилина — городом.

Реальная Лебедянь в творческом сознании Чурилина трансформируется в некий фантом, от которого, даже покинув город, невозможно из-

бавиться. Это позднее знание распространяется на все объекты описания в романе. Чаще всего таким объектом становится стоящий на краю города купеческий дом-додом Чурилиных, где прошли детство и юность будущего писателя. При этом реальное местоположение дома воспринимается Чурилиным в экзистенциальном плане. Совсем не случайно в одном из предполагавшихся эпиграфов к произведению Чурилин использовал определение: «Град Тяпки, город inferнальный». Важнейшей характеристикой «норова» («И стоит, спит старый город, норов свой твердо, как кровь берега»¹²) этого «инфернального» города является селективное отношение к населяющим его людям, позволяющее дифференцировать жителей Тяпкатани как «своих» и «чужих». «Не наш, Тяпкатаньский, а чужой чужак», — эта характеристика становится определяющей в отношении города к герою произведения. На протяжении всего романа город осознается автобиографическим героем «Тяпкатани» не только как место проживания, но и как некая отторгающая его сторонняя сила. Может быть, именно поэтому роман Чурилина насыщен изображением такого количества бурных протестных движений, каких никогда не знал существовавший в реальности сонный купеческий городок. Может быть, именно поэтому «ослепленный, оглушенный и изумленный светом, грохотом и чудесами ломающей все старое новой жизни»¹³, Чурилин в своем романе приветствовал «радостное утро» революции с ее идеями всеобщего равенства и братства и рассматривал исторический путь «холмограда» как закономерное и необходимое движение к отречению от «старого мира». С приходом революционного «утра», наступившего после «300-летней романовской полярной ночи», по мысли Чурилина, должно было осуществиться перерождение автобиографического героя из чужого в «своего», из «майского», т. е. родившегося в мае, «за что, по поверью, молодец рождающийся всю жисть должен был маяться», в «красномайского», «первого в городе и мире».

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ (отделение общественных и гуманитарных наук) и администрации Липецкой области в рамках научного проекта № 17-14-48002.

² Цветаева М. И. Наталья Гончарова // Цветаева М. И. Собрание сочинений: В 7-ми т. — М., 1994. — Т. 4. — С. 73.

³ К работе над «Тяпкатанью», во многом итоговую для него

произведением, Т. В. Чурилин приступил в начале 30-х годов XX века. При жизни писателя роман не публиковался.

⁴ Жанровое определение «хроника одного города и его народа», данное Чурилиным своему творению, многое объясняет в композиционной организации произведения. Роман «Тяпкатань» состоит из озаглавленных, структурно и тематически завершенных глав разного объема, посвященных истории города, его географии, топографии, социальному составу, жизни и быту живущих в нем людей, причем в качестве прототипов действующих лиц романа фигурируют реальные жители Лебедяни, с которыми судьба сводила будущего писателя. Главы, посвященные жизни и быту Лебедяни и окружающих город слобод, перемежаются главами, рассказывающими о купеческой семье Чурилиных (в романе — *Чудилиных*), где прошли детские годы будущего писателя.

⁵ Чурилин Т. В. Тяпкатань, российская комедия (хроника одного города и его народа) / Подготовка текста, комментарии и примечания О. Крамарь. — М., 2014. — С. 21.

⁶ Там же. — С. 29.

⁷ Там же. — С. 22.

⁸ Там же. — С. 21.

⁹ Один из наиболее авторитетных современных специалистов в области ономастики считает, что «географическое имя Лебедянь вначале имело значение „местность вокруг лебединого озера“. Затем этот новый топоним (название урочища) распространился и на протекавшую невдалеке речку, а также и на поселение возле нее». См.: Отин Е. С. Лебедянь // Русская ономастика и ономастика России: Словарь. — М., — 1994. — С. 117.

¹⁰ О драматической истории своего появления на свет Чурилин рассказывает в четвертой главе романа «Тяпкатань» («Рождение — Смерть, станции»).

¹¹ Эта замена повлекла за собой колебания в определении гендерной природы города на Дону. Вынесенный в заглавие романа топоним Тяпкатань периодически подчиняется правилам склонения существительных мужского рода.

¹² Чурилин Т. В. Указ. соч. — С. 28.

¹³ Чурилин Т. В. Встречи на моей дороге // Лица: Биографический альманах. 10. — СПб., 2004. — С. 470.

Л. В. Рассказова (Пенза)

КУЛЬТУРНОЕ ПРОСТРАНСТВО ГОРОДСКОЙ И СЕЛЬСКОЙ ДВОРЯНСКОЙ УСАДЬБЫ

Усадьба — особым образом организованное место-пространство, «автономная ячейка любого жилого образования». Стало общим местом утверждение, что «усадьба — колыбель большинства русских гениев»¹. При этом имеется в виду сельская дворянская, а не городская усадьба. Статья имеет целью выявить различия культурных пространств этих двух видов усадеб. Но сначала несколько общих сопоставлений.

Хронологической точкой отсчета, определяющей размежевание и одновременно возможность сопоставления сельской и городской дворянской усадьбы можно принять конец XVIII века. Еще в середине XIX века в одном из исследований городской жизни в России справедливо отмечалось: «Город в том значении, которое соединяется с этим словом в настоящее время, является у нас не ранее 1785 года»², т. е. с утверждения городской реформы. Почти с этого же времени, с «Жалованной грамоты русскому дворянству», начинается и усадебная жизнь в России такая, какой мы ее сейчас воспринимаем. Таким образом, историко-культурный опыт жизни в обоих типах поселений в России вполне сопоставим.

Городская дворянская усадьба, в отличие от сельской, не является самостоятельным феноменом. Сельская усадьба, кроме автономного существования, могла стать и градообразующим фактором, и войти в городскую черту в результате расширения границ.

Главным *структурным* признаком сельской дворянской усадьбы является развернутый хозяйственно-производственный комплекс. В городской усадьбе он, как правило, редуцирован до построек, обеспечивающих не производство, а сохранение произведенного в сельской усадьбе и привезенного в город для употребления: конюшни, погреба (с ледником), дровяные и каретный сараи. После реформы 1861 года часть сельских усадеб была преобразована в дачи, отличительным структурно-пространственным признаком которых является, прежде всего, отсутствие са-

мостоятельного хозяйства. Это досуговое жилое образование в чистом виде, с полным устранением от производственной деятельности. Кроме того, усадьба — это, как правило, собственность семьи, а то и рода, т. е. нескольких поколений. Дача — это чужая собственность, снятая на лето. Как писал барон Н. Н. Врангель в начале XX века, «жизнь в деревне перестала быть жизнью на века, а лишь переходным этапом, летним отдохновением»³.

Размеры территории не являются решающим фактором, отличающим городскую усадьбу от сельской, как и наличие парка или сада. Конфигурация и площадь городской усадьбы определялись ее нахождением в рамках организованной застройки, первоначально весьма вольной и неупорядоченной.

Переходя непосредственно к культурному пространству двух видов усадеб, отметим, что уже во второй половине и конце XIX века в восприятии современников отчетливо сохранялось противопоставление городской и сельской усадебной жизни, как, впрочем, и усадебной и дачной жизни в сельской местности. Но последняя антиномия — тема для другой статьи. В чем же противоположность городской и сельской усадебной жизни?

Первое, что приходит на ум, — сопоставление *городской занятости*, как правило, с осени по весну, и *сельской праздности* летом, на отдыхе. Однако здесь все далеко не так однозначно. Жизнь просвещенных помещиков в усадьбах всегда была наполнена интенсивным творческим трудом. У хозяина-помещика лето — самая горячая пора. Хватало дел и забот и хозяйке, как правило, матери обширного семейства, а тут еще обязательные визиты родственников, соседей и проч. «Летний отдых был заполнен интереснейшей работой, и все, будь то соседи, учительницы их школы, портниха, все с увлечением принимали участие в этой работе», — вспоминала дочь В. Д. Поленова о жизни в имении Борок⁴.

И, тем не менее, С. А. Толстая, жена писателя, вспоминает: «Летняя жизнь наша была сплошной праздник. <...> Осень и зима — это страда рабочей жизни; зато летом мы, среди забот о детях и хозяйстве, умели находить время для веселья»⁵. О переезде семьи в город на постоянную жизнь она же пишет: «И вот совершился большой, значительный перелом в нашей жизни, и началась новая, непривычная и более тяжелая во всех отношениях, городская жизнь»⁶. При покупке дома в Хамовниках главным для всей семьи стала его похожесть на сельскую усадьбу⁷. Между тем всякий отъезд по необходимости из Ясной Поляны «опять на труды в Москву» воспринимался болезненно.

Пушкин — один из тех городских жителей, кто вынужденно провел в сельской усадьбе значительное время. Плодотворно сравнить его описания летних и зимних занятий в ней. Парадоксально, но они удивительно похожи! Зимой: раздумья «можно ли постель покинуть для седла, иль лучше до обеда / Возиться с старыми журналами соседа?». Вечером «глотая скуки яд», «читать хочу; глаза над буквами скользят», «иду в гостиную; там слышу разговор о близких выборах, о сахарном заводе», «за шашками сажу я в уголке». Но те же самые разговоры «о сенокосе, о вине, о псарне, о своей родне» ведутся в гостиных Лариных и окрестных помещиков летом. Не занятый хозяйством владелец усадьбы одинаково празднен и в холод, и в зной. Только «мишура постылой городской жизни» и светские нормы заставляют быть внешне занятым целый день: принимать визиты, отдавать визиты, толкаться в гостиных (ср. описание поведения Онегина в деревне, глава 2-я, строфы 36-39).

В стихотворении «Пора, мой друг, пора!» (1834) Пушкин размышляет о жизни:

На свете счастья нет, но есть покой и воля⁸.

Давно завидная мечтается мне доля —

Давно, усталый раб, замыслил я побег

В обитель дальную трудов и чистых нег.

Пьеса не дописана, сохранился конспект окончания: «<...> О скоро ли перенесу я мои пенаты в деревню — поля, сад, крестьяне, книги: *труды поэтические* — семья, любовь, etc. — религия, смерть»⁹. Итак, не о праздности тоскует городской житель, а о *полях, покое и воле*. В «Евгении

Онегине» Пушкин более предметно зафиксировал коренное отличие сельской усадьбы от городской. В селе усадьба была раскрыта в окружающее пространство, в городе же — *замкнута забором, оградой, отделяющей свое от чужого*. Татьяна, приехав впервые в Москву из усадьбы, поражена отсутствием привычного вида из окна:

Садится Таня у окна.

Редеет сумрак; но она

Своих полей не различает:

Пред нею незнакомый двор,

Конюшня, кухня и забор¹⁰.

В сельской усадьбе забору противопоставлены поля или вид на поля, открывающийся прямо из усадьбы. Именно это создает ощущение свободы даже в том случае, когда далеко не праздная жизнь заполнена хлопотами, трудами и проч. Забор, ограда проявляют и выявляют присутствие чужого, заставляя насельников городской усадьбы неосознанно реагировать на это. Забор, ограда включается в активное обживание пространства, становится фактором, определяющим настроение, самочувствие, мироощущение. Я полагаю, что наличие/отсутствие забора в усадебном топосе и есть то, что маркирует различие культурного пространства в топосе сельской и городской усадьбы.

Переживание городского топоса — прежде всего, ощущение несвободы и затесненности. Причем, не только несвободы воли: необходимости занятий в гимназии, дома, в университете (для детей), на службе (у отца), выполнения необходимых обрядов и церемоний (для жены и матери) — а физической несвободы, постоянного ожидания и ощущения преграды даже в том случае, когда при городском доме есть сад или парк.

М. П. Бок, дочь П. А. Столыпина, вспоминает о даче на Аптекарском острове, куда семья перебралась после привольной жизни в провинциальных усадьбах: «Дача эта двухэтажная, деревянная, вместительная и скорее уютная, произвела на меня сразу впечатление тюрьмы. Происходило это, должно быть, оттого, что примыкающий к ней довольно большой сад был окружен высоким и глухим деревянным забором. Были в нем две оранжереи, были лужайки, большие тенистые липы, аллеи и цветы, но каким все это казалось жалким после деревенского простора, каким лишенным воздуха и свободы»¹¹.

На мой взгляд, генезис этого почти бессознательного ощущения, т. е. не контролируемого и не объяснимого реальной топографией городской усадьбы — в библейском мифе о появлении первого города. Первый город был основан Каином при весьма трагических для него обстоятельствах. «И сказал Каин Господу: наказание мое больше, нежели снести можно; вот, Ты теперь сгоняешь меня с лица земли, и от лица Твоего я скроюсь, и буду изгнанником и скитальцем на земле; и всякий, кто встретится со мною, убьет меня. <...> И сделал Господь Каину знамение, чтобы никто, встретившись с ним, не убил его. <...> И пошел Каин от лица Господня <...> И построил он город <...>» (Быт. 4, 13-17). Таким образом, начальная несвобода, вынужденность, проклятость закрепились в концепте города. Город — место не свое, вынужденное, чужое, казенное. Недаром для русского уха фонетически и семантически сближены забор — запор — запрет. Эта же вынужденная, принужденно-стесненная черта города закреплена в этимологии слова¹².

Важно подчеркнуть, что в сознании человека XIX века город воспринимается уже не как защита от угрозы, а как угроза воле и свободе. Возможно, это ощущение присуще только русской ментальности? Золотой век русской культуры — порождение сельской дворянской усадьбы. Но и многие культурные свершения Серебряного века, как отмечено исследователями, «оказались связаны с загородными усадьбами. <...> И в этом его особая специфика, отличающая от параллельных ему сугубо городских, если так можно выразиться, западноевропейских культурных явлений»¹³.

Характерно, что наличие забора как главного объекта, определяющего городскую жизнь, произвольно или нет, но обязательно фиксируется при описании любой городской усадьбы. У Чехова в «Даме с собачкой» Гуров «отыскал дом. Как раз против дома тянулся забор, серый, длинный, с гвоздями. „От такого забора убежишь”, — подумал Гуров, поглядывая то на окна, то на забор. <...> И он ходил, и все больше и больше ненавидел серый забор, и уже думал с раздражением, что Анна Сергеевна забыла о нем и, может быть, уже развлекается с другим, и это так естественно в положении молодой женщины,

которая вынуждена с утра до вечера видеть этот проклятый забор»¹⁴. В то же время, в сельской усадьбе Волчаниновых («Дом с мезонином») ворота «вели со двора в поле». Да и сама усадьба, в которую герой первый раз вошел со стороны парка через аллею, открыта в окружающий мир: «Я прошел мимо белого дома с террасой и с мезонином, и передо мной неожиданно развернулся вид на барский двор и на широкий пруд с купальней, с толпой зеленых ив, с деревней на том берегу, с высокой узкой колокольней, на которой горел крест, отражая в себе заходившее солнце. На миг на меня повеяло очарованием чего-то родного, очень знакомого, будто я уже видел эту самую панораму когда-то в детстве»¹⁵. Сельские усадьбы преимущественно не огораживались, а отделялись от деревни валом с ветлами, или обсаживались сиренью, шиповником. Но были обязательные прогалы для беседки «Бельвю» (или «Миловиды») с перспективой на поля. В сельской усадьбе не от кого было отгораживаться, так как простор кругом — свой! Тургенев в «Дворянском гнезде» пишет о доме Калитиных в городе: «При доме находился большой сад; одной стороной он выходил прямо в поле, за город. „Стало быть, — решил Калитин, большой неохотник до сельской тишины, — в деревню таскаться незачем”»¹⁶.

Забор — не просто ограничение свободы и простора взгляду. За забором — не-свое, чужое, запретное, поэтому и наиболее привлекательное, заманчивое, поэтому он и притягивает, как все греховное. Таким образом, в концепте забора выявляется еще один характерный для городской жизни мотив — порока и греха, также связанный с библейской историей Каина, основателя первого города. Забор провоцирует на грех. Характерна тонкая психологическая нюансировка Тургенева в сцене ночного объяснения в любви Лаврецкого и Лизы в калитинском саду. Узкая тропинка в поле за городом привела Лаврецкого «к длинному забору, к калитке; он попытался, сам не зная зачем, толкнуть ее: она слабо скрыпнула и отворилась, словно ждала прикосновения его руки». Он узнал сад Калитиных. После ночного свидания с Лизой, полчаса спустя, калитка оказалась закрытой, и ему пришлось перепрыгнуть через забор¹⁷. Этот забор и открыто-закрытая

калитка является предупреждением о преграде и предошущением греха: на следующий день к Лаврецкому вернулась жена, которую он считал умершей. Таким образом, ночное объяснение в любви женатого человека и молоденькой девушки реально приобрело порочную окраску.

Подобное же семантическое наполнение в строках знаменитого романса (слова А. Будищева) «Калитка», что, возможно, современными слушателями не улавливается.

Отвори потихоньку калитку
И войди в тихий сад ты, как тень.
Не забудь потемнее накидку,
Кружева на головку надень.

Речь и здесь о тайном, запретном свидании и чувстве, почему-то невозможном в открытом пространстве.

Место у забора — важный пост наблюдения за чужой жизнью, в чем тот же оттенок греховности, недозволенности. В романе Тургенева «Первая любовь» действие происходит на даче в городской черте: «у Калужской заставы, против Нескучного». Гуляя по саду, герой обнаруживает забор. За ним ему представилось «странное зрелище»: девушка играла с четырьмя молодыми людьми: «Я все забыл, я пожирал взором этот стройный стан, и шейку, и красивые руки <...> ». Его застают на месте преступления — «подглядывания за чужими барышнями» — один из молодых людей. Герой убегает, но при этом ему «было очень стыдно и весело», он чувствовал «небывалое волнение». Забор еще раз будет выбран героем местом для наблюдения, тогда он откроет страшную для себя тайну: ночью через забор пройдет на свидание к «чужой барышне» его отец. Забор — преграда, граница, отделяющая нравственное от греховного, безнравственного. Та же ситуация с забором и те же смыслы в повести И. С. Шмелева «Моя любовь».

Так же, как при описании городского быта обязательно упоминание забора, так и при описании сельской жизни возникает образ поля, луга, выгона и прочих ипостасей открытого пространства. В деревне в наблюдении за жизнью природы простор полей отождествляется со счастьем и чувством родины. Причем, оно независимо ни от времени на дворе, ни от принадлежности писателя к тому или иному литературному течению, ни от прозы, ни от поэзии.

<...> мне открыты
все тайны счастья; вот оно:
сырой дороги блеск лиловый;
по сторонам то куст ольховый,
то ива; бледное пятно
усадыбы дальней; рощи, нивы,
среди колосьев васильки;
зеленый склон; изгиб ленивый
знакомой тинистой реки¹⁸.

(В. В. Набоков)

У героя Тургенева («Дворянское гнездо») созерцание русской нивы пробуждает не только счастье, но и чувство родины: «И какая сила кругом, какое здоровье в этой бездейственной тиши! <...> а там, дальше, в полях, лоснится рожь, и овес уже пошел в трубочку, и ширится во всю ширину свою каждый лист на каждом дереве, каждая травка на своем стебле. <...> И до самого вечера Лаврецкий не мог оторваться от созерцания этой уходящей, утекающей жизни; <...> и — странное дело! — никогда не было в нем так глубоко и сильно чувство родины»¹⁹.

Наконец, стихотворение И. А. Бунина, написанное в догонку уходящей в небытие дворянской усадьбе в июле 1918 года.

И цветы, и шмели, и трава, и колосья,
И лазурь, и полуденный зной...
Срок настанет — Господь сына блудного спросит:
«Был ли счастлив ты в жизни земной?»
И забуду я все — вспомню только вот эти
Полевые пути меж колосьев и трав —
И от сладостных слез не успею ответить,
К милосердным коленям припав²⁰.

В полях встречает Царя Небесного и Ф. И. Тютчев, «удрученного ношей крестной, в рабском виде», но с благословением «родной земле»²¹.

Из города Бога не видать, там царство Каина.

Точно передан рефлекс переживания городским жителем чувства родины через созерцание русского поля в стихотворении поэта советского времени Инны Гофф. Это романс (муз. Я. Френкеля) из кинофильма «Новые приключения неуловимых». Его поет белый офицер, без сомнения, хорошо знакомый с усадебным детством и юностью. Детство советского поэта прошло явно не в усадьбе, но чувство родины русского офицера угадано поэтом:

Русское поле, русское поле <...>
 Счастьем и болью вместе с тобою,
 Нет, не забыть тебя сердцу вовек! <...>
 Поле, русское поле...
 Пусть я давно человек городской <...>
 Здесь Отчизна моя...

Таким образом, культурное пространство сельской усадьбы формировало чувство родины, так как главным были не труд или праздность, а родство с полями, землей, простором — суть необходимые условия жизни и творчества русского человека.

Наше время добавляет новые реалии в пространство сельской усадьбы и в размышления о возможности возрождения модели сельской усадебной жизни²². Многие современные хозяева, в том числе и старинных сельских усадеб, огораживают территорию глухим забором, ограничивая возможность переживания ее насельниками и го-

стями единства с окружающей природой. Старая усадьба была открыта в пространство, приветлива и гостеприимна даже в отсутствие хозяев. Вспомним многочисленные примеры из художественной литературы и мемуаров, когда застигнутые в дороге ночью или непогодой путники находили в усадьбе приют и покой. И так, маркеры городского («каинова») пространства — заборы, как сорняки в поле, внедряются в гармонию «покоя и воли». Какие рефлекс ментальности породит этот новый элемент сельского простора? Не начало ли это процесса складывания некой универсальной, автономной «жилой ячейки» — капсулы, неважно где расположенной, замкнутой на себя и ни на что не влияющей? Старая усадьба составляла с природой целое с природой, новая — изолирована от нее. Какая разница, что за забором? Старая усадьба способствовала формированию чувства родины, новая — ...? Поживем — увидим.

¹ Обе цитаты см.: Нащокина М. В. Русская усадьба Серебряного века. — М., 2007. — С. 8.

² Предисловие // Городские поселения в Российской империи. — СПб., 1860. — Т. 1. — С. 5. Цит. по: Кошман Л. В. Город и городская жизнь в России XIX столетия: Социальные и культурные аспекты. — М., 2008. — С. 44.

³ Врангель Н. Н. Старые усадьбы: Очерки истории русской дворянской культуры. — СПб., 2000. — С. 143.

⁴ Цит. по: Нащокина. Указ. соч. — С. 84.

⁵ Толстая С. А. Моя жизнь // Прометей: Историко-биографический альманах. — М., 1980. — Т. 12. — С. 166, 168.

⁶ Там же. — С. 169.

⁷ Там же. — С. 170.

⁸ Здесь и далее курсив мой (Л. Р.).

⁹ Пушкин А. С. Полное собрание сочинений в 10-ти томах. — М., 1962-1965. — Т. 3. — С. 521.

¹⁰ Наблюдение Ю. М. Лотмана (см.: Лотман Ю. М. Пушкин. — СПб., 1997. — С. 516) Правда, в главе пятой поэмы (строфа 1) Татьяна в деревне тоже видит «поутру побелевший двор, / Куртины, кровлю и забор», но взгляд этот забор легко преодолевает и за ним «мягко устланные горы / Зимы блистательным ковром. / Все ярко, все бело кругом», т. е. опять-таки, поля.

¹¹ Бок М. П. Воспоминания о моем отце П. А. Столыпине. — М., 1992. — С. 156.

¹² Ср. у Даля: «Город — укрепленное стенами место внутри селения <...> городить, огораживать, забирать забором, обносить тыном. Рубить или класть стену, более говорят о деревянном заборе торчмя».

¹³ Нащокина М. В. Указ. соч. — С. 16.

¹⁴ Чехов А. П. Собр. соч. — М., 1962. — Т. 8. — С. 399-400.

¹⁵ Там же. — С. 87.

¹⁶ Тургенев И. С. Полное собр. соч. и писем в 28-ми тт. Сочинения. — М.-Л., 1964. — Т. 7. — С. 125.

¹⁷ Тургенев И. С. Указ. соч. — С. 235, 237.

¹⁸ Цит. по: Первушина Е. В. Усадьбы и дачи петербургской интеллигенции XVIII — начала XX века. Владельцы. Обитатели. Гости. — СПб., 2008. — С. 261.

¹⁹ Тургенев И. С. Указ. соч. — С. 190.

²⁰ Бунин И. А. Собрание сочинений в 6-ти тт. — М., 1987. — Т. 1. — С. 361. Стихотворение написано 14 июля 1918 г.

²¹ «Эти бедные селенья, / Эта скудная природа — / Край родной долготерпенья, / Край ты русского народа! <...> / Удрученный ношей крестной, / Всю тебя, земля родная, / В рабском виде Царь небесный / Исходил, благословляя». (Тютчев Ф. И., 1855 г.).

²² Этот мотив возник при обсуждении доклада в кулуарах десятых Уваровских чтений в апреле 2017 г., за что приношу благодарность их участникам и организаторам.

ГЛОБАЛЬНЫЙ ГОРОД: ТРАНСФОРМАЦИЯ ОБРАЗА ЖИЗНИ

Глобализация развивается на протяжении нескольких столетий через развитие населенных пунктов и появление между ними транспортных, миграционных и торговых взаимосвязей. Однако с конца XX века темпы развития глобализационных процессов стали особенно стремительными. Причинами быстрого развития глобализации являются новые возможности и конкуренция. Данные факторы преобразуют предпринимательство и работников по всей планете, а они, в свою очередь, изменяют города, где это предпринимательство и работники концентрируются.

Города являлись первым местом, куда прибывали иностранцы. Таким образом, городское пространство превращалось в площадки для установления взаимоотношений между народами как в области торговли, культуры, так и в сфере дипломатии. В настоящее время городские центры оказались в глобальном пространстве, где они вынуждены конкурировать друг с другом, что является стимулом для наиболее динамичного развития¹.

Начало XXI века стало временем расцвета больших городов: агломерации, мегаполисы, сверхгорода, альфа-города превратились в главных игроков в мире большой политики, бизнеса, культуры, науки. Усилению роли крупнейших городов способствует ряд факторов, имеющих различное происхождение и причины возникновения: географические, исторические, политические. Актуальность изучения проблем и специфики крупнейших городов определяется, с одной стороны, растущей ролью городов в общемировом масштабе, а с другой — крайней сложностью и слабой управляемостью социокультурными процессами, происходящими в данных системах.

Крупнейшие социологи современности, такие, как Энтони Гидденс, предложили свои концепции, следуя от изучения общества к изучению большого города. Представители известнейшей социологической ассоциации — Чикагской школы, двигались в новом направлении: изучали современное общество непосредственно через город.

Основоположник социологии города Роберт Парк считал, что фундаментальные трансформации современного общества связаны с изменениями, происходящими в крупнейших городах.

Множество терминов, которые описывают типы густонаселенных городов, выступает индикатором, отражающим неоднозначность и сложность данного явления в социальных науках, а также многообразие подходов в его изучении. Так, в соответствии с социальным конструкционизмом, конструкт, выраженный в конкретных словах, заложенных в то или иное определение, оказывает главное влияние на процесс построения социальной реальности, во многом определяя процесс развития, а также пути решения социальных проблем².

Специфика современного этапа — распространение и рост значения информационных технологий и связанное с этим увеличение мобильности и ликвидности капитала. Крупные города превратились в стратегические центры привлечения глобального капитала и инвестиций, а также они оказывают ключевое влияние на международное движение трудовых ресурсов, что формирует интернациональные общности и идентичности. В этом контексте города выступают в роли места, где возникает новый тип политической деятельности, а также совокупность новых культурных движений.

Статистика Организации Объединенных Наций доказывает, что в условиях постоянного роста абсолютного числа городов все большее количество населения планеты аккумулируется крупными мегаполисами и агломерациями.

Сегодня особой категорией крупных городов стали глобальные города — это центры политической и экономической активности мирового сообщества.

Термин «глобальный город» появился достаточно недавно, в 1990-е годы, в работах профессора социологии Чикагского университета Саски Сассен.

Важнейшим условием возникновения глобального города является иммиграция, то есть

свобода перемещения, смены места жительства. Такая возможность стала естественным явлением в крупных городах, где концентрируется большинство иммигрантов, в особенности в городских центрах развитых стран и регионов, таких, как США, Япония или Западная Европа.

Глобальный город формируется как пространство, включающее иммигрантские трудовые ресурсы и глобальный капитал³. В таких городах развиваются основные международные экономические и политические процессы. Так, Москва — столица и крупнейший город России, оказывает ведущее влияние на развитие всего государства, а также является наиболее важным социально-политическим, экономическим и социокультурным центром восточной Европы. Однако территории за пределами Москвы существуют в абсолютно другой экономической и культурной обстановке⁴.

Особенности урбанизированного стиля жизни детерминированы двумя группами факторов — социально-экологическими и социально-экономическими.

Социально-экологические характеристики урбанистических условий жизни представляют город как специфическую, искусственную среду обитания человека, кардинально отличную от сельских условий.

Искусственная материально-вещественная среда и чрезвычайно высокая степень концентрации населения, занятого «неприродным» трудом, определяет образ и стиль жизни горожанина. Усложнение и развитие производства ведет к повышению требований к компетенциям и профессионализму работников, их уровню образования, квалификации. Большой выбор сфер занятости предоставляет потенциальную возможность для более универсального, в сравнении с сельской местностью, развития личности. Отход от земли и аграрного сектора приводит к возникновению развитой сферы услуг. В то же время, наличие доступа к разнообразным культурным образцам и информации предоставляет возможность развития духовной сферы.

В условиях глобальных городов преобладает анонимное общение, так как разрушаются соседские, а часто и родственные связи. Так, ведущее значение приобретает необходимость регулирования жизнедеятельности на основе внешних по от-

ношению к личности социальных норм. Эта тенденция находит отражение в доминировании функциональной и ролевой структуры деятельности, что минимизирует значение существующих личностных связей.

Таким образом, социально-экологические условия городской жизни серьезно влияют на образ жизни и стереотипы бытового поведения населения.

Высокая плотность населения в мегаполисах и агломерациях не означает решения проблемы разобщенности между социальными группами населения, т. е. не происходит перехода к коллективности качественно нового типа. Пространственная близость людей является вынужденной, поэтому единство оказывается в реальности мнимым. В таких условиях возникает скорее разобщенность людей, которую не удастся преодолеть даже благодаря развитию средств массовой коммуникации и транспортной инфраструктуры. Горожане живут рядом, но одновременно они очень далеки друг от друга — социальное разобщение принимает невиданные масштабы, что связано с разностью социальных интересов и приоритетов.

Одной из проблем глобальных городов является духовная отсталость, что в прошлом было характерно, прежде всего, для деревни. В городских условиях духовная деградация принимает иные формы и выражения — это доминирование массовой культуры, разрушение установок на высокие, истинно духовные ценности, стандартизация и универсализация потребностей и вкусов.

Таким образом, социокультурная бедность и ограниченность в развитии личности воспроизводится не только в деревнях, но и в глобальных городах. Различаются лишь формы и образцы этой ограниченности. Причину социокультурной деградации часто связывают с особенностями городских социально-экономических отношений.

В условиях городов возникает противоречие между социально-биологическими потребностями людей и многочисленными искусственными условиями городской среды. Часто ухудшается здоровье и физическое состояние горожан по причине оторванности, изолированности от природы. Огромный вред здоровью и психологическому состоянию наносит загрязнение воздуха, воды, постоянный шум, чрезвычайно быстрый ритм

жизни, что является причиной постоянных стрессов и депрессии. Очевидно, что адаптационные возможности человека не безграничны и в условиях глобальных городов защитные механизмы человека работают на пределе возможностей⁵.

Перенаселенность, быстрый ритм жизни, резкое социальное расслоение и постоянные стрессы приводят к нарастанию чувства одиночества среди горожан.

Данные социологических исследований утверждают, что горожане не жалуются на страдания от одиночества (или не хотят признаваться в страданиях) по причине индивидуалистических ценностей, которые характерны для крупных городов. Именно система ценностей оказывает воздействие на отношение личности к социальной изолированности и определяет возникновение чувства одиночества либо же отсутствие такого ощущения.

Примечательно, что в условиях глобальных городов даже семейные люди могут страдать от одиночества, причиной которого является именно наличие семьи, так как коренные горожане по своей природе индивидуалисты. Одиночество может быть обусловлено материальным положением людей, поскольку горожане, для которых уровень доходов приоритетен, в меньшей степени ориентированы на создание семьи, доверительных дружеских отношений. Для таких людей приоритетом является личный социальный статус, карьерный рост.

Горожане зачастую создают кратковременные инструментальные связи, готовы расширять круг общения, но все это зависит от затрат времени и энергии в расчете на достижение наиболее приоритетных целей⁶.

Одним из феноменов городской жизни является четкое деление жизни на частную и публичную сферы. Значение частной сферы жизни значительно уступает публичной, что приводит к доминированию формальных связей над близкими, доверительными контактами. Такая ситуация способствует невротическому разделению личности горожанина⁷.

В глобальных городах происходит и культурная трансформация, интенсивно развиваются искусство и творчество. Наличие широких возможностей и свобод привело к тому, что глобальные города стали привлекательны для творческих личностей⁸.

Таким образом, жители глобальных городов в условиях развивающейся глобализации утратили большинство традиционных связей и ценностей, произошли кардинальные мировоззренческие трансформации. В многочисленном городском сообществе человек часто ощущает себя одиноким, даже являясь членом огромной общности; у горожан все чаще отсутствуют четкие убеждения, которыми они могли бы делиться с другими людьми. На место традиционных ценностей и образцов поведения пришли идеологические штампы, создаваемые массовой культурой и СМИ.

¹ Лотье Ф. Что такое города в условиях глобализации // [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://siteresources.worldbank.org/INTRUSSIANFEDERATION/Resources/chapter1_rus.pdf.

² Матвеева О. Ю. Глобальные города — города, меняющие социально-культурное пространство // Вестник науки Сибири. — 2015. — № 1 (16). — С. 93-97.

³ Глобальный город: теория и реальность. — М., 2007.

⁴ Матвеева О. Ю. Указ. соч.

⁵ Туров И. С. Городской образ жизни: теоретический аспект // СОЦИС. 1995. — № 1. — С. 131-134

⁶ Селина М. Жители мегаполисов сознательно выбирают одиночество // [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://opec.ru/1570056.html>.

⁷ Бахутина Е. С., Литвинова О. Б. Психотравмирующие факторы мегаполиса // Психологическая безопасность: личность в мегаполисе. — М., 2011.

⁸ Матвеева О. Ю. Указ. соч.

ГОРОД БУДУЩЕГО: ЦИФРОВЫЕ КОЧЕВНИКИ И ЦИФРОВЫЕ БЕСПРИЗОРНИКИ

Введение. Современный город все больше становится городом «цифровых аборигенов»: поколение Y, современная молодежь, вступает в наиболее продуктивную, зрелую фазу своей жизнедеятельности. Эта жизнедеятельность, по сравнению с предыдущими поколениями, в том числе с родительским поколением X, отличается рядом черт, среди которых — цифровой номуадизм или кочевничество, а также усиливающаяся «цифровая беспризорность» как последствие растущего отчуждения между людьми, отказа людей к построению отношений привязанности друг к другу. Тенденция захватывает все новые и новые территории, становясь из редкостной типичной, незримо меняя города и отношения в городском сообществе. Если эта тенденция не будет остановлена, город будущего будет весь состоять из цифровых кочевников и цифровых беспризорников: начнется интенсивнейший развал социальных отношений, а, значит, и человеческой идентичности.

Основное исследование. Изначально цифровой номуадизм имел локальный характер: номуады были жителями мегаполисов, но с расширением беспроводных средств связи, благодаря развитию спутниковой связи, они есть практически повсеместно. Цифровое кочевничество как явление напрямую связано с возможностями и ограничениями современных информационных технологий, в том числе сетевого информационного и коммуникативного сообщества, объединяющего, так или иначе, кроме цифровых иммигрантов и «цифровых динозавров», настойчиво отказывающихся от пользования современными средствами связи, практически всех людей. Возможность постоянного передвижения и ненормированный рабочий график стимулирует мобильность «перекати-поля», а «подключенность» к мировой информационно-коммуникативной сети указывает на то, что идентичность «перекати-поля» также формируется на основе идеологии и ценностей этой сети. Поскольку ее идеология и ценности не отличаются ни целостностью, ни постоянством, то базовые характеристики идентич-

ности цифровых кочевников, как правило, рано или поздно нарушаются: субкультура цифровых номуадов как «умная толпа» также становится супермобильной. Вопрос лишь в том, являясь «свидетелями реванша кочевого стиля жизни над принципом территориальности и оседлости»¹, люди сталкиваются с проблемой деиндивидуализации, присущей толпам, лишаются того самого «ума», которым явно или неявно гордятся. Ведущим феноменом исследований цифрового кочевничества с точки зрения социальной психологии является феномен идентичности. Цифровой кочевник — человек «мира» или «человек без корней» — одна из загадок и, в тоже время, реалий современного мира. «Пребывать „в движении” стало образом жизни многих»². Дж. Питерс пишет, что цифровой кочевник не понимает «мечты о родине», так как, будучи мобильным и используя цифровые технологии, может находиться в любом месте, хотя и прибегая к «кочевой близости» (поддерживая и предпочитая отношения со «старыми» знакомыми вопреки декларациям «любви к новизне» и т. д.)³. Другие исследователи отмечают, что цифровой кочевник ищет и находит свои собственные ответы на важнейшие вопросы жизни: прекращая «крысиные бега» замкнутых пространств, они заново открывают себя и мир. Кочевники — продолжатели и последователи идеи повседневного удовольствия и счастья («fun»), сложившейся у поколения «цифровых аборигенов». Это люди, живущие под множеством «флагов»: как описывает этот процесс теория шести флагов Н. Сиссон («six flag theory») множественность идентификаций помогает им интернационализировать и, тем самым, обогатить все аспекты их жизни, повысить качество жизни, сочетая минимализм и «жизнь по своим правилам» («live life on your own terms»), достигая идеала, в том числе — идеала свободы (create your ideal lifestyle)⁴. Номуады, как кажется, стремятся к личной свободе, однако это стремление может быть как стремлением «от» (игнорирования и отрицания), так и стремлением «против» (отрицания и противопоставления).

Это может быть и стремление к свободе «для» (автономности и интеграции). Все это формирует его маргинальную идентичность⁵. Как типичный мигрант в мире мультикультурных сообществ, он не обладает целостной идентичностью, формируя расщепленную, лоскутно-фрагментарную идентичность или полностью утрачивая связь с «корнями» и ассимилируясь там, где живет, постольку, поскольку основная часть его жизни протекает в мире виртуальных коммуникаций. Однако во многих случаях речь идет о том, что формируется транс-идентичность «человека вселенной». Путешествие как передвижение превращает жизнь в моменты установления и разрыва близости с определенными людьми, местами и событиями; такое сближение или отдаление при этом считается обязательным, уместным и желательным. Вместе с тем, цифровой номадизм есть важная альтернатива иному, более глобальному способу отчуждения: виртуальным отношениям и контактам: «Окруженные технологиями и меняющейся степенью неуверенности, партнеры по социуму находят друг друга, чтобы заключать крупные сделки за пределами электронных границ обмена, создавая рынок. Они объединяются в тесные социальные миры, чтобы с помощью друг друга и общего понимания того, „что происходит“, двигать рычаги, управляющие миром»⁶. Они противостоят одиночеству: моменты соприсутствия помогают поддерживать нормальную общественную жизнь, даже если речь идет о ее существовании на базе обширных пространственно-временных и культурно-исторических «расстояний», с длительными периодами отдаления⁷. Вместе с тем, номадизм — одно из проявлений деглобализации, формирования и развития цивилизованных сообществ пост-паноптикума, организованных вокруг «текущей современности»⁸, в которой даже самое частное не является больше полностью личным, так же, как и не является больше национальным, связанным с определенной территорией и народом, их культурой. Поэтому сетевое общение и номадизм, а также повседневное «частое общение в Интернете — дополнение к частому личному общению, а не его замена»⁹. Поскольку человек считается кочевником и при нахождении на одной территории, если основная часть его жизни проходит в цифровой — виртуальной реальности — современный город сталкивается с серьезной про-

блемой: в нем живут люди с особым отношением к себе и миру, особым пониманием своей жизни, семейными и карьерными ориентациями. Цифровой номадизм сформировался как определенный стиль жизни значительного количества людей¹⁰. Цифровое кочевничество — следствие и причина активных изменений материальной и духовной культуры человечества, формирования в ней новых типов идентичности (систем духовно-нравственных ориентаций, стратегий понимания себя и мира, моделей общения). В отдельных регионах цифровой номадизм выражен меньше, чем в других; там, несмотря на общую мультикультурность большинства современных территорий, заселенных людьми, сохраняется традиционная культура и ее ценности: процессы и феномены седентаризма сочетаются с традиционными кочеваниями и миграциями таким образом, который не нарушает целостности идентичности. Напротив, в регионах, отказавшихся от традиционных ценностей, в том числе ради глобализации и ее «вестернизированной» культуры «перекати-поля», седентаризм и миграции почти в равной мере приводят к фрагментации и разрушению идентичности: основа продуктивной и стабильной идентичности — духовно-нравственные ценности, деструктивная и нестабильная идентичность лишена стабильных духовно-нравственных опор, она мечется между «крепостью дома» и «беспределью улиц». Цифровой номадизм в этом контексте также может быть результатом метаний: сценарий традиционного вестерна предполагает бесконечный путь к лучшему, «своему», отказ от «чужого» как мешающего или вызывающего какие-либо затруднения и запреты. Духовно-нравственное, более чем что-либо, основано на запретах и создает «затруднения». Однако его устойчивость — даже в отдаленных регионах мира — часто быстро нарушается, и, по прогнозам исследователей, геоклиматические, социально-политические, психологические и экономические изменения в мире (включая трудовую и семейную миграцию и интернационализацию бизнеса) должны стимулировать рост цифровых мигрантов-номад, рост номадических потоков и становление развернутой системы в разной мере глобальных информационно-коммуникационных «хабов» планеты¹¹. Это способно изменить расстановку сил на рынках труда и брака, требования к организации жизни поселений в согласии с осо-

бенностями стиля жизни, духовно-нравственных ориентаций номад, специфическими видами («траекториями») мобильности, к организации и развитию мультикультурного взаимодействия в реальной, контактной среде и в виртуальной среде посредством социальных сетей и коммуникативных платформ. При этом может возникнуть и уже местами возникает конфликт цифровых кочевников, перемещающихся в пределах одного-двух полисов и регионов, номад «глобальных», ищущих для себя место в самых «заповедных зонах» мира, и поселенцев, привязанных к определенной территории и идентичности. Особенно очевиден этот конфликт в отношении семейной жизни: «гостевые» и иные формы дистанционного брака и невозможность поддерживать длительные, глубокие, включенные отношения с одним и тем же человеком, если он не путешествует вместе с тобой, иллюстрируют деформации идентичности и ценностей человека как социального существа. Номадизм как и иные формы «вестернизации» жизни отражают неспособность личности к установлению таких отношений, а, значит, неполноценность ее функционирования и затрудненность развития.

Помимо кочевников, город наполнен представителями «цифровых беспризорников». Данное понятие введено нами для того, чтобы как можно более точно обозначить суть проблем городского населения: прогрессирующей замене реальных отношений «отношениями» с цифровыми технологиями.

Взрослые и дети как цифровые беспризорники ощущают на себе все «прелести» и проблемы жизни обычных беспризорников, начиная с аномии и отчуждения и заканчивая изоляцией и десоциализацией, задержкой развития и деструкцией личности и ее структур, наряду с инволюцией и ускоренным взрослением и старением в результате вхождения в пространства и структуры, предназначенные для других возрастных групп, и т. д.¹² Развитие такого ребенка, а затем и взрослого, становится диспропорциональным или «нарушенным»: нарушение развития, помимо возможности индивидуализации, в среде, где любая индивидуальность подавляется, вызывает вторичные дефекты и поражения развития (нарушения социальных отношений, психопатии перерастают в социопатии, неадаптивные реакции в реакции деликвентные, деликвентные — в преступные и т. д.). Поскольку грани нормаль-

ного и отклоняющегося, запреты и предписания относительно цифровых технологий и инноваций не очерчены, постольку, особенно при наличии слабой юридической культуры сообщества, «легкие» отклонения в поведении, понимании и ценностях легко переходят в действия, подвергающие административным и уголовным наказаниям, включая киберхулиганство, кибербуллинг, кибертерроризм, а также в болезненные состояния, объединяемые понятиями «цифровая зависимость», «киберхондрия», «цифровое слабоумие» и т. д. Лоскутное сознание, лоскутная религиозность (ценности) становятся основой лоскутной идентичности: разрывов и пробелов в понимании себя и мира, ведущих к проблемам и конфликтам взаимоотношений с собой и миром¹³.

Проблема беспризорности изучалась в работах многих зарубежных и отечественных ученых. Но уже в одном из первых и базовых для современности исследований, проведенных П. Г. Вельским в двадцатых годах XX века, отмечалось, что у беспризорников доминируют примитивные потребности («гипер-эмоции») и нравственно-этические мотивы («этические эмоции»)¹⁴. На сегодняшний день безнадзорность рассматривается как вариант девиантного поведения и результат социально-психологической дезадаптации, возникающие вследствие педагогической запущенности, отсутствия правильного воспитания и обучения, внимательного, эмпатического, диалогического и искреннего отношения к человеку. Одним из внешних проявлений психосоциального неблагополучия являются самовольный уход из семьи или детского учреждения и последующее бродяжничество: как в целях развлечения и удовольствия, так и для выражения протеста на чрезмерные требования или недостаточное внимание окружающих; как реакция тревоги из страха наказания, так и манифестирующий кризис развития «побег» фантазерства и мечтательности; как проявление делинквентности, психопатизации и социопатизации. Часто это ответ или попытка ухода от ответа в случае проступка или конфликта, психической травмы или дистресса, насилия и жестокого обращения — фрустрирующей ситуации. Побег в цифровую среду, однако, — не просто удаление из конфликтной ситуации, но перемещение в специфическую среду бродяжничества, приобщение к «уличному племени», где есть свои ценности и нравы, обычаи

и нормы. С таким перемещением всегда связано усвоение новых норм и ценностей: человек меняет субъектов идентификации, соответственно меняется его нравственное и правовое сознание и поведение, усиливается риск асоциальных форм поведения и закрепление таких черт, как неискренность, лживость, стремление к сиюминутным удовольствиям, отрицательное отношение к систематическому труду, оппозиция любой регламентации; заостряются патологические черты характера типа эмоционально-волевой неустойчивости, аффективной возбудимости, интеллектуальной ригидности, замкнутости и отгороженности от окружающих и от самого себя; уменьшение способности к эмпатии, поверхностность эмоциональных отношений, неспособность устанавливать длительные и стабильные отношения наряду с повышенным стремлением к замещению чувства пустоты и бесцельности существования, попытками изменения состояния посредством психоактивных веществ и иных наркоманий. По мере переселения в виртуальный мир, как и у обычных беспризорников, формируются необязательность, скрытность, лживость, прагматичность, навыки взаимодействия и выживания в цифровой среде, например, кибербуллинга и противостояния кибербуллингу и т. д.¹⁵, типичны резкие смены настроения и непредсказуемость поступков, повышенная подверженность влиянию лиц с криминальным поведением или неформальной группы. Это — состояние ненужности: именно с ним и нужно работать специалистам, семьям, обществу, государству¹⁶.

Культура превращает нас в тех, кем мы становимся в процессе своего индивидуального развития, сама является эмерджентным феноменом, и, если люди, живущие в этой культуре, деградируют, то сколь бы ни были великими прежние достижения исходной культуры, они перестают существовать, как только человек теряет способность понимать себя и мир «прежним» способом, в том числе целостно, а не «лоскутно», как это происходит сейчас. Как отмечает А. Курпатов, «достаточно просто отказаться от указанного способа воспроизводства культуры, что мы уже сейчас и наблюдаем: мы теряем способность читать и понимать длинные тексты, мыслить системно, запоминать сложные конструкции, анализировать достоверность источников информации, критично к ней относиться, осуществлять по-настоящему исследовательскую

деятельность... мы не просто „адаптируемся” к новой реальности, мы меняемся, и культурная реальность, которую мы, видимо, станем воспроизводить теперь, будет радикально отличаться от той, которая произвела нас». Это — инфляция идентичности, фальсификация мышления и «нехватка нехватки»¹⁷. Н. Карр, сопоставив известные науке феномены, связанные с существованием человека в современной информационной среде (разрушительные эффекты многозадачности, неизбежные нарушения в работе памяти и внимания, катастрофическое падение способности к пониманию как рефлексии и эмпатии, а также эффекты деиндивидуализации и реальной декоммуникации), отмечает стремление человека все больше опираться на «машинный мозг» и чужой «мозг» вообще. Он приходит к выводу о том, что «как только мы начнем полагаться на компьютеры в познании окружающего нас мира, наш собственный интеллект упростится до уровня искусственного»¹⁸. Поэтому «каждый день, проведенный ребенком без цифровых средств массовой информации и коммуникации — это время, выигранное во имя счастливого будущего»¹⁹. Однако мы не стали бы утверждать это так же категорично: вопрос сложнее и сложнее намного. Нужна культура инноваций, культура воспитания и обучения населения инновациям, которые, по фортсайт-прогнозам, будут все нарастать с развитием человечества.

Заключение. Подводя итог, отметим: цифровое кочевничество и цифровая беспризорность многотипны. Это и «цифровое беженство», используемое человеком чтобы уйти из мира обязательств и травм; это и «цифровой туризм», используемый в целях структурирования времени и пространства жизнедеятельности; это и просто «путешествие» в мир иных смыслов, за самим собой и гармонией своего мира. Это и «цифровые захваты» новых территорий: не случайна тяга кочевников к местам, где «не ступала нога человека», и местам, «похожим на рай»²⁰. Одним из наиболее сложных моментов цифрового кочевничества и цифрового беспризорничества является феномен «потери корней», разрыва или разрушения социальной идентичности и отношений с другими людьми в результате отказа от духовно-нравственных ориентиров, стремления к свободе как комфорту и защищенности, освобождению от тяжелого труда и обязанностей, а также избегания травм взаимодействия с равнодушно-

аномичной окружающей средой. Ведущей идеей многих цифровых беспризорников и цифровых кочевников является идея собственного благополучия, однако она далеко не всегда вязана с благополучием окружающих. Несомненно то, что прекаризация, автоматизация и иные формы «освобождения» труда изменяют рынок труда и общественные отношения, однако важно не перепутать местами следствие и причину: общественные отношения, изменяясь, создают прекаризацию и другие формы изменений, а не наоборот. Прекаризация как «свободный труд» имеет в настоящее время не меньше ограничений,

чем достоинств: человеку без корней и без семьи некому помочь.

Причины и того, и другого феноменов — лавинообразный рост отчуждения и разрушения социальных связей в обществе: начиная с семьи и заканчивая трудом и досугом. Поэтому и способы трансформации этих проблем лежат в восстановлении разрушенных связей, что требует радикальных перемен на уровне целых стран и государств, отказ от политики и идеологии «консюмеризма», восстановление нравственных приоритетов (ресакрализации) жизни.

¹ Носова С. С., Кужелева-Саган И. П. Молодежь в сетевом информационно-коммуникативном обществе // Сибирский психологический журнал. — 2013. — № 49. — С. 85-96; Fernández V. A. Nomadismos contemporáneos. — Murcia, 2010; Gussekloo A., Jacobs E. Digital Nomads. — N. Y., 2016; Makimoto T., Manners D. Digital Nomad. — Chichesterley, 1997; Sisson N. The Suitcase Entrepreneur. — N. Y., 2013.

² Urry J. Sociology Beyond Societies. — L., N. Y., 2000.

³ Peters J. D. Exile, nomadism, and diaspora: the stakes of mobility in the Western canon // Home, exile, homeland. — N. Y., 1999. — P. 17-41.

⁴ Deleuze G., Guattari F. Nomadology: The War Machine. — N. Y., 1986; Fernández V. A. Указ. соч.; Gussekloo A., Jacobs E. Указ. соч.; Sisson N. Указ. соч.

⁵ Кужелева-Саган И. П. Общество-Сеть // Воздушный замок. Международный журнал по теории архитектуры. — 2014. — № 32 (19). — С. 29-42; Мир глазами блоггера. — М., 2011; Носова С. С., Кужелева-Саган И. П. Указ. соч. — С. 85-96; Толкачев С. П. Мультикультурализм в постколониальном пространстве и кросс-культурная английская литература // Знание. Понимание. Умение. — 2013. — № 1. — С. 1; Bauman Z. Liquid Modernity. — Cambridge, 2000.

⁶ Boden D., Molotch H. The compulsion to proximity // Nowhere. Space, time and modernity. — Berkeley, California, 1994. — P. 257-286.

⁷ Толкачев С. П. Указ. соч. — С. 1; Makimoto T., Manners D. Указ. соч.; Putnam R. Bowling Alone: The Collapse and Revival of American Community. — N. Y., 2001.

⁸ Bauman Z. Указ. соч.; Gussekloo A., Jacobs E. Указ. соч.; Peters J. D. Указ. соч. — P. 17-41; Sisson N. Указ. соч.; Urry J. Указ. соч.

⁹ Putnam R. Указ. соч. — С. 179.

¹⁰ Boden D., Molotch H. Указ. соч. — P. 257-286.

¹¹ Makimoto T., Manners D. Указ. соч.; Peters J. D. Указ. соч. — P. 17-41; Putnam R. Указ. соч.

¹² Campen A. The First Information War: The Story of Communications, Computers, and Intelligence Systems in the Persian Gulf War. — N. Y., 1992; Shapira N. Psychiatric

features of individuals with problematic Internet use // Journal of Affective Disorders. — 2000. — № 57. — P. 267-272; Tapscott D. Grown Up Digital. — McGraw-Hill, 2008. — P. 15-16.

¹³ Информационная безопасность и вопросы профилактики киберэкстремизма среди молодежи. — Магнитогорск, 2013; Слудский Е. Г. Беспризорность в России: вновь грозная реальность // Социс. — 1998. — № 3. — С. 117-119; Солдатова Г. У., Зотова Е. Ю. Кибербуллинг в школьной среде: трудная онлайн ситуация и способы совладения // Образовательная политика. — 2011. — № 5 (55). — С. 48-59; Beand K. Internet addiction: Current status and implications for employees // Employment Counseling. — 2002. — Vol. 39. — № 1. — P. 2-11; Young K. S. Caught in the Net. — N.Y., 1998.

¹⁴ Вельский П. Г., Никольский В. Н. Исследование эмоциональной сферы несовершеннолетних, отклоняющихся от нормы в своем поведении. — М., 1924; Доля А. А. Личностные особенности беспризорных и безнадзорных детей и подростков // Ученые записки РГСУ. — 2009. — № 11. — С. 191-194.

¹⁵ Ильченко О. Ю. Новые беспризорные: социологический анализ проблемы на примере Приморского края: дисс. ... канд. социол. наук. — Владивосток, Тихоокеан. гос. ун-т, 2009.

¹⁶ Арестова О. Н., Бабанин Л. Н., Войскунский А. Е. Коммуникация в компьютерных сетях: психологические детерминанты и последствия // Вестник Московского ун-та. — Сер. 14. Психология. — 1996. — № 4. — С. 14-20; Вельский П. Г., Никольский В. Н. Указ. соч.; Войскунский А. Е. Феномен зависимости от Интернета // Гуманитарные исследования в Интернете — М.-Екатеринбург, 2000. — С. 100-131; Доля А. А. Указ. соч. — С. 191-194.

¹⁷ Курпатов А. Складка времени. Сущность и критерии. — М., 2016. — С. 10-11.

¹⁸ Campen A. Указ. соч.

¹⁹ Spitzer M. Digitale Demenz. — München, 2012. — P. 215.

²⁰ Носова С. С., Кужелева-Саган И. П. Указ. соч. — С. 85-96; Urry J. Указ. соч.

УРОКИ ПЕТРА И ФЕВРОНИИ: О ЖИЗНИ СВЯТЫХ СУПРУГОВ

В 2017 году в Муроме состоятся юбилейные торжества, связанные с памятью святых князя Петра, в иночестве Давыда, и княгини Февронии, в иночестве Евфросинии, известных сейчас как покровители семьи. Исполняется 470 лет со дня прославления святых супругов на Московском Церковном соборе 1547 года, проходившем по инициативе митрополита Московского и всея Руси Макария, и 10 лет празднования Дня любви, семьи и верности, приуроченного к памяти прославленных муромских чудотворцев.

Подвиг святых князя Петра и княгини Февронии актуален для нашего современного общества в свете православного христианского его осмысления.

Поиск предназначения

К сожалению, о встрече и знакомстве будущих супругов нам известно достаточно мало. Связано это с тем, что до нашего времени не сохранилось четких документальных свидетельств.

Достоверно известно, что князь Петр правил в Муроме в конце XII — начале XIII веков, и сразу же после смерти он и его жена Феврония стали почитаться в народе как люди особо праведной жизни. В XVI веке супруги были причислены к лику святых. Первый письменный текст, посвященный им, — «Повесть о Петре и Февронии Муромских», — был также написан приблизительно в XV-XVI веках.

Безусловно, «Повесть» нельзя назвать биографией в полном смысле этого слова. Автор владел обрывочными сведениями о жизни своих героев, его текст — это художественное произведение со множеством фольклорных и легендарных вкраплений. Однако важно, что в «Повести» рассказывается о значении человеческих отношений и их понимании самими героями.

Петр, защищая жену своего брата, убивает змея-оборотня, пытавшегося искушать ее. Но во время битвы князь оказывается и сам ранен ядом и находится при смерти. Исцелить его удастся лишь крестьянке Февронии, которая требует одного: чтобы он навсегда остался с ней. Петр не соглашается, пытается бежать

от девушки, но в разлуке с ней снова заболевает...

Эта история не случайно предваряет рассказ о супружеской жизни Петра и Февронии. Она вырисовывает основу их отношений. Князь действительно ранен, но рана, прежде всего, у него в душе. Очевидно, эта аллегория призвана выразить высший смысл христианского брака. Душевная рана князя — ущербность человеческой природы, исправить которую в одиночку он не способен. Лекарство Петра — это сама Феврония, женщина, посланная ему Богом в спутницы жизни. Только рядом с ней князь исцелит свою душу, и только вместе они смогут подняться на новый духовный уровень: по отдельности они не могут найти Бога, Который Один способен исцелять больные души людей. А потому их земная любовь и Любовь Божия оказываются неотделимы друг от друга.

Потому Феврония и не отпускает князя: она уже чувствует, что без нее он погибнет. Со временем понимает это и сам Петр. Так начинается их совместный жизненный путь и совместный путь к Богу.

На перекрестке

Исследователи сходятся во мнении: несмотря на легендарно-аллегорическую историю знакомства Петра и Февронии, сведения, повествующие об их жизни после свадьбы, вполне достоверны. А потому с той или иной долей вероятности события, описанные во второй части «Повести», можно считать биографическими.

Лишним свидетельством тому может служить и то, что в жизнеописании супругов нет ничего из ряда вон выходящего. Напротив, их жизнь близка большинству из нас, а потому их история никогда не утратит своей актуальности.

С житейской точки зрения, в судьбе Петра и Февронии был только один по-настоящему трудный момент. Сразу же после свадьбы перед князем Петром встает дилемма: молодая супруга — или все остальное, что было в его жизни. Женитьба на крестьянке не находит поддержки у городской элиты Мурома. Бояре откровенно заявляют об этом сперва князю, а потом и са-

мой Февронии. Они предлагают князю выбор: отречение от своего звания (а значит, изгнание и бедность) или расторжение брака.

Князь Петр тяжело переносит происходящее, он с ужасом смотрит в будущее, где его ждет неизвестность... но, тем не менее, делает выбор в пользу своей супруги. Отныне он больше не князь и вместе с женой должен отправиться в изгнание. На ладье супругов везут по Оке прочь из Мурома...

Эта история разрешается неожиданно быстро и благополучно. Оказывается, князь Петр был ключевой фигурой в политической жизни влиятельного города. Борьба за власть начинается сразу же: в первую ночь после его отречения представители боярских кланов пытаются нанести упреждающий удар по противникам, что перерастает в резню. Понимая, что все это может кончиться смутой и гражданской войной, правители Мурома зовут князя обратно.

Отныне вопрос о его «неравном браке» не поднимается...

Главное в этом эпизоде — причины выбора, сделанного супругами. Петр не утверждает «примат личного над общественным», а просто следует в своих поступках христианскому закону любви и милосердия. В сложной ситуации, когда можно попытаться схитрить или подчиниться рациональным, эгоистическим соображениям, князь повинуетя закону сердца. Супруга дана ему Богом, и он не может идти против воли Божией. Князь ищет не личной пользы, выгоды, но пытается следовать путем, который ведет его — вместе с женой — к Творцу. Поэтому он полагается на Бога, Который дал ему жену, и Которому он полностью доверяет.

В первый день изгнания между супругами состоялся диалог, который приводится в «Повести». «Близился вечер, начали к берегу причаливать. Тут одолели блаженного князя Петра раздумья: „Как буду дальше жить, своею волею самодержавие оставив?“ Предивная же княгиня Феврония отвечает ему: „Не скорби, княже: милостивый Бог, Творец и Промыслитель всему не оставит нас в нищете!“»

Они уповают на Бога и верят Ему — вот самая «несовременная», но самая важная характеристика их отношений. Супругами — всегда

— руководит не эгоизм и поиски удобного для себя, но вера и надежда на Того, Кто дал им жизнь и благословил их брак.

Навсегда

Последний эпизод земной жизни Петра и Февронии, по свидетельству автора «Повести», произвел огромное впечатление на их современников. По существовавшей тогда традиции в старости супруги ушли в монастырь, чтобы подготовиться к вечности и встрече с Тем, Кому они были обязаны своим счастьем. И Он готов встретить их, посылая им, пожалуй, главную милость, о которой могут мечтать два любящих человека: прожив вместе долгую жизнь, Петр и Феврония умирают практически одновременно.

Заранее для супругов был приготовлен общий гроб, в котором они завещали похоронить себя. Однако люди не решаются исполнить эту последнюю волю. Ведь в конце жизни муж и жена добровольно расстались, выбрав монашеский путь, а, значит, и после смерти им не приличествует лежать в одном гробу.

Вечером Петра и Февронью готовят к погребению отдельно друг от друга, но уже утром они лежат вместе, в том самом приготовленном гробу — одном на двоих. С тех пор святых супругов никто не тревожит. Им и сейчас можно поклониться в их усыпальнице в Свято-Троицком женском монастыре города Мурома...

Петр и Феврония прожили вместе долгие годы, и, наверное, им пришлось столкнуться с немалым количеством трудностей столь мелких и многочисленных, что ни один летописец никогда не стал бы фиксировать их. Однако именно мелочи, как правило, становятся причиной охлаждения отношений между супругами. Петр и Феврония — люди, прошедшие через эти трудности и сохранившие свое чувство во многом потому, что оно перестало быть просто земной любовью двух людей. Любовь мужчины и женщины переросла в вечную Любовь, которая победила смерть.

Для Русской Церкви святые Петр и Феврония Муромские имеют большое значение в первую очередь как символ особого духовного пути, на котором постижение Бога неразрывно связано с отношениями двух людей. Мужчина и женщина созданы друг для друга, их соединение —

само по себе воплощает Божественный замысел. Но это соединение невозможно, если человек не видит в другом человеке неповторимую личность, созданную по образу Божию.

Князь Петр мог отнестись к своей супруге как к вещи, а не как к человеку. Более того, в их положении подобный поворот был бы логичен и не встретил бы осуждения общества. Ведь их отношения строились за четыреста лет до Домостроя, во времена, когда его нормы показались бы ультра-либерализмом. Мужчина по факту был властителем женщины. И уж тем более властителем своей жены-крестьянки являлся влиятельный и могущественный аристократ — потомок древнего рода.

В повести есть короткие эпизоды, которые говорят о том, что князю Петру было непросто сломать эти стереотипы даже внутри себя. Он с трудом преодолел высокомерие в отношении жены, не знавшей этикета тогдашней элиты. Однако он знает, зачем идет на это. Ведь для своей супруги он не князь, не представитель какого-то социального слоя или класса. Для Февронии Петр, в первую очередь, человек.

Широко распространено представление, что настоящий христианин должен исключительно страдать в земной жизни, дабы накопить «духовный капитал» для жизни будущей. Однако история русских святых Петра и Февронии опровергает этот посыл.

Д. М. Володихин (Москва)

КОГДА ЖИЛ СВЯТОЙ ПЕТР МУРОМСКИЙ?

В 1547 году в Москве состоялся большой Церковный Собор. На нем были прославлены в лике святых многие русские подвижники благочестия и веры. Именно тогда Церковь установила: «По всем градам великого царства Российского пети и праздновати повсюду» святых Петра и Февронию Муромских (25 июня). Так Петра и Февронию причислили к лику святых.

Их мощи с древних времен хранились в соборном храме Муроме. Жители города молились им, просили у них предстательства перед Господом. У муромского духовенства было краткое житие святой четы. В местной церковной традиции о них помнили как о людях необыкновенного благочестия, идеальных супругах. В конце жизни оба отказались от мира и добровольно приняли постриг.

Тогда же, в середине XVI века, появилось блистательное литературное произведение — «Повесть о Петре и Февронии Муромских». Ею без преувеличения зачитывалась вся Русь. Еще при московских государях «Повесть» ходила во множестве рукописных копий и была широко известна как обитателям белокаменных палат, так и насельникам простых изб. Знатоки и сейчас восхищаются ею.

Вместе с тем, во времена Московского государства, затем Российской империи знали, да и сегодня знают в основном о том, как сложилась судьба литературных героев «Повести». Хотелось бы подчеркнуть: парадоксальность судеб Петра и Февронии состоит в том, что 95, если не 99 процентов сведений о них приходится брать из произведения, отчасти агиографического, отчасти просто художественного. Разумеется, всякое житийное сочинение вырастает на основе реальной истории жизни святого человека. Нет житий, посвященных выдуманному персонажу. Если житие составляется через много лет (а то и столетий!) после его смерти, то в него попадет не столь уж много черт исторической личности. И тут требуется особая чуткость, особая осторожность, чтобы не приписать святому лишнего.

Судьба муромской четы окружена ореолом высокой тайны. Суть ее — святость в благочестивом супружестве. А историческая реальность, в которую облечена эта суть, тонет в непроглядном тумане.

Историки не раз пытались определить, о ком из действительных исторических личностей идет речь в «Повести о Петре и Февронии Муромских». Конечный итог можно считать в лучшем случае молчаливым «соглашением» большинства специалистов считать одну из гипотез наиболее правдоподобной.

Многие ученые сходятся во мнении, что таковым являлся князь Давыд Юрьевич, правивший в Муроме в начале XIII века. Стоит оценить, сколь велики черты сходства и сколь много черт различия.

Итак, что известно о князя Петре? У него был старший брат Павел, который правил Муромом до восшествия Петра на престол, притом власть перешла к Петру мирно, после кончины Павла. Затем он на время утратил княжение, однако довольно быстро вновь принял бразды правления. Сам Петр, дожив до изрядного возраста, принял монашеский постриг, а вместе с ним имя Давида. Петр почил в Муроме и там же погребен вместе с женой. Смерть его не была насильственной.

Многое в судьбе Давыда Юрьевича и Петра Муромского совпадает. У Давыда был старший брат Владимир Юрьевич, который, конечно же, во крещении мог получить имя Павла. Этот князь Владимир-Павел(?) правил до Петра с 1175 года и умер в 1205 году. Давыд-Петр(?) княжил после него по 1228 год.

Еще один косвенный довод в пользу отождествления Давыда Юрьевича и Петра Муромского — то, что отец Давыда, Юрий Владимирович, как видно, имел к Церкви доброе отношение. Как сообщает летопись, князя погребли в храме, который был создан его же стараниями. Детям его от отца могло передаваться благочестие.

Согласно другому летописному известию, один из сыновей Давыда Юрьевича скончал-

ся в апреле 1228 года, на Святую неделю. Несколько дней спустя ушел из жизни и сам князь муромский, «в чернецах и в схиме». Возможно, эта летописная история содержит в себе намек на обстоятельства пострижения во иноки Петра и Февронии: если Петр — Давыд Юрьевич, то монахом он мог стать в драматический момент своей жизни, потрясенный кончиной сына. Смерть отпрыска настолько расстроила его здоровье, что князь вскоре скончался, не выдержав горя.

Итак, Давыда Юрьевича, как будто, можно с полным на то основанием считать Петром Муромским. Но есть в этой версии несколько нестыковок, заставляющих относиться к ней со скепсисом.

Во-первых, исторический князь муромский носил имя «Давыд» (Давид) задолго до старости и смерти. Так, летопись называет его «Давыдом», сообщая, что летом 1187 года он прибыл из Муромы во Владимир на свадебные торжества: великий князь владимирский Всеволод Юрьевич отдавал замуж свою дочь Всеславу. Точно так же именуется он и в летописном известии, повествующем о поездке осенью 1196 года муромских князей во Владимир на свадьбу Константина — сына того же Всеволода. Между тем, Петр из «Повести...» удостоился иноческого имени лишь на старости лет, когда дела правительские его уже не касались.

Таково, пожалуй, самое серьезное возражение против того, чтобы считать Давыда Юрьевича князем Петром из «Повести».

Во-вторых, Давыд Юрьевич по образу действий совсем не похож на кроткого и мирного Петра из «Повести».

Это князь-воитель.

В некоторых случаях, допустим, он следует воле других, более значительных государей. В особенности это относится к долгому и кровавому противостоянию Владимиро-Суздальского и Рязанского княжеств.

Бок о бок со старшим братом Давыд принимал участие в большом походе коалиции князей, подчинявшейся великому князю владимирскому Всеволоду Юрьевичу, на Рязанщину (1185/1186). Новый большой поход против рязанцев состоялся летом-осенью 1207 года. Муромский князь Давыд привел свои полки в пункт сбора — Моску. Во время переговоров Всеволода Юрьевича

с его противниками муромскому князю доверили ответственное дело дипломатического свойства: вместе с владимирским боярином Михаилом Борисовичем он обличал на переговорах вину неприятельской стороны. Позднее, когда переговоры сорвались, Давыд Юрьевич возглавлял муромский полк во время осады и взятия Пронска, а потом получил этот город себе во владение.

Целый союз рязанских князей явился под стены Пронска с отрядом половцев и потребовал отдать город. Давыд не решился вступать в бой. Он ответил: «Братья, не я сам набился на Пронск; посадил меня здесь Всеволод; теперь город ваш, а я пойду в свою волость». И это, допустим, серьезный аргумент в пользу миролюбия Давыда Юрьевича: мог ведь и запереться в Пронске, понадеявшись на силу оружия. Город славился как крепкий орешек, не столь просто его взять на щит. Но Давыд Юрьевич не пожелал драться и оставил крупный удел без боя.

Желал этих «ратных подвигов» Давыд Юрьевич или не желал, но во время большой войны, охватившей Северо-Восток Руси, он не мог оставаться в стороне, ибо непослушание старшему союзнику могло дорого стоить и самому князю, и его земле. Трудно обвинить его в излишней драчливости.

Однако никто не мог принудить Давыда Юрьевича к участию в большой смуте, разразившейся после смерти все того же Владимира Юрьевича.

Этот великий князь владимирский, один из сильнейших правителей всей Руси того времени, вошел в историю с прозвищем «Большое Гнездо». Потомством он был обилен сверх меры — щедр оказался к нему Господь! Но у всякого блага есть и обратная сторона. Обилие детей и неурегулированность вопроса о наследовании вызвали затяжную войну меж сыновьями великого князя.

В 1213 году Давыд Юрьевич привел свои полки на помощь одному из сыновей Всеволода Большое Гнездо, Юрию, и вместе с ним ходил в поход к Ростову; близ Ростова на реке Ишне вспыхнул бой, полыхнули села... А в 1216 году князь муромский бился на стороне Юрия Всеволодовича в кровопролитном сражении на Липице, оказался в стане проигравших, но княжения своего не утратил. Обстоятельства борьбы между от-

прысками Всеволода Большое Гнездо позволяли Давыду Муромскому избежать участия в боевых действиях, но он того не пожелал. И такое его решение не очень вяжется с миролюбием князя Петра из «Повести».

Впрочем, при составлении жития автор не слишком много внимания обращает на военно-политические деяния святого, если только он не рисует портрет благочестивого воина. Поэтому образ действий князя Петра как политика передан лишь в самых общих чертах, а как полководца — вообще никак не обрисован. Он храбрый воин, вот, собственно, и все, что о нем известно с этой стороны. Реальность историческая могла быть намного сложнее и страшнее реальности житийной.

Существует версия, относящая жизнь и духовные подвиги святого Петра Муромского на полтора века позднее княжения Давыда Юрьевича.

К XIV в. восходят сведения генеалогических источников, где прямо назван князь Петр Муромский, старший брат князя Василия Муромского, — предка дворян Овцыных.

Вот строки из родословной книги князя М. А. Оболенского, в основе которой — официальный «Государев родословец»: «Описание початку (начала) Володимирова роду. Великие князи Муромские братья родныя князь Петр да князь Василей... Князь Петр — без[детен], и со княгинею своею Февронией оба святые. А у князь Василья сын — князь Данило. А у князь Данило сын — Володимер Красной Снабдя. И от него пошли Овцыны... Володимер Данилович был в боярех у великого князя Дмитрия Ивановича[Донского]». Далее, в другом месте родословной книги, уточняется: «Род Овцыных. У великого князя Дмитрия Ивановича Донского был боярин Володимер Данилович Красной Снабдя. От него пошли Овцыны».

Непростая задача: определить хотя бы приблизительно, когда все они жили. Попробуем все же сделать это.

Дмитрий Иванович княжил с начала 1360-х по 1389 год. Вряд ли в боярех у него служил безусый юнец. Следовательно, Владимир Красный, даже если дать ему минимальные(!) 20 лет при пожаловании боярского чина, родился са-

мое позднее между началом 1340-х и концом 1360-х. А его отец Даниил — самое позднее около 1350 года, но, скорее, раньше.

Таким образом, если доверять генеалогическим данным, то время деятельности Петра, его брата Василия и жены Февронии — середина XIV столетия. Дореволюционный историк Н. Д. Квашнин-Самарин назвал братьев Петра и Василия «современниками Ивана Калиты». С таким же основанием их можно назвать современниками Семена Гордого или Ивана Красного, по сути, это ничего не изменит. А муромский предок Овцыных очень удобно ассоциируется со вполне исторической личностью — князем Василием Ярославичем, княжившим в середине XIV века.

Все, вроде бы, сходится превосходно: был некий князь Петр, брат Василия, по отчеству, скорее всего, Ярославич, один из муромских властителей-братьев, принявший перед смертью иноческое имя Давид. Идеальное, казалось бы, соединение генеалогического памятника со свидетельствами летописания. Чего искать еще? Все разъяснилось!

Но это — если полностью доверять родословию Овцыных. А оно вызывает серьезные вопросы, поскольку было составлено поздно — не в древнем Муроме, а уже в эпоху Московского государства. Весьма вероятно, его создание произошло после того, как чета муромских святых подверглась канонизации на соборе 1547 года, а, значит, приобрела широкую известность. Не исключено, что Овцыны приписали себе великую святую родню, стремясь повысить родовую честь своего семейства.

Итак, неясно, насколько достоверно родословие Овцыных в древнейшей своей части. Если бы не эта неясность, святых Петра и Февронию Муромских можно было бы смело помещать в середину XIV столетия. Но с нею эта версия оказывается сильно подмоченной.

Остается подвести итоги. Невозможно с твердой уверенностью сказать, кто из исторических правителей Мурома является прообразом князя Петра.

У кого-то, скажем прямо, может возникнуть вопрос: а не почитаем ли мы литературных героев,

под историей которых вообще нет никакой фактической почвы? Это, безусловно, не так.

Прежде всего, у мощей святых Петра и Февронии древняя история. Муром на протяжении веков хранил их мощи задолго до того, как церковный книжник написал «Повесть» о святой чете. Невозможно представить, чтобы наше духовенство времен Святой Руси с таким усердием берегло память каких-нибудь случайных людей. Напротив, лишь истинная святость могла породить столь прочное, столь верное поклонение муромчан. У гробницы святых Петра и Февронии не раз случались чудеса, а московские государи, время от времени приезжавшие в Муром, горячо молились у гроба чудотворцев. Церковь с полным знанием дела одобрила акт канонизации.

Иными словами, тут нет места для сомнений

и разночтений: святые Петр и Феврония — исторические личности. Их жизнь — факт.

Другое дело, что мы, к сожалению, имеем слишком мало сведений о них, а потому не можем точно сказать, когда именно они жили.

И в связи с этим хотелось бы призвать к одной древней христианской добродетели: трезвению. Хотелось бы знать о Петре и Февронии больше, чем мы сейчас знаем. Но неправильно, обсуждая судьбы больших святых, с категоричностью выдавать за твердое знание то, в чем должной твердости пока нет, выдавать мнение за истину. Тут нужна большая осторожность.

С течением времени, возможно, новые источники дадут ответ на вопрос, когда именно жила святая чета. А пока надо набраться терпения и смирения.

О. Серапион (Воскобойник) (Муром)

ХРИСТИАНСКИЕ СМЫСЛЫ И ОБРАЗЫ

В «ПОВЕСТИ О ПЕТРЕ И ФЕВРОНИИ МУРОМСКИХ»

«Повесть о Петре и Февронии Муромских» относится к агиографическим (житийным) произведениям русской словесности (от греч. ἅγιος — «святой»; γράφω — «пишу»). Главная задача такого жанра письменности состоит не в передаче хронологически точных, исторически выверенных фактов и событий, а в назидательном нравственном ориентире читателя. Написанное простым и доступным для всех языком, житие раскрывает осмысленное существование человека в этом мире, дарует ему веру в добро, направляет его к истине.

Житийную литературу пронизывают устойчивые христианские сюжеты, образы и мотивы, изменение и переосмысление которых на протяжении веков является наглядным свидетельством стабильности и целостности литературы, да и культуры в целом.

Для того, чтобы вписать читателя в пространство культурной традиции, необходимо выявлять и актуализировать в его читательском опыте истинные, вечные, непреходящие образы и сюжеты, формируя опыт их интерпретации в соответствии с логикой развития самой литературы, постепенно расширяя горизонты читательских требований. Ведь именно культурная традиция помогает человеку четко и правильно ориентироваться в сложном, бушующем страстями, мире. Традиция способна удерживать человека в русле развития прошлых, ушедших поколений, которые пытались донести современникам и потомкам что-то действительно важное и наиболее ценное для всего человечества. Христианская культура через все века несла людям наиважнейший смысл всей истории: Бог есть Истина «Я есмь путь и истина и жизнь»¹. По причастности к этой Истине тяжкая, страдальческая жизнь человека наполняется смыслом, освещается, наполняется новым пониманием своего предназначения и всего бытия в целом.

«Повесть о Петре и Февронии Муромских» как источник средневековой культурной словесности пронизана явными и скрытыми христианскими образами, символами и смыслами.

Главенствующий из них — идеал любви. Сочетание темы милосердия и христианской любви одновременно с осуждением и неприязненным отношением к вельможам и боярам прослеживается в «Повести». Эти идеи сильно волновали Ермолая-Еразма, поэтому и нашли свое гармоничное выражение в «Повести о Петре и Февронии Муромских». По всей видимости, в связи с соборами 1547 и 1549 гг. от лица митрополита Макария Ермолаю было сделано предложение написать агиографические произведения, посвященные муромским святым. Действительно, Петр и Феврония, канонизированные на соборе 1547 г., в заглавии повести названы «новыми чудотворцами». Сама «Повесть» раскрывает историю любви между князем и крестьянкой.

Христианская любовь — это и есть сама жизнь, это бытие, направленное к Небу, к Богу. «Бог есть любовь, и пребывающий в любви пребывает в Боге»², и наша жизнь пронизана любовью, делами любви. Дела любви человека по отношению к окружающему миру есть подобие любви Божественной по отношению ко всему Им созданному.

Замечательный гимн любви написал апостол Павел: «Любовь долготерпит, милосердствует, любовь не завидует, любовь не превозносится, не гордится, не бесчинствует, не ищет своего, не раздражается, не мыслит зла, не радуется неправде, а сорадуется истине; все покрывает, всему верит, всего надеется, все переносит. Любовь никогда не перестает, хотя и пророчества прекратятся, и языки умолкнут, и знание упразднится»³.

Святитель Иоанн Златоуст повторяет: «Никакое слово не достаточно для того, чтобы по достоинству изобразить любовь, так как она не земного, но небесного происхождения... даже язык Ангелов не в состоянии в совершенстве исследовать ее, так как она непрерывно исходит из великого разума Божия».

Тема разума является главной и проходит через всю повесть.

«Бог же безначальный, создав человека, почти и, надо всем земным существом царем постави и, любя же в человечестве роде вся праведники, грешныя же милуя, хотя бо всех спасти и в разум истинный привести»⁴. Здесь автор «Повести» явно указывает на рационализации человеческого существования, чтобы оно действительно было осмысленным и Богоподобным. Ведь разумная деятельность как раз и является уподоблением Творцу, раскрытием своих высших способностей.

Разум и ум. В святоотеческих творениях слово «ум» (νοῦς) часто используются как синоним слова «дух» (πνεῦμα). Много таких отождествлений встречается в творениях святых отцов, обличавших ересь Аполлинария (IV в.). Почему это возможно? Ум, как говорится в Священном Писании, есть око души⁵. Об этом же говорит и преподобный Иоанн Дамаскин: «Ум (νοῦς) принадлежит душе, не как что-либо другое, отличное от нее самой, но как чистейшая часть ее. Что глаз в теле, то и ум в душе»⁶.

В наставлениях преподобного Антония Великого подробно описывается богосозерцательное предназначение ума: «Орган зрения телесного — глаза, орган зрения душевного — ум... Душа, не имеющая благого ума и доброй жизни, слепа... Глаз видит видимое, а ум постигает невидимое. Боголюбивый ум есть свет души. У кого ум боголюбив, тот просвещен сердцем и зрит Бога умом своим».

Целомудрие князей Петра и Февронии также является фундаментальным образом в «Пове-

сти». Целомудрие — это целостная, ничем не поврежденная гармоничная мудрость. Целомудрие — это не просто девственное состояние тела, но чистота всех чувств тела и души и незапятнанность совести в отношении к семье, к другим людям, к обществу, к работе, к природе. Целомудрие — это то, что оберегает дух человека от погружения его в плоть; это самосохранение человеческого духа, без чего человек становится плотным, животным, теряет все человеческое.

По определению святого Григория Нисского, «целомудрие вместе с мудростью и благоразумием есть благоустроенное распоряжение всеми душевными движениями, гармоническое действие всех душевных сил».

В «Повести» целомудрие супругов испытывается трижды: 1) змей искушает жену князя Павла, 2) бояре стремятся разлучить Петра и Февронию, 3) искушение святой Февронии на корабле. Во всех этих случаях под ударом оказывается нерушимость христианского супружества.

В первом случае дьявол, как когда-то в раю прельстил Адама через Еву, подослав к ней змея, и теперь посылает к жене князя Павла «неприятного» летающего змея-оборотня — на блуд. Всем приходящим людям являлся он в образе князя Павла, и только перед женой его представал в своем естестве. Жена не утаила случившегося, но поведала обо всем, прежде всего, князю, как мужу своему. То есть, не мужу-князю, а самодержцу, правителю княжества, защитнику поданных, главе, а уже потом мужу!

¹ Ин. 14, 6.

² [Электронный ресурс]. — Режим доступа: HYPERLINK «<https://bible.ru/1+Ин.4,7?rus>» н. 4, 7.

³ 1 Кор. 13: 4-8.

⁴ 1 Тим. 2, 4.

⁵ Мф. 6, 22-23.

⁶ Иоанн Дамаскин // [Электронный ресурс]. — Режим доступа: HYPERLINK «https://azbyka.ru/otechnik/Ioann_Damaskin/»

О. В. Агапова (Муром)

ПОЧИТАНИЕ ОБРАЗА ВЛАДИМИРСКОЙ БОГОМАТЕРИ В МУРОМЕ XIX СТОЛЕТИЯ НА ПРИМЕРЕ ОДНОИМЕННОЙ ИКОНЫ ИЗ СОБРАНИЯ МИХМ

С целью проведения реставрационных работ станковой живописи была обследована коллекция иконописи в собрании Муромского историко-художественного музея. В ходе осмотра выявлена икона «Богоматерь Владимирская», которая, в первую очередь, привлекла внимание отсутствием восстановительно-реставрационных вмешательств за время музейного хранения, а также наличием чеканного и шитого окладов (Ил. 1). После их демонтажа стало ясно, что икона находится в остро-аварийном состоянии и требует принятия неотложных мер.

По данным разновременной учетной документации музея, икона Владимирской Богоматери (М-6997) поступила из Георгиевской церкви г. Мурома; дата поступления не указана. Анализ сведений о других иконописных памятниках из данной церкви, имеющихся в собрании, позволил предположить время поступления — 1935 год. В архивных документах сохранился акт от 04.03.1935 года, составленный представителем райпо Шиловым, представителем Горсовета Ивановым и научным сотрудником Муромского музея Морозовым о передаче культурно-исто-

Ил. 1. Икона «Богоматерь Владимирская». Общий вид лицевой стороны иконы в шитом и чеканном окладах до реставрации. 31,5х25 см. МИХМ

рических и бытовых ценностей в музей ввиду закрытия Георгиевской церкви¹. В списке предметов значатся уже хорошо известные иконописные памятники — «Муромские чудотворцы, с житием Святых Благоверных князя Петра и княгини Февронии» (1669), «Воскресение — сошествие во ад, с праздниками, страстями и евангельскими сценами» (1669), «Великомученик Никита, с житием» (1669), «Великомученик Георгий, с житием» (1669), являющиеся вкладом строителя и ктитора храма, муромского посадского человека Сидора Лопатина². В конце списка блеклыми синими чернилами, отличными от других, указана интересующая нас икона Владимирской Богоматери.

Церковь Святого Георгия до настоящего времени не сохранилась — была закрыта в конце 1920-х годов и разрушена в 1936 году. Она располагалась на северо-восточной окраине города недалеко от Воскресенского монастыря на «береговой террасе р. Оки», в «Кожевниках». По храмозданной грамоте 1651 года архиепископа Рязанского и Муромского Мисаила известно, что благословление на строительство каменного храма, вместо деревянных, получил уже упомянутый Сидор Лопатин³.

Рассматриваемая икона небольшого «аналогного» размера — 31,5х25х2,2 см, состоит из одной цельной доски. С торцевых сторон скреплена двумя врезными шпонками. Написана в технике темперной живописи. Фон — позолочен (имитация), на одеждах выполнена золотистая разделка. Живопись находилась в неудовлетворительном состоянии сохранности с крупными отставаниями красочного слоя и грунта от основы, осыпаниями и грунтовыми вздутиями, утратами красочного слоя с грунтом, вызванными жизнедеятельностью плесневых микроорганизмов. Покровный слой лака потемнел. На личном письме и левой руке Богоматери была нанесена «на скорую руку» профилактическая заклепка без снятия оклада.

В музейных книгах поступления указано: «Края иконы в чеканном медном окладе. Риза шитая по фольге цветным стеклярусом. XVIII век». Такой же набор украшений имелся и на момент передачи памятника на реставрацию. Оклады прекрасно иллюстрируют одну из основных идей иконопочитания. Как отмечал П. А. Флоренский, убранство русских икон являлось важной

составляющей храмового искусства как «необходимый, безусловно, неустрашимый, единственный способ выразить духовное содержание иконы»⁴. Несколько прикладов к памятнику говорят о его высокой значимости для храма как молебельного образа.

В результате произведение оказалась достаточно интересным как в плане реставрации — с полным объемом работ, — так и в плане рассмотрения его составляющих частей.

Чеканный оклад выполнен в виде рамы, закрывающей поля. Он изготовлен из металлической латунной пластины и относится к цельным окладам рамочного типа. Лицевая сторона и торцевые части — позолочены. Чеканный узор выбит на гладком полированном фоне, в отделке отдельных деталей применено канфарение. На полях представлен растительный стилизованный орнамент, в котором происходит соединение условных и реальных элементов: асимметричных завитков, листьев, цветов. Набор декоративных элементов сгруппирован в средней части. Наблюдаются повторяющиеся симметричные композиции, связанные между собой. В каждом фрагменте выделяется центр. Среди растительного декора на первый план выходят бутоны цветов, а также узор на углах, выполненный в более высокой чеканке. Некоторые элементы не имеют пластического воплощения, кажутся обособленными. В плоскости рамы заметна легкая деформация металла и вдавленность рисунка, вероятно, полученные при выколотке рельефа. Данные замечания выдают не совсем профессиональную руку мастера, что особенно зримо в сопоставлении с орнаментом на лицевой стороне чеканного оклада Сретенского креста из собрания МИХМ, где имеются схожие элементы узора. На чеканной поверхности исследуемого оклада не происходит пластического совмещения композиций. Детали орнамента накладываются друг на друга. Как следствие этого, отмечена упрощенность узорной схемы. Высота чеканки местами минимальна. На нижнем торце находятся деформации металла, вмятины и прорывы по углам. Наблюдается повсеместная потертость позолоты. Зафиксированная сохранность произведения говорит о нахождении иконы в обиходе, однако покрывающий оклад плотный слой загрязнений и воска указывает

Ил. 2. Вышитая риза-оклад от иконы «Богоматерь Владимирская» после удаления плотных загрязнений

на пребывание образа долгое время, возможно, в ризнице. Оклад крепился к основе иконы с торцов при помощи проржавевших гвоздей заводского производства.

Второй убор иконы — вышитая по холсту риза (Ил. 2). Она представляет собой одно из интересных, но в тоже время малоизученных направлений прикладного искусства — бисерно-стеклярусное рукоделие. На окладе присутствует разнообразный набор бус — одновременно употреблен бисер и стеклярус. Именно это отличает его от подобных работ культового назначения, вышитых только стеклярусом. Оклад выполнен техникой «в прикреп» с низанием бисера и стекляруса различной длины и сечения на проволочку. Основой вышивки служит холст, к которому с лицевой стороны приложена плотная голубая бумага и, в соответствии с рисунком, фольга. Кроме уже названных материалов, также использованы стеклянные разноцветные блески миндалевидной формы с небольшой

огранкой в виде ромба по центру, канитель типа трунцал, фактурная бить и цветной лак по фольге. Прозрачный светло-желтый бисер имеет неровную форму, различную длину и диаметр. Такой же характер имеет и стеклярус, выполненный в виде цилиндрических трубочек без огранки. Более яркий желтый прозрачный бисер меньшего размера имеет хорошо окатанную форму, его диаметр превышает длину. Бусы имеют стойкую окраску, не хрупкие. Они устойчивы к внешним факторам и поэтому спустя продолжительное время могут дать ясное представление о художественном и колористическом замысле мастера.

Риза представляет собой полноценный оклад, где четко обозначены поля, фон, фигуры святых, имеется общий накладной венец. На целиком закрывающем икону шитье выполнены только прорези на месте личного письма. Изображение на окладе совпадает с иконографическим типом Богоматери на иконе. Рисунок вышивки разграни-

чивает плоская металлическая проволока — бить, образуя контур, который полностью заполнен параллельно идущими низкими бус, расположенными по форме. Мафорий Богоматери расшит серым стеклярусом, фон — бирюзовым, одеяние Богомладенца — желтым бисером по фольге. Зубчатый венец Богоматери и младенца наполнен светло-желтым бисером. Обрамление нимбов — треугольные «лучики», расшиты фольгой и прозрачным бисером по краю. Поля обозначены серым стеклярусом и окаймлены с двух сторон светло-желтым бисером. В верхней части фона по углам расположена монограмма Богоматери, шитая по фольге желтым бисером. Изображение на окладе дано плоскостно, без попытки передать светотеневые различия, рисунок заполнен крупными массами одного цвета. Строгость и сухость художественного решения разряжают орнаментальные растительные узоры по фольге. Преобладает трехлепестковый повторяющийся цветочный мотив. Симметрично на полях в средней части вышито по одному, а на венце — три узора ярким зеленым бисером в один ряд. Часть мафория Богоматери и ее чепец украшены подобными цветочными орнаментами желтого цвета. Крупная звезда на плече Марии заполнена разноцветными стеклянными блестками бордового, розового, красного, зеленого, темно-синего тонов, которые также применены на нимбах и одеянии Богоматери. Поруч ее левой руки и зарукавья украшены фольгой со стежками желтого бисера по центру. На полях по углам расположено по одной желтой звездочке. Необходимо отметить, что вставки из фольги выполняют самостоятельную декоративную функцию и были покрыты разноцветным тонированным лаком, который сохранился частично в разрушенном состоянии. Среди разрушенных потемневших фрагментов различимы бордовый, зеленый, золотисто-коричневый оттенки подсвеченного лака. По центру стеклянных вставок пришиты небольшие кусочки канители. Применение различных материалов привело к обогащению и дополнению цветовой палитры и фактуры вышивки. В данном памятнике мастер стремился к творческому эксперименту, что не помешало ему умело распределить расцветки и выявить особые эффекты, присущие каждому сорту бус — прозрачному бисеру различного размера, стеклярусу, стеклянным вставкам.

Разрушение и утрата цветного лака привели к изменению колорита ризы-оклада. Он приобрел сдержанный и гармоничный вид. Благодаря современным технологиям, стало возможно восстановить художественный образ предмета. Виртуальная реконструкция цветного лака на фольговых вставках по обнаруженным фрагментам помогла констатировать повторение через один ход зеленого, бордового и желто-коричневого цветов на завершении нимбов. Яркие расцветки стеклянных вставок и подсвеченной фольги придавали окладу особое звучание, делая его более декоративным в целом. Данный шитый оклад можно отнести к самобытным памятникам XIX столетия, позволяющим ознакомиться с процессом воздействия народного творчества на украшение предметов культа. В окладе прослеживается народная трактовка: многоцветие, цветовой ритм, яркое и чрезмерное декорирование, простота орнаментальных мотивов, применение имитирующих драгоценные украшения материалов. Риза вышита с большой любовью, о чем свидетельствует ее тщательное исполнение. Спустя время бусы лежат плотно друг к другу, не осыпаются. Оклад крепился к торцам иконы проржавевшими коваными гвоздями.

Рассматриваемый шитый оклад в собрании музея является единственным в своем роде. Коллекция бисерных работ представлена только светскими произведениями, тогда как он отражает церковное направление искусства. Отдельную группу представляют самостоятельные предметы культа и расшитые украшения икон в виде комплекса сборных деталей — одеяния, цаты, головные уборы святых.

Металлический оклад частично перекрывал верхнюю часть венца, а также поля, при этом ширина чеканной рамы не превышала ширину полей шитой ризы. Расположение фигур на ризе, а также их контуры и просечки для личного совпадают. Однако размер вышитого полотна на 0,7 см по высоте меньше живописного произведения, что частично закрывается за счет выхода нимба на пределы вышивки. Чеканная рама создавалась с учетом нахождения на иконе шитья. Надо полагать, оклады создавались именно для этой иконы. В художественном отношении наблюдается автономность рамы от шитого оклада. Уборы иконы выполнены в разное время.

Образ Владимирской Богоматери являет-

Ил. 3. Общий вид лицевой стороны иконы «Богоматерь Владимирская» в процессе реставрации

ся одним из самых известных в Русской православной церкви. Чудотворная икона «Богоматерь Владимирская» XII века считается небесной покровительницей российской государственности и русского народа, «она — святыня из святых»⁵. Данный богородичный извод один из популярных в иконописи, с него выполнено многочисленное количество списков и копий. Каждое повторение с оригинала несет черты своего времени, формируя разнообразную галерею интерпретаций этого образа.

На иконе из Георгиевской церкви поясное изображение Богоматери с Младенцем на правой руке слегка укрупнено — вписано в заданный формат фона (Ил. 3). Мария немного склонила голову к лику младенца. Ее взгляд устремлен на прижавшегося к ней Иисуса. Левая рука Богоматери высоко поднята, пальцы касаются рукава рубашки младенца. Правая ручка Христа простерта перед грудью матери, вторая — обнимает

ее за шею. Личное письмо строится по коричневатого тона санкирю с легким охрением. Света на лицах проложены корпусно небольшими пятнами. Одежания святых трактованы достаточно плоско. Они решены локальными пятнами, написаны сплавленным мазком, однородным по цвету красочным колером в один прозрачный слой. Сдержанный колорит одежд построен на мягких сочетаниях приглушенных красок красного и бордового цветов, на которых мерцает тонкая золотая разделка. Четкость и тонкость линий, выполненных мягкой кистью, плавность контуров указывают на профессионального мастера. Однако отмечается схематичность рисунка, упрощенность декоративных элементов на изображении каймы мафория и бахромы.

Фон средника выполнен золотом-«двойником», поля — светло-охристым цветом тонким слоем. Разграничивает поле и фон тонкая бордовая разделка, обрамляет икону тол-

стая ярко-красная опушь, а также повторная ей бледно-зеленого цвета на поле. Нимбы отмечены выходом на всю ширину поля. Они обозначены толстой описью красного цвета и тонкой белильной линией по внутренней обводке. Монограммы Христа и Богоматери, надпись справа на фоне «Обр пр Бцы Владимирскія» также выполнены ярко-красным колером.

На светлой прозрачной красочной гамме фона ясно проявляется силуэтная выразительность образов святых. Воспроизводимый образец сохраняет главные черты чудотворной иконы, однако фигуры персонажей отличаются приземистым контуром и телесной наполненностью. Попытка приблизиться к древнему образу указывает на консервативный подход мастера к написанию иконы. Выбор размера иконы имеет многочисленные аналогии с опубликованными образцами рассматриваемого извода, параметры которых колеблются в пределах по высоте 31-33 см, по ширине 25-27 см. Преимущественно данные памятники имеют оклады. «Украшенные иконы „Богоматери Владимирской“, появившись на рубеже XVI-XVII вв., сразу же заняли заметное место рядом с „классическими“, которые часто писали „в меру и подобие“»⁶. Согласно замечаниям Н. И. Комашко, «иконографически небольшие Владимирские иконы, массово писавшиеся в Москве в XVII веке, восходят непосредственно к древнему византийскому образу»⁷. Тип «украшенных» икон пользовался большой популярностью и сохранился в XVIII-XIX веках. Приемы иконописания георгиевской иконы «Богоматерь Владимирская» — цветовая палитра, графика живописи — обводка нимбов, фона, полей выдают руку мастера XIX столетия, преданного традициям.

Коллекция темперной живописи Муромского историко-художественного музея немногочисленна и содержит около трехсот произведений, территориально охватывающих Муромский уезд. Основные поступления относятся ко времени массового закрытия и уничтожения церквей в 1920-1930-е гг. Рассматриваемая икона «Богоматерь Владимирская» является не единичным произведением в собрании. Всего насчитывается восемь иконописных памятников подобной иконографии.

Древнейшая сохранившаяся в Муроме икона Владимирской Богоматери датируется 1614 годом

и происходит из Крестовоздвиженской церкви. Авторы каталога «Иконы Муром» предполагают, что появление списка связано «с надеждой муромцев на избавление от бедствий Смутного времени»⁸. Вероятно, данный образ широко почитался, так как после закрытия храма был перенесен в Пятницкую церковь. Следующая по времени создания икона относится к 1692 году. Она исполнена московским знаменщиком Афанасием Рязанцевым и существует в комплексе с двумя живописными досками — изображениями четырех клейм истории создания образа и вкладной надписью. Список являлся главным богородичным образом соборного храма Благовещенского монастыря и находился в местном ряду, слева от царских врат. В собрании музея хранятся еще иконы «Богоматерь Владимирская» из Троицкого монастыря и собора Рождества Богородицы. Таким образом, можно сказать, что в Муроме, начиная с XVII века, а, может быть, даже и ранее, к спискам образа было привлечено пристальное внимание верующих. Иконы чтились с момента введения в круг церковного обихода до закрытия храмов.

Процесс почитания иконы «Богоматерь Владимирская» коснулся всех слоев общества, благодаря чему она активно участвовала в политических и социальных событиях государства. К XVII веку сформировался чин Большого крестного хода с древней иконой, но уже к концу того же столетия крестные ходы стали менее торжественными, число их сократилось. Основываясь на исследованиях Л. А. Щенниковой, следует отметить, что это было связано с переездом царского двора в новую столицу. Почитание «Богоматери Владимирской» ушло на второй план. К иконе вновь обратились с надеждой на заступничество в 1812 году при наступлении войск Наполеона на Москву.

Чудотворные и чтимые иконы, так же, как ценности Московского кремля, монастырей и церквей были эвакуированы из Москвы в кратчайшие сроки. Главнокомандующий в Москве граф Федор Васильевич Растопчин 1 сентября 1812 года выслал предписание викарию Московскому Августину (Виноградскому): «Нечаянное решение князя [Михаила Илларионовича] Кутузова оставить Москву злодею должно решить и Ваше <му> Преосвященству отправится немед-

ля. Но именем Государя сообщаю Вам, что бы Вы Владимирскую, Иверскую и Смоленскую Богоматери взяли с собою. Народ ночью не приметит, а предлогом [будет то], что им хочет молиться войско. Путь Ваш — Владимир»⁹.

Второго сентября архиепископ Августин вместе с иконами Владимирской и Иверской Богоматери выехал на Владимир, Смоленская же к этому времени была уже вывезена в Ярославль. Некоторое время иконы находились во Владимире, где участвовали в крестных ходах, а 10 сентября были доставлены в Муром. Архиепископ Августин с общерусскими святынями расположился в Благовещенском монастыре, где пребывал до 20 октября. Иконы были установлены в монастырском храме Благовещения Пресвятой Богородицы. В течение всего периода их пребывания в Муроме проводился постоянный молебен. «Под защиту и покровительство их стекались из ближних и дальних мест различные именитые и простого звания люди; некоторые же, покинувшие свои пепелища, боясь неприятельского нашествия, нашли в гостеприимном городе надежный приют и молитвенное утешение. Богомольцы прибывали каждый день»¹⁰. 18 октября 1812 года архиепископ Августин получил от графа Ф. В. Ростопчина радостную весть об освобождении Москвы и в стенах муромского кафедрального Рождественского собора принес благодарственный молебен и огласил письмо. «А 20 октября, в этом же соборе Августин простился красноречивым словом с жителями Мурома и поспешил в древнюю столицу, где ожидали его подвиги, достойные пастыря церкви и учителя народа»¹¹. Муромцы провожали иконы крестным ходом далеко за пределы города под звон колоколов. Жители несли на руках Святые образы более пяти верст.

Впоследствии жители Мурома часто вспоминали об этом событии и хотели достойным образом сохранить память о нем. Игумен Благовещенского монастыря Феофил обратился в муромскую градскую думу с предложением установления большого крестного хода по случаю пребывания древних икон в городе в 1812 году и избавления отечества от нашествия врагов. Муромское купечество и мещанство приняло предложение, а затем получило официальное разрешение от преосвященного Ксенофонта епископа Владимирского и Суздаль-

ского. Первое празднование совершено 10 сентября 1815 года. Крестный ход проходил в Муроме каждый год, вплоть до 1917 года, из «[Рождественского] собора в Благовещенский монастырь и торжественный ход кругом города»¹². Подробное описание крестного хода и его процессии опубликовано местным краеведом Н. Г. Добрынкиным в очерке «Воспоминание о пребывании Московских Святынь в г. Муроме в 1812 году».

Местночтимые иконы «Богоматерь Владимирская» (1692) и «Богоматерь Иверская» (1688) Благовещенского монастыря после описанных выше событий были окружены особым почитанием. Последняя икона в 1815 году украшена богатым окладом на средства горожан «в незабвенную память вожделенного для них и в особенности для Благовещенской обители чetyрдесятидневнога в ней пребывания Московских чудотворных икон»¹³. Празднование иконам 10 сентября совершалось, главным образом, в Благовещенском монастыре, где имелись их копии. Во время крестного хода по городу к нему присоединялось духовенство со святыми иконами и хоругвями из церквей по ходу движения. Маршрут процессии проходил и через Георгиевскую церковь: «Ход, проходя подножием Воскресенской церкви, переходит на набережную улицу „Кожевники“, а в ненастную погоду на Георгиевскую, включая в состав процессии святыне иконы с хоругвями и духовенство Георгиевской церкви»¹⁴.

События 1812 года дали начало новой волне почитания Владимирской Богоматери. Именно эту дату можно рассматривать как начальную по отношению к рассматриваемой иконе. Написание образа для приходской Георгиевской церкви было востребовано исторической ситуацией, а также спровоцировано силой народной веры. Вероятно, икона являлась вкладной, так как на ее оборотной стороне просматриваются элементы надписи, которые сильно потерты и трудночитаемы. Их расшифровка не представляется возможной.

Икона из Георгиевской церкви служит подтверждением тому, что в глазах верующих не было принципиальной разницы между оригиналом и копией. Список с древней иконы был наделен свойствами первообраза, что проявилось в благоговейном отношении верующих к иконописному произведению. Подобно древнему образу,

украшенному золотом и серебром, драгоценными камнями и жемчугом, икона была украшена позолоченным чеканным окладом и бисерно-стеклярусной ризой с цветными стеклами. Оклады, отвечая требованиям православного менталитета, раскрывали выражение веры и благочестия прихожан. Скрывавшие сам образ, они подчеркивали его значение, величие и славу, являлись отражением одного из символов святости. В свою очередь, образ в окладе обладал большим воздействием на чувства его созерцателя. В интерьере храма, при горении лампад и свечей в полной мере проявлялось основное свойство бисера и стекляруса отражать свет. Оклад поблескивал радужными цветами, светло-серый стеклярус отливал серебром. Необычайная привлекательность игры стекла давала возможность пользоваться бисером и стеклярусом в наиболее ценных предметах при сравнительно небольшой стоимости материалов.

Народное отношение к иконе как к древнему чудотворному образу на местном уровне оказалось достаточно хорошо выражено, воспроизводя особенности украшения особо почитаемых икон. Значимость рассматриваемой иконы для храма проявилась и в ее поновлении.

После передачи памятника на реставрацию было выполнено визуальное обследование основы иконы. На торцевых частях металлического оклада не обнаружено следов снятия, соответственно, после его установки иконный образ не раскрывался ни в музейных, ни в храмовых условиях. При этом в процессе работы над произведениями — иконой и шитым окладом — выявлено их поновление. В первую очередь было обращено внимание на характер лакового покрытия на живописной поверхности. Он нанесен тонким слоем, потемнел, но сохранил прозрачность. Под ним находятся мелкие утраты красочного слоя и потертости. На торцах иконы наблюдается еще один ряд мелких гвоздевых отверстий. Основа ризы-оклада состоит из нескольких слоев. Кромки второго слоя ткани более ветхие. На них имеются разрывы на углах, а также еще один ряд гвоздевых отверстий, не используемый при креплении оклада в настоящее время. При сопоставлении данных отверстий на ризе и иконе выявлено их совпадение. Это дает основание предполагать, что оклад создавался для иконы, и они существовали какое-то время

как одно целое. Причинами для проведения поновительных работ могло послужить потемнение лакового покрытия и обветшание оклада, а также, как предположение, изготовление нового металлического чеканного оклада-рамы. На ризе были наращены внешние кромки для того, чтобы скрыть разрывы ткани. На обратную сторону нашита холстяная ткань, состоящая из нескольких составных частей. По данному слою вышит только бисер и частично пришита фактурная бить. Предположительно снизки бисера и бить ослабли, обрвались и осыпались, поэтому потребовалось их повторное закрепление на усиленную новым слоем ткани основу. Обратная сторона по всей площади заклеена писчей бумагой. Следы поновления выявлены и на общем венце Богородицы и младенца. На треугольных лучиках местами имеются два слоя подсвеченной фольги. При этом их расцветка отличается. При росписи фольговых вставок на завершении венца было сделано нарушение первоначального цветового ритма. Поновление иконы и ризы еще раз подтверждает особое отношение к рассматриваемой иконе со стороны духовенства и ее почитание, указывает на обширную и насыщенную событиями историю бытования.

В контексте данной работы не решаются атрибуционные вопросы, однако при подготовке материала сложились некоторые предположения по времени происхождения каждого произведения. Аналогичные вышитые ризы-оклады, опубликованные в каталоге выставки «Русский бисер» (1993) и книге Е. Ю. Моисеенко и В. А. Фалеева (1990), датируются концом XVIII — началом XIX веков. Они выполнены по холстяной основе стеклярусом, тогда как шитый оклад из собрания МИХМ с применением бисера различного характера и формы. По мнению Е. С. Юровой, «использование большого количества стекляруса является отличительной особенностью более ранних работ»¹⁵. «Стеклярус в первой половине XIX века употреблялся редко, главным образом в отделке предметов культа»¹⁶. Что же касается техники исполнения, то в XIX столетии «шитье в прикреп продолжает существовать только в оформлении предметов культового назначения и в народных головных уборах»¹⁷. Увлечение бисерными работами получает наибольшую популярность в первой половине XIX века. Данное столетие отмечено

«расширяющимся интересом к бисеру, он поступает на внутренний рынок уже в таких количествах, что становится более доступен сельскому населению»¹⁸. «Русская провинция оставалась ему верна до 60-х годов»¹⁹. Но бисерное и стеклярусное рукоделие не прекратилось. Оно охотно использовалось в народном быту, а также для отделки женских туалетов вплоть до начала XX века. Следовательно, временные рамки изготовления ризы-оклада определяются началом XIX века. По всей вероятности, икона должна быть современна ризе, если рассматривать иконописный памятник и ризу к нему как одно целое и созданное параллельно. В коллекции Н. Г. Добрынкина, хранящейся в собрании документов МИХМ, выявлена фотография подобного шитого оклада и рукописная аннотация к нему 1894 года. Риза к иконе «Живоносный источник» была приобретена в Муроме. Она состоит из коричневой плотной шелковой материи с подложенной под нее грубой льняной тканью, расшита фольгой, белым стеклярусом, мелким жемчугом, украшена канителью, стеклянными зернами в золотых ячейках, металлическими блестками, фрагментарно с низанием бус по бели. Это указывает на более раннее ее исполнение, чем рассматриваемый нами оклад. В рукописи имеются важные сведения, что «шитье оклада-ризы по характеру мастерства, не иначе может принадлежать, как к XVII в. или началу XVIII столетия, когда такого рода работа процветала в Муромских девичьих монастырях»²⁰. Именно в монастырях традиция бисерно-стеклярусного ремесла и художественной вышивки сохранялась очень долго. Еще в 60-е годы XIX века для храмовых нужд вязались и вышивались различные изделия²¹. На окладе, описываемом Н. Г. Добрынкиным, с оборотной стороны также была наклеена писчая бумага. Автор текста утверждает, что подклейка бумаги осуществлялась в другое время и не современна шитью оклада, она относится к началу XIX века. Исходя из полученных данных, можно судить, что в Муроме находилась мастерская по изготовлению и качественному ремонту бисерно-стеклярусных изделий.

В оформлении чеканного оклада орнамент является определяющим признаком в установлении хронологических рамок изготовления произведения, так как каждая эпоха и стиль вырабатывали

свою систему декорации. В растительном узоре оклада находят отражение композиционные и художественные приемы барочно-рокайльного орнамента. Прочеканенные полулистья-полураковины в виде дуг свидетельствуют о попытках мастера воспроизвести орнамент рокайль. Использование бутонов цветов и широких листьев навеяно барочным влиянием. Названные стили, имевшие ранее четкие этапные особенности, в середине XIX столетия были значительно объединены выборочным использованием декоративных приемов исполнения. Как отмечает Л. Шитова, «в 1840-1850-е годы в формировании иконных окладов предпочтение отдавалось барочно-рокайльному наследию»²². Примером может служить орнамент Сретенского креста, выполненный в московской мастерской в 1848 году. Но уровень художественного и технического мастерства рассматриваемого оклада свидетельствует о провинциальном характере его исполнения. Близкие аналогии декоративных элементов сравниваемых произведений дают основание предполагать о производстве оклада-рамы в середине XIX века в характерном для названного времени стиле.

Внешние события и внутренняя жизнь общества в Отечественной войне 1812 года оказывали прямое воздействие на особенности русского иконописания и иконопочитания. В связи со всплеском интереса к иконам «Богоматерь Владимирская» по всей стране в послевоенное время, отмечено не только написание новых икон, но и украшение местночтимых списков новыми прикладами. В Муроме образы из Крестовоздвиженского храма, почитаемые чудотворными, были облачены в новые цельные серебряные оклады. Это факт документально зафиксирован на фотографиях Н. Г. Добрынкина 1890-1900 гг.²³ По характеру исполнения и орнаментике оклады явно относятся к XIX столетию. Одна из икон — «Богоматерь Владимирская» (1614), уже указанная в данной работе, хранится в Муромском музее. Судьба второй иконы, также как и окладов к ним, неизвестна.

Таким образом, на протяжении многих веков в Муроме наблюдается преемственность традиций почитания образа Владимирской Богоматери. Установление крестного хода как нельзя лучше отражает не только сохранение, но и усиление ее

почитания в Муроме XIX столетия.

Списки чудотворного образа располагались как в главных соборах Мурома, так и в приходских, конечно, уступая в качестве исполнения и датировке. Но, несмотря на это, икона из Георгиевской церкви стала объектом особого почитания со стороны священнослужителей и прихожан. Ярким доказательством этому служат исполненные оклады к списку. Весьма показательны выполненные восстановительные работы над шитьем и рас-

чистка иконы от потемневшей олифы, украшение впоследствии чеканной рамой-окладом. Именно это передает зримое выражение человеком почитания и служения образу. Бисерно-стеклярусное ремесло отвечало народным представлениям об украшении икон. Используемый материал являлся менее дорогостоящим и популярным в народной среде. Рассматриваемый образ Владимирской Богоматери отражает всенародное признание и почитание образа.

¹ МИХМ НА. — Ф. 9. — Оп. 1. — № 59. — Л. 23.

² Сухова О. А. Муромские чудотворцы, с житием Святых Благоверных князя Петра и княгини Февронии // Сухова О. А. и др. Иконы Мурома. — М., 2004. — С. 218.

³ Седов В. В. Церковь Георгия в Кожевниках в Муроме // Уваровские чтения — III. — Муром, 2001. — С. 57.

⁴ Флоренский П. А. Христианство и культура. — М., 2001. — С. 515-516.

⁵ Щенникова Л. А. Чудотворная икона «Богоматерь Владимирская» как «Одигитрия евангелиста Луки» // Чудотворная икона в Византии и Древней Руси. — М., 1996. — С. 280.

⁶ Бусева-Давыдова И. Л. К иконографии Богоматери Владимирской в XVII веке // X научные чтения памяти Ирины Петровны Болотцевой. — Ярославль, 2006. — С. 82.

⁷ Все остается людям. Русская иконопись XVII-XX веков из собрания Виктора Бондаренко: Каталог выставки / Автор вступительной статьи и каталога Н. И. Комашко. — М., 2011. — С. 14.

⁸ Преображенский А. С., Сухова О. А. Богоматерь Владимирская // Сухова О. А. и др. Иконы Мурома. — С. 148.

⁹ Тихомиров С. А. Тысяча восемьсот двенадцатый год: отражение эвакуации московских церковных древностей в документальных памятниках (историко-археографическое исследование) // Сообщения Муромского музея — 2013. — Владимир, 2014. — С. 223.

¹⁰ Добрынкин Н. Г. Воспоминание о пребывании Московских Святых в г. Муроме в 1812 году // Памятная книжка Владимирской губернии на 1895 год. — Владимир, 1895. — С. 61-62.

¹¹ Тихонравов К. Владимирский сборник. Материалы для статистики, этнографии, истории и археологии Владимирской губернии. — М., 1857. — С. 82.

¹² Добрынкин В. Муром прежде и теперь. — М., 1903. — С. 60-61.

¹³ Тихонравов К. Указ. соч. — С. 87.

¹⁴ Добрынкин Н. Г. Воспоминание о пребывании... — С. 66.

¹⁵ Юрова Е. С. Эпоха бисера в России. — М., 2003. — С. 75.

¹⁶ Моисеенко Е. Ю., Фалеева В. А. Бисер и стеклярус в России XVIII — начала XIX века. — Л., 1990. — С. 26.

¹⁷ Там же. — С. 32.

¹⁸ Там же. — С. 151.

¹⁹ Русский бисер. Вторая половина XVIII-XX вв.: Каталог выставки / Автор текста и составитель О. В. Молчанова. — М., 1993. — С. 6.

²⁰ М-13536/13. Рукопись с фотографией «Оклад иконы «Живоносный источник». 6 листов. 1894. Фонд документов МИХМ.

²¹ Русский бисер. — С. 12.

²² Шитова Л. Русские окладные иконы конца XVIII — начала XX века // Антиквариат. — 2004. — № 5(17). — С. 116.

²³ М-13536/8. Рукопись с фотографией «Владимирская икона Божьей Матери из Воздвиженского храма в Муроме». 2 листа. 1901. Фонд документов МИХМ.

М-13536/9. Рукопись с фотографией «Богоматерь „Умиление“ из Воздвиженского храма». 1901. Фонд документов МИХМ.

С. А. Волостнов (Муром)

К ВОПРОСУ О ВОСПРИЯТИИ НЕКОТОРЫХ «СИМВОЛИЧЕСКИХ ФИГУР» ИСТОРИИ МУРОМА (ПЕТР И ФЕВРОНИЯ, КОНСТАНТИН, ИЛЬЯ МУРОМЕЦ)

Миф становится заложником определенной традиции восприятия; определенным образом «воспитанной» мысли. Правда, в конкретных условиях, он сам успешно использует традицию в борьбе против других мифов, формируя своеобразную иммунную систему той или иной культуры.

А. В. Ставицкий. Миф традиционный и современный.

Символы всегда имели большое значение, играя особую роль в формировании коллективной идентичности. Они объединяли людей, превращая толпу в народ. Символы — это образы, несущие в себе скрытое или явное значение. Символическое пространство, естественно, имеет ценностно-мировоззренческое значение.

Символы могут быть как унаследованными, так и «изобретенными» общностями, но, главное, — они должны быть доступны пониманию большинства и приниматься этим большинством.

Культура наполнена символами. Как отмечал Ю. М. Лотман, «культура представляет собой коллективный интеллект и коллективную память, то есть надындивидуальный механизм хранения и передачи некоторых сообщений (текстов) и выработки новых. В этом смысле пространство культуры может быть определено как пространство некоторой общей памяти, то есть пространство, в пределах которого некоторые общие тексты могут сохраняться и быть актуализированы. При этом актуализация их совершается в пределах некоторого смыслового инварианта, позволяющего говорить, что текст в контексте новой эпохи сохраняет, при всей варианности толкований, идентичность самому себе»¹.

Но насколько сохраняется и читается этот «инвариант»?

С одной стороны, значительная часть того, что современный человек называет «истиной», как правило, подтверждается не его личным опытом, но коллективным опытом культуры, которая часто принимается на веру. Явление или человек, достаточно интересные, важные, значимые

для нас, вольно или невольно становятся в наших представлениях тем мифом, который мы принимаем как данность. Они обретают в наших глазах символически оформленные образы. И тогда они становятся для нас частью нашей жизни и памяти; фактом, истиной культуры, в смысловом поле которой мы живем.

С другой стороны историческая память не является одномерным явлением. В первом приближении можно выделить два вида «социальной памяти» — «культурную» и «коммуникативную». Первая всегда имеет носителей, облеченных особым социальным статусом (жрецов, ученых, писателей и т. д.), а во второй в той или иной степени приобщены все члены данного сообщества посредством языка и повседневной коммуникации. Культурная память, в противоположность коммуникативной, постоянно подвергается целенаправленной селекции и контролю со стороны своих носителей и наделяется сакральным статусом². Как писал Ян Ассман, в культурной памяти прошлое «сворачивается в символические фигуры, к которым прикрепляется воспоминание»³.

Муром как город с тысячелетней историей дает нам достаточное количество «символических фигур», которые, так или иначе присутствуя в «ментальном контуре», стали частью «современного мифа» Муромца. В ситуации религиозного ренессанса последних лет можно говорить о неомифологизме, о возвращении в нашу жизнь «символических фигур», актуальных в прошлые века. Это касается и фигур муромских святых.

Мифы имеют интересное свойство: «Действующий», «работающий» миф в той социальной

среде, где он „работает”, не распознается, так как в этом случае воспринимается не как миф, но как подлинная прочувствованная смыслоносущая реальность. Когда же миф исчерпал свой ресурс и, следовательно, не может „работать”, воздействуя на людей в прежнем режиме, и восприниматься как подлинная реальность, его спешат объявить мифом»⁴. А так как современная российская информационная и «социальная среда» весьма неоднородна и изменчива, процесс возрождения мифологии идет параллельно с процессами «развенчания мифов».

Один из примеров такого «развенчания мифа» мы можем видеть в заметке А. Невзорова «Лицемер Петр и шантажистка Феврония как символ Дня семьи, любви и верности». Александр Глебович резюмирует свой пересказ следующим образом: «Парочка, заключившая брак через шантаж, бездетная, разведенная, в состоянии трупного разложения является в России символом семьи, любви и верности. Согласитесь, это чрезвычайно пикантно... Хотя, в общем-то, во всех списках житий Петра и Февронии рассказанная мною канва выглядит примерно одинаково. Я, будучи прилично подкованным в догматике, агиографии, патристике и литургике, был поражен, что именно эта парочка была избрана в качестве символа любви и верности. Подозреваю, что это феноменальная безграмотность чиновничества, которое ткнуло куда-то пальцем и избрало случайных персонажей»⁵.

Данная трактовка «Повести о Петре и Февронье» находит в современном обществе значительное количество сторонников. В чем причина такого восприятия «Повести»?

Возможно, причина в диссонансе сюжетов «жизнеописаний святых» и современных представлений о добре и зле.

Это особенно любопытно в связи с внедрением этих фигур в образовательный процесс российской школы, где предлагается использовать этот материал для духовно-нравственного воспитания учащихся. Не опасно ли это? Известно же, что «если вы хотите подорвать ценностные основы социума, бейте в культурного героя, который был в основании, дезавуируйте его, демифологизируйте, и дальше посыплются все ценности»⁶.

Главной целью нравственного воспитания можно считать включение учащихся в процесс

осознания и переживания нравственных ценностей в качестве потребностей личности, субъективно-значимых, устойчивых жизненных ориентиров на основе исторических фактов. Предполагается, что «жизнеописания русских святых для современного учителя могут служить тем практическим материалом, в котором он найдет ответы на вопросы нравственного воспитания современных школьников»⁷. Действительно, ключевую роль в воспитании должно играть подражание, т. е. следование примеру или образцу, которое проявляется в повторении одним человеком каких-либо поступков, интонаций и черт характера другого человека.

Нравственное воспитание предполагают и уроки истории. «Задача историка — способствовать формированию нравственных качеств с помощью своего предмета, т. е. на основе изучения исторического опыта. При этом учитель не должен навязывать свои ценности, он должен направлять учеников, вооружать их инструментарием оценки тех или иных событий в нравственном плане. Учитель должен апеллировать к лучшим качествам в человеке, опираясь на исторический материал, раскрывать суть и содержание духовных ценностей разных эпох, но и не скрывать отрицательный опыт истории, вопреки которому патриотизм, мужество, любовь, уважение сохраняются и преодолевают испытания»⁸. В огромном потоке информации современного (информационного) общества необходимо уметь разбираться, постигать суть изучаемых явлений.

С другой стороны, ряд современных авторов считает, что «должен быть сформирован некий сакральный мифологический уровень восприятия прошлого, через который формируются положительные примеры» (достаточно вспомнить периодически возрождающуюся дискуссию о «28-ми панфиловцах»).

И только «на следующем уровне, когда сформировалась гражданская позиция, когда осуществился выбор определенной ценностной платформы, учащийся уже начинает разбираться в деталях, как все происходило на самом деле. Он начинает уточнять, но уточняет, уже исходя из того, что ценностная позиция, в том числе за счет мифа, сформирована»⁹.

Собственно, и классические исследования мифов указывают на миф как на реальность. Со-

гласно определению А. Ф. Лосева, миф — это необходимая «категория сознания и бытия» в целом, «жизненно ощущаемая и творимая вещественная реальность», «реально, вещественно и чувственно творимая действительность», отрешенная «от обычного хода явлений»¹⁰.

Но просто ли использовать этот материал? Как эти «символические фигуры» воспринимаются участниками процесса обучения и воспитания?

Остается открытым вопрос, насколько сами учителя имеют представление о том, что религиозный текст не нужно воспринимать буквально.

Давно известно, что с точки зрения исторической науки материал этот не однозначный. Достаточно вспомнить работу В. О. Ключевского «Древнерусские жития святых как исторический источник»¹¹.

Современные авторы также указывают на специфику жанра «житий» и «повестей». «В сущности, каждое житие воссоздает не столько реальный образ человека, сколько идеал святости в том или ином его конкретном облици. Смысл житийной литературы в том, чтобы показать читателю не правду жизни со всеми ее противоречиями, достоинствами и недостатками, а в том, чтобы помочь читателю увидеть в реальном воплощении идеального»¹².

На эту исходную «идеализацию» накладывается и современная специфика. А. Буза отмечает, что оперирование приукрашенными и стереотипными версиями прошлого часто обслуживает очевидные коммерческие интересы: «Привлечение туристов и удовлетворение спроса на ностальгию — в ущерб исторической объективности»¹³.

Учитывая все вышеизложенное, я заинтересовался, насколько «историко-мифологический флер» оказывает влияние на восприятие и оценки поступков этих персонажей нашими современниками?

Пытаясь получить ответит, я провел опрос «Как вы оцените поступки этих людей?» в группах студентов отделения среднего специального образования Муромского филиала МПСУ. В опросе участвовало 48 человек.

На первом этапе учащимся было предложено оценить ситуации, описанные в житиях, но современные мной, без привязки к конкретным историческим образам. Оценка выставлялась

по шкале: +3 (очень хорошо), +2, +1, 0, -1, -2, -3 (очень плохо).

Для оценки были предложены следующие тексты:

1. «Медицинский работник»

К медсестре, живущей в деревне, попадает богатый предприниматель с хроническим заболеванием. Медсестра определяет, в чем причина болезни и находит способ вылечить молодого человека, но берется за дело только при условии, что он женится на ней и заберет в город.

2. «Чиновник»

Крупный чиновник едет руководить непокойным регионом, откуда не так давно выгнали его предшественника. За некоторое время до своего прибытия чиновник посылает вперед своего несовершеннолетнего сына, которого убивает местный криминал.

3. «Солдат»

Молодой человек более 25-ти лет жил с родителями в деревне и активно помогал им по хозяйству. Затем уехал в столицу и записался на военную службу. После нескольких лет участия в активных боевых действиях он ушел в монастырь и там умер.

На втором этапе учащиеся оценивают поступки муромских святых (кн. Февронии, кн. Константина и Ильи Муромца), описанные в житиях.

Сравнение результатов показало (как и ожидалось), что оценки поступков святых оказались скорее положительными. «Осовремененные» поступки большинство опрошенных оценили скорее отрицательно.

Положительную коррекцию можно видеть в таблице 1-3.

Таблица 1

	-3	-2	-1	0	+1	+2	+3
Феврония	3	0	0	4	7	3	20
Медсестра	16	7	6	11	3	2	1

Таблица 2

	-3	-2	-1	0	+1	+2	+3
Константин	9	4	4	4	6	5	7
Чиновник	23	7	3	8	2	0	1

Таблица 3

	-3	-2	-1	0	+1	+2	+3
Илья Муромец	0	0	0	2	0	7	29
Солдат	2	3	4	24	4	7	1

Так работает миф.

Возвращаясь к вопросу о воспитании и образовании подрастающего поколения на образах «символических фигур», следует сказать, что материал этот не однозначный, но работа с ним возможна. Естественно, здесь надо вести разговор о мировоззрении людей средневековья, о многослойности и исторической обусловленности сюжетных линий жизнеописаний муромских святых. Надо учить студентов оценивать исторические эпохи с позиции тех ценностей, которые были ядром исследуемой эпохи.

Религиозный текст часто построен по законам мифа, а миф, как правило, аллегоричен, а, значит, он интерпретационен, и необходим ключ к дешифровке соответствующего мифа¹⁴.

Например, говоря о Повести о Петре и Февронии, следует обратить внимание на то, что это рассказ не только и не столько о том, как вышла замуж Феврония, сколько повествование о «рождении нового человека» — святого благоверного князя Петра. Как пишет Н. С. Демкова, «развитие сюжета повести — это ступени, этапы постепенного нравственного прозрения Петра, уходящего из мира земных страстей в мир вечных истин»¹⁵.

В конечном счете, работая с учащимися, важно акцентировать понимание ценности каждой личности. Обращение к истории должно быть направлено на поиск нравственного решения, стимулирование нравственной самооценки. Дело ученика — попытаться понять суть происшедшего в прошлом и сделать для себя вывод — подходит ли ему этот образец поведения. Наш опрос в какой-то степени позволяет диагностировать первоначальное отношение человека к факту, историческому событию, а затем проследить динамику изменений по мере углубления в материал.

Таким образом, наше исследование подтвердило сложность восприятия текстов, связанных с фигурами средневековых святых. Современные представления о добре и зле входят в диссонанс с канвой средневековых текстов, но при правильной работе со смыслами этот материал можно использовать для синтеза культурно-приемлемого «современного мифа». При этом ученик выступает не в роли пассивного слушателя, а в роли непосредственного участника самого процесса. И, прежде всего, это должен быть процесс поиска и осмысленного усвоения.

¹ Лотман Ю. М. Семиосфера. — СПб., 2000. — С. 673.

² Гурьянов И. Г. Городская память как метафора и как область исследований // [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://articult.rshu.ru/articult-17-1-2015/i-g-guryanov-urban-memory-as-a-metaphor-and-as-a-field-of-study.php>.

³ Ассман Я. Культурная память. Письмо, память о прошлом, и политическая идентичность в высоких культурах древности. — М., 2004. — С. 54.

⁴ Ставицкий А. В. Миф традиционный и современный // [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://magru.net/pubs/3633/Mif_traditsionnyu_i_sovremennyyu#2.

⁵ [Электронный ресурс]. — Режим доступа: https://snob.ru/profile/20736/blog/95004#comment_789923.

⁶ [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://pnt.rusrand.ru/tv/meaning/mif>.

⁷ [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://www.prosvetcentr.ru/Ask_to/article/articl.php?id_article=110&id_page=30&id_site=1.

⁸ Ярома О. В. Воспитание нравственной культуры учащихся

на уроках истории // [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://pedagog.pspu.ru/conference/novoselova/digest/section-4/194-vospitanie-nravstvennoj-kultury-uchashchikhsya-na-urokakh-istorii>.

⁹ [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://rusrand.ru/tv/meaning/mif>.

¹⁰ Лосев А. Ф. Самое само. — М., 1999. — С. 269.

¹¹ См.: Ключевский В. О. Древнерусские жития святых как исторический источник. — М., 1871.

¹² Тимофеева Т., Федоров С. «Житие Петра и Февронии Муромских»: от горизонтов читательских ожиданий к прозвездению // Литература. — 2006. — № 6.

¹³ См.: Гурьянов И. Г. Указ. соч.

¹⁴ См.: Гуревич А. Вдохнуть в историю душу: лекция о средневековой культуре // Лицейское и гимназическое. — 1999. — № 6.

¹⁵ Демкова Н. С. Средневековая русская литература: Поэтика, интерпретация, источники. — СПб., 1997. — С. 83.

С. Ю. Шокарев (Москва)

ИНОГОРОДНИЕ ЖИТЕЛИ МОСКВЫ В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XVII ВЕКА

Рост численности жителей Москвы за счет приезжих — один из постоянных факторов развития города. Он является неизменным, по крайней мере, со второй половины XIX в. и до настоящего времени, о чем свидетельствуют данные демографической статистики.

Сведения об иногородних переселенцах в Москву в более раннее время документированы гораздо хуже. Известно о переселениях Иваном III новгородцев в Москву, а Василием III — псковичей. Память об этих переселениях сохранилась в московской топонимике. Так, название улицы Лубянка и Лубянской площади москвоведы связывают с топонимом «Лубяница» — улица в Новгороде, — который мог быть перенесен в Москву новгородцами после переселения в 1482 г.¹ После завоевания Пскова в 1510 г. в Москву были поселены (согласно псковской летописи) 300 семей псковичей, «бояр псковских, и купцов, и лучших людей». С этим переселением принято связывать название Псковской горы в Китай-городе (Великом посаде)².

При Иване Грозном также осуществлялись масштабные переселения, «своды». В Москву переселяли купцов и ремесленников из Новгорода, Твери, Переяславля-Залесского, Торжка, Пскова, Мурома, с Двины и Белоозера и других городов. В результате этого привилегированный слой провинциального купечества перестал существовать³. Переселения охватили сотни семей. Только из Новгорода было выселено 60 семей с опричной Торговой стороны и 40 семей — с Софийской, земской⁴.

Восстановление Москвы после Смутного времени тоже, казалось бы, должно было сопровождаться массовыми переселениями в столицу иногородних жителей. Во всяком случае, по мнению П. В. Сытина, уже в 1620-е гг. был заново заселен весь Белый город, а к 1635 г. и Земляной (Деревянный). Царский указ от 4 марта 1635 г. запрещал раздавать в пределах Земляного города землю под «огороды», следовательно, она нужна была под дворы⁵.

Однако о массовых переселениях иногородних жителей Москву в этот период ничего не известно, а источников, которые можно было бы привлечь для изучения вопроса о происхождении москвичей, крайне мало. Точнее — это всего один источник: росписной список города Москвы 1638 г. Но прежде, чем рассмотреть его, обратимся к другим переписям Москвы первой половины XVII в. Наиболее ранняя из них относится к 1620 г. Начало документа не сохранилось, и поэтому не вполне ясно, зачем он был составлен. В переписи 1620 г. описана восточная часть Белого города — от Рождественки до Воронцова поля⁶. Переписи 1626 и 1629 гг. были составлены после пожара для регулировки ширины улиц и переулков. Первая охватывает Кремль и Китай-город, вторая — территорию от Чертольа до Тверской улицы⁷. В 1638/1639 гг. была создана писцовая книга, выпись из которой, составленная около 1665 г. и охватывающая дворы в Земляном городе «меж Тверских и Никитских ворот», опубликована в недавнее время Б. Н. Морозовым⁸.

Все эти переписи учитывают дворы и, соответственно, называют имена только дворовладельцев. Это любопытный источник для биографики⁹, генеалогии и антропонимики, изучения истории ремесла, топографии и топонимики Москвы и пр., но ответов на интересующие нас вопросы он не дает. Среди дворовладельцев встречаются иноземцы (прежде всего, «немцы»), но почти нет иногородних жителей. Единственное исключение составляет писцовая книга 1638/1639 гг. Здесь, учтен 331 двор, из которых пять принадлежало иногородним жителям. Упоминаются калужанин, два смолянина, зубчанин и вологжанин¹⁰.

Росписной список города Москвы 1638 года предоставляет гораздо больше возможностей, поскольку учитывает не только дворовладельцев, но и жителей. Он был составлен с тем, чтобы учесть военный потенциал горожан. Перепись упоминает жителей дворов с тем оружием, с которым они могли выступить в случае вражеского нападения. Каждый из дворовладельцев или жи-

телей назывался по имени и фамилии, указывались его социальный статус, род занятий. В результате мы имеем довольно подробное описание социального облика горожан, выполненное по топографическому принципу — перепись включает в себя Китай-город, Белый город и значительную часть Земляного города. К сожалению, ни начало, ни конец документа не сохранились. Тем не менее, эта перепись содержит богатый материал для комплексного изучения населения Москвы, пока еще не использованный в должной мере.

Роспись 1638 г. публиковалась дважды. В 1881 г. она была издана Московской городской думой (по списку, предоставленному известным москвоведом А. А. Мартыновым), а в 1911 г. издана еще раз архивистом И. С. Беляевым, который указал на ошибки и неточности первого издания¹¹. И. С. Беляев исследовал этот источник и отметил его уникальность (разнообразие ремесленных специальностей, подробная топография города, отражение военного потенциала москвичей и др.) и представительность. Росписной список охватывает основную территорию Москвы, хотя, к сожалению, не всю. Не описаны Кремль (начало документа отсутствует) и большая часть Замоскворечья (за исключением Садовнической и Кузнецкой слобод). Согласно подсчетам И. С. Беляева, в росписном списке учтено 7672 двора, на которых проживали 10 787 взрослых мужчин¹². Это — самый значимый объем данных по москвичам в первой половине XVII в., хотя, вероятно, не полный (в том числе из-за имевшихся в документе лакун).

Такой объем данных позволяет отслеживать общие процессы и делать убедительные выводы. Например, И. С. Беляев выявил 236 профессий и специальностей (в основном, ремесленных) и установил численное распределение разных специалистов¹³. Еще ждет своего часа изучение сословной структуры московского населения по данным этой переписи, а также выявление особенностей социальной топографии.

При рассмотрении сведений об иногородних жителях Москвы бросается в глаза, прежде всего, их малочисленность. Всего по данным росписного списка иногородних выявлено 143 человека или 1,3 % от общего числа учтенных москвичей. При этом «немцев» и «иноземцев»,

т. е. выходцев из Западной Европы, упоминается вдвое больше.

Среди иногородних встречаются жители 42 городов. Более всего жителей Ярославля (29 или 20,2 %) ¹⁴, затем идут Кострома (16 или 11,1 %) ¹⁵, Смоленск (13 или 9 %) ¹⁶, Галич (7 или 4,8 %) ¹⁷, Арзамас (5 или 7,1 %) ¹⁸ и Нижний Новгород (5 или 7,1 %) ¹⁹. Остальные города (Новгород, Рязань, Владимир, Калуга, Коломна, Вологда, Белоозеро, Ржев и др.) — от 4 и до 1. Среди них также и Муром, из которого упоминаются всего 3 человека (2,1 %) ²⁰. Таким образом, почти половина иногородних жителей Москвы была представлена небольшими группами из 36 разных городов. В основном, это города Центральной России и Европейского Севера; с территорий восточнее Нижнего Новгорода никого нет. Упомянуто много татар, но ни одного казанца. Правда, записан один яицкий казак — дворовладелец в восточной части Белого города ²¹.

Не вполне ясно, учитывать ли казаков как иногородних. Всего в росписном списке упоминаются 16 казаков ²². Два из них из Белоозера и Путивля, еще один — с Яика. Остальные непонятного происхождения. Скорее всего, в данном случае термин «казак» — это обозначение статуса, а не происхождения. Не случайно среди них встречаются казаки поместные, служилые, беломестные и даже один «наемный казак» — татарин(!) Гришка Иванов сын ²³. Естественно, эти казаки могли быть и выходцами, допустим, с Дона, но источник об этом не сообщает.

В географии иногородних москвичей лидируют северные города (Ярославль, Кострома, Галич, Вологда, Белоозеро, Каргополь, Корела и др.), составляя 48 % от общего числа.

По социальному составу эта группа распределяется следующим образом: 44 (30 %) дети боярские и другие служилые люди по отчеству, 25 (17 %) ремесленники, 6 (4 %) торговые люди, 33 (23 %) статус или профессия неизвестны, 35 (26 %) — все остальные. В последней категории — площадной подьячий (по происхождению ладожанин) ²⁴, кабацкий откупщик ²⁵, поп ²⁶, «гулящие люди» ²⁷ и др. Три муромца представляют разные социальные категории и профессии. Это — пушкарь Игнашка Маковеев (любопытна фамилия, образованная от библейской династии), торговый

человек Гостиной сотни Измайло Саввин сын Дубенский и дьякон Иван Иванов²⁸. Любопытно, что все они жили рядом — в юго-восточной части Китай-города. Скорее всего, это совпадение. Вообще никаких следов компактного расселения в Москве выходцев из того или иного города не прослеживается, хотя хорошо фиксируются несколько районов, заселенных «немцами».

Таким образом, основную массу иногородних жителей Москвы составляют дворяне. В этом отношении их наименование «костромитин», «серпянин» и пр. может обозначать не город, а принадлежность к городской (уездной) корпорации. Это, правда, не исключает, что у них могли быть и дворы в уездных центрах. Возможно, большинство из служилых людей-иногородцев находилось в Москве по делам службы и не собирались вливаться в состав московского населения. Это вплотную подводит нас к проблеме малочисленности «приезжих» в росписи 1638 г. (что отмечает и выпись из переписной книги 1638/1639 г.). Насколько же репрезентативны эти результаты?

Попытаться проверить полноту сведений можно, сравнивая данные росписного списка 1638 г. с иногородними членами привилегированных купеческих корпораций. В исследовании, посвященном привилегированным купеческим корпорациям, Н. Б. Голикова перечисляет 7 гостей и 9 членов Гостиной сотни, которые были переведены в Москву из других городов (Ярославль, Галич, Вязьма, Ростов, Балахна, Соликамск, Устюжна) и могли владеть дворами или жить в столице в 1638 г.²⁹ Из них только один(!) — Третьяк Юрьевич Лыткин — в росписном списке указан как ярославец, но при этом не обозначен как гость³⁰. Двое (Надея Андреевич Светешников

и Назарий Иванович Чистый) также упомянуты в росписном списке; первый — как гость, второй — как дьяк (до 1631 г. был гостем)³¹. Они оба были ярославцами, но в росписном списке об этом не сказано. Остальные 13 иногородних купцов, зачисленных при царе Михаиле Федоровиче в число гостей и в Гостиную сотню, вообще не упоминаются в росписном списке 1638 г.

Очевидно, что и сам росписной список, и его сведения не полны. Но, полагаю, что общие тенденции этот источник отражает верно.

В первую очередь, это касается географического распределения иногородних. Так, тесная связь Ярославля с Москвой и значительная роль ярославских выходцев в экономической и культурной жизни столицы XVIII — начала XX вв. отмечена Я. Е. Смирновым³². Известна значительная роль выходцев из Ярославля, Костромы, Вологды в созидании и украшении храмов в Москве.

Сложнее судить об общем количестве иногородних в Москве первой половины XVII в. Сколько их утаили росписной список и переписи того времени — понять невозможно. Однако создается впечатление, что иногородних в Москве XVII века было на порядок меньше, чем в Москве XIX-XX вв. и даже второй половины XVIII в. Вероятно, правительство не очень поощряло переселения иногородних в Москву, предпочитая собирать налоги с посадских по месту их «прописки», т. е. фиксации в переписных книгах. С этим связан плавный рост численности москвичей в XVII в. (по примерным оценкам от 100 тыс. в начале XVII в. до 200 тыс. в конце столетия), который сильно отличается от бурного роста в XIX-XX вв. (с 250 тыс. до 1 175 000 за XIX в., и до 10 млн. в конце XX в.).

¹ Сытин П. В. Из истории московских улиц. — М., 1958. — С. 132.

² Романюк С. К. Москва. Китай-город: Путеводитель. — М., 2007. — С. 264.

³ Флоря Б. Н. Привилегированный слой купечества и городская община в Русском государстве (вторая половина XV — начало XVII в.) // История СССР. — 1977. — № 5. — С. 153-155; Горсей Д. Записки о России. XVI — начало XVII вв. — М., 1990. — С. 59; Хорошкевич А. Л. Мегалополис Средневековья // История Москвы. XII-XVII века. — М., 1997. — Т. I. — С. 106-110.

⁴ Новгородские летописи. — СПб., 1879. — С. 110-111.

⁵ Сытин П. В. История застройки и планировки Москвы.

Материалы и исследования. 1147-1762 гг. — М., 1950. — Т. 1. — С. 82, 93.

⁶ Переписи московских дворов XVII столетия. — М., 1896. — С. 1-72.

⁷ Переписные книги г. Москвы. — М., 1881. — Т. 1. — С. 1-15; Из истории Москвы (Опись г. Москвы после пожара 10 апреля 1629 г.) // Красный архив. — 1940. — № 4 (101). — С. 200-228.

⁸ Выпись из писцовой книги 1638/1639 г. письма и меры Петра Чихачева и Романа Булыгина о дворовых владениях в «Земляном городе меж Тверских и Никитских ворот» // Романов М. Ю. Московская Бронная слобода в XVII веке. История и люди. — М., 2010. — С. 92-123.

- ⁹ Шокарев С. Ю. Переписи московских дворов XVII в. как источник для изучения биографий деятелей Смутного времени // Смутное время в России в начале XVII века: поиски выхода. К 400-летию «Совета всея земли» в Ярославле. Материалы Международной научной конференции (Ярославль, 6-9 июня 2012 года). – М., 2012. – С. 318-323.
- ¹⁰ Выпись из писцовой книги 1638/1639 г. письма и меры Петра Чихачева и Романа Булыгина о дворовых владениях... – С. 96, 101, 104, 108, 114.
- ¹¹ Переписная книга г. Москвы 1638 г. – М., 1881; Росписной список города Москвы 1638 г. // Труды Московского отдела Императорского Русского военно-исторического общества. – М., 1911. – Т. 1.
- ¹² Росписной список... – С. XV.
- ¹³ Там же. – С. XVII-XXIII.
- ¹⁴ Там же. – С. 3, 6, 9, 10, 11, 20, 25, 58, 67, 80, 83, 94, 95, 112, 141, 149-151, 221, 223, 225, 256.
- ¹⁵ Там же. – С. 5, 7, 17, 34, 39, 87, 88, 123, 160, 179, 257.
- ¹⁶ Там же. – С. 28, 32—35, 195, 203.
- ¹⁷ Там же. – С. 22, 36, 52, 87, 149, 211.
- ¹⁸ Там же. – С. 6, 141, 250.
- ¹⁹ Там же. – С. 10, 85, 125, 131.
- ²⁰ Там же. – С. 4, 7.
- ²¹ Там же. – С. 147.
- ²² Там же. – С. 7, 63, 129, 143, 145, 147, 179, 189, 203, 244-247.
- ²³ Там же. – С. 147.
- ²⁴ Там же. – С. 152. Случай довольно редкий – чтобы стать площадным подьячим в Москве, ладожанину Федьке надо было обладать какими-то особенными способностями; известно, что именно в Москву ездили учиться хорошему письму.
- ²⁵ Там же. – С. 211.
- ²⁶ Там же. – С. 155.
- ²⁷ Там же. – С. 80, 81, 95.
- ²⁸ Там же. – С. 5, 7.
- ²⁹ Голикова Н. Б. Привилегированные купеческие корпорации России XVI – первой четверти XVIII в. – М., 1998. – Т. 1. – С. 87, 88, 238, 255, 290, 291.
- ³⁰ Росписной список... – С. 112.
- ³¹ Там же. – С. 16, 105.
- ³² Смирнов Я. Е. Жизнь и приключения ярославцев в обеих столицах Российской империи. – СПб., 2010.

М. А. Казанкова, Т. А. Лаптева (Москва)

ГОРОД МУРОМ И ЕГО ЖИТЕЛИ В ПЕРВОЙ ТРЕТИ XVIII В.

(ПО МАТЕРИАЛАМ КРЕПОСТНЫХ КНИГ МУРОМА И МУРОМСКОГО УЕЗДА)

Крепостные книги представляют собой учетные записи различных сделок, облагавшихся пошлинами. Эти книги в настоящее время хранятся в Российском государственном архиве древних актов. Как правило, они велись в крепостных конторах различных городов, охватывая сделки города и уезда на протяжении почти всего XVIII в. По Мурому сохранилась 71 книга с 1714 по 1778 г. Сюда входят как подлинники книг с подписями участников сделок, так и их более краткие копии — «книги перечневые, в которых записаны крепости перечнем». Каждая сделка учитывалась под отдельным номером с указанием даты. При этом указывались свидетели или поручители, а также взятые пошлины. Объем книг невелик — от 200 до 30-40 листов. Крепостные книги являются ценным источником по истории города, прежде всего торгово-промышленного населения, а именно посадских людей и их повседневной жизни. Отражают они и историю дворянства Муромского уезда, хотя и не в таком полном объеме.

Сделки касались, прежде всего, имущества и собственности, первое место по количеству записей занимали в начале XVIII в. различные заемные письма. Количество занимаемых денег составляло, как правило, не более нескольких десятков рублей, а время займа — не более одного года. Отдачу денег гарантировали несколько поручителей, либо в качестве залога фигурировал двор, лавки или другое имущество заемщика. Из этих записей становится ясно, кто из посадских людей располагал в это время значительным свободным капиталом. Кроме того, в случае залога имущества данная запись становилась источником для установления планировки города, расположения домов, топонимики и проч. Так, например, 28 января 1719 г. «муромец посадской человек Родион Васильев сын Гундобин занял у муромца посадского человека у Ивана Михайлова сына Крюкова денег четыре рубли, заплатить на срок июля в 20 день сего ж году. А в тех деньгах заложил

двор свой в Муроме на посаде в приходе церкви Илии Пророка подле двора муромца посадского человека¹ Авдея Костянтинова с хоромным строением и усадьбою»². Иногда займы совершались «вопче» — несколько человек занимали деньги, в первую очередь для уплаты налогов или пошлин, у одного лица. В начале XVIII в. этими лицами нередко выступали крестьяне вотчины кн. А. М. Черкасского — села Карачарова. 20 января того же 1719 г. «муромцы посадские люди Иван Серпуховитинов, Иван Трусов, Семен Королев, Михайла Обросимов, Матвей Елин, Володимер Сосульников, Алексей Цыбузгин, Василей Гуриков, Федосей Гундобин, Иван Онтонов сын Елин, Максим Лазарев, Иван Норовлев, Василей Кульпин, Яков Иванов сын Гундобин, Семен Везниковцев, Никифор Некипелов, Гаврила Шуленинов заняли все вопче в Муроме Муромского уезду вотчины ближнего стольника князь Алексея Михайловича Черкасского села Карачарова у крестьянки ево вдовы Марьи Трофимовой дочери Андреевской жены Горшкова сто пять рублей денег, заплатить на срок июня в 1 день сего ж году. Поручкою муромцы посадские люди Дмитрий да Никифор Мяздриковы, Григорей Хмелев, Михайла Рукавишников, Иван Большой Крюков, Григорей да Иван Эворыкины, Иван Неустроев, Матвей Смольянинов. Свидетели муромцы посадские люди Андрей Синев, Павел Ширшиков, Афонасей Лихонин, Степан Елин»³. К этой записи заимщики и поручители сами приложили руки, что свидетельствует о широком распространении грамотности среди посадских людей Муромы. Сумма займа в этом случае также исключительно большая — 105 рублей.

Иногда в качестве заложника при займе денег выступал сын или другой родственник должника. В феврале 1720 г. крестьянин дворцовой волости села Меленок занял у посадского человека Павла Жадина 10 рублей, «а в тех деньгах заложил сына своего родного Ивана Терентьева, покамест те деньги заплачу, жить у него, Павла, в доме

ево сыну моему Ивану и всякая работа работать, а не заплатя тех денег, з двора не сойти».⁴ Любопытно, что в мае 1721 г. записан и заем нищего Нищенской слободки (была в Муроме и такая) на год в 3 рубля 10 алтын с закладом своего двора с дворовым строением и городьбой⁵.

Второе место в крепостных книгах занимают записи о продаже имущества, главным образом дворов «с дворовым и хоромным строением». Иногда это очень краткие записи, позже они становятся более подробными, описываются строения и земля во дворе, соседние дворы «в межах», размеры дворового участка, улицы и путь к продаваемому двору. Эти записи также являются бесценным источником по топонимике и планировке города. Так, 7 мая 1719 г. «муромец посадцкой человек Никифор Васильев сын Макаров продал в Муроме на посаде в Мошенцовой улице, идучи от церкви Спаса Нерукотворенного образа к Теленкову перехрестку на правой стороне на углу двор свой с дворовым хоромным строением и з дворовою и огородною усадьбою муромцу посадцкому человеку Петру Сидорову сыну Гундобину, в межах тот двор подле двора и огорода Муромского Спасского монастыря звонаря Дмитрия Оксенова, другою стороною к улице за дом огородная усадьба к огородной же усадьбе Назара Милованова»⁶. Часто при продаже двора оговаривалось право продавца жить в нем до смерти. Так, 4 июня 1720 г. «муромец посадцкой человек Савва Ефимов сын Маслеников продал в Муроме на посаде двор свой с хоромным строением и з дворовою и огородною усадьбами, идучи от церкви Николая чудотворца Можайского к Спасскому монастырю, на правой стороне в межах тот двор и огородная усадьба подле Муромца посадцкого человека Ивана Михайлова сына Портнова, по другую сторону Григорья Мокеева, за дом та огородная усадьба пришла к усадьбе ж Якову Гундобину, муромцу посадцкому человеку Григорью Мокееву сыну Коломину и жене ево и детем ввек бесповоротно и без выкупу. А взял за тот двор... шесть рублей. Да на том же дворе поставить ему, Савелью, избу и с сенми и жить и з женою своею по смерть свою»⁷.

Несколько реже продавались огородные места на посаде и доли дворов и дворовых усадеб. Цена за дворы, как правило, не превышала нескольких

десятков рублей. Продажные записи составлялись и на лавки и лавочные места, местонахождение которых также можно примерно определить.

В книгах фиксировались и отдачи на откуп определенных промыслов, в том числе рыбных, подряды на строительство зданий и церквей⁸. Поручителями в этих случаях выступали также муромцы посадские люди. Интересна запись от 2 ноября 1714 г. о мене образа Николая Чудотворца: «Муромец посадцкой человек Андрей Бибин променил образ Николая Чудотворца Можайского в окладе муромцу Никите Суздольцеву, промены взял рубль»⁹. Когда речь шла об иконе, люди того времени избегали термина «продажа».

Очень подробными были сговорные записи, перечисляющие приданое невесты. Из них можно многое узнать об одежде муромцев, праздничной и повседневной, украшениях, предметах быта. Первое место в таких записях занимают иконы. Например, 15 января 1719 г. «вдова Ирина Семенова дочь села Лазарева дьячка Михайловская жена Попова зговорила замуж за муромца посадцкого человека за Ивана Федорова сына Крячкова. А с собою берет Божие милосердие образ Воскресения Господня на красках, образ Пресвятыя Богородицы Корсунские в окладе серебряном, образ святыя мученицы Праскевы в окладе ж, да приданого: чепочка серебряная с крестами, трои серьги серебряные, в том числе двои з жемчюги, пять персней серебряных, кокошник низан жемчюгом по объяри, два кокошника луданных з галунцом золотных, шуба луданная красная холодная с огоньки бобровыми, шуба китайчетая на заечьем меху с пухом, холодник китайчетой, два холодника кумашных, крышка шековая, да кисея покрывальная, три улья со пчелами, корова, четыре овцы, постеля, перина, зголовье и с подушками, адеяло баранье. И всего приданого по цене на дватцать на пять рублей... Вместо Ирины руку приложил отец ея родной монах Сергей»¹⁰. Сговорные записи составлялись и от имени отца жениха. 30 декабря 1719 г. «муромец посадцкой человек Алексей Жадин зговорил за сына своего Богом данова Луку Жадина женитца Муромскаго уезду вотчины ближнего стольника князя Алексея Михайловича Черкаскаго села Карачарова у крестьянина у Василья Краильникова племянницу ево родную девицу Пара-

скеву Петрову дочь. А благословение за нею емлю образ Рожества Христова на краске. А взять мне, Алексею, ея, девицу Параскеву, на срок февраля в 25 день 720-м году. А жить ему, Луке, со мною, Алексеем, в одном доме. А буду ему, Луке, со мною, Алексеем, сладу не будет, и мне, Алексею, дать ему, Луке, полдвора и хоромного строения и усадьбы дворовой и огородной половину. Свидетель муромец посадкой человек Дмитрей Андроников. А у зговорной росписи они, Алексей и Василей, сами руки приложили». Как видно из этой записи, посадские люди не считали зазорным родниться с крестьянами, а именно с крестьянами села Карачарова. Впрочем, возможно, в данном случае речь идет о пасынке Алексея Жадина («Богом данный»).

Не менее подробными были и записи духовных грамот, где перечислялся состав семьи, имущество главы рода, иногда упоминалось о семейных событиях. 24 марта 1719 г. дворянин «Дмитрей Семенов сын Языков, отходя сего света, написал духовную в целом своем уме, приказывает по душе своей строить и поминать и во всем управлять Муромского уезду села Троицкого Калычева отцу своему духовному николаевскому попу Гавриле Семенову, да жене своей Аксиные, да дочери своей меньшей девице Марье, и наследницею оставляет в доме своем дочь свою меньшую Марью, и благословил ея Божиим милосердием и домом и помещьем в Муромского уезде в Кудемском стану в сельце Покровском по даче и по писцовым книгам, что дано отцу ево и ему, Дмитрею, с лесы и с санными покосы и со всеми угоды и с хлебом и скотиною и со всем домовым заводом, да дворовых старинных людей отца ево Дмитриева Федора Петрова з женою и з детьми. А большую дочь свою Алену отдал замуж с приданным платьем и дал за нею семью людей, Михайла Андреева з женою. А жене ево Оксинье / по указу великого государя четвертой жеребей. И по сей духовной быть непременно»¹¹. Среди записей духовных муромского дворянства находится весьма любопытная запись завещательного письма с упоминанием об исполнении завещателем указа о единонаследии 1714 г.: «Федор Иванов сын Кровков своим завещательным письмом отсылает на повелительной его царского величества указ, каков состоялся в прошлом 714-м году апреля

в 12 день, как показано при том указе во втором пункте. И по тому его царского величества указу с обещанием ево завещает бытии наследником в недвижимом своем имении сына своего Иллариона, а сына своего меньшого Петра завещает бытии в движимом своем имении, а сыну своему большому Луке дал часть равную, что и сыну своему Петру из движимого своего имения при себе. А душу свою приказывает поминать сыну своему Иллариону и погребсти тело свое, где соизволит его святая воля, и сие ево слезное завещание, да сохранит нерушимо. Понеже сие завещательное письмо писано с верным ево завещанием при свидетелях»¹².

Нередки были и отдельные записи при жизни родителей для нескольких детей. 30 октября 1719 г. «муромец посадкой человек Иван Норовлев розделил детей своих Федора, Прокофья, Ивана, а по розделу детей своих благословил лавку Федора и с лавочным местом в Мясном ряду, идучи от п[ривозу] на правой стороне, Прокофью в Мясном же ряду на левой стороне, а сыну Ивану наделил которая кабала брата ево, Федора, восьми рублех на него, Ивана, и тое кабалу выдать ему, Федору, брату своему Ивану. А их, детей своих Прокофья, Ивана, из дому своего, наделяя, совсем отпустил. А сына Федора оставил в доме у себя, в котором ныне я, Иван, живу, и ему, Федору, меня и жену мою поить и кормить по смерть нашу. А сыну Прокофью пустое место в Успенской улице Василья Рукавишникова, да ему ж, Прокофью, давать мне на год по пяти рублев. А жене моей после смерти моей владеть пустое место подле двора моего, которое было Гаврилы Капустина. А после смерти моей жить в дому моем сыну Федору»¹³.

Некоторые записи отмечают и особое социальное положение, и социальный статус отдельных посадских людей. Так, например, посадский человек Иван Стулов назван человеком именитых людей А. Г. Строганова с братьями и именно в этом статусе получил два подряда на выделку кож у крестьянина вотчины В. Ф. Салтыкова Саввы Спиридонова¹⁴. Изготовлением кож должны были заниматься работные люди Стулова.

Особую группу представляют собой наемные записи на работу на судах. На судно или несколько судов нанимались кормщик, водолив и работные

люди (несколько десятков человек) для отвоза грузов или пустых судов для погрузки на них товаров в другом месте. Работодателем выступал либо посадский человек города Мурома, либо иногородние купцы, иногда москвичи. Заработная плата кормщиков и водоливов не превышала 6-7, работных людей — 5-6 рублей. Суда (струги, завозни, паузки) ходили до Нижнего и далее вниз по Волге, по Каме, по реке Теше, также вверх Волгой, Окой и Москвой рекою. Перевозили хлеб, живую рыбу, лубье, вино и другие товары. Судовые работники обязывались «идучи... вверх Волгою и Окою реками, стоять по городам по трои сутки, а в Нижнем по пятеры сутки, а идучи на той завозне нам... с костей и с мелей сыматца и с рычагами в воду лазить и на мелях перетиратца, также по паузки ходить вверх и на низ верст по дватцати и больши, также на той завозне зерню и карты не играть и заповедным таваром не торговать и с воровскими людьми не знатца и пократчи, не збежать Порокою мы, работные люди, друг по друге за един человек»¹⁵. Подобные договоры заключались обычно в мае или июне. В мае 1721 г. муромские посадские люди нанимались также «на Муромской перевоз, что на Оке реке, всякую работу работать на пороме, и в завознях, и в лотках, и перевозить в тех судах великого государя денежную казну и всяких великого государя посланных людей и проезжих денно и ночью без оstonовки и быть у того перевозу безотходно с нынешнего семьсот двадесят первого году мая / с первого числа до зимняго пути, как Ока река станет. А редили себе за работу по четыре рубли человеку. Также смотреть мне, Петру Тогунову с товарищи, чтоб в пороме и в завознях и в лотка воды отнюдь не было, а буде в котором судне явитца вода, и в том судне перевозить. А из тех вышеписанных судов нам, работным людем, воду выливать и те суда починивать, также и мостки делать, где надлежит... А в перевозе великого государя денежные казны и всяких государевых посланных и проезжих людей чинить нам, работным людем, всякое охранение, чтоб неусмотрением нашим не учинилось какой гибели и траты»¹⁶. Нанимателем выступал работник подьячего муромской приказной канцелярии А. А. Герасимова И. В. Панов. Посадские люди нанимались и друг к другу, и к другим муромцам

на работу за деньги. В июне 1721 г. Григорий и Яков Гладковы нанялись на работу к Федору Названову на год за 12 рублей (по 6 руб. человеку). Поручителем выступил их отец, Козьма Матвеев сын Гладков¹⁷.

Крепостные книги дают представление о том, какие общегосударственные работы исполняли жители Мурома. Например, они должны были направить представителей от Мурома на строительство оборонительной линии от Царицына до Паншина: «По указу повелено быть с муромского посаду для окончания зачатой линии ис крепостей меж Царицына и Паншина на шесть месяцев». На эту кузнечную работу земские бурмистры наняли касимовца Алексея Шанина с сыном Ивановом¹⁸. Из этих же записей можно извлечь сведения о местном самоуправлении, имена людей, которые управляли городом Муромом в то время. Отсюда же можно узнать об изменениях в административной принадлежности Мурома, появлении новых учреждений и должностей, например, должности «крепостных дел надсмотрщика».

В начале 1730-х гг. характер записей в крепостных книгах меняется. Денежные займы уже не на первом месте, складывается впечатление об общем сокращении денежных накоплений и капитала, на первое место выходят сделки, связанные с арендой земли и извлечением дохода из помещичьих усадеб. Преобладают выводные грамоты о выдаче замуж крестьянских девок с уплатой выводного, записи о продаже крепостных людей, сдаче в наем пахотной земли, сенных покосов, рыбных ловель, отдаче на откуп таможенных и кружечных, а также мельничных сборов. Покупателями крепостных и земель выступают богатые землевладельцы Муромского и других уездов. Это уже упоминавшийся выше князь А. М. Черкасский, именитый человек и заводчик Акинфей Никитич Демидов, генерал-майор Артемий Петрович Вольтинский и другие. Количество заемных денег увеличивается и достигает 100 рублей и больше. Появляются записи о коллективных займах на большие суммы для уплаты налогов, заимодавцами выступают богатые крестьяне, например, крестьянин села Карачарова Матвей Андреев сын Горшков.

Продают крепостных не только дворяне, но и посадские люди. Так, 9 марта 1731 г. муромец

посадский человек Никита Алексеев сын Суздальцев «продал крепостного своего дворового человека Лаврентья Тимофеева муромцу посацкому человеку Василью Якимову сыну Смольянинову и жене ево и детям в век безповоротного и без выкупа, а взял Никита у него, Василья, денег шесть рублей»¹⁹. 15 февраля 1734 г. «отставной прапорщик Федор Мартынов сын Поливкин, будучи в Муроме, продал из муромской своей вотчины из деревни Маланьина крепостную свою крестьянскую девку Марью Алексееву дочь муромцу посацкому человеку Павлу Яковлеву сыну Жадину и жене ево и детям в век безповоротного и без выкупа. А взял я, Федор, у него, Павла, денег три рубля»²⁰. Покупали людей и лица духовного звания. 23 мая 1732 г. «Муромского дистрикта земский писарь Александр Герасимов продал крепостного своего человека Ивана Афонасьева з женою и з детьми Акилиною Ивановою дочерью муромския соборныя церкви попу Павлу Иванову сыну Протопопову и жене ево и детям в век безповоротного и без выкупа»²¹. Формуляры купчих продажных грамот, в которых речь шла о продаже людей, почти ничем не отличались от формуляров грамот, относящихся к продаже недвижимости, земель, сенокосов и проч. Крепостные люди выступают и в качестве заклада. 24 декабря 1731 г. жена прапорщика М. И. Морева Наталья Васильева дочь «заняла в Муроме муромских крепостных дел у надсмотрщика Ивана Иванова сына Названова денег дватцать рублей, а заплатить мне... на Троицын день, а в тех заемных деньгах вместо поруки заложила я, Наталья, по приказу мужа своего... в селе Святцах крестьянина Ивана Иванова з женою ево и з детьми и со всеми ево крестьянскими всякими пожитки»²².

Учащаются записи о найме в домовую и посылочную работы, причем на целые десятилетия. 6 сентября 1731 г. «муромец посацкой человек Тихон Жадин занел в Муроме у муромца посацкого человека Якова Кушельникова денег двенатцать рублей, а за те займные деньги жить мне, Тихону, у него, Якова, в доме ево с вышеписанного сентября 6 числа 731 году до предбудущаго 742 году сентября по 6 число».²³ 6 мая 1732 г. записано обязательство посадского человека Ивана Ле-

онтьева сына Полякова: жить в доме Василья Тагунова десять лет и жениться на крепостной его девке Гликерии Дмитриевой дочери, через 10 лет уйти, взяв 5 руб. не бражничать, карты и зерню не играть, слушать хозяев, не украсть, не сбежать. Поручители: отец его Леонтий Поляков, дьякон, дьячек, канцелярист и другие лица.²⁴ Нанимались на работу и у родственников. Так, к 7 апреля 1731 г. относится наемная запись на посылочную и всякую работу на 5 лет посадского человека И. И. Крячкова к муромцу посадскому же человеку Дмитрию Яковлеву сыну Крячкову, на год по 50 копеек²⁵.

Реже встречаются записи об отпуске крепостных людей на волю. Например, 26 июня 1731 г. отставной капитан Максим Леонтьев сын Копнин отпустил «крепостную свою девку Прасковью Васильеву дочь на волю, где она похочет жить, пусть и живет». 10 ноября 1732 г. «маэор Иван Тимофеев сын Караулов отпустил дворовую свою крепостную девку Катерину Михайлову дочь из дому своего на волю и где она похочет жить с сею моею отпускою, и в том я, маэор, и жена моя и дети даем ей Катерине, позволение, а родственником моим и наследником и никому до нее, Екатерины, дела нет и не вступатца»²⁶.

Интересна запись о продаже в Муроме московского двора. Она относится к 4 ноября 1732 г.: «Пензенской помещик капитан Федот Степанов сын Дубасов, будучи в Муроме, продал муромскому камисару Осипу Иванову сыну Названову и жене ево и детям в век бесповоротного и без выкупа московской свой двор, которой имеется быть за Яузою в приходе церкви Николая Чудотворца, что словет в Котельниках, идущи от Строгонова двора в межах подле купецких людей Михаила Гаврилова, по другую сторону Степана Афонасьева, а длинник и поперешник по писцовой книге со всяким хоромных и дворовым и каменным строеньем и с выходом, а взял... денег сто рублей»²⁷.

Крепостные книги Муромы и Муромского уезда представляют собой ценный источник по разным аспектам жизни города в XVIII в., до сих пор не были введены в научный оборот и, безусловно, нуждаются в научной публикации.

¹ Посадские люди — термин, характеризующий городское население до реформы 1775 г. Подразумеваются как купцы, так и мещане.

² Крепостные книги местных учреждений XVI-XVIII вв. (коллекция) // РГАДА. — Ф. 615. — Оп. 1. — Ч. 2. — Кн. 6254. — Л. 12.

³ Там же. — Л. 7об.

⁴ Там же. — Кн. 6255. — Л. 13об.-14.

⁵ Там же. — Кн. 6256. — Л. 76.

⁶ Там же. — Кн. 6254. — Л. 48.

⁷ Там же. — Кн. 6255. — Л. 59 и 59об.

⁸ Там же. — Кн. 6252. 1714 г. — Л. 9-9об., 27об.

⁹ Там же. — Л. 30.

¹⁰ Там же. — Кн. 6254. — Л. 4.

¹¹ Там же. — Л. 36об.

¹² Там же. — Л. 62об.

¹³ Там же. — Л. 87об.-89.

¹⁴ Там же. — Л. 39, 47об.

¹⁵ Там же. — Кн. 6255. — Л. 107б; кн. 6269. — Л. 21об., 28об.; кн. 6970. — Л. 9, 16, 22об.; кн. 6272. — Л. 28 и 28об. и др.

¹⁶ Там же. — Кн. 6256. — Л. 6об.-68.

¹⁷ Там же. — Л. 88.

¹⁸ Там же. — Кн. 6264. — Л. 42.

¹⁹ Там же. — Кн. 6269. — Л. 13.

²⁰ Там же. — Кн. 6272. — Л. 11об.

²¹ Там же. — Кн. 6270. — Л. 14.

²² Там же. — Кн. 6269. — Л. 35.

²³ Там же. — Л. 28.

²⁴ Там же. — Кн. 6270. — Л. 8об.

²⁵ Там же. — Кн. 6269. — Л. 16об.

²⁶ Там же. — Кн. 6270. — Л. 44.

²⁷ Там же. — Кн. 6270. — Л. 40 и об.

В. П. Пушков (Москва)

МУРОМ НА КНИЖНОМ РЫНКЕ МОСКВЫ XVII ВЕКА (ПО АРХИВУ ПРИКАЗА КНИГОПЕЧАТНОГО ДЕЛА)¹

Хорошо известна мысль выдающегося русского историка С. М. Соловьева о том, что «величие Древней Руси заключалось в сознании своих несовершенств, в сбереженной ею способности не мириться со злом, в искреннем и горячем искании выхода в положение лучшее посредством просвещения»². Бесценный вклад в это дело внес Московский печатный двор (МПД), выпустивший в свет в течение всего XVII в. более пятисот изданий общим тиражом свыше полутора миллионов экземпляров, причем половину из них составляли учебные книги (Азбуки, Псалтыри учебные и др.). Хранящиеся в Российском государственном архиве древних актов дела Приказа книгопечатного дела XVII в. записи (РГАДА. Ф. 1182. Оп. 1-3) являются уникальным сокровищем отечественной культуры. Эти документы раскрывают все стороны многогранной деятельности Печатного двора — одной из крупнейших государственных мануфактур своего времени. Археографическая лаборатория Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова ведет постоянную работу по комплексному изучению архива этого ведущего центра российского книгопечатания³. К наиболее ценным материалам МПД относятся «приходные книги», в которые заносились данные о розничной («в мир») продаже книг через открытую в 1632 г. типографскую лавку на Никольской улице, располагавшуюся у самых въездных ворот Печатного двора. Таких персональных записей до 1664 г. сохранилось десятки тысяч (позднее лавка продолжала свою работу, однако индивидуальные записи покупателей или уже не велись, либо были утрачены). Как правило, по каждому покупателю документировались его имя и фамилия (патроним), все чины и звания, место службы или работы, местожительство (для иногородних) и, естественно, сколько каких книг по какой цене в каком году, месяце и какого числа он приобрел. Подобные записи о розничной продаже множества книг самых разных наименований представляют собой емкий массовый

исторический источник, который открывает путь для широких пространственно-временных исследований по истории книжного рынка, социальному составу и географии читателей сотен городов, монастырей и сел, формированию национальной интеллектуальной элиты и мн. др. А поскольку на многих дошедших до наших дней экземплярах сохранились записи об их приобретении и владельцах, то историческое пространство бытования Книги многократно расширяется (вплоть до профессионального функционирования в современной старообрядческой среде)⁴. Таким образом, книготорговая отчетность МПД обеспечивает единство истории региональной и столичной культуры, позволяет сопоставить вклад в этот процесс многих десятков городов и уездов, выявляя специфику каждой отдельной земли — словом, это прочный фундамент для изучения самого широкого спектра вопросов историко-культурной идентичности.

В 1620-30-е гг. Приказом книгопечатного дела, главным образом, практиковалось административное распределение книжной продукции типографии путем передачи большей части тиража каждого нового издания в десятки московских торговых рядов⁵, а в другие города книжные транспорты отправлялись в сопровождении специальных царских чиновников — «трубников»⁶ или назначенных от Печатного двора «посыльщиков». В восстановительный период после Смутного времени многие храмы не функционировали («стояли без пения») и крайне нуждались в богослужебных книгах для возобновления своей духовной миссии. Поэтому, хорошо понимая церковные нужды, царь Михаил Федорович и патриарх Филарет Никитич вплоть до 1634 г. своими совместными указами назначали цены «во что те книги стали в печати, без прибыли, для просвещения святых божиих церквей и для их государьского многолетнего здоровья, чтоб теми книгами святая божия церква просвещалась и имя бы божие славилось, а за них бы, государей, Бога молили»⁷. По сути, в этом призывном послании говорится

о непреходящем значении православного духовного наследия для формирования того «культурного ядра» русского народа и его «национального интеллектуального кода», о которых говорил патриарх Кирилл на Международной научной конференции, посвященной 1150-летию российской государственности (МГУ им. М. В. Ломоносова, 28 сентября 2012 г.).

Среди 36-ти городов, куда в 1621-24 гг. осуществлялся развоз шести новых изданий МПД, Муром получил пять: 10 Триодей постных (книга вышла в свет 5 декабря 1621 г.), 15 Миней служебных месяца январь (4 ноября 1622 г.), 12 Апостолов (25 января 1623 г.), 7 Миней месяца ноябрь (19 марта 1623 г.) и 17 Миней месяца март (22 января 1624 г.). Всего же путем централизованного развоза Муром в общей сложности получил 71 экз. названных изданий. Больше других городов книги получили Ярославль (450 экз.), а также Вологда и Кострома (соответственно 305 и 260 экз.), а меньше всего — Тверь и Торжок (10 и 11). При определении квот рассылки правительство, видимо, ориентировалось на экономический потенциал отдельных земель и их потребности в церковных книгах. Всего же за четыре года силами работников МПД и других приказов было развезено 3755 книг (в среднем по 104 экз. в один город)⁸. Так, в январе 1622 г. с типографским «посыльщиком» разборщиком вдовым попом Степаном Павловым и денежным мастером Михаилом Ивановым из Москвы выехал транспорт с книгами по маршруту Нижний Новгород, Владимир, Суздаль, Муром, Балахна, из которых Мурому полагалось 10 Миней по цене 83 коп. за один экз. (всего на 12 руб. 45 коп.), и 7 марта эти деньги Павлов и Иванов «сполна» сдали в казну⁹. Все маршруты были хорошо продуманы. Специально для таких перевозок МПД в лапотном торговом ряду закупал большие лубяные короба «в чем книги в города посылатъ», в которые складывали перевязанные «мочалом» не имевшие переплета книги («в тетратех»)¹⁰.

Уже в первый год начала розничной продажи книг в типографской лавке на Никольской улице в 1632 г. в «приходной книге» под рубрикой «монастырем» находим две записи о продаже муромцам Псалтырей с воследованием (книга вышла в свет 8 сентября 1632 г. по цене 1 руб. 60 коп.):

«Муромского уезду с Мошку пречистенскому попу Михаилу продана Псалтырь большая печати в тетратех» и «В девич монастырь к Воскресению Христову, что в Муроме, да Матвею Черкисову проданы две Псалтыри большая печати в тетратех»¹¹.

В 7145-м (с 1 сентября 1636-го по 31 августа 1637 г.) 479 человек из 82 городов (без Москвы) в результате 577 посещений типографской книжной лавки на Никольской улице в общей сложности приобрели 767 экземпляров книг девяти изданий, что составило почти одну пятую (19,1 %) от всего объема учтенных прямых типографских продаж того года в 4010 экземпляров¹². В среднем на один уездный город пришлось по 9,4 книги, на одну покупку — 1,3 и на одного покупателя 1,7 экз., при этом каждый пятый город (16) покупал всего лишь по одной единственной книге. На этом фоне Муром с уездом по количеству приобретенных им 8-ми книг (как и Суздаль), опережал 55 других городов, следуя по этому показателю за купившей 9 книг Астраханью. Самыми же читающими в этот год оказались 27 нижегородцев, купившие 44 книги. Всего в 1636/37 г. шесть муромцев за шесть посещений типографской книжной лавки на Никольской улице купили 8 книг четырех названий. Хронологически эти книги приобретались в следующей последовательности. В один день в субботу 24 сентября 1636 г. сразу два человека — соборный протодьякон Андрей и не назвавший своего имени некий «старец из уездного Благовещенского монастыря — взяли три Требника (соответственно одну и две книги). Примерно через полмесяца и снова в субботу 8 октября уездный «сын боярский» Федор Яковлев берет еще два Требника. И ровно через три недели 29 октября «черный дьякон» Сергей из того же уездного Благовещенского монастыря покупает Псалтырь с воследованием, а через 10 дней в среду 9 ноября 1636 г. «муромец» (уездный дворянин или торговый человек) Иван Петров сын Власов купил одну Псалтырь с воследованием и последним, купив Евангелие на престольное, во вторник 28 февраля 1637 г. лавку посетил еще один «муромец» — городской земской староста и известный книжник Дружина Осорбин. Яркая особенность муромских книжных покупок заключается в том обстоятельстве, что боль-

шинство из них были представлены светскими людьми и жителями сельской местности, что было большой редкостью для того времени (как правило, превалировали книжные покупки белого и черного духовенства). По данной БД Уваровых среди книжных покупателей всех городов обнаружено не было. Но через четверть века в базе данных «Книжный рынок Москвы 1662-64 гг.»¹³ оказался Иван Уваров — высокопоставленный дьяк Патриаршего Разрядного приказа, который, скорее всего, для своего учреждения приобрел на Никольской улице 11 книг. В среду 17 июня 1663 г. он взял Триодь постную, в понедельник 28 сентября того же года 5 Псалтырей учебных и 5 Библий в пятницу 3 мая 1664 г. Отсутствие же в эти годы среди покупателей жителей Муром, видимо, объясняется тяжелыми последствиями финансово-экономического кризиса рубежа 1650-х — начала 1660-х гг.

Достаточно регулярно епархиальные «власти» сами приезжали на Печатный двор за новыми богослужебными книгами, особенно при патриархе Никоне, когда «исправлялись» многие из них. Так, 7 февраля 1656 г. Мисаил, архиепископ Рязанский и Муромский, купил на Печатном дворе сразу 100 Службеников¹⁴. Высшие духовные иерархи по своим служебным делам регулярно приезжали в Москву, принимая иногда участие в парадных правительственных и церковных мероприятиях. Например, другой архиепископ Рязанский и Муромский Иосиф, будучи наряду с другими архиереями в многочисленной свите патриарха Иоакима во время его торжественного посещения Печатного двора 3 марта 1681 г., получил в дар книгу «Беседы евангельские на Иоанна Богослова» в простом переплете. Самому же патриарху торжественно было «поднесено» два экземпляра этой книги «по обрезау золотом» и Евангелие толковое¹⁵.

Естественно, книги в Москве в XVII в. продавались не только в лавке Печатного двора на Никольской улице, но и в других местах города и, прежде всего, в Овощном и Книжном рядах Китай-города, а также на Спасском мосту

(через ров на Красной площади у одноименной кремлевской башни), где можно было купить издания многих других типографий¹⁶. К тому же далеко не все продажи типографские «лавочные сидельцы» (продавцы) успевали записывать в свои приходные книги (например, тысячные тиражи очень дешевых копеечных Азбук расходились в считанные дни). Поэтому реальные размеры ежегодных муромских книжных покупок должны были существенно превышать документальные показатели.

Связанные с Муромом интересные исторические реалии обнаруживаются в записях на книгах их покупателей и вкладчиков. Так, на Минее служебной месяца июля более чем через четверть века после ее выхода в свет на Московском печатном дворе (8 февраля 1629 г.), была сделана следующая вкладная запись: «Лета 7163 марта в 22 день (1655) дал сию книгу глаголемую Минею месяц июль с Москвы Стретенской улицы введенской поп Антипа Филимонов да дети ево Гостиной сотни Василей да Матфей Антипины по своих родителей во град Торжок ко церкви в собор Преображения Спасова и Причистой Богородицы Муромской. А кто сию книгу от тоя церкви изнесет, и изнесшему судит Бог»¹⁷. Видимо, московские вкладчики этой книги каким-то образом были связаны с Муромом и Торжком. Показательно, что эта книга была подарена в 1977 г. археографической экспедиции исторического факультета МГУ старообрядцами деревни Кулига Кезского района Удмуртии, среди которых она продолжала свою многовековую духовную миссию. В середине XIX в. поражает присутствие редких церковных изданий в библиотеках муромских крестьян, о чем свидетельствует следующая запись на книге Кирилла Транквилиона (Ставровецкого) «Зерцало богословия (Унев, 1692): «Муромскаго уезда села Корачарова крестьянина из книг Ивана Антипова Финталова 1-го, куплена на Нижнем Новгороде в 1846-м году»¹⁸. Выявлению и рассмотрению других вкладных и владельческих записей муромцев на книгах мы планируем наш следующий доклад на Уваровских чтениях.

¹ Данная публикация продолжает серию статей по изучению книжных покупок отдельных земель в лавке Московского печатного двора в XVII в.: Пушков В. П., Пушков Л. В.

Книжные покупки коломенцев в лавке Московского печатного двора в 1636/37 г. (по архиву Приказа книгопечатного дела) // История и культура Подмосковья: проблемы из-

- учения и преподавания. — Коломна, 2005. — С. 182-184; они же. Книжные покупки представителей Ростово-Ярославской земли в лавке Московского печатного двора в 1636/37 г. // История и культура Ростовской земли — 2005. — Ростов, 2006. — С. 147–151; они же. Покупатели книжной лавки на Никольской улице в Москве из Вологды и Великого Устюга в XVII веке (по Архиву Приказа книгопечатного дела) // Историческое краеведение и архивы. — Вологда, 2007. — Вып. 14. — С. 26-35; они же. Жители Кадашевской слободы — покупатели книжной лавки на Никольской улице в 17 в. // Четвертые Кадашевские чтения. — М., 2008. — С. 121-125; они же. Книжные покупки жителей Верхнего Поочья в лавке Московского печатного двора на Никольской улице в XVII в. // Вопросы истории культуры и природы Верхнего Поочья. — Калуга, 2009. — С. 166-168; Пушкив В. П. Жители Серпухова — покупатели книжной лавки Московского печатного двора в XVII в. (по архивным материалам) // Города Центральной России в истории предпринимательства и культуры. — Серпухов, 2010. — С. 100-106; он же. Книжные покупки города Владимира в XVII веке (по архиву Приказа книгопечатного дела) // Историческое обозрение. — М., 2013. — Вып. 14. — С. 38-44; он же. Книжные покупки Великого Новгорода на Московском печатном дворе в XVII веке (по архиву Приказа книгопечатного дела) // Федоровские чтения — 2011. — М., 2012. — С. 95-103; он же. Книжные покупки Пскова на Московском печатном дворе в XVII веке // Псковский летописец. Краеведческий альманах. — М., 2013. — Вып. 1 (8). — С. 55-66; он же. Книжные покупки Троице-Сергиевой лавры на Московском печатном дворе в XVII в. // Троице-Сергиева лавра в истории, культуре и духовной жизни России: Материальные свидетельства духовной культуры. — Сергиев Посад, 2013. — С. 216-222; он же. Книжные покупки Ярославля в лавке Московского печатного двора на Никольской улице в XVII в. // 450 лет «Апостола» Ивана Федорова: история раннего книгопечатания в России (памятники, источники, традиции изучения). — М., 2014; он же. Распространение изданий Московского печатного двора на Украине в XVII в. // XIII международная научная конференция «Книга в информационном обществе». — М., 2014. — Ч. 1. — С. 81-82; он же. Московский книготорговый феномен 1620 года // Четырнадцатые Кадашевские чтения. — М., 2014. — С. 64-73; он же. Книжные покупки города Костромы в лавке Московского печатного двора в XVII в. (по архиву Приказа книгопечатного дела) // Румянцевские чтения — 2015. — М., 2015. — Т. 2. — С. 43-48; он же. Централизованное распределение изданий Московского печатного двора с помощью трубников Приказа Большого двора в 1640/41 г. // Румянцевские чтения — 2016. — М., 2016. — Ч. 2. — С. 59-64; он же. Книжные покупки города Боровска в лавке Московского печатного двора на Никольской улице в XVII в. // Боровский сборник — 2017 (в печати); он же. Книжные покупки Ростова Великого в лавке Московского печатного двора в XVII веке // История и культура Ростовской земли — 2017 (в печати).
- ² Ключевский В. О. С. М. Соловьев как преподаватель // Ключевский В. О. Соч. в 9-ти тт. — М., 1989. — Т. 7. — С. 327, 328.
- ³ См.: Поздеева И. В., Пушкив В. П., Дадыкин А. В. Московский печатный двор — факт и фактор русской культуры. 1618-1652. — М., 2001; они же. Московский печатный двор — факт и фактор русской культуры. 1652-1700 годы. Исследования и публикации. — Кн. 1. — М., 2007; Кн. 2. — М., 2011.
- ⁴ Поздеева И. В. Записи на старопечатных книгах кириллического шрифта как исторический источник // Федоровские чтения — 1976. — М., 1978. — С. 39-54.
- ⁵ См.: Пушкив В. П. Московский книготорговый феномен 1620 года // Четырнадцатые Кадашевские чтения. — М., 2014. — С. 64-73.
- ⁶ Пушкив В. П. Централизованное распределение изданий Московского печатного двора с помощью трубников Приказа Большого двора в 1640/41 г. // Румянцевские чтения — 2016. — М., 2016. — С. 59-64.
- ⁷ Поздеева И. В., Пушкив В. П., Дадыкин А. В. Московский печатный двор — факт и фактор русской культуры. 1618-1652. — С. 336.
- ⁸ Там же. — С. 41-42.
- ⁹ Там же. — С. 347.
- ¹⁰ Там же. — С. 357.
- ¹¹ Там же. — С. 383, 400.
- ¹² Пушкив В. П., Пушкив Л. В. Опыт построения базы данных «Книжный рынок Москвы 1636/37 г.» // Федоровские чтения — 2005. — М., 2005. — С. 356-368 (БД построена по: РГАДА. — Ф. 1182. — Оп. 1. — Д. 29).
- ¹³ Пушкив В. П., Пушкив Л. В. Построение и возможности использования базы данных «Книжный рынок Москвы 1662-1664 гг.» // Федоровские чтения — 2007. — М., 2007. — С. 219-240 (БД построена по: РГАДА. — Ф. 1182. — Оп. 1. — Д. 61, 65).
- ¹⁴ Поздеева И. В., Пушкив В. П., Дадыкин А. В. Московский печатный двор — факт и фактор русской культуры. 1652-1700 годы. — Кн. 1. — С. 303.
- ¹⁵ Там же. — Кн. 2. — С. 563, 564.
- ¹⁶ См.: Пушкив В. П. Торговая деятельность Овощного ряда Китай-города в XVII веке // Двенадцатые Кадашевские чтения. — М., 2012. — С. 82-93; он же. Московский книготорговый феномен 1620 года. — С. 64-73.
- ¹⁷ Поздеева И. В., Ерофеева В. И., Шитова Г. М. Кириллические издания (XVI век — 1641 год) Научной библиотеки Московского университета. — М., 2000. — С. 179.
- ¹⁸ Кириллические издания в хранилищах Ростово-Ярославской земли: 1596-1700 годы. — Ростов-Ярославль, 2009. — № 701. — С. 533.

Л. И. Глуценко, Ю. М. Смирнов (Муром)

СВЯТО МЕСТО ПУСТО НЕ БЫВАЕТ...

(КРЕМЛЕВСКАЯ ГОРА В ГОРОДСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ МУРОМА)

Sic transit gloria mundi.

Та часть города — первый квартал Московской улицы, — которую порою называют историческим центром, строго говоря, не имеет на это никакого права. Хотя визуально именно она, не считая монастырей и церквей, прежде всего бросается в глаза и кажется относительно сохранившейся и наиболее древней. Действительное же историческое ядро оказалось, во-первых, на периферии современного города и, во-вторых, лишено каких-либо зримых признаков своей «историчности». В разные времена эта территория на овражном мысу у Оки носила разные названия: город, кремль, Кремлевская, Воеводская или Соборная гора (холм), городская крепость, Земляной город, городской бульвар и Соборная площадь, Окский сад, Окский парк (в быту — просто Окский), парк «Красного Луча», парк культуры и отдыха имени В. И. Ленина. В настоящее время наиболее употребителен топоним Окский парк¹. Собственно, сам ряд этих названий уже показывает изменение характера использования и роли территории в структуре Мурома.

К сожалению, время не сохранило название этого места в эпоху племени мурома, хотя уже тогда оно использовалось как сакральная территория. Об этом свидетельствует случайная находка, сделанная 17 марта 1878 во время проведения земляных работ — здесь было обнаружено языческое святилище. Муромский краевед Н. Г. Добрынкин сообщил об этом письмом в Московское археологическое общество, которое зачитали на заседании Общества: «При вырытии земли под фундамент алтарного здания у собора на Воеводской горе (где, как известно, найден был клад с куфическими монетами), были обнаружены в полукружии 5 сосудов в виде тарелок овальной формы; больший поперечник в тарелке 1 3/4 арш., меньший 1 1/4 арш. (≈ 1,25-0,89 м. — Л. Г., Ю. С.). Тарелки вылеплены из глины, дно их убито мелким черным камнем с белыми жилками, залитым потом глинистой массой в роде цемента. Глубина тарелок не больше одного аршина; на дне в них был слой золы. Вне полукружия, против промежутков и не подалеку от них, обнаружено два отъянника,

Ил. 1. Вид на Кремлевскую (Воеводскую) гору со стороны реки. Фото. 1940-е. Муромский музей

аршина полтора в диаметре; в них лежало много золы, костей и металлические части неизвестных предметов». Краевед справедливо предположил, что это сооружение «было языческим капищем, и тарелки служили для жертвоприношений»². По аналогии с подобными находками В. В. Бейлекчи и В. В. Родин отнесли это святилище к племени мурома, а время его существования — приблизительно к VIII в.³

Косвенным свидетельством сакральности места может служить и упомянутый клад арабских дирхемов VIII-X вв.⁴, обнаруженный десятилетием раньше и едва ли не самый большой в Восточной Европе. Под остатками деревянного сруба в двух сосудах — медном и керамическом, заложены глыбой известняка на глубине около полутора метров, оказалось 10 077 целых (в глиняном) и 14 фунтов изломанных (в медном) монет, общим весом более 41 кг. В. М. Потин полагает, что этот клад был не только формой сохранения сокровищ, но и свидетельством языческого пережитка поклонения камням и принесения им жертвы⁵.

Поселение мурома с нарастающими по слоям археологическими признаками пребывания славян появляется здесь не ранее X в.⁶ с последующим увеличением количества находок, позволяющих говорить о развитии ремесла и обширной транзитной международной торговли; горизонт XI-XII вв. содержит следы объемных строительных работ, которыми в то время могло быть только возведение городских укреплений. Слои XI-XIII веков уже интерпретируются как отложения древнерусского города⁷.

Причиной возникновения города явилась сложившаяся геополитическая обстановка, когда сухопутные торговые пути между Европой и Азией оказались перекрыты Хазарией и Византией, а Запад испытывал острую нужду в серебре. Единственным путем, обеспечивавшим продвижение арабской серебряной монеты на Север и Запад, оказался Волго-Окский «Серебряный» путь. Место, которое занял Муром на этом пути, оказалось чрезвычайно выгодным и стратегически, и тактически⁸, позволяющим активно вести торговлю с Волжской Булгарией и влиять на продвижение по торговому пути. Пространство овального мыса, занимающее удобное положение

с точки зрения обороны, контроля над рекой и пограничной с мордвой территорией, таким образом, приобретает характер пространства средневекового города, причем, города значительного: в XI-XIII вв. он был самым крупным поселением восточнее Днепра⁹, к тому же до XIV в. являлся столицей Муромо-Рязанского княжества. В это же время Муром как город уже достаточно часто упоминается в письменных источниках¹⁰, поскольку киевские князья начинают проявлять неприкрытый интерес к такому важному и в торговом, и в военном отношении месту.

Следует отметить, что Муром, в отличие от многих других городов, основанных и в то время, и позже, изначально являлся городом не княжеским, т. е. поселением, ставшим городом не по велению князя или иной административной силы, а выросшим в силу сложившихся условий.

Собственно городом в те времена называлась территория, ограниченная и защищенная укреплениями, равно как и сами укрепления носили то же название. Наличие такого укрепления для древнерусских поселений является одним из основных признаков, характеризующих поселение как город. При этом, в отличие от обычного укрепленного поселения, где крепость была сугубо оборонительным сооружением, кремль, как впоследствии стало называться такое укрепление, играл особую роль в организации городского пространства, создании административной и хозяйственно-экономической инфраструктур, системы расселения, демонстрации символов и эмблематов светской и религиозной власти, проведения общественных мероприятий¹¹. В связи с этим сложились две основные точки зрения на кремль, рассматривающие его или как изолированное стенами сакрализованное пространство, не предназначенное для постоянного проживания горожан, или же как целый город, сосредоточивавший в себе и храмы, и хозяйственные сооружения, и жилые дворы, и административные учреждения¹². Так или иначе, кремль, по сути, является первым и основным сугубо городским сооружением; его можно назвать наиболее полным архитектурным репрезентом города. Таким образом, становление, а в некоторых случаях и происхождение города связано с кремлем.

В городе могло существовать внутреннее укрепление — детинец. Сведений о муромском де-

Ил. 2. Вид на территорию бывшего муромского кремля с запада. В центре — Богородицкий собор. Фото И. П. Мяздрикова. 1894

тинце нет. Примыкающие к городу поселения, как правило, группировавшиеся по ремесленному признаку, назывались посадами. Сюда же входил торг, располагавшийся обычно у стен или ворот города.

В Муроме были и город, и посад, и торг. Посады располагались вдоль реки к северу и югу от города, торг — у его северо-западного угла. Это расположение было обусловлено особенностями рельефа местности, из-за чего такой тип городов исследователи называли полукруглый, или, несколько ранее — полуциркульный. Однако сведений о том, как конкретно выглядел Муром в то время, не имеется. Судить об этом можно лишь по аналогии с изученными и реконструированными древнерусскими городами X–XIII вв. В самых общих чертах можно предположить, что укрепления были деревоземляными: по периметру бровки мыса, возможно на насыпных земляных валах, располагалась защитная стена из вертикально поставленных бревен. В стене были устроены ворота (количество их неизвестно, но, исходя из условий местности их, видимо, было не более трех). Башен на стенах не было. Иногда небольшие башни ставили около ворот или выстраивали сторожу — наблюдательную башню. Внутри города возвели собор. «Почти полное отсутствие вертикалей и слитность с рельефом, — отмечает А. С. Щенков, — стена больше, чем что-либо другое, определяла образ

крепости... Ограждения скрывали почти всю застройку... Даже самое крупное сооружение... — городской собор — в ряде случаев не возвышался над стенами»¹³. Муром принимает христианство достаточно поздно — в конце XI века. Вероятно, тогда же в городе была построена церковь, и, скорее всего, это была так называемая клетцкая постройка — т. е. по сути дела простая изба (клеть), над которой на барабане устанавливалась луковка. Такая церковь, конечно же, едва ли была видна из-за стен городского укрепления. Вполне возможно, что относительно скоро был отстроен и каменный храм: во время реставрационных работ в 1873 г. губернским архитектором Н. А. Артебеном обнаружены обломки каменных колонн и капителей XII века, а также строительные камни с тамгами. Тамги совпадали с теми, что обнаружены на камнях в фундаменте собора¹⁴. Это позволяет полагать, что каменный собор Рождества Богородицы существовал уже в домонгольское время и был разрушен во время одного из набегов монголо-татар.

Со второй половины IX в. русы совершают ряд набегов на Хазарию, завершившихся в 960 году походом Святослава Игоревича и полным разгромом Хазарского каганата. Результаты этой победы едва ли можно оценить для Мурома однозначно, поскольку в наибольшем выигрыше

от нее оказалась Волжская Булгария, для которой открылись новые сухопутные торговые пути, и, соответственно, снизилась роль Волго-Окского маршрута. К тому же серебряный поток с Востока стал иссякать.

Не желая, видимо, смириться с нежданно полученными Булгарией выгодами, но желая получать регулярные дани, князь Владимир идет на нее походом в 985 году. Однако установить дани не удалось. В 1006 году Русь заключает с Булгарией торговый договор. К сожалению, этот документ известен только в интерпретации В. Н. Татищева. К сведениям, приводимым этим историком, исследователи относятся с большой настороженностью. Если все же им довериться, по договору болгарские купцы лишаются права торговать по деревням и селам¹⁵. Вероятно, этим пунктом преследовались две цели: первая — собирать налог со всей торговли болгар, т. к. торговлю в сельской местности княжеская власть не могла проконтролировать, и, вторая — сосредоточить товарообмен в Муроме, укрепляя его торговое значение и облегчая сборы пошлин. На деле же, видимо, получилось так, что болгарские купцы не желали лишаться беспошлинной прибыли, т. е., говоря современным языком, «черного нала», и не были заинтересованы в увеличении торгового оборота непосредственно с Муромом. К тому же стали возникать новые пути и городские центры, перехватывавшие торговые потоки. Таким образом, не успев в полном объеме вкушать все прелести и выгоды трансконтинентальной торговли, Муром утратил свои ключевые позиции в ней, а вместе с этим потерял стимул и возможности для дальнейшего роста и активного развития как влиятельного города негоциантов.

Однако торговое значение города сохранялось, но уже не в таком масштабе, т. к. международный транзит товаров сократился, а своих товаров и производств у Муромца, судя по всему, было не слишком много. Можно предположить, что основу товарообмена муромцев составляли меха, продукты пчеловодства и, возможно, в небольших количествах железо. При этом выросла его оборонительная роль как пограничного поселения.

В этот период Муром достаточно часто фигурирует в летописях, но по этим упоминаниям практически невозможно составить представление

об облике города: в основном речь идет об участии муромских князей в военных походах, о пребывании каких-либо лиц в городе, о смерти и погребении князей, о пострижении в монахи и проч. Только под 1239 годом отмечено, что «татарове... Муром пожгоша¹⁶»; в 1281 г. он опять опустошен татарами, которых привел великий князь Андрей Александрович¹⁷, следующий набег произошел в 1293 г.¹⁸.

Затем до середины XIV вв. число упоминаний резко сокращается и практически ничего не говорится о муромских князьях. К. А. Аверьянов связывает это с тем, что, по его мнению, Муром в это время был резиденцией «великого баскака владимирского», представителя монгольского хана, ведавшего сбором налогов. На сайте коллекционера-нумизмата Ю. Липовки, например, представлены две монеты, которые он определяет как монеты муромского чекана: на реверсе 0,79-ти граммовой биллонной куны 1332 года различимы буквы: «...ТЬ МУРО МА», на аверсе: «SOM O GEO» и арабское: «хан»; на 1,18-ти граммовом пуле видна плетенка Джанибека с легендой: «ГoSSП Белов//SOPА МУРОМ», где ГoSSП — «Господи, спаси, Белов» (имя мастера), SOPА — 1373 год¹⁹. В 1332 год, если определение верно, далеко не каждый русский князь мог позволить чеканку собственной монеты. Только под 1351 годом летописи сообщают, что «князь Юрьи Ярославич обнови отчину свою Мурому, запустевшую от первых князей»²⁰. После этого Муром в очередной раз попадает в череду междоусобиц. Через три года рязанский (?) князь Федор Глебович сгоняет Юрия с престола, подкрепив свое княжение ордынским ярлыком²¹. В 1386 г. великий князь Дмитрий Иванович (Донской) отправляет на Муром рать, причем, летопись называет муромского князя «князем бесчестья»²². С этого времени Муром переходит в подчинение Москвы. До начала XV в. татары много раз подходили к Мурому, равно как и муромские полки в составе войск разных князей совершали походы, о чем говорят летописи. Из этих летописных сообщений для нас важно, что в 1446 г. упоминается церковь Рождества Богородицы²³ — городской собор, стоявший на Воеводской горе. Тогда же в этом соборе рязанский архиепископ Иона принял на епитрахиль спрятанных от преследований Дмитрия

Шемяки детей Василия II Ивана и Юрия. Став великим князем, Иван III неоднократно приезжал в Муром, где возносил в соборе благодарственные молитвы²⁴. В 1468 г. великий князь отправил в город заставу²⁵; это свидетельствует, что Муром продолжает играть определенную роль в защите восточных рубежей государства, является своего рода военной базой.

Интересным является известие летописи под 1458 г.: «В лето 6966 погоре град Муром, Кремль весь, месяца сентября 29²⁶». Среди иллюстраций Лицевого рукописного свода есть миниатюра, изображающая это бедствие. К сожалению, изображенный там кремль с реальным муромским укреплением ничего общего не имеет: это образ пылающего города, представленный художником. В этом тексте муромское укрепление первый раз названо кремлем. Вообще в русских документах слово «кремль» впервые встречается в Воскресенской летописи под 1331 годом: «В лето 6839 месяца мая бысть пожар на Москве, погоре город Кремль». Весьма интересно, что в этой записи как бы объясняется прежде незнакомое слово «кремль»: это «город», т. е. некая отдельная часть поселения. Здесь слово «кремль» выступает скорее в качестве имени собственного, а не нарицательного. В Москве были и другие «города» — Китай-город, Белый город, но название «кремль» употреблено только по отношению ко вполне определенному сооружению. Более того, мелькнув единожды, название это относительно Москвы потом более двухсот лет почти не упоминалось ни в летописях, ни в официальных актах²⁷. Судя по документам, утвердилось оно после 1589 года, когда были построены стены еще одного оборонительного рубежа — упомянутого уже Белого города²⁸. Интересное наблюдение сделал А. Н. Кирпичников: термином «кремль» официально называли сначала два укрепления — Москвы и ее главного соперника за гегемонию в Северо-Восточной Руси — Твери. Вскоре вслед за ними так же стали называть укрепления Муром и Углича²⁹, и только потом фортификации иных городов. Это косвенно может свидетельствовать о каком-то особом статусе Муром.

Каким был Муром в это время, представить можно тоже только по аналогии. С изменением вооружения, техники и тактики осад и приступов,

к оборонительным сооружениям предъявлялись новые требования. Стены стали строить не тыном, а из городней — отдельных срубов, которые ставились вплотную друг к другу, а их внутреннее пространство заполнялось землей. На городнях устраивались «бои» — узкие окна для стрельбы и боевые ходы для размещения воинов. Сами стены уже не так точно следовали кромке оврага: они складывались из отдельных спрямленных участков, улучшавших возможность обстрела нападавших. На стенах появились четырехугольные башни. Расстояние между ними не должно было превышать два полета стрелы. Внутри города располагались административные учреждения, убежища на случай прихода неприятеля, амбары с припасами, осадным вооружением, снаряжением и проч.

С начала и до середины XVI в. Мурому придается большое значение как оборонительному пункту против татарских набегов. Практически каждый год сюда выставляется по несколько разрядных полков — в сам город и вокруг него, с несколькими воеводами³⁰, объединявшиеся под командованием стоявшего в кремле первого воеводы большого полка³¹. Судя по упоминаниям в разных исторических документах, численность полка могла составлять от пятидесяти до пятисот человек; редко больше. Таким образом, население города в эти годы периодически значительно увеличивалось за счет военной миграции. За отсутствием известных мне документов, вполне логично предположить, что это оказывало известное влияние на экономику города: войска нуждались в провианте, фураже, одежде, дровах, ремонте и приобретении снаряжения и оружия, ковке лошадей и проч. Несмотря на то, что многое возилось с собой в войсковом обозе, многомесячное «стояние полков» предполагало использование и местных ресурсов. Вероятно, такое внимание Мурому как военному пункту предполагало и то, что его стены и башни должны были содержаться в надлежащем порядке; сведений об этом нет.

В 1537 г. стояли «в Муроме в городе наместник князь Федор Иванович Одоевской, а за городом воеводы князь Федор Михайлович Мстисловской да князь Иван Иванович Барбашин, да князь Иван Иванович Турунтай Пронской. Да в Муроме же были воеводы из Во-

лодимера князь Михайло Иванович Кубенской да князь Василей княж Федоров сын Охлябинин. Да в Муром же послан был из Серпухова князь Иван Семенович Нохтев»³². В октябре великий князь велел воеводам Мстиславскому, Барбашину, Кубенскому ехать по домам, оставив в городе Одоевского, Пронского, Нохтева и прислав к ним Воронцова³³, по сути уменьшив количество войск вдвое. А татары продолжали свои набеги. Зимой 1538 г. (зимы в то время были наиболее предпочтительным временем для военных походов) они разорили Муромскую землю; правда, о самом городе летопись ничего не сообщает³⁴.

Во время походов Ивана Грозного на Казань Муром служил одним из пунктов сбора его войск. Князь А. Курбский в маршруте казанского похода Ивана Грозного 1552 года называет «место великое глаголемое Муром»³⁵. Прибыв в Муром в июле 1552 г., «приходи государь в соборную церковь града того же Рождества пречистыя и к великим чудотворцем князю Петру и княгине Февронии»³⁶: в соборе сохранялись их мощи. После победы над Казанью, по преданию, в 1552-1560-х гг. при участии Ивана Грозного был построен каменный Богородицкий собор в том виде, в котором он сохранился до конца 30-х годов XX века.

Выпись из писцовых книг г. Мурома 1566 г. Д. А. Бутурлина и С. Михайлова — наиболее ранний дошедший до нас документ с описанием Мурома. Однако в этой переписи значится только посад. Между делом — как ориентир для привязки объектов на торге — упоминается одна кремлевская башня: Стрельная³⁷. Это башня в западном углу кремля. Из контекста неясно, название ли это башни, или ее тип, поскольку стрельными назывались башни с бойницами.

Энтони Дженкинсон, четырежды проплывавший в своих путешествиях мимо Мурома, в 1558 году лаконично называет его прекрасным — этот перевод обычно приводится в русских изданиях, хотя сам автор употребил слово «fairy», что скорее означает «волшебный»³⁸. Через сорок один год Дон Хуан Персидский называет просто «большим и многолюдным», несмотря на то, что почти за тридцать лет до этого (1570-1571) город пережил моровое поветрие и обезлюдел³⁹.

Единственное описание боевых действий, происходивших вокруг муромского кремля, известно

по сообщению муромского воеводы Богдана Ивановича Полева и связано с нападением А. Лисовского в 1615 г. В этот год, когда смутные времена уже практически завершились, Лисовский, с одобрения гетмана Ходкевича, собрал, как говорилось в его универсалии, «своевольные скопища людей, без службы пребывающих». Служили они без жалованья, только за долю в добыче, чем впоследствии и определилась их тактика, направленная на разграбление церквей, монастырей, сел, деревень, посадов и крайняя жестокость. Удалось собрать 600 человек, среди которых были и поляки, и литовцы, и «немцы» (иностранные наемники), и татары с казаками (в том числе донскими), и русские. За десять месяцев рейда по внутренним областям России полк Лисовского, «лисовчики», подвергли нападению многие города и разграбили без числа сельских поселений. Характерно, что ни один город, оказавший сопротивление, Лисовскому взять не удалось — захватывались только те, «защитники» которых бежали. Не удавалось ему победа даже над крестьянами в том случае, если они строили элементарные укрепления и вступали в бой.

Русскому командованию было известно о приближении Лисовского к Мурому и именно Муром был назначен местом сбора армии, выдвинутой против Лисовского, успешно избегавшего прямых столкновений с войсками. Во второй половине ноября воевода Михаил Самсонович Дмитриев должен был «в Муроме збиратца с людми и идти на Лисовского»⁴⁰. Войско воеводы, насчитывавшее 1778 человек, состояло в основном из арзамасских, алатырских, касимовских, курмышских и цненских татар. К этому времени Муром, вместе с другими городами напуганный теми зверствами, которые лисовчики устроили в захваченном Ростове и перешедший было на сторону самозванца, опять перешел на сторону законной власти, пригнул Шуйскому.

В начале декабря, не скрываясь, Лисовский подошел к Мурому. Воевода Б. И. Полев докладывал: «Лисовский с литовскими людьми пришед к Мурому, приступал жестокими приступы с вогненным боем, и с щитами, и с приметы, и осадных людей з города сбили, и тайник отняли, и они литовских людей з города и ис тайника выбили, и, учиня ис города выласку, многих литовских

людей побили и поранили, и от города отбили, и шиты, и сенные возы и зажигательные стрелы поймали и Лисовский со всеми людьми от Мурома отшел того ж дни». В бою отличились и стали сеунщиками арзамасский мурза Ишмамет (Князь Мамеш), муромцы Григорий Чертков и посадский Меркулий Клепиков, торопчанин Шемахей Федцов⁴¹. Характерно, что для приступа Муром лисовчики использовали свое изобретение, сделанное еще при осаде Троице-Сергиевой Лавры — шиты. Это сооружение для защиты осаждающих типа русского «гуляй-города», только сделанное не из досок, а из бревен и поставленное на четверо саней.

О кремле из этого донесения явствует, что он находился в состоянии, способном выдержать и отбить приступ неприятеля, а из конструктивных особенностей — то, что в нем был «тайник», т. е., судя по более поздним документам, башня, из которой вел подземный ход.

Простояв под городом пять дней и разграбив посады, лисовчики последовали в направлении Тулы⁴². За эти пять дней, как докладывал владимирский воевода М. Вельянинов, «в Муроме дворян и детей боярских и черных людей многих побили насмерть»⁴³.

В 1623 году московский купец Федор Афанасьевич Котов, с государственными средствами отправленный в Персию, в описании своего пути отметил, что «город Муром деревянный рубленый, стоит высоко на земляном валу... В нем много каменных и деревянных храмов и домов»⁴⁴.

Более подробные документальные сведения об устройстве города известны только с первой четверти XVII века. По описи в писцовых книгах 1623/24 гг. город рублен в одну стену на тарахах в нижних венцах из дуба, в верхних — из ели и сосны. На стенах — три башни проезжие, т. е. с воротами, одиннадцать глухих. Три проезжие башни имеют названия: Водяная, Базарная и Спасская. Весьма интересно, что указ о переименовании городских ворот в Москве — в Кремле и Белом городе — вышел только 17 апреля 1658 года. Курячие ворота стали называться Троицкими, Боровицкие — Предтеченскими, Фроловские — Спасскими и т. д.⁴⁵ Вслед за Москвой начали переименовывать башни и в укреплениях других городов — и уже существовавших, и вновь

построенных. Над Спасскими воротами Муром висела икона Спаса Нерукотворного, хранящаяся ныне в Муромском музее⁴⁶.

Отмечен еще и «тайник», расположенный в глухой угловой башне на северо-восточной оконечности кремля. Более поздние документы позволяют предположить, что им был не обозначенный в писцовых книгах подземный ход из башни к источникам воды, сделанный на случай осады. При необходимости его можно было использовать для вылазок из осажденного города.

Соответственно, стены состояли из четырнадцати прясел, т. е. участков стены между башнями. Крытой была только половина прясел. В башнях устроено по три боя: подошвенной, средней и верховой. Периметр города — 552 сажени ($\approx 1192,3$ м). Расстояние между «наугольными башнями» — от базарных ворот к реке 216 саж. ($\approx 466,5$ м), от Спасских к реке — 192 саж. ($\approx 414,7$ м), поперек от Спасских до базарных ворот 82 саж. ($\approx 177,1$ м), вдоль реки между наугольными башнями 62 саж. ($\approx 133,9$ м)⁴⁷. Это описание с промерами от угловой до угловой башен сыграло в последующем с исследователями злую шутку: все, кто так или иначе касался муромского кремля, писали, что он имел форму «неправильного четырехугольника», чего на самом деле не было, и к этому мы еще вернемся.

В город с нагорной части вели два моста. За мостами у ворот стояло два острожка.

На случай обороны был вырыт осадный колодезь «в глубину до воды 12 сажен» ($\approx 25,9$ м, практически до уровня уреза Оки).

В городе располагались тюрьма, огороженная тыном, — одна из первых пяти государственных тюрем на Руси; соборная церковь Рождества Богородицы каменная о трех верхах с главной святыней — мощами кн. Петра и Февронии (строение Ивана Грозного); в двух каменных палатах под собором хранился «городовой наряд» — пушки, ядра, свинец, порох. Рядом стояли деревянная на подклети церковь кн. Петра и Февронии и приходская деревянная клетчатая церковь Архистратега Михаила. Здесь же находился воеводский двор с хоромами, повалушей и хозяйственными постройками и съезжая изба⁴⁸, а «для осадного времени и на приезд дворян боярские и дворянские и детей боярских, и монастырские и церковные

Ил. 3. Вид на Муром. Гравюра из книги А. Олеария. 1636

и посадские». Территория кремля была распределена достаточно плотно⁴⁹. Однако в кремле жила очень небольшая часть населения; основная масса селилась на посадах и в слободах. На ночь кремль закрывался — запирались все ворота.

«И всего в Муроме внутри города церковь каменная соборная, да две церкви деревянных. Да в городе ж для осадного времени и на приезд 5 дворов боярских, 3 двора стольничих, 40 дворов дворянских и дьячих и детей боярских, 3 двора монастырских, двор протопопов... Да в городе ж дворянских же и детей боярских и монастырских и поповских 30 дворов пустых да 8 мест дворовых»⁵⁰. Еще «внутри города» значились «11 дворов посадских людей да 4 двора уездных крестьян да двор рыбного ловца, стоят все пусты. Да 14 изб осадных посадских же людей, стоят пустые ж»⁵¹.

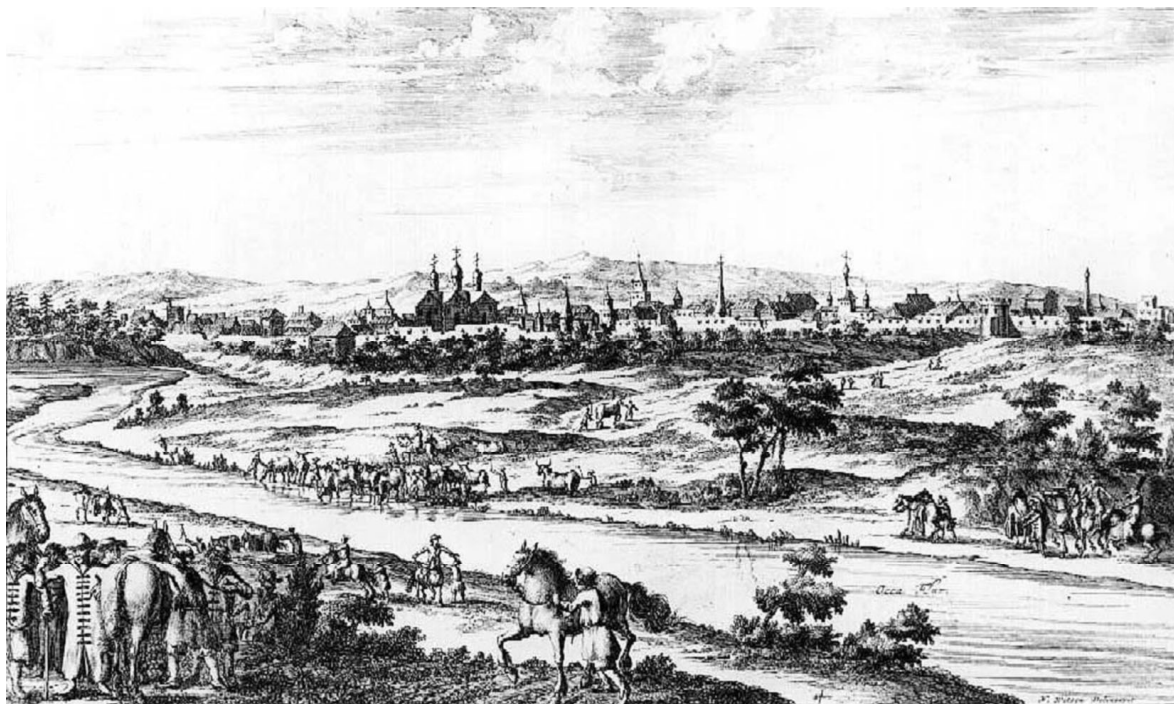
Этот кремль, видимо, ко времени описания стоял уже несколько десятилетий, поскольку через тринадцать лет, в 1636/37 г. следующая писцовая книга описывает его практически так же — то же количество башен, прясел, тот же периметр и проч.⁵² Однако отмечает: что кремль несколько обветшал: «А город ветх и во многих местах кровля развалилась и сгнила, а инде не крыто»⁵³. Перед городом указан также ров и около него торговая площадь⁵⁴.

К этому же времени относятся и первые относительно реалистичные изображения города, сделанные с натуры. В 1636 г. мимо Мурома проплывал секретарь голштинского посольства в Персию Адам Олеарий. В городе посольство не останавливалось, возможно, поэтому описания города у Олеария нет, но за то время, пока плыли мимо вдоль растянутого у реки города, он успел сделать зарисовки⁵⁵. При издании «Описания», художник, делавший гравюры по рисункам Оле-

рия, «поправил» их по своему западноевропейскому разумению, сделав, например, стены и башни кремля каменными и добавив еще ряд деталей, характерных для европейских городов.

Такая же правка, вероятно, постигла и гравюры Н. Витсена⁵⁶, помещенные во французском издании Олеария 1719 г. Витсен рисовал русские города во время своего путешествия по Московии в конце XVII века (1665) и бывал в Муроме. Все рисунки построены по одной композиционной схеме: первый и средний план заняты изображениями рек, причем в Муроме Ока протекает на расстоянии, гораздо большем от города, нежели сейчас. Затем представлена панорама «города на дальнем плане, за крепостной стеной встает лес церковных куполов и башен; городское пространство уплотнено — как ряды декораций, одна за другой напластовываются постройки, не лишённые, однако, узнаваемых черт»⁵⁷. Действительно, при беглом взгляде на эти изображения Мурома, возникает сомнение, что на гравюрах запечатлен именно этот город. Однако при внимательном рассмотрении проявляются детали — и в расположении построек, и в топографии, и в рельефе — не оставляющие сомнения: это именно он. Рациональное объяснение порой находят изображенные на гравюре самые невероятные и, казалось бы, невозможные в реальности элементы. Например, у Витсена за Муромом террасами простирается гряда холмов, которых в действительности не существует. Однако на этом месте часто появляются облака, на рассвете или закате поразительно напоминающие горы, за которые их и принял гравёр.

Городские посады в это время живут торговых рядов: соляной, рыбный, москательный, сапожный, хлебный, мясной. Однако местного рынка

Ил. 4. Вид на Муром. Гравюра Н. Витсена из книги А. Олеария. 1719

явно недостаточно для нормально существования города. Ограниченность муромского рынка заставляет жителей завязывать торговые отношения с другими регионами, совершать дальние поездки. Даже беглый обзор имеющихся документов дает представление о том, чем и как торговали муромские купцы. Например, в сентябре 1655 человек гостиной сотни муромского купца Аврама Черкасова на шести лошадях привез в Великий Устюг 110 пудов меда и более 12-ти пудов воска⁵⁸. В Орле и Тамбове постоянно скупали рыбу, мед, звериные шкурки, кожи, скот, хлеб, а в Козлов завозили соль, москательные товары, галантерею⁵⁹. Записи в мелочной книге Московско́й Большой таможни за 1694 год свидетельствуют, что в столицу везли продукты огородничества⁶⁰, черное и белое семя; луковое, рассадное и свекольное семя; в большом количестве семя огуречное; анис, кишнец (от перс. гашнич — кориандр, точнее, его семена. — Л. Г., Ю. С.) укроп; бобы; мед; шкуры заячьи (белые и серые), куньи, горностаевые, белычьи и выхололей; красную и белую юфть; яловичьи, конские и подошвенные кожи; выростки; щетину говяжьё сало; свежую рыбу (щуку, судака, язя, окуня); братины, ставцы, красные миски⁶¹.

Торговые операции в Мангазее сделали Наума и Демида Пахомовых Глотовых и их племянников одними из самых богатых торговых людей пер-

вой половины XVII в.⁶², а начинали они с привоза молочных продуктов в Москву. Большое значение в Муроме приобретает выделка кож и торговля ими⁶³.

На протяжении XVII в. оборонное значение Мурома падает, поскольку город теперь находится далеко от внешних границ, а татарские набеги прекратились. Хотя Смутное время показало, что внутренние крепости еще важны, содержанию муромского кремля в первой половине XVII в. уделяется мало внимания.

О снижении значения Мурома как города-защитника показательно свидетельствуют и изменения в комплектации городской артиллерии. Еще в писцовой книге г. Мурома 1623/24 г. было зафиксировано, что крепостная артиллерия, «зелье» и припасы к ней хранились в двух палатах под кремлевским Богородицким собором⁶⁴. Весь арсенал артиллерийского и огнестрельного оружия в то время был довольно мощным и вместе с затинными и ручными пищалями насчитывал 121 ствол; тот же состав артиллерии сохраняется и в 1636/37 г.⁶⁵ А вот во время восстания Стеньки Разина (1670-1671) муромский воевода Афанасий Шеховский писал государю в челобитной: «А снаряду Государь в Муроме только одна железная пушечка небольшая да 29 мушкетов и о том снаряде я холоп твой к тебе великому

государю... писал... и по се число твоего великаго государя указу небывало»⁶⁶. После этого городская артиллерия, видимо, была пополнена, однако пожар 1671 года нанес вооружению кремля невосполнимый ущерб. К 1678 году в артиллерийском парке числилось «10 пушек железных горелых изогнутых без станков, к стрельбе не годятся... Пушка железная небольшая в целости без станка» и 8 затинных пищалей без станков⁶⁷. Видимо, во время пожара пушки по случаю опасного времени находились не в арсенале, а на стенах города. В 1727 г. обер-секретарь Сената И. К. Кирилов в своем широко известном труде «Цветущее состояние Всероссийского государства», в книге первой которого описывались «губернии и провинции, в них города, гарнизоны, артиллерии, канцелярии, конторы, управители с подчиненными, епархии, монастыри, церкви, число душ и расположенные полки, и доходы, как оные ныне состоят», артиллерию в Муроме не упоминает вовсе⁶⁸.

Как курьез можно отметить, что последнее орудие, которое как памятный знак сохранялась на территории бывшего муромского кремля еще в начале XX в., была чугунная пушка с литой надписью WURONSZ (Воронеж) 1716 г., найденная в 1876 г. на дне Оки. Видимо, ее потеряло

одно из судов флотилии Петра I, когда в 1722 г. во время Персидского похода его флотилия под Муромом попала в шторм. Лежала она около тюремной церкви⁶⁹.

Крестьянская война показала, что внутренние крепости еще играют важную роль в деле обеспечения безопасности государства, и забывать о них рано. Во время восстания Стеньки Разина, например, касимовскому воеводе, опасавшемуся прихода бунтовщиков, пришлось бежать в Муром, поскольку укрепления Касимова сгорели в том же году⁷⁰, а в Муроме же в мае 1665 года был отстроен новый кремль. «Книга городового дела Мурома», составленная Яковом Петровичем Загряжским, описывает это сооружение. В нем учтены новые требования к строительству крепостей, в частности, появились шестиугольные башни, которые позволяли расширить сектор обстрела. Всего таких башен было пять: три проезжие и две глухие угловые. Еще девять глухих башен в пряслах стен остались четырехугольными. На проезжих башнях установлены смотровые вышки с вестовыми колоколами. Глухие завершались маковицами. Между башнями, как и прежде, размещались четырнадцать прясел стены. Периметр сооружения равнялся 532 трехаршинным сажением. План крепости не изме-

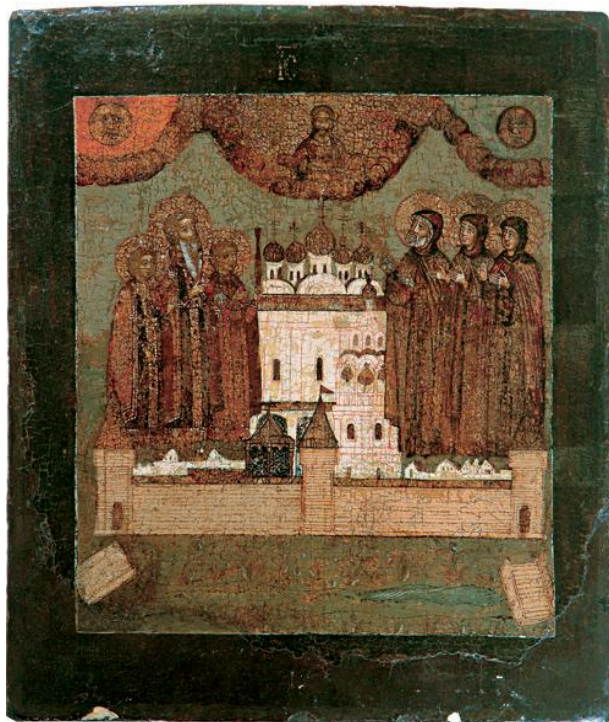

Ил. 5. Муромский кремль XVII в. Вид с запада. Реконструкция. Ю. Смирнов, И. Ценилов, А. Горская

нился⁷¹, и продиктовано это было, скорее всего, условиями местности.

Через шесть лет, 8 мая 1671 г. «в Муроме город весь и приказная и губные избы, и тюрьма, и городской большой мост, и воеводский двор погорели»⁷². Воспоминания о восстании Стеньки Разина были еще горячи, и уже 30 сентября государь Алексей Михайлович повелел «и город Муром, и приказную избу, и мост, и воевоцкой двор по указу великого государя велено сделать»⁷³.

Завершили строительство только в 1678 г., не докрыв тесом 32 сажени стены. В этом кремле три проезжие шестиугольные башни, со смотровыми площадками и колоколами, имели названия Спасская, Никольская (Базарная) и Водяная. Еще две непроезжие шестиугольные — Никольская вторая (бывш. Тайницкая) и Козьмодемьянская — стояли по флангам стены, обращенной к Оке. На стенах — девять четырехугольных башен и одна полубашня. Подземный ход был перенесен выше по северной стене. На строительство израсходовали 21 034 сосновых и 2210 дубовых бревен, на кровли — 22 827 тесин, на весь кремль — 69 258 гвоздей⁷⁴. Это был последний муромский кремль. Наиболее реалистичное изображение его

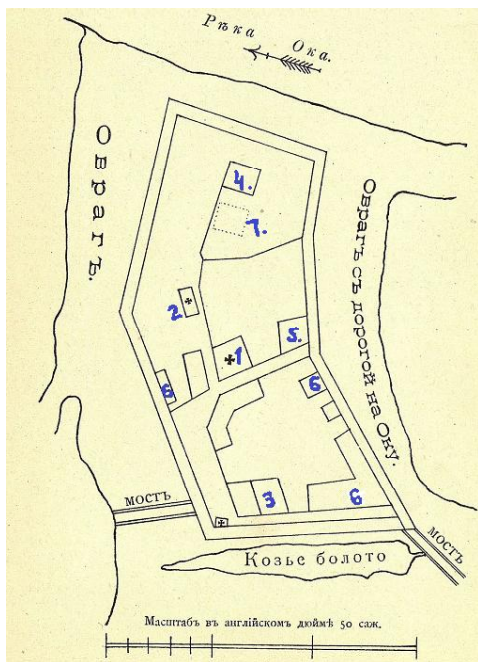

Ил. 6. Западная стена муромского кремля. За ней — Богородицкий собор. Икона «Собор Муромских чудотворцев». Кон. XVII в. Муромский музей

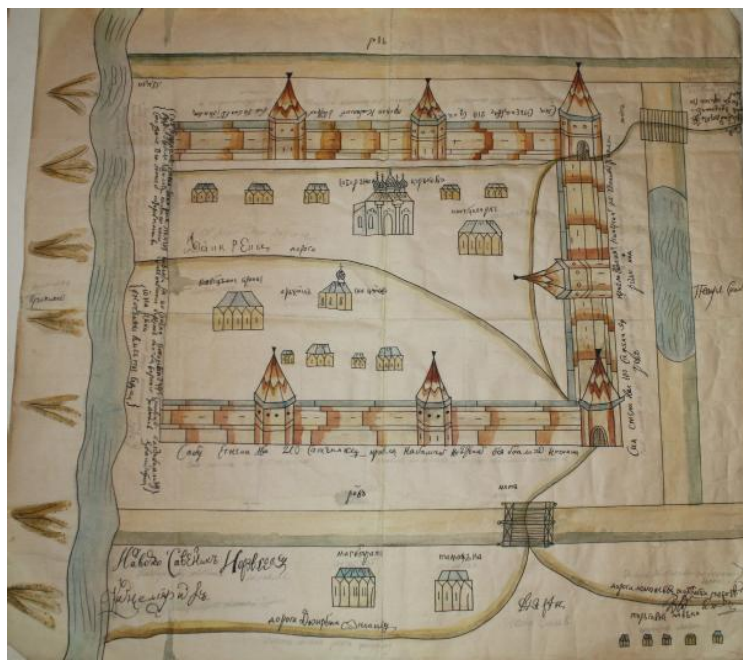
западной стены имеется на иконе «Собор муромских чудотворцев» конца XVII в.⁷⁵

Казалось бы, что уж если на иконе с ее устремленностью к условности кремль нарисован достаточно точно — единственно, что не в масштабе, — то документы должны представить абсолютно достоверную картину. Однако на деле этого не происходит. Кремль за ненадобностью постепенно приходит в упадок, ветшает и разрушается. Составляя опись Муром в 1723 г., Г. Коробов вообще не упоминает о крепости⁷⁶. В 1727 году И. К. Кирилов описывает кремль, в котором есть башни, но только шесть — две воротных и четыре глухих; при этом его окружность возрастает до 793 с третью саженьей. Последнее физически невозможно, поскольку площадь муромского кремля всегда определялась площадью поверхности холма, на котором он расположен (может быть, Кирилов использовал не трехаршинную, а какую-то иную, например, простую или кладочную сажень). В городе, по его описанию, магистрат, таможня (хотя они всегда находились за пределами кремля. — Л. Г., Ю. С.), канцелярия, конская изба, кабацкая изба⁷⁷. В середине XVIII столетия, по сведениям муромского хроникера А. А. Титова, упоминается одна башня⁷⁸. Г. Х. Л. Бакмейстер со ссылкой на запросные известия из Муромской воеводской канцелярии от апреля 1764 года утверждает, что муромский кремль «мерюю около его 700 сажень. Ограждение деревянное, совсем развалилось»⁷⁹.

Академик И. Лепехин, посетивший Муром в 1768 г., отметил, что Муром вообще никакого укрепления не имеет⁸⁰. Этому сообщению можно верить, поскольку в 1767 году через Муром проезжала Екатерина II, которая из-за ветхости кремля для безопасности жителей повелела его разобрать, что и было сделано. Однако были разобраны только деревянные конструкции, а земляное заполнение стен осталось. Это хорошо видно на топографическом плане 1769 г. инструментальной съемки, сделанным капитан-лейтенантом В. Пыляевым⁸¹ в преддверии разработки регулярного плана города архитектором И. Лемом⁸². Площадь кремля составляла 4 десятины 229 кв. сажень⁸³. Еще один план конца XVIII в. без указания автора опубликован В. Чернышевым⁸⁴. Весьма существенно, что на обоих пла-

Ил. 7. План Муромского кремля

Ил. 8. План муромского кремля. Восточная стена разрушена оползем. Рисунок XVIII в.

нах изображена полная конфигурация кремля, хотя ни башен, ни стен, ни ворот не обозначено, а само сооружение значится как «земляной город или вал, именуемый Кремль внутри одного строения»⁸⁵: т. е. на плане отмечено оставшееся земляное заполнение. Важность зафиксированной полной конфигурации заключается в том, что имеется еще один — глазомерный план, долгое время фигурировавший в литературе как «План неизвестной крепости на Оке» и совершенно справедливо интерпретированный С. В. Сазоновым как план муромского кремля⁸⁶. Исходя из филиграней на бумаге, С. В. Сазонов датирует этот план сороковыми годами XVIII в.⁸⁷ Однако на этом плане изображена только половина кремля, поскольку, как гласит надпись на рисунке в том месте, где отсутствует одна из стен, «сия городская стена от Оки реки имелась на 100 саженьях, которая тому лет з двадцать полыми вешними водами отмыло и свалилась, которой имелось по углам по башне, в середине — башня с вороты»⁸⁸. На плане изображена, практически, только половина кремля — семь башен и восемь прясел, хотя на более позднем пыляевском плане при отсутствии деревянных фортификации обвода стен кремля показаны полностью. Все башни на плане шестиугольные, имеют шатровое покрытие. На шпильях шатров

— герб Российской империи, черный двуглавый орел. Внутри кремля обозначены дороги, пятиглавый собор и Архангельская церковь, канцелярия, несколько строений и «воевоцкие хоромы», в них, по одной из версий, отдыхала Екатерина II. Следы оползня хорошо видны на акварелях конца XVIII в., выполненных муромским частным приставом Курбаниным.

Хотя в 1784 году кремль уже не существует, в официальных бумагах и справочниках он числится таковым. По «Топографическому описанию Владимирской губернии» город «разделяется на две части: 1-я называется Кремль... О начале построения сего города известия не имеются, но известно, что прежде он именовался воеводским городом». На территории «кремля» находятся один каменный собор, одна деревянная приходская церковь (Архангела Михаила. — Л. Г., Ю. С.), одна деревянная часовня; одно каменное и два деревянных присутственных места с одним деревянным архивом при них; один казенный дом, три помещичьих, четыре купеческих, три мещанских, десять церковнических, девятнадцать солдатских, три крестьянских — все деревянные. Стояли также деревянные амбар, питейный дом, харчевня и тюрьма⁸⁹. Всего, таким образом, на этой территории размещались сорок девять строений.

Ил. 9. Курбанин. Вид Муром. Хорошо просматриваются следы гигантского оползня. Рисунок. Кон. XVIII в.

С XIX века кремль все больше утрачивает административные функции, присутственные учреждения выводятся из него, и центральное место занимает Богородицкий собор с хранящейся в нем главной святыней города — мощами Петра и Февронии. Поклониться мощам своим долгом считали простые обыватели, жители Муром и округи, паломники, путешественники, как, например, М. И. Невзоров, проезжавший через Муром во время своей поездки в Вятку, Казань и Оренбург: «Зашли в Соборную церковь и поклонились почивающим мощам Святых, князя Петра и княгини Февронии... в последовании добрым их делам», — а затем долго рассуждавший о том, что мощам тоже прилично поклоняться, т. к. поклоняются же могилам Беля, Вольтера и Руссо, а святые много выше, поскольку философы прославлены умом, а святые — верой и добрыми делами⁹⁰, так и державные гости — император Николай I (1834) и великий князь Александр Николаевич (1837)⁹¹. Особо возрастало паломничество к мощам во время муромской ярмарки, приуроченной ко дню памяти Петра и Февронии.

В 1868 году была вновь учреждена викарная епископская кафедра и собор получил статус кафедрального⁹².

В том же году «валы» Земляного города по распоряжению городского головы А. В. Ермакова срыли, а грунт использовали для засыпки Козьей речки и Козьего болота у бывшей западной стены кремля⁹³.

Деревянные церкви из-за ветхости были разобраны.

После того, как муромский кремль был разобран, доминирующее положение на холме получил собор Рождества Богородицы, а сам холм порою стали называть Соборным. Постепенно начинаются работы по благоустройству территории холма.

В самом начале 1830-х годов, в бытность городским головою А. А. Титова, с правой стороны холма соорудили большую лестницу, а около собора «выпланировали» площадь, засыпав землей огромную (55x15 м) яму неподалеку от северной стены храма⁹⁴. По сути некогда единая территория кремля оказалась условно разделенной на две зоны — сакральную, храмовую, и светскую — для отдыха и развлечений, каждая из которых определяла свою манеру поведения.

Муромский городничий князь И. А. Трубецкой в 1852 г. на свои деньги у южного откоса горы снес ветхие строения, высадил две липовых аллеи, построил деревянную беседку с двумя боковыми комнатами-башенками, обнеся все деревянной решеткой. Свое творение Трубецкой передал в дар городу⁹⁵. Это место получило название «городской бульвар» и стало местом для прогулок горожан и городских гуляний. Об открытии бульвара писала губернская газета: «В 6 часов открылось первое общественное гуляние по бульвару и галерее, устроенным попечением и заботливостью начальника здешнего города кн. И. А. Трубецкого, которому все здешние жители за это вполне благодарны. Хором песельников и оркестром музыки ознаменовалось призвание посетителей: вся Соборная площадь по случаю ярмарки и нового гуляния усеяна была пестрыми группами народа; город был иллюминирован; красивая галерея, великолепно украшенная разноцветными огнями, была наполнена танцующими, а на противоположном берегу Оки и на воде в симметрическом порядке горели костры и придавали очаровательный вид... Празднование длилось несколько дней»⁹⁶.

Знаменитая русская актриса П. А. Стрепетова в одну из первых своих антреприз выступала в Муроме в театре, построенном А. В. Ермаковым. Позже она вспоминала: «А главная площадь с собором посредине своей необычайной красотой

даже смело могла бы сделать честь картине любого незаурядного художника»⁹⁷. О Муроме у нее вообще остались приятные воспоминания. Эта площадь запечатлена на одной из фотографий муромского городского головы И. П. Мяздрикова⁹⁸.

Холм использовался и церковью, и светской властью. Но хозяином здесь был все-таки город и светские власти следили за тем, чтобы церковь не «прирезала» себе территорию. Протоиерей муромского Богородицкого собора в 1891 году просил у городских властей разрешения построить на соборной площади у левой решетки бульвара двухэтажный деревянный дом, чтобы в нижнем этаже разместить «странноприемную», т. е. гостиницу для паломников, а в верхнем этаже — народную школу, где бы и народные чтения проводились. Городская дума сочла это место неудобным и предложила построить дом в конце поселения священнослужителей собора, ближе к водокачке⁹⁹.

Неподалеку от Воеводского холма, на Воеводском спуске, находился дом терпимости. А рядом под специальным навесом хранились мемориальные катер и галера, на которых переправлялись через Оку императоры: Павел I, Александр I, Николай I, Александр II и императрица Екатерина II¹⁰⁰. Сочтя такое расположение неподходящим, дума приняла решение о его переносе, однако воспротивился исправник. Пришлось обращаться к начальнику губернии, который поддержал мнение думцев¹⁰¹.

По «Сметам расходов и доходов уездного г. Мурома» можно составить некоторое представление о том, что представлял собой городской бульвар. Вообще бульваров в Муроме было два: ярмарочный, находившийся рядом с городским выгоном, где летом проходила ярмарка, и городской, на Кремлевской горе. Как правило, средства в городском бюджете выделялись одной строкой на содержание сразу двух

бульваров. Эта сумма постепенно снижалась со 140 в 1884 г. до 100 руб. в 1890 г.¹⁰² Можно предположить, что уменьшение дотации связано с тем, что изначально было проведено обустройство, требовавшее больших затрат, а затем следовало только поддерживать сделанное. В 1899 году расходы на содержание резко возрастают — в пять с половиной раз. За те девять лет, сведениями о которых мы не располагаем, обустройство бульваров, и, в частности, городского, изменилось: на нем появляется ротонда, павильоны, решетка ограждения, а для их охраны на 6 летних месяцев нанимался сторож, которому платили по 8 руб. в месяц¹⁰³. На 1900 год на жалованье сторожу и «исправление загородей... очистку (бульваров. — Л. Г., Ю. С.)... и на посадку молодых деревьев» предполагалось потратить 148 руб., зато с павильонов, сданных для продажи фруктовых вод г-ну А. М. Петрову на три года, будет получено 150 руб.¹⁰⁴ На следующий год за торговлю чаем, пивом и водами с этих павильонов в городскую казну надо будет заплатить уже 200 руб., тогда как традиционный расход — «исправление, очистка, посадка» — составит 148¹⁰⁵. А вот в 1902 году «ввиду неразрешения открытия торговли пивом на городском бульваре» планируется получить только 100 руб. при расходе 198¹⁰⁶, в 1903 — приход 25 руб., расход 148¹⁰⁷, в 1904 и 1905 — при том же доходе расход возрастает до 206 руб., в том числе и из-за того, что сторож будет работать уже семь месяцев¹⁰⁸. С 1906 г. киоск для продажи фруктовых вод арендует К. П. Приватухин,

платя по 25 руб., при этом жалованье сторожа составляет уже 10 руб. в месяц, а общий расход исчисляется в 370 руб.¹⁰⁹, в 1907 приход — 25, расход — 170 руб., т. е. на ремонт в этом году тратится меньше¹¹⁰. Через два года сторож получает уже 15 руб., видимо, потому, что ответственность возрастает: на бульваре появля-

Ил. 10. Городской бульвар в Окском саду. Фото. Нач. XX в. Муромский музей. Б / н

ется «веранда» с помещением в ней для летнего клуба. Город берет за нее 100 руб. А на починку загородки и скамеек требуется 195 руб.¹¹¹

В 1910 г. бульвар не приносит никаких доходов. Киоск для продажи фруктовых вод обветшал, и желающих снять его не находится, равно как нет желающих арендовать веранду. Расходы же растут: требуется «исправление» аллеи, подсадка деревьев, ремонт скамеек и загородей, а также сторож — он теперь и садовник — нанимается за 180 руб. на весь год (в зимнее время для караула веранды и летнего помещения клуба). Страховая стоимость веранды определена в 2000 руб. и страховки за нее следует 18 руб. 05 коп.¹¹²; те же виды расходов, с некоторым изменением сумм, сохраняются и в 1911, и в 1912 гг.¹¹³ Из сметы 1913 года городской бульвар просто выпал¹¹⁴. Но, тем не менее, в 1913 г. на бульваре была построена новая веранда более сложной конфигурации: полукруглая в плане, с высокой башней и балконами. Внутри находились ресторан, шашлычная, буфет, бильярдная. Неподалеку стоял фонтан и летний деревянный театр, а также небольшой сквер¹¹⁵. В следующем году веранду до 1916 года берет в аренду Общественное собрание, платя за нее 350 руб. Сторожей нанимается двое — один на весь год, другой на летнее время. Зимнему сторожу еще оплачивается отопление и освещение. Впервые в документах фигурирует посадка цветов¹¹⁶. В 1915 году страховая стоимость веранды возрастает до 6000 руб.¹¹⁷ Примерно так же обстоит дело и в последующие два года, правда, сторожу к годовому жалованью в 120 руб. добавляется еще «прибавочно на время войны» 31 руб. 20 коп.¹¹⁸

Если в городской казне городской бульвар балансировал все время на грани самоокупаемости, то павильоны и веранда явно приносили прибыль арендаторам, о чем свидетельствуют подаваемые в городскую думу прошения граждан. В 1902 г. почетный гражданин К. Н. Зворыкин изъявил желание взять в аренду ротонду с предоставлением ему права постройки новой. Дума разрешила надстройку ротонды с отдачей Зворыкину «оной сроком на пять лет» но «для пользования оной только клубами... без права передачи... другим лицам без разрешения городской управы»¹¹⁹. Через год содержатель буфета при общественном собрании В. И. Нехорошев обратился с просьбами

сначала об аренде, а затем о перестройке павильона для продажи фруктовых вод¹²⁰

Сохранились воспоминания заезжих очевидцев о бульварной ротонде первого десятилетия XX века. Цирковой артист Д. С. Альперов писал в мемуарах: «Прекрасный сквер с рестораном. В построенной на берегу Оки четырехъярусной беседке мы просиживали с отцом до восхода солнца, любясь на огни пароходов, темные ночью плоты с единственной светлой точкой от разложенного костра»¹²¹. А вот В. Стратонов, крупнейший астрофизик, волею судеб проработавший год в муромском банке, утверждал, что здание было двухэтажным, перестроено из барки, а летом в нем помещалось общественное собрание¹²².

В 1906 году на 1 мая был назначен городской праздник: открытие летнего помещения общественного клуба, на которое собралось много народа. Самое «публичное место в городе» мятежно настроенная молодежь использовала для прокламации своих взглядов. Группа молодых людей, с утра уже участвовавших в первомайской демонстрации, «в 10 часов вечера, — как сказано в запросе I Государственной думы, — начала петь „Марсельезу” и похоронный марш... От собора и полицейского управления появились стражники... которые без каких-либо предупреждений дали залп по гулявшей публике. Толпа бросилась в разные стороны по направлению к р. Оке. Несмотря на бегство врага, со стороны нападающих милосердия обнаружено не было. Били палками и пустили в ход холодное оружие. Результатом этого было: десять легко и шесть тяжело раненых»¹²³. Весьма характерно вспоминает об этом событии очевидца, явно не имевшая отношения к крамольникам, но через двадцать два года ощутившая себя участницей революционных событий: «Вспоминаю, как мы в царское время готовились к маевкам. Я тогда работала на фабрике. В 1905 г. (ошибка в дате. — Л. Г., Ю. С.) 1 мая мы с работницей Савиной пошли в Окский сад. Собрались там гурьбой, поем народные песни. Походит полицейский:

— Здесь нельзя петь, — говорит он. — Рядом собор, а там мощи.

Не успели мы пройти по аллее, как послышался свист пуль. Падают недалеко от нас. Мы рассыпались, кто куда.

Ил. 11. Обелиск в память о событиях 1 мая 1906 г. Фото. 1970-е. Муромский музей. Б/н

— Это фабричные, лови их! — кричали нам вслед. В испуге пришла я домой...

А сейчас мы встречаем праздник свободно... Все бодры и радостны. Вот Кульковой и Антроповой по 56 лет, а они в нашем хору лучшие певуны и плясуньи... 2 мая наш хор выступит в Окском саду, теперь уже никто не прогонит»¹²⁴. В 1939 г. В. Горюнов посоветовал «горсовету увековечить это событие хотя бы деревянным обелиском с мемориальной доской»¹²⁵. В конце концов на этом месте была установлена памятная доска с барельефом¹²⁶. Позже барельеф на том же месте перемонтировали на другое основание.

Если для администрации уездного Муромы с его скудным бюджетом и огромными долгами¹²⁷ городской бульвар был головной болью, то после революции эта головная боль только усилилась.

С начала 20-х годов в Муроме вынашивалась идея о создании самостоятельного Муромского промышленного округа или даже области¹²⁸. Для этого была проведена тщательная инвентаризация хозяйства и промышленности уезда, составлены своего рода «писцовые книги», но уже XX в. Об Окском саде там сказано, что «сад общественного клуба... напоминает собой заброшенные сады разоренных помещичьих усадеб: они сплошь заросли крапивой, лопухом и репьем»¹²⁹.

Но главную проблему для советских властей представлял собор. В условиях развернувшейся массированных гонений на религию его грядущее было незавидным. Основная атака пришлась на 1929 год, как раз тогда, когда Муром по новому административному делению вошел в Нижегородский край. В декабре 1929 — ян-

варе 1930 гг. краевым исполкомом было принято решение договора на использование верующими восьми церквей, в том числе Богородицкого собора, «расторгнуть и использовать здания под культурные и государственные надобности». Правда, оговаривалось, что порядок использования Богородицкого собора следует согласовать с Главнаукой¹³⁰, которая, в свою очередь, отметила, что «здание XVI-XVII вв. представляет незаурядный историко-архитектурный интерес»¹³¹. В ноябре специальная комиссия признала, что «здание собора возможно использовать под музей без всяких затрат»¹³². Но муромский музей «категорически возражает против его перевода в Собор, т. к. ни одна церковь не вместит экспонатов музея, в том числе и Собор. А если бы музей и мог поместиться, то все экспонаты нашли бы себе верную гибель от сырости. Собор совершенно не годится под краевой музей также и потому, что там в силу температурных условий невозможна никакая планомерная работа в области изучения своего края»¹³³. Были и предложения открыть в соборе дом культуры¹³⁴. Здания остальных церквей предполагалось использовать под культурные учреждения и склады. В декабре 1930 г. Москва утвердила постановление Нижегородского КИКа, а Богородицкий собор оставила в пользовании верующих¹³⁵. Часть закрытых церквей через некоторое время была взорвана.

30 мая 1934 года собор по согласию с общиной верующих сдают в аренду 41-му полку, а колокольню — пожарной команде как вышку. Соборная площадь была превращена в футбольное поле¹³⁶. Колокольня уже была значительно повреждена при снятии колоколов, а из собора с икон украдены почти все серебряные оклады¹³⁷. В 1939 году городской совет выпустил постановление о сносе собора. К этому времени, по описанию художника-реставратора Ал. Полтанова, он имел удручающий вид: «Чугунные решетки вокруг Собора разломаны, крыша протекает и некрашена. Стекла выбиты, внутри отопление разрушено, полы на хорах выломаны. Для восстановления его потребуются значительные суммы. Ориентировочно не менее 20 тысяч»¹³⁸. Через год он уже был почти весь сломан¹³⁹. По городским преданиям, когда его ломали, по-

Ил. 12. Стадион «Спартак» у закрытого Богородицкого собора. Фото Салова. 1930

вернулся крест на колокольне. Это объяснили «поповскими штучками»¹⁴⁰. В 1948 г. разобрали и колокольню¹⁴¹.

С упразднением собора и соборной площади вся территория холма стала называться Окским садом. Каких-то особых развлечений дирекция сада не предлагала, хотя, по свидетельству местной прессы, он продолжал быть местом привлечения местной публики, особенно по вечерам: это было единственное место общественного отдыха в городе. Изредка в театре сада (а к этому времени здесь был и закрытый театр, и открытая летняя сцена) показывали кинофильмы. Судя по объявлениям в газете — раз-два в месяц. Например, 23-24 июня 1932 г. здесь шел «загранично-художественный фильм „Ткачи“»¹⁴², а через месяц сразу три новых американских комедии: «В поисках Нелли», «Звезда и лев», «Бесстрашный Бен».¹⁴³ За все лето 1937 года только дважды выступил цирк. Иногда в «полумрачных аллеях» играл духовой оркестр. Танцевальная площадка, как правило, пустовала: «Во время танцев рискуешь оторвать подметки, ибо пол площадки в больших трещинах, местами оторваны доски»¹⁴⁴.

Открыли было шашлычную, но она дала изрядный убыток и ее передали ТОРГУ.

Если зайти в сад часов в 10-11 вечера, утверждал еще один корреспондент, то «при первом же появлении тебе грозит столкновение с одним из молодых людей (не видно же ничего)... после нескольких шагов на твое тело обрушатся удары нескольких прутьев тоже молодых людей... ты попадешь под пьяную руку и чего доброго молодые люди за кампанию „угостят” своеобразно»¹⁴⁵.

«Зато, — как пишет К. Вольский, — бесплатных „аттракционов” там достаточно: цензурная брань, хулиганы, которые мажут скамейки клеем, красками, пристают к гуляющим, толкаются, а то и просто по шее дают»¹⁴⁶. Ему вторит И. Головашкин: «В Окском саду, в единственном, хотя и неблагоустроенном месте отдыха муромчан, не так давно произошел случай. Вышедшая из ресторана пьяная группа хулиганов начала бомбить чем попало гуляющих. Образовалась свалка. Хулиганов обуздать было некому»¹⁴⁷. На то, что в парке процветает хулиганство, брань, циничное приставание к девушкам, сетует и приехавший в Муром И. Лекутов¹⁴⁸.

Ил. 13. Вход в Окский сад. Справа — касса для продажи входных билетов. Фото. 1960. НВ-18483

На следующий год все продолжалось по-прежнему: процветают хулиганство и пьянка молодежи. Нет ни телефона, ни поста милиции (в выделении последнего для сада было отказано). Хулиганов приходится задерживать самим отдыхающим. Школьники курят, толкают девушек, отнимают у них букеты цветов и срывают шляпки, ругаются нецензурно, бьют электролампочки, стреляют в публику из трубок и рогаток горохом. Во время выступления Ленинградского ансамбля хулиганы пробрались на крышу летнего театра, оторвали листы толя и на головы зрителей и артистов посыпались щепки и мусор. Дыру не могли залатать несколько лет. Если контролер ловил

хулигана, то этому контролеру засыпали глаза песком, забрасывали камнями. А вот работники райкома комсомола и районного отдела народного образования, посещая Окский сад, старались не замечать хулиганства детей¹⁴⁹.

Несмотря на то, что территория парка имела неприглядный вид — «аллеи сада представляют собой сплошные ухабы и неровности... Все постройки... неприветливы... веранда, с которой открывается панорама на Оку, абсолютно в заброшенном состоянии... игры и развлечения отсутствуют», «от цветов осталось одно воспоминание», — попасть в парк довольно сложно. Вход — по билетам, билет стоит 30 коп. (через год плата уве-

Ил. 14. Здание летнего театра Окского сада до реконструкции. Фото. 1960. Муромский музей. НВ-3099

Ил. 15. Старинный фонтан в парке. Фото. 1960-е. Муромский музей. НВ-3544

личилась до 50-ти коп.), а за ними надо отстоять очередь 30-40 минут¹⁵⁰. Те, кто не хотел платить за билет или стоять в очереди, лезли через веранду, под ворота, выламывали доски забора, вырывали пробой и накладку у дверей калиток, электробудки и летнего театра.

Единственное украшение сада — построенный еще до революции фонтан, но, как жаловались посетители, он не работает, «стоит как историческое воспоминание».

Сторонники политического воспитания сетовали, что в саду мало лозунгов, плакатов и портретов руководителей партии и правительства, нет газет и журналов¹⁵¹. Отсутствие наглядной агитации восполнялось украшением входа в парк в дни революционных праздников. В Муроме этим занимался живший здесь академик живописи И. С. Куликов. Сохранился один из его эскизов. Симптоматично, что в надписи над входом «Да здравствует... Октября» пропущена дата, а оформление самой арки напоминает скорее театральный занавес¹⁵².

На весь сад один ларек, в котором «розничник» торгует газированной водой, жиденько подщевичая ее сиропом. За водой бесконечная очередь, в ней спор и ругань. В буфете ресторана — очередь, сутолока, негде сесть. Закусок нет, квас кислый и старый. Официантки ругаются с клиентами¹⁵³.

Сад находится в ведении дирекции городского театра. Дирекция все время жалуется, что не хватает средств на его содержание. Однако муромчане, так в то время называли жителей города, считают, что позиция дирекции — это «просто халтура»: «Места хорошие для отдыха в Муроме есть. Надо их благоустроить, подготовить. Однако, ни питомник, ни Окский сад, не приводятся в культурное состояние... Надо обслужить трудящихся культурно и не допускать, чтобы они волновались по пустякам: бегали в поисках стакана квасу, бутерброда, спорили из-за волейбольного мяча и т. д.»¹⁵⁴. «Ежегодно много слышишь разговоров о бескультурье в Окском саду. На сегодня сад остается совсем беспризорным. Скоро начало летнего сезона, а по благоустройству Окского сада (который горкомхоз решил взять у театра в свое ведение) еще ничего не сделано. Даже план не намечен. Составлена минимальная смета

по ремонту веранды, покраски фасада, забора, устройства лавочек и цветников в 25 тыс. рублей, а денег на это незначительное благоустройство нет»¹⁵⁵. «Окский сад — самое публичное место города в летний сезон, здесь отдыхают трудящиеся. Правда, сад не благоустроен. Мало ему придано красоты и культуры. Горсовету необходимо обратить на него особенное внимание»¹⁵⁶. «Наконец, Окский сад открыт!.. Входим в сад — и какое разочарование. Та же картина, что была год, два, пять лет назад. Ничего нового. Снова „украшают“ сад: ломаная высохшая местами акация, поломанная крыша театра... Буфет, ресторан не работают. И лишь на открытой сцене идут выступления самодеятельных кружков. Это все, что увидели на открытии сада трудящиеся города»¹⁵⁷. «Что нам нужно... в первую очередь? Окский сад превратить в культурный и привлекательный по содержанию. А то не за что брать за вход 50 копеек. Насадить деревья, устроить различные киоски, библиотеку-читальню, и т. д.»¹⁵⁸.

22 апреля 1940 г. некто И. Г. в очередной раз упрекнул городской Совет в малом внимании к благоустройству сада¹⁵⁹. А уже через пять дней за той же подписью появилась новая заметка (первая, наверное, за несколько десятилетий), о том, «что готовится к открытию Окский сад. Там ремонтируются лавочки, заборы. Для лучшего обслуживания потребителя горячими и холодными закусками в окском саду открывается ресторан. Здание сдано в аренду Муромскому торгу. Веранда в саду будет покрашена»¹⁶⁰.

Однако наведенному порядку долго продержаться не удалось. Через год, в июне 1941, «о благоустроенном саде пока что приходится только мечтать... Не имеет сад и определенного хозяина. Он находится во власти коров, свободно разгуливающих по разбитым дорожкам; многочисленного стада коз... Особенно нечистоплотно выглядят уборные. Кажется, будто их не чистили с прошлого года»¹⁶¹.

Однако начавшаяся война отодвинула заботы о саде в глубокий тыл навалившихся проблем. Только в 1943 году в газете появляется корреспонденция В. Горюнова, много лет не выпускавшего состояние парка из сферы своего внимания и постоянно писавшего о его ненадлежащем состоянии. Начинается эта заметка весьма приме-

Ил. 16. Уголок Окского сада до реконструкции. 1960. Фото. Муромский музей. НВ-31-21

чательно, совершенно противоречит тому, что он писал ранее: «Когда-то муромляне с гордостью показывали приезжим Окский сад, как лучшую достопримечательность города. Там кипела жизнь: народ ходил на массовое гуляние, на площадке молодежь кружилась в вихре танцев, на открытой сцене шли концерты, кино, аттракционы. В аллеях пахло свежей зеленью молодых акаций. А с веранды ресторана, увенчанной красивой блестящей башенкой, открывался привлекательный вид на Оку, на широкие зеленые поймы заречья». Похоже, что автор осторожно намекает на то, что было до революции. Дальше — больше: «Все это было... Но увя! Все это кануло в вечность по воле нерадивых людей из горкомхоза. И если бы сейчас приезжий человек случайно зашел в Окский сад, он бы поразился кошмарной картине запустения.

Вот, вы входите в серые ворота и... попадаете сразу на пастбище коз. Их десятки. Сад разгорожен, и только кое-где встречаются искривленные звенья старого забора. От скамеек в аллеях остались только столбики — все растащено кем-то на дрова. (Это немудрено. В военное время положение с топливом было настолько сложным, что воспитанники детского дома, не то что скамейки, — кладбищенские кресты тащили в печку. — Л. Г., Ю. С.). На танцевальную площадку страшно войти. Крытая беседка для музыкантов обветшала. Открытая сцена подобна шалашу на сваях, ибо доски кругом ободраны, оголив столбы. Вытянувшиеся и было распустившиеся молодые акации варварски порезаны и поломаны. И как бы в насмешку над этим запустением — у входа на веранду уцелела дощечка с надписью: „Ломать насаждения и рвать цветы воспрещается”.

Ил. 17. Летняя эстрада в Окском саду до реконструкции. 1960. Фото. Муромский музей. НВ-3102

Не будем распространяться дальше, ибо нужны слишком мрачные краски, чтобы зарисовать безобразия, царящее в ресторане. Здесь каждый уголок превращен в уборную. Стекла окон разбиты вдребезги»¹⁶².

Летом 1945 года в театре сада, поскольку здание городского театра сгорело два года назад, проходят гастролы областного драматического театра. Идут спектакли по пьесе К. Симонова «Так и будет» и М. Горького «Последние»¹⁶³.

В год Победы осенью в один день в газете появляются две публикации. Одна описывает, как хорошо стало в саду: «Приятно пройти по ровным песчаным дорожкам среди вековых деревьев, вновь посаженной лиственницы и молодых кустарников. Особенно хорошо сад выглядит вечером, когда ярким светом освещены цветочные клумбы, фонтан, вновь выстроенная танцевальная площадка и красивая входная арка.

Летом в театре можно было посмотреть хорошую премьеру, послушать концерт, к услугам посетителей комната отдыха и буфет.

Молодежь любит свой благоустроенный уголок. Здесь можно культурно отдохнуть и весело провести время»¹⁶⁴.

Вторая объясняет, почему это произошло: на реконструкцию Окского сада истрачена 141 000 рублей¹⁶⁵. Однако сад требует постоянного ухода, присмотра, развития, наконец, и разовых вложений в него недостаточно. А народ, «кроме одного киоска с теплым негазированным сиропом», требует тир, комнату смеха, другие развлечения¹⁶⁶. Для городских властей он был явной обузой, от которой, тем не менее, избавиться невозможно. «Рассадник культуры» едва

Ил. 18. На смотровой площадке Окского сада. Фото. 1950-е. Муромский музей

ли не каждый год передают из рук в руки новым хозяевам. В 1947 г. от директора торго Рогачева требуют «привести в культурный вид помещение ресторана»¹⁶⁷. В 1948 Окский находился в ведении Муромского стройкома, «но его председатель т. Золотов мало заботился о создании культурного отдыха трудящихся, он думал лишь о том, как бы извлечь из сада побольше прибыли». В 1949 году специальным решением облисполкома сад опять передали городскому драматическому театру, который после пожара

и сам неизвестно как существовал. Директор театра Григорьев должен был открыть сад 2 мая, но и на исходе первой половины месяца в саду грязь и запустение: козы продолжают пожирать деревья, дорожки размыты, нельзя пользоваться танцплощадкой, небезопасен стал выход на веранду. «Муроммашстрой» начал было строить кинобудку в летнем театре, но не достроил, поскольку зав. отделом кинофикации Ширяев утверждал, что демонстрация картин там подорвет престиж кинотеатра «Унион»¹⁶⁸.

Ил. 19. Танцплощадка. 1950-е. Фото

Ил. 20. Детская площадка парка. 1960. Фото. Муромский музей. НВ-3096

Из года в год, как слепая мельничная лошадь, проблемы Окского сада двигались по кругу¹⁶⁹. Положение изменилось только в 1961 году. Муромский завод РИП (завод радиоизмерительных приборов) преподнес городу отличный подарок: были произведены коренная реконструкция и расширение Окского сада. Сам сад получил статус парка культуры и отдыха, и первым его директором был назначен В. И. Таланов. Новый объект стал носить имя В. И. Ленина. Имя вождя мирового пролетариата парк получил, видимо, не только потому, что в минувшем году отметили его девяностолетний юбилей. Присвоение великого имени парку в провинциальном городе, кроме сугубо пропагандистского смысла, означало некую коммунистическую сакрализацию. Соответственно, возрастала и мера ответственности за поддержание порядка на этой территории. Причем, была она не только моральной и идеологической: при желании партийные органы всегда могли смоделировать необходимый нажим.

Тон газетных публикаций резко изменился. «До чего же хорошо сейчас тут. Здесь есть укромные уголки, где можно уединиться с любимой книгой. Можно и просто пройтись по аллеям, послушать музыку.

В специально оборудованном помещении установлено несколько магнитофонов, усиленная установка, вещательный приемник...

В западной части парка оборудована прекрасная игровая площадка с песочницами, горками-самокатами, качелями, грибочками. Многочисленные красочные панно и макеты знакомят малышей с любимыми героями народных сказок... На танцевальной площадке, как всегда многолюдно. Еще бы! Попробуй найди в городе вторую такую. Пол — под паркет, в центре развесистое дерево с ожерельем из фонариков и... море музыки... Вот небольшая беседка... На столах шахматы, кругом сосредоточенные лица... В стороне двое юношей играют в настольный теннис... В летнем кинотеатре начался очередной киносеанс... И, как это делают все посетители парка, заканчиваем этот вечер на веранде... Горожан, конечно, интересует, что нового будет в этом замечательном уголке отдыха.

— Если говорить, о будущем, — сказал В. Таланов, — то радиозаводцы намечают сделать парк еще благоустроеннее. Необходимо построить библиотеку, читальный зал. Обязательно расширим шахматный уголок, создадим еще одну детскую игровую площадку, специально для младших школьников»¹⁷⁰.

Планов, действительно, громадье. Уже в 1962 г. авторы историко-экономического очерка Мурома отметив, что в городе «наиболее благоустроенный — парк им. В. И. Ленина, созданный на месте старинного городского бульвара»,

Ил. 21. Работы по реконструкции парка. 1960-е. Фото. Муромский музей. НВ-2623

в котором есть «детский городок, где проводится культурно-воспитательная работа с детьми», далее пускаются в мечты: «В ближайшие годы территория парка значительно увеличится за счет примыкающих с северной стороны оврага и съезда Чулошников. За счет устройства набережной и плотины в живописном овраге будет создано водное зеркало, спортивные и игровые площадки, живописные дорожки-пандусы»¹⁷¹.

Еще через два года в парке появляются читальный зал, бильярдная, любительский тир и начинают работать коллективы художественной самодеятельности¹⁷², а годом позже трудящиеся Муром в свои социалистические обязательства включают пункт о расширении парка. Исполнитель — Южный поселок¹⁷³.

На зиму парк не закрывался. Здесь можно было просто погулять, детям — покататься с горки¹⁷⁴. На Новый год устанавливалась громадная елка с бегающими огнями, а под ней исполинские фигуры Деда Мороза и Снегурочки. Однако традиционных парковых развлечений муромцам уже мало: «Нельзя признать все это достаточным для удовлетворения духовных запросов посетителей. Работники парка довольствуются давно устоявшимися формами культурно-просветительной деятельности, не утруждают себя творческими поисками... Организация отдыха трудящихся — дело большое, ответственное. И работники парков культуры и отдыха должны сделать все для того, чтобы каждый посетитель мог провести досуг интересно, полезно, весело», — требуют горожане.

В первой половине 60-х сгорела веранда с бильярдной. Не помогло даже то, что пожарная

Ил. 22. Укрепление набережной в районе Окского сада. Фото. 1920-е. Муромский музей. М-12179

часть размещалась на противоположной стороне парка. Вместо сгоревшей была отстроена новая смотровая площадка с балюстрадой и чугунными фонарями в модном тогда стиле ретро.

По разработанному генеральному плану реконструкции города предполагалось, что парк им. Ленина станет основой огромной зоны отдыха, протянувшейся на север до стадиона «Труд» и спускающейся к самой Оке, где будут многочисленные яхтклубы, купальни, пляжи, лодочные станции¹⁷⁵. Началом этой грандиозной работы стало строительство спортивного комплекса парка в овраге у северного склона холма¹⁷⁶: «Это совсем не просто: веками образованный глубокий овраг превратить в уголок спорта и отдыха»¹⁷⁷. О ходе начавшихся работ рассказывал директор парка: «В овраге уже несколько недель работает бульдозер, сюда ежедневно приходят люди и, вооружившись лопатами, трудятся в поте лица... идет так называемый первоначальный цикл... На это лето поставлена задача выполнить земляные работы: зачистить склоны оврага, выровнять его основание, „обшить“ склоны дерном, проложить подземные трубы для стока вод.

Пройдет два-три года, и муромцы не узнают это место. По склонам оврага распустятся деревья, зазеленеют шпалеры декоративного кустарника, расцветут цветы, его опояшет асфальтовая лента. А внизу, в котловане, будет создан целый спортивный комплекс: волейбольная, баскетбольная и городошная площадки (в те времена Советский Союз пытался сделать городки олимпийским видом спорта. — Л. Г., Ю. С.), теннисный корт, два плавательных бассейна, один из них зим-

Ил. 23. Центральная аллея парка. Кон. 1960-х. Фото. Муромский музей. НВ-4565

ний. Вверху, на яру, будет построено здание для библиотеки, читального зала...

В ближайшие дни на территории парка будет выполнен и ряд других необходимых работ: заменен забор, сооружена радиорубка, построен павильон в уголке аттракционов. Надо привести в порядок и спуск к Оке: на месте бывшей веранды хочется видеть лестницу. Ждем, когда трест столовых откроет, наконец, кафе „Ока”... Павильон кафе установлен еще весной возле танцевальной площадки, давно красуется и вывеска, а вот существа дела нет до сих пор... Для детской площадки приобретено почти на сто рублей игрушек и настольных игр, для взрослых — 5 комплектов настольного тенниса и „Снаряжение” для шахматистов, вплоть до шахматных часов»¹⁷⁸.

1967 год был юбилейным — праздновалось 50-летие советской власти. Директором парка стал

Ил. 24. Летняя эстрада. 1960-е. Фото. Муромский музей. НВ-3103

Н. А. Чепелев. В его планы входило поставить вокруг парка новый штaketник на кирпичных столбах, оформить главный вход при помощи панно «50-летию Октября — достойную встречу», где портрет Ленина размещался на фоне пятнадцати флагов союзных республик, а пятнадцать точно таких же флагов в специальных стойках установить на главной аллее вместе с портретами муромцев — Героев Советского Союза¹⁷⁹ (еще раньше неподалеку от смотровой площадки установили скульптуру Зои Козьмодемьянской, возможно, потому, что по бытовавшему в городе мнению, Зоя проходила подготовку в школе партизанского актива, работавшей в Муроме в годы войны). Тогда же был открыт спортивный комплекс в овраге. Вдоль пандусов стояли невысокие светильники с коническими навершиями из матовой пластмассы, где были встроены цветомузыкальные установки,

Ил. 25. Строительство центрального входа в Окский парк. 1965-67. Фото. Муромский музей. НВ-3122

Ил. 26. Вход в парк культуры и отдыха им. В. И. Ленина. 1970. Фото. Муромский музей. НВ-3054

и, когда транслировалась музыка, светильники расцветивались в такт ей. И опять нашлись недовольные — запросы муромцев в сфере досуга росли: «Не произошло существенных изменений и после расширения парка. Нет спору, преобразился бывший овраг, превратился в спортивный комплекс. Днем можно поиграть в волейбол, баскетбол, теннис. А вечером? Разве только прибавились дорожки. По которым можно пройтись»¹⁸⁰.

Но основная проблема нового комплекса оказалась не в этом. Не были проведены достаточные работы по закреплению склонов оврага,

и в скором времени начались подвижки грунта, дорожки, корты и иные сооружения стали разрушаться, а через несколько лет весь комплекс пришел в негодность.

В конце лета — начале осени 1967 года на танцплощадке парка режиссер Г. Панфилов снимал эпизоды фильма «Начало»¹⁸¹.

С 1972 года по 1999 год директором парка был В. П. Медына, который много внимания уделял установке новых аттракционов, реконструкции старых сооружений, а главное, — созданию профессионального коллектива. В итоге

Ил. 27. Строительство спортивного комплекса. 1970. Фото И. Молотихин. Муромский музей

Ил. 28. Спортивный комплекс. Современное состояние. 2017. Фото А. Глущенко

парку была присвоена первая категория, и он был признан лучшим в области, награжден многими дипломами и грамотами. В трудные в финансовом отношении годы перестройки дирекция парка не обещала каких-либо новшеств. «Кроме уборки и обустройства, одна из основных проблем — настройка и пуск аттракционов, — информировала заместитель директора Ю. А. Романова. — Новых аттракционов не будет, но все старые готовы к началу сезона... цены на билеты возрастут по сравнению с прошлым годом в полтора-два раза. Долгое время велись переговоры о передаче парка в муниципальную собственность, но коллектив отказался и решил еще один сезон остаться на балансе у завода радиоизмерительных приборов»¹⁸².

Со сменой идеологии главной достопримечательностью парка стал установленный в 1999 году памятник св. преподобному Илье Муромцу работы скульптора В. М. Клыкова, откровенно говоря, довольно нелепый. Особого восторга у жителей города памятник не вызвал, хотя его изображение теперь помещается во всех путеводителях и рекламных изданиях. В связи с установкой памятника переоборудовали и значительно расширили, согласно генеральному плану, и смотровую площадку¹⁸³.

Собственно говоря, идея об установке памятника Илье Муромцу витала в воздухе еще с советских времен. Однако возможность, которую глава города П. А. Кауров сумел сделать реальностью, появилась только тогда¹⁸⁴. Примечательно, что едва ли не первыми строительством памятника заинтересовались работники областной прокуратуры: «Прокурор области предложил Муромскому

городскому прокурору, старшему советнику юстиции Н. В. Журкову проверить — соответствуют ли сообщения прессы о строительстве памятника Илье Муромцу действительности и имеется ли правовое обоснование его сооружения.

Н. В. Журков прислал ответ: „Постановлением главы администрации г. Муром от 10 февраля 1998 года № 235 определено место установки памятника Илье Муромцу на территории парка им. Ленина, управлению архитектуры и градостроительства поручено выдать архитектурно-планировочное задание на его установку и благоустройство прилегающей территории.

Автором проекта памятника... является скульптор, академик В. М. Клыков. Одновременно соавтору проекта... Н. А. Беспалову, заслуженному архитектору России, предложено разработать архитектурную часть благоустройства территории и установки памятника с изготовлением макета и перспективы набережной реки Оки для последующего утверждения на градостроительном Совете города.

В связи с решением об установке памятника Илье Муромцу учреждается фонд по его созданию, после регистрации которого будет открыт расчетный счет по сбору денежных средств.

На общем собрании работники Муромской городской прокуратуры поддержали решение об установке памятника Илье Муромцу, собрали денежные средства, которые после открытия расчетного счета будут перечислены на него”.

...каждый работник Муромской прокуратуры внес на строительство памятника... по 40 руб.»¹⁸⁶.

На установку требовался миллион рублей. Однако жители города не спешили вносить деньги на памятник. За неделю до открытия памятника пожертвования выглядели так: городская администрация внесла 50 тыс., стрелочный завод — 25 тыс., страховая компания МАСК — 12 тыс., обувная фабрика — 3 тыс., немного подкинули частные предприниматели, владимирский завод «Точмаш» и навашинские кирпичный и хлебозаводы внесли по 20 тыс., меленковцы и ковровцы — по 5. Поступали частные пожертвования от жителей других городов — Люберец, Чебоксар. А вот от частных лиц города Муром не поступило ничего¹⁸⁶, и еще 29 июля, за пару дней до намеченных торжеств, газета «Новая провинция»

публиковала обращение с просьбой вносить деньги на памятник¹⁸⁷.

Котлован под постамент памятника должны были копать экскаватором — и это в самом важном историческом ядре города. Дирекции музея удалось договориться с городской администрацией, чтобы провести на этом месте экстренные спасательные раскопки. Поскольку силами одних сотрудников музея за две отведенные недели произвести раскоп размером 5х5 м было невозможно, к работе пришлось привлекать людей из КОСов и военнослужащих. Каждое утро приходили новые «раскопщики», день начинался с обучения. Результаты раскопок впечатлили настолько¹⁸⁸, что обратились к администрации с просьбой перенести памятник на другое место, а раскопки продолжить на следующий год. Однако автор проекта, В. М. Клыков, наотрез отказался от переноса. Архитектор проекта Н. А. Беспалов пообещал сконструировать постамент так, что без особых затрат и ущерба для памятника археологические работы можно будет продолжить. Однако на деле этого, увы, не произошло.

Монтаж памятника производился в обстановке «удивительной и непонятной секретности». Автор монумента настоятельно просил ниче-

го не фотографировать при сборке скульптуры. К приготовленным фрагментам статуи, поскольку они были изготовлены из меди, выставили постоянный пост милиции¹⁸⁹.

Открытие памятника было назначено на 1 августа. За неделю до этого начальник МЦ ЖКХ В. Л. Киммель рапортовал: «Голова поставлена, хоть и не приварена. Будем работать ночью»¹⁹⁰.

На церемонию пригласили, как писала местная пресса, «небывалое количество высоких гостей», среди которых был архиепископ Владимирский и Суздальский Евлогий, обратившийся к собравшимся со словами благословения, офицеры муромского военного гарнизона, посланцы донских, терских, кубанских казаков. Вход осуществлялся по особым пропускам. И, хотя погода не баловала — было пасмурно, с Оки дул пронзительный ветер — на видовой площадке собралось много народу. Лучшие места отвели ребятишкам...¹⁹¹

Торжество омрачилось трагедией в духе средневековых легенд о строительной жертве: на мальчика двух с половиной лет упал турникет. Через несколько минут после доставки в больницу ребенок умер¹⁹².

Ровно через месяц одному из грифонов, окружающих памятник, буйные школьники снесли

Ил. 31. Памятник Илье Муромцу на Кремлевской (Воеводской) горе. Скульптор В. М. Клыков, архитектор Н. А. Беспалов

голову. Изначально скульптор хотел поместить вокруг Ильи четырех евангелистов. Однако его общими усилиями отговорили — по каноническим причинам. Тогда В. М. Клыков решил заменить апостолов грифонами. По каким-то причинам медные грифоны не были готовы к моменту открытия, и временно поставили алебастровых, выкрашенных под медь¹⁹³. Вот и не выдержала химера температура современных тинейджеров.

В 2004 г. парк был отдан в аренду на 49 лет ЧП Спирина¹⁹⁴. Новые владельцы сменили аттракционы, избавились от многого, что посчитали ненужным. Например, демонтировали столетний фонтан.

С XVI в. на территории кремля существовала тюрьма, сначала — деревянная, а с 1838 года — каменная, одноэтажная, достроенная в 1845 г. до двух этажей. Как место заключения она использовалась до 1957 г., затем в ней поместили

детскую больницу. В 1990 году здесь был открыт культурный центр «Досуг» с компьютерным и бильярдным залами, «Залом кривых зеркал», игровыми автоматами. Ныне в этом здании работает ресторан «Капитан Крюк».

Рассматриваемая территория за время своего освоения людьми прошла весьма показательный ряд изменений: изначально использовавшаяся как место языческого святилища и поселения племени мурома, она стала крупным торговым центром на трансконтинентальном торговом пути, затем столицей княжества, крепостью на восточных рубежах Руси, внутренней крепостью, административным центром уездного города, соборной площадью, городским бульваром, городским Окским садом, парком культуры и отдыха имени Ленина, частным парком отдыха.

¹ Ахметова М. В. Городское пространство в локальном тексте (г. Муром) // [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.ruthenia.ru/folklore/ahmetova7.htm>.

² Протокол № 142 // Древности. Труды Московского Археологического Общества. — М., 1880. — Т. VIII. — С. 41, 42.

³ Бейлекчи В. В., Родин В. В. Поселения племени мурома // [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://promuom.ru/infom/psel.php>.

⁴ Хан Н. А. Очерки распространения куфических монет на территории Восточной Европы в конце XVIII — начале IX вв. — М., 2004. — С. 50.

⁵ Потин В. М. Монеты, клады, коллекции. — СПб., 1993. — С. 204.

⁶ Бейлекчи В. В., Родин В. В. Указ. соч.

⁷ Там же.

⁸ Смирнов Ю. М. Муром торговый // Сообщения Муромского музея — 2015. — Владимир, 2016. — С. 194-218; он же. Был ли Муром протогородом? // Сообщения Муромского музея — 2016. — Владимир, 2017. — С. 172-183.

⁹ Раппопорт П. А., Кудрявцева Т. П. Города Рязанской земли // Древнерусское градостроительство X-XV вв. — М., 1993. — С. 122.

¹⁰ Смирнов Ю. М. Муром IX-XIII веков как средневековый город // Этнодемографические процессы на Севере Евразии. — Москва-Сыктывкар, 2006. — С. 68-80; он же. Средневековый Муром по письменным источникам // Историческая демография. — М.-Сыктывкар, 2008. — № 1. — С. 10-13; он же. Муром в географическом пространстве // Сообщения Муромского музея — 2015. — Владимир, 2016. — С. 180-193; он же. В поисках древнего Мурома // Сообщения Муромского музея — 2015. — Владимир,

2016. — С. 163-179.

¹¹ См., например: Гуляницкий Н. Ф., Куза А. В. Введение // Древнерусское градостроительство X-XV вв. — М., 1993. — С. 13; Щенков А. С. Функциональная структура городов // Там же. — С. 41.

¹² Бондаренко И. А. Кремль как ядро древнерусского города // [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.archi.ru/conference/thesis/kremlins/bondarenko.htm>.

¹³ Щенков А. С. Архитектурно-пространственное построение городов // Древнерусское градостроительство X-XV вв. — С. 67.

¹⁴ См.: Протокол № 142... — С. 41, 42.

¹⁵ См., например: Костоправов Р. О. К вопросу о роли политики киевского князя Владимира Святославича в развитии Муромской земли в конце X — первой четверти XI веков // Уваровские чтения — VII. — Владимир, 2011. — С. 304.

¹⁶ ПСРЛ. — Т. 1. — С. 201.

¹⁷ ПСРЛ. — Т. 7. — С. 175.

¹⁸ ПСРЛ. — Т. 7. — С. 180.

¹⁹ См.: [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://lipovka.com/museum-of-coins/museum-of-coins-en/>.

²⁰ См.: Новгородская 4-я летопись // ПСРЛ. — СПб., 1848. — Т. 4. — С. 60; ПСРЛ. — Т. 7. — С. 244.

²¹ ПСРЛ. — Т. 4. — С. 95.

²² ПСРЛ. — Т. 4. — С. 95.

²³ ПСРЛ. — Т. 7. — С. 118.

²⁴ Пехов В. И. Муром в прошлом и настоящем. — Муром, 1917.

²⁵ ПСРЛ. — Т. 6. — С. 187.

²⁶ ПСРЛ. — Т. 8. — С. 147.

²⁷ См.: Ласковский Ф. Материалы для истории инженерного искусства в России. — СПб., 1858. — Ч. I. — С. 14.

²⁸ Кремль // [Электронный ресурс]. — Режим доступа: //

<http://moscow.gramota.ru/map503.shtml>.

²⁹ Кирпичников А. Н. Кремли России. Тезисы доклада на всероссийском симпозиуме «Кремли России» (М., 23-26 ноября 1999 года) // [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://rusarch.ru/kiprichnikov3.htm>.

³⁰ См.: Разрядная книга 1475-1598. — М., 1966. — С. 35, 36, 37, 65-66, 69-70, 71, 82, 83, 88-89, 92, 93, 99, 100, 102, 105-107, 112, 116, 117, 119-121, 125, 128, 130, 134-136, 147, 251, 252, 332-334, 336, 340, 341.

³¹ Чернов А. В. Вооруженные силы Русского Государства в XV-XVII веков. — М., 1954.

³² Разрядная книга 1475-1598. — С. 92.

³³ Там же.

³⁴ ПСРЛ. — Т. 4. — С. 302.

³⁵ Курбский А. М. История о великом князе Московском. — СПб., 1913. — Стб. 17.

³⁶ ПСРЛ. — Т. 29. — С. 182; Т. 6. — С. 305. Об идеологическом смысле этого моления см.: Самойлова Т. Е. К истории почитания Петра и Февронии Муромских // Уваровские чтения — V. — Муром, 2003. — С. 112.

³⁷ Кучкин В. А. Материалы для истории русского города XVI в. (Выпись из писцовых книг г. Муром 1566 г. и муромская сотная 1573/74 г.) // Археографический ежегодник за 1976 г. — М., 1969. Цит. по: [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/Russ/XVI/1560-1580/Mat_ist_Murom/text.phtm.

³⁸ Early Voyages and Traveles to Russia and Persia by Antony Jenkinson and others Englishmens. — London, 1886. — P. 44-45; Фоменко И. К. Россия, Московия и Владимирщина на средневековых европейских картах // Уваровские чтения — V. — Муром, 2003. — С. 62.

³⁹ Из рассказов Дон Жуана Персидского. Путешествие персидского посольства через Россию от Астрахани до Архангельска в 1599-1600 гг. // Проезжая по Московии (Россия XVI-XVII веков глазами дипломатов). — М., 1991. — С. 176.

⁴⁰ Разрядные книги. — Т. I. — Стб. 107-111.

⁴¹ Документы Разрядного приказа о походе А. Лисовского (осень-зима 1615 г.) // Памятники истории Восточной Европы. Источники XV-XVII вв. — М.-Варшава, 1995. — Т. I. Книга сеунчей 1613-1619 гг. — С. 40.

⁴² О действиях А. Лисовского см.: Зорин А. В. Александр Юзеф Лисовский: герой Смутного времени // История военного дела: исследования и источники. — 2012. — Т. III. — С. 1-203 // [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.milhist.info/2012/10/26>; он же. Великий рейд Александра Лисовского (март-декабрь 1615 г.) // Труды Кафедры Отечественной истории древностей и средневековья Брянского государственного университета им. И. Г. Петровского. — Брянск, 2009. — С. 224-232.

⁴³ Творогов О. В. Древняя Русь. События и люди. — СПб., — 2001. — С. 149; Козляков В. Н. Служилый город Московского государства XVII века (От Смуты до Соборного уложения). — Ярославль, 2000. — С. 45.

⁴⁴ Котов Ф. А. О ходу в персидское царство и из Персиды в Турскую землю и в Индию и в Урзум, где корабли приходят // Временник. — 1852. — Кн. XV. Цит. по: [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://go.mail.ru/search?mailru=1&q=%D0%A4%D0%B5%D0%B4%D0%B5%D1%80+%D0%90%D1%84%D0%B0%D0%BD%D0%B0%D1%81%D1%8C%D0%B5%D0%B2%D0%B8%D1%87+%D0%9A%D0%BE%D1%82%D0%BE%D0%B2>.

⁴⁵ Полное собрание законов Российской империи. — СПб., 1830. — Т. I. — С. 450.

⁴⁶ См.: Сухова О. А. и др. Иконы Муром. — М., 2004. Кат. 23.

⁴⁷ Описание кремля см.: Сотная с писцовых книг г. Муром 1623/24 г. — Владимир, 2010. — С. 21-22.

⁴⁸ Сотная с писцовых книг г. Муром 1623/24 г. — С. 21-27.

⁴⁹ См.: Смирнов Ю. М. К вопросу о реконструкции структуры заселения Муромского кремля XVII века // Сообщения Муромского музея — 2014. — Владимир, 2015. — С. 211-218.

⁵⁰ Сотная с писцовых книг г. Муром 1623/24 г. — С. 35.

⁵¹ Там же. — С. 37.

⁵² Описание кремля см.: Писцовая книга г. Муром 1636/37. — Владимир, 2010. — С. 24-25.

⁵³ Там же. — С. 25.

⁵⁴ Там же.

⁵⁵ Олеарий Адам. Описание путешествия в Московию и через Московию в Персию и обратно. — СПб., 1906. — С. 355-356.

⁵⁶ Дьяконова Ю. Путешествие в Московию в гравюрах Николааса Витсена // Антиквариат. — 2004. — № 10. — С. 72-75.

⁵⁷ Там же. — Ил. с. 75.

⁵⁸ 1655 (7164) г. сентября 1 — 1656 (7164) г. августа 30. — Таможенная книга Устюга Великого и Устюжского уезда сбора головы Андрея Тимофеева сына Маркова с товарищи // Таможенные книги Московского государства XVII века. — М., 1951. — С. 329.

⁵⁹ Важинский В. М. Торговые связи южных городов России в третьей четверти XVII в. // Города феодальной России. — М., 1966. — С. 302-306.

⁶⁰ Ковригина В. А., Марасинова Л. М. Торговля, пути и средства передвижения // [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://historic.ru/books/item/f00/s00/z0000171/st023.shtml>.

⁶¹ Книга записная мелочных товаров Московской Большой таможни 1694 г. // Сакович С. И. Из истории торговли и промышленности России конца XVII века. — М., 1956. — С. 25, 27, 43-44, 46, 47, 50, 58-59, 65, 66, 67, 68, 72-73, 79, 82, 90, 94.

⁶² Бахрушин С. В. Торговые крестьяне в XVII в. // Бахрушин С. В. Научные труды. Т. II. — М., 1954. — С. 124.

⁶³ См.: Смирнов Ю. М. О выделке кож в средневековом Муроме // Позднесредневековый город II: Археология: История. — Тула, 2009. — С. 199-205.

⁶⁴ Сотная с писцовых книг г. Муром 1623/24 г. — С. 24-25.

⁶⁵ Писцовая книга Муром 1636/37 7. — Владимир, 2010. — С. 28; см. также: Михайлов А. А. Городовая артиллерия Муром и Суздаля в XVII веке // Уваровские чтения — II. — М., 1994. — С. 121.

- ⁶⁶ Тирпигорев С. Н. Стенькин гром // Исторический вестник. — 1890 г. — Июль. — С. 50-51.
- ⁶⁷ Там же. — С. 122.
- ⁶⁸ Кирилов И. К. Цветущее состояние Всероссийского государства. — М., 1977. См.: «Книга первая в которой описаны губернии и провинции, в них города, гарнизоны, артиллерии, канцелярии, конторы, управители с подчиненными, епархии, монастыри, церкви, число душ и разположенные полки, и доходы, ка оные ныне состоят».
- ⁶⁹ Пехов В. И. Муром в прошлом и настоящем. — Муром, 1913. — С. 49.
- ⁷⁰ Шишкин Н. История города Касимова с древнейших времен. — Рязань, 1999. — С. 125.
- ⁷¹ Книга городского дела Мурома за 1665 г. // РГАДА. — Ф. 210. — Д. 146. — Л. 210-288.
- ⁷² Возобновление после пожара городских строений // РГАДА. — Ф. 210. — Д. 721. — Л. 81-82. Цит. по: Сазонов С. В. Из истории муромского кремля XVII века // Уваровские чтения — VIII. — Владимир, 2012. — С. 10-13.
- ⁷³ Там же.
- ⁷⁴ Книги городского дела города Мурома 1676, 1678 // РГБ. — Ф. 178 (Музейное). — № 1402. См. также: Смирнов Ю. М., Ценилов И. А., Горская А. А. Муромский кремль 1679 года: реконструкция. — Владимир, 2014.
- ⁷⁵ МИХМ. Инв. № 6788. 32x27. См.: Сухова О. А. и др. Иконы Мурома.
- ⁷⁶ Титов А. А. Историческое обозрение города Мурома. — Кн. IV. — С. 68.
- ⁷⁷ Кирилов И. К. Указ. соч. — С. 233.
- ⁷⁸ Титов А. А. Указ. соч. — С. 68.
- ⁷⁹ Бакмейстер Г. Х. Л. Топографические известия, служащие для полного географического описания Российской империи. — СПб., 1771. — Т. 1. — Ч. 2. — С. 130.
- ⁸⁰ Записки путешествия академика Лепехина. — СПб., 1821. — Т. 1. — С. 39, 54-56.
- ⁸¹ Травчетов Н. П. Город Муром и его достопримечательности. — Владимир. — 1903. — С. 2.
- ⁸² См.: Беспалов Н. А. Новые материалы об авторе генплана Мурома И. М. Леме // Уваровские чтения — V. — Муром, 2003. — С. 208-212.
- ⁸³ См.: Лем Иван Михайлович // [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.vladregion.info/people/vladimirskaya-entsiklopediya-zemlyaki/lem-ivan-mikhailovich>.
- ⁸⁴ Писцовая книга г. Мурома 1636/37 г. — С. 262-263. План хранится: РГАДА. — Ф. 192. Картографический отдел МГАМИД. Владимирская губерния. № 3.
- ⁸⁵ Там же.
- ⁸⁶ Сазонов С. В. План муромской крепости. XVIII в. // Муромский сборник. — Муром, 1993. — С. 5-8.
- ⁸⁷ Сергей Вячеславович исходит из сведений, приводимых С. А. Клепиковым. См.: Клепиков С. А. Филигранные на бумаге русского производства XVIII — начала XX вв. М., 1978. — № 933. 1744 г.
- ⁸⁸ Сазонов С. В. План муромской крепости. — С. 7.
- ⁸⁹ Топографическое описание Владимирской губернии, составленное в 1784 году. — Владимир, 1906. — Таблица.
- ⁹⁰ Невзоров М. И. Путешествие в Казань, Вятку и Оренбург в 1800 г. — М., 1803. — Ч. 1. — С. 42-49.
- ⁹¹ Сидорова М. В., Щербакова Е. И. Высочайшие путешествия. Остановка в Муроме // Уваровские чтения — V. — Муром, 2003. — С. 214, 215.
- ⁹² Сенчулова Т. Хранитель святыни (кафедральный собор Рождества Богородицы в Муроме) // Муром православный: альманах. — Муром, 2007. — № 4. — С. 41.
- ⁹³ Мяздриков И. П. Заметки о слышанном. Рукопись // НА МИХМ. — М-14217/2. — Л. 3; Смирнов Ю. М. Муром IX-XIII веков как средневековый город. — С. 68-80.
- ⁹⁴ Добрынкин Н. А. [Предисловие] // Титов А. А. Историческое обозрение города Мурома. — Муром, 1991. — С. 4.
- ⁹⁵ Чернышев В. Я. Муром. Исторический очерк // [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://ist-konkurs.ru/raboty/2008/1149-murom-istoricheskij-ocherk>.
- ⁹⁶ Цит. по: Чернышев В. Я. Муром (Прогулки по Мурому купеческому). Путеводитель // [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://dobrayalira.ru/arhivy/2007/roznavatelnaaya-literatura/78-murom-progulki-po-muromu-kupcheskomu.-putevoditel.html>.
- ⁹⁷ Цит. по: Муром: Историко-экономический очерк / Сост. Пудков, П. П. Исаков. — Владимир, 1962. — С. 20.
- ⁹⁸ См.: Сазонова Е. И. Фотографии муромского купца, городского головы И. П. Мяздрикова // Сообщения Муромского музея — 2012. — Владимир, 2014. — С. 8.
- ⁹⁹ Журналы Муромской Городской Думы за вторую половину 1891 года. — Владимир, 1892. — С. 1.
- ¹⁰⁰ Пехов В. И. Указ. соч. — С. 26. В издании 1917 года — года революций — абзац заканчивается фразой: «Суда эти должны быть подлежать уничтожению».
- ¹⁰¹ Журналы Муромской Городской Думы за вторую половину 1891 года. — Владимир, 1892. — С. 39-38.
- ¹⁰² Смета доходам и расходам уездного г. Мурома на 1884 год. — Б/м (обложка отсутствует). — С. 84; Смета доходам и расходам уездного г. Мурома на 1885 год. — Б/м (обложка отсутствует). — С. 80; Смета доходам и расходам уездного города Мурома на 1888 год. — Муром, 1887. — С. 80; Смета доходам и расходам уездного города Мурома на 1889 год. — Муром, 1888. — С. 42; Смета доходам и расходам уездного города Мурома на 1890 год. — Муром, 1889. — С. 44.
- ¹⁰³ Смета доходов и расходов города Мурома на 1899 год — Муром, 1898. — С. 70.
- ¹⁰⁴ Смета доходов и расходов города Мурома на 1900 год. — Муром, 1899. — С. 42.
- ¹⁰⁵ Смета доходов и расходов города Мурома на 1901 год. — Муром, 1900. — С. 22, 36.
- ¹⁰⁶ Смета доходов и расходов города Мурома на 1902 год. — Муром, 1901. — С. 21, 36.
- ¹⁰⁷ Смета доходов и расходов города Мурома на 1903 год. — Муром, 1902. — С. 23, 36.
- ¹⁰⁸ Смета доходов и расходов города Мурома на 1904 год. — Муром, 1903. — С. 23, 40; Смета доходов и расходов города Мурома на 1905 год. — Муром, 1904. — С. 23, 38.
- ¹⁰⁹ Смета доходов и расходов города Мурома на 1906 год. — Муром, 1905. — С. 26, 42.
- ¹¹⁰ Смета доходов и расходов города Мурома на 1907 год. — Муром, 1906. — С. 25, 42.

- ¹¹¹ Смета доходов и расходов города Муром на 1909 год. — Муром, 1908. — С. 34, 56.
- ¹¹² Смета доходов и расходов города Муром на 1910 год. — Меленки, 1910. — С. 36, 60, 94.
- ¹¹³ Смета доходов и расходов города Муром на 1911 год. — Муром, 1911. — С. 50; Смета доходов и расходов города Муром на 1912 год. — Муром, 1912. — С. 52.
- ¹¹⁴ Смета доходов и расходов города Муром на 1913 год. — Муром, 1912.
- ¹¹⁵ Сазонова Е. И. Муром в любительской фотографии 1920-1980-х годов // Сообщения Муромского музея — 2011. — Владимир, 2012. — С. 54.
- ¹¹⁶ Смета доходов и расходов города Муром на 1914 год. — Муром, 1914. — С. 42, 60.
- ¹¹⁷ Смета доходов и расходов города Муром на 1915 год. — Муром, 1915. — С. 105.
- ¹¹⁸ Смета доходов и расходов города Муром на 1916 год. — Муром, 1916. — С. 48; Смета доходов и расходов города Муром на 1917 год. — Муром, 1918. — С. 46, 47, 67.
- ¹¹⁹ Журналы Муромской Городской Думы за 1902 год. — Муром, 1903. — С. 18.
- ¹²⁰ Журналы Муромской Городской Думы за 1903 год. — Муром, 1903. — С. 17.
- ¹²¹ Альперов Д. С. На арене старого цирка. Глава XV // [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.ruscircus.ru/alper15>.
- ¹²² Стратонов В. В. По волнам жизни. Воспоминания. Ч. II. // НА МИХМ. — Ф. 8. — Оп. 1. — № 94. — С. 4. Подлинник (рукопись) хранится: ГАРФ. — Ф. Р-5881. — Д. 668.
- ¹²³ Цит. по: Муром: Историко-экономический очерк. — Владимир, 1962. — С. 26-27.
- ¹²⁴ Ваганова. Старая маевка и советский май // Муромский рабочий. — 1938. — 1 мая (№ 100). — С. 4.
- ¹²⁵ Горюнов В. Памятники революции в Муроме // Муромский рабочий. — 1939. — 11 июня (№ 133). — С. 2.
- ¹²⁶ Муром: Историко-экономический очерк. — См. фото с. 27.
- ¹²⁷ См.: Купряшина Т. Б. Сколько стоит Муром // Сообщения Муромского музея — 2016. — Владимир, 2017. — С. 4.
- ¹²⁸ См., например: Муромский округ Нижегородского края // [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://lubovbezusl.ru/publ/istorija/murom/i/48-1-0-2868>.
- ¹²⁹ Муромский округ перед 5-тилеткой 1930 год. — Муром, 1930. — С. 164.
- ¹³⁰ Дело о закрытии 8-ми церквей г. Муром (29.12.1929 — 29.01.1930) // ГАНУ. — Ф. 2626. — Д. 77. — Л. 2. Цит. по: Мавлиханова Е. А. Вето на религиозное наследие. Из истории г. Муром прошлого века в воспоминаниях и документах // Уваровские чтения — V. — Муром, 2003. — С. 296.
- ¹³¹ См.: Тюрина Е. К. Судьба муромского Богородицкого собора в документах // Муромский сборник. — Муром, 1993. — С. 196.
- ¹³² Мавлиханова Е. Указ. соч. — С. 297.
- ¹³³ См.: Тюрина Е. К. Указ. соч. — С. 196.
- ¹³⁴ Там же.
- ¹³⁵ Мавлиханова Е. Указ. соч. — С. 297.
- ¹³⁶ Сенчурова Т. Указ. соч. — С. 42.
- ¹³⁷ См.: Тюрина Е. К. Указ. соч. — С. 201.
- ¹³⁸ Там же. — С. 202.
- ¹³⁹ Угрюмов Н. К. Описание Муромского Богородицкого собора, стоящего на Воеводской горе. (С фотографиями и рисунками). М-1836С // НА МИХМ. — Ф. 34-04-04.
- ¹⁴⁰ Тюрина Е. К. Указ. соч. — С. 203.
- ¹⁴¹ Чернышев В. Я. Муром (Прогулки по Мурому купеческому).
- ¹⁴² Объявление // Муромский рабочий. — 1932. — 23 июня (№ 142). — С. 4.
- ¹⁴³ Объявление // Муромский рабочий. — 1932. — 24 июля (№ 169). — С. 4.
- ¹⁴⁴ Еще раз об Окском саде // Муромский рабочий. — 1938. — 2 августа (№ 175). — С. 4.
- ¹⁴⁵ Малафеев П. Где провести вечер? // Муромский рабочий. — 1934. — 10 мая. — С. 1.
- ¹⁴⁶ Вольский К. В Окском саду // Муромский рабочий. — 1937. — 15 июля (№ 161). — С. 4.
- ¹⁴⁷ Головашкин И. Пешком по Мурому // Муромский рабочий. — 1937. — 27 июля (№ 171). — С. 4; Лекутов И. И. Навести порядок в Окском саду // Муромский рабочий. — 1937. — 10 августа (№ 183). — С. 4.
- ¹⁴⁸ Лекутов И. И. Указ. соч. — С. 4.
- ¹⁴⁹ Демидов М. Пора покончить с хулиганством в Окском саду // Муромский рабочий. — 1938. — 29 июня (№ 147). — С. 4; Губанова С. Еще об Окском саде // Муромский рабочий. — 1938. — 6 июля (№ 153). — С. 4.
- ¹⁵⁰ Лекутов И. И. Указ. соч.
- ¹⁵¹ Еще раз об Окском саде // Муромский рабочий. — 1938. — 2 августа (№ 175). — С. 4.
- ¹⁵² Тюрина Е. К., Смирнов Ю. М. Город в красном (Символика цвета в художественном оформлении города на примере творчества И. С. Куликова) // Уваровские чтения — 5. — Муром, 2003. — С. 257-258.
- ¹⁵³ Головашкин И. Ничего смешного // Муромский рабочий. — 1938. — 9 июля (№ 155). — С. 4; он же. Грезы директора и действительность // Муромский рабочий. — 1940. — 14 июня (№ 135). — С. 4.
- ¹⁵⁴ Организовать отдых трудящихся // Муромский рабочий. — 1940. — 20 июня (№ 140). — С. 1.
- ¹⁵⁵ Горюнов В. Благоустройство города // Муромский рабочий. — 1939. — 11 мая (№ 107). — С. 4.
- ¹⁵⁶ Горюнов В. Памятники революции в Муроме // Муромский рабочий. — 1939. — 11 июня (№ 133). — С. 2.
- ¹⁵⁷ «Сад» открыт // Муромский рабочий. — 1939. — 12 июня (№ 134). — С. 2.
- ¹⁵⁸ Тагунов С. О воспитании детей и культурном обслуживании трудящихся // Муромский рабочий. — 1939. — 28 августа (№ 198). — С. 4.
- ¹⁵⁹ И. Г. Привести в порядок Окский сад // Муромский рабочий. — 1940. — 22 апреля. — С. 2.
- ¹⁶⁰ И. Г. Привести в порядок Окский сад // Муромский. — 1940. — 27 апреля (№ 97). — С. 4.
- ¹⁶¹ Самарин А. Про Окский сад // Муромский рабочий. — 1941. — 5 июня. — № 130. — С. 4; Феоктистов Л. В Ок-

- ском саду нет хозяйского глаза // Муромский рабочий. — 1941. — 25 июня. — № 148. — С. 4.
- ¹⁶² Горюнов В. У семи нянек — дитя без глаз // Муромский рабочий. — 1943. — 9 июня (№ 61).
- ¹⁶³ В театре // Муромский рабочий. — 1945. — 23 июля. — С. 2; В театре // Муромский рабочий. — 1945. — 27 июля. — С. 2.
- ¹⁶⁴ В Окском саду // Муромский рабочий. — 1945. — 19 сентября (№ 114).
- ¹⁶⁵ Цифры ярче слов // Муромский рабочий. — 1945. — 19 сентября (№ 114).
- ¹⁶⁶ Заречных И. В Окском саду // Муромский рабочий. — 1947. — 15 июля (№ 101).
- ¹⁶⁷ О выполнении мероприятий по благоустройству города // Муромский рабочий. — 1947. — 1 июня (№ 70).
- ¹⁶⁸ Николаев А. Почему заброшен Окский сад // Муромский рабочий. — 1949. — 11 мая (№ 93). — С. 2.
- ¹⁶⁹ См., например: Григорьев С. Открытие Окского сада // Муромский рабочий. — 1949. — 15 мая (№ 96). — С. 4; Щербаков С. Еще раз об Окском саде // Муромский рабочий. — 1949. — 10 августа (№ 158); Морозов М. Обида детей // Муромский рабочий. — 1950. — 9 июня (№ 113). — С. 2.
- ¹⁷⁰ Плахтий Е. В городском парке // Муромский рабочий. — 1962. — 8 июля (№ 116). — С. 3.
- ¹⁷¹ Муром: Историко-экономический очерк. — С. 70.
- ¹⁷² Парки и стадионы для отдыха трудящихся // Муромский рабочий. — 1964. — 27 мая (№ 64). — С. 1.
- ¹⁷³ Социалистические обязательства трудящихся города Мурома на 1965 год. — Муром, 1965. — С. 6.
- ¹⁷⁴ Александров Г., завхоз парка. Ребята помогли // Муромский рабочий. — 1965. — 14 февраля. — С. 4.
- ¹⁷⁵ Беспалов Н. Город нашей мечты // Ленинский путь. — 1965. — 1 апреля (№ 56). — С. 2.
- ¹⁷⁶ См.: Социалистические обязательства трудящихся города Мурома на 1966 год. — Муром, 1966. — С. 7.
- ¹⁷⁷ Благоустроить парки города // Ленинский путь. — 1965. — 18 июня (№ 83). — С. 2.
- ¹⁷⁸ Таланов В. Приходите в парк // Ленинский путь. — 1965. — 14 июля (№ 98). — С. 2.
- ¹⁷⁹ Медведева Л. Ждет гостей парк // Муромский рабочий. — 1967. — 28 апреля. — С. 3.
- ¹⁸⁰ Медведева Л. В парк, на танцы... // Муромский рабочий. — 1967. — 19 июля. — С. 4.
- ¹⁸¹ Кузнецова Л. Муром снимается в кино // Муромский край. — 2016. — 9 нояб. — С. 8.
- ¹⁸² Баркина А. Сезон откроет «Веснянка» // Муромский край. — 1999. — 27 апр. — С. 2.
- ¹⁸³ Ильина В. Хотелось бы и фонтаны // Муромский край. — 1999. — 1 июля. — С. 1.
- ¹⁸⁴ Батманов Б. Талант поистине народный // Муромский край. — 1999. — 24 июня. — С. 3.
- ¹⁸⁵ Сухарев А. Как прокуроры памятник строили // Муромский край. — 1999. — 17 июля. — С. 3.
- ¹⁸⁶ Сергеева Н. Соберем ли Илье на рубаху? // Муромский край. — 1999. — 24 июля. — С. 2.
- ¹⁸⁷ Новая провинция. — 1999. — 29 июля. — С. 2.
- ¹⁸⁸ См.: Бейлекчи В. В., Родин В. В. Новые археологические раскопки в муромском кремле // Уваровские чтения — V. — Муром, 2003. — С. 9-17.
- ¹⁸⁹ «Да» и «нет» не говорите... // Новая провинция. — 1999. — 3 июля. — С. 4.
- ¹⁹⁰ Осталось голову приварить // Муромский край. — 1999. — 24 июля.
- ¹⁹¹ Ильина В., Алексеев В., Удалов А. Мы возрождаем Россию // Муромский край. — 1999. — 3 авг. — С. 2; Во славу Преподобного Илии // Новая провинция. — 1999. — 5 авг. — С. 1; «Да» и «нет» не говорите... // Новая провинция. — 1999. — 3 июля. — С. 4.
- ¹⁹² Драма на празднике // Муромский край. — 1999. — 5 авг.
- ¹⁹³ Первая жертва // Новая провинция. — 1999. — 29 авг. — С. 4.
- ¹⁹⁴ Муромский край. — 2004. — 13 января. — С. 3.

О. А. Сухова (Муром)

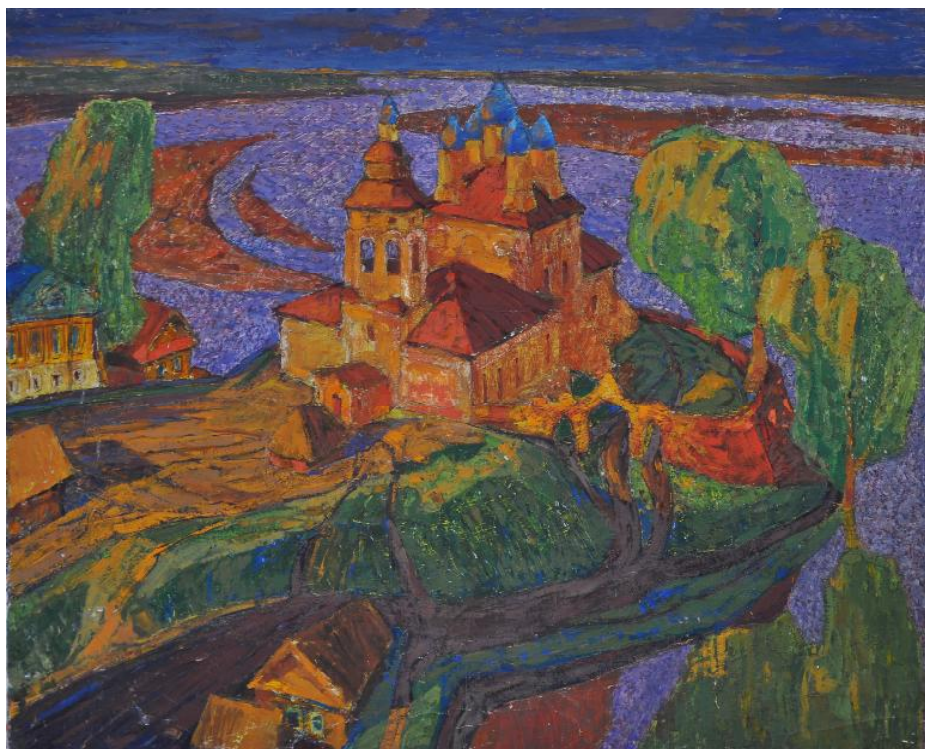
«НИКОЛА МОКРЫЙ» В МУРОМЕ:

ХРАМ В ТОПОГРАФИИ, ИСТОРИИ И МИФОЛОГИИ ГОРОДА

В городском пространстве Мурома, как и других населенных центров, есть знаковые места, на языке семиотики — «хронотопические локусы» или «городские хронотопы»¹, в которых фокусируется местная мифология, где «временной план тесно сплетается с пространственным: события не только погружены в определенный хронологический контекст, но и связаны с конкретными координатами на топографической карте»². Таким «местом притяжения» является храм Николая Мокрого или Набережного, стоящий на краю шестого из семи холмов над Окой (по матрице древнего Рима). Его сакральная зона, как и профанная местность вокруг, овеяна историческими преданиями и муромскими легендами.

Под «городским пространством» понимается «сложный феномен, существующий как объективно, так и идеально, являющийся одновременно и частью национального культурного пространства, и одной из его объективаций»³. Ю. М. Лот-

ман определял город «как сложный семиотический механизм, генератор культуры», называя его «котлом текстов и кодов»⁴. По мнению ученого, источником коллизий в нем «является не только синхронное соположение разнородных семиотических образований, но и диахрония: архитектурные сооружения, городские обряды и церемонии, самый план города, наименования улиц и тысячи других реликтов прошедших эпох выступают как кодовые программы, постоянно генерирующие тексты исторического прошлого»⁵. Город сам может быть прочитан как текст особого рода — «мифологизированный, наполненный аллюзиями, метафорами, нередко перекликающимися между собой», и где «переплетаются история и современность»⁶. А говорит город «своими улицами, переулками, площадями, домами»⁷ и храмами, особо актуализированными в современном Муроме. Они являются объектами паломничества для приезжих и предметом почитания, гордости и мифотворче-

Ил. 1. Е. П. Архиреев. Церковь Николая Набережного Мокрого в Муроме. 1976(?). Кар., темп. 71,5 x 89

ства горожан. Однако конкретно-исторический материал о них еще очень мало изучен; до сих пор на их территориях не проводились планомерные археологические исследования. Почти все это можно отнести и к рассматриваемой нами церкви Николы. В статье анализируются и обобщаются разрозненные сведения об этом особом месте в городе из самых разных источников: отчетов археологов, летописей, писцовых книг; описаний храмовой архитектуры и церковных древностей; документов музейного архива; хроники и прессы; материалов «устной истории» и изобразительно-го ряда: гравюр, литографий, картин, рисунков, фотографий; сохранившихся икон и предметов прикладного искусства из убранства Никольского храма (ныне экспонатов музея), при реставрации и изучении которых есть новые открытия.

В Муроме бытует поговорка: «У Николы ноги мокрые», ведь бывали разливы, когда вода достигала подпорной стены храма. Наиболее выигрышно он и смотрится со стороны реки — с востока, выделяясь в панораме города оригинальной архитектурой и своей гармонией с ландшафтом. Привлекает и разнообразие подходов к нему из города, и каким путем ни пойдешь, всегда как-то неожиданно — вдруг — вырисовываются его очертания. Можно попасть к этой церкви с запада — от Никольской/Первомайской улицы через овраг, спустившись по горке-«музейке» (съезду Чулошникова), либо обойти верхом по улице Пролетной/Чулошникова⁸. Легче дорога туда от Троицкого монастыря по некогда одноименной ему, а ныне — улице Плеханова, что, свернув направо вниз, и приводит к храму Николы. Придешь к нему и с севера — от Воскресенского монастыря, спустившись с седьмого холма и прогулявшись из Кожевников улицей крайней над рекой (Пушкарской/др. концом ул. Плеханова). Дойдешь до него и с юга, сойдя с третьего холма, где Спасский монастырь, и двигаясь неспешно по набережной Оки. Проще всего сбежать к Николу Мокрому с соседнего пятого холма (Кремлевской горы) — со смотровой площадки Окского парка, или направиться к нему прямо с пляжа. Тогда надо пробраться мимо старинной водокачки через прибрежные заросли и ручьи и выйти к Никольскому роднику, что бьет под храмовой горой у реки.

Каменная церковь Николы Набережного (1700-1717) петровской эпохи сменила деревянный храм Николы Мокрого, упоминаемый в писцовых документах грозненского времени у «государева двора»⁹. Кроме него, в этих документах в качестве ориентиров размещения дворов на посаде, упоминаются еще две никольские церкви — обе во имя Николы Можайского — «на Скокове <горе>» и «на Воскресенской горе»¹⁰. Первая — каменная «государева строения», разрушилась через полвека; сменивший ее кирпичный Казанский храм с приделом Николы стоял на нынешней площади Р. А. Белякова (взорван в 1930 г.)¹¹. Другой Николоможайский храм — на гребне Воскресенской горы, был деревянным. В первой трети XVII в. его престол уже упоминается в приделе собора женского Воскресенского монастыря¹². Не исключено, что в эпоху Грозного существовал и четвертый Никольский храм, а также престол св. Николая в церкви Успения, неподалеку от которой был «двор владыки Рязанского» в одноименной храму улице (ныне ул. Красноармейская)¹³. В источниках первой трети XVII в. они упомянуты как деревянная церковь Николы «за хлебным рядом» и как один из приделов Успенского храма¹⁴. Кирпичная церковь Николы Зарядного (Зарядского) стояла на Никольской/Первомайской ул. против дома Зворыкиных (разрушена в 1930-е гг.)¹⁵. В каменном храме Успения Богоматери (1792-1835 гг., восстановлен в 2000-2010-е гг.) престола Николы уже не было¹⁶.

Наименование и близкое расположение к береговой линии храма Николы Мокрого в Муроме восходит к архетипам и связано с особенностями почитаниями Мирликийского чудотворца, по сказаниям не единожды спасавшего гибнущих на воде. Восточными славянами его почитание было заимствовано из Византии уже в ранний древнерусский период (память 6/19 дек.). Культ иноземного святителя на Руси преобразовался в самого популярного русского святого. Под 882 г. на могиле Аскольда летописи упоминают церковь (часовню) св. Николая. В XI в. стали известны переводы жития святителя и начал складываться никольский цикл, выявленный в составе рукописей XIV-XVII вв. В одной из них рубежа XIV-XV вв. (РГБ, Тр.-Серг. № 9) есть и древнейший список собственно русских сказаний о деяниях

св. Николая в Киевской Руси. Самое популярное («Чудо о некоем детищи утопшем, его же святей Никола жива сохрани») рассказывает о спасении им утонувшего в Днепре ребенка, найденного живым и мокрым от воды на хорах Святой Софии Киевской у иконы святителя, прозванной за это чудо «Николаем Мокрым»¹⁷.

Почитаемый образ Николы Мокрого, очевидно, был протографом для ряда древнерусских произведений иконописи, прежде всего киевских и новгородских. Икона Софийского собора реставрировалась А. В. Праховым в 1882 г. и в 1920-е гг. Во время оккупации Киева в 1943 г. она исчезла. Специалисты датировали ее по-разному — XIV, XV и XVI вв. Так что она могла быть только списком с легендарного образа Николы «Мокрого». Представляла поясное изображение благословляющего святителя с непокрытой головой, с закрытым Евангелием, по сторонам изображениями поясных Христа и Богородицы (размер 1 1/2 x 1 1/4 арш. — ок. 106,5x88,5 см)¹⁸. В 2016 г. из ряда публикаций стало известно, что

будто бы пропавший киевский образ Николы Мокрого находится в Нью-Йорке в Бруклинском соборе св. Троицы¹⁹. А. Вознесенский и Ф. Гусев в кон. XIX в. фиксировали, что около иконы Николы Мокрого на стене было изображено чудо спасения младенца самим Чудотворцем²⁰. Данный сюжет известен и в стенописи ярославских храмов XVII в., и позднего времени, например, в церкви Николы Чудотворца в Никольском Скиту Валаамского монастыря²¹. Фольклорный характер носит изображение Николы Мокрого с младенцем (девочкой) на руках в Нижнем-Новгороде, в настенной росписи крестильни Преображенского собора в Сормове²². Подобная иконография в народном вкусе используется и в современных украинских «рукописных иконах»²³. Происходило это киевское чудо с утопшим детищем по преданиям во времена князя Всеволода (1030-1093; великий князь киевский — 1076-1077; 1078-1093), но при каком митрополите — не совсем понятно: называют Ефрема (1054/55-1065; ум.?), и Иоанна II (ум. 1089 г.). В литературе встречаются и такие

Ил. 2. Храм Николы Мокрого на топографическом плане г. Муром. 1864. Копия. 1889. МИХМ

датировки киевского чуда: 1089 г., 1090 г., «в начале 1090-х гг.»²⁴. Как бы то ни было, по времени оно коррелируется с важнейшим для всех христиан событием 1087 г., когда мощи святителя Николая были перевезены из Мир Ликийских (Малая Азия) в итальянский город Бари (Апулия). Праздник в честь их перенесения был учрежден папой Урбаном II, но носил характер местного и не получил широкого распространения в католическом мире. Греческая церковь, утратившая эту святыню, вовсе его не признала. Но с начала 90-х гг. XI в. он стал отмечаться на Руси, что могло быть связано с принесением из Италии в дар частицы мощей Николая Чудотворца. Никольский праздник 9/22 мая стал, по сути, русским, несмотря на западное происхождение самого святого и первоначальное учреждения этого празднования папой Римским.

На Руси оба праздника в честь Чудотворца были уравнены в правах и назывались в народе Никола Зимний и Никола Вешний²⁵. Известно, что даже возводились отдельно храмы Николе Сухому (Зимнему) и Николе Мокрому (Вешнему). Связано это с особенностями нашего климата, когда полгода путь сухой по снегу, а полгода мокрый по воде. Вот и ставились никольские церкви и в центре города близ торжища, и возле переправ и мостов, и главных дорог²⁶. Очевидно, различались они и в Муроме, где было несколько храмов Николая. Наименование «Мокрый» многих никольских храмов чаще встречается в более ранних источниках и устных преданиях, что согласуется и с народной топонимией, и с реальным нахождением у воды, у реки, сырým местом, где строились эти церкви. Позднее, особенно в Новое время, они же получали и другие названия, и часто их упоминают под разными именами. Храмы Николая чудотворца строили на берегах рек во многих городах Древнерусского государства. На Киевском подоле известна церковь Николая на Притиске в устье Почайны, куда суда заводились на зимовье (упом. 1631 г., очевидно, была и ранее). Основание церкви, а также встреча и отправление важных судов сопровождалась крестными ходами. Ныне существующий там храм в стиле украинского барокко рубежа XVII-XVIII вв. по-прежнему именуют Николаем Притиска²⁷. А рядом с ним вблизи Днепра и другой храм — Николая

Набережного того же стиля втор. пол. XVIII в. Первоначальное его основание связывают с тем местом, где утонул ребенок, спасенный Чудотворцем и найденный у иконы Николая Мокрого в Софийском соборе²⁸. Основание первых никольских храмов в Новгороде совпадает с прибытием из Киева в 1113 г. «круглой иконы св. Николая»²⁹. Один заложили на Ярославовом дворище и освятили в честь Николая Сухого, поместив в нем круглую икону. Другой храм — поначалу деревянный (каменный — кон. XIII в.), построили на о. Липне в дельте Мсты, на берегу р. Плотницы. По Сказанию здесь и была обретена чудотворная икона, плавающая в воде³⁰. Можно предположить, что эта церковь в акватории Ильмень-озера была освящена в честь Николая Мокрого. В Пскове с XIV в. была известен храм Николая «над греблей», «у мосту». Он находился в стене Довмонтова города — второго пояса каменных укреплений кремля, на краю рва — искусственной реки-канала — от р. Великой до р. Псковы (церковь упраздн. в кон. XVII в., сохранились руины)³¹. В Москве приходская церковь Николая Мокрого была в Зарядье Китай-города в бывшем Мокринском переулке (уничтожена в 1932 г.). В XIV в. храм стоял над пристанью на Москве-реке; фиксируется летописями втор. пол. XV в. Место его нахождения тогда называли болотом. Полагают, что прозвище «Мокрый» может происходить из-за постоянной здесь сырости от наводнений и дождей³². В Рязани до кон. XVIII в. храм Николая Мокрого находился близ впадения Трубежа в Оку, за что, будто бы, он и получил такое наименование³³. В Колострове одноименная церковь стояла в древнем месте города на Нижней Дебре на берегу Волги, застраиваемая с XIII в. (ныне ул. Лесная). Красивый каменный храм 1734 г., очевидно, сменивший деревянный, снесли в 1935 г.³⁴

Как и в Муроме, храмы, основанные в честь Николая Мокрого, существуют и теперь в Коломне, Владимире и Ярославле. Сохранились их каменные здания XVII — XVIII вв. построенные вместо деревянных. Считается, что в Коломенском посаде храм Николая Мокрого в низменном месте на берегу Москвы-реки существовал уже во времена Золотой Орды, но впервые он упоминается в писцовых документах 1577-1578 гг. Нынешний каменный храм в стиле московско-

го узорочья, украшенный 105-ю кокошниками (кон. XVII — 1719 г.), хоть и был освящен в честь Воскресения Словущего (с приделом Николы), чаще называют Николой Посадским³⁵. Церковь Николы Мокрого в Галеях (на Галеях) — один из древнейших храмов Владимира. Деревянная предшественница не сохранилась, а новая — в камне — построена в 1732-1735 гг. Необычное название храма вблизи корабельной пристани на Клязьме, вероятно, было производным от слова «галея» (лат. *galea*, греч. *γαλέα*), означавшего парусно-гребное судно (позднее заимствовано слово — «галера» из нем. *Galeere* или итал. *Galera*)³⁶. Великолепный ярославский храм Николы Мокрого построен в 1672 г. и украшен внутри росписями 1673-1674 гг. В Ярославле бытует предание, что первый деревянный Никольский храм в городе построили здесь на месте древнего языческого капища на берегу Которосли, между двумя ее притоками Паутовым и Ершовым ручьями. А жертвенный камень заложили в церковный фундамент. В различных документах, где упоминается деревянная церковь, о ней уже говорят, как о храме Николы Мокрого. Одни ярославцы считают, что название от заболоченного места, другие — потому, что Святитель Николай оказывал особую помощь терпящим бедствия на воде; третьи вспоминают древнюю киевскую икону Николы Мокрого, сказание о которой воплотилось и в сюжетах настенных росписей ярославских церквей³⁷. В Муроме в документах грозненской поры «Мокрым» именовался и сам храм по своему местоположению, и участок южнее него в овраге: «Двор государя царя у Николы Мокрого во Рву на Мокром зелёной» (пороховой)... на посаде ж против Николы чудотворца, что на Мокром, царев и великого князя двор»³⁸. В далекие княжеские времена по местному преданию именно здесь — напротив Николы, чуть выше Мокрого места, — две недели жили в шалаше святые Петр и Феврония, когда их выгнали из города. Неразлучные супруги ждали, пока им строили лодки. И уплыли они от церкви Николы вниз по Оке к Перемиловым горам (возвышенность на правом берегу Оки в пределах б. Муромского у. Владимирской губ.; ныне Вачского р-на Нижегородской обл.). А на месте их пребывания забили сразу 13 святых источников. В 1864 г. их объединили в общий «коло-

дезь», где брали воду для городского водопровода, а над ним воздвигли деревянную часовню Божией Матери «Живоносный источник»³⁹. Городская легенда о верных супругах, которым пришлось испытать на себе, что «с милым рай и в шалаше», является интересным дополнением к известной «Повести о Петре и Февронии» Ермолая-Еразма сер. XVI в. Принято считать, что за именами святых стоят летописный муромский князь Давид Юрьевич, умерший в схиме в 1227/1228 г. и его супруга, не упомянутая в летописях. Подобного рода рассказы о Петре и Февронии перекликаются с так называемой «Муромской» редакцией их жития рубежа XVII-XVIII вв.⁴⁰. Неизвестный автор, возможно муромец, тесно связанный с народной средой, написал вариант жития, который приближен к устным рассказам о святых, возникшим на основании самой Повести. Так, у него Петр и Феврония, изгнанные боярами, Муром вообще не покидали, а пережидали неурядицы так же, как и в устном варианте, на берегу Оки, правда, под стенами другого храма — Крестовоздвиженской церкви, что на втором холме⁴¹.

Вполне согласуется с традицией и почитание в Муроме Никольского родника, бьющего у подножия храма. Среди чудес св. Николы известно изгнание им бесов из древа и кладезя (колодца), часто представляемые в клеймах русских икон и храмовых росписях объединенными в одной сцене. Как, например, в 7-м клейме иконы «Святитель Николай Чудотворец, с житием» пер. пол. XV в. с 12-ю клеймами из собрания К. В. Воронина, опубликованной Е. М. Саенковой⁴². Или во фреске Никольского цикла в приделе собора Ферапонтова монастыря, расписанного Дионисием в нач. XVI в.⁴³ Показаны эти эпизоды и в житийных иконах Муромского музея — «Никола Гостунский», с 16-ю клеймами кон. XVI в. из Троицкого монастыря и «Святитель Николай чудотворец», с 24-мя сценами ок. 1677 г. из храма Николы Зарядского⁴⁴. Данный сюжет имеется и на 8-м из 10-ти клейм иконы «Никола Можайский» иконописца Кирилла Сивкова 1752 г. из церкви Знамения Благовещенского погоста Александровского уезда (ГИАХМЗ). В тех местах были старые безымянные часовни с колодцами внутри (Константиновский приход), как полагают, освященные прежде в честь св. Николая.

Особо почиталась Крутецкая часовня, что стояла в лесу вблизи р. Серы, окруженная болотами, где когда-то на кочке явилась икона святителя Николая. Каждую весну сюда бывал крестный ход на Николу Вешнего. «Говорили, что сам святитель Николай вырыл этот колодезь и что старей, лежавший в часовне крест, явился чудесным образом на дереве. К этому деревянному ветхому обрубку с вырезанным на нем крестом, прикладывались проходящие из Александрова на фабрику в Карабаново»⁴⁵. Сцены изгнания св. Николой бесов из древа и кладезя в русском искусстве, как правило, восходят к переводному тексту т. н. «Иного жития» св. Николая — о деяниях св. Николы Пинарского или Сионского (VI в.), известном на Руси уже в XI в. Отрывки из него и чудеса использовал Симеон Метафраст (X в.) для жития св. Николы Мирликийского (IV в.); оно пришло к русским из Болгарии в XIV в. и стало «каноническим»⁴⁶. Деяния и чудеса двух святых Николаев слились в одном образе Николая Чудотворца, который известен борьбой с язычеством, в т. ч. разрушением храма Артемиды. Он также прославился тем, что изгнал «грешного духа» из огромного дерева по просьбе жителей Плакомы; очистил молитвой замутившиеся источники воды для народа Арнабанды; обнаружил скрытый чистый родник на горе Каисар, о чем рассказывает анонимный автор VI в. в произведении „Vita Nicolae Sionitae”⁴⁷. Муромская легенда фиксирует, что Никола неоднократно являлся и у нашего Никольского родника: «Очень чтим муромлянами Никольский источник, текущий из-под Николо-Набережной церкви... По преданию он омывает серебряный крест, находящийся под алтарем

церкви. Несколько раз здесь являлся Николай Угодник. Сколько безбожные не засыпали родник, он все равно пробивался. На роднике собираются в Крещение на Иордань»; «Шел однажды какой-то святой или знаменитый человек (за прошедшие века имя его забылось), воткнул в землю посох и забил источник. Несколько раз на нем являлся Николай Угодник»⁴⁸. Очевидно, и из муромского родника святитель изгонял нечистого духа.

Согласно другой городской легенде, по злому умыслу беса муромцы-святогоны выгнали из города св. епископа Василия. И пришел он именно на это место под храм Николы, где бьет Никольский родник, и чудом поплыл на своей мантии вверх по течению р. Оки в Рязань. (Вопрос о прототипе этого святого не решен. Один Василий жил в XIII в. и был поставлен в епископы в 1294 г.; другой — в следующем столетии и в епископы был поставлен в 1356 и ум. ок. 1360 г.). Предание о св. Василии уже существовало ко времени его литературной обработки, о чем свидетельствует сам автор «Повести о св. епископе Василии» 1540-х гг. — Ермолай-Еразм: «Яко же слышах, тако и написах»⁴⁹. А конкретная топографическая привязка к берегу под Николой, вероятно, появилась позднее как уточняющая Повесть дошными муромцами: «Но св. Василий остановился на берегу на том месте, где сейчас церковь Николы Мокрого (Николы Набережного)»⁵⁰. Одно из местных преданий эпического характера называет Никольский холм местом захоронения павших защитников Муром от золотоордынских завоевателей: «Однажды татары осадили Муром. Жаркая схватка была при взятии Посада, на том месте, где позднее поставили Николо-На-

Ил. 3. Курбанин. Вид г. Муром кон. XVIII в.; копия кон. XIX в. МИХМ. Храм Николы Набережного под № 6

бережную церковь. Здесь павших русских и похоронили». Будто бы «были они очень большого роста и крупного телосложения»⁵¹. И, конечно же, с этим храмом, как и со многими другими на Руси, связано представление, что будто бы из-под него идет подземный ход под рекой, в нашем случае — «за Оку на бугры: Золотой Бугор, Зеленую Шишку, Малый Бугор (Старая деревня)»⁵².

От легендарных историй, обратившись к научным данным археологических исследований этой территории, воспользуемся отчетами экспедиций, работавших здесь в советские годы, и наблюдениями современных муромских археологов. По мнению В. В. Бейлекчи и В. В. Родина, «топография Николо-Набережного селища, Кремлевской и Богатыревой гор, отделенных друг от друга естественными преградами, позволяет говорить о некоем конгломерате с центром на Кремлевской горе». Они полагают, что, исходя из известных ныне археологических данных, нижняя хронологическая рамка Николо-Набережного селища относится ко времени не ранее X в., или даже — не ранее XI в., как уточняет в своей монографии В. В. Бейлекчи (2005)⁵³. Ими отмечалось, что, хотя исследования на селище проводились в очень малом объеме, это не помешало выводам авторов первых раскопок в 1946 г. — Н. Н. Воронина и Е. И. Горюновой — стать хрестоматийными⁵⁴. Данный памятник археологии был открыт еще за несколько лет до того — в 1939 г. И. П. Богатовым⁵⁵ (1895-1980), директором Муромского музея (1923-1924; 1930-1957). Работы Муромской экспедиции АН СССР 1946 г. у д. Николы Набережного, как и в двух других местах города, носили характер разведочный. Они состояли в сборе подъемного материала и закладке раскопа площадью 25 кв. м. Он был расположен от храма в 48,5 м к северу, на кромке коренного Окского берега, поднятой над уровнем воды на 15 м; здесь при предварительном осмотре осыпей был обнаружен культурный слой значительной мощности (3,0), были собраны многочисленные фрагменты гончарной керамики XI-XIII вв. и более ранней лепной⁵⁶. «Вся свита напластований» по отчету 1946 г. «расчленяется на три основных слоя». Верхний из них (до глубины 1,3 м) — смешанный, где наряду со стеклом и керамикой XVI-XIX вв. были найдены и единичные фрагменты лепной

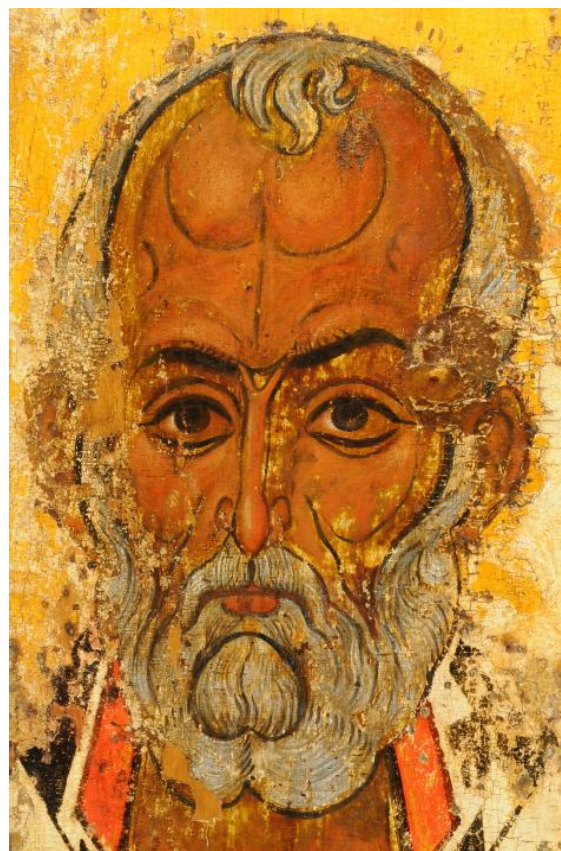
и курганной керамики XI-XII вв.; в этом же слое были обнаружены обломки стеклянных браслетов и стеклянного перстня, 2 шиферных пряслица. «В связи с хронологической четкостью стратиграфии и вещевого комплекса нижележащих слоев, ранние вещи описанного слоя могут быть без всякой ошибки использованы в характеристике культуры древнего Муром»⁵⁷. Средний горизонт культурного слоя селища (идет в глубину на 1,4-1,5 м до уровня 2,3-2,7 м) в целом был отнесен к домонгольскому городу (X-XIII вв.); слой пожара в его верхней части, по мнению Н. Н. Воронина, может быть связан «с монгольским разгромом» (вероятно — 1239 г., когда Муром был сожжен ордынцами вслед за Рязанью). В нижнем, муромском горизонте (толщиной около 1 м от 2,5-2,7 и до 3,6 м), были расчищены сгоревший венец строения и остатки настила из плах; этот слой, лежащий на материке, тоже прикрыт свидетельствами пожара, отделяющими его от лежащего над ним русского слоя. Как полагал Воронин, «трудно сказать, связаны ли эти следы пожара с борьбой за обладание Муромом» на рубеже X-XI вв., но «это очень правдоподобно». Он также заключил, что этот слой «столь резко отличен от слоя X-XIII вв., что почти не представляет сомнения его принадлежность к иной культуре и более раннему времени»⁵⁸ (однако и теперь пока нет данных, подтверждающих более раннюю датировку).

Наиболее полно в отчете 1946 г. описан средний — «русский слой» — с «обилием разнообразных находок, характеризующих с различных сторон жизнь древнего Муром». О развитии гончарного промысла свидетельствует керамика разного времени и типа: «Характерно взаимодействие старых форм лепной посуды и новой гончарной». Явно преобладает гончарная посуда курганного типа (ее обломки, многие с клеймами мастеров, принадлежат печным горшкам средней величины; встречаются обломки и толстостенных сосудов с высокими стенками «типа квашней»)⁵⁹. «Муромские мастера редко употребляли волнистый орнамент, предпочитая различные комбинации прямых параллельных линий» и с «большим чутьем соотносят орнамент с величиной и формой сосуда», что делает «каждый сосуд своего рода произведением искусства». Отмечено бытование посуды из белой глины сер. XII в. — «очень

нарядного вида» и раннее появление «красной средней» керамики высокого обжига, типичной для XIII-XV вв.⁶⁰ Наряду с местной посудой найдены обломки «болгарской керамики, представленной, как и в Суздале и Владимире, обломками больших амфорообразных сосудов-корчаг ярко-красного тона и с вертикальными полосами лощения. Любопытно, что они встречены преимущественно в средних горизонтах слоя, м. б. отвечая периоду мирных связей с болгарями после договора Владимира — т. е. XI в.»⁶¹. Весьма интересно, что рядом с церковью Николы археологи обнаружили следы медеобрабатывающего промысла: медная патина на пластах слоя; множество медных шлаков, целый кусок выплавленной меди весом в 1,5 кг, целые тигли (и их обломки). В отчете констатировалось: «Весьма вероятно, что наш раскоп около ц. Николы находился неподалеку от самой мастерской медника и нами были собраны ее отходы»⁶². Археологи фиксируют костерезное ремесло высокого уровня (гребешки и пр.); развитие домашнего рукоделия (множество пряслиц); наличие характерных женских украшений домонгольского периода (обломки разноцветных стеклянных браслетов, перстней, бус хрустальных, сердоликовых, пастовых)⁶³. В отчете отмечено, что «бревенчатые строения XI-XIII вв. отражены в раскопе у ц. Николы лишь отдельными обгоревшими разрушенными бревнами, но сохранились куски глиняной обмазки пазов стен или накатов, обожженных в огне пожара». Неожиданными стали для участников экспедиции «следы каменного строительства» на посаде Муроме в XII-XIII в.: «В раскопе у ц. Николы неоднократно встречены пятна и скопления известкового раствора с включениями угля — характерные для владимирского XII века состава. До сих пор мы имели сведения о находке белокаменных архитектурных обломков от здания XII в. около нового собора в Кремле»⁶⁴ (но и сейчас нет новых подтверждений факту каменного строительства в домонгольском Муроме). По мнению участников экспедиции, «примечательно, что в этом удаленном городе ее (культуры. — О. С.) облик носит столь ярко выраженный русский характер, что он почти неотличим от культуры центрально-русских городов»⁶⁵. После раскопок на Николо-Набережном селище 1946 г., производились его археологические ис-

следования в 1969 и 1970-1971 гг. (В. Б. Королев; Н. В. Тухтина); проводилось обследование канализационной траншеи на ул. Чулошникова в 1994 г. (В. Я. Чернышев). Полученные данные и находки XII-XIII вв. также в основном относятся к древнерусскому городу⁶⁶.

Помимо археологических материалов наиболее ранним артефактом, связанным с Никольским храмом, является древнейшая икона Муромского «Святитель Николай Чудотворец» (Муромский музей), по свидетельствам кон. XIX в., почитавшаяся как чудотворная. На пороге XXI в. в результате длительной реставрации (ГосНИИР, 1970-2004) был открыт этот важнейший памятник истории и искусства древнего города. Специалисты датируют икону из храма Николы Мокрого кон. XIII — пер. пол. XIV в.⁶⁷. Стало быть, в это время в Муроме уже могла существовать Никольская церковь, но по сохранившимся источникам известная лишь со втор. пол. XVI в. Э. С. Смирнова констатирует «изолированное положение муромской иконы св. Николая среди памятников иконописи всего северо-восточного региона», от-

Ил. 4. Святитель Николай Чудотворец. Кон. XIII — пер. пол. XIV в. Фрагмент иконы. МИХМ

мечая, что «при всей схематичности письма», она «содержит на редкость выразительный и оригинальный образ великого мирликийского епископа»⁶⁸. Видя в муромском образе черты сходства с новгородской иконой святителя Николая 1294 г. из Липенского монастыря (НГОМЗ), исследователь находит в нем и близость к некоторым византийским памятникам нач. XIV в.: «К числу признаков искусства палеологовского периода относятся внимательное и участливое, а не отрешенное выражение лика св. Николая, склоненный силуэт и эмоциональный жест Христа»⁶⁹.

Наша икона принадлежит к иконографическому изводу, сложившемуся в Византии и широко распространенному на Руси в XII–XIV вв. — с поясным фронтальным изображением святого в фелони и омофоре, с закрытым Евангелием. По сторонам святителя на образе из муромского храма Николы Набережного представлены Христос и Богоматерь. В целом данная иконография соответствует изображению на упомянутой выше киевской иконе «Никола Мокрый» (муромская несколько меньшего размера — 99x74,5 см.; киевская — ок. 106,5x88,5 см). Возможно, муромский образ в те времена и ассоциировался с киевской святыней и чудом спасения св. Николой младенца. Ведь с XI в. Муромское княжество являлось волостью киево-черниговских князей. А историю детища, утопшего в водах Днепра, предание от-

Ил. 5. Ю. И. Беззубов. Церковь Николы Набережного. 1970-е. Бум., кар., акв. 28x28

носит ко времени ок. 1090 г., т. е. через несколько лет после распространения в Муроме христианства (1070-1080-е гг.) и незадолго до утверждения на муромском престоле (1097) Ярослава (Панкратия) Святославича (1070-е гг. — 1129) князя черниговского, муромского и тмутараканского, внука Ярослава Мудрого, младшего сына Святослава Черниговского и Оды Штаденской (Бабенберг). Как известно, Ярослав Святославич интересовался вопросами православного учения, и именно ему киевский митрополит Никифор (1104-1121) адресовал свое Послание о латинянах⁷⁰. По мнению А. В. Кузьмина, в церковной и научно-популярной историографии с Ярославом (Панкратием) ошибочно отождествляют легендарного крестителя Муром — святого благоверного князя Константина, о котором рассказывает его Житие («Повесть о водворении христианства в Муроме» сер. XVI в. — не позд. 1560-х гг.). Как он полагает, в местном предании о Константине могли переплестись биографии нескольких представителей этой княжеской династии⁷¹.

Однако открытая реставраторами икона святителя Николая отнесена к другой эпохе Муромского княжества. Несмотря на монголо-татарское нашествие, пожар и разорение города в 1239 г. муромские князья той же киево-черниговской династии какое-то время удерживали в своих руках принадлежавший им удел. Так, под 1248 г. летописец сообщает: «Женися князь Борисъ Василковичъ (Ростовский. — О. С.) у Ярослава у муромьского князя»⁷². После этого в муромской истории медиевисты отмечают «темное столетие» — от сер. XIII до сер. XIV в., когда летописи не упоминают ни одного имени здешнего князя. В этот-то промежуток неизвестности и попадает создание иконы св. Николы в муромском княжестве (кон. XIII — перв. пол. XIV в.). К. А. Аверьянов показал, что в этот период Муром являлся владением татарских баскаков, а муромские князья XIV в. не были наследниками предыдущих и относятся к другим ветвям потомства Рюрика⁷³. Между тем, летописи, описывая разорение ордынцами Северо-Восточной Руси 1281 г., косвенно фиксируют, что в храмах и монастырях Муром, как и в других городах этой земли, были «иконы и кресты честныя, и сосуды священныя служебныя, и пелены, и книги, и всяко

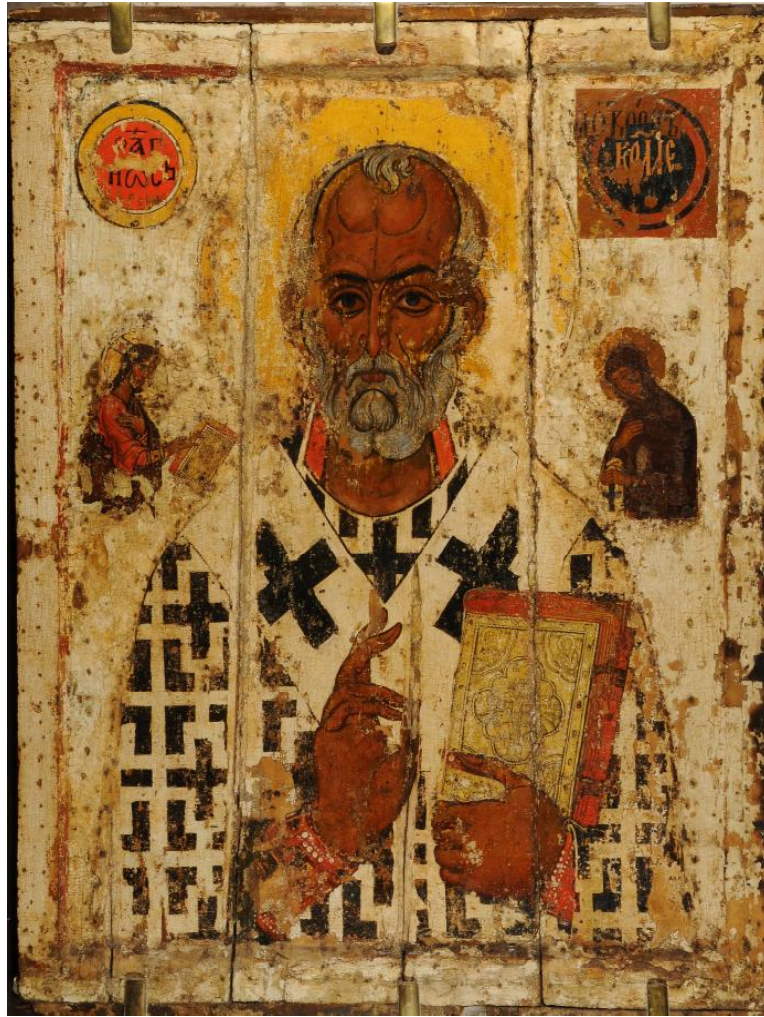
узорочие»⁷⁴. Весьма трудно предположить, что могло сохраниться в церковном убранстве Мурома после этого набега и последующих — 1288 и 1293 гг.⁷⁵ Если только полагать, что иконописцы могли работать до 1281 г. и потом уже в самом кон. XIII — нач. XIV в. Э. С. Смирнова считает, что, хотя и соблазнительно датировать икону св. Николы сер. XIV в., когда летописи отмечают возрождение города и обновление храмов муромским князем Юрием Ярославичем в 1351 г., все же это произведение по стилю и живописи относится к более раннему времени⁷⁶.

Как было указано выше, интенсивность посадской жизни на шестом муромском холме в древнерусский период была выявлена археологами и подкреплена находками XI-XIII вв. Вполне логично предположить, что уже тогда здесь существовал Никольский храм, и, соответственно, в нем были иконы. Однако этому нет подтверждений в сообщениях летописей и других письменных источников вплоть до грозненского времени. Итак, впервые храм Николы Мокрого упоминается в «Выписи из писцовых книг г. Мурома» (1566)⁷⁷. А его описание и нахождение в нем храмовой иконы св. Николы в драгоценном окладе имеется только в документе, составленном более чем полвека спустя. «Сотная с писцовых книг г. Мурома» (1623/24) представляет деревянную «церковь великого чудотворца Николы на Оке реке на берегу по конец Пушкарские улицы» — клетскую, с папертью; с приделами Федора Стратилата и Козьмы и Демьяна.

Рассматриваемая нами древняя икона св. Николы фиксируется здесь впервые и с подробностями: «Образ мес[т]ной великого чудотворца Николы обложен серебром басмен[н]ым, венец, да 3 гривны басмен[н]ые ж. Да у того образа на полях приписано образ Всемиловитого Спаса, да образ пречистые Богородицы, венец и гривны серебряные басменные ж»⁷⁸. Составители этого документа по традиционной форме указывают, на чьи средства создавался храм и убранство, считая все созданием царским: «А церковь и в церкве образы и свечи и книги и ризы и все церковное строение блажен[н]ые памяти государя царя и великого князя Ивана Васил[ь]евича всеа Руси (Ивана IV. — О. С.)»⁷⁹. Если допустить, что абсолютно все без исключения в храме Николы

Мокрого было создано по личному благочестию Ивана Грозного, то и происхождение нашего важнейшего артефакта — древнейшего образа Николы, становится вовсе неясным: что, если он сам специально привез его в Муром? Думается, что писцы этого документа в первой четверти XVII в. не могли быть столь доскональными. Впрочем, даже авторы описи храма Николы Набережного конца XIX в. не подозревали, что под «темным письмом» иконы св. Николая Чудотворца может скрываться настолько древняя живопись. Они датировали ее XVI в. — единственную среди других «древних» икон храма XVII-XVIII вв. (вероятно, привязывая ее ко времени Ивана Грозного)⁸⁰.

Весьма интересно сопоставить описания рассматриваемого городского топоса в двух самых ранних писцовых документах (1566 и 1573/74). «Выпись из писцовых книг г. Мурома» (1566), представляет город всего через полтора десятка лет после памятного пребывания здесь с войсками царя Ивана Грозного с 13 по 20 июля 1552 г. во время Казанского похода. Проживание его в Муроме зафиксировано в официальном «Летописце начала царств» (1550-е)⁸¹ и проиллюстрировано в Лицевом летописном своде (1568-1576). В Царственной книге (ОР ГИМ. Синодальное № 149)⁸² нахождение царя в городе его «сродников» — св. князей Петра и Февронии — отображено не только воинскими сюжетами. Миниатюры показали и моление царя о победе над Казанью у мощей чудотворцев (л. 483об.-484), и чтение полученного им Послания от митрополита Макария (л. 489об.-490), в котором духовный наставник призывал царя Ивана к змеборчеству и чистоте в браке (молодой государь был в разлуке со своей первой и любимой женой — царицей Анастасией)⁸³. И все это время он, должно быть, располагался в хоромах на специально устроенном «царевом дворе» у Никольского храма на шестом холме: «Двор государя царя у Николы Мокрого по конец Пушкарской, дворник Ивашка Федоров сын Шевяк; двор государя царя на другой стороне в Пушкарской полененной, стоят подключники и повары; двор государя царя у Николы Мокрого во Рву»⁸⁴. Неподалеку от государева двора, что был у храма Николы, вдоль берега — вплоть до стоявшего севернее храма

Ил. 6. Святитель Николай Чудотворец. Кон. XIII – пер. пол. XIV в. МИХМ

Ильи Пророка — в 1566 г. проживали ремесленные люди: серебряник, кожевник, рыбаки, калачник, седельник, пирожник и др.⁸⁵ В подобном документе, составленном всего через несколько лет (1573/74), фиксируется: «В Муроме на посаде за городом государя, царя и великого князя двор против Николы Мокрого, а на нем хоромы горницы и повалуши и сени згнили и развалялись. А живут на нем дворники Ивашка Шевяк неремественной человек. Царя ж и великого князя двор поледенной, а ставятца на том дворе царя и великого князя подключники да повары, коли живут у государя рыбные ловли. На посаде ж против Николы чудотворца, что на Мокром, царев и великого князя двор зелейной. Да против города во рву царя и великого князя вощечня, а в ней пробирают воск торговые люди, а откупают ее вместе с тамгою»⁸⁶. Здесь обращает на себя внимание, что всего двадцать лет спустя после проживания на царском дворе в Муроме Ивана Грозного, все

его жилые строения пришли в негодность. Может от того запустения и возникли местные предания, связывающие его пребывания в городе с другим местом — у храма Козьмы и Демьяна, где будто бы и «был раскинут роскошный» походный шатер царя, откуда и следил государь за переправой своих войск через Оку и даже лежал здесь больным целую неделю⁸⁷ (вместо того, чтобы с удобством расположиться на царевом дворе в хоромы, но у преданий своя логика — легендарная).

Первое визуальное отображение исследуемого городского локуса с храмом Николы и царским двором логично было бы поискать на самых ранних видах Мурома. Как известно, гравюра с изображением нашего города, как и ряда других, помещена в изданиях книги «Описание путешествия в Московию и через Московию в Персию и обратно» немецкого ученого и путешественника Адама Олеария (1599-1671)⁸⁸. Вероятно, им был сделан предварительный рисунок, когда он про-

плавал мимо Мурома по Оке в 1636 г. Во французском издании «Путешествия» Олеария 1719 г., кроме гравюр с его собственных набросков, помещено еще восемь с подписью Н. Витсена — виды русских городов, среди которых и Муром. Они вошли и в один из томов серии Всемирной галереи 1724 г. Николаас Витсен (1641-1717) сделал рисунки для этих гравюр во время путешествия в Московию в составе голландского посольства Якоба Бореля в кон. XVII в.⁸⁹ Изображения на гравюрах весьма условны, хотя и имеют некоторые реальные черты: пологий берег реки на переднем плане, город, стоящий на возвышенном противоположном берегу, наличие городской стены (хотя и деревянной в реальности, а не каменной, как на гравюрах), проезжая башня с воротами со стороны Оки. Несмотря на явную приблизительность первых изображений Мурома, нельзя все же исключить, что некие постройки, показанные рисовальщиками уже за пределами кремлевской (крепостной) стены в правой части, могут обозначать строения государева двора с Никольским храмом (к тому времени это место уже числилось за Троице-Сергиевым монастырем).

Как эти первые виды Мурома, так и наиболее ранние подробные данные о городе в писцовых документах относятся к эпохе царя Михаила Федоровича. В цитируемой выше «Сотной с писцовых книг г. Мурома» (1623/24) при описании церкви Николы «на Оке реке», помимо храмового образа Николая Чудотворца, зафиксировано и все другое убранство. В местном ряду было всего 7 образов. Вместе с главным Никольским перечислены: Богородицы Одигитрии; Зосимы и Савватия; Николы с деяниями; пророка Или; Фрола и Лавра; Богородицы Воплощения (все на празелени, обложены серебром). К ним указано «7 свеч поставных с красками». Названы еще: царские двери; деисус; образ Богородицы запрестольный с серебряным венцом и жемчужными серьгами; на престоле — «крест воздвизальной», обложенный медью; на жертвеннике — сосуды оловянные; «евангел[и]е пис[ь]мен[н]ое» с медными евангелистами; «2 октая пис[ь]менные, апостол печатной, печат[ь] московская, минея общая, да служебник печатные ж, треод[ь] постная да треод[ь] цветная, да пролог, да книга Иван Златоуст все пис[ь]менные». В одном из двух приделов был местный

образ «на празелени» Федора Стратилата и мученицы Ирины на одной доске (явно вклад царя Федора Иоанновича и царицы Ирины) и «образ Богородицы на золоте». В другом приделе значатся местные иконы: Козьмы и Демьяна, Богородицы, архистратига Михаила (на празелени, обложены серебром). А «на колокольнице 6 колоколов, а в них весу по смете 20 пуд»⁹⁰. В «Писцовой книге г. Мурома» (1636/37) фиксируется уже не одна деревянная Никольская церковь, но и при ней теплая, деревянная же — Зосимы и Савватия Соловецких. В нее был перенесен их образ из Никольского храма, а к нему было прибавлено еще два богородичных образа (один из них запрестольный); правда, двери царские в этой церкви устроили «на золоте». В данном документе из описания как будто следует, что обе церкви созданы на деньги Ивана Грозного⁹¹, хотя в более ранней «Сотной» 1623/24 г. о теплой церкви упоминаний нет. В обоих документах у Николы: «двор государев рыбной», с которого отпускали к Москве царю Михаилу Федоровичу «с поледною рыбою»; двор бояр Воротынских; двор Троице-Сергиева монастыря, на том месте, где был «двор блаженные памяти государя царя и великого князя Ивана Васильевича всеа Руси, как он приходил под Казань»; «дворишки бобыльские» и дворы двух никольских попов Стефана и Никифора⁹².

Храм Николы с территорией при нем упоминается и в других фискальных документах XVII в. (1646, 1649, 1676). В 1640-е гг. во времена Алексея Михайловича здесь уже не было государева рыбного двора; у Николы в Пушкарской улице не считаются и тяглые дворы, так как проживали в этом месте исключительно льготные категории горожан (церковнослужители и пушкари)⁹³. Служба пушкарей была потомственной, в мирное время они занимались и торговлей, и разными ремеслами. Согласно «Списку с переписной книги г. Мурома» (1646) среди жителей Пушкарской улицы был, например, бронник; несколько семей кормились портновским ремеслом, некоторые специализировались на изготовлении пуговиц. В этом документе интересно поименована церковь — со всеми названиями, какие были в ходу к тому времени: «Да за рвом на горе улица Пушкарская, а в ней церкви святого Николы чудотворца словет

Ил. 7. Ю. И. Безубов. Вид с музейной горки. 1970-е. Бум., кар., акв. 28x40

Мокрой Набережной у реки Оки на берегу»⁹⁴. Любопытны при описании повседневных дел пушкарских жителей упоминания об их связях с некоторыми хорошо известными по другим источникам муромцами. Например, отмечено, что сын портного мастера Гришки Степанова Родька «по закладной кабале у Богдана Цветнова, и ныне де с ним в Острахани служит за долг на пять лет»⁹⁵. Тарасий Борисович Цветнов, по прозвищу Богдан, незаурядная личность в Муроме XVII века: один «из лучших людей» города, купец московской торговой сотни, строитель и ктитор Троицкого и Благовещенского монастырей; один из героев и создателей «Повести о Виленском кресте»⁹⁶. А два брата «по матери родной» из церковных бобылей — Евфимка Васильев да Обросимка Савельев «ходили на судах у Федора Веневитова»⁹⁷. Очевидно речь идет о Федоре Лукьяновиче Веневитинове, тоже «из лучших муромцев», торговом человеке той же престижной корпорации, храмоздате в приходе Никола Можайского и Спаса Нерукотворного в Муроме⁹⁸. Наконец, упоминается, что здешний пушкарь Ивашка Константинов сын Чернов «за двенадцать рублей денег» продал свой двор «подъячому муромские съзжие избы» Ивану Кучукову. А место то подле бывшего полюдного двора государя занято «ярышкой Омелькой извозчиком», которое ему велено «очистить»

в пользу подъячего. А у последнего писцами зафиксирована на то «государева грамота», присланная «во 148 году (1640. — О. С.) из Пушкарского приказа в Муром к губному старосте к Дружине Осорьину»⁹⁹. Каллистрат (Дружина) Георгиевич (Юрьевич) Осорьин (Осоргин) — городской дворянин из детей боярских (ок. 1574 — ок. 1645 гг.). В пространство культуры вошел как писатель-новатор, автор первой русской светской биографии («жития-мемуара»), причем, собственной матери — св. прав. Иулиании Муромской (Лазаревской)¹⁰⁰.

В таком документе, как «Список со строельной книги г. Мурома» (1649), отмечено, что у храма Никола на церковной земле был двор соборного попа Никифора. Любопытно, что приобретал он тот двор у того же пушкаря в «(7)141 г» (т. е. ок. 1633 г.) Ивана Чернова, что значится продавцом двора у полюдной горы подъячому Кучукову по источнику 1646 г. Из «Списка со строельной книги» 1649 г. также выясняется, что некоторые лица, проживавшие на церковной земле при храме Никола Мокрого, были отписаны к посаду «в тягло с их старыми дворами». То есть, теперь пятеро таких жителей, про которых отмечено: «родиною муромцы», переставали быть льготниками. Два брата Суриных обозначены скорняками, а двое братьев Усовых —

швалями (в данном контексте очевидно — швецы, портные). Только про одного Федотку Сарычева сказано, что он «кормится работаю» (т. е. не определенным ремеслом, а случайными подработками)¹⁰¹. Все они значатся и в «Списке с окладных книг г. Мурома И. Т. Усова» (1652), где отмечено, что с прежнего места от Николы Мокрого «те бобыли сведены с церковной земли на посадскую землю». Из этого документа становится более понятно, каким ремеслом занимались братья Усовы (шваля): «Кормятца кропают ветошинишко» (видимо латают и перешивают ветошь — старую одежду). Братья Сурины здесь уже не числятся скорняками, а так же, как Федька Сарычев, «кормятца черною работаю»¹⁰².

В кратком описании никольской территории в «Окладе Муроме с уездом» (1676) за № 6 фиксируется: «Церковь Николая Чудотворца Набережного. У тое церкви дв[ор] попа Флора, дв[ор] попа Христофора, дв. попа Никифора, да приходских посадских тридцать три двора, да пушкарских три двора, да бобыльских два двора, да двор боярской, а в нем живет дворник. Да к той же церкви Государева жалованья половина Озерка Беловоца да два истока, да запалых пять озерков, да бортной ухожей, да десять мьст церковных. По окладу данных денег рубль двадцать семь алтын»¹⁰³. По-прежнему здесь числится двор попа Никифора и двух новых батюшек. Предполагают, что один из них — Христофор — отец московского священника Дмитрия Христофорова, строителя каменного храма Николы в Муроме в 1700-1717 гг.¹⁰⁴ Можно констатировать, что в наименовании храма в этом документе отсутствует прозвище «мокрый», а употреблено только топографическое определение — «набережный» — по своему положению на береговой террасе реки Оки. Любопытно содержание вкладной надписи на печатной Минее 1696 г., приложенной, видимо, еще в старый храм Николы в 1702 г. (приведена в описании древних предметов Никольского храма кон. XIX в.). В ней храм именуется по-прежнему, а кроме упомянутого попа Никифора фиксируется имя еще одного никольского священника: «1702 г. Марта 18 дня сию книгу Троице Сергиева Монастыря Иеромонаху Вавила(?) для ради своего душевного спасения тельснаго здравия, для ради вьчнаго поминовения

родителей своихъ въ Муромъ къ церкви Николая Чудотворца Мокрого, тоя церкви при Священникахъ при Никифоръ при Борисъ приложилъ»¹⁰⁵. Видимо вкладчик по каким-то делам бывал здесь на дворе (слободе) Троице-Сергиева монастыря, что был у Николы. Вероятно, по «приказу» того же иеромонаха к той же «церкви Святого отца Николая» через два года было приложено Евангелие московской печати 1698 г. (позже заключено в серебряный оклад с финифтяными дробницами 1821 г. — МИХМ. Инв. № М-5364. Спец. №54)¹⁰⁶. Во вкладной надписи 1704 г. на листах этого Евангелия вкладчик поименован «Вавилой Кудреватым, иеромонахом и уставщиком Новоспасского монастыря»¹⁰⁶. Из описания 1676 г. не ясно, был ли тогда при храме Николы второй — теплый храм. Из более поздних источников известно, что до 1803 г. поблизости был деревянный храм Сошествия святого Духа на апостолов (его престол был перенесен в основной храм). Не понятно, существовали ли отдельно церкви — Зосимы и Савватия, прежде бывшая, и Духовская. Не исключено, что перестроенная теплая церковь в XVII-XVIII в. могла быть освящена вместо соловецких святых — в честь праздника Духова дня¹⁰⁷. Сложно представить, как выглядел Никольский ансамбль в кон. XVII в. и каково было его внутреннее убранство, т. к. не сохранилось описаний этого времени. Только опираясь на разрозненные сведения о нем и об утраченных произведениях, находящихся здесь, а также привлекая сохранившиеся памятники иконописи и прикладного искусства, можно лишь приблизительно создать некую «виртуальную» картину.

Очевидно, это были деревянные строения, скорее с двумя церквями, чем с одной; жилища постройкими, окруженные частоколом с воротами, над которыми висела икона Николая Чудотворца. Подходящий образ, датированный XVII в., еще в кон. XIX в. числился среди древностей храма Николы Набережного: «Изображение главы Святителя Николая в увеличенных размерах 31x22,5 вер. (ок. 136,4x99,0 см. — О. С.), что заставляет думать, что эта икона помещалась когда-либо на значительной высоте, например, на воротах, письмо темное на доске с выемкой»¹⁰⁸. Во внутреннем храмовом убранстве в кон. XVII в., вероятно, еще присутствова-

ли иконы, упомянутые выше в описаниях первой трети того же столетия. Прежде всего, это хранящийся в музее древний образ Николая Чудотворца XIII-XIV вв. Кроме того, с некоторыми из указанных в тех описаниях образов можно отождествить иконы XVII в., сохранившиеся до кон. XIX в. в Духовском приделе («Смоленская Божия Матерь», «Зосима и Савватий», «Архангел Михаил», «Федор Стратилат») ¹⁰⁹. С первой из них можно идентифицировать икону Муромского музея «Богоматерь Смоленская» XVII в., еще не раскрытую реставраторами (МИХМ. Инв. № М-6679. 97x69 см; сравни: 22x15,5 верш. — ок. 96,8x68,2 см). Другие «древние иконы», находящиеся там же, в т. ч. «монастырского письма», происходили тоже из старой Никольской и «прежней» Духовской церкви («св. Петр», «св. Феврония», «Рождество Христово», «Недреманное Око», «Страстная Богоматерь»; «Сошествие св. Духа» и др.) ¹¹⁰. Последняя, очевидно, та самая икона «Сошествие Св. Духа», что ныне также в музее и датируется XVIII-XIX вв. (МИХМ. Инв. № М-6675. 102x49,5 см; сравни: 23x11,5 верш. — ок. 101,2x50,6 см). До реставрации рано говорить о создании ее в более раннее время. Кроме того, в музей попали и две

Ил. 8. Св. Никола Можайский. Кон. XVII в. (?). Почитаемый резной образ церкви Николы Набережного. Фото из архива Н. Г. Добрынькина. 1890. МИХМ

богородичные выносные иконы, одна из которых, «Богоматерь Смоленская» с двумя святыми на обороте, предварительно датируется XVI-XVII вв. (МИХМ. Инв. № М-6718. 49x37 см, выс. древка — 98 см). Из памятников иконописи Никольского храма XVII в. в настоящее время отреставрирована и введена в научный оборот только икона «Богоматерь Знамение, с муромскими святыми» втор. пол. XVII в. (МИХМ. Инв. № М-6763. 32x28 см). В небольшом богородичном молебном образе со св. Константином, Михаилом и Федором, Петром и Февронией отражено почитание иконы Знамения как защитницы христиан и муромских святых как покровителей города и семейного благополучия ¹¹¹. Частицы мощей князя Константина и его сыновей заключены в одном из сохранившихся крестов, поступивших в музей из церкви Николы. В небольшом серебряном чеканном золоченом кресте-мощевике московской работы (?) рубежа XVII-XVIII вв. (МИХМ. Инв. № М-5141. Спец № 17; 7,8x7x1,5 см) ¹¹² они помещены вместе с другими реликвиями, в т. ч. частичками мощей св. Зосимы и Савватия, в честь которых здесь был освящен теплый храм. Второй крест напрестольный — мощевик 1694 г. (МИХМ. Инв. № М-5335. Спец № 27; 37,4x21,7x2,3 см), очевидно московского серебряника, отличается особенностью в разработке сюжетов, где сочетается традиционная древнерусская иконография с заимствованиями из западных гравюр ¹¹³. В храме Николы Набережного в кон. XIX в. был еще серебряный чеканный «малый напрестольный крест» XVII в. с изображением в рост св. Николая на рукоятки ¹¹⁴.

К данной эпохе относился еще один чудотворный образ Никольского храма — резное изображение св. Николы Можайского кон. XVII в. (после древнего поясного образа XIII-XIV в.). При анализе сведений кон. XIX в. выявляется, что среди всех упоминаемых чтимых икон в церквях Мурома только он был статуарным изображением. В. Г. Добронравов отмечает, что это именно «резное изображение Николая Чудотворца Можайского» ¹¹⁵. Тогда как при его фиксации в рукописной «Описи древних церквей г. Мурома» кон. XIX в. среди «древностей» церкви Николы Набережного, он, как и все другие, назван ико-

ной и датирован XVIII в.: «Икона Св. Николай Чудотворца Можайского, 20 вер. (ок. 88 см. — О. С.), украшена серебряной ризой и митрой со стразами»¹¹⁶. При закрытии церкви скульптура исчезла. Об этом сообщается в поздней «музейной приписке» на ее описании Н. Г. Добрынкиным 1890 г. (МИХМ. Инв. № М-16341/1). Краевед представляет фото чудотворного резного образа и дает его характеристику: «В церкви Николая Набережного в г. Муроме в числе икон есть многочтимый образ Николая Чудотворца Можайского, резной, в богатом серебряном окладе позднейшего времени; величиною 1 аршин 2 вершка (ок. 80 см. — О. С.). Святитель изображен стоя, лик и руки покрыты тельною краскою; меч металлический, несколько изогнутый, — в правой руке; церковь деревянная, позолочена — в левой; митра серебряная, медальоны на ней со св. изображениями финифтяные; шестикрылые херувимы серебряные, вызолоченные. Наружную резьбу по дереву нельзя было видеть, так как оклад припилен множеством гвоздей. Чудотворец вырезан из липового дерева в полплоты. Имеет свою легенду. Образ, вероятно, перенесен из прежде бывшей церкви, существовавшей здесь в конце XVII столетия, потому искусство резьбы Святителя нужно считать в том же столетии»¹¹⁷. Жаль, что Н. Г. Добрынкин, упомянув о легенде, связанной с почитаемым образом, не раскрывает ее содержания. Что касается происхождения и датировки, то, вероятно, он был довольно близок к истине. Насколько можно судить по угасающему снимку фигуры муромского Николая, она имеет сходство со скульптурой Николая Можайского нач. XVIII в. в собрании ГИМа¹¹⁸.

Каменный храм, возведенный на здешнем месте в эпоху петровских перемен, неузнаваемо изменил облик территории и совершенно преобразил вид шестого холма и всей панорамы Мурома с реки. Первые визуальные источники с его изображением относятся к кон. XVIII в. Кирпичная церковь Николая Мокрого показана на двух рисунках с панорамой г. Мурома Курбанина¹¹⁹. На одном из них пояснение: «С натуры из-за реки Оки снимал и чертил муромский частный пристав Курбанин». Чуть ниже и левее церкви Николая видна еще одна небольшая, не обозначенная в экспликации, церквушка (вероятно, Духовская);

Ил. 9. Церковь Николая Набережного. Вид с запада. Фото 1970-х. МИХМ

правее вверх по горе выстроились домики прихожан. Изображение архитектуры храма Николая Набережного весьма условно, но вид его, еще с первоначальной колокольней и без трапезной, вполне узнаваем. В Муроме он является образцом переходного стиля между древнерусским и европейским барокко. В плане почти квадрат, завершённый на востоке трехчастной апсидой; основной объем вытянут по вертикали, двухсветный, перекрытый сомкнутым сводом с пятью главами на глухих барабанах. Имея общие композиционные черты с постройками города XVII в., эта церковь отличается деталями нового времени — «петровского» барокко: пучки колонок на резных консолях по углам здания; наличники окон из подобных же колонок и с разорванными фронтонами; декоративные арки вместо закомар, почти шлемовидные по форме купола. В более поздней колокольне выполнены круглые оконюкарны вместо слухов и купольное завершение взамен шатра, а также трапезная в стиле ампир (1803), позже расширенная (1847). Несмотря на смешение стилей, архитектура Никольской церкви не выглядит эклектично и является по-

Ил. 10. Сивилла Агриппа. Фрагмент иконы «Сивиллы. Агриппа и Дельфика». 1715. МИХМ

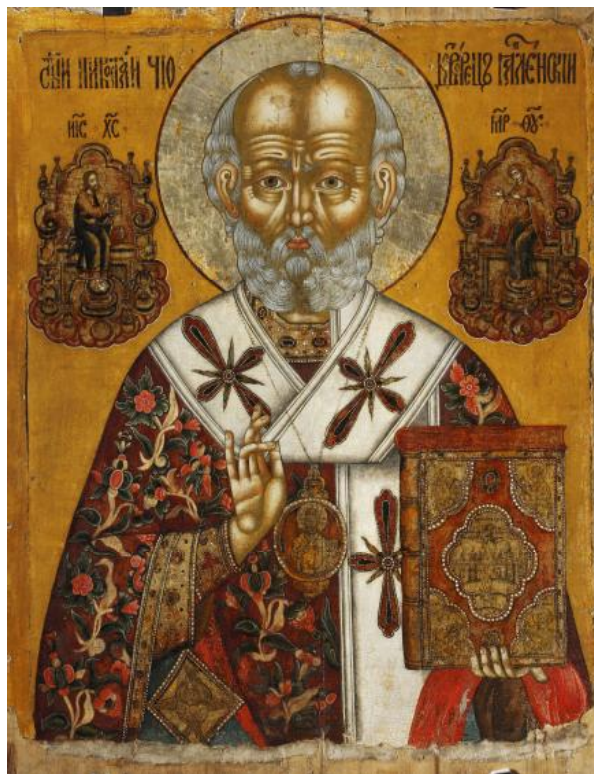
следним самобытным сооружением муромских зодчих¹²⁰. Наиболее яркая характеристика архитектуры этого муромского храма дана в путеводителе Г. К. Вагнера и С. В. Чугунова (1980), которые называют «высоченную церковь», расположенную «на самой кромке берегового обрыва», любопытнейшим образцом «компромиссного стиля» и считают, что «она, в сущности, несколько не барочна», неся в себе только некоторые элементы русской архитектуры кон. XVII в.; заключают: «Смесь всех стилей! Но в общем все это смотрится не как эклектика, а как нечто самобытное и даже оригинальное»¹²¹.

Храм в Муроме строился на средства священника московской церкви Воскресения Дмитрия Христофорова. В кон. XIX в. на клиросах еще сохранялась храмовая надпись: «Въ 1707 г. была взята благословенная грамота, в 1714 г. устроены иконостасъ, в 1715 г. написаны иконы; в 1716 г. иконостасъ былъ вызолоченъ, а в 1717 г. храмъ былъ освященъ по благословенію Преосвященнаго Стефана, митрополита Рязанскаго»¹²² (Стефан Яворский — 1700-1722). Имя ктитора Христофорова известно также из вкладных надписей на церковных предметах, сохранявшихся

в храме Николы до революции. К освящению церкви он пожертвовал серебряные чеканные и позолоченные литургические сосуды (потир, дискос, звездица, две тарели). На чаше потира были изображения Спасителя, Божией Матери и Иоанна Предтечи, внизу — сцены Страстей Христовых. По краю донца надпись: «1717 году генваря 2 день приложилъ сѣя сосуды въ церковь Николая Чудотворца Иерей Димитрей Христофоровъ ради вечнаго поминовения родителей своихъ». На дискосе было резное изображение Рождества Христова, на тарелях — Благовещения и Распятия; на звездице — Саваофа и четырех евангелистов. Было в них всего весу «2 фунта 57 золотников (ок. 1 кг 150 гр. — О. С.)». Его же надпись фиксировалась составителями дореволюционной описи на богослужебной книге «Пентикостарионе» — Цветной Триоди 1680 г., которая «пожертвована строителем храма иереем Дмитрием Христофоровым, что видно из надписи, сохранившейся на некоторых листах книги»¹²³. Представляется верным, что строитель храма родился именно в этом муромском приходе и, как принято считать, был сыном того самого попа Христофора, что упоминался в Окладной книге Муроме с уездом 1676 г. Безусловно, создание каменной церкви в новом вкусе на своей малой родине было амбициозным проектом столичного священника. Для того, чтобы убедиться в его просвещенном взгляде на церковное искусство, достаточно взглянуть на редкие изображения изящных сивилл-пророчиц 1715 г., располагавшихся на клиросах Никольского храма (МИХМ. Инв. № М-6704-6709; 77х89 см — размер двух икон; 77х50 — четырех)¹²⁴. И. Л. Бусевой-Давыдовой отмечено, что в XVII в. наступает новый этап широкого «воцерковления античности». И, что особенно важно, новым для Руси стало ее восприятие «как составной части европейской культуры Нового времени», в связи с этим первоочередной задачей было «освоение тезауруса античной культуры — в первую очередь мифологии». С языком античности знакомили буквари и азбуковники и более пространственные сочинения, «которые трактовали эту тему уже вполне по-европейски». Например, такой была подробная «Книга о сивиллах» Николая Спафария (1672-1673 гг.)¹²⁵, с которой, вероятно, был знаком наш Дмитрий Христофоров. Комплекс сивилл муром-

ского музея является наиболее ранним и полным из сохранившихся русских станковых памятников с изображением пророчиц. Двенадцать образов дев свидетельствуют о проникновении в церковное искусство нашего города новых и особенно «модных» с середины XVII в. в столице сюжетов. Для реализации планов московского иерея в Муроме в то время были творческие силы. Есть основания полагать, что над украшением Николо-Набережной церкви работали иконописцы мастерской Благовещенского монастыря, ведущим изографом которой был А. И. Казанцев (р. 1658 — упом. 1730). Мастер отразил представления новой эпохи о сивиллах-пророчицах: величественные и вместе с тем изящные «разумные девы», чей облик не лишен светских и «щегольских» примет. Изограф, не порывая с древнерусской традицией, придал образам более «мирской» и «легкий» характер¹²⁶.

Другие иконы для иконостаса нового храма, в частности, местного ряда, московский ктитор мог заказать своему земляку и соседу по муромскому приходу, о котором в «Описании г. Мурома» (1723) сказано: «Во дворе Леонтей Степанов сын Пупков 62 лет. У него сын Иван 12 лет. Имеет иконное мастерство». В этом приходе в интересующий нас период он единственный иконописец. В 1715 г., когда создавались иконы Никольского храма, ему было 54 года¹²⁷. Безусловно, это был уже вполне сложившийся мастер. Очевидно, он был более традиционного направления, чем его «продвинутый» коллега — изограф Александр Казанцев, почти сверстник (в 1715 г. ему было 57 лет). Сложно судить о творчестве посадского иконописца Пупкова, привлекая одно приписываемое ему произведение. Среди раскрытых реставраторами икон из Никольской церкви еще одну относят к этому же периоду — «Спас Смоленский, с припадающими святыми» первой четв. XVIII в. (МИХМ. Инв. № М-6677. 98x62 см)¹²⁸. Памятник представляет собой выразительный пример переосмысления приемов мастеров Оружейной палаты и повторявшихся многими провинциальными иконописцами. Живопись этой иконы упрощенная и грубоватая; не исключено, что образ мог быть написан иконником из другого прихода¹²⁹. Итак, не исключено, что именно Леонтию Пупкову было поручено создание местного

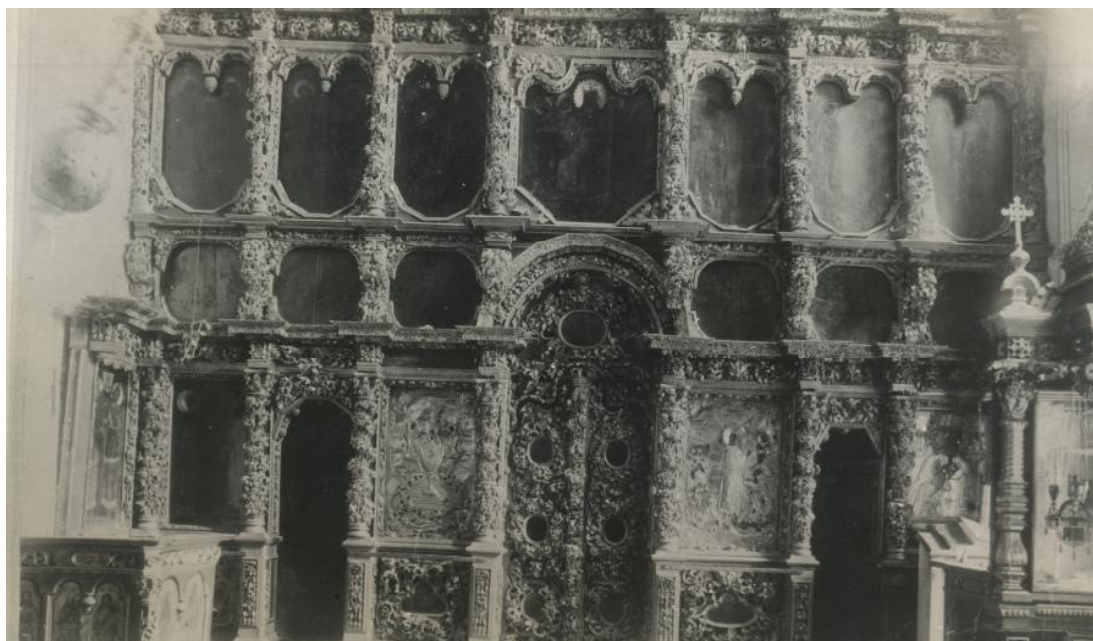
Ил. 11. Николай Чудотворец «Явленский». 1715. МИХМ ряда, в котором были иконы: Воскресения Христа — Сошествия во ад; Божией Матери «Живоносный источник»; св. Феодора Стратилата; свв. Зосимы и Савватия; свв. Космы и Дамиана и дошедший до нас храмовый образ св. Николая. Вполне вероятно, что Пупков — автор этой «новой» иконы — «Святитель Николай Чудотворец Явленский». 1715 г. (МИХМ. Инв. № М-6702. 89,5x70 см). Особое наименование святителя на ней — «Явленский» — открылось только при реставрации (ПСТГУ, 2005-2009 гг.), загадку которого в какой-то мере нам удалось разрешить в нашей статье (2017)¹³⁰. Образ «Никола Явленский» специально создавался для нового здания церкви и являлся в этом приходе, как нам представляется, третьим чтимым образом чудотворца (после древней иконы XIII-XIV в. и статуарного изображения кон. XVII в.). А. В. Бубчикова, реставратор иконы, отметила ее «сдержанный колорит», «статичную композицию» и «плоскостную трактовку» фигур. Описала светло-оливковый санкирь в основе личного; светлые и графичные пробела, розовую подрумянку, волосы и бороду святителя, что «писаны по серому»; фон, выполненный охристо-желтым пигментом. Обратила внимание на своеобразный узор одежд,

«ювелирный» рисунок «тончайшей кистью черной краской по золоту» на золоченых деталях, необычные изображения Христа и Богоматери, сидящих на тронах¹³¹.

Известно, что в честь икон Николы Явленского на Руси освещались храмы. В Пскове и ныне существует церковь Николая Чудотворца Явленного от Торга, в которой находился чтимый «слезоточивый» образ св. Николы, прославленный как «Явленный» в 1676-1677 гг. Поясное изображение святителя на нем по сторонам сопровождают не только Спаситель и Богоматерь, но и архангелы. С ним можно идентифицировать псковскую икону сер. XVI в. (ПМЗ)¹³². В уничтоженном московском храме Николы Явленского (Явленного) на Арбате находился почитаемый образ Николы чудотворца Явленского в рост, со сценами «деяний». Впервые он упоминается в 1617/18 г.; около 1628 г. уже прославлен и почитается царскими особами. Легендарный образ был чудесно спасен во время нашествия французов в 1812 г. и в 1877 г. значился среди московских святынь¹³³. Неподалеку от Муром в Николо-Бутылицкой пустыни (впер. упом. в 1566 г. Меленковский у. Владимирской губ.) тоже был образ с таким наименованием. Он значится в описи 1682 г., «учиненной» по приказу царя Федора Алексеевича в связи с припиской этой обители к Воскресенскому Ново-Иерусалимскому монастырю: «В монастыре церковь Николая Чудотворца... по правую сторону (царских врат. — О. С.) образ Св. Николая Чудотворца Явленного, оклад серебряной позолочен басмяной, венец чеканный, а в нем вставлены в гнезда большие цветные камни». Был ли он по иконографии ростовым, как в московском храме Николы Явленного, неизвестно. Видимо, он не был и поясным изображением, т. к. в той же описи указано, что таким в местном ряду был другой «образ же Николая Чудотворца на золоте поясной». В 1889 г. в бутылицком храме Николы был пожар, в котором погибли древние иконы. В конце XIX в. в нем, однако, чтилась «древняя икона Святителя Николая Чудотворца»¹³⁴. Но какая из двух названных в описи икон Николы, или совсем другая, неизвестно. Возможно, это был образ Николая Чудотворца (оплечный), обретенный по преданию в эпоху Ивана Грозного. И будто именно на месте его явления

государь основал Николо-Бутылицкий монастырь во время Казанского похода 1552 г.¹³⁵

Иконы и пелена XVII в. с этим редким наименованием поясного изображения святителя, как на муромской иконе, были выявлены нами еще в музеях Москвы (ГИМ) и Ярославля (ЯМЗ)¹³⁶. По иконографии они соответствуют «обычному типу святителя», представленному прорисью с образа «св. Николая Явленного» в Сийском иконописном подлиннике. Его составитель — архимандрит и иконописец Никодим (Василий Мамонтов, упом. в 1664 г., ум. в 1721 г.), не раз находился и жил в Москве по делам своего монастыря, где, очевидно, собирал прориси с московских икон¹³⁷. На Руси почиталось множество «явленных» икон Николы, но они обычно именовались по топографическому принципу — месту своего явления или местонахождения. Как удалось выяснить, определение «Явленский», или «Явленный», связано не с фактом явления самой иконы, а с «регистрацией» чуда, явленного от нее. В определенном смысле «явленский» и «чудотворный» — синонимы. Списки с таких икон получали эту особую именующую надпись. По одной из наших версий, главная икона муромского каменного храма Николы Набережного — «Николай Чудотворец Явленский» 1715 г. может являться своеобразным списком с древнего чудотворного образа Николы XIII-XIV вв. Надпись на новой иконе — «Явленский» — могла фиксировать чудеса, явленные древним образом Николы. Предположение, что древняя и новая иконы связаны, подтверждается сходством изображений на них Евангелий. Как выявили реставраторы древнейшей иконы Николы, рисунок верхней доски кодекса с позолотой и черневым рисунком, по стилю относится к XVII в.¹³⁸ Представляется, что поновлением чудотворного образа мог заниматься единственный иконописец этого прихода Леонтий Пупков, предполагаемый мастер новой иконы 1715 г. К появлению храмовой иконы Николы с наименованием «Явленский» в Муроме, помимо москвичатитора Дмитрия Христофорова, знакомого со столичными святынями, каким-то образом мог быть причастен и простой житель здешнего прихода — «сапожник Петр Васильев сын», а, скорее, — его отец. Сам Петр «прибыл в муромской посад по челобитной и по порушной записи» в 1718 г.

Ил. 12. Иконостас церкви Николы Набережного 1714-1716 (нижняя часть). Фото 1960-х.

«А скаскою он показал, отец ево был москвитин посадцкой человек приходу Николы Явленного, а которой слободы того не упомнит, понеже де после отца своего остался в малых летех»¹³⁹.

Пока не выявлены автор и исполнители утраченного ныне великолепного золоченого иконостаса Никольского храма 1714-1716 гг. Авторы описания древностей муромской церкви Николы Набережного в кон. XIX в. писали: «Иконостас главного храма сквозной резной работы высокого качества; изображает виноградная извивающие лозы с гроздьями и листьями: на верху царских (врат. — О. С.) корона; иконостас пятиярусный, увенчанный наверху крестом; он сохранил свою первоначальную позолоту, которая уже значительно потускнела»¹⁴⁰. «Своей торжественностью и высоким мастерством резчиков» он поражал Н. А. Беспалова¹⁴¹, главного архитектора Мурома в советские годы (он мог видеть его еще в целости в юности). Но и С. И. Масленицын в 1971 г., заставший эту грандиозную алтарную преграду уже в руинах, заметил: «Все детали ажурной резьбы покрыты листовым золотом, и иконостас в целом выглядит как изделие из драгоценного металла»¹⁴². Некоторое представление о нем, уже обветшавшем, можно получить, рассматривая фотографии 1960-гг.¹⁴³ В целом его архитектура и характер резьбы напоминает знаменитый роскошный иконостас той же эпохи петровского барокко в ниже-

городском храме Собора или Рождества Пресвятой Богородицы «строения» Строгановых (освящ. в 1719 г.). Муромский иконостас был многоярусным¹⁴⁴. Нижний (подольный) ряд располагался вровень с клиросами, на которых были иконы сивилл. По сторонам от великолепных резных Царских врат стояли иконы местного ряда в фигурных рамах. Над ними находились праздничный, деисусный, пророческий и праотеческий(?) чины. На самом верху все сооружение завершал страстной цикл, увенчанный в центре Крестом с Распятием (вероятно, более поздним). В собрании музея хранится похожий крест XIX в., поступивший из этой церкви (МИХМ. Инв. М-6806. 201x153, не реставрирован). Другой крест — резной запрестольный, с живописными изображениями, сейчас датируется предварительно так же (МИХМ. Инв. М-6807. 187x143, не реставрирован), но его вполне можно отождествить с крестом XVIII в., упоминаемом в описании Никольских древностей кон. XIX в.¹⁴⁵ В музее находятся и некоторые детали разрушенного иконостаса, поступившие в свое время как образцы работы искусных резчиков XVIII в. (МИХМ. Инв. М-4036-4046; 4048-4056). Известно, что заказчиком храма, соответственно, и иконостаса, был священник Христофоров, но, возможно, что и его земляки — жители прихода тоже участвовали в церковном созидании, выступая «коллективным ктиторм». По Опи-

Ил. 12. Сивиллы Европия и Самия. 1715. МИХМ

санию Коробова, составленном через шесть лет после освящения нового храма, «в Никольском приходе мокрого» было 27 дворов, мужчин 75 человек. В том числе: имели «купечество» 5 человек (у них детей 7)¹⁴⁶; хлебников 1 человек (у него детей 2); овчинников 2 человека (детей 4); портных мастеров 2 человека (детей 2); иконописцев 1 человек (детей 1); «мясного промыслу» 1 человек (детей 2); сапожник 1 человек, работников 1 человек; рыболов 1 человек (детей 1). «Огородной усадебной работы имеет прокормление 22 человека, у них детей 16 человек»¹⁴⁷. В общем, это был вполне самодостаточный для повседневной жизни «микрорайон» Муром первой четверти XVIII в. Конечно, все эти прихожане считали своим покровителем святителя Николая, ведь по народным представлениям их занятия и ремесла вполне вписывались в длинный перечень тех, кого патронирует популярный чудотворец: «моряков, рыбаков, портных, ткачей, мясников, купцов, мельников, каменотесов, пивоваров, аптекарей, парфюмеров, адвокатов, школьников, девушек, путешественников»¹⁴⁸.

Место с храмом Николая в Муроме обозначено при перечислении каменных церквей в «Топо-

графического описания Владимирской провинции» 1760 г.: «Николая чудотворца мокрого 1, при ней теплая деревянная» (не поименована, вероятно — св. Духа. — О. С.). Почти те же сведения об этих церквях даны в «Топографических известиях» Российской империи 1772 г., изданных по материалам 1764 г.¹⁴⁹ Репрезентативный кирпичный храм Николая Набережного представлен на нескольких известных панорамах г. Мурома кон. XVIII — пер. пол. XIX в. Помимо двух самых ранних, упомянутых выше, работ Курбанина 1790-х гг., любопытны еще виды города с реки Оки — 1834, 1839 гг. Более ранний из них на фоне муромской панорамы представляет переправу государя императора Николая I через реку Оку 12 октября 1834 г. «Картина» была нарисована очевидцем события местным учителем Г. Рябиковым. На ее основе в Муроме в 1836 г. была издана литография¹⁵⁰. Другой — «Побережье Оки: Общий Вид Муром. 31 августа 1839» исполнен с натуры по оригинальному рисунку Андре Дюрана; литография по нему отпечатана в 1845 г. (Париж)¹⁵¹. Третья панорама Муром с Оки — живописная, написана неизвестным художником и датируется сер. XIX в. (МИХМ. Инв. № М-6896. 58x98). Храм Николая Мокрого здесь белоснежный, а кровли и купола окрашены в зеленый цвет. Нам представляется, что этот вид относится ко времени до 1847 г., когда была расширена трапезная (иначе она была бы хотя бы частично видна)¹⁵². На этих видах рядом с каменным храмом Николая уже нет «теплой» церкви (ее престол перенесен в каменный храм в 1803 г.). Возможно, именно ее не раз подмывали и разрушали воды Оки при разливах. По крайней мере, П. С. Паллас, побывавший в Муроме в августе 1768 г., писал со слов «престарелых жителей», что «между снесенными водою строениями находилась церковь». На рассмотренных панорамах кон. XVIII — пер. пол. XIX в. заметно опасное местоположение храма Николая вблизи воды. Паллас отмечал, что «город Муром... построен на высоком левом берегу Оки... от прибывлой воды река повсюду отрывает часть от высокого берега... жилые дома... стоят на самом краю подрытого берега столь близко к погибели, что требуется к тому отменная смелость, чтобы в оных еще жить... так же две церкви и один монастырь уже находятся

в очевидной опасности чего ради и стараются соблюсти оные насыпью щебня и булыжника на низком берегу»¹⁵³. И действительно, «легендарную смелость» проявили муромские граждане 4 мая 1816 г., когда была страшная буря и волнение на р. Оке, «отчего потонул стоящий около собора мокшан Ярославского купца Оловянишников». Как писал В. М. Емельянов, «находившиеся на нем рабочие, спаслись, — частью благодаря великодушию и самоотверженности некоторых избранников из частных граждан г. Муром, которые с опасностью для своей жизни во главе с купцом Яковом Васильевым Усовым решились прибегнуть на помощь погибающим, употребив для этого катер императора Павла I, а другие спаслись на крыше мокшана, которую сорвало с народом с места и прибило к берегу Воскресенской горы, где народ и был переснят так, что никто не погиб. Во время этой бури в соборе били в набат в большой колокол, а при Николо-Набережной церкви вынесена была на берег икона Св. Чудотворца Николая»¹⁵⁴. Особенно ценно в рамках данной статьи свидетельство о молебне в момент бедствия на водах с иконой св. Николая Чудотворца, вынесенной из храма Николы Мокрого (вероятно, это был древний чудотворный образ).

Недолгое пребывание на Никольской горе Ивана Грозного превалировало в памяти муромцев и даже затмевало деяния ктитора Дмитрия Христофорова. Последний был забыт как строитель здешнего каменного храма чуть более чем через сто лет. Местный хроникер А. А. Титов в своем «Статистическом описании г. Муром» (1840) при перечислении городских церквей утверждал: «20-я Никольская, что на берегу. Церковь во имя св. Николая, о пяти главах, с приделом — Сошествия Св. Духа, построена царем Иоанном IV, на месте где была деревянная». Тем более, это удивительно, т. к. автор упоминает «московского иерея Дмитрия Христофорова», но не как строителя, а как вкладчика «одного из священных сосудов 1717 г.»¹⁵⁵. О ктиторе и времени строительства каменного Никольского храма не пишет и К. Тихонравов (1857): «После собора и трех монастырей в Муроме есть замечательные по древности приходские церкви... Церковь во имя Св. Николая Чудотворца, поставленная по сказанию Бартенева, на месте бывшей деревянной близ временного

дворца Царя Иоанна Грозного, который жил в нем во время пребывания в Муроме, собирая и вооружая рать пред Казанским походом»¹⁵⁶. Зато весьма ценным для нас является сообщение краеведа А. А. Титова в том же сочинении 1840 г., что «9 (22 — по н. с. — О. С.) мая сюда (т. е. к Николу. — О. С.) бывает Крестный ход»¹⁵⁷. Русской церковью с конца XI в. в этот день празднуется Никола Вешний или Мокрый. В Николин день на Руси, как и у всех восточных и южных славян, устраивали крестные ходы в поля и молебны у колодцев о дожде. После обходов принято было купаться в реке, плескаться и обливаться водой. Понятно, что главным храмом этого праздника в Муроме мог быть именно храм Николы Мокрого на берегу Оки. По народным представлениям нельзя было купаться до «Николина вешнего дня» (9/22 мая) и после Ильина дня (20 июля/2 авг.). Выделение среди святых Ильи и Николы, их соотнесение между собой и даже соперничество вообще очень характерно для русского религиозного сознания: «Чтим всех святых, а свят[ителя] Николая и пр[орока] Илию на первом плане»; «Николу молимся о всех нуждах, а Илье — о дожде»¹⁵⁸. В Муроме сопоставление двух главных святых проявилось в основании церквей в их честь на одной Пушкарской/Плеханова улице на берегу Оки, что, возможно, не было случайным. Деревянный храм Ильи пророка стоял на краю Воскресенской горы несколько ниже по течению реки от церкви Николы Мокрого. Он тоже упоминается впервые в писцовых документах эпохи Грозного (1566, 1574 гг.); деревянный Ильинский храм и теплая Казанская церковь при нем описываются в источниках времени Михаила Федоровича (1623/24, 1636/37 гг.)¹⁵⁹. По окладным книгам 1676 г. при Ильинской церкви было всего три приходских двора: подъячего и пушкарские, а также значился поп Михаил. Очевидно, именно этому священнику в 1677 г. «митрополитом было предоставлено право служить молебны на судах, которые останавливаются против церкви, ибо его церковь без прихода. За это право был положен оброк по 8 алтын 2 деньги на год». К началу XIX в. деревянная Ильинская церковь сильно обветшала и в 1811 г. была упразднена. Приход был приписан к храму Николы Зарядского, где освятили придел в честь исчезнувшей церкви, разместив в нем ее

Ил. 14. Муром. Церковь Николы Набережного и водокачка. Фотооткрытка. Нач. XX в.

древности¹⁶⁰ (неизвестно, по какой причине этот перенос не случился в находившийся ближе храм Николы Набережного).

Несмотря на свое близкое расположение к реке и кирпичные стены, храму Николы Набережного и строениям вокруг него тоже могла угрожать опасность от страшных пожаров, истреблявших в основном деревянный Муром. Так, картина, достойная быть отраженной в фильме-катастрофе, запомнилась многим муромцам — очевидцам пожара 4 мая 1859 г., буквально полыхавшего над Окой. Возможно, именно после этого происшествия Володи Емельянов — тогда отрок 12 лет, решил, что он сможет гораздо эффективнее заниматься пожарным делом в родном городе. Владимир Макарович Емельянов (1847-1923) — потомственный почетный гражданин, купец, городской голова (1891-1898) стал-таки начальником пожарного депо г. Муром и председателем Добровольного пожарного общества. В своем «Описании пожаров, бывших в Муроме» (1912) ту огненную стихию 1859 г., бушевавшую у реки, он представлял ярко и точно, как свидетель: «В 6 ч. вечера произошел сильный пожар в Николо-Набережном овраге на берегу реки Оки, где сгорело несколько домов и крахмальный завод Зворыкиных, огонь пробрался на воеводскую гору и жертвой пламени сделались там дома... и склад леса... рядом с бульваром, где загорелась беседка. Опасность угрожала Никольской церкви и собору, где в 12 часов ночи раздался благовест в большой колокол, извещавший

жителей о начавшемся пожаре при соборной горе. А мимо плывшие суда огнем подтягивало к берегу так, что едва могли оттолкнуть их шестами. За водой же к реке не было возможным проехать по причине сильной жары; воду на пожар возили по спуску от Николо-Зарядской церкви из общественного колодца около таможи, из козьей речки, находившейся около тюрьмы»¹⁶¹.

В XIX в. — веке литературы и просвещения в России, муромцы постепенно начинали смотреть на свои «церковные древности» с научной стороны, а изобретение и распространение фотографии давало все большие возможности их запечатлеть. В рамках всероссийского проекта описаний монастырей, церквей и приходов такая работа проводилась и в Муроме. Цитируемая в данной статье «Опись Николанабережной города Муромы церкви и древних предметов в ней находящихся» кон. XIX в. входит в состав конволюта с такими же справками о всех др. церквях города¹⁶². Материал составлялся в приходах под руководством знатоков церковных ценностей — Л. Белоцветова, священника и ризничего городского собора и Н. П. Травчетова, преподавателя муромского духовного училища¹⁶³. На панорамных видах Муромы втор. пол. XIX в. храм Николы Набережного представлен достоверно, отражены все изменения его архитектуры и территории. Например, как на гравюре К. Вейермана по рисунку А. Н. Нисченкова «Вид Муромы» 1874 г., где скрупулезно «прочерчены» и пристроенная трапезная с юга,

и подпорная стена вокруг церкви, и теснящиеся деревянные строения справа¹⁶⁴. В XX в. место с храмом Николы Мокрого становится отдельным сюжетом для работ художников и фотографов (профессионалов и любителей). Никольская территория со стороны города притягивает как заповедный уголок и олицетворение старого Мурома. А со стороны Оки поистине считается местным бельвю (фр. *Belle vue* — «красивый вид»). Наиболее яркими живописными отражениями этого места являются одноименные картины «Никола-Набережная церковь в Муроме» двух известных русских художников — А. Е. Архипова 1910 г. и И. С. Куликова 1916 г. (МИХМ. Инв. № М-7077. 32,5х39,5 см)¹⁶⁵.

Храм Николы Набережного был закрыт одним из последних в Муроме — в кон. 1940 г. В этот предвоенный год в газете «Муромский рабочий», начиная с 8 марта (собрания женщин артели «Тара»), велась активная антирелигиозная пропаганда. Печатались требования трудящихся «о закрытии последних очагов поповского дурмана в Муроме благовещенской и успенской церквей»¹⁶⁶. Каких-либо упоминаний о закрытии Николо-Набережной церкви в местной прессе

Ил. 15. Николо-Набережная церковь. Мальчик у дверей храма. 1940-е. МИХМ

обнаружить не удалось. Но значительное поступление икон в музей прошло по актам в ноябре 1940 г., что также подтверждает факт прекращения богослужений к этому времени. Однако и в 60-70-е гг. прихожане еще помнили, как располагались в храме иконы, где, например, был древний чудотворный образ Николы до изъятия его в музей. Он «находился с севера левого клироса алтаря придела Власия, на западной стороне деревянной тумбы». В те годы А. А. Епанчин по результатам бесед с верующими фиксировал не только местоположение никольских святынь, но и бытовавшие легенды. По одной следовало, что будто бы в 1940-х гг. власти хотели Николо-Набережную и Успенскую церкви снова отдать верующим, но настоятель Благовещенского собора о. Вениамин отказался, боясь уменьшения доходов собора»¹⁶⁷. В декабре 1942 г. вновь открыли только Благовещенский храм. Другая городская легенда гласила, что на наружной стене храма есть чудотворный образ св. Николая, который вновь и вновь проступает: «Сколько раз ее безбожники ни забеливали, она каждый раз проявлялась». А. А. Епанчин указывал, что она находилась «на северной стороне храма, между 1-й и 2-й ложными закомарами»¹⁶⁸. Очарование и некий священный трепет от этого чуда испытывала и автор настоящей статьи, приходя к Николу со своей бабой Мусей. Каждый раз внимательно присматривались мы к кирпичному полукругу, боясь, а вдруг не появится лик святого, но он проявлялся. Было это в сер.-кон. 1950-х гг. Только нам чудотворец являлся в центральной закомаре над алтарем. Н. А. Беспалов в своей книге 1970 г. чудо это разъяснил, но очарование тайны все равно осталось с детства. Он отметил, «что в нише центрального кокошника с восточной стороны просматривается роспись по кирпичу. Не исключено, что и в других кокошниках могли быть росписи»¹⁶⁹. Сведения именно о таком способе настенных изображений имеются в «Описи древних церквей города Мурома» кон. XIX в.: «Алтарь Никольского храма в XVIII веке украшен живописью масляной краской, произведенной прямо по кирпичу». В этом же документе приводится и датировка внутренней «стенописи на масле» — 1898 г.¹⁷⁰ Об одной из композиций этой стенописи сообщает в своей книге А. И. Скворцов

Ил. 16. Инкубатор в церкви Николая Набережного. Фото 1960-х

(2004). По его данным это была сцена «Никола Мирликийский избавляет от смерти трех невинно осужденных»¹⁷¹, повторяющая одноименное полотно И. Е. Репина (1888, ГРМ).

Заявленное в газетных статьях превращение церквей в «очаги культуры» в Муроме как-то не случилось. В начале шестидесятых автору доводилось часто прибегать к любимой церкви с подружками по двору. На входе в храм была вывеска о весьма специфическом учреждении: «Инкубаторная станция» (инкубатор). Умерших цыплят работники далеко не носили, а выбрасывали рядом с храмом. По крайней мере, маленьких трупиков там лежало немало. И мы специально приходили сюда хоронить «бедных птичек», делая над их могилками «секретки». Как-то раз чуть ниже алтаря, роясь в земле, обнаружили десертную серебряную ложку, решив, что она для причастия. Помнится, как мы сбегали к церкви Николая по замечательной булыжной мостовой. Теперь она закатана асфальтом и увидеть ее можно разве что в фильмах: «Невеста» 1956 г. (реж. Г. Никулин, В. Шредер; гл. роли — Т. Пилецкая, О. Басилашвили) и «В огне брода нет» 1967 г. (дебют реж. Г. Панфилова; гл. роли И. Чурикова и М. Кононов). В отличие от девочек, муромские мальчишки, как и везде, хулиганили, стараясь что-то закинуть в окна заброшенной церкви и даже поджечь. Случались

эти безобразия после того, когда здание покинул инкубатор. Директор местного музея А. А. Золотарев мечтал о создании в Николке экспозиций из двух отделов: деревянной скульптуры и истории р. Оки. Помнится, как в храме электрики только еще налаживали проводку для освещения: в полумраке поблескивал резной иконостас, а церковные скульптуры выстроились в ряд (летом 1969 г. автор статьи проводила все каникулы в музее: дежурства, экскурсии и пр.). Денег у государства не было, и сократили ставку сторожа, следившего за зданием церкви. Проникновения хулиганов внутрь наносили урон резьбе иконостаса и экспонатам, которые вновь эвакуировали в основное здание музея (Дом Зворыкиных). Последнее запечатлелось в памяти горожан, рождая новые Никольские легенды и предания. Говорят, скульптура Христа, брошенная безобразниками в реку, быстро уплывала по течению Оки, но сотрудникам музея все же удалось догнать ее, выловить и спасти. Церковь Николая Набережного оставалась пустой и обветшавшей, приобретая некую романтическую заброшенность, притягивающую влюбленных и художников. Наверное, это самый популярный у городских живописцев храм Муром и самое любимое место города в советское время. Тема отражения этого локуса в искусстве муромских художников затрагивалась нами в ряде статей¹⁷².

Ил. 17. Явление св. Николая Чудотворца св. прав. Иулиании Муромской. Клеймо гробницы. 1888

В новые времена, когда в 1991 г. в городе решался вопрос, какой из многих закрытых при советской власти храмов открывать в первую очередь, то главными претендентами были Троицкий монастырь и храм Николы Набережного. Как считают верующие, все решилось по предсказанию местной блаженной: «У Николы ноги мокрые, а Троица раньше откроется». Действительно, монастырь возобновили 15 мая 1991 г., а церковь Николы передали в том же году в декабре. Более шести лет она выполняла функции городского собора (10 дек. 1991 г. — 3 янв. 1998 г.). Вскоре после восстановления и освящения придела св. Власия 20 марта 1993 г. 19 июля в храм Николы торжественно перенесли гробницу св. праведной Иулиании Лазаревской из Благовещенского собора (переданную туда из музея в 1989 г.). Тут же среди верующих пошли разговоры о том, что вовсе не случайно владыка Евлогий, архиепископ Владимирский и Суздальский (ныне митрополит), распорядился поместить эту святыню в Никольском храме, а по чудесному указанию самого святителя Мирликийского, который не раз являлся муромской праведнице по ее житию¹⁷³. В одном из чеканных клейм ее раки 1888 г., выставленной для поклонения в церкви Николы Мокрого (в 1993-2014 гг.), как раз и представлена сцена посещения Иулиании св. Николаем Чудотворцем. В этом храме праведница «встретилась» еще с одним Николаем — здешним настоятелем, ми-

трофорным протоиереем (Стройковым — 1930-2015)¹⁷⁴. В течение пяти лет с 1997 г. он был истинным хранителем ее гробницы. По благословению батюшки была заведена тетрадь «Описание чудес, совершающихся по молитвам святой и праведной Иулиании». И сам вписал в нее свое «сонное видение»: «С первых дней и поныне, приходя в храм, в первую очередь я иду к мощам святой и праведной Иулиании Лазаревской, чтоб испросить ее благословение. И вот в один из этих беспокойных дней вижу в сонном видении Матушку, лежащую в раке. Я как будто по обычаю подошел приложиться к мощам и вижу, что тело святой по всей его длине перетянута широкими ремнями, завязанными прямым узлом. И эти узлы мне предстоит развязать. Мой растерянный взгляд падает на ее лицо. Она же с улыбкой, прищуря один глаз, смотрит на меня. А затем, протянув руку, шуточно щелкает меня легонько в лоб, как бы говоря: „Что ж ты, чудак, загоревал?“. Резко просыпаюсь, не испугался, а наоборот, ощущаю какое-то радостное, приподнятое настроение. Вскоре после этого нестроения успокаиваются. Еще вчера непримиримо враждующие стороны мирно расходятся. Все „узлы“ по молитвам святой и праведной Иулиании развязались как бы сами собой. С тех пор все свои скорби и проблемы я несу к раке мощей Всемиловтой Иулиании и нерушимо верю в их разрешение»¹⁷⁵. Более двадцати лет гробница св. Иулиании находилась

в храме Николы, куда к ней специально приезжали паломники, в т. ч. потомки самой святой из-за рубежа. Ныне, как и до революции, гробница находится в церкви Михаила-Архангела с. Лазарева Муромского р-на, бывшем имении рода Осоргиных¹⁷⁶. Новая история и мифология вокруг храма Николы Мокрого может стать предметом отдельного исследования. Нынешний настоятель храма (с 2005 г.) протоиерей о. Сергей Горячев, когда в 15 лет ощутил потребность в церкви, пришел именно сюда. После обучения в семинарии Троице-Сергиевой Лавры оказался здесь снова¹⁷⁷. Батюшка — яркая личность, и в его приходе идет своя особая жизнь. Среди здешних прихожан — известный советский русский актер Владимир Заманский и его супруга, актриса Наталья Климова. Двадцать лет назад они сменили столицу на тихий уголок в Муроме у Оки.

Комплексное изучение каждого отдельного значимого и знакового места города дает возмож-

ность составить как можно более глубокий анализ всего его исторического и культурного пространства. Рассмотренные в статье источники и сохранившиеся памятники искусства свидетельствуют о неординарности Никольской исторической территории и пристрастном отношении к ней муромцев. Исследования таких локальных объектов открыты и будут постоянно наполняться. В случае с храмом Николы Мокрого надежды в первую очередь следует возлагать на проведение серьезных археологических работ на шестом муромском холме и на новые открытия реставраторов, которым еще предстоит снимать слои записей на ряде икон, хранящихся в музее. Специальное исследование необходимо провести по иконографии храма Николы Набережного, систематизировав сюжеты изобразительных источников XVIII-XIX вв. и фотографий XX-XXI вв. Особой темой может стать отражение этого городского хронотопа в изобразительном искусстве и кино.

¹ Цивьян Т. В. Семиотические путешествия. — СПб., 2001. — С. 74.

² Позднякова Е. Ю. Городская топонимия и мифология в лингвокультурологическом аспекте (к вопросу о городском хронотопе) // Культура городского пространства: власть, бизнес и гражданское общество в сохранении и приумножении культурных традиций России. — Омск, 2013. — С. 89.

³ Там же. — С. 87.

⁴ Лотман Ю. М. Семиосфера. — СПб., 2001. — С. 325.

⁵ Там же.

⁶ Позднякова Е. Ю. Указ. соч. — С. 87-88.

⁷ Цивьян Т. В. Указ. соч. — С. 74.

⁸ Как показал В. Я. Чернышев, название ул. Пролетной — результат контаминаций: Пролетная — Полетная — Поледная, восходящая к наименованию горы, от которой она проходит — Поледной, где напротив ц. Николы Мокрого находился «поледенной государев двор». См.: Чернышев В. Я. Полетная гора. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://webcache.googleusercontent.com/search?q=cache:digcflqYd_UJ:www.murom.ru/node/1916+&cd=1&hl=ru&ct=clnk&gl=ru.

⁹ 1566 г. Февраля 8. Выпись из писцовых книг г. Муром писцов Д. А. Бутурлина с товарищи; 1573/74 г. — Сотная грамота Муромскому посаду писцов М. И. Шишелова И. Б. Григорьева // Кучкин В. А. Материалы для истории русского города XVI в. Выпись из писцовых книг г. Муром 1566 г. и Муромская сотная 1573/74 г. Археографический ежегодник за 1967 год. Отдельный оттиск. — М., 1969. — С. 297, 299, 304, 309, 311.

¹⁰ Там же. — С. 303, 313, 314, 298, 308, 310.

¹¹ Сухова О. А. Храм Николы Можайского в Муроме. История и древности // Христианская символика. Мате-

риалы XVI Всероссийской научной конференции памяти святителя Макария. — Можайск, 2009. — Вып. 16. — С. 192-208.

¹² Сухова О. А. Древности Муромского Воскресенского монастыря // Уваровские чтения — V. — Муром, 2003. — С. 123-134.

¹³ 1573/74 г. — Сотная грамота Муромскому посаду писцов М. И. Шишелова И. Б. Григорьева. — Л. 7 с. 308.

¹⁴ Сотная с писцовых книг г. Муром 1623/24 г. Памятники истории Муром. — Владимир, 2010. — Вып. 1. — Л. 70 об. с. 56, л. 74 с. 58; Писцовая книга г. Муром 1636/37. Памятники истории Муром. — Владимир, 2010. — Вып. 2. — С. 51, 72, 75.

¹⁵ Сухова О. А. Придел Леонтия Ростовского в храме Николы Зарядского в Муроме // История и культура Ростовской земли — 2006. — Ростов, 2007. — С. 271-280.

¹⁶ Добронравов В. Г. Историко-статистическое описание церквей и приходов. — Владимир, 1897. — Вып. 4. — С. 182.

¹⁷ См.: Багрий А. В. Киевский список чуда св. Николая об утопшем детище // Известия Отделения русского языка и словесности Имп. Академии наук. — Спб., 1914. — Т. 19. — Кн. 2. — С. 264-276 (исслед.), 276-280 (текст); Вознесенский А., Гусев Ф. Житие и чудеса св. Николая чудотворца архиепископа Мирликийского и слава его в России. — СПб., 1899. — Рис. 4 на с. 177, рис. 22-23 на с. 236, рис. 24-25 на с. 237, рис. 26 на с. 238, рис. 27 на с. 239; С. 188-191, 235-239; Макеева И. И. Культ св. Николая Мирликийского в русской культуре: «свое» и «чужое» // Международная конференция «Маргиналии 2010: границы культуры и текста». Каргополь, 25-26 сентября 2010 г. // [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://uni->

persona.srcc.msu.ru/site/conf/marginalii-2010/thesis.htm.

¹⁸ См.: Захарченко М. Киев теперь и прежде. — Киев, 1888. — С. 186; Жишкочевич В. І. Святый Миколай Мирлікійський в українському іконописі XI-XV століть // Жишкочевич В. І. Українська культура: з нових досліджень. Збірник наукових статей на пошану С. П. Павлюка з нагоди його 60-ліття. — Львів, 2007. — С. 541; Верещагина Н. В. Чудотворный образ Николы Мокрого в восточнославянской культурной традиции // Верещагина Н. В. Правило веры и образ кротости... Образ свт. Николая архиепископа Мирликийского в Византийской и Славянской агиографии, гимнографии и иконографии. — М., 2004. — С. 406-407; Жолтовський П. М. Український живопис XVII-XVIII ст. — Київ, 1978. — С. 24. Шулика В. В. Образ св. Николая Чудотворца на Слободській Україні // Волинська ікона: дослідження та реставрація. Матеріали XIX міжнародної наукової конференції м. Луцьк, 24-25.10. 2012 р. — Луцьк, 2012. — С. 73-80.

¹⁹ Осипчук Игорь «Останки Ярослава Мудрого, скорее всего, находятся в церкви Святой Троицы в Нью-Йорке» // [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://webcache.googleusercontent.com/search?q=cache:Kux5ziBViA8J:fakty.ua/214631-ostanki-yaroslava-mudrogo-skoree-vsego-nahodyatsya-v-cerkvi-svyatoj-troicy-v-nyu-jorke+&cd=1&hl=ru&ct=clnk&gl=ru>; Киевские чудеса св. Николая // [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://webcache.googleusercontent.com/search?q=cache:B6iZ69Wi17IJ:https://www.interesny.kiev.ua/ru/kievskie-chudesasvyatogo-nikolaya/+&cd=3&hl=ru&ct=clnk&gl=ru>; Бугаевский А. В. Современные исследования жития св. Николая Мирликийского // [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://webcache.googleusercontent.com/search?q=cache:wQfZkO-MZCgJ:www.hram-feodosy.kiev.ua/icon_col_24.htm+&cd=19&hl=ru&ct=clnk&gl=ru.

²⁰ Вознесенский А., Гусев Ф. Указ. соч. — С. 186.

²¹ [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://webcache.googleusercontent.com/search?q=cache:0kbYHJODylUJ:www.temple.ru/iconography.php%3FTerminID%3D1829+&cd=13&hl=ru&ct=clnk&gl=ru>.

²² Икона Никола Мокрый // [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://zariana.ucoz.ru/publ/poznavatelno_i_uvlekatelno/ikona_nikola_quot_mokryj_quot/15-1-0-39.

²³ [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://www.ikonny-dvor.com/ikony-svyatyh/nikolaj-chudotvorec/nikolaj-mokryj-pisana-ya-ikona-ir32-.html>.

²⁴ Вознесенский А., Гусев Ф. Указ. соч. — С. 239; Лосева О. В. Русские праздники в древнейших церковных календарях // Русское средневековье. — М., 1999. — С. 26; Мокеев Г. Можайск — священный город русских. XVI век. — М., 1992 // [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://webcache.googleusercontent.com/search?q=cache:qGSPyJFjM5UJ:www.mozhaysk.su/%3Ftp%3D03_5sv_gor/03+&cd=13&hl=ru&ct=clnk&gl=ru; Романов Г. А. Крестные ходы в честь святителя Николая // Добрый кормчий. Почитание святителя Николая в христианском мире. — М., 2010. — С. 253.

²⁵ Перенесение мощей Николая Чудотворца 9 мая входит в

состав праздничной Минеи кон. XIII-нач. XIV в. (РНБ Соф. 382, л. 1-5об.). Самое раннее упоминание праздника 9 мая в месяцеслове относится ко втор. пол. XIII в. См.: Лосева О. В. Указ. соч. — С. 25-26; Перевезенцев С. В. Почитание на Руси святителя Николая Мирликийского // [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://webcache.googleusercontent.com/search?q=cache:-C3H24HyC3FoJ:www.portal-slovo.ru/history/35219.php+&cd=11&hl=ru&ct=clnk&gl=ru>.

²⁶ Мокеев Г. Указ. соч.

²⁷ Закревский Н. Летопись и описание города Киева. — М., 1858. — С. 181; Романов Г. А. Указ. соч. — С. 253; Церковь Николая Притиска // [Электронный ресурс]. — Режим доступа: https://webcache.googleusercontent.com/search?q=cache:h_0OqnnDJCIJ:https://ru.wikipedia.org/wiki/%25D0%25A6%25D0%25B5%25D1%2580%25D0%25BA%25D0%25BE%25D0%25B2%25D1%258C_%25D0%259D%25D0%25B8%25D0%25BA%25D0%25BE%25D0%25BB%25D1%258B_%25D0%259F%25D1%2580%25D0%25B8%25D1%2582%25D0%25B8%25D1%2581%25D0%25BA%25D0%25B0+&cd=1&hl=ru&ct=clnk&gl=ru.

²⁸ Парафія св. Миколи Набережного м. Києва. — Київ, 2015. — С. 5.

²⁹ Смирнова Э. С. Круглая икона св. Николая Мирликийского из Новгородского Николо-Дворищенского собора. Происхождение древнего образа и его место в контексте русской культуры XVI века // ДРИ. Русское искусство позднего Средневековья. XVI век. — СПб., 2003. — С. 314-329; Гульманов А. Л. Круглая икона святителя Николая Чудотворца из Николо-Дворищенского собора в Великом Новгороде // Вестник ПСТГУ. Серия V. Вопросы истории и теории христианского искусства. 2010. — Вып. 1 (1). — С. 7-21.

³⁰ Романов Г. А. Указ. соч. — С. 253-254.

³¹ Баталов А. Л. Обетное строительство в Москве «на рву» и во Пскове «на гребле»: закономерности сакральной топографии средневекового города // Искусствознание. — 2013. — № 1-2. — С. 26-28; Церковь Никола над греблей в Довмонтовом городе. По материалам Лабутиной И. К. // [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://webcache.googleusercontent.com/search?q=cache:0B1UnqjYvBUJ:www.pleskov60.ru/cerkov-v-dovmontovom-gorode-nikoly-nad-grebley.html+&cd=1&hl=ru&ct=clnk&gl=ru>; Романов Г. А. Указ. соч. — С. 255; Оборонительные укрепления Пскова // [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://webcache.googleusercontent.com/search?q=cache:f4a32JYDW2YJ:www.culture.pskov.ru/ru/objects/object/247+&cd=3&hl=ru&ct=clnk&gl=ru>.

³² Паламарчук П. Г. Сорок сороков. Москва в границах Садового кольца: Китай-город, Белый город, Земляной город, Замоскворечье. — М., 1994. — Т. 2. — С. 71-72; Церковь Никола Мокрого (Москва) // [Электронный ресурс]. — Режим доступа: [https://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%A6%D0%B5%D1%80%D0%BA%D0%BE%D0%B2%D1%8C_%D0%9D%D0%B8%D0%BA%D0%BE%D0%BB%D1%8B_%D0%9C%D0%BE%D0%BA%D1%80%D0%BE%D0%B3%D0%BE_\(%D0%9C%D](https://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%A6%D0%B5%D1%80%D0%BA%D0%BE%D0%B2%D1%8C_%D0%9D%D0%B8%D0%BA%D0%BE%D0%BB%D1%8B_%D0%9C%D0%BE%D0%BA%D1%80%D0%BE%D0%B3%D0%BE_(%D0%9C%D)

0%BE%D1%81%D0%BA%D0%B2%D0%B0).

³³ История Николо-Ямского храма // [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://nikolo-ямской-храм.рф/gram/184-test-6.html>; Николо-Ямская церковь // [Электронный ресурс]. — Режим доступа: https://webcache.googleusercontent.com/search?q=cache:0_FZρ_W7JgkJ:https://ru.wikipedia.org/wiki/%25D0%259D%25D0%25B8%25D0%25BA%25D0%25BE%25D0%25BB%25D0%25BE%25D0%25AF%25D0%25BC%25D1%2581%25D0%25BA%25D0%25B0%25D1%258F_%25D1%2586%25D0%25B5%25D1%2580%25D0%25BA%25D0%25BE%25D0%25B2%25D1%258C+&cd=3&hl=ru&ct=clnk&gl=ru; [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://webcache.googleusercontent.com/search?q=cache:fANeXuPvM80J:milutkin.livejournal.com/53138.html+&cd=94&hl=ru&ct=clnk&gl=ru>.

³⁴ Улица Лесная (Город Кострома) // [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://webcache.googleusercontent.com/search?q=cache:10BjMWGzGqIJ:kostromka.ru/bochkov/42.php+&cd=2&hl=ru&ct=clnk&gl=ru>; По материалам сайта «Костромская Епархия» // [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.kostromaeparhia.ru/index.php/eparhia/news/9291-10-dekabr-a-v-sredu-sostoyalos-osvyashchenie-zakladnogo-kamnya-i-kresta-v-osnovanie-stroitelstva-khrama-v-chest-svyatitelya-nikolaya-chudotvortsya-na-ulitse-lesnoj>.

³⁵ Церковь Николы Посадского // [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://izi.travel/ru/9efd-cerkov-nikoly-posadskogo/ru>.

³⁶ Церковь Николы Мокрого в Галлеях // [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://curiosite.ru/places/14514-tserkov-nikoly-mokrogo-v-galleyah.html>.

³⁷ Храм Николы Мокрого в Ярославле — уникальный памятник настенной живописи XVII века // [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://webcache.googleusercontent.com/search?q=cache:mcmCG9uZbUsJ:https://putidorogi-nn.ru/evropa/729-khram-nikoly-mokrogo-v-vladimire+&cd=4&hl=ru&ct=clnk&gl=ru>.

³⁸ 1566 г. Февраля 8. Выпись из писцовых книг г. Муром писцов Д. А. Бутурлина с товарищи; 1573/74 г. — Сотная грамота Муромскому посаду писцов М. И. Шишелова И. Б. Григорьева. — С. 297-298, 304.

³⁹ Епанчин А. А. Забытые святые и святые Муромы // Муромский сборник. — Муром, 1993. — С. 91-92; он же. Господь поставил меня собирателем. Из краеведческого архива А. А. Епанчина. — Муром, 2002. — С. 34.

⁴⁰ Дмитриева Р. П. Повесть о Петре и Февронии. — М., 1979. — С. 140-146, 303-316.

⁴¹ См.: Сухова О. А., Смирнов Ю. М. Петр и Феврония Муромские. — М., 2008. — С. 116.

⁴² Саенкова Е. М. Икона Святитель Николай Чудотворец, с житием 1-ой пол. XV в. из собрания К. В. Воронина: особенности иконографии и стиля // Вестник ПСТГУ. Серия V. Вопросы истории и теории христианского искусства. — 2011. — Вып. 3(6). — С. 34-46.

⁴³ Тарасова Е. Н. Никольский придел в системе росписей собора Ферапонтова монастыря // Реставрация и исследование темперной живописи и деревянной скульптуры. — М.,

1990. — С. 36.

⁴⁴ См.: Сухова О. А. и др. Иконы Муромы. — М., 2004. — Кат. 16. — С. 122-127. — Кл. 5; «Изгнание беса из клADEЯ и древа» (описание О. А. Суховой) // Там же. — Кат. 43. — С. 250-256. — Кл. 13; «Изгнание беса из колодца и посещение древа» (описание Е. К. Тюриной) // Там же.

⁴⁵ Икона. Св. Никола Можайский в житии. Кирилл Сивков // [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://webcache.googleusercontent.com/search?q=cache:9xd6H0GR2ZcJ:vm1.culture.ru/aleksandrovsкая_sloboda/catalog/small/0002800139/+&cd=7&hl=ru&ct=clnk&gl=ru; Боровская В. Культ Николы Мирликийского на Александровской земле // [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://webcache.googleusercontent.com/search?q=cache:xvdvMwBgfWYJ:www.aleksandrov.ru/mr_news_archive/53/40/1/2581/&num=1&hl=ru&gl=ru&strip=1&vwsrc=0.

⁴⁶ Гладкова О. В. Житие Николая Чудотворца // История древнерусской литературы. Аналитическое пособие. — М., 2008. — С. 223-229.

⁴⁷ Жизнь и путешествия Святого Николая Чудотворца // [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://webcache.googleusercontent.com/search?q=cache:VlgCOxqPecYJ:www.saintnicholasway.com/ru/%25D0%25BD%25D0%25B8%25D0%25BA%25D0%25BE%25D0%25BB%25D0%25B0%25D1%258F/+&cd=1&hl=ru&ct=clnk&gl=ru>. Автор данного текста сообщает, что полная копия «Виты» и копии отрывков из греческого оригинала, сделанные в XI в., существуют до сих пор. Густав Анрих собрал весь текст в 1913 г. В 1984 г. Игорь Шевченко и Нэнси Паттерсон Шевченко сделали перевод текста, дополнив спорные части второй копией. В 1985 г. М. Хронц написал научный труд о «Вите», а в 1997 г. Хармут Блум перевел ее на немецкий, добавив раздел с комментариями. Об этих чудесах св. Николая см. также: Ремизов А. М. Образ Николая Чудотворца. Алатырь — камень русской веры // А. М. Ремизов. Собрание сочинений в 10-ти тт. — М., 2000-2003. — Т. 6. — С. 613, 625-626.

⁴⁸ Епанчин А. А. Господь поставил меня собирателем. — С. 118; он же. Забытые святые и святые Муромы. — С. 84.

⁴⁹ Повесть Ермолая-Еразма «О граде Муроме и о епископии его, како преиде на Рязань» кон. 1540-х гг. известна в его автографе (РНБ. Солов. № 287/307, не позд. нач. 60-х гг. XVI в.). В измененном виде входит в Житие св. князей Константина сер. — не позд. 60-х гг. XVI в., где соединена с обновлением Муромы князем Юрием Ярославичем (в 1351). См.: Дмитриева Р. П. Повесть о Петре и Февронии. — С. 79-94, 325-326; Сухова О. А. Житийная икона святых благоверных князей Константина, Михаила и Феодора Муромских. Александр Казанцев. 1714 год. — М., 2006. — С. 253-254; она же. «Чудесное плавание» по Волхову, Оке и Неро. К вопросу об одном иконографическом мотиве // История и культура Ростовской земли — 2016. — Ростов, 2017. — С. 142-158.

⁵⁰ Епанчин А. А. Господь поставил меня собирателем. — С. 36.

⁵¹ Там же. — С. 70.

- ⁵² Там же. — С. 72.
- ⁵³ Бейлекчи В. В., Родин В. В. Поселения племени мурома // [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://groptmcom.ru/infom/psel.php>; Бейлекчи В. В. Древности летописной муромы. Погребальный обряд и поселения. — Муром, 2005. — С. 121. Благодарю также за консультацию Вал. В. Бейлекчи — археолога, ведущего сотрудника сектора хранения Муромского музея.
- ⁵⁴ См.: Воронин Н. Н., Горюнова Е. И. Отчет Муромской археол. экспедиции АН СССР в 1946 г. // Науч. арх. МИХМ. — Ф. 5. — Оп. 1. — № 85. — С. 4-11, 22-26; Бейлекчи В. В., Родин В. В. Указ. соч.
- ⁵⁵ Бейлекчи В. В. Указ. соч. — С. 120.
- ⁵⁶ Воронин Н. Н., Горюнова Е. И. Указ. соч. — С. 5; Бейлекчи В. В., Родин В. В. Указ. соч.
- ⁵⁷ Воронин Н. Н., Горюнова Е. И. Указ. соч. — С. 6.
- ⁵⁸ Там же.
- ⁵⁹ Там же. — С. 22-23.
- ⁶⁰ Там же. — С. 24.
- ⁶¹ Там же. — С. 26.
- ⁶² Там же. — С. 24-25.
- ⁶³ Там же. — С. 25.
- ⁶⁴ Там же. — С. 26.
- ⁶⁵ Там же. — С. 28.
- ⁶⁶ Бейлекчи В. В. Указ. соч. — С. 121.
- ⁶⁷ См.: Сухова О. А. и др. Иконы Муромы. — Кат. 1. — С. 74-77 (датировка — кон. XIII — пер. пол. XIV в.; описание Э. С. Смирновой); Смирнова Э. С. Иконы Северо-Восточной Руси. Ростов, Владимир, Кострома, Муром, Рязань. Москва, Вологодский край, Двина. Середина XIII — середина XIV века. — М., 2004. — С. 84-89, 270-274. — Кат. 15. — Ил. с. 89. — Табл. 32-34.
- ⁶⁸ Смирнова Э. С. Иконы Северо-Восточной Руси. — С. 86.
- ⁶⁹ Сухова О. А. и др. Иконы Муромы. — Кат. 1. — С. 74, 76.
- ⁷⁰ Макарий (Булгаков), епископ Винницкий. История Русской церкви. — СПб., 1857. — Т. 2. — С. 192.
- ⁷¹ Кузьмин А. В. Константин, Михаил, Феодор // ПЭ. — М., 2015. — Т. 37. — С. 100.
- ⁷² Летопись по Воскресенскому списку // ПСРЛ. — М., 2001. — Т. VII. — С. 159; Никоновская летопись // ПСРЛ. — СПб., 1885. — Т. X. — С. 136. См.: Аверьянов К. А. Муромские князья XIV в. // Уваровские чтения — VII. — Муром, 2011. — С. 242.
- ⁷³ Аверьянов К. А. К вопросу о белых пятнах в средневековой истории Муромы // Уваровские чтения — V. — Муром, 2003. — С. 66-70; он же. Муромские князья XIV в. — С. 242-243.
- ⁷⁴ Приселков М. Д. Троицкая летопись: Реконструкция текста. — Л., 1950. — С. 339.
- ⁷⁵ ПСРЛ. — Т. X. — С. 167; Московский летописный свод конца XV в. // ПСРЛ. — М.-Л. — Т. XXV. — С. 157.
- ⁷⁶ Сухова О. А. и др. Иконы Муромы. — Кат. 1. — С. 76; Рогожский летописец // ПСРЛ. — Пг., 1922. — Т. XV. — Вып. 1. — Стб. 60; ПСРЛ. — Т. X. — С. 222; Приселков М. Д. Указ. соч. — С. 372.
- ⁷⁷ 1566 г. Февраля 8. Выпись из писцовых книг г. Муромы писцов Д. А. Бутурлина с товарищами. — С. 297, 299, 304.
- ⁷⁸ Сотная с писцовых книг г. Муромы 1623/24 г. — С. 42-43.
- ⁷⁹ Там же. — С. 43.
- ⁸⁰ Опись древних церквей г. Муромы и древних предметов в них находящихся. Рукопись кон. XIX в. НА МИХМ. — Л. 37/42об.
- ⁸¹ Летописец начала царств // ПСРЛ. — СПб., 1965. — Т. 29. — С. 86-92.
- ⁸² Царственная книга // Лицевой летописный свод. Факсимильное издание рукописи XVI в. в 10 книгах. — М., 2006. — Кн. 10. — Л. 452об., 456, 472об., 488-508об.
- ⁸³ Полагают, что в нем впервые используются образы «святых новых чудотворцев» Петра и Февронии как идеальной супружеской пары, незадолго до этого канонизированных на церковном соборе 1547 г. См.: Самойлова Т. Е. К истории почитания Петра и Февронии Муромских // Уваровские чтения — V. — Муром, 2003. — С. 111-112.
- ⁸⁴ 1566 г. Февраля 8. Выпись из писцовых книг г. Муромы писцов Д. А. Бутурлина с товарищами. — С. 297.
- ⁸⁵ Там же. — Л. 234 с. 299.
- ⁸⁶ 1573/74 г. Сотная грамота Муромскому посаду писцов М. И. Шишелова И. Б. Григорьева. — Л. 1 с. 304.
- ⁸⁷ Травчетов Н. П. Город Муром и его достопримечательности. Очерк истории и современного города. — Владимир, 1903. — С. 28; Епанчин А. А. Господь поставил меня собирателем. — С. 73.
- ⁸⁸ Олеарий А. Описание путешествия в Московию и через Московию в Персию и обратно. — СПб., 1906.
- ⁸⁹ См.: Смирнов Ю. М., Сухова О. А. Муромский кремль: история, мифология, иконография // Пятые Яхонтовские чтения. — Рязань, 2010. — С. 219-234.
- ⁹⁰ Сотная с писцовых книг г. Муромы 1623/24 г. — С. 43.
- ⁹¹ Писцовая книга г. Муромы 1636/37 г. — С. 57.
- ⁹² Сотная с писцовых книг г. Муромы 1623/24 г. — С. 38, 43; Писцовая книга г. Муромы 1636/37 г. — С. 45, 47-48.
- ⁹³ Чернышев В. Я. Социальноэкономическое развитие города Муромы в середине XVII века // Список с переписной книги г. Муромы 1646 г. Список со строельной книги 1649 г. Памятники истории Муромы. — Владимир, 2010. — Вып. 3. — С. 8.
- ⁹⁴ Список с переписной книги г. Муромы 1646 г. // Там же. — С. 55-57.
- ⁹⁵ Там же. — С. 67.
- ⁹⁶ См. о нем подробнее: Сухова О. А. Досуг муромцев в XVII веке — время личного благочестия и создания общего культурного пространства города // Уваровские чтения — IX. — Владимир, 2014. — С. 17, 18, 19-24.
- ⁹⁷ Список с переписной книги г. Муромы 1646 г. — С. 56.
- ⁹⁸ См. подробнее: Сухова О. А. Придел Макария Желтоводского в храме Спаса Нерукотворного в Муроме // Материалы научной конференции, посвященной памяти преподобного Макария Желтоводского и Унженского (1349-1444) — «Благословенное имя». — Нижний Новгород, 2011. — С. 67-69, 71, 76. (60-80); она же. Досуг муромцев в XVII веке. — С. 17.
- ⁹⁹ Список с переписной книги г. Муромы 1646 г. — С. 56.
- ¹⁰⁰ См. подробнее: Руди Т. Р., Соколова Л. В. Осорьин

- Каллистрат (Дружина) Георгиевич // Словарь книжников и книжности Древней Руси. XVII в. — СПб., 1993. — Ч. 2. — С. 429-433; Сухова О. А., Смирнов Ю. М. Иулиания Лазаревская Муромская. — М., 2012. — С. 26-47.
- ¹⁰¹ Список со стрелы книги г. Муром 1649 г. — С. 92-93, 105.
- ¹⁰² Список с окладных книг г. Муром Ивана Тимофеевича Усова (1 декабря 1652 г./7160 г.) // Документы по истории Муромского посада второй половины XVII в. Памятники истории Муром. — Владимир, 2011. — Вып. 4. — С. 79.
- ¹⁰³ Добролюбов И. В. Церкви и монастыри в городе Муроме и его уезде в конце 17 столетия // Владимирские Епархиальные ведомости. Часть неофициальная. — 1885 г. — № 19. — С. 575.
- ¹⁰⁴ См.: Добронравов В. Г. Указ. соч. — С. 171.
- ¹⁰⁵ Описание древних церквей г. Муром и древних предметов в них находящихся. Рукопись кон. XIX в. НА МИХМ № 29. — Л. 39/44.
- ¹⁰⁶ Сухова О. А. Коллекция финифти в Муромском музее (краткий обзор и опыт классификации) // История и культура Ростовской земли — 2010. — Ростов, 2011. — Кат. 5. — С. 246. — Ил. 6 на с. 259; она же. Эмаль в Муромском музее: к вопросу каталогизации «малых» коллекций // Сообщения Муромского музея — 2010. — Муром, 2011. — Кат. 5. — Рис. 6. — С. 95-96.
- ¹⁰⁶ «1704 году сентября в 8 день Спаса Нового монастыря Иеромонахъ и уставщикъ Вавило Кудреватовъ, приложилъ сию книгу святое Евангелие града Муромъ къ церкви Святаго отца Николая Чудотворца, что на берегу реки Оки, зовомаго Мокрый, а подписал по приказу его Святаго отца Иеромонаха Вавилы дому боярина Петра Аврамовича Лопухина человек ево Иванъ Бухаревъ». См.: Описание древних церквей г. Муром. — Л. 38/43-38/43об.
- ¹⁰⁷ Епанчин А. А. Господь поставил меня собирателем. — С. 71; Добронравов В. Г. Указ. соч. — С. 171; Травчетов Н. П. указывает, что именно во имя Зосимы и Савватия деревянная церковь просуществовала до начала XIX в. См.: Травчетов Н. П. Указ. соч. — С. 46. — Прим. 1.
- ¹⁰⁸ Описание древних церквей г. Муром. — Л. 37/42об.
- ¹⁰⁹ Там же. — Л. 37/42об.-38/43.
- ¹¹⁰ Там же. — Л. 37/42 об.-38/43.
- ¹¹¹ Сухова О. А. и др. Иконы Муром — Кат. 45. С. 262-263 (описание — А. С. Преображенский, Е. К. Тюрина).
- ¹¹² Сухова О. А. Кресты-мощевики в собрании Муромского музея // Ставрографический сборник. — М., 2005. — Кн. 3. — Кат. 1. — С. 531-532
- ¹¹³ Там же. — Кат. 34. — С. 574-575.
- ¹¹⁴ См.: Описание древних церквей г. Муром. — Л. 38/43об. Подобный по описанию напестольный крест перв. трети XVII в. поступил в музей из другого муромского никольского храма — Николы Можайского (Казанской), только на нем гравированное, а не чеканное изображение Николая Чудотворца, и он не числился среди древних предметов этого храма в Описи древних церквей г. Муром. (МИХМ. Инв. № М-5128. Спец. 25. 29. 7x14,7x1,9). См.: Сухова О. А. Серебряные напестольные кресты XVII-XX вв. в собрании Муромского музея // Художественный металл России. — М., 2001. — Кат. 3. — С. 84.
- ¹¹⁵ Добронравов В. Г. Историко-статистическое описание церквей и приходов. — С. 172.
- ¹¹⁶ Описание древних церквей г. Муром и древних предметов в них находящихся. Рукопись кон. XIX в. НА МИХМ № 29. — Л. 37/42об.
- ¹¹⁷ Добрынкин Н. Г. Святой Николай Чудотворец, называемый «Можайский» Николо-набережной церкви в гор. Муроме Владимирской губернии. Рукопись. 1890 г. — Л. 2-2об.; Сухова О. А. Памятники культовой деревянной скульптуры. По материалам архива муромского краеведа Н. Г. Добрынкина 1835-1902 // Резные иконостасы и деревянная скульптура Русского Севера. Материалы конференции памяти Н. Н. Померанцева. — Архангельск, 1995. — С. 101, 105. Ил. на с. 112.
- ¹¹⁸ Померанцев Н. Н., Масленицын С. И. Русская деревянная скульптура. — М., 1994. — С. 269. — Ил. 207, 208.
- ¹¹⁹ Курбанин. Вид Муром (рис. ок. 1790 г.; копия Н. Г. Добрынкина кон. XIX в.); Курбанин. Старый Муром (рис. ок. 1790 г.; копия Мяздрикова, кон. XIX — нач. XX вв.). МИХМ. Ф. 27-01-04; 27-01-63.
- ¹²⁰ Беспалов Н. А. Муром: Памятники искусства XVI — нач. XIX в. — Ярославль, 1971. — С. 69-72; Масленицын С. И. Муром. — М., 1971. — С. 24; Вагнер Г. К., Чугунов С. В. По Оке от Коломны до Муром. — М., 1980. — С. 151-152; История Муром и Муромского края. — Муром, 2001. — С. 184-185.
- ¹²¹ Вагнер Г. К., Чугунов С. В. Указ. соч. — С. 151.
- ¹²² Описание древних церквей г. Муром. — Л. 36/41; Добронравов В. Г. Указ. соч. — С. 171.
- ¹²³ Там же. — Л. 38/43об.-39/44; там же. — С. 174. Описание древних церквей г. Муром. — Л. 39/44.
- ¹²⁴ Сухова О. А. и др. Иконы Муром. — Кат. 58-63. — С. 320-327 (описание — О. А. Сухова).
- ¹²⁵ Бусева-Давыдова И. Л. Античность в русской культуре XVII в. // Филевские чтения. — М., 1995. — С. 11-14
- ¹²⁶ Сухова О. А. Сивиллы в Муромском музее. Произведения изографа и картинки примитива // Уваровские чтения — VI. Муром. 2005. — Муром, 2006. — С. 186-219.
- ¹²⁷ Описание г. Муром 1723 г. полковника Коробова // Документы по истории Муромского посада первой четверти XVIII в. Памятники истории Муром. — Владимир, 2011. — Вып. 6. — С. 126. См. о нем: Чернышев В. Я. Муромские иконописцы XVII-XVIII вв. // Уваровские чтения — III. — Муром, 2001. — С. 201, 204; Словарь русских иконописцев XI-XVII веков / Ред.-сост. И. А. Кочетков. — М., 2003. — С. 520.
- ¹²⁸ Сухова О. А. и др. Иконы Муром. — Кат. 68. — С. 339-340 (описание — Е. К. Тюрина).
- ¹²⁹ Например, жившим в соседнем Ильинском приходе. Андрей Иванов Андронников, 44 лет, имеющий иконное мастерство, упомянут в Описании Муром 1723 г. См.: Описание г. Муром 1723 г. — Л. 40 с. 128-129; см. о нем: Чернышев В. Я. Муромские иконописцы XVII-XVIII вв. — С. 201; Словарь русских иконописцев XI-XVII вв. — С. 56.
- ¹³⁰ Описание древних церквей г. Муром. — Л. 37/42; Сухова О. А. Икона «Никола Явленский» первой четверти XVIII века — муромский вариант одноименного образа

Илариона Башки (ок. 1685 г.) // XXI Научные чтения памяти И. П. Болотцевой (2016). — Ярославль, 2017. — С. 215-228. — Ил. 1, 2, 6, 7.

¹³¹ Бубчикова А. В. Пояснительная записка к дипломной работе по реставрации иконы «Святитель Николай Чудотворец». — М., 2007 (Реставрационный паспорт. НА МИХМ. РП 114. — Л. 3-15); Сухова О. А. Икона «Никола Явленский». — С. 215-216. Характер рисунка тронов на иконе 1715 г. напоминает иллюминированные заставки в рукописных муромских синодиках 1695 и 1713 гг. МИХМ. Инв. № М-2230/16; 2233/19. См.: Сухова О. А. Синодики как источники по исторической демографии (на примере муромских рукописных синодиков конца XVII — начала XVIII в.) // Историческая демография. — М.-Сыктывкар, 2012. — № 2 (10). — С. 47-54.

¹³² См.: Иконы Пскова. — М., 2012. — Т. 1. — Кат. 113. — С. 456-459. В публикации псковской иконы нет указаний на этот образ как чудотворный, но, по мнению А. С. Преображенского, его можно отождествить с «Явленским», упоминаемым в сказаниях и литературе; подробнее см.: Сухова О. А. Икона «Никола Явленский». — С. 218-219.

¹³³ Мартынов А. А., Снегирев И. М. Русская старина в памятниках церковного и гражданского зодчества. — М., 1852. — С. 65-71; Калугин И. С. Путеводитель по Московской святыне, или соборы, монастыри и храмы московские. — М., 1877. — С. 80; Петропавловский П. Историческое описание храма святителя и чудотворца Николая, именуемого Явленным, что на Арбате в Москве. — М., 1891. — С. 7-10; Смирнов С. Арбат без Николы Явленного // Московский журнал. — 1999. — № 4. — С. 69-70, 74 (автор цитирует «Московские епархиальные ведомости» 1871 г.).

¹³⁴ Добронравов В. Г. — С. 87-88, 90.

¹³⁵ Епанчин А. А. Топонимика Муром и его окрестностей. — Муром, 2000 // [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://webcache.googleusercontent.com/search?q=cache:FFNRj53OLn0J:samlib.ru/d/dominina_e_a/toponimikamuroma.shtml+&cd=2&hl=ru&ct=clnk&gl=ru.

¹³⁶ Московская икона пер. пол. — сер. XVII в. поступила в ГИМ из Московского Антирелигиозного музея. ГИМ, инв. № 108818, И VIII 534; 116x87 см (рама), 59x48 см (средник). Благодарю за сведения о ней Л. В. Корнюкову; пелена XVII в. из собрания ГИМа опубликована: Николин день. Выставка. 23 мая — 31 декабря 2003 г. Буклет / Текст М. М. Шведовой. — М., 2003. — С. 15. — Ил. с. 16; ярославская икона Илариона Башки 1685 г. при первой публикации не была названа «Никола Явленский». См.: 1000-летие русской художественной культуры. Каталог выставки. — М., Schloss Gottorf, 1988. — Кат. 167. — С. 389 (описание Т. Л. Поповой); опубликована с этим наименованием в статье: Сухова О. А. Икона «Никола Явленский...». — С. 216. — Ил. 5, 7.

¹³⁷ Покровский Н. В. Сийский иконописный подлинник. — СПб., 1898. — Вып. 4. — С. 168 (л. 229); Мальцева О. Н. Сийский иконописный подлинник: новые материалы об иконописной мастерской Антониево-Сийского монастыря XVII в. // Религия в истории культуры. — СПб., 1991. — С. 19-34 // [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://webcache.googleusercontent.com/search?q=cache:PJ>

DgfH1XEvsJ:siya.aonb.ru/index.php%3Fnum%3D1569+&cd=4&hl=ru&ct=clnk&gl=ru; Кольцова Т. М. Северные иконописцы. Опыт библиографического словаря. — Архангельск, 1998. — С. 36-37; она же. Архимандрит Антониево-Сийского монастыря Никодим и его рекомендации по реставрации икон // V Грабаревские чтения. — М., 2003. — С. 104-114; Словарь русских иконописцев. — С. 449-451.

¹³⁸ Реставраторы Н. С. Брегман, Е. М. Кристи, Ю. А. Рузавин, Д. Морозов, Д. С. Головкова. ГосНИИР (1973-2004). См.: Реставрационный паспорт. НА МИХМ. РП 57. — Л. 3.

¹³⁹ Описание г. Муром 1723 г. — С. 126.

¹⁴⁰ Опись древних церквей г. Муром. — Л. 36/41об.

¹⁴¹ Беспалов Н. А. Муром: Памятники искусства. — С. 71.

¹⁴² Масленицын С. И. Указ. соч. — С. 24. Автору настоящей статьи тоже доводилось видеть иконостас и весь храм внутри в свои школьные годы летом 1969 г.

¹⁴³ Фотографии. МИХМ. Инв. № М-10689/1-2. Ф. 07-12-18, 07-12-19; фотокопии с оригиналов, хранящихся в ГНИМА им. Щусева — МИХМ. Инв. № М-10690/1-2; 10691. Ф. 07-12-22, 07-12-23, 07-12-24.

¹⁴⁴ Дореволюционные авторы насчитывали пять рядов (видимо, основных), но, по нашим наблюдениям, вместе с подольным, местным и страстным получается семь ярусов.

¹⁴⁵ Опись древних церквей г. Муром. — Л. 37/42.

¹⁴⁶ Все население города по регламенту 1721 г. делилось на категории. В купцах числились не только торговцы, но и ремесленники, в т. ч. иконописцы.

¹⁴⁷ Описание г. Муром 1723 г. — С. 128.

¹⁴⁸ Виноградов А. Ю., Бусева-Давыдова И. Л., Пожидаева А. В. Николай Мирликийский (иконография в западноевропейском искусстве) // Большая Российская энциклопедия. — М., 2013. — Т. 23 // [Электронный ресурс]. — Режим доступа https://webcache.googleusercontent.com/search?q=cache:bZp4L6DL2LYJ:https://bigenc.ru/religious_studies/text/2662823+&cd=10&hl=ru&ct=clnk&gl=ru.

¹⁴⁹ Володимирской провинции город Муром с уездом // Топографическое описание Володимирской, Сузальской, Переславской-залеской провинций городов в 1760 годах // Владимирские губернские ведомости. Часть неофициальная. — 1878. — 22 сент. — № 38. — С. 2; См.: Травчетов Н. П. Указ. соч. — С. 42, 45-46. — Прим. 3. Он ссылается на «Топографические известия, служащие для полного географического описания Российской империи», собранные Людовиком Бакмейстером. — СПб., 1772. — Т. 1. — Ч. 2; составлены по запросным известиям в г. Муроме за подписью кол. ассессора Григория Батурина от 29 апр. 1764 г.

¹⁵⁰ Рябиков Г. Переправа государя императора Николая II через реку Оку 12 октября 1834 г. — Муром, 1836. Комлев А. Р. Что мы видим на старой гравюре? // Муромский сборник. — Муром, 1993. — С. 129-132.

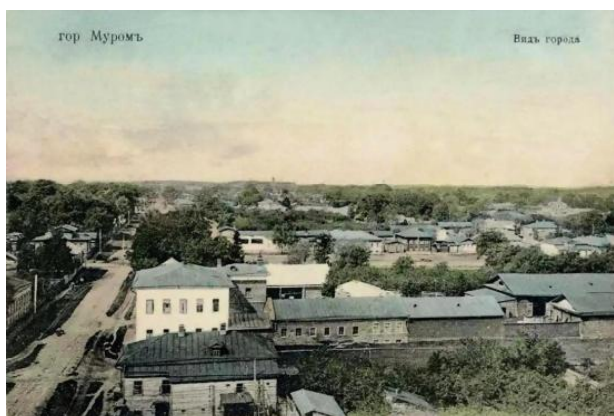
¹⁵¹ Муром. Берега Оки. Оригинальный рисунок Андре Дюрана для издания «Живописное и археологическое путешествие по России, совершенное в 1839 г. под руководством Анатолия Демидова». Париж. 1840-47 гг. Лист: 47,5x31,5. Изображение: 43x26,5 // [Электронный ресурс]. — Режим

- доступа: <http://grafika.ru/item/08-007730?r=80726>; Литография. Андре Дюран «Побережье Оки: Общий Вид Мурома. 31 августа 1839». Год издания: 1845 г. Фигуры резал Раффе. Париж, Огюст Бри, сер. XIX в. Тоновая литография в паспорту. Размер оттиска: 27,5x43,8 см. Размер в паспорту: 48x62 см. Лист 65-й из серии видов России, выполнен по рисунку художника Андре Дюрана, его подпись находится в правом нижнем углу литографии. Французский художник и путешественник Андре Дюран (1807-1867) одним из первых отразил облик российской провинции. В конце 30-х гг. XIX в. он объехал Европейскую Россию и нарисовал с натуры виды многих российских городов и их архитектурных памятников, а заодно и деревень по пути к ним // [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://www.rusbibliophile.ru/Book/Rives_de_l'Oka:_Vue_generale__.
- ¹⁵² См.: Сухова О. А., Смирнов Ю. М. Петр и Феврония Муромские. — Ил. на развороте с. 102-103.
- ¹⁵³ Паллас П. С. Путешествие по разным провинциям Российской империи. — СПб., 1809. — Ч. 1. — С. 52.
- ¹⁵⁴ Емельянов В. М. Описание пожаров, бывших в городе Муроме. — Муром, 1912. — С. 8.
- ¹⁵⁵ Титов А. А. Статистическое обозрение города Муром (1840) // Памятная книжка Владимирской губернии. — Владимир, 1900. — С. 34.
- ¹⁵⁶ Тихонравов К. Н. Город Муром. История его и древности // Владимирский сборник. Материалы для статистики, этнографии, истории и археологии. — М., 1857. — С. 88.
- ¹⁵⁷ Титов А. А. Статистическое обозрение города Муром. — С. 34.
- ¹⁵⁸ Успенский Б. А. Филологические разыскания в области славянских древностей. Реликты язычества в восточнославянском культе Николая Мирликийского. — М., 1982. — С. 34-35.
- ¹⁵⁹ 1566 г. Февраля 8. Выпись из писцовых книг г. Муром. — С. 299; 1573/74 г. — Сотная грамота Муромскому посаду. — С. 311; Сотная с писцовых книг г. Муром 1623/24 г. — С. 44-45; Писцовая книга г. Муром 1636/37 г. — С. 58-59.
- ¹⁶⁰ Добронравов В. Г. Указ. соч. — С. 166. — Прим. 1.
- ¹⁶¹ Емельянов В. М. Указ. соч. — С. 19.
- ¹⁶² См.: Описание древних церквей г. Муром. — Л. 36/41-39/44об.
- ¹⁶³ Вероятно, этот материал мог быть использован В. Г. Добронравовым при составлении муромской части «Описания церквей и приходов Владимирской епархии» 1897 г.
- ¹⁶⁴ А. Н. Нисченков — капитан артиллерии, живописью занимался с 1858 г., создал виды многих городов и мест Российской империи, был сотрудником еженедельного журнала «Всемирная иллюстрация» в 1860-70 гг. К. Вейерман — ксилограф втор. пол. XIX в., отец(?) главы издательского Дома «Художественная типо-литография и фото-цинкография. А. К. Вейерман». В МИХМ хранится фотокопия этой гравюры (МИХМ. Инв. № М-11799. Ф. 06-30-05).
- ¹⁶⁵ Архипов А. Е. родом с соседней Рязанщины и бывал в Муроме; И. С. Куликов родился в Муроме. Эта его картина находилась в коллекции графини П. С. Уваровой; в музей поступила в 1918 г. Публикации картин см.: Беспалов Н. А. И. С. Куликов. — М., 1990. — Ил. 3 на с. 11; Зворыкин Н. М. Муром прошлого будущего отца телевидения Зворыкина В. К. Ч. 2. — Ил. 146, 147 // [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://www.zvorykins.ru/publication/murom_proshlogo_2/.
- ¹⁶⁶ Муромский рабочий. — 1940. — № 61,68.
- ¹⁶⁷ Епанчин А. А. Господь поставил меня собирателем. — С. 72.
- ¹⁶⁸ Епанчин А. А. Забытые святые и святыни Муром. — С. 84; он же. Господь поставил меня собирателем. — С. 72.
- ¹⁶⁹ Беспалов Н. А. Муром: Памятники искусства. — С. 71.
- ¹⁷⁰ Описание древних церквей. — Л. 36/41об.
- ¹⁷¹ Скворцов А. И. Наследие земли Владимирской: Мону-ментальная живопись. — М., 2004. — С. 207.
- ¹⁷² Сухова О. А. Сны художника Николая Кульпина // Николай Кульпин (1955-2002). Каталог выставки. — Муром, 2003. — С. 4-5; Сухова О. А., Смирнов Ю. М. Шел по городу художник: Муром в творчестве Ю. И. Беззубова. — СПб., 2010; Сухова О. А. Муромский художник Евгений Архиреев (1935-1986) // Сообщения Муромского музея — 2015. — Владимир, 2016. — С. 303, 310-313; она же. Муромский художник Орджоникидзе Измаилов (1940-2016) // Сообщения Муромского музея — 2016. — Владимир, 2017. — С. 255, 266-269.
- ¹⁷³ Руди Т. Р. Житие Юлиании Лазаревской. Исследование. Тексты. — СПб., 1996.
- ¹⁷⁴ См.: Моя жизнь и служение в «советской церкви» (Автобиография митрофорного протоиерея Николая Стройкова) // [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://webcache.googleusercontent.com/search?q=cache:fUTmCULGuIgl:www.eshatologia.org/611-moia-zhizn-i-služhenie-v-sovetskoj-tserkvi.html+&cd=2&hl=ru&ct=clnk&gl=ru>.
- ¹⁷⁵ Святая праведная Иулиания Лазаревская, Муромская // [Электронный ресурс]. — Режим доступа: [http://webcache.googleusercontent.com/search?q=cache:dfWg2ng_DTk\]:alexandrtrifimov.ru/%3Fp%3D193%26page%3D3+&cd=15&hl=ru&ct=clnk&gl=ru](http://webcache.googleusercontent.com/search?q=cache:dfWg2ng_DTk]:alexandrtrifimov.ru/%3Fp%3D193%26page%3D3+&cd=15&hl=ru&ct=clnk&gl=ru).
- ¹⁷⁶ Подробнее см.: Сухова О. А., Смирнов Ю. М. Иулиания Лазаревская, Муромская. — С. 13, 14, 19, 74-81. — Ил. на с. 77-80, 82-89; 14-12, 1; Кузьмин А. В., Сухова О. А. Иулиания // ПЭ. — М., 2012. — Т. 28. — С. 545-555. 22 августа 2014 г. состоялся крестный ход из муромского храма Серафима Саровского в с. Лазарево. Гробница св. прав. Иулиании была перенесена в восстановленный Михайло-Архангельский храм. Крестный ход возглавили епископ Муромский и Вязниковский Нил и епископ Городецкий и Ветлужский Августин.
- ¹⁷⁷ Павлов Роман. Книга чудес матушки Иулиании // [Электронный ресурс]. — Режим доступа: [http://webcache.googleusercontent.com/search?q=cache:6DE0zEQBfTcJ\]:povkrov.pro/kniga-chudes-matushki-iulianii/+&cd=7&hl=ru&ct=clnk&gl=ru](http://webcache.googleusercontent.com/search?q=cache:6DE0zEQBfTcJ]:povkrov.pro/kniga-chudes-matushki-iulianii/+&cd=7&hl=ru&ct=clnk&gl=ru).

УТОПАЮЩИЙ В ЗЕЛЕНИ ГОРОД ДРЕВНИЙ НАД ТИХОЙ ОКОЙ

Сады, парки, скверы — все это зеленый фон городской архитектуры, существенно влияющий на облик города. Фон этот, сохраняя зеленый цвет, не остается неизменным. В начале XX века говорили, что Муром утопал в садах. А в конце века в песне, которую считали гимном Мурому, были такие строки: «Я люблю утопающий в зелени город древний над тихой Окой». Вот так — от садов до зелени за 100 лет. Между этими двумя «утопающими» огромная разница. В городе, покрытом садами, на протяжении нескольких столетий пищевая потребность сочеталась с эстетической. Сады питали и украшали. В городе, утопающем в зелени, древонасаждения рассматривались как средство улучшения санитарно-гигиенических условий и украшения улиц. Подобная картина была характерна для многих городов средней полосы России. В данной статье¹ сделана попытка проследить, почему и как произошли эти изменения. Основным источником послужили газетные материалы, которые оказались весьма информативны. Эта тема непосредственно затрагивала жизнь практически каждого, и она находила живой отклик на страницах местных газет.

До революции в Муроме частные сады были при усадьбах и фабриках, при промышленных заведениях. Общественные сады и питомники заводили при училищах, больницах, при станции

Ил. 1. Муром. Вид города с садами с колокольни Смоленской церкви на запад. Внизу проходит Космодемьянская улица. В центре снимка пролегает Никольская улица. Фототипическая открытка. 1914. МИХМ. Электронный архив

железной дороги. Церкви и монастыри имели едва ли не самые обширные угодья. Всему этому налаженному хозяйству пришел конец после революционного переворота 1917 года.

В 1919 г., благодаря плохому уходу, питомник в Муроме пришел в упадок, а в следующем году, когда ушел со службы садовник, почти окончательно был разрушен: новых посевов растений не производилось, дички заросли и были объедены мышами, часть площади сдали для посадки картофеля служащим. В 1921 году питомник удалось отчасти восстановить, но в меньшей площади, чем раньше². Голод военного времени принудил засаживать городские сады огородными и полевыми культурами. Дневник художника П. И. Целебровского (1859-1921) «Огородное дело 1918 лета» повествует о ведении огорода человеком вполне интеллигентным и не имевшим опыта в сельском хозяйстве, который вынужден был «добывать хлеб свой насущный» для многочисленной семьи. Он пишет о родственнике: «Дом, как и у меня, отнят». Это единственное упоминание о том, что у многодетного пожилого художника отобрали дом. В музейных архивах на фотографии представлен одноэтажный в три окна дом Целебровского³, но это не тот, что отобрали. В Оценочной книге 1915 г. описан по Овражной улице (№ п/п 23) двухэтажный дом⁴ (это его и отобрали!) и его же два флигеля в три окна. Описан и большой сложный (кривой) участок земли. На какой земле художнику Целебровскому пришлось огородничать — неизвестно, но платить за его использование пришлось: «1-го мая состоялось собрание в огороде и предложена земля, денег нужно было 100 рублей, кот. я занял у Татьяны Семеновны и еще дала. Семян не было, и деньги возвращены»⁵.

В 1920-м году Уездный земельный отдел еще выделял средства для содержания служащих плодового питомника (19 171 р.), агрономов (107 137 р.), садово-огородной комиссии (25 202 р.)⁶. Деятельность последней была особенно важна. Весной ею был выработан устав

садово-огородных артелей и создано две артели. Произвели учет всех садово-огородных участков в городе и более или менее больших в уезде. Распределению в Муроме подверглись 409 садовых и 351 огородных участков общей площадью 34 десятины. Население в Муроме тогда было около 15 тысяч. На садовый участок подали около 1200 заявлений, из них удовлетворено 1050. Получилось много конфликтов⁷. Муромский подотдел коллективного хозяйства на 25 июля 1921 года зарегистрировал 4 сельскохозяйственные коммуны, 13 сельскохозяйственных коллективов, 11 садово-огородных артелей. В период новой экономической политики (НЭП) в марте 1923 года был разработан проект договора на сдачу в аренду на 9 лет садов, огородов, полевой земли. Садовая земля оценена в 3/4 копейки по курсу золотого рубля за квадратную сажень, огородная — 1/4 копейки. Заключено на сады-огороды 954 договора⁸. Однако НЭП оказался ненадолго.

Летом 1922 г. садовник С. В. Сонин пишет в газете, как привести в порядок старый запущенный сад, и о борьбе с вредителями. Всего несколько лет простояли сады без своих прежних хозяев, а эти вопросы уже стали весьма актуальны. Плохо охраняемые сады соблазняли легкой добычей. Дело не ограничивалось набегами подростков. Так, в августе 1922 года в ближней слободе 13 человек запрягли лошадь, поехали ночью в сад Масловой на Штабу за яблоками. Началась перестрелка, сторож с женой побежал за подмогой. В стрельбу включился начальник милиции, и четырех грабителей поймали. На месте происшествия оказалось 10 мешков яблок⁹. Много садов по уезду было сведено на дрова. В 1925 г. по данным сельсоветов площадь под садами в уезде сократилась примерно вдвое. Сохранялись еще некоторые старые традиции, заложенные земствами. В 1922 г. осенью на районной сельскохозяйственной выставке была представлена коллекция гражданина Силантьева (д. Сколкова) муромских яблок сортов антоновка, анис красный, боровинка, титовка, скрут, хорошавка, за что получен им почетный отзыв¹⁰.

Муромский уездный агроном Михаил Константинович Птицын писал: «В нашем уезде имеются громадные районы (заречные волости: Варешская, Загаринская, Яковецкая и др., соседние с ними), где сады имеются в каждом доме. Но что

это за сады. Глушь из зарослей вишни, яблонь, слив, через которую трудно пробраться. Яблони с обломанными и сухими ветвями, с заросшей лишаями корой... стоит удивляться, как больные заморенные ободранные растения еще могут „родить яблоки”»¹¹. Он же перечисляет «хозяйства, имеющие примерный плодовый сад». В Муроме указан Семен Викулович Сонин на Штабу. В воспоминаниях Воцининой-Киселевой сказано, что саженцы все брали у Сонины. Плодовый питомник УЗУ (уездного земельного управления) был сдан ему в аренду: «Муром (возле артиллерийского склада). Площадь 3 дес.»¹². Видимо, это тот самый земский питомник, заложенный в 1915-м году. В 1920-30-е годы он вполне уже мог снабжать город саженцами. В 1926 году М. К. Птицын намечает меры к восстановлению садоводства: организация кооперативного сбыта или переработки фруктов, организация общественных мер борьбы с вредителями, обновление сортового состава яблонь, замена старых посадок, для чего нужны питомники, улучшение мер ухода путем агропропаганды. Это все то же, что предлагали земства четверть века назад. За это время многие садоводы из «бывших» выехали из города или попали в «переплеты» нашей жестокой истории. Новые владельцы далеко не всегда дорожили случайно доставшимися садами. Газеты периодически пишут о плохом состоянии садов. Например, у спиртоводочного завода «до июня сад был разгорожен, там целыми табунами паслись коровы и козы, объедали деревья»¹³. Жильцы дома № 5 по ул. Ленина (этот дом Никитина стоит до сих пор) пишут: «Фруктовый сад без призора. Сад давал 500 корзин яблок и груш у хозяев, а теперь завален мусором, гибнет»¹⁴. Те сады, что принадлежали горкомхозу, сдавались в аренду на короткий срок. Для сада это губительно, уход необходим систематический.

По переписи 1926 года население Муром составляло 21,5 тысяч. Зеленые насаждения тогда по всем окрестным городам были невелики: в Муроме занимали 15,7 % к заселенной площади, а в городе Павлово на Оке — 2 %¹⁵. Самым крупным зеленым массивом, помимо плодовых садов, в Муроме был бывший еловый питомник, созданный на западной окраине перед Первой мировой войной. Он был запущен, не благоустроен. Горожанам он всегда воспринимался как обществен-

Ил. 2. Юннатский кружок детского дома № 1. 1930-е МИХМ. Б/н

ный парк, а питомником его называют до сих пор. В центре города был Окский сад, основанный еще в середине XIX века на месте древнего кремля — очень небольшой парк с двумя аллеями. Была еще «рощица» у старого вокзала (Муром-2). Там шла самовольная рубка, пасли свиней и коров. Упоминается в прессе и старинный городской Гофманский сад, но о необходимости его обновления писали еще до революции. Все эти парки скорее напоминали «собой заброшенные сады разоренных помещичьих усадеб: они сплошь заросли крапивой, лопухом и репьем»¹⁶. Вдоль улиц, по фасадам, деревьев почти не было. На старых фотографиях Мурома (1900-1920-х гг.) видны массивы садов, ветви свисают из-за заборов. Кое-где стоят отдельные деревья перед домами, чаще березы, и, предположительно, вязы, липы, ясени. Плодовые насаждения еще несколько десятилетий составляли основную массу зелени в центральной исторической части Мурома. Город расширялся, прирастая поселками и слободами, где строились небольшие домики деревенского типа. Они тоже обсаживались садами¹⁷.

В 1930-е началась посадка деревьев вдоль улиц. Новшество это не сильно вдохновляло горожан. Картина была примерно такая: «В самом центре — скот гложет деревья, щиплет цветы. Площадь с памятником Ленина замусорена (и сам памятник разваливается), гуси гуляют у горисполкома»¹⁸. Горсовет периодически издавал постановления «О мерах охраны зеленых насаждений», которые предписывали примерно следующее: горкомхозу сдать под расписку зеленые насаждения домоуправляющим и частным владельцам; обязать

их охранять и ухаживать, чистить мхи, окапывать, бороться с вредителями, изгороди содержать в исправности, воспретить выпуск скота, загонять в специальные стойла и кормить, а владельцев штрафовать до 100 р. и проч.

Город быстро рос, строились заводы. Муром стал центром округа. В 1931 году было уже около 40 тысяч жителей, в т. ч. 17 тыс. работающих. Три года действовала в Муроме особая комиссия НКВД (Народного комиссариата внутренних дел) по перепланировке города, расширению годной к заселению черты города. Земельный нарез под новостройку частного дома должен был быть не более 10х30 сажень (это около 14 соток под сад и огород). В перспективе, в третьей пятилетке, к 1942 году население Мурома планировалось до 100 тысяч. В соответствии с генпланом основной жилфонд и социально-культурное строительство должны были развернуться в центре города. Вся историческая застройка, храмы, водонапорная башня — все уничтожалось ради многоэтажных проспектов¹⁹. Реальное же состояние города, несмотря на рост населения, было почти то же, что до революции: одно- и двухэтажные дома по линиям старых кварталов, за ними дворы и сады. Благоустройство примитивное — практически в каждом дворе туалет, выгребные ямы, и, конечно, зловоние. Сеть водопровода не много отличалась от ермаковской системы водоснабжения. Колонок стало больше, но в домах вода — по-прежнему редкость. Городская канализация была только в планах. Электрическое освещение — лишь на нескольких центральных улицах.

Под зелеными насаждениями все еще в основном понимались сады. В планах благоустройства города на 1940 год намечались посадки по улицам, на набережной, в Штабском овраге. Постановление бюро горкома и горисполкома «О древо-насаждении в городе» выставляло план: фруктовых посадок вокруг домов и на приусадебных участках каждому работающему — по 15-20 штук. На пришкольных территориях планировали создавать опытные мичуринские участки и обязательно питомники. Наивность этих постановлений очевидна. Результаты от такой самодеятельности не могло быть.

Грянувшая война изменила все. В апреле 1942 года городской отдел народного образования

организует огородные хозяйства на пришкольных участках. Опять, чтобы выжить, пришлось сажать в садах и парках картошку-моркошку. В нашей местности еще в 1939-40 году (до суровых военных зим) вымерзли многие сады. Как ни удивительно, в Муроме сады начали возрождать во время войны, в 1941-42 гг. — возобновляли питомник. Горисполком обязал владельцев индивидуальных садов и огородов в период 1944-45 гг. заменить погибшие деревья новыми посадками. Как рассчитывали это осуществить? Какими силами, какими саженцами, при каком контроле? Едва ли все это было выполнимо. Частных приусадебных садов в городе Муроме было около 12 тысяч. Во время административной реформы (1942) заречные садовые районы выпали из состава Муромского района, когда его из Нижегородского края вернули во Владимирскую область.

В 1944-45 гг. на заводских территориях начали сажать деревья и кустарники. На Энском заводе (Приборостроительный — его на Вербовском поселке строили эвакуированные ленинградцы) у цехов были высажены сотни кустов смородины и малины, 300 вишен, много декоративных деревьев. На поселке было разбито 11 скверов. В 1945 г. работы разворачивались под лозунгом «Встретим фронтовиков в благоустроенном городе». По области объявили соревнование за лучший благоустроенный город. После войны начались осенние «недели сада». Все заводы, фабрики, сколько-то крупные предприятия — каждый закладывает свой общественный сад. Каждая школа обязана была создать свой сад. Даже детский сад должен был завести фруктовые посадки.

В 1946 население Мурома составляло около 55 тысяч. В городе высаживали десятки тысяч деревьев ежегодно, т. е. едва ли не на каждого живущего по штуке. За этими цифрами скрывается старая проблема. Посадить — не значит вырастить. Видим знакомую картину: «Задержаны 19 коров и 250 коз, оштрафованы родители детей 11-13 лет за поломку деревьев». В газете в рубрике «Вместо фельетона» вышла статья «Кустики на час»: «Каждую весну сажают маленькие деревца. Жалко труда и средств. Позапрошлый год сажали липки метра полтора высотой по ул. Ленина. Через неделю они все были обглоданы козами. Дети довершают... Прошлый год все по-

вторилось. В этом году то же самое. Сажают и не огораживают. Там, где сажали 5-7 летние липы и тополи — они прижились, а прутики пропали»²⁰. Натуральное хозяйство традиционно сохранялось в семьях рабочих. Без него прокормить семью было нереально. Только рабочие Паровозоремонтного завода (им. Дзержинского, Муромтепловоз) имели около 1000 коз и коров.

На заводах и фабриках по распоряжению горкома (городской комитет коммунистической партии) приступили к изготовлению защитных металлических решеток и ограждений. В то время каждый завод формировался как отдельное государство со своей инфраструктурой. Там было все: столовые, поликлиники, детские сады, школы, санатории и базы отдыха, теплоходы, поезда и т. д. У города оставалось не так уж много сфер влияния. В 1950 году очередное постановление «Об охране и содержании зеленых насаждений» предусматривало: распределить ответственность по паркам, скверам, дворам и пр.; обеспечивать ограждения при посадке; запретить прикреплять к деревьям веревки для белья, качели, гамаки и пр. Примечательно, что еще тогда предписывали запретить посыпку солью и пр. химикатами тротуаров, где есть насаждения. Механизм осуществления и контроля этих мероприятий не отмечен.

Все 1940-50-е всюду упорно разводили сады и ягодники. Открытие витаминов, похоже, сыграло не последнюю роль в этом упорстве. Когда в 1947 году отменили карточки, садоводство признали важным дополнительным продовольственным ресурсом. Правительство ставит задачу: «Покрыть нашу страну цветущими садами». Тема попадает на первые полосы газет, провозглашается, что сады призваны украсить нашу жизнь, сделать ее «еще более радостной и счастливой».

Счастливого будущее ассоциировалось и с новостройками. К 1960-м годам старая историческая часть города опять оказалась под угрозой. В 1955 году молодой главный архитектор сообщает в газете о том, что приближается юбилей Мурома (1100-летие праздновали в 1962-м), что в конце прошлого года разработан новый генплан, рассчитанный на 20 лет и предполагавший примерно следующее. Главная Комсомольская площадь (перед музеем на Первомайской) будет реконструирована и обстроена многоэтажными

Ил. 3. Озеленение улицы Л. Толстого. Деревья огорожены штакетником. 1934 МИХМ. Ф. 06-20-04. Б/н

зданиями; в ее центре встанет монументальный дом советов; с восточной стороны расширится парк Красного луча (Окский) и будет устроен красивый спуск к реке; главной магистралью станет улица Московская, которую расширят до 35 метров и обстроят 3-5-ти этажными зданиями... неузнаваемо преобразится набережная Оки — здесь зазеленеют фруктовые и декоративные деревья²¹. Описан тот же план, что готовился в 1930-е годы. До признания ценности исторических реалий было далеко. Подобных планов было еще много, но осуществиться им не было суждено. Только набережная Оки действительно преобразилась, деревья посажены не фруктовые... в XXI веке.

В середине XX в. необходимо было искать новые решения по развитию садоводства. Президиум ВЦСПС предложил профорганизациям принять меры к развитию садоводства, оказывать помощь в отводе участков, в приобретении посадочного материала и инвентаря. В городах полагалось передавать желающим в бессрочное пользование по 600 кв. м. Заводам и фабрикам стали выделять большие территории в окрестностях Муром. Теперь уже не для общественных садов (где все и никто хозяин), а для распределения участков работникам и создания коллективных садов-огородов. От желающих не было отбоя. Недавние горожане, еще не отвыкшие от работы на земле, с радостью брали участки недалеко от работы и места жительства. Так, мои родители, их братья и сестры, жены и мужья, работая на заводах, ходили помогать своим матерям (все отцы

погибли в войну) в Карачарово, на Фанерный, в Панфилово. Все они еще и садово-огородные участки взяли. Моим родителям, работавшим на Радиозаводе, довольно долго пришлось добиваться получения своего клочка земли. Садовая территория у Радиозавода, где они работали, была с 1954 года. Там вырыли пруд, к каждой паре участков подвели водопровод, установили водоразборный бак. Все это предприятия делали за свой счет. Порой профкомы закупали саженцы, содержали сторожей и пр. Рабочие-пользователи вносили символическую плату. Эти участки им не принадлежали, оформить их «приватизацию» стало возможно только после перестроечных реформ.

В 1946 г. первым получил землю машиностроительный завод (ЗИО — завод имени Орджоникидзе — Муроммашзавод) — на бывшем пустыре по дороге к Фанерному поселку его садовый к 1954 году занимал площадь 9 гектаров. Хозяевами были 370 работников²². Теперь, когда участки попали в руки конкретных «владельцев», картина начала быстро меняться. Срочно понадобилось огромное количество присадков. Председатели уличных комитетов составляли списки желающих приобрести саженцы. Например, только на улице Первомайской 60 хозяев заказали 290 саженцев, на улице Лакина 19 хозяев — 120. Заказывали в основном яблони: боровинка, анис альф, славянка, белый фолер (бельфлер)²³.

В планах реконструкции и развития города вопросы озеленения занимают одно из первых мест. Председатель общества охраны природы А. Климанов пишет о том, что надо вернуть славу муромских садов, тем более, что почти при каждом доме есть достаточный участок. Два раза в неделю в горсовете дежурил консультант общества, который давал разъяснения садоводам²⁴. Если в постреволюционные годы актуальны были статьи о восстановлении запущенных садов, то теперь пошли публикации об уходе за молодым садом.

В Муроме «Плодопитомник» в 1950-е годы проделал большую работу по обеспечению жителей города фруктами, ягодами и посадочным материалом. Директор питомника И. Петрахилев в 1950-е годы делится опытом своей работы в брошюре «Уход за садами и ягодниками»²⁵. Хозяйство Муромского плодопитомника в 1950-е годы состояло из двух производственных участков

в противоположных частях города. Всего 49 гектаров, в т. ч. под садами 19,5 га, под питомником и школой сеянцев 10 га, под ягодниками 4,95 га. Овощи и картофель выращивали в междурядьях сада на 15 га. Парниково-тепличное хозяйство состояло из 1100 парниковых рам и 4-х теплиц. Был свой маточный сад. План 1954 г. по окулировке (прививке, т. е. подготовке саженцев) был на 50-60 тысяч дичков. В 1953 г. выращено было 80 тысяч однолеток для колхозных садов и приусадебных участков. Сад питомника, посаженный (возрожденный!) в 1941-42 гг., вступал в период плодоношения. В нем росли такие сорта: анис, антоновка, боровинка, грушовка московская, штрейфлинг, коричневое полосатое, папировка. И мичуринские: пепин шафранный, славянка, китайка золотая. Практически во всех муромских и окрестных садах были все эти сорта яблок в 1960-1980 годы. Старшее поколение прекрасно помнит вкус каждого сорта. В питомнике размножался сорт яблони окарь, выведенный муромским опытником И. И. Гладковым. Появилась груша бере зимняя Мичурина, до этого зимних сортов груш здесь не было. Из вишни первое место занимала владимирская — 480 кустов из всех 545-ти. Были опыты по выводу гибридов малины, крыжовника. Разводили для прививок сеянцы уссурийской сливы очень зимостойкой. Высажены были сеянцы винограда, полученные от скрещивания дикого уссурийского с южными культурными сортами. Чистого дохода в начале 1950-х получали по 210,5 тысяч рублей за год.

По Владимирской области еще было 10 питомников, но наш один из крупнейших. В 1961 году в Муроме провели реорганизацию, создали совхоз «Плодопитомнический», состоявший из нескольких малых сельхозпредприятий²⁶. Это история совсем недавнего времени и можно поименно отметить тех, кто помогал муромцам создавать вокруг города кольцо садов. Основные этапы зафиксированы в воспоминаниях профсоюзного организатора Л. Ф. Красовской. На территории города в районе нефтебазы в местечке «Бучиха» на территории около двух гектаров занимались семеноводством, там был небольшой сад, теплица под огурцы и помидоры. Возглавлял эту сельхозтерриторию бригадир Семен Иванович Кузнецов. Сад «Муром-2» был

расположен в районе парка им. 50-летия Советской власти (бывшего хвойного питомника) примерно на пяти гектарах. Здесь все муромцы помнят яблоневый сад, а, кроме того, и овощи выращивали. Командовал там Канатников с семьей. Третьей площадкой стала территория Якиманской слободы, где существовал колхоз «Путь к коммунизму». Возглавлял его Самарин. Как четвертая территория в совхоз «Плодопитомнический» вошел колхоз «Гордость комсомольца» в Дмитриевской слободе, возглавлявшийся М. И. Навозновым.

С 1962 до 1981 года во главе совхоза стоял директор Яков Юдкевич Розенфельд, участник Великой Отечественной войны, и, по отзывам ветеранов совхоза, прекрасный хозяйственник. Период его правления стал «золотым веком» этого совхоза. В 1965 г. он был переименован в «Плодовый» в связи с укрупнением. К нему присоединили колхоз им. Лакина — деревни Тереховицы, Саксино, Березовка. Скомплектовали три садоводческих бригады. Питомник возглавляла Серафима Ивановна Дурандина. Они, 14 человек, выращивали из семечек яблоньки, груши, вишню, землянику. Другая садоводческая бригада, 23 человека под руководством Анны Георгиевны Новиковой, занималась уходом и посадкой яблонь, сажали землянику, потом собирали урожай. Третья бригада под руководством Лидии Шумиловой выращивала, ухаживала и собирала урожай черной смородины, рябины, яблок, вишни. Всего совхоз имел 500 га садоводческих угодий, большая часть не на городской территории, а в районе. К 1981 году совхоз «Плодовый» насчитывал более 600 человек работников. Тепличное хозяйство было в Якиманской слободе. Выращивали огурцы, помидоры, лук. Совхоз снабжал весь Муромский район овощами, ягодами. Цех садоводства возглавлял В. В. Мишин. Питомник в совхозе считался одним из лучших в Российской Федерации. По всей России поставляли саженцы новых популярных сортов яблонь — мельба, новое коричневое, мантет. Велась селекционная работа и сортоиспытание. Совхоз был призером выставок народного хозяйства в Москве, завоевал много дипломов и грамот. В 1979-81 гг. — за выведение новых сортов яблонь — работники питомника много раз награждались золотыми знаками вы-

Ил. 4. Весной в саду Герцыг-Рыбаковых. 1958. МИХМ. № М-21941. Ф. 01-31-395

ставок и областного Управления «Плодовош». Совхоз, как все крупные предприятия советского времени, строил не только хозяйственные помещения, хранилища, но и жилые дома, детский сад, школу, магазины в Якиманской слободе (теперь все в городской черте). В период общероссийских реформ в 1994 году он был преобразован в Акционерное общество «Плодовый», затем в СПК (сельскохозяйственно-производственный кооператив) «Плодовый». В 2002 году он превратился в Закрытое акционерное общество «Выбор» — с директором А. А. Осиповым. Изменение видов собственности происходило через банкротство. Через сто лет после первых посадок в муромском питомнике (напомню — в 1915 г.) 500 гектаров современного сада пришли в запустение. Питомник запахали, многие земли вывели из сельхозоборота и продали под строительство. Разумеется, едва ли теперь можно себе представить сельхозугодья среди городской суеты. Муром разросся, и питомник, который закладывали в Напольной слободке, оказался среди жилых кварталов. Замечательные специалисты-садоводы, прошедшие школу в муромском питомнике, теперь открыли свои частные питомнические хозяйства.

Недалеко от Мурома, вдоль Нижегородской трассы у села Чаадаево, многие еще помнят сплошные полосы вишневых садов. В соседнем селе Борисове (где наша дача), как удалось выяснить, сад находился там, где теперь стоит электроподстанция. Так можно продолжить розыск пропавших садов по всему району. Несколько десятилетий пытались осуществить идею «каждому колхозу цветущий сад». Нет колхозов, нет садов.

Муромские сады в период их расцвета советского времени в 1950-70-е годы заполняли не только традиционные культуры. Были в городе энтузиасты, упорно продвигавшие в наш регион растения южных краев. Садовод Зуев с 1948 г. выращивал виноград, у него в 1954 году было 12 лоз, ягоды с них по вкусовым качествам не уступали южным²⁷. Особую известность получили муромские виноградары супруги Елизавета Михайловна Макарова и Виктор Николаевич Нерытов. В 1955 г. вышла их брошюра «Виноград во Владимирской области»²⁸. Они на своем приусадебном участке размером 0,14 га создали высокоурожайный виноградник площадью 0,1 га. Из 300 кустов пятидесяти сортов плодоносили 137. Урожай был в среднем по 6,8 кг с куста²⁹. Удивительные энтузиасты садоводства накопили уникальный опыт. Следующая их брошюра о выращивании винограда в Муроме вышла почти через тридцать лет (в 1983 и теперь стала библиографической редкостью). Они в предисловии рассказывают: «Раньше здесь виноград не только не выращивали, но и не все его видели. Даже выращенные нами в 1920 году помидоры для многих оказались диковинкой. Цель — продвинуть виноград на север. В 1949 г. обратились за консультацией на ВСХВ (Всесоюзная сельскохозяйственная выставка. — Т. К.). Оттуда отослали в город Кучино, в опорный пункт по виноградарству. Над нашим желанием выращивать виноград в открытом грунте посмеялись. Обратились в ТСХА (Тимирязевская сельскохозяйственная академия. — Т. К.) к профессору М. Негруль. Он воодушевил на новую работу. Прошло 35. Растет и плодоносит наш виноград Илья Муромец. Он вполне оправдывает свое символическое название: дает большой урожай, переносит сорокаградусные морозы, стоит неукрытым круглый год. Ягоды мало отличаются от южных сортов»³⁰. Их работа получила широкое признание. 22 года они являлись членами Всероссийского общества испытателей природы, за достижения награждены Дипломом первой степени с отличием и бронзовой медалью ВДНХ. В их адрес ежемесячно приходили сотни и тысячи писем. Они делились опытом, безвозмездно высылали посадочный материал. Они еще выращивали редкие лекарственные растения: лимонник китайский и родиолу розовую. И вино-

град, и лимонник давно перестали быть редкостями. Сорты, выведенные местными супругами-селекционерами, теперь считаются устаревшими. Выведено много новых гибридов, морозостойких, устойчивых к основным болезням. Однако на зиму их укрывают, а Макарова и Нерытов выращивали виноград на окском склоне без укрытия на высоких шпалерах³¹.

У Алексея Афанасьевича Тагунова росли единственные в Муроме деревца грецкого ореха. Он получил 15 семян от профессора А. С. Яблокова с условием вести наблюдения и отчитываться³². В суровую зиму 1956 года у него сильно пострадали черешни, корейские хризантемы и др. Заманчивый лозунг «продвинуть юг на север» не давал покоя энтузиастам. В средней полосе и в северных районах страны пытались выращивать абрикосы, черешни, персики и другие растения юга. Климат через каждые 10-11 лет губил южных пришельцев. В Средней полосе России это были зимы 1928/1929, 1941/1942, 1955/1956, 1978/1979 гг., когда температура опускалась до -40°C . Тогда вымерзла даже знаменитая яблоня антоновка. В настоящее время климат стал мягче, выведено много новых сортов и гибридов южных плодовых растений для средней полосы России, которые успешно конкурируют с «обитателями» теплых краев.

Еще одна интереснейшая линия городского садоводства — это юннатское движение. Было специальное указание Министерства просвещения о пришкольных участках, призыв «овладевать мичуринской наукой». Ученью Лысенко тоже уделялось много внимания. Школьный курс не был свободен от политических влияний даже в отношении ботаники. Знания закрепляли на опытной площадке. Школьные юннатские кружки были популярны. В 1945 году директор мужской школы № 16 (тогда — на ул. Лакина, это теперь школа № 13) А. А. Свирежев сообщает, что учениками посажено 100 яблонь, 20 декоративных деревьев³³. В 1947 г. эта школа посадила 70 дичков яблонь и груш для обучения школьников прививкам. По воспоминаниям Л. А. Комлевой (директора школы № 16 на ул. Л. Толстого) ее отец, Александр Алексеевич Свирежев, вернувшись с фронта, стал директором школы. На ее территории тогда находился прекрасный парк. За ним

ухаживали учащиеся. За зданием школы располагался сад-огород, в котором было высажено помимо плодовых деревьев (яблонь, груш, вишен) много различных ягодных кустов (крыжовник, смородина, малина). Грядки засажены самыми разными овощами. К каждой грядке прикреплялся класс, который сажал, ухаживал и собирал урожай. Здесь же проводились наглядные уроки по биологии. Работа в школьном саду и на огороде не прекращалась и в каникулы, здесь ученики проходили летнюю практику. Ежегодно на территории сада-огорода устраивались осенние выставки, на которые свозились выращенные школьниками других школ овощи. Дети могли посмотреть, у кого больше и лучше что получилось. Однажды была сделана попытка уничтожения деревьев в школьном парке, возможно, на дрова. Приехали пильщики на лошадях с повозками. Директор пытался им воспрепятствовать, но они грубо оттолкнули его так, что он упал. Кто-то из учеников во время урока увидел эту сцену, и ребята прямо через окна повыпрыгивали на улицу. Они окружили пильщиков, развернули повозки и всех выпроводили. Когда школа перешла в здание на улице Льва Толстого (бывшее реальное училище), там тоже был создан сад. Он просуществовал до 1975 года, пока на его месте не началось строительство школьного спортивного зала. На территории школы по улице Льва Толстого до сих пор сохраняется ель, высаженная реалистами под руководством И. П. Мяздрикова в 1911 году. Эта необычная ель с многочисленными ответвлениями стволов редкий артефакт, памятник природы.

Детский дом № 1 выращивал свой сад. Еще в трудном 1946-м каждый воспитанник посадил яблоню и два куста смородины. Через десять лет, как отмечено в газете, на яблонях было больше плодов, чем листьев³⁴. Живые уголки и юннатские кружки существовали почти во всех школах. Далеко не на всех школьных участках сады содержали в порядке. В 1952 г. фруктовые деревья, посаженные учащимися 9-й семилетней школы, были переломаны жителями соседних домов. Участок в школе № 12 не был огорожен и урожай пропал, то же — в школах № 8, 10. На школьных участках продолжали сажать картошку и т. д. В 1980-м годам школьное огородничество стало затухать.

Ил. 5. Комсомольцы школы № 12 за посадкой ягодных кустов. 1948/49 учебный год. МИХМ. № М-11932/1

В 1985 году в городе организовали станцию юннатов (юных натуралистов). Как это было принято в советское время, материальные затраты в таких случаях часто перекладывали на крупные заводы и предприятия. Машиностроительный завод (им. Орджоникидзе, затем Муроммашзавод) выделил чистый земельный участок, комнаты в заводских помещениях. Завели клетки с птицами, аквариумы с рыбками, цветы, выращивали и продавали рассаду, на садоводческом и овощеводческом участках выращивали большое количество экологически чистых помидоров, огурцов, капусты, моркови, которые поставляли в детские учреждения города. Директором был назначен Н. П. Корочкин, педагог и садовод-любитель. Эта станция стала центром природоохранного движения города. Станция имела и некоторый доход с выращенных продуктов, что позволяло закупить семена, литературу, приборы, наградить участников. Главное — дети получали опыт общения с природой³⁵. Очередное реформирование школьных программ исключило из школьного курса все эти ботанические практики. Современные ученики лишь сажают цветы в пришкольные клумбы. Невозможно посаженные при каждой школе сады (и старевшие сады в школах со столетней историей, и молодые в новых школах) стоят неухоженные, достойные сожаления и лучшей участи.

Так после организации коллективных садов-огородов садоводство и озеленение городов каждый пошла своей дорогой. Озеленение города уже не совмещалось с идеей обеспечения населения фруктами.

В 1930-е годы для посадок на улицах брали липы в возрасте 7-10 лет из лесосеки Ивань. Не-

которые до сих пор сохранились. Около школы № 13 стоят липы, посаженные первыми учениками школы в 1936 г. Во второй половине 1940-х годов в лесосеке этого материала уже не было. Пришлось брать трех-пятилетние саженцы из питомника Казанской железной дороги — клен, ясень, тополь, акация. Один из муромских садоводов, Тагунов, по вопросу об озеленении города высказывался в газете: «Вяз и тополь³⁶ совершенно не пригодны к городским условиям. У тополя буйно растущие мощные корни узлами выбиваются на поверхность и взламывают тротуар. Семена-пух в сухую погоду пожароопасны (тогда еще не говорили об аллергии. — Т. К.). Они хороши для лесозащитных полос. В Муроме же они составляют 50 %. Объяснить это можно только легкостью разведения тополя. Воткните весной прутик или кол — из него будет расти дерево. Иначе с рябиной и липой»³⁷. Мечты про город-сад не отпускали советских людей. Тагунов советует: «Следует сажать, прежде всего, фруктовые деревья, например, грушу, невежинскую или даже просто лесную рябину. Весной они дают цветы с тонким ароматом, осенью — плоды, в особенности красивы красные гроздья рябины. Из декоративных деревьев ценна прекрасно растущая в Муроме липа, обладающая красивой формой, душистыми цветами и способностью переносить любую обрезку. Хороши также ясень, остролистный и узколистый клены. Можно протянуть между этими деревьями посадки из сирени, желтой акации, боярышника»³⁸. Характер американских кленов³⁹ тогда еще не успел проявиться. Теперь мы видим, что эти живучие агрессивные деревья захватывают любое пространство, стоит только оставить их без внимания. Александр Солдатов в социальной сети Одноклассники (группа «Муром на старых фото», 2017) отмечает: «Посадку американских кленов наблюдал в 1954 году в районе стадиона „Спартак“ (он же — «Труд», «Муромец»). Крайне неудачное растение. Росло кустами, занимая всю площадь. Быстро стареет и падает. Занимает все свободные места. Для примера загляните в Штапской овраг, представляющий сейчас непролазные джунгли и завалы, а в 50-х там было чисто и порядок. Нас водили в овраг из детского сада гулять группами. Мы там бегали, а девочки собирали цветы и плели

Ил. 6. Бригада С. И. Кузнецова совхоза Плодопитомнический (участок за Бучихой) за уборкой яблок. МИХМ. № НВ-3080

венки»⁴⁰. Все муромские овраги теперь захвачены этими кленами. В 1950-е мечтали овраги тоже превратить в сады. А. Тагунов пишет в газете: «Штабной овраг. Когда-то (в начале XX века. — Т. К.) здесь был большой сад. Росли вишни, яблони, а по ложбине оврага — могучие сосны с зарослями осины, черемухи, жимолости, бузины, орешника... Какая масса певчих птиц гнездилась в этих зарослях. На дне оврага росли фиалки, ландыши, встречались куртины папоротника. Год за годом все это разрушалось... овраги превращены в свалку, размываются... С южной стороны города в Бучихе была осиновая роща с редкими большими тополями, черемухой, ивой. Бучиха была излюбленным местом гуляния муромлян... Оврагов в Муроме много, но только один из них, что на Первомайской улице, попал в хозяйственные руки и теперь там сад детдома № 1... Овраги можно было бы засадить садами»⁴¹. Сад детского дома тоже остался только в воспоминаниях, теперь и там — свалка и американские клены.

Постепенно идет замена деревьев на улицах города. Около десяти лет назад убрали неприглядные клены с первого квартала улицы Московской и собирались посадить каштаны. Глава города (тогда В. А. Качеван) прислушался к мнению музейных специалистов — ничего не сажать, поскольку это единственный сохранившийся исторический квартал. Без деревьев стала видна архитектура зданий, проявилась «физиономия» города. Немало пришлось выслушать нареканий от муромцев, жалеющих деревья на Московской. Эти сожаления, в сущности, относятся к милым воспоминаниям молодости, «когда деревья были большими», под ними гуляли в тени и с этим трудно расстаться.

Ассортимент зеленых насаждений меняется. Так ушли в воспоминания акации, росшие чахлыми пыльными куртинами почти в каждом дворе и радовавшие детвору стручками, пригодными на свистульки. Не стало на клумбах в скверах львиного зева и настурции, турецкой гвоздики, душистого табака, благоухавших вечерами. Не свисают над тротуарами душистые ветки черемухи, сирени и жасмина. Не модны теперь пышные букеты с георгинами, которые все несли первого сентября. На все мода приходит и уходит. Не стало в городе зловредных коз, поедавших тысячи саженцев, зато все свободное пространство заполнили машины и создали свой «аромат» и шум.

В 1970-80-е город вырос. Заводские коллективные сады-огороды с участками по три сотки оказались в кольце многоэтажек. В 1990-е и 2000-е актуальность выращивания себе на пропитание овощей-фруктов ушла. Современное городское пространство не оставляет места для садовых затей. В старой части города сохранилось еще несколько приусадебных садов, доживающих буквально свои последние времена. Появляются новые сады за высокими заборами при богатых особняках, но мы их даже не увидим. В настоящее время плодовые посадки теряют пищевое значение из-за агрессивности городской среды. Плодоводство перемещается в сельскую местность, а в городе остается место лишь декоративным растениям. Плодовые посадки используются в парковом дизайне, но история муромских парков — тема отдельных исследований.

Среди модных увлечений последнего времени не последнее место занимает садоводство. Растениеводство обросло специализированными магазинами, выставками и интернет-сообществами. Как и любое увлечение, это требует глубокой сосредоточенности, специальных знаний. Есть в этом и некая медитативность, философия. Личный сад теперь решает не продовольственную проблему, а, скорее, заполняет досуг. Появилось много лишней мишуры в украшении, так называемого дизайна. В древности от садов требовалось, чтобы «они были приятны и вообще способны к возбуждению садоприличных чувствований»; «садоделателю» рекомендовалось «остерегаться того, чтобы не затевать никаких хитрых мудр-

ствования и не прилепляться к игрушкам и таким вещам, которые с достоинством сада не согласны;

ибо в оном надобно господствовать везде разуму и чистому вкусу»⁴².

¹ См. материалы о муромском садоводстве: Купряшина Т. Б. Откуда яблони на Перемиловых горах // Сообщения Муромского музея – 2014. – Владимир, 2015; она же. Муром, утопающий в садах // Сообщения Муромского музея – 2015. – Владимир, 2016.

² План работ Муромского Уисполкома и его отделов на январь-сентябрь 1922 г. – Муром, 1921. – С. 15.

³ Дом в Муроме, в котором жил художник Петр Целебровский. Передний фасад. Фото 1960-х гг. МИХМ. № М-11131. 01-158-02.

⁴ Оценочная книга недвижимых имуществ города Муром за 1915 г. Ч. 1-5. МИХМ. М-23323 – М-23327. Цифровые копии: Научный архив МИХМ. – Ч. III. – Л. 721 (лист шит не на месте, а раньше – в улице № 24). Улица № 25 Овражная, № 21.

⁵ Дневник художника П. Целебровского «Огородное дело 1918 лета». Печатная копия с авторской рукописи // МИХМ НА. – Ф 7. – Оп. 1. – Д. 20-а. – С. 1.

⁶ Заседания XI-го уездно-городского съезда крестьянских, рабочих и красноармейских депутатов Муромского уезда 23, 24 и 25 августа 1920 г. – Муром, 1920. – С. 7.

⁷ Там же. – С. 13-14.

⁸ Протокол 15-го Муромского уездного съезда Советов рабоче-крестьянских и красноармейских депутатов 20 ноября 1923 г. – Муром, 1923. – С. 20.

⁹ Садовые бандиты // Луч. – 1922. – № 57 (340). – С. 4.

¹⁰ Из сельскохозяйственной жизни // Луч. – 1922. – № 69 (352). – С. 3.

¹¹ Краткая история агрономической помощи в Муромском уезде // Сельско-хозяйственный календарь-справочник на 1923 год. – Муром, 1922. – С. 47.

¹² Там же. – С. 125.

¹³ Волков. Сады привести в порядок // Муромский рабочий. – 1939. – № 152 (2553). – С. 4.

¹⁴ Жильцы дома. Фруктовый сад без призора // Муромский рабочий. – 1940. – № 110 (2812). – С. 4.

¹⁵ Муромский округ перед 5-леткой. Плановая комиссия Муромского окрисполкома и Муромское окружное научное общество краеведения. – Муром, 1930. – С. 163.

¹⁶ Там же. – С. 164.

¹⁷ Антонова Н. Д. Сады моего детства // Сообщения Муромского музея – 2014. – Владимир, 2015.

¹⁸ Головашкин И. Пешком по Мурому // Муромский рабочий. – 1937. – № 171 (1973). – С. 4.

¹⁹ Перепланировка Муром // Приокский рабочий. – 1929. – № 19 (873). – С. 4.

²⁰ Кустики на час // Муромский рабочий. – 1947. – № 61. – С. 4.

²¹ Беспалов Н., главный архитектор. Муром строится // Муромский рабочий. – 1955. – № 43. – С. 2.

²² Общественный сад // Муромский рабочий. – 1954. – № 99. – С. 4.

²³ Николаев А. Большой спрос на саженцы // Муромский рабочий. – 1954. – № 200. – С. 4.

²⁴ Климанов А., председатель общества охраны природы. Превратим наш город в зеленый сад // Муромский рабочий. – 1955. – № 45. – С. 4.

²⁵ Петрахилев И. Уход за садами и ягодниками. – Владимир, 1954. – С. 3.

²⁶ Красовская Л. Ф. Из воспоминаний о создании совхоза к его 25-летию стажу. 25 ноября 1985 год. Рукопись // МИХМ НА № 621. – Ф. 6. – Оп. 6. – Д. 4.

²⁷ У садоводов города // Муромский рабочий. – 1954 – № 76. – С. 4.

²⁸ В предисловии от издательства он назван Меленковским виноградарем-опытником участником ВСВХ 1955 года (по ошибке, или он тогда жил в Меленках?).

²⁹ Макарова Н. М. Виноград во Владимирской области. – Владимир, 1955.

³⁰ Макарова Е. М., Нерытов В. Н. Муромский виноград. – Ярославль, 1983; Макарова Е. М. Муромский виноград: Советы садоводам-любителям по выращиванию высококачеств. сортов винограда в сев. обл. СССР. – Ярославль, 1988.

³¹ В первые годы моей работы в музее (1980-е) согбенная старушка возила на рынок пестрые букеты цветов в старинной детской колясочке, а на обратном пути заходила в музей и беседовала о винограде. Это и была Е. М. Макарова.

³² Жадина В. Цветут пионы // Муромский рабочий. – 1956. – № 124. – С. 4.

³³ Свирижев А. А., директор школы № 16. Благоустроим школьную площадку // Муромский рабочий. – 1945. – № 50 (3759). – С. 2.

³⁴ Гольщева Л. Муравейник // Муромский рабочий. – 1957. – № 129. – С. 3.

³⁵ Ермолаев Н. «В родную природу влюбленный» // Селивановский вестник. – 2002. – № 51 (8639). – С. 3.

³⁶ Тополя стали сажать в Москве сразу после войны для быстрого восстановления привлекательного облика. За столицей потянулись остальные города. Тополь – дерево ломкое, его опасно сажать вблизи строений, но он очищает воздух. Прежде, чем озеленять города, специалисты провели исследование и выявили, что когда лопаются почки на тополе и начинают распускаться клейкие листочки, то воздух становится свежее, эфирные масла, содержащиеся в почках, имеют не только приятный запах, но и обладают антимикробной активностью. Даже от небольшого количества этого эфирного масла переставали размножаться стафилококки, возбудитель дизентерии. Если сажать мужские особи (тополь растение двудомное), то и с пухом не будет проблем. Если вовремя обрезать – то не успеют отрасти длинные ломкие ветви, вредители и болезни не успеют испортить лист.

³⁷ Тагунов А., член общества охраны природы. К вопросу об озеленении города // Муромский рабочий. – 1956. – № 69. – С. 4.

³⁸ Там же.

³⁹ Клен ясенелистный, который в природных местообитаниях Северной Америки тяготеет к тяжелым глинистым почвам, произрастая в речных долинах, неожиданно в процессе интродукции продемонстрировал способность не только вполне устойчиво обитать в условиях перегрева и промерзания почвы, закупоренной асфальтовыми покрытиями городских улиц, но и образовывать громадное количество пневой поросли, самосева. Очень активен и подвижен, обладает высокой скоростью роста и устойчив к загрязнению воздуха. Распространяется самосевом в окрестностях городов и поселков сначала на нарушенных местах, но вскоре внедряется и в природные сообщества. См: Клён ясенелистный //

[Электронный ресурс]. — Режим доступа: https://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%9A%D0%BB%D1%91%D0%BD_%D1%8F%D1%81%D0%B5%D0%BD%D0%B5%D0%BB%D0%B8%D1%81%D1%82%D0%BD%D1%8B%D0%B9.

⁴⁰ Социальная сеть Одноклассники // [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://ok.ru/profile/562606716598>.

⁴¹ Тагунов А. «О муромских оврагах» // Муромский рабочий. — 1956. — № 91. — С. 4.

⁴² Столянский П. К. Старый Петербург. — С. 9. Цит. по: Диканский М. Г. Постройка городов, их план и красота. — Петроград. 1915. — С. 85.

МУРОМСКИЙ ФОТОГРАФ НИКОЛАЙ САЖИН¹

Николай Николаевич Сажин родился в 1868 году в городе Арзамасе в семье фотографа. Его дед и отец, также оба Николаи Николаевичи, родом были из села Большое Мурашкино (около 50 километров от Арзамаса) и, по воспоминаниям потомков, принадлежали графам Уваровым. Учиться фотографическому делу отца будущего муромского фотографа посылали в Париж, а по возвращении оттуда подписали вольную. Так в Арзамасе, примерно в 1870 году, был открыт павильон Сажина, от которого пошла целая династия фотографов.

Первые уроки фотографического дела старший сын Николай (муромский) получил от своего отца. После ранней кончины того в 1886 году, арзамасская фотография осталась на попечении молодого Николая. Затем был Нижний Новгород и повышение фотографического мастерства у самого А. О. Карелина. Здесь, в Нижнем, Николай встретил свою будущую супругу — дочь известного нижегородского нотариуса Веру Терновскую. Возвращение в Арзамас было недолгим. Не ужившись со свекровью, молодые решили попытать счастья в Муроме. В Нижнем Новгороде из-за большой конкуренции открывать собственное фотоателье не имело смысла, а в Арзамасе подрастали младшие братья, которые также стремились стать настоящими фотографами и работать в ателье, основанном их отцом. Решили перебраться в Муром. К тому же на тот момент в городе на Оке не было постоянного фотографа.

Наиболее известными предшественниками Сажина в Муроме были Фома Варфоломеевич Муляк (работавший с 1870 по 1878 годы) и Карп Иосифович Глинский (работавший с 1878 по 1894 годы). Работы этих мастеров сохранились и дошли до наших дней благодаря стараниям частных хранителей. Факт этот говорит о том, что заказов на фотографические работы в Муроме было уже в то время немало. Стоит отметить и то, что фотографии не ограничивались лишь портретной съемкой в павильоне. От того времени сохранились видовые

снимки города, запечатлевшие для нас многие архитектурные достопримечательности.

Кроме названных мастеров, работавших в Муроме постоянно и на протяжении длительного времени, были и такие, ателье которых просуществовали недолго. Назовем художника Тимофея Ивановича Мяздрикова (середина 1870-х), Екатерину Викторовну и Сергея Евгеньевича Соколовых (кон. 1880-х — нач. 1890-х).

Ил. 1. Портрет супруги Н. Н. Сажина — Веры Терновской. Визитпортрет. До 1917

Часто посещали город и заезжие мастера, которые снимали исключительно архитектуру и городские пейзажи. Среди них следует отметить собирателя старины Николая Семеновича Стромилова (1860-е), Василия Васильевича Левитско-

Ил. 2. Один из ранних оборотов фотографического бланка Н. Сажина. Кабинетпортрет

го (1880-е), архитектора Владимира Васильевича Сулова (1886-1889), Ивана Федоровича Барщевского (1889), Максима Петровича Дмитриева (нач. 1890-х), Владимира Дмитриевича Машукова (1900).

Кроме того, в тот период в Муроме существовали и фотографы-любители, такие, как Иван Петрович Мяздриков (1890-е), собиратель старины Николай Гаврилович Добрынкин (1880-1890-е), имевший большую коллекцию фотографий с изображениями древних предметов и архитектурных памятников.

Занимались фотографией местные художники Иван Семенович Куликов и Петр Иванович Целебровский. На рубеже веков пытались открывать фотографические заведения Сергей Павлович Соколов (1893-1898), Мария Александровна и Владимир Иванович Тэпфер (1898-1900), Наталья Павловна Зайцева (1899), Иннокентий Иванович Белозеров (1901-1902).

По воспоминаниям потомков Сажина, первоначально молодая семья поселилась в переулке у Соборной площади. Сохранилось прошение настоятеля городского собора в городскую управу о постройке при его доме павильона для фотографических работ². Датирован документ ноябрем 1892 года. Однако со временем, очевидно с по-

Ил. 3. Один из ранних оборотов фотографического бланка Н. Сажина. Кабинетпортрет. Литография Покорного, г. Ливава

Ил. 4. Один из ранних оборотов фотографического бланка Н. Сажина. Кабинетпортрет. Литография Гека, Москва

мощью родственников своей жены, Николай покупает (или выстраивает) дом на Ивановской улице, рядом с которым и открывает фотографический салон. Вообще разрешение на открытие фотографии в городе Николай Николаевич получил 26 октября 1892 года, что было зафиксировано в полицейском рапорте.

Вера Владимировна во всем помогала мужу, а затем и дети постепенно приучались к фотографическому ремеслу — их у Сажиных было восемь. Но к тому времени «Новая фотография Сажина» уже твердо стояла на ногах. Очень быстро Николай Николаевич становится ведущим фотографом в Муроме, благодаря высочайшему мастерству и доскональному знанию дела. Павильон расширяется, и даже в Орехово-Зуево открывается специальный филиал по увеличению портретов. Фотографии, выполненные в фотоателье Сажина, до сих пор поражают своей сохранностью, что лишний раз доказывает, как фотограф относился к своей профессии.

Николай Николаевич не ограничивает свою работу лишь павильонными портретами. Свое творчество он выражает постановочными жанровыми сценками, принимает участие в фотографических выставках, на которых получает заслу-

Ил. 5. Портрет одного из братьев Н. Н. Сажина, Льва (стоит) с другом. Кабинетпортрет. Ок. 1905

женные награды. Становление, развитие и расцвет сажинской фотографии наглядно можно проследить по оборотам бланков, которые использовал фотограф. Первые штампованные логотипы имели следующее содержание «Новая фотография Н. Н. Сажина. Учен. художника Карелина. Г. Муром». Далее, уже на специально заказанных типографских бланках, появляется надпись «Новая фотография Н. Сажина в Г. Муроме», очень быстро замененная на просто «Фотография Н. Сажина». Вскоре на бланке появляется упоминание о награде «За художественное исполнение работ удостоен награды на С-Петербургской фотографической выставке в 1898 году», а затем и адрес ателье «Ивановская ул. с. д.» с филиалом в Орехово-Зуево, где открывается «специальный павильон, студия для увеличения портретов».

С массовым распространением в России в начале XX столетия фототипической открытки, Николай Николаевич в Муроме становится ее первым издателем, выпуская сразу несколько серий. Любопытно, что к осуществлению такой работы фотограф уже располагал соответствующим материалом. Одна из самых первых видовых фотографий города Мурома, а именно — вид собора

Ил. 6. Оборот фото № 5. Бланк с подписью родственников

Рождества Богородицы, была сделана Сажиным уже в 1893 (1894) году. Справедливо допустить мысль, что подобная работа была сделана по заказу настоятеля собора, в доме которого предполагалось открыть фотоателье. Но не исключено здесь влияние и муромского собирателя древностей Николая Гавриловича Добрынкина, который очень нуждался в подобных материалах, сделанных подлинным профессионалом своего дела. Так или иначе, но в 1901-1902 годах Сажин самостоятельно осуществляет видовую съемку города Мурома, сохраняя для потомков его незабываемые, но, увы, теперь бесследно исчезнувшие самобытные черты.

В первые два десятилетия XX века в Муроме появляются новые интересные имена из числа фотографов — Константин Зиферинович Микуцкий, Николай Петрович Тарасов, супруги Владимир Александрович и Антонина Тимофеевна Локастовы, Федор Петрович Субботин. Они пробуют себя в разных жанрах: классический павильонный портрет, видовая съемка достопримечательностей, издание фототипических открыток. Каждый занимает свое место на данном поприще. Но ни один из них так и не смог составить конкуренцию Сажину в павильонной съемке. По-прежнему са-

Ил. 7. Николай Николаевич Сажин в кругу семьи. Собственное ателье. 1917-1918. Слева стоит дочь Евгения; сидит слева ее муж — Викентий Лукомский. Сидит в центре в очках супруга Сажина — Вера Владимировна (Терновская) и сам Николай Николаевич Сажин. За их спинами стоит в военной форме старший сын Николай и дочь Тамара; в ногах сидят на краю кресла дочь Вера и на полу дочь Мария; на коленях у самого Н. Н. Сажина сидит младший сын Игорь. Правее от Сажина сидит старшая дочь Анна, за ее спиной стоит муж Клевцов. Справа сидят дочь Лариса и ее муж

жинское фотоателье самое посещаемое, а работы самые лучшие.

С началом Первой мировой войны, а затем и после февральского переворота 1917 года, для многих жителей Мурома наступили тяжелые времена. В их числе оказались и фотографы, чье производство во многом зависело от общего экономического положения в государстве. В этот переходный период уже не слышно прежних имен, и судьбы у многих оказались разные. На смену одним приходят другие.

После Великой Октябрьской социалистической революции у простого трудового народа появилась надежда на обустройство новой жизни. Интервенция империалистических государств в каком-то смысле разделила и прежнее русское общество. Одни из них встали на сторону ушедшей системы и теперь мечтали о силовой реставрации прежних порядков, другим также с оружием в руках пришлось отстаивать свое право на существование. Старший сын Сажина, названный, как и было принято в роду, Николаем, примкнул к белому движению и бесследно

исчез во времени. По воспоминаниям потомков, жизнь его закончилась трагически в далекой от Муромы Сибири.

Однако сам Сажин никуда не уехал из города и продолжил заниматься делом, которому посвятил всю свою жизнь. Теперь его бывший салон был переименован в артель с названием «Красный кустарь» (?), а сам Николай Николаевич назначен в нем заведующим. В то время с фотопринадлежностями было туго. Бланки для фотографий, да и сама фотобумага, стали иного качества.

Опять же, по воспоминаниям потомков, в 1928 году у Николая Николаевича (ему тогда исполнилось 60 лет) отобрали студию и лишили возможности работать в фотографии. Кроме того, его выгнали из собственного дома, и он вынужден был поселиться у знакомых в подвале дома напротив. Тем не менее, в этот период Сажин подготовил себе достойную смену.

К тому времени «сажинским» назывался еще один фотопавильон, размещавшийся во дворе дома по Московской улице. От бывшего дома по Ивановской улице к новому павильону вела

Ил. 8. Николай Николаевич Сажин в селе Дедове (Горьковская обл.). 1945. Слева от него – внук Вадим; справа – внук Константин (на руках няни Дарьи Барышевой)

небольшая дорожка. Старожилы Мурома хорошо помнят этот деревянный со стеклянным потолком пристрой к каменному двухэтажному дому с мезонином. Этот мезонин уцелел до наших дней, единственный из трех. В этом павильоне работали Иван Петрович Гришаков, Евгений Викентьевич Лукомский (внук Сажина от второй дочери Евгении). Мальчик рано остался без отца, и дед обучил его всему, что знал сам. Стал профессиональным фотографом и второй родной сын Сажина Игорь.

Последняя фотография с логотипом Сажина, имеющаяся в моей цифровой коллекции, датирована августом 1928 года.

В 1941 году, перед отправкой на фронт, Евгений Викентьевич Лукомский передал «сажинское» фотоателье на Московской улице своей жене, обучив ее всему, что знал, как когда-то его учил дед. При этом он сказал напутственное слово: «В трудное, военное время у тебя всегда будет кусок хлеба, и ты сможешь кормить детей». Он погиб в 1941 году под Смоленском.

С 1941 по 1945 год Николай Николаевич провёл в эвакуации в селе Дедове Нижегородской области, куда предварительно вывез из Москвы

своих внуков. По их воспоминаниям, там он начал писать сказки, по которым в дедовской школе проводились уроки русского языка и литературы. Много читал, предпочитая философские книги. Будучи большим психологом, огромное значение придавал воспитанию детей и внуков, во главу угла ставя дисциплину в семье.

Даже в эвакуации Сажин не бросил фотографию. В эти тяжелые годы она в буквальном смысле спасала от голода. Старшие внуки ходили по окрестным деревням и селам, собирая заказы у местных жителей. Их затем снимала одна из дочерей Сажина, а сам Николай Николаевич лично печатал портретные снимки. Немецкую фотобумагу и химикаты присылал с фронта сын Игорь. Так и выживали, получая за работу продукты.

После войны московские дети забрали Николая Николаевича к себе в столицу. До последнего дня старый фотограф не терял интерес к жизни. Он даже изобретал безопасные пепельницы, потому что не мог сидеть без дела.

25 ноября 1950 года в возрасте 82 лет Николай Николаевич Сажин скончался. Он похоронен на Миусском кладбище.

¹ Биография составлена по воспоминаниям внуков: В. И. Сажина, К. М. Первова; правнучки Л. Е. Белявской (в девичестве Лукомской); дневниковым записям М. Л. Сажинной-Перетрутовой (дочери Леонида Сажина — фотографа в Ар-

замасе); с добавлениями Г. Г. Мозговой, Н. А. Беспалова, В. Я. Чернышева.

² Книга о разрешении на постройку в 1892 г. // ГАВО. — Ф. 394. — Д. 253. — Л. 87. Инф. В. Я. Чернышев.

М. А. Иванов (Нижегород)

НИЖЕГОРОДСКОЕ ПОСАДСКОЕ САМОУПРАВЛЕНИЕ В КОНЦЕ XVIII ВЕКА

В 1775 году в России была проведена губернская реформа, затронувшая в значительной степени и городские сословия. На базе посадской общины было сформировано так называемое «градское общество», в компетенцию которого входило распоряжение общим городским имуществом и проведение городских собраний. На этих собраниях горожане избирали себе городского голову и должностных лиц (по городскому самоуправлению и в сословные суды), обсуждали наиболее важные дела и различные нужды, имея право обращения к губернатору¹.

Однако в целом «градское общество», как и посадская община, была зависима от органов городского управления. Все решения по самым существенным вопросам проводились сверху, через подконтрольных магистрату должностных лиц.

По сути «градское общество» являлось старой посадской общиной. Процедура избрания на различные должности была практически идентична, дореформенному периоду.

Процесс кризиса посадского самоуправления был характерен и для Нижнего Новгорода. Данный процесс можно проследить на примере ряда архивных документов. Процедуру избрания градским обществом на различные городские должности наиболее полно отражает следующий документ.

«Избрание городского старосты обществом градским 21 декабря 1780 года.

Мы нижеподписавшиеся нижегородские купцы и мещане будучи в собрании по воле высочайшего ее императорского величества состоявшегося 1 числа 1775 года для управления губерний Всероссийской империи учреждения, согласно соображением ее императорского величества о наборе депутатов из состояния проекта нового уложения, избрали мы путем баллотировки в городские старосты нижегородского купца Андрея Яковлевича Баранщикова и его помощником Евдокимова.

В том купеческие и мещанские депутаты руку приложили»².

Сначала на общем собрании градского общества (в отличие от посадской общины действовал имущественный ценз) избирали 40 депутатов из числа наиболее уважаемых его членов (как правило, купцов). Далее данные депутаты избирали городского старосту и его помощника путем баллотировки.

Градское общество как представительный орган городского самоуправления был малоэффективен. Во многом ограниченный городским и губернским магистратом, он продолжал сохранять существенную зависимость от органов государственной власти. В данный период нижегородское купечество фактически отстранилось от участия в деятельности градского общества, игнорируя выборы на различные городские должности. Это подтверждает следующий документ:

«Рапорт о выборах городского старосты от 21 ноября 1796 года

Рапорт

Докладываю что октября 26 дня 1796 года было приказано вынести имена тех купцов на совет, препятствующих для отобрания от них представителей для избрания городского старосты.

Скрепляю в журнал»³.

Среди купцов, не явившихся на общественный сход, были имена наиболее крупных представителей нижегородского купечества: Шешов, Василий Косарев, Иван Смернов, Петр Рязанов, Иван Буланов, Пер Вялов, Андрей Зурин и др.

Таким образом, можно сделать вывод, что в XVIII веке система посадского самоуправления, представленная посадской общиной (далее градским обществом), переживает структурный кризис. Данный кризис был характерен и для Нижнего Новгорода. В первую очередь, он был обусловлен сужением компетенции посадского мира, уменьшением влияния городского общества на внутреннюю структуру городского управления, а как следствие — и снижением общественной активности городского населения.

¹ Кизеветтер А. А. Посадская община в России XVIII столетия. – М., 1903. – С. 116.

² Об избрании городского старосты обществом градским 21 декабря 1780 года // ЦАНО. – Ф. 116. – Оп. 33. –

Д. 145. – Л. 10.

³ Рапорт о выборах городского старосты от 21 ноября 1796 года // ЦАНО. – Ф. 116. – Оп. 33 а. – Д. 49.

– Л. 5.

А. Н. Журухин (Красная Горбатка)

ИЗ ИСТОРИИ СТАРООБРЯДЧЕСТВА ДРАЧЁВСКОЙ ВОЛОСТИ МЕЛЕНКОВСКОГО УЕЗДА ВЛАДИМИРСКОЙ ГУБЕРНИИ

В дореволюционной России остро стоял вопрос о старообрядцах: как официальная церковь, так и государство относились к этой части населения крайне неодобрительно — их притесняли, подвергали гонениям, ущемляли в правах.

В этой связи уместно привести выдержку из сочинений выдающегося мыслителя середины XIX века — Николая Платоновича Огарева, который в своей работе «Окончание четвертого письма», критикуя существующий строй, отмечал: «Том XV св. законов, кн. I, разд. II, отделение второе — исполнено уголовными наказаниями, направленными против старообрядчества, так что уже одна ст. 216 определяет, что „виновные как в распространении существующих уже между отпадшими от церкви православной ересей и расколов, так и в заведении каких-либо новых, повреждающих веру, сект, подвергаются за сии преступления: лишению всех прав состояния и ссылке на поселение — из Европейской России — в Закавказский край, из Ставропольской губернии и Закавказского края в Сибирь, а по Сибири — в отдаленнейшие оной места”»¹.

Продолжая разговор на эту тему, хотелось бы обратиться к исследованию С. Н. Мельгунова «Из истории религиозно-общественных движений в России XIX в. Старообрядчество. Религиозные гонения. Сектантство», которое вышло в 1919 году. В контексте этой работы автор ведет рассуждения о самой элементарной справедливости относительно этой категории людей, где подчеркивает: «Старообрядцы не желают пользоваться никакими преимуществами, они хотят обладать лишь теми правами, которые вытекают из установленного ныне в государственной жизни принципа религиозной свободы»². Это изречение наглядно показывает природу старообрядцев, их стремление к всеобщему равенству и социальной справедливости в обществе, их главная цель — жить по своим традициям, не мешая другим.

В Селивановском районе, если условно разбить его на части, в былые времена существовали

три старообрядческие очаговые территории с компактным проживанием на них староверов. В ходе беседы со старожилами многие собеседники их называли по-разному — «староверами», «кулунгурами», «беспоповцами», — но применительно к обозначенной местности наиболее распространенными являются два первых выражения.

Первый очаг состоит из следующих населенных пунктов: Савино, Малое Угрюмово, Переложниково, Митрофаново и примыкающая к ним деревня Фёдорково (в настоящее время Муромского района); там долгое время, в том числе и при советской власти, находился старообрядческий молеальный дом.

Второй очаг включает в себя селцо Хвоццово (Хвоццово), недалеко от него располагается и кладбище староверов, Шпелиха (Вежники) и Кузнецы (Новое Хвоццово), а так называемое близ него «кузнецовское кладбище» изначально тоже было устроено людьми из их круга и предназначалось только для захоронения староверов.

И, наконец, третий очаг, самый крупный в границах Селивановского края, включает в себя Фёдосово, Старое Рогово, Сосновец, Рыково, Волосатое и село Ивонино. В последнем действовала единоверческая церковь с ведением метрических книг ивонинской старообрядческой общины³. Частично к этому кругу примыкала деревня Сеньково, где имелись две часовни — одна старообрядческая, а другая православная. По свидетельству Павла Ивановича Морчева была и старообрядческая церковь, которую разобрали местные жители в начале Великой Отечественной войны.

Говоря о Драчёвской волости Меленковского уезда, надо сказать, что в массе его населения всегда находились люди, которые стояли в оппозиции к официальной церкви. Достаточно обратиться к известному документу, опубликованному в авторитетном дореволюционном издании «Труды Владимирской ученой архивной комиссии» в книге XI за 1909 год, где опубликован любопытный документ далекой поры, который напрямую

Ил. 1. Старообрядцы из селца Савина. Слева направо: неизвестная, Мария Афанасьевна Яшкова (в замужестве Хренова), Герасим Афанасьевич Яшков. 1914-1918

Ил. 2. В центре старообрядец Матвей Семенович Хренов из селца Савина. 1916-1918 (?)

связан с темой нашего сообщения. В нем, в частности, говорится, что «187 г. Сентября в день бил челом преосвященному Иосифу, митрополиту Рязанскому и Муромскому, и подал известную челобитную Муромского уезду села Драчева Богородицкий поп Евтифий на прихожен своих того ж села Драчева на Кирюшку Карпова с товарищи на 13 человек, что оне к церкви Божией не приходят и на покаянии не бывают и новоисправную службу хулят и спорют и ручному благословению не подходят и крестное воображение спорят, и на тех раскольников к святейшему патриарху и к княгине Анне Васильевне князь Петровой жене Акмурзина Черкасского, а по тех раскольников по указу преосвященного митрополита посыла ны домовые дети боярские и приставы многожды, и в митрополиче Духовном приказе судиям Спасова монастыря архимандриту Иосифу с товарищи подавали доездныя памяти, и те доездныя памяти взяты в дела. И тех раскольников 4 человека, Кузька Андреев с товарищи, были под началом для научения. И марта в 12 день того села Драчева прикацику Михайлу Матвееву запрещено в дом со всякую святынею входить за то, что он

тех раскольников не выдает, а попу Евтифею велено у той церкви быть по-прежнему. И апреля в 15 день, по указу преосвященного митрополита, те раскольники из под началу освобождены и из Переславля отпущены»⁴. Как видим из приведенного отрывка, здесь говорится не просто об отдельном человеке из числа раскольников, а о целой группе лиц.

В настоящей работе мы уделим внимание небольшому сюжету из жизни старообрядцев за 1910 год, которые связаны с тремя поселениями — Савино, Наговицыно и Малое Угрюмово. Это дело находилось в производстве 1-го стола Владимирской духовной консистории.

5 января 1910 года настоятель местной церкви Иван Разанов направил на имя высокопреосвященства Николая — архиепископа Владимирского и Суздальского — послание, в котором сообщал, что крестьяне Драчёвской волости Меленковского уезда Владимирской губернии Михаил Петров Каратыгин (деревня Угрюмово) и Прасковья Ефимова Сергеева (сельцо Савино) обратились с письменным заявлением «о желании своем перейти из православия в старообрядче-

ство»⁵. Такое же желание «перейти из православия в старообрядчество» выражали Никифор Андреев Каратыгин (деревня Угрюмово) и Татьяна Сергеева Кольцова (деревня Наговицыно)⁶. Местный священник, руководствуясь циркулярами департамента духовных дел иностранных исповеданий от 18 августа 1905 года за № 4628 и 8 октября 1909 года за № 7516, просил «о последующем не отказать сообщить мне в возможно непродолжительном времени, с возвращением прилагаемого прошения крестьян Каратыгина и Ефимовой»⁷.

Исходя из вышеизложенного, обращает на себя внимание тот факт, что проблема старообрядчества в Российской империи сохранялась до самого конца царской династии Романовых. На календаре, как видно из документов, стоял 1910 год, а споры по этому вопросу не утихали, как и в предыдущих XVII-XIX веках. Оставались желающие выйти из-под влияния официальной церкви для смены религиозного течения и в начале XX века. Вероятно, такие процессы по переходу из одной веры в другую сопровождались не без помощи проповедников старообрядчества.

8 января в консистории было вынесено постановление, где предписывалось провести с «отходниками» в другую веру разъяснительную работу «о религиозно-нравственном состоянии сих и отношения их к православию, а равно о результатах преподанных им пасторских увещаний по пребыванию их в православии и возможно непосредственном времени представить консистории»⁸.

Указы, которые последовали из Владимирской духовной консистории для руководства к действию, не имели сколько-нибудь положительного результата, об этом докладывал священник села Драчёва Николай Постников благочинному 3-го округа Меленковского уезда священнику Иоанну Яковлевичу Сеславскому. Первый сетовал, что все предпринятые им меры убедить вернуться в лоно «православной церкви крестьяне деревни Угрюмова Никифор Андреев Каратыгин и Михаил Петров Каратыгин с их сожительницами: крестьянской девицей деревни Наговицына Татьяной Сергеевой Кольцовой и крестьянской девицей сельца Савина Прасковьей Ефимовой Сергеевой»⁹ не имели успеха. В своем решении перейти из православия в старообрядчество

они были непреклонны. Кроме этого отмечалось, что Н. А. Каратыгин и М. П. Каратыгин не были даже крещены в православной церкви, а в сожительство с крестьянками Т. С. Кольцовой и П. Е. Сергеевой вступили «по молитве своего старообрядческого наставника, крестьянина деревни Фёдорково Муромского уезда Василия Иванова Антонова»¹⁰. В отношении Т. С. Кольцовой и П. Е. Сергеевой необходимо сказать следующее, что, несмотря на то, что семьи их родителей считались православными — все это было весьма условно. Часть старообрядцев хотя и крестила своих младенцев в православных церквях и там же регистрировала свое вступление в брак — но это не гарантировало их преданности официальной церкви, а было лишь условностью, поскольку в кругу этих семей сильны были старо-спасовские устои.

В этой связи небезынтересно отметить, что многие жители-старообрядцы действительно регистрировались по церковным канонам. Например, если мы полистаем церковные метрические книги села Драчёва начала XX века, то встретим на их страницах немало лиц из сельца Савина, вписанных в разделе «о родившихся» и «о бракосочетавшихся». Исследователь, который не имеет представления о подноготных многих семей, проживавших в Савине, этот факт регистрации может принять за истину и отнести их к числу обычных православных, но на самом деле все обстояло иначе. Так, например, в Савине проживали Хреновы, Яшковы и многие другие, чьи фамилии можно встретить на страницах метрических книг, а между тем, эти семьи являли собой убежденных старообрядцев.

Нельзя исключать и то обстоятельство, что многие старообрядцы шли на регистрацию в официальной церкви по чисто административному расчету. В случае наличия записи в метрических книгах таким лицам легче было получить паспорт.

Автору этих строк приходилось беседовать со старожилками сельца Савина (в советское и в настоящее время деревня Савино), которые подтверждали, что официально их деревня входила в Драчёвский приход, впрочем, это подтверждается и статистическими данными¹¹.

В основной своей массе жители сельца Савино исповедовали старообрядчество, молились двумя перстами, а моленный дом, куда они ходили

на службы, располагался в деревне Фёдорково.

Во второй декаде февраля того же года благочинным 3-го округа Меленковского уезда священником Иоанном Сеславским во Владимирскую духовную консисторию был подан рапорт, в котором говорилось, что «во исполнение указов духовной консистории от 13-го января с/г за № № 566-м и 567-м честь имею представить при сем на рассмотрение оной консистории истребованный мною, по содержанию вышеприведенных указов, отзыв священника села Драчёва Николая Постникова. 1910 г. Февраля 13-го дня»¹².

Население, которое стремилось изменить свои религиозные пристрастия, было достаточно убежденным. Эти люди проявляли определенную твердость в своих решениях, о чем наглядно свидетельствуют и очередные архивные строки. 18 февраля во Владимирской духовной консистории выносятся заключение «о безуспешности пасторских увещаний крестьян Каратыгиных, Ефимовой и Кольцовой»¹³.

Окончательное решение по этому делу было вынесено в начале марта 1910 года. На имя его

превосходительства Владимирского губернатора был направлен «проект», в котором говорится, что в отношении крестьян Н. А. Каратыгина, М. П. Каратыгина и крестьянок Т. С. Кольцовой и П. Е. Сергеевой по предписанию Владимирского епархиального начальства были предприняты все меры, которые включали в себя «пасторские увещевания и убеждения», чтобы вернуть их в лоно православия. Но, несмотря на это, данные лица «остались непреклонными в своем желании пребывать в старообрядчестве. При сем священник Постников присовокупил, что Каратыгины и не крещены в православной церкви, а крещены по старообрядчеству и в сожителство с Кольцовой и Ефимовой вступили по молитве своего старообрядческого наставника-крестьянина деревни Федоровка Муромского уезда Василия Иванова Антонова». Под этим «проектом» стоит дата 4 марта 1910 года¹⁴, которым и заканчивается данное дело о четырех старообрядцах Драчёвской волости Меленковского уезда Владимирской губернии.

¹ Огарев Н. П. Избранные социально-политические и философские произведения. — М., 1952. — Т. 1. — С. 733.

² Мельгунов С. П. Из истории религиозно-общественных движений в России XIX в. Старообрядчество. Религиозные гонения. Сектанство. — М., 1919. — С. 48.

³ Метрическая книга Ивонинской старообрядческой общины за 1907-1918 годы // Архив Селивановского ЗАГС.

⁴ Труды Владимирской ученой архивной комиссии. — Владимир, 1909. — Книга XI. — С. 16-17.

⁵ ГАВО. — Ф. 556. — Оп. 1. — Д. 4788. — Л. 1.

⁶ Там же. — Л. 2.

⁷ Там же. — Л. 1.

⁸ Там же. — Л. 1об., 2об.

⁹ Там же. — Л. 4.

¹⁰ Там же.

¹¹ Историко-статистическое описание церквей и приходов Владимирской епархии. — Владимир, 1897. — С. 100.

¹² ГАВО. — Ф. 556. — Оп. 1. — Д. 4788. — Л. 3.

¹³ Там же. — Л. 3об.

¹⁴ Там же. — Л. 5.

С. С. Михайлов (Москва)

К ИЗУЧЕНИЮ ИСТОРИИ И КУЛЬТУРЫ АССИРИЙСКИХ ЦЕНТРОВ В МОСКВЕ. САМОТЁКА

Москва едва ли не с самого начала своей истории была многонациональным городом. Поначалу, помимо представителей собственно древнерусской народности, здесь однозначно можно было встретить местных финно-угров (меря, мещера, возможно и другие народности) и балтов (голядь). Далее, после ассимиляции древнего дославянского населения, с XIV ст., начинается формирование диаспор народов, исконно проживавших вне Московского региона. Именно в это время мы впервые узнаем о татарах и армянах в Москве. Позже в столице России появляются немцы, поляки, грузины и др. диаспоры. Представители всех национальных общин играли важную роль в жизни города, некоторые из них были особенно заметны в московской бытовой культуре. Одним из таких этнических сообществ, неотъемлемо связанных с городской культурой Москвы XX столетия, были ассирийцы, часто неправильно именуемые айсорами (самоназвание этого народа — «сурая»). Многие десятилетия, вплоть до 1990-х гг., представители этого народа трудились на «точках» чистки обуви и были на виду москвичей.

Здесь сразу же надо заметить следующее. Хотя у москвичей и жителей других городов ассирийцы часто ассоциируются именно с этим занятием, но считать, что все взрослые представители диаспоры сидели на «точках» и чистили штилеты горожан, крайне ошибочно. Данное занятие появилось у ассирийцев-беженцев из Ванского вилайета Турции примерно в начале 1920-х гг. и, скорее всего, было навязано советскими властями. Иногда доводилось слышать легенду, что чистить обувь на «точки» или «стоянки» ассирийцев посадил сам М. И. Калинин, и что для этого было созвано чуть ли не целое заседание Совнаркома. Легенда легендой, но данный промысел практически одновременно появляется во всех ассирийских диаспорах городов России и Украины, даже в тех, которые насчитывал по несколько семей или даже одно семейство. В 1990-х гг., когда автор начинал ис-

следование истории ассирийцев Москвы, многие старожилы этой диаспоры рассказывали, что их родители, попавшие в Москву в 1919-м или уже в самом начале 1920-х, поначалу работали разно-рабочими, занимались мелкой торговлей, а потом вдруг все разом оказались на «стоянках». Понятно, что без какой-то внешней помощи подобная «синхронность» не смогла бы произойти.

На «стоянки» чистильщиков изначально сели те, кто попал в Россию во взрослом возрасте, преимущественно мужчины. Чуть позже к ним стали присоединяться жены. Подрастающая молодежь и дети уже получали школьное образование и постепенно вовлекались в жизнь окружающего их города. По окончании школ молодое поколение ассирийцев шло в профессионально-технические заведения и в ВУЗы, получая хорошее образование и престижные специальности. Старшее поколение ассирийских семей всячески поощряло этот процесс. Кстати, и среди поколения беженцев далеко не все чистили обувь, многие мужчины шли работать на производство: на заводы, в электро-механические мастерские и т. п. Этот процесс направляли и созданные в середине 1920-х гг. советские ассирийские общества. В городах центра России занятие чисткой обуви исчезло вместе с уходом поколения беженцев. Их дети и внуки, получившие хорошее образование, работали на предприятиях, были преподавателями в ВУЗах и пр. В Москве, в силу особых причин, этот род деятельности задержался, и на смену ушедшему поколению приходили вышедшие на пенсию на основной работе дети.

Ассирийские диаспоры в городах центра России, в том числе и в Москве, являются относительно молодыми — они в целом начали формироваться в 1918 — первой половине 1920-х гг. Причиной массового переселения представителей этого древнего восточно-христианского народа, говорящего на ново-арамейском языке, стали трагические события 1914-1915 гг., связанные с геноцидом христиан на востоке Турции.

Основная информация по истории ассирийской диаспоры Москвы, равно как и других городов России, получена преимущественно в результате полевых исследований. Архивных документов и опубликованных источников существует по данной теме крайне мало. Сбор полевого материала был начат автором в 1992 г. и с перерывами продолжается до настоящего времени.

Когда в Москву приехал первый представитель ассирийского народа, нам неизвестно. Город однозначно посещали отходники, которые в начале XX в. очень часто посещали Россию. По сведениям одного из русских вице-консулов в Ване — В. Маевского, — в Москве у отходников было свое неофициальное подворье¹. Также во внутренних городах нашей страны бывали и ассирийские торговцы, кое-кто из них оседал. Нам удалось найти дело о принятии православия в 1874 г. персидско-подданным несторианского исповедания Иосифом Арсеньюсом (Арсанисом)². В 1925-1926 гг. сотрудником «Союза ассирийцев» в Москве был Бек-Тумаев (Тумаев), «его отец Федор Фомич Тумаев в Москве с детских лет, рабочий на фабрике»³. Судя по всему, здесь речь идет о представителях семьи, уже давно, по срав-

Ил. 1. Вид дома № 3 по 3-му Самотечному переулку со двора. Приблизительно 1960-е. Фото из архива Марины Джибу

нению с беженцами, обосновавшейся в Москве.

В 1918 — первой половине 1920-х гг. ассирийцы создали немало поселений в старой Москве, где проживали вплоть до расселения горожан по «спальным» районам в 1960-х — 1980-х гг. Выходцы из разных племен («миллет») старались селиться вместе со своими соплеменниками и односельчанами. Фактически, как следует из рассказов старожилов, ассирийцы обосновывались там, где им указывали местные власти. Этим объясняется большой разброс семей выходцев из одного села по городскому центру, что мы, к примеру, видим у уроженцев села Кон (группа куная), небольшие группы которых были разбросаны чуть ли не по всему западу столичного центра: Тверская, Арбат, Смоленка, многие бульвары, улицы и переулки в их окрестностях. Довольно компактно поселились уроженцы села Алсан ил маликства Джилу, создав две большие колонии у Тишинского рынка и на Малой Грузинской улице, их семьи также были разбросаны по ряду некоторых соседних улиц. Колонии других ассирийских групп были в других местах московского центра.

В настоящей работе нам хотелось бы поговорить о весьма значимом для ассирийской Москвы районе, где проживало довольно много ассирийцев, а именно о Самоотёке. Здесь фактически возникло не менее пяти мест поселений ассирийцев, в том числе и крупнейшее в Москве. Последним являлся дом № 3 по 3-му Самотечному переулку, единственный, где долгое время жили только ассирийцы. В местном фольклоре этот дом имел несколько прозвищ: «Дом негров» (его обитатели были темнее большинства остальных жителей района), «Дом черноголовых» (по той же причине), «Дом Чикаго», «ЦДСА — Центральный Дом Советских Ассирийцев» (по аналогии с другим ЦДСА — Центральным Домом Советской Армии, который находился поблизости). Последнее название дом получил в силу его известности в ассирийском мире России.

Рассматриваемый дом имел три этажа, плюс полуподвальное помещение, в котором также жили семьи ассирийцев. Согласно преданию, которое бытует у московских ассирийцев до настоящего времени, это здание прежде было спичечной фабрикой, которую беженцы купили за золотые царские червонцы с разрешения Крупской. Фаб-

рику надстроили еще двумя этажами и заселили. Никаких документов, которые могли бы подтвердить эту версию, до настоящего времени не обнаружено.

По племенному признаку Самогёка была заселена ассирийцами из маликства Диз (дизная). Дом по 3-му Самогечному изначально был заселен выходцами из села Черичара (черье), хотя со временем его население в ассирийском плане оказалось довольно пестрым: в результате браков там очутились дизная из других селений и представители других групп, хотя основу жителей все же продолжали составлять черье. Несколько семей черье, по рассказам старожилов, поселились в деревянном доме (не сохранился) чуть выше по переулку. Неподалеку, в Волконских переулках, жили несколько семей выходцев из села Макатон (макетне). Представители этой группы в Москве считались очень музыкальными людьми.

Другой большой по московским меркам группой дизная, поселившихся на Самогёке, были выходцы из села Мадес (мадесная). Большая колония мадесная, не менее десятка семей, жила в деревянном доме на Троицкой улице (снесен перед Олимпиадой 1980 г.) возле храма. Одна семья мадесная поселилась в деревянном доме № 20 (не сохранился) по Садово-Самогечной улице. Глава этого семейства был очень известным человеком в московской ассирийской диаспоре, и о нем мы поговорим чуть ниже. Мне рассказывали о еще одной небольшой общинке мадесная, которая поселилась в Москве довольно далеко от своих односельчан, возле старого Крымского моста. В то время, когда в 1930-х гг. вместо него строили нынешний мост, часть старых домов, включая и тот, где жили ассирийцы, была снесена. Тогда жителей выселяли за пределы Москвы и ассирийцы попали в подмосковное Раменское.

Кстати, на примере выходцев из села Мадес мы можем проследить путь, которым постепенно ассирийцы-дизная, или по крайней мере часть их, добирались до Москвы: горы Хяккяри — Персия — Тифлис — Баку — Астрахань — Москва. В каждом из указанных промежуточных пунктов беженцы задерживались на многие месяцы, а то и годы, ожидая благоприятного разрешения ситуации на родине. Особенно долго они находились

в Закавказье, в районе Тифлиса, близком к арене боевых действий в турецком Курдистане.

Немного об ассирийцах дизная: что эта группа представляет собой. До событий 1915 г. племя (миллет) дизная населяло маликство Диз, которое было одним из шести независимых или «аширетных» ассирийских маликств в горах Хяккяри, в южной части Ванского вилайета Турции. Аширетные ассирийцы (би-ашират) подчинялись только своим маликам и духовному и светскому лидеру народа — патриарху из рода Мар-Шимунов. Турецкие власти практически не могли вмешиваться в их жизнь. Село Мадес, о котором я уже упомянул, находилось ближе всех других селений би-ашират к селу Кочанис — резиденции Мар-Шимунов. В случае какой-либо угрозы Кочанису и патриарху именно мадесная должны были первыми оказать помощь, направив отряд своих аскара (воинов). В апреле 1915 г. в с. Мадес патриарх Мар-Шимун Беньямин провел совещание, на котором было принято решение об отходе ассирийцев из Хяккяри в сторону Ирана, где были русские войска. Всего в Диз, согласно сведениям Маевского, входило 18 селений⁴. По сведениям другого русского вице-консула — Р. Термена, в самом начале XX в. население маликства Диз (Дез) составляло всего 350 домов⁵. Здесь сведения совпадают с Маевским, насчитавшим столько же. Правда, под понятием «дом» могла выступать и родовая группа, насчитывавшая не одну семью. К началу XX века это маликство сильно пострадало от действий курдов и турок. Также и во время геноцида дизная пострадали более других аширетных ассирийцев. Уцелели две небольшие группы, одна из которых ушла в Россию, а другая после всех скитаний осела на реке Хабур, в северо-восточной части Сирии, где возникло три десятка ассирийских сел. Дизная, потомки выходцев из разных селений, населяют только два из них. В настоящее время в районе реки Хабур идет война с ИГИЛ, что крайне негативно сказывается на местном христианском населении.

В России, а также в прежнем Советском Союзе, согласно данным этнического ассирийца, давно занимающегося историей своего народа в нашей стране — игумена Стефана (Садо), — дизная поселились в городах Северного Кавказа, Ростовской области, Нижнем Новгороде, Смоленске,

Калуге, Москве, Таганроге, а также на Украине⁶. По нашим данным, полученным в результате исследования российской ассирийской диаспоры, немногочисленные семьи дизная жили в Грузии, Ленинграде, Краснодарском крае (Ейск, хутор Урмия), Ростовской области (Ростов-на-Дону, Таганрог, Каменск), Пятигорске, Кисловодске, Владикавказе, Нижнем Новгороде, Смоленске, Вязьме, Калуге. География расселения с 1920-х гг. неоднократно менялась в ходе миграций, выезда за границу, репрессий и т. п.

В Москве, кроме Самотёки, ассирийцы-дизная поселились в ряде окрестных районов. Семьи выходцев из села Курсы (курисная) поселились в Грохольском, Астраханском и некоторых других переулках. Немногочисленные уроженцы села Сова (суве) жили ближе к концу 3-й Мещанской ул. (ныне — Щепкина). Редкие семьи выходцев из села Гулезар (гулезре) жили на Большой Спасской улице. В Орликовом переулке жило несколько семей уроженцев с. Раббан-Дадышу. Также недалеко от Самотёки поселились выходцы из с. Акус (акусная), которых также было немного и большая часть которых впоследствии или переехала в дом № 3 по 3-му Самотечному, или уехала из Москвы. Мне рассказали, что в числе московских акусная был и священник этого села, которого звали Бадель (Бадер). Он до 1930-х гг. какое-то время жил на Самотёке, перешел с сохранением сана в православие, а потом уехал вместе с семьей в Осташков Тверской области, где был репрессирован. Члены его семьи после ареста своего главы вернулись в Москву. О других священниках из церкви Диза мне не рассказывали.

Прежние старожилы самотечного дома в своих рассказах периодически вспоминали о семье своих соседей, которых именовали «умра», причем это не была фамилия этих людей. Данное слово в ассирийском языке обозначает «церковь» и, возможно, что предки этих людей в с. Черичара имели отношения к местной церкви. Однако в Дизе была и деревня под названием Омра, и эти дизная могли происходить из нее⁷. К сожалению, никто не смог мне что-либо рассказать по этому поводу.

Адаптация ассирийских беженцев на начальном этапе истории московской диаспоры, конечно же, происходила довольно сложно. Вырванные из традиционной среды горцы из маликств и других

областей гор Хяккяри не безболезненно входили в среду столицы России, ставшей к тому же советской. У беженцев, попавших в Россию через территорию Ирана, на руках были паспорта этой страны — претендовавший на смежные турецкие земли Иран намеревался использовать турецких ассирийцев в своих интересах. Иранско-подданными многие московские ассирийцы были еще довольно долго, некоторые сохраняли иранские паспорта и в послевоенные десятилетия. В начале 1930-х гг. многие воспользовались обменом паспортов и выехали из СССР. В эту категорию прежде всего попали и наиболее активные носители традиционной специфики. Насколько мне известно, в начале 1930-х выехало несколько семей мадесная, которые через Иран перебрались в США. Их представители в настоящее время проживают в Вашингтоне и Чикаго.

По материалам 1920-х гг. мы знаем о лидере московских дизная — малике (князьке) по имени Лазар, который жил в 3-м Самотечном пер. Этот представитель старой племенной аристократии и его подручные контролировали даже распределение мест под чистку обуви, войдя в созданную для этого комиссию. Как представитель аширетного миллет (племени), Лазар влиял и на неаширетных ассирийцев, проживавших в соседних районах. Когда в конце 1924 г. один из последних, принадлежавший к племени барварная, возмутился действиями малика, последовали весьма драматические события: Лазар мобилизовал своих соплеменников-дизная, которые фактически попытались устроить погром односельчанам обидчика в местах их проживания в Даевом, Луковом, Уланском, Живарёвом переулках и на Домниковке, который был остановлен милицией и дворниками. Лазар для карательных действий мобилизовал не менее трех сотен боевиков из дизная — видимо, столько в тот момент в Москве проживало выходцев из этого племени мужского пола, не считая несовершеннолетних, стариков, инвалидов и т. п.⁸ В настоящее время московские ассирийцы-дизная ничего не помнят о малике Лазаре — судя по всему, этот человек не смог ужиться с советскими порядками и выехал из страны.

Ассирийцы всегда были ревностными христианами и старались обязательно крестить детей, венчать молодых и отпевать усопших даже во вре-

мена дикого богоборчества. В начале пребывания в Москве члены московской диаспоры могли обращаться к своим немногочисленным священникам и диаконам, которые прибыли вместе с односельчанами из сел различных ассирийских областей. Мы уже упомянули священника села Акус. Еще один священник, происходивший из церкви одного из сел района Гявар, жил всего в считанных сотнях метров от Самотёки — в начале Октябрьской улицы, за зданием Театра Советской (ныне — Российской) Армии. В том же дворе проживали и два диакона, также из Гявара. В районе Сретенки, в Даевом переулке, где жила колония ассирийцев из села Севин района Барвар, был диакон, которого звали Яку Хенно. В 1920-1930-х гг. в Москве жили еще несколько священников и диаконов. В книге Г. Андреевского, посвященной Москве 1920-1930-х гг., упоминается «главный помощник» малика Лазара, о котором мы писали выше, диакон Инвия, который официально фигурировал как Михаил Гиваргизов⁹. Он, судя по всему, жил в доме № 3 на Самотёке и мог быть одним из диаконов села Черичара. Более о нем нам ничего не известно — старожилы, которые обитали в этом доме, ничего о нем не помнят. Еще когда были живы последние представители ассирийского духовенства, их паства стала посещать русские церкви. Самотечные ассирийцы традиционно держались двух московских храмов: Троицы на Пятницком кладбище и Пимена в Новых Воротниках. Более всего был популярен первый, поскольку вблизи него, на самом московском погосте, возникло место, где ассирийцы погребали своих усопших. Помимо самотечных дизная, на Пятницком кладбище хоронили ассирийцы Сретенки, Марьиной роцци, которые принадлежали к другим группам — гяварная и барварная.

Но вернемся к знаменитому ассирийскому дому. Сейчас многие ассирийцы-дизная, жившие прежде в доме № 3 по 3-му Самотечному переулку, говорят, что этот дом был заселен только в 1925 году. Однако это утверждение опровергается информацией о событиях конца 1924 г., когда ассирийцы, которые жили именно по этому адресу, участвовали в конфликте с представителями другой группы, проживавшей в районе Домниковки в Даевом, Луковом и Живаревом переулках. Скорее всего, этот дом был надстроен не позд-

нее 1920 г., когда рядом, на Троицкой и на Садово-Самотечной, селились мадесная. В начале 1990-х гг. ассирийцы-старожилы помнили, что изначально семьи первых беженцев, которые добрались до Москвы в 1918 г., поселились в Охотном ряду, в старых домах, стоявших на месте нынешней гостиницы «Москва». На Самотёку власти их переселили немного позже. Возможно, в 1925 г. в указанный дом попали семьи тех, кто мне поведал эту дату — семьи беженцев переселялись из города в город в поисках приемлемого жилья вплоть до 1930-х гг.

Дом в 3-м Самотечном переулке до своего окончательного расселения в начале 1989 г. пережил три периода. Вначале в него стремились попасть многие ассирийцы бывшего СССР, и население постепенно росло. После приток новых жителей прекратился, а затем, уже в 1960-х гг., жители стали постепенно покидать дом, переселяясь в другие московские районы. Последние жильцы выехали в феврале 1989 г. Вскоре здание стало собственностью одной фирмы. В настоящее время оно сохранилось в переделанном виде. В 1990-х гг. ассирийцы просили вернуть, или хотя бы дать выкупить это значимое для них здание, на что последовал ответ московских властей, что они не заинтересованы в создании на территории города национальных кварталов, гетто и проч. Насколько мне известно, неоднократно предпринимались попытки поиска документов, которые помогли бы доказать факт покупки дома, но ни одна из них не увенчалась успехом.

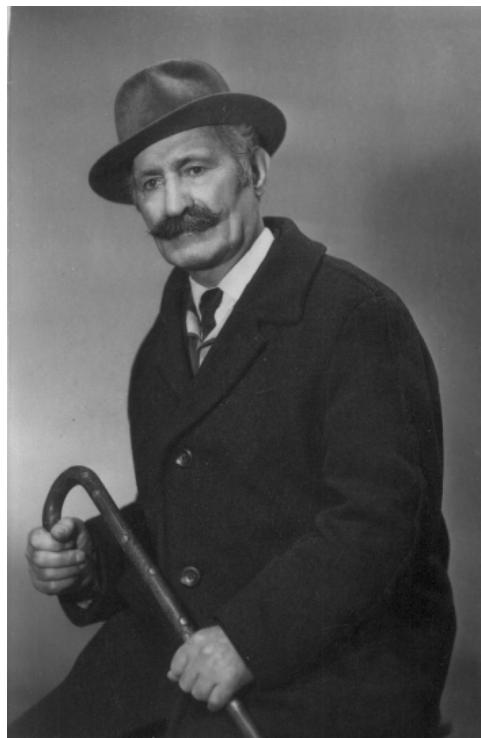
Конечно же, если говорить об ассирийцах в старой Москве, то невозможно обойти стороной и тему чистки обуви. Самотечные ассирийцы, занятые в этом городском промысле, традиционно имели свои «точки» преимущественно в районах, окружающих Самотёку, а также в таком хлебном месте, как площадь трех вокзалов и окружающие ее улицы. «Стоянки», на которых работали местные дизная, также были на проспекте Мира, Чистых прудах, Суцьевском валу. Среди работников палаток чистильщиков были и интереснейшие люди, кого лично знали многие знаменитости. Так, Илью Юнанова, работавшего рядом с углом Чистопрудного бульвара и улицы Кирова (Мясницкая), лично знали и регулярно навещали Иракий Андроников и летчик Алексей Маресьев,

прототип главного героя книги Бориса Полевого «Повесть о настоящем человеке». Интересно, но момент знакомства Юнанова и Андроникова в 1967 г., причиной которого стала любовь обоих к классической музыке (у Юнанова в палатке работало радио, по которому передавали концерт), был описан спутником знаменитого писателя и литературоведа через тридцать лет в журнале «Родина», однако сотрудник палатки «Чистка обуви» там выступает анонимно¹⁰.

На Самотёке жили два человека, клиентами которых были не только местные ассирийцы, но и чистильщики, проживавшие по всей Москве. Это были братья Лёва и Абрам Романовские, варившие по патенту хороший гуталин. То, что распространялось через артель, было весьма низкого качества, и чистильщики приобретали необходимое на стороне у частников или же организовывали неофициальные производства. Так, в конце 1920-х гг. самотечные дизная арендовали большой сарай в Марьиной роще внутри квартала между 4-м и 5-м проездами. В нем производилась фурнитура (шнурки, стельки и др.), которая распространялась по «точкам». Ассирийцы не работали сами, а обеспечили заработком жителей соседних домов, за что те были очень благодарны.

Одной из интересных страниц истории московской ассирийской диаспоры является футбольная команда «Московский чистильщик». Она была создана в 1948 г. на базе отраслевого совета «Спартак» и была грозой почти всех аналогичных команд. Большинство игроков этой команды проживало именно на Самотёке, включая и капитана «Московского чистильщика» — Николая Хачатурова. После того, как единая команда прекратила свое существование в 1953 г., многие ее игроки ушли в большой спорт¹¹. Об этой команде еще в 1990-х гг. хорошо помнили московские старожилы — любители футбола.

История ассирийцев Москвы XX ст. — это и много интересных представителей диаспоры, которых знали не только соплеменники. Многие из них родились еще в селениях маликства Диз, знали огромный пласт ассирийского устного фольклора, впоследствии утраченного, являлись носителями древней восточной мудрости, были интересными людьми сами по себе. По идее, рассказу о самотечных «дыкна хвара» (белая борода),

Ил. 2. Дядя Ваня Балул. Фото из архива его правнучка — Георгия Слывуса

которых звали Давид, Апрем, Барута, Юна и др., надо отдельно посвящать большую статью. Мне хочется немного упомянуть известного в старой ассирийской Москве дядю Ваню, главу семьи Балул. Он родился в 1900 или 1901 г. в с. Мадес и носил ассирийское имя Манду. Когда начались трагические события, заставившие его односельчан и других соплеменников покинуть родные земли, он был еще подростком. Во время исхода на территорию Ирана Манду отбилась от группы земляков и пристал к русскому подразделению, по рассказам некоторых старожил, кавалерийскому. Русские солдаты приняли его как сына полка, и юноша находился с ними еще очень долго. Когда его принимали, то, узнав имя ассирийца, солдаты посоветовали сменить его, поскольку оно было созвучно по-русски с неприличным словом. Сами называли юношу именем Ваня. Последнее привязалось к Манду до конца его дней и, наряду с его ассирийским именем, написано на его надгробии. В советское время только на надгробиях трех ассирийцев, похороненных на Пятницком кладбище, помимо надписей на русском языке, были нанесены и слова молитвы на арамейском — дяди Вани Балул, его супруги и на другом участке на могиле диакона (шамаши) Яку Хенно.

Важным моментом культуры ассирийских колоний в Москве и других городах были праздники. Как ревностные христиане, ассирийцы всегда отмечали Рождество Христово (Айда Сура) и Пасху (Айда Гора). Однако самыми празднуемыми в небольших сообществах были престольные праздники церквей, которые были в селах, откуда происходили ассирийские беженцы. Именно эти праздники (шара и духрана) были наиболее известны, некоторые из них собирали значительную часть диаспоры. Как раз на Самотёке, а именно во дворе дома № 3, 1-2 октября отмечался самый известный ассирийский праздник — Мар-Шальта. Этому святому (Шальта, «Мар» — на арамейском «господин», такая приставка предворяет имя святого или епископа) была посвящена церковь в селе Черичара. Весной 2014 года представитель ассирийской общественной организации «Бнета» Георгий Сльвус совершил поездку в прежние ассирийские области гор Хякьяри. В ходе поездки он побывал и на месте селения Черичара. По его словам, церковь Мар-Шальта, руины которой сохранились в довольно хорошем состоянии, находилась не в самом селе, а рядом с ним. На сделанной Сльвусом фотографии видно здание, устроенное наверху, в скале. Путь из самого села в этот храм занимал не менее трех часов. Также Мар-Шальта был посвящен храм в селе Кочанис — резиденции патриархов Мар-Шимунов, т. е. фактически главный храм Ассирийской Церкви Востока с XVII в. и до исхода в 1915 г. Возможно, именно этим и объясняется такая популярность праздника в диаспоре. Также, по словам Г. Сльвуса, храм Мар-Шальта рядом с Черичара, именовавшийся также «Белая церковь», был значим для всего Диза, а не только для жителей указанного селения.

В самом селе Черичара было еще два храма — церкви Мат-Марьям (Святой Марии, т. е. Девы Марии) и Мар-Аврахам. Праздник Мат-Марьям в ассирийской христианской традиции отмечается четыре раза в году: 15 января, 7 апреля (Благовещение), 28 мая (Память Девы Марии хранительницы посевов) и 28 августа (Успение)¹². Поскольку в Церкви Востока в связи с ее драматической историей было утрачено почитание икон, то в ней нет такого обилия богородичных праздников, какое мы видим в православии и католицизме, где много икон Богородицы. Про отмечание

Мат-Марьям у самотечных дизная мне рассказывали ассирийцы-старожилы, но про то, чтобы на Самотёке или в Москве вообще кто-то отмечал праздник Мар-Аврахам, который в ассирийском церковном календаре показан 9 августа¹³, за более чем два десятка лет изучения истории ассирийской диаспоры я не слышал.

Первое время, до начала 1930-х гг., Мар-Шальта отмечался только жителями дома, но затем на него начинают приходиться и ассирийцы других групп. Со временем здесь стала собираться почти вся ассирийская Москва. Рассказывают, что порой бывал запружен народом не только двор дома, но и прилегающий переулок. Некоторые предания повествуют, что часто приходилось перекрывать трамвайное движение по 3-му Самотечному — так было много собравшихся. Во дворе дома устраивались танцы, исключительно традиционные ассирийские. Был музыкант-зурнач, которому аккомпанировали на барабанах-даулах. На дауле мог играть и человек, не имеющий специальной подготовки, а игра на зурне требовала особых навыков. Зурначей всегда были единицы, в старой ассирийской Москве их было всего трое. На Самотёке был один зурнач, которого звали Ануш. Это был старый человек, родившийся еще в Турции. После него на зурне играл Дмитрий Мирзаев, уехавший затем в Америку. Затем наступило время современных инструментов. До последнего времени, пока праздновали во дворе, резали баранов, домашнюю птицу, которых приводили и приносили на праздник те, кто просил от Бога что-либо. Мясо варили (жарить зарезанных на праздник животных считалось грехом) и раздавали собравшимся, прежде всего малоимущим.

Когда на Мар-Шальта была хорошая погода, то столы ставили во дворе дома. Когда шел дождь, то арендовали помещение соседнего «красного уголка», принадлежавшего ЖЭКу. Здесь обязательно надо отметить тот момент, что местные власти и службы всегда с пониманием относились к ассирийскому празднику, и проблем с этим помещением никогда не возникало. Также и жители соседних домов всегда хорошо относились к Мар-Шальта, и мне никто не рассказывал про жалобы на громкую музыку и другой праздничный шум, хотя звук духового инструмента зурна разносился довольно далеко.

Ил. 3. Танец шейхане во время праздника Мар-Шальта во дворе дома на Самогёке.
Фото из архива Марины Джибу

Поскольку праздник был прежде всего религиозным, то сохранялись и другие обычаи, принесенные из родных селений. Одна из семей хранила крест (слыва), который был принесен из самого храма Мар-Шальта. Этот крест во время праздника лежал на особом столе в одной из комнат, возле него сидела пожилая представительница этого семейства хранителей. Каждый пришедший на праздник прежде всего старался попасть в эту комнату, приложиться к кресту, оставить рядом сумму денег, которая шла организаторам праздника в качестве компенсации затрат, получал от женщины кусочек ленточки, служившей особым знаком посещения праздника, и уже после присоединялся к остальным празднующим.

На религиозные праздники ассирийцы всегда готовили особое блюдо — мертоха. Его варили из муки и масла, причем в процессе приготовления участвовали только уважаемые мужчины. Мне рассказывали, что когда такие еще работали чистильщиками или сапожниками, то перед приготовлением такого святого блюда ходили делать маникюр. Мертоха раздавали приходящим на праздник. Иногда, в более позднее время, в это блюдо добавляли сахар; тогда это блюдо, фактически напомилавшее халву, давали детям, которые всегда ждали праздник, где можно получить такое лакомство.

К Мар-Шальта готовилась каждая семья дома на Самогёке. Вскладчину собирали деньги, значительную часть которых, а иногда и более затраченного, как мы видели выше, старались компенсировать гости. К празднику готовили традиционные ассирийские блюда, которых должно было хватить на всех пришедших. Мало того, в каждой комнате этого дома, в котором все обитатели жили в коммуналках, семьи накрывали свои столы, куда старались позвать пришедших гостей — каждый гость святого праздника считался Божьим благословением. Последний Мар-Шальта во дворе дома был устроен в 1988 г., когда здесь еще жили последние ассирийские семьи. После этот праздник стали проводить в снимаемых помещениях.

В селе Мадес была церковь во имя святого Георгия (Мар-Геваргиз). Мадесная также регулярно устраивала свой престольный праздник, но в куда более скромных масштабах, нежели Мар-Шальта. Как и у любого восточнохристианского народа, у ассирийцев Георгий Победоносец был очень почитаем, его память отмечали три раза в году: 7 мая (на день позже, чем у православных), в первое воскресенье ноября по старому стилю, а также в марте. Дату последнего праздника ныне забыли, ее нет даже в календаре Ассирийской Церкви Востока, который издает московский ассирий-

ский приход церкви Мат-Марьям¹⁴. Храмы Мар-Геваргиз были во многих ассирийских селениях, у разных групп, в том числе и обосновавшихся в Москве, поэтому 7 мая и в ноябре этот престольный праздник устраивался в разных местах, где собирались члены московской диаспоры. Например, Мар-Геваргиз был престольным праздником у куная, которые были одной из четырех самых больших московских ассирийских групп. Из других московских групп дизная Мар-Геваргиз был престольным еще у выходцев из селения Гулеазар, живших на Большой Спасской, но там, по малочисленности группы и по причине пересечения с престольным праздником у мадесная, праздновали довольно скромно.

У мадесная было два места, где устраивался Мар-Геваргиз: двор дома на Троицкой улице и дом семьи Балул. Праздник начинался по первому адресу, а потом некоторые его участники перемещались на Садово-Самотечную. Во время майского Мар-Геваргиза при хорошей погоде стол в обоих местах ставили во дворе. В ноябре в доме на Троицкой его ставили у семьи, которая владела наиболее большой комнатой. Также внутри дома накрывали и у семьи Балул.

Ассирийские праздники, свадьбы, похороны и другие мероприятия, в том числе и на Самотёке,

по крайней мере в послевоенные десятилетия, собирали не только ассирийцев. На Троицкой улице и на Садово-Самотечной, где соседями ассирийцев были в основном русские и татары, их всегда приглашали на торжества. Касательно ассирийцев можно сказать, что они были органично интегрированы в городскую культуру старой советской Москвы. Праздники были событиями для всего двора, а касательно Мар-Шалыта — фактически для всего района.

История ассирийских островков такого московского района, как Самотёка, только начинает изучаться. На протяжении шести десятилетий они играли важную роль в истории московских и российских ассирийцев в целом, а также и в формировании субкультуры этого уголка Москвы. Здесь традиционно проживали русские, татары, евреи, люди других национальностей, не так далеко находились действующие православные церкви, мечеть и синагога. Здесь существовал интереснейший старомосковский мир, который был разрушен расселением столичного центра, начавшимся в 1960-х гг. Пока еще живы представители поколений, которые помнят этот район, есть возможность проводить сбор устного материала, представляющего собой историческую память жителей Самотёки и соседних районов.

¹ Маевский В. Военно-статистическое описание Ванского и Битлисского вилайетов. Приложение. — Тифлис, 1904. — С. 85.

² ЦИАМ. — Ф. 203. — Оп. 344. — Д. 60. — Л. 1-3.

³ Садо Стефан. Материалы к биографическому словарю ассирийцев в России (XIX — середина XX века). — СПб., 2006. — С. 45.

⁴ Маевский В. Указ. соч. Приложение. — С. 79-80.

⁵ Термен Р. И. Отчет о поездке в санджак Хеккиари Ванского вилайета в 1906 году. — Тифлис, 1910. — С. 40.

⁶ Садо Стефан. Указ. соч. — С. 13.

⁷ Маевский В. Указ. соч. Приложение. — С. 80.

⁸ Андреевский Г. Москва. 20-30-е годы. — М., 1998. —

С. 86-87.

⁹ Там же. — С. 86.

¹⁰ Арутюнов В. Когда Андроников молчит // Родина. — 1997. — № 11. — С. 99.

¹¹ Саркисов В. «Черная пантера» или слово об ассирийских футболистах // Ассирийская газета. — 1994. — № 4-5. — С. 4.

¹² Церковный календарь Святой Апостольской Ассирийской Церкви Востока на 2016 год. Издание московского храма Мат-Марьям. — М., 2016. — С. 4, 10, 12, 18.

¹³ Там же. — С. 18.

¹⁴ Там же. С. 8, 12, 24.

«ЗАГАДОЧНЫЙ» СТАРЕЦ СТЕФАН И ПАЛОМНИЧЕСТВО К НЕМУ В НАЧАЛЕ XX ВЕКА В СУЗДАЛЬ

Любопытно, что еще до революционных потрясений 1917 года газеты писали, что «суздальские монастыри являются излюбленным местом для ссылки преступников». При советской власти, по словам писателя Л. Разгона, он стал тюремным городом. Пальма первенства принадлежит Спасо-Евфимиеву монастырю.

Историей тюремного прошлого Суздаля я начал заниматься еще во время работы экскурсоводом Владимиро-Суздальского музея-заповедника. Первые публикации мной были сделаны о трагической судьбе декабриста Ф. П. Шаховского, который весной 1829 года был доставлен из Туруханского края в Суздаль и, будучи помещенным в арестантское отделение Спасо-Евфимиева монастыря, вскоре умер в результате психического расстройства и физического истощения. Позднее, работая над книгой «Суздаль» (первая половина 1980-х годов), начал активно и с увлечением просматривать дела в читальном зале Государственного архива Владимирской области, касающиеся других узников, социальный состав которых был удивительно пестрым. «Арестантское отделение Спасо-Евфимиева монастыря основано в 1766 году указом Государыни Императрицы Екатерины II для сосланных бывшей тайною канцеляриею „безумствующих колодников”», — писал в октябре 1903 года в рапорте вышестоящему начальству архимандрит Серафим (Чичагов), бывший полковник русской армии, несший ответственность за содержание арестантов. — При них учрежден был военный караул. В числе „колодников” и „арестантов” были:

офицеры, дворяне, чиновники, солдаты, крестьяне, купцы, мещане, однодворцы, канцеляристы, раскольники, сектанты, священники, монахи, архимандриты, диаконы, дьячки, послушники, причетники и т. д. Были арестанты, которые содержались на стеной цепи».

Просматривая списки узников арестантского отделения за XIX век, я убедился, что большинство представителей духовенства попадали в застенки за уклонение от веры и... «беспробудное пьянство». Есть свидетельство князя Андрея Курбского об этом вековом пороке. В письме царю

Ивану Грозному он писал: «А что за городом Суздаlem имеется Спасский монастырь, где монахи весьма сребролюбивы и зело пьянственны». Пьянствующие священнослужители позорили Русскую православную церковь, поэтому их изолировали от общества. Сурово церковь боролась со старообрядцами и сектантами, вообще инакомыслием.

Еще в 1970-х годах я узнал кое-что о старце Стефане (Василии Карповиче Подгорном), одном из последних узников Спасо-Евфимиева монастыря, который после освобождения, по воле царя Николая II, пожелал принять монашеский постриг и был принят в число братии Спасо-Евфимиева монастыря. Одна пожилая женщина, приехавшая с Украины, показала мне приблизительное место нахождения его могилы (между звонницей

Ил. 1. Василий Подгорный

и Успенской церковью). Позднее суздальский художник А. Калякин, глубоко верующий человек, дал мне почитать рукописные воспоминания о нем. Сто лет назад имя старца Стефана было широко известно в Харьковской, Курской, Полтавской и других губерниях Российской империи, о нем писали даже столичные газеты, например, «Новое время», «Русское слово» и др. Пришла пора и нам вспомнить о трагической судьбе крестьянина села Тростянец Ахтырского уезда Харьковской губернии Василия Карповича Подгорного.

Василий Подгорный родился в крестьянской семье примерно в 1831-1832 годах. Рано познал труд на земле. С детских лет проявлял большой интерес к религии, вопросам бытия и божественной благодати, пропитался глубокой верой в Иисуса Христа. Уступая просьбам матери, Василий в молодых годах вступил в брак, от которого на свет появились сын Филипп и три дочери. Когда сын подрос настолько, что мог управлять домашним хозяйством, В. Подгорный начал паломничество по святым местам. Был в Киеве, а потом целых пять лет пробыл на Афоне, где его вера значительно укрепилась. Люди, монахи, благочестивые старцы, с которыми уроженец Харьковской земли общался, чувствовали это.

В итоге всеми уважаемый на Афоне Георгий Ходжи благословил Василия на постройку монастыря на родине. Подгорный вернулся в родные края, купил около уездного города Богодухова участок земли и построил на собранные деньги странноприимный дом, училище, благотворительную мастерскую и церковь. Образовалось нечто вроде общины для призреваемых, которая вскоре была преобразована в женский монастырь.

Одновременно появились недоброжелатели и завистники. Назначенная настоятельницей женщина всячески старалась оттеснить основателя-строителя монастыря, чтобы сделаться полноправной госпожой. А тут случись, что одна из послушниц по имени Мария забеременела, и настоятельница решила воспользоваться этим в своих целях. Велела Марии говорить, что это она со старцем грех имела. Та и стала везде «звонить», да подруги пригрозили утопить ее, если не прекратит клеветать на уважаемого человека. Велено было замолчать. Потом собрались все сестры к старцу и говорят, что де смущают нас слова

Марии. А тот ничего — только молится.

А когда пришло Марии время родить, как начала ее мучить совесть, призвала она старца, покаялась, что по наущению настоятельницы оклеветала его, а сама имела грех с одним парубком Даниилом. Сказала, из какого он села, на какой улице живет в Харькове, в каком доме. «Если хотите, напишите ему письмо, спросите, и он вам все докажет», — говорила Мария. В это время по округе начали ходить какие-то темные слухи о ночных собраниях в монастыре, на которых якобы происходят отвратительные сцены разврата. Вызванное подобными слухами и доносами следствие духовных властей, будто бы подтвердило слухи о неблагоприятных поступках Подгорного, а также выяснило, что последний распространяет какое-то «учение» в духе хлыстовщины. Это явление получило название «подгорновщины», а последователей заклеямили словом «подгорновцы». В результате Св. Синод принял «Высочайшее соизволение», решение на помещение В. Подгорного в Суздальский Спасо-Евфимиев монастырь, «в видах пресечения дальнейшего соблазна и в ограждение добрых нравов населения».

Декабрьским вечером 1892 года в монастырские ворота въехала закрытая кибитка с двумя жандармами и арестантом, «крестьянином Харьковской губернии Василием Карповым Подгорным», который был помещен в каземат № 2. У шестидесятилетнего малоросса началась «новая жизнь» — в изоляции от последователей и поклонников, которых у него было более 30 000 человек (данные на 1910 год). Радости было мало, но Василий Карпович привык переносить любые тягости, был оптимистом. Его согревала горячая вера в лучшее. Когда, уже в конце жизни, одна высокопоставленная дама спросила его: «Хорошо ли вам здесь было?» — он ответил:

— Очень хорошо. Я был как в раю!

— Это вам Бог помогал?

— Да! Без Бога ничего нельзя вынести! — воскликнул старец.

Виновным себя Василий Карпович не признавал. Так получилось, что во время пребывания в Спасо-Евфимиевом монастыре сменилось несколько настоятелей, архимандритов, которым вменялось в служебную обязанность вести

с заключенными «кроткие увещания» и душевноспасительные собеседования. Все они давали об арестанте № 2 самые выгодные для него отзывы, характеризующие его как человека в высшей степени богомольного, религиозного, чуждого всякого сектанства, «благостно служащего для прочих заключенных примером терпения, кротости и смирения, побуждая своим поведением свято чтить храм Божий, святые таинства и уставы православной церкви» (из отзыва архимандрита Досифея за март 1897 г.). Этот настоятель руководил мужским монастырем с 1867 по 1898 год, до кончины. Думается, он разбирался в людях и был неплохим психологом.

На его место в 1899 году заступил бывший полковник артиллерии архимандрит Серафим (Чичагов), автор «Жития Серафима Саровского», умный энергичный человек, прекрасный организатор, при котором архитектурный ансамбль Спасо-Евфимиева монастыря значительно изменился в лучшую сторону (стены и башни, Благовещенская церковь и звонница были покрашены в красно-белый цвет); по его инициативе при монастыре была устроена церковно-приходская школа имени князя Д. М. Пожарского (здание сохранилось). Когда в 1902 году приезжал в Суздаль Владимирский губернатор И. М. Леонтьев, то отец Серафим сказал о В. К. Подгорном, который «просидел» в арестантском отделении уже ровно 10(!) лет: «Не знаю, за что здесь держат этого старца. Кроме истинного христианина и образцового исполнителя всех христианских обрядов я в нем ничего не замечаю».

Архимандрит Серафим (будущий епископ Кишиневский и митрополит Ленинградский) с осени 1903 года вел переписку с Владимирской консисторией о ликвидации монастырской тюрьмы и обращении ее в скит. «Для Спасо-Евфимиева монастыря, составляющего святыню Православной России, где открыто почивают святые мощи одного из собирателей земли русской Преподобного Евфимия, друга и сподвижника великого и Преподобного Сергия Радонежского, — писал он Сергию, архиепископу Владимирскому и Суздальскому, — где могилы Спасителя России — князя Дмитрия Михайловича Пожарского и всего

его рода, было бы величайшим благодеянием, если бы его избавили от тяжелого гнета, — нахождения в нем „духовной тюрьмы“. Если же по каким-либо причинам неудобно было бы перевести арестантское отделение в другой, более отдаленный от центра, монастырь, то желательно изменить не только название тюрьмы, но и весь заведенный пристража содержания и устройства». Архимандрит находит бесславным для города и монастыря Суздальское арестантское отделение. И он был, конечно, прав.

Архимандрит Серафим посоветовал старцу Василию Карповичу подать прошение на высочайшее имя об освобождении из крепости, что он и сделал, с добавлением фразы о желании постричься в монахи и определении его в число братии Спасо-Евфимиева монастыря. Была обещана поддержка. 14 марта 1904 года настоятель прославленного монастыря архимандрит Серафим получил указ Владимирской духовной консистории, в котором говорилось, что «Государь Император, по всеподданнейшему докладу обер-прокурора Св. Синода, Высочайше соизволил в 17 день января сего года на освобождение крестьянина Харьковской губ. Василия Подгорного от заключения, в виду его, Подгорного, раскаяния в сектантских заблуждениях и (в виду) предложенного определения его в число братии Спасо-Ев. Монастыря».

В. К. Подгорный получил относительную свободу и монашеское имя Стефан. Его благодетель пошел на повышение по службе: был хиротонисан в епископа и получил кафедру в Кишиневе. Его место занял (с марта 1904 г.) архимандрит Моисей, с которым у иеромонаха Стефана установились хорошие отношения. В октябре 1905 года царь Николай II издал указ о свободе вероисповеданий, по которому все узники арестантского отделения были освобождены.

Старец Стефан, воспользовавшись благожелательным отношением к нему со стороны настоятеля, взял в аренду монастырскую гостиницу. К нему началось настоящее и небывалое в Суздале паломничество малороссов, закончившееся полным крахом. Последователей его стали именовать «стефановцами», а «учение» — «стефановщиной».

М. К. Павлович (Москва)

СИНОДАЛЬНЫЙ РИЗНИЧИЙ АРХИМАНДРИТ САВВА – УРОЖЕНЕЦ ВЛАДИМИРСКОЙ ГУБЕРНИИ. СТРАНИЦЫ БИОГРАФИИ

Среди исследователей и историков Московского Кремля особая роль принадлежит синодальным ризничим и библиотекарям середины XIX – начала XX вв., отдавшим немало сил и знаний изучению и популяризации находящихся на их попечении древних сокровищ и рукописей. Первое место среди этих хранителей ценнейших реликвий и книжного собрания Русской православной церкви, без сомнения, занимает архимандрит Савва (Иван Михайлович Тихомиров), уроженец Владимирской губернии, молодые годы которого связаны с древним русским городом Муромом. Именно архимандриту Савве и посвящено наше небольшое исследование. О его судьбе можно узнать благодаря его автобиографическим запискам, изданным в 1898-1911 гг.¹. Немалый интерес представляют и формулярные списки, входящие в состав фонда Московской духовной академии в Центральном историческом архиве Москвы, а также ряд других неопубликованных источников из архивов Москвы и Петербурга. Эти документы более подробно отражают отдельные факты его биографии, связанные со служением в должности синодального ризничего².

Иван Тихомиров родился 15 марта 1819 года в селе Палех Вязниковского уезда Владимирской губернии. Отец его, пономарь сельской церкви, умер за полтора месяца до рождения сына, а мать вернулась в свое родное село Горицы Шуйского уезда к брату. Там семья и проживала в крайней бедности. В 1827 г. Иван поступил в Шуйское духовное училище под фамилией своего двоюродного брата – Тихомиров. В одиннадцать лет он остался круглым сиротой, но училищное начальство назначило способному мальчику казенное содержание в размере 60 руб. в год. По окончании училища поступил во Владимирскую духовную семинарию, где учился с 1834 по 1840 г. и был причислен к первому разряду выпускников³.

Серьезная болезнь помешала юноше продолжить образование и поступить в духовную академию сразу же после окончания семинарии.

Чтобы не умереть с голоду, он устроился работать смотрителем семинарской больницы, где трудился за 2 рубля серебром в месяц и имел казенные жилье и стол, подрабатывал, давая частные уро-

Ил. 1. Синодальный ризничий архимандрит Савва (Тихомиров). Фотография из книги Саввы (Тихомирова) «Хроника моей жизни, автобиографические записки» (Сергиев Посад, 1898. – Т. 1)

ки⁴. Однако вскоре его жизнь круто изменилась. В середине октября 1841 г. в Муроме умер священник главного городского храма – собора Рождества Богородицы Василий Царевский, оставив жену и девятерых детей. Узнав, что во Владимире при больнице обретается холостой выпускник семинарии с хорошей репутацией, вдова Царевского приехала во Владимир, чтобы позвать его в Муром на священническую вакансию, освободившуюся после смерти ее супруга, а также и одновременно в мужья старшей дочери Александре⁵. Юноша был совершенно ошарашен и даже на-

пуган этим предложением. Однако согласился поехать на смотрины невесты. Позволим себе привести небольшой отрывок из автобиографии Тихомирова об этом знакомстве: «По приезде... остановился в доме соборного священника Василия Харизоменова. Смотрю в окно и вижу собор старинной архитектуры XVI столетия, стоит на высокой, крутой горе над рекою Окой. Слава Богу, первое впечатление очень доброе... Из другого окна вижу рядом дом моей невесты, новый, довольно красивый и просторный: и это произвело приятное на меня впечатление... Прошло два дня, и я, ознакомившись несколько с невестой и семейством, и предав себя и свою судьбу в волю Божию, решился сделать роковой шаг в жизни»⁶. 12 января следующего 1842 г. Иван Тихомиров вступил в законный брак с Александрой Царевской, 18 января был рукоположен в дьякона, а 25 января — в священника. Службу в соборе сочетал с преподаванием в местном духовном училище. В не раз упоминаемой нами автобиографии будущего архимандрита Саввы мы находим описание и самого города, и его монастырей, и, конечно же, не сохранившегося ныне Богородице-Рождественского собора, где протекала его служба. Оставил он нам и характеристики муромского духовенства — настоятеля собора протоиерея Михаила Троепольского, нескольких местных священников и преподавателей училища⁷. Жизнь в Муроме была спокойна и приятна, молодые жили душа в душу. 9 апреля 1843 г. бог даровал им сына, которого нарекли Михаилом в честь благоверного князя Михаила, муромского чудотворца. Однако семейное счастье было недолгим. В июле 1844 г. у Ивана Тихомирова умер сын⁸, а в апреле следующего года — жена. Как он писал позднее, «22 апреля Господь посетил меня тяжкою скорбью — я лишился своей супруги. После шестимесячной болезни, вследствие простуды, жена моя Анна Васильевна скончалась от чахотки, на 25-м году от рождения... Печальное событие это глубоко потрясло мое сердце и имело на мою дальнейшую жизнь чрезвычайно важное влияние»⁹.

После потери близких молодой священник оставил службу в соборе, и в 1846 г., как сказано в документах, «по вдовству и собственному желанию»¹⁰ поступил в Московскую духовную академию. Недюжинные способности и тяга к зна-

ниям способствовали его скорому причислению к десятке лучших учеников. 1 октября 1848 г. он был пострижен в монашество под именем Савва, а в 1850 г. окончил академический курс со степенью магистра. Но незадолго до завершения учебы в его жизни благодаря счастливой случайности произошли серьезные перемены.

С 1838 по 1850 г. должность синодального ризничего занимал иеромонах Евстафий, человек замкнутый и необщительный, не слишком рачительно относившийся к своей должности и даже нарекавший на себя замечания государя императора, обратившего внимание на пыль на полках в хранилище церковных ценностей. Владыка Филарет был серьезно озабочен подысканием нового исполнителя этой важной должности и обратился за помощью к ректору Московской духовной академии, указавшего ему на Савву (Тихомирова), которому оставалось совсем недолго до окончания учебного курса. «Смотрины» состоялись во время экзаменов. Удовлетворенный знаниями и поведением студента, владыка Филарет высказал свое одобрение, и, вместо предполагаемого назначения инспектором во Владимирскую духовную семинарию, выпускник Тихомиров был назначен синодальным ризничим. Однако, когда ректор сообщил ему о том, какая для него открывается новая должность в Москве, тот «начал решительно отказываться от нее». И лишь узнав, что его назначения желает сам митрополит Московский и Коломенский Филарет, решил «преклониться пред священною волею великого архипастыря»¹¹.

Переехав в Москву, выпускник академии пересмотрел отношение к своему назначению. Так, он писал: «Мне предстоит должность Синодального ризничего... эта должность не только не унижительна для окончившего лишь курс воспитанника академии, но еще слишком высока. Все, кои имеют о ней надлежащее знание, почитают меня большим счастливцем... Что же касается до ее значительности, то известно, что звание Синодального ризничего выше игуменов и обыкновенного протоиерейства»¹².

Сразу после утверждения в должности о. Савва 1 сентября 1850 г. приступил к приему по описи и каталогу от прежнего ризничего, теперь уже архимандрита Серпуховского Высоцкого монастыря Евстафия, древних ризничих вещей, а также

рукописей Синодальной библиотеки¹³. Лишь через два месяца, в начале ноября он вступил «во все права своего нового звания», а именно: «Синодальный ризничий есть настоятель Синодальной 12-ти Апостолов церкви... Главная обязанность его состоит в хранении древних вещей ризницы и рукописей библиотеки, он должен готовить св. миро, хранить и раздавать оное в епархии...; 5) Совместно с протопресвитером Успенского собора заведовать и Синодальным певческим хором... В число обязанностей ризничего входило и допущение любопытствующих к обозрению древних церковных ценностей, а ученых — к изучению рукописей Синодальной библиотеки»¹⁴.

С ноября новый ризничий поселился в здании Патриаршего дворца, предварительно приведя в порядок квартиру, доставшуюся ему от предшественника в довольно запущенном виде. Об условиях проживания о. Саввы мы узнаем из его письма к родственникам: «Теперешнее мое положение пока так хорошо, что кажется и желать лучшего... нельзя... Материальные средства для приличного содержания себя на настоящем poste очень достаточны... Помещение имею очень достаточное для одинокого человека, кроме отдельной кухни у меня пять комнат. Слава Богу, есть где принять и поместить добрых родных и знакомых... Должность моя тем особенно примечательна, что открывает мне случаи входить в сношения с лицами всех возможных сословий... Прекрасный случай изучать человечество во всех его постепенностях»¹⁵. Стоит добавить, что получив для проживания порядка трех тысяч рублей в год ассигнациями и хоромы в верхнем этаже Патриаршего дворца, влачивший нищенское существование в юные годы, он с радостью приглашал знакомых и родных к себе в гости.

Должность свою иеромонах Савва нередко в письмах называл хлопотливой. С просьбой показать Патриаршую ризницу к нему нередко обращались и покровители различных училищ, и знакомые — историки И. М. Снегирев, К. И. Новоструев, коллекционер Погодин и многие другие¹⁶. Иногда эти обращения были столь часты, что ризничий невольно вздыхал о том, что он не принадлежит сам себе и не имеет отпуски, т. к. не знает, кто и когда удостоит находящегося на его хранении ризницу и библиотеку своим визитом. Многие посещения ризничий отмечал

в своем дневнике. Так, с октября 1856 г. «приступил к занятиям в Синодальной библиотеке знаменитый наш историк Сергей Мих. Соловьев, каждый почти день, по нескольку часов он занимался чтением рукописей и выпискою из них в бывшей моленной келье святейшего патриарха Никона». С этого периода в синодальную библиотеку стали поступать его «книжки по истории России»¹⁷.

Неизгладимое впечатление на о. Савву произвело посещение церковного хранилища ценностей августейшими особами в сентябре 1855 г.: «Они осмотрели церковь 12 Апостолов, открытую после ремонта, Мироварную палату и собственно сокровищницу»¹⁸.

Одной из функций ризничих в XIX в. являлась организация мироварения. Как позднее вспоминал о. Савва, в 1851-1859 гг. ему «суждено было четыре раза готовить святое миро»¹⁹.

Почти сразу после вступления в должность недавний выпускник духовной академии получил особое поручение от митрополита Филарета, как нельзя более отвечавшее его тяге к научной деятельности — заняться описанием наиболее ценных и интересных предметов Синодальной ризницы и библиотеки. Результатом его сложной и усердной работы стал «Указатель для обозрения Московской Синодальной (патриаршей) ризницы», прошедший все инстанции и одобренный Московским комитетом духовной цензуры, опубликованный в 1855 г. Помимо описаний собрания ценностей, книга содержала словарь вышедших из употребления терминов. Помогал ему в работе Алексей Егорович Викторов, заведовавший архивом Оружейной палаты. За свой труд о. Савва получил немало благодарственных и восторженных слов от читателей, в числе коих были именитые царедворцы, государственные деятели, министры, известные ученые и деятели церкви. Приведем отрывок из отзыва историка Москвы И. Е. Забелина: «Указатель о. Саввы вполне и превосходно удовлетворяет всем требованиям ученого сочинения и издания... По всей справедливости он должен быть взят за образец в составлении подобных указателей, в которых так нуждаются наши хранилища древностей и достопамятностей»²⁰. А вот какое письмо прислал ризничему профессор К. И. Новоструев: «Всепокорнейшее благодарю за присланный дар вашего

произведения, который всякий должен жаловать, как хлеб насущный»²¹.

Только за первые два месяца о. Савва в качестве подарка разослал более трехсот экземпляров указателя, в том числе и членам императорской семьи, удостоивших его за это «высочайшей благодарности». Более трехсот его книг было продано. Цена одного экземпляра составляла 1 руб. 50 коп.²² Однако автор не удовлетворился кратким указателем патриаршей ризницы, он хотел составить ее полное историко-археологическое описание. Его труд выдержал несколько переизданий, к нему были добавлены иллюстрации — пятнадцать таблиц с 95-ю фотоснимками памятников, а также перечень великих русских князей. Указатель пользовался огромной популярностью у его современников, не утратил он своего значения и в наши дни.

Занимался ризничий и получением новых печатных изданий — из Археографической комиссии, Синодальной типографии, Московской духовной академии, Московского Румянцевского музея, других учреждений и от отдельных авторов. В 1850-х гг. на его долю выпало и наблюдение за работами по ремонту и перестройке церкви Двенадцати Апостолов, и помещений Синодального дома. Торжественное освящение храма после окончания внутренней отделки состоялось 5 февраля 1855 г. А вскоре, 15 мая, иеромонах Савва, первым из синодальных ризничих был удостоен «возведения в новый, высший сан — сан архимандрита». Основанием для этого по рассуждению Московской синодальной конторы явились следующие его заслуги: «1) по перенесении из прежнего помещения Синодальной библиотеки в новое, привел в совершенный порядок... рукописи сей библиотеки; 2) отчетливо заведовал... денежным сбором с жильцов Синодальных певческих домов...; 3) при возобновлении Синодальной 12 Апостолов церкви трудился над составлением проектов для написания икон и стенной живописи и за правильным исполнением сего и до ныне неутомимо надзирает; 4) составил... описание до 200 греческих рукописей и историческо-археологическое описание замечательнейших предметов, хранящихся в Патриаршей ризнице»²³.

Должность синодального ризничего всегда требовала много энергии и знаний. Но особенно хлопотным был для архимандрита Саввы

1856-й год, год коронации императора Александра II, когда в Москве наблюдалось «многолюдное стечение... высоких особ и знаменитых представителей разных наций»²⁴. После коронации в январе 1857 г. на хранение в ризницу поступило полное облачение митрополита Филарета, употреблявшееся им на прошедшей церемонии миропомазания российского самодержца²⁵.

В обязанности ризничего входила и организация ремонта ценных предметов. Сохранился реестр ветхих вещей, исправленных по указу Московской синодальной конторы от 13 ноября 1857 г., куда входят и панагии, и митры с клобуками, омофоры, епитрахили, палицы, поручи, посохи, саккосы и проч., и проч. Стоимость произведенных работ по ремонту девяти предметов составила 1275 руб. 50 коп.²⁶.

Занимался архимандрит Савва разбором и описанием рукописей Синодальной библиотеки, работал в московских архивах, уточняя сведения о предметах ризницы для полного издания своего указателя, посещал он и архив Московской Оружейной палаты²⁷.

В 1859 г. архимандрит Савва был назначен ректором Московской духовной семинарии, а в январе 1861 г. — ректором Московской духовной академии. Продолжал он свое служение в качестве епископа Можайского, второго vicaria Московской епархии, позднее — епископа Полоцкого и Витебского, затем — Харьковско-го, а с 23 апреля 1879 г. — епископа Тверского и Кашинского. 20 апреля 1880 г. был возведен в сан архиепископа. Проявляя максимум стараний и способностей на этих ответственных должностях, он не оставлял научные занятия. В 1860 г. Императорское русское археологическое общество избрало архимандрита Савву в число своих членов-корреспондентов. В 1883 г. Ученым советом Московской духовной академии он был избран ее почетным членом, 20 июня 1894 г. — удостоен ученой степени доктора церковной истории²⁸.

В мае 1896 г. за более чем полувековое «священническое служение» выдающийся церковный деятель и исследователь русской старины архиепископ Савва был удостоен монаршей милости — бриллиантового креста для ношения на клобуке²⁹. А 13 октября того же года он скончался в возрасте семидесяти семи лет. Это печальное событие на-

шло отражение на страницах «Церковных ведомостей» в виде некролога и опубликованных текстов речей, сказанных представителями духовенства при его погребении. Приведем отрывок из речи архиепископа Рижского и Митавского Арсения, обращенной к усопшему: «Те паствы, среди которых ты служил... с усердием и любовью... будут вспоминать тебя с благодарным чувством и молиться о спасении твоём... вся правящая русская Церковь и ученое и учебное наше сословие будут вспоминать тебя, почивший Архипастырь, с благодарным сердцем за твои ученые труды, которые ты оставил нам в руководство и назидание»³⁰.

В 1898-1911 гг. была опубликована автобиография архимандрита Саввы. Эта книга, написанная легким и интересным языком, рассказывает обо всех испытаниях и доблестных трудах во время его непростого и длинного жизненного пути, встречах с известными людьми — выдающимися церковными деятелями, учеными, представителями власти, являя собой уникальный источник информации о реалиях жизни духовенства и ученого сообщества России второй половины XIX столетия.

ОСНОВНЫЕ ДАТЫ ЖИЗНИ И ДЕЯТЕЛЬНОСТИ АРХИЕПИСКОПА САВВЫ (ТИХОМИРОВА)

15 марта 1819 г. — родился в с. Палехе Владимирской губернии.

1827 г. — поступил в Шуйское духовное училище.

14 марта 1830 г. осиротел.

Перешел на учебу во Владимирскую духовную семинарию.

1841 г. — определен учителем в Муромское духовное училище.

18 января 1842 г. рукоположен в дьякона, 25 января — рукоположен в священника при соборе Рождества Богородицы в г. Муроме.

Овдовев в 1845 г., в августе 1846 г. поступил в Московскую духовную академию.

1 октября 1848 г. ректором Академии Алексием (Ржаницыным) пострижен в монашество с именем Савва.

1850 г. — по окончании курса академии был назначен синодальным ризничим.

15 мая 1855 г. возведен в сан архимандрита.

18 мая 1859 г. назначен ректором Московской духовной семинарии.

21 января 1861 г. назначен ректором Московской духовной академии.

4 ноября 1862 г. в Большом Успенском соборе хиротонисан во епископа Можайского, второго викария Московской епархии.

С 16 июня 1866 г. — епископ Полоцкий и Витебский.

С 7 декабря 1874 г. — епископ Харьковский и Ахтырский.

С 23 апреля 1879 г. — епископ Тверской и Кашинский.

20 апреля 1880 г. возведен в сан архиепископа.

1894 г. — удостоен ученой степени доктора церковной истории.

Скончался 13 октября 1896 г. в Твери.

¹ См.: Савва (Тихомиров). Хроника моей жизни, автобиографические записки. — Сергиев Посад, 1898-1911.

² См., например: ЦИАМ. — Ф. 229. — Оп. 4. — Д. 5183, 5665.

³ Там же. — Д. 5183. — Л. 2.

⁴ Савва (Тихомиров). Указ. соч. — Т. 1. — С. 167.

⁵ Там же. — С. 173.

⁶ Там же. — С. 175.

⁷ См.: Там же. — С. 181-183, 185.

⁸ Там же. — С. 225.

⁹ Там же. — С. 265.

¹⁰ См.: ЦИАМ. — Ф. 229. — Оп. 4. — Д. 5183.

¹¹ Савва (Тихомиров). Указ. соч. — Т. 1. — С. 452.

¹² Там же. — Т. 1. — С. 453-464.

¹³ Там же. — С. 467.

¹⁴ Там же. — С. 480-481.

¹⁵ Там же. — С. 482.

¹⁶ Там же. — Т. 2. — С. 167, 169.

¹⁷ Там же. — С. 301.

¹⁸ Там же. — С. 175-176.

¹⁹ Там же. — Т. 1. — С. 495.

²⁰ Там же. — Т. 2. — С. 225.

²¹ Там же. — С. 186.

²² Там же. — С. 208.

²³ Там же. — С. 136.

²⁴ Там же. — С. 232.

²⁵ Там же. — С. 306.

²⁶ См.: РГАДА. — Ф. 1183. — Оп. 7. — Д. 302.

²⁷ Савва (Тихомиров). Указ. соч. — Т. 2. — С. 306; ОРПГФ Музеев Московского Кремля. — Ф. 20. — Оп. д/р. — Д. 64. — Л. 2.

²⁸ См.: ЦИАМ. — Ф. 229. — Оп. 4. — Д. 565. — Л. 1.

²⁹ См.: Церковные ведомости. — 1896. — № 19-20. — С. 159.

³⁰ Прибавления к Церковным ведомостям за 1896 г. — 1896. — № 45. — С. 1649-1650.

ПРОБЛЕМЫ СОХРАНЕНИЯ ПАМЯТНИКОВ ИСКУССТВА И СТАРИНЫ В ЖУРНАЛЬНОЙ ПЕРИОДИКЕ НАЧАЛА XX ВЕКА

Культурное наследие, ориентированное на сохранение традиций, оживление исторической памяти, играет важную роль в современном обществе. Являясь широким понятием, включающим в себя не только единичные объекты, но и ансамбли, исторические ландшафты, а также нематериальные памятники (язык, фольклор, традиции, исторические технологии), культурное наследие признается современными учеными важнейшим фактором устойчивого развития общества, формирования среды обитания человека. Ушла в прошлое «точечная» охрана наследия, ныне в научном лексиконе изучения культурного наследия бытуют понятия «средовая охрана», «комплексный метод изучения памятников», «культурный ландшафт», трактуемый как процесс осмысления человеком окружающего мира и наделения его смысловыми и ценностными категориями. Названные методы изучения и сохранения культурного наследия ныне являются приоритетными, но истоки их формирования уходят в конец XIX — начало XX века. Об этом свидетельствуют основные научные тенденции этого периода: обогащение понятийного пространства такими категориями, как «памятник зодчества», «памятник искусства и старины»; формирование археологического и художественного методов изучения российской старины; расширение хронологического диапазона изучаемых объектов. Заметим, что окружение памятника искусства и старины, исторический ландшафт признавались в то время категориями, достойными изучения и сохранения. Так, в 1916 году Новгородское общество любителей древностей направило в Императорскую археологическую комиссию документ, касавшийся строительства железнодорожного моста недалеко от церкви Спаса на Нередице. «Если этому проекту суждено осуществиться, — подчеркивалось в документе, — то русская земля лишится одного из самых замечательных исторических видов, с которыми могут сравниться только виды с набережной Невы на Зимний дворец... Такие исключительные по своей цель-

ности сочетания природы и культуры, которые характеризуют собой целые эпохи в истории, надлежит оберегать, как самые дорогие национальные памятники»¹ (курсив мой. — М. П.).

В конце XIX — начале XX века проблемы сохранения памятников искусства и старины получили широкий общественный резонанс. Ученых, архитектурных и художественных критиков, всех любителей древностей живо интересовали вопросы разработки специального закона об охране памятников старины, реставрации уникальных объектов, проблема их сохранности и использования. Все это обсуждалось на заседаниях археологических и архитектурно-художественных обществ, археологических съездов, съездов зодчих. Заметно активизировалась такая область гуманитарных знаний о памятниках, как архитектурная критика.

Важнейшим источником, характеризующим отношение общества к проблемам охраны памятников искусства и старины, стала архитектурно-художественная периодика. В популярных журналах конца XIX — начала XX века отразились практически все актуальные проблемы сохранения российской старины. Материалы о памятниках публиковались в журналах «Мир искусства» (1899-1904. Разделы: «Художественная хроника», «Хроника»), «Аполлон» (1909-1917. Раздел: «Русская художественная летопись»)².

Особое место среди периодических изданий начала XX века, активно публиковавших материалы о памятниках старины, занимали «Старые годы» (1907-1916) — единственный журнал того времени, полностью посвященный памятникам искусства и старины. Редактором журнала искусствоведом В. А. Вережагиным так были определены его задачи: «Спокойное исследование драгоценных останков былого, беспристрастное и обстоятельное обсуждение их всестороннего значения, восстановление забытого и искание неизвестного»³. Рубрики этого журнала касались исследования вопросов искусства, описания от-

дельных коллекций и ценных предметов, проблем реставрации и отчетов о русских и зарубежных аукционах. О разрушениях и повреждениях памятников старины отмечалось в рубрике «Провинциальный и столичный вандализм».

Авторами многочисленных заметок и статей о русской старине были яркие представители художественного мира того времени. Среди них: Сергей Константинович Маковский (1877-1962) — блестящий искусствовед, редактор «Аполлона», активно публиковавший свои статьи в различных изданиях начала века; Александр Николаевич Бенуа (1870-1960) — архитектор и художественный критик, прекрасный художник, писатель и мемуарист. Его можно назвать «певцом старого Петербурга»: большинство его статей о сохранении старины воспевали Петербург конца XVIII — начала XIX века; Николай Николаевич Врангель (1880-1915) — талантливый искусствовед, секретарь Общества защиты и сохранения в России памятников искусства и старины, автор статьи «Помещицья Россия», в которой была остро поставлена проблема изучения и сохранения русской усадьбы как уходящего явления русской культуры; Георгий Крескентьевич Лукомский (1884-1952) — историк архитектуры, автор работ о различных памятниках архитектуры, усадьбах юга России; Владимир Яковлевич Курбатов (1878-1957) — член «Мира искусства», один из организаторов Музея старого Петербурга, автор известной книги о садах и парках мира; Александр Александрович Ростиславов (1860-1920) — искусствовед, критик, художник, автор работ о Н. К. Рерихе.

Архитектурные и художественные критики занимали довольно жесткую позицию по отношению к многочисленным утратам, непродуманным перестройкам и некачественной реставрации. Характеризуя состояние древностей Вольнской губернии, Г. К. Лукомский с горечью писал: «Разрушены или варварски искажены переделками многие костелы, переданы забвению дворцы, порублены парки, упразднены монастыри, изглаживаются постепенно все признаки бывшего великолепия многих усадеб»⁴. Ряд статей касался перестроек провинциальных гостиных дворов в Таганроге, Калуге, Рязани, Козлове, Воронеже. Гостиные дворы страдали от «вандализма» арендаторов, которые по своему вкусу переделывали

эти постройки, совершенно забывая о том, по словам Г. К. Лукомского, «что общий вид „рядов“ принадлежит городу, обществу, истории»⁵.

Многие памятники старины искажались некачественной реставрацией: научная реставрационная методика в то время находилась на стадии становления, что бесспорно отражалось на облике «обновленных» объектов. А. А. Ростиславов писал о реставрации Московского Кремля, памятникам которого была придана «мертвящая отшлифованность»: шатер Спасской башни был выкрашен ярко-зеленой краской, все башни получили грубый облик построек в «русском стиле». Как негативный пример подобного «обновления» памятников старины автор приводит факт реставрации Таврического дворца в Петербурге. «Недавно, — писал критик, — произведена была грубейшая малярная реставрация. И вот наряду с изящными композициями на потолках и на стенах лезут в глаза лубочные, чисто малярного характера бордюры, орнаменты, грубые дисгармоничные краски»⁶.

Удручающему состоянию петербургских и московских кладбищ был посвящен ряд статей. Авторы писали об осевших, почерневших от сырости надгробиях, полуразрушенной скульптуре, полустершихся эпитафиях. В журнале «Старые годы» упомянуты Александро-Невская лавра, Смоленское кладбище в Петербурге, Лазаревское кладбище в Москве. Н. Н. Врангель в своей статье «Забывшие могилы» подчеркивал большую художественную и историческую ценность надгробных памятников, многие из которых были выполнены выдающимися отечественными и зарубежными скульпторами⁷.

Значительная часть материалов о памятниках искусства и старины была посвящена Петербургу. По подсчетам одного из исследователей, более тридцати процентов всех статей в периодике 1908-1914 гг. было посвящено этому городу⁸.

Практически все критики, воспевая старый Петербург, писали о его особом стиле, основанном на синтезе различных архитектурных элементов. «Стиль Петербурга определялся вполне его характерной физиономией и в значительной степени зависел от общей гармоничной связности составных частей его», — писал Г. К. Лукомский⁹. Отстаивая необходимость сохранения старого Петербурга,

его архитектурных традиций, В. Я. Курбатов выступал против той части общества, которая безоглядно поддерживала все новое. Эти люди, по словам критика, признавали «необходимость жить среди случайных коробок-домов и среди случайно подобранной обстановки конторско-бюничного стиля». Он подчеркивал, что, перестав жить художественной жизнью, эти люди не умеют отличать прекрасное от некрасивого и замечают лишь пестрое, которое и предпочитают старому. Отстаивая необходимость бережного отношения «ко всему старому», он замечал: «Издавна принято охранять то старое, что связано с дорогими для народа воспоминаниями»¹⁰.

Петербург начала XX века менял свой прежний облик в связи с интенсивной застройкой, увеличением этажности строений, усложнением коммунальной и транспортной структур. Большинство критиков писали о необходимости сохранения неповторимого облика Петербурга, его уникальных построек, исторического ландшафта. «Нельзя, — писал Г. К. Лукомский, — к классическим большим линиям набережных Невы приклеивать живописную церковку в память о погибших моряках в стиле владимирских храмов»¹¹.

Петербург, по мнению авторов статей, искажался новыми уродливыми сооружениями. В журналах появился термин «вандализм современных строителей». А. Н. Бенуа в своей статье «Агония Петербурга» подчеркивал, что «почтенные сооружения уступают место новейшим изделиям наших варварских зодчих». В качестве примера он привел некое сооружение («некое чудовище»), появившееся на месте Мариинского театра. «Это чудовище, — по словам критика, — не сделало бы чести и третьестепенной немецкой провинции, в довершении безобразия в нишах этого чудовища на днях поставлены два пугала, статуи Глинки и Серова... Такое уродство граничит с гениальностью»¹².

Неповторимость облика Петербурга художественные критики видели не только в его старинных постройках, прямых и широких улицах, но и в набережных и мостах с их чугунными решетками. Одна из статей С. К. Маковского была посвящена петербургским мостам, которым грозила перестройка по новым проектам. Угроза «обновления» нависла над Аничковым, Введенским, Чернышевскими мостами. Это вызвало резкий протест кри-

тика. Он писал, что некоторые мосты уже начали «украшать» в соответствии со вкусами новых авторов проектов, другие просто снесли (Цепной мост). Инженерный мост лишился изящной ампирической решетки, обладавшей большой художественной ценностью. Критик заметил: «В завитке из бронзы, в извиве литого железа порой — душа забытой эпохи»¹³.

Цветовая гамма окраски фасадов рассматривалась критиками как важнейший элемент сохранения старого Петербурга. Напомним, что члены Общества архитекторов-художников (1903), членами которого были и авторы упомянутых статей, развернули кампанию за возвращение исторической окраски фасадов зданий Петербурга. Еще в конце XIX века А. Н. Бенуа писал, что новые постройки выкрашены в различные цвета и резко контрастируют с «пресловутой охрой и белым цветом для барельефов и колонн, что придавало столице „гармоничное, почти торжественное однообразие”». Цветовая гамма новых построек имеет, по словам критика, «самые невозможные краски, даже голубую и зеленую, что в связи с дикостью и вычурностью лепных украшений, производит такую невыносимую пестроту, такой „беспорядок в эфekte”, что голова трещит»¹⁴. В 1910 году в «Аполлоне» было сообщено об окраске Инженерного замка в «приторный с серым тон».

В 1915 году было опубликовано письмо, автор которого сетовал на то, что «безжалостной рукой расправились с фасадом Биржи, покрасили ее каким-то осклизлым белесым тоном, затушевав все величие этого царственного произведения»¹⁵.

Бесспорно, эмоциональные, нередко резкие и категоричные суждения художественных критиков следует воспринимать в определенном контексте эпохи. В это время шли жаркие споры о выборе стиля новых построек, вновь построенные сооружения сравнивались с привычными классицистическими объектами. Каждый из критиков имел свои художественные приоритеты, которые далеко не всегда совпадали с новыми тенденциями. Но объединяла их всех единая, достаточно жесткая гражданская позиция по сохранению не только уникальных старинных построек, но и городской среды — всего того, что формировало «физиономию», неповторимый облик любимого ими Петербурга.

Анализируя причины разрушений памятников искусства и старины, критики обвиняли в «зуде нового строительства» городские власти, подчеркивали несовершенство законодательства, от-

мечали ведомственную разобщенность. Очевидно, что многие проблемы, поставленные в журнальной периодике начала XX века, не потеряли своей актуальности и сегодня.

¹ Цит. по кн.: Памятники архитектуры в дореволюционной России. Очерки истории архитектурной реставрации / Под редакцией А. С. Щенкова. — М., 2002. — С. 336.

² Мир искусства. Хронологическая роспись содержания. 1899-1904. Составил Ф. М. Лурье. — СПб., 2012; Аполлон. Хронологическая роспись содержания. 1909-1917. Составитель И. Н. Егорова. — СПб., 2014.

³ Верещагин В. А. Цель и задачи журнала // Старые годы. — 1907. — № 1. — С. 2; см. также: Старые годы. Хронологическая роспись содержания. 1907-1916. Составитель Ф. М. Лурье. — СПб., 2007.

⁴ Лукомский Г. К. Хроника провинциальных вандализмов // Старые годы. — 1911. — № 10. — С. 35.

⁵ Лукомский Г. К. Материалы по истории вандализма // Старые годы. — 1914. — № 3. — С. 60; Ростиславов А. А. О «любви к старине» и калужском гостином дворе // Там же. — 1911. — № 1. — С. 57-59; Хроника провинциальных вандализмов // Там же. — № 7-9. — С. 204-206; № 10. — С. 65-67; № 11. — С. 50-52.

⁶ Ростиславов А. А. В Кремле и около // Старые годы. — 1913. — № 7-9. — С. 224-226; он же. Жертва событий //

Старые годы. — 1907. — № 1. — С. 60.

⁷ Врангель Н. Н. Забытые могилы // Старые годы. — 1907. — № 2. — С. 35-51; он же. О печальном состоянии могил на Лазаревском кладбище // Старые годы. — 1910. — № 1.

⁸ Заварихин С. П. Русская архитектурная критика. — Л., 1989. — С. 161.

⁹ Лукомский Г. К. Новый Петербург (Мысли о современном строительстве) // Аполлон. — 1913. — № 2. — С. 7.

¹⁰ Курбатов В. Я. К вопросу о сохранении старины // Зодчий. — 1910. — № 41. — С. 402.

¹¹ Лукомский Г. К. Новый Петербург. — С. 29.

¹² Веньяминов Б. Агония Петербурга // Мир искусства. — 1899. — № 15. — С. 16 (автором статьи является А. Н. Бернау, выступавший под псевдонимом).

¹³ Маковский С. К. О старых решетках и новых вандалах // Старые годы. — 1909. — № 1. — С. 36.

¹⁴ Веньяминов Б. Указ. соч. — С. 17.

¹⁵ Аполлон. — 1910. — № 4. — С. 21; Архитектурно-художественный еженедельник. — 1915. — № 50. — С. 491-492.

**НЕСЧАСТЬЮ ВЕРНАЯ СЕСТРА:
ЕКАТЕРИНА СЕРГЕЕВНА ЛУНИНА-УВАРОВА
(НОВОЕ К ГЕНЕАЛОГИИ ДВОРЯН УВАРОВЫХ)**

Екатерина Сергеевна Уварова¹ — жена камергера и действительного статского советника Федора Александровича Уварова «Черного» (1780 — 07.01.1827?). Она родилась 8 марта 1791 года в семье действительного статского советника Сергея Михайловича Лунина (1757-1817) и Федосьи Никитичны (1762-1792) урожденной Муравьевой, сестры сенатора и учителя словесности великих князей — Михаила Никитича Муравьева (отца декабристов. — *Е. П.*). Кроме нее, в семье также были сыновья: Александр Сергеевич (1785 — ок. 1789), Никита Сергеевич (1789-1805), погибший в бою под Аустерлицем, и Михаил Сергеевич (1787-1845) — декабрист. Помимо детей, прижитых в законном браке, у тамбовского помещика Сергея Михайловича Лунина имелась «воспитанница» (как известно, так именовали детей побочных, т. е. внебрачных. — *Е. П.*) Прасковья Михайловна Сергеева. Очевидно, что Прасковья Михайловна родилась после 1792 года,

когда супруги Сергея Михайловича уже не было в живых. Советские исследователи, в особенности Н. Я. Эйдельман, не уделили особого внимания единокровной сестре Лунина, хотя она фигурирует в духовном завещании декабриста, составленном в 1819 году. Прасковья Михайловна или, как ее звала Екатерина Сергеевна — Полина, выступала участницей в завещании Екатерины Сергеевны, которая, согласно документам, выкупила имение у Федора и Сергея Семеновичей и завещала его единокровной сестре (об этом документе будет так же немного упомянуто ниже — *Е. П.*).

Я не буду особенно заострять внимание на бесспорно неординарной и масштабной личности Михаила Сергеевича Лунина, которая заслуживает отдельного рассказа. Стоит отметить, однако, что декабрист не особо любил графа Сергея Семеновича Уварова. Известно, что в публикациях декабриста есть несколько листов, посвященных также критике министерства народного просвещения и, в том числе, немалое место уделено действиям самого Сергея Семеновича. Для более подробного ознакомления с этим фактом рекомендую прочесть опубликованные письма декабриста М. С. Лунина в редакции и с комментариями историка Н. Я. Эйдельмана².

В Рукописном отделе Института русской литературы Академии наук РФ в личном фонде М. С. Лунина отложились интересные письма Екатерины Сергеевны Уваровой к брату-декабристу. Как я уже упомянула, письма ее брата к ней были переведены и опубликованы. Но вот переписка самой Екатерины Сергеевны опубликована не была, хотя с ней работала супруга Н. Я. Эйдельмана — к. и. н. Э. А. Павлюченко (это моя основная задача на ближайшие годы: перевести и опубликовать эти документы. — *Е. П.*). В 1970 году в журнале «Наука и жизнь» была опубликована ее статья, посвященная Уваровой. В 1972 году Павлюченко публикует там

Ил. 1. Фотография с утраченной миниатюры Е. С. Уваровой на эмали неизвестного художника 1830-х

же дополнение к своему материалу³: ее нашла правнучка Екатерины Сергеевны — Татьяна Михайловна Уварова и передала ей фотокопию с утраченного портрета своей прабабушки (ее я публикую вместе со статьей. — *Е. П.*). Элеонора Александровна верно подчеркивает в своей работе — письма Уваровой действительно обнаруживают новые подробности из жизни света и ее собственного окружения.

Итак, поговорим о самой Екатерине Сергеевне и ее супруге. Если опираться на дворянское дело Сергея Федоровича Уварова, отложившееся в ЦГИА Санкт-Петербурга, то 23 августа 1814 года в Санкт-Петербурге состоялось венчание Екатерины Сергеевны с Федором Александровичем Уваровым, тогда подполковником Кавалергардского полка. На тот момент Уваровых было в полку трое: Уваров 1-й — Федор Петрович, шеф полка, генерал. Уваров 3-й Федор Семенович — брат графа Сергея Семеновича Уварова, а также Уваров 2-й — Федор Александрович. Биография Федора Александровича Уварова известна хорошо из изысканий Н. Я. Эйдельмана и более ранних исследователей. Она, разумеется, основана на статье из издания Панчулидзева «Сборник биографий кавалергардов»⁴. Однако не стоит пренебрегать добычей новых данных. Но я не буду подробно останавливаться на этом человеке. Он заслуживает отдельного разговора. Стоит отметить, правда, что известен факт пропажи Федора Александровича 7 января 1827 года, и с самого начала он был овеян толками и слухами. Екатерина Сергеевна переживала огромную семейную трагедию — ее брат Михаил оказался схвачен и находился в Петропавловской крепости в ожидании суда по делу 14 декабря. В 1826 году Федор Александрович начал тяжелую судебную тяжбу за т. н. «лунинский» майорат и в самый разгар процесса неожиданно пропал. Замечу, что полностью разделяю доводы профессора К. В. Кудряшова⁵. Он предположил, что известным старцем Федором Козьмичем (он был канонизирован РПЦ в 1984 году в лике праведных. — *Е. П.*) мог быть именно Ф. А. Уваров.

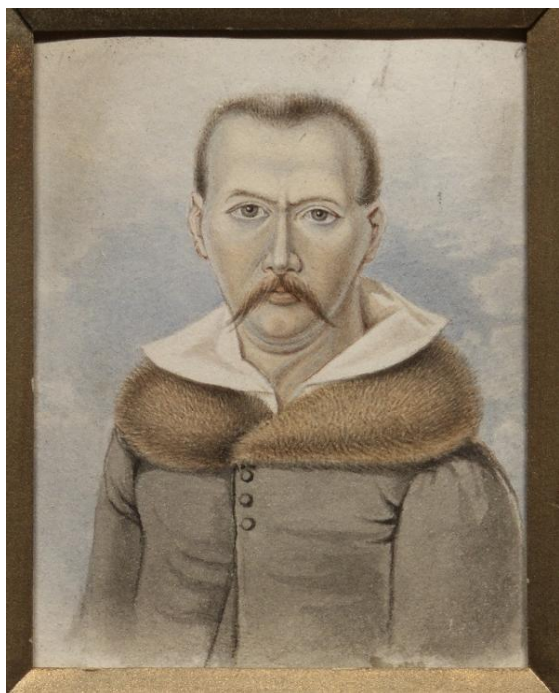
Вопрос о тождестве Ф. А. Уварова с томским старцем разрешаем с помощью генетической экспертизы. Как исследователь не сомневаюсь в том, что это был именно он. Оставим решение данного

вопроса до времени. Стоит учесть, что в мемуарной литературе мы не встретим таких теплых слов, как о его жене. Л. Н. Толстой, между прочим, хорошо знавший графа А. С. Уварова и его супругу, для написания своего романа «Декабристы» интересовался личностью Федора Александровича не у них, а у декабриста Свистунова. В его записях можно обнаружить весьма нелестные отзывы об Уварове. В свете Федора Александровича также не очень любили: он слыл забиякой и бретером. Однако жизнь Екатерины Сергеевны с супругом можно назвать счастливой. Они давали в своем доме в Санкт-Петербурге музыкальные и театральные мероприятия. Сама Екатерина Сергеевна слыла в свете талантливой пианисткой. Она была ученицей известного композитора Даниэля Штейбельта. Давала музыкальные концерты и сама принимала в них участие. Занималась сочинительством музыки. В музыкальном музее в Москве сохранились ее ноты. Екатерину Сергеевну современники характеризуют как женщину романтическую, восторженную, большую энтузиастку, любительницу музыки и ценительницу всего прекрасного. Она восхищалась стихами А. С. Пушкина и была его хорошей знакомой. Но более всего, она, конечно, была привязана к своему брату. В дневниках ее сына Сергея Федоровича мелькает упоминание о горячем желании его матери ехать за братом в Сибирь.

В научном обороте еще не было уточненных сведений о нем. Вопрос о родителях Ф. А. Уварова «Черного» впервые подняла кандидат технических наук Наталья Борисовна Чистякова⁶,

Ил. 2. Музыкальный музей им. М. Глинки. Мазурка Е. Уваровой посв. О. Г. Жебелевой

Ил. 3. Автопортрет М. С. Лунина, доработанный Н. А. Бестужевым. 1830-е. НИОР РГБ

потомок старинного дворянского рода Ярославовых⁷ (небольшой ветви князей Оболенских). На протяжении нескольких лет она кропотливо по архивам и редким изданиям восстанавливала родословие своего рода. Наталья Борисовна обратила внимание на генерал-майора Александра Артамоновича Уварова (1741-1796) и его супругу Наталью Михайловну Ярославову (1756-1796), захороненных вместе близ Переславля-Залесского⁸. Предположение Н. Б. Чистяковой об опекунстве Екатериной Сергеевной Уваровой своих сыновей подтверждают архивные документы⁹. В них указывается множество родственников, которым задолжал пропавший камергер Федор Александрович Уваров.

На основе этого дела об опекунстве теперь возможно хотя бы примерно восстановить степень родства Ф. А. Уварова с семьей графа Сергея Семеновича. Однако стоит учесть, что во всех известных генеалогических изданиях приведена неточная поколенная роспись рода Уваровых, на что указал библиограф В. И. Чернопятов¹⁰. Между прочим, еще более запутался граф Федор Алексеевич Уваров при составлении своей родословной и ее публикации в 1938 году. Он ошибочно возвел свой род к брату генерала Ф. П. Уварова. Если следовать поколенной росписи, представленной

историком П. Н. Петровым в издании «История русского дворянства»¹¹, то выходит очевидная нестыковка. Братья Семен Федорович Уваров (1743-1788) и генерал-поручик Александр Федорович Уваров (1745-1811) якобы являлись сыновьями Федора Ильича Уварова. Но Петр Ильич Уваров (его брат, отец известного генерала. — Е. П.) по точным данным имел также (или только) брата Ивана, от которого пошли наследники его сына Ф. П. Уварова — Степан Иванович и Аполлон Иванович. Петр Ильич, имея сыновей 1769, 1772 и 1774 г. р., явно был из того же поколения, что и вышеуказанные лица. Соответственно, его брат не мог воспроизвести на свет своих сверстников.

Внимательно рассматривая поколенную роспись, можно предположить, что эти Уваровы были потомками И. Г. Уварова, но просмотр дворянских дел, отложившихся в РГИА, показал, что никакого совпадения с росписями В. И. Чернопятова не имеется, хотя он работал с этими делами, однако и сам, похоже, запутался, что отметил в комментариях. Просмотр документов мною не подтвердил, но и не опровергнул моих исследований (родословие Сергея Семеновича ведется от его отца, более ранних данных пока не выявлено, возможно, мне потребуется поработать иные источники в сторонних архивах). Однако удалось опровергнуть упоминание генеалога и библиографа Петрова о якобы имевшихся у Сергея Семеновича братьях — Иване, Андрее и Василии, прижитых в законном браке с его первой женой. Однако нигде нет информации о наличии у Семена Федоровича Уварова первой жены; судя по воспоминаниям и небольшому посвящению Ю. А. Неледицкого-Мелецкого к свадьбе Уварова с Д. И. Головиной¹², Семен Федорович все же был женат только один раз и имел в браке только двух сыновей. А эти Уваровы, сопричисленные в Тамбовскую губернию, вели свой род от Семена Васильевича Уварова, дворянина, но по данным из его формуляра он не может быть отождествлен с отцом графа Сергея Семеновича, однако и не исключает близкое родство с этой ветвью рода.

С. Ф. и А. Ф. Уваровы были, скорее всего, сыновьями бригадира (1747) и рязанского помещика Федора Федоровича Уварова, владевшего селом Гусь в Рязанском уезде и некоторыми де-

ревнями¹³. Тем же селом владел и отец Ф. А. Уварова. К нему (к селу. — *Е. П.*) приписан и Алексей Федорович Уваров¹⁴, о котором говорится во всех известных публикациях поколенной росписи рода Уваровых. Федор Федорович имел супругу, имя которой также известно — Анна Федоровна, правда, без указания девичей фамилии. Вполне логично, что он был дядей Алексея, Анны и Александра Уваровых, также указанных помещиками в этом селе. Отсюда следует: братом Федора Федоровича был Артамон Федорович Уваров, который нигде не указан, но имя возможно восстановить, зная отчества вышеуказанных лиц. Ф. П. Уваров признавал родство с С. Ф. Уваровым, а майор (1803) Петр Александрович Уваров (?-1833) (согласно документам архива ЦИАМ, несомненно, сын генерал-поручика А. Ф. Уварова. — *Е. П.*) — родство с детьми Ф. А. Уварова «Черного».

Если вспомнить об упоминании в научной литературе о сестре камергера (Федора Александровича Уварова. — *Е. П.*), с которой он разделил после смерти родителей свои имения, то речь идет, несомненно, о Наталье Александровне Смирновой¹⁵ (1779-1819), захороненной (вместе с сыновьями. — *Е. П.*) вблизи Натальи Алексеевны Уваровой (дочери отставного ротмистра Алексея Артамоновича Уварова, двоюродной сестры Уварова «Черного». — *Е. П.*) на несохранившемся кладбище Спасо-Андроникова монастыря в Москве. В издании «Московский Некрополь» очевидная ошибка (вероятно, была на надгробии. — *Е. П.*) в отчестве отца Натальи Алексеевны (?-1838)¹⁶. Об этом говорят указания на родителя выпускницы Смольного института благородных девиц (1797) — Федосьи Алексеевны Уваровой. Внук Натальи Александровны Смирновой (Уваровой) — Александр Михайлович — был женат на Антонине Григорьевне Шварц, родной сестре художника.

Любопытно отметить, что, помимо генеалогии, есть интересный «жизненный» и «человеческий» материал, раннее не освещенный исследователями. Находится он в самих письмах Екатерины Сергеевны. Она упоминает жену графа Сергея Семеновича Уварова и его самого. Думаю, красноречивее моего рассказа, будут слова самой Екатерины Сергеевны:

«Любезнейшему братцу Михаил Сереевичу Лунину

Санкт-Петербург 18 августа 1835

Мой дорогой и горячо любимый Брат! Я давно обещала себе, что напишу вам, но вот явились назойливые посетители, укравшие у меня теплые моменты, посвященные вам — украли у меня самые ценные утренние часы, те которые я могла бы раз в неделю отдавать вам наилучшим образом — я ведь велю всем, кому могу это сказать, не приходить ко мне в пятницу утром, когда я пишу своему брату — и вот, думаю, из духа противоречия именно в этот день меня осаждают эти люди, которых нельзя выгнать, которые приходят через окно, если видят дверь закрытой. Большим событием, которое живо обсуждал так называемый здешний высший свет, была новость о том, что в Воронеже умерла графиня Шереметьева, куда она отправилась инспектировать свои поместья — новость, которая оказалось совершенно ложной, а правдой было то, что она тяжело заболела и что было послано за ее лекарем Рейнгольдом. Я не знаю как новость о ее смерти широко распространилась в воскресенье, а на следующий день я сначала передала ее с некоторыми предосторожностями супруге Сергея Уварова, которая приехала повидать меня вместе со старшей дочерью. Я говорю „с предосторожностями“, поскольку она и ее сестра княгиня Репнина являются единственными наследницами, и нужна была некоторая подготовка к тому, чтобы новость о дополнительных 79 тысячах душ не подействовали бы слишком неожиданно на живой и очень живой организм.

Мадам Уварова, как дама умная, не играла комедии и изобретательно заявила, что покойная была слишком плохой родительницей, чтобы о ней сожалеть, и что это огромное состояние в ее руках ничему хорошему не послужило и т. д. В тот же день князь Репнин послал опечатать двери дворца Шереметьевой, но некий полковник Априлев (фамилия написана по-русски и плохо читаема. — *Е. П.*), который был интендантом якобы покойной, воспротивился этому, так как официальная новость о смерти владелицы не была получена. Все осуждают князя за это поспешное действие, в котором можно усмотреть министра Уварова, человека умного, который подтолкнул его на этот поступок, а сам остался в стороне. Но-

вость о том, что покойница не умерла, испортила радость наследникам. Впрочем, это огромное ожидаемое наследство от них не уйдет, если только не возникнет каноническое препятствие, что бо-

гатый князь не сможет никогда жениться. Чтобы не опоздать, на этом я заканчиваю. Я вас обнимаю и благославляю.

Ваша сестра Е. Уварова».

¹ Портрет Екатерины Сергеевны Уваровой воспроизводится по фотографии из семейного архива Т. М. Уваровой, (любезно предоставленный ее родственниками) — правнучки Екатерины Сергеевны. На фото репродукции В. Василевского (на фото рукой Т. М. Уваровой неразборчиво) представлена утраченная(?) миниатюра на эмали неизвестного художника 1830-х гг. Именно с этой фотографии репродуцировался портрет Н. Я. Эйдельманом, в данный момент переживший большое искажение при перепечатавании.

² Лунин М. С. Письма из Сибири. — М., 1988.

³ Павлюченко Э. А. Портрет Е. С. Уваровой // Наука и жизнь. — 1972. — № 2. — С. 153.

⁴ Панчулидзе С. А. Сборник биографий кавалергардов: по случаю столетнего юбилея Кавалергардского ея Величества Государыни Императрицы Марии Феодоровны Полка. — М., 1906.

⁵ Кудряшов К. В. Александр I и тайна Федора Козьмича. — М., 1990.

⁶ Н. Б. Чистякова-Ярослава. Франция: лунинский «Лжедмитрий» и биография Святого томского старца Федора Уварова - сына Натальи Ярославовой (Уваровой) // [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.yaroslavova.ru/>.

⁷ История и генеалогия: С. Б. Веселовский и проблемы историко-генеалогических исследований. — М., 1977. — С. 68.

⁸ Русский провинциальный некрополь / Сост. В. В. Шереметевский. — М., 1914.

⁹ Дело по опекунству над малолетними Д. С. С. Уварова (Федора Александровича) детьми и именем. Началось 31 мая 1829 // ЦИАМ. — Ф. 49. — Оп. 3. — № 3892.

¹⁰ Чернопяттов В. И. Дворянское сословие Тульской губернии. Родословец. Материалы. — М., 1909. — Т. III (XII).

¹¹ Петров Н. П. История родов русского дворянства. — М., 1991.

¹² Неледицкий-Мелецкий Ю. А. «Эпиталама на свадьбу Д. И. Головиной». См.: Топоров В. Н. Из истории русской литературы. — М., 2001. — Т. 3. — С. 399.

¹³ Оленев М. История сел и деревень Рязанской области. Кон. XVII — пол. XVIII вв. (Старорязанский и Окологородный станы) // [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.history-ryazan.ru/node/2673>.

¹⁴ Алфавитный список помещиков Рязанской губернии с принадлежавшими им селениями по данным сборников статистических сведений 1882-88 гг. / сост. М. Б. Оленев // [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.history-ryazan.ru/node/2672>

¹⁵ В кн.: Николай Михайлович (Романов Н. М.). Московский некрополь в трех томах. — М., 1907. — Т. 3. — С. 118.

¹⁶ Там же. — С. 238.

А. А. Кащеев (Москва)

К ИСТОРИИ БИБЛИОГРАФИЧЕСКОГО ОПИСАНИЯ АРХИМАНДРИТОМ ЛЕОНИДОМ (КАВЕЛИНЫМ) РУКОПИСЕЙ ИЗ СОБРАНИЯ ГРАФА УВАРОВА

Вторая половина XIX в. характеризуется повышенным интересом к изучению различных древностей, в числе которых и рукописное наследие. Появляются описи частных собраний, древлехранилищ, церковных ризниц, которые открыли доступ к ним исследователям. Среди них — опись собрания рукописей графа А. С. Уварова, составленная архимандритом Леонидом (Кавелиным).

Архимандрит Леонид оставил после себя большое эпистолярное наследие, которое является одним из документальных источников XIX в. Часть его писем хранится в отделе рукописей Российской государственной библиотеки. Среди них — переписка с семьей графа А. С. Уварова. Содержание писем свидетельствует о дружеских уважительных отношениях между Уваровыми и отцом Леонидом¹. В письмах затрагиваются вопросы не только личных, но и деловых отношений

Теплые дружеские связи между архимандритом Леонидом (Кавелиным) и графом А. С. Уваровым установились на почве научных исследований древностей, страсть к которым была у обоих. Об А. С. Уварове архимандрит писал: «Просвещенный знаток, ревностный почитатель, трудолюбивый собиратель и радушный хранитель русских древностей вообще и памятников древней русской письменности в частности»². Алексей Сергеевич унаследовал огромное состояние своего отца в 1855 г. В фамильном имении Поречье Московской губернии Сергей Сергеевич основал в 1830-е гг. «Порецкий музей». В этом музее были собраны многочисленные произведения западноевропейской живописи и скульптуры, книги, рукописи³. После смерти отца Алексей Сергеевич, перебравшись из Карачарова в Поречье, обустроил дом, музей и библиотеку. В 1859 г. Уваров женился на княжне Прасковье Сергеевне Щербатовой (1840-1924)⁴. Вместе они занимались пополнением, изучением и систематизацией собрания ценностей, начатого отцом. После смерти

мужа в 1884 г. Прасковья Сергеевна продолжила его дело. Она была избрана председателем Московского археологического общества.

Как основатель Московского археологического общества граф А. С. Уваров поставил следующую задачу: «Исследование как археологии вообще, так преимущественно русской, и распространение в России археологических знаний». Основной деятельностью общества было производство раскопок и их исследование, охрана памятников, издание трудов, организация археологических съездов⁵. Уваров предложил обратиться к епархиальному начальству с просьбой, чтобы настоятели монастырей и приходских церквей подали сведения обо всех имеющихся у них древностях. На тот момент архимандрит Леонид был наместником Воскресенского Ново-Иерусалимского монастыря, а с 1877 г. — настоятелем Троице-Сергиевой Лавры.

Действительным членом Московского археологического общества архимандрит был избран в 1875 г., о чем сообщено в письме от 27 декабря: «Ваше Высокопреподобие, Московское Археологическое общество в надежде, что Вы не откажетесь содействовать ему вашими учеными трудами по отечественной археологии, в своем заседании 23 декабря избрало вас в Действительные члены Общества. При сем имею честь приложить Устав Московского археологического общества.

Примите уверение в совершенном моем почтении и преданности.

Граф Уваров»⁶.

Отец Леонид был одним из активных членов Общества в деле поиска и изучения отечественных древностей и пользовался ученым авторитетом.

Порецкое собрание рукописей началось с приобретения собрания 760 единиц рукописей И. Н. Царского у его наследников. Собрание удвоилось к 1884 г. и составляло уже 1700 единиц. К концу 1885 г. собрание состояло из 2250 еди-

ниц. А. С. Уваров завещал своей супруге сделать новое описание своего любимого собрания. После кончины графа А. С. Уварова архимандрит Леонид «по любви к русской письменности и по глубокому уважению к памяти достойного собирателя» предложил Прасковье Сергеевне свою помощь с описанием рукописного собрания пореченской библиотеки. Неизвестные ранее отдельные моменты истории работы архимандрита с коллекцией рукописей Уварова открылись при изучении писем из его архива⁷.

Описание собрания отец Леонид начал в 1885 г. До него отдельные части собрания были описаны другими известными исследователями. Одним из них был П. М. Строев, который описал 750 рукописей из собрания Царского. Над описью уваровского собрания работал профессор М. И. Сухомлинов. Описанная им часть собрания издана под названием «Памятники словесности». Архимандрит Леонид не мог уделить много времени описанию рукописей уваровской библиотеки из-за служебной занятости по делам Троице-Сергиевой Лавры, где он был в это время настоятелем.

Помощниками Прасковье Сергеевне и Леониду были дети Уваровых: Федор Алексеевич и Екатерина Алексеевна.

Федор Алексеевич в 1885 г. писал: «Ваше Высокопреосвященство.

Очень извиняюсь пред вами в том, что по случаю экзаменов, не ответил Вам на ваше письмо. Спешу от лица Графини и от себя выразить Вам нашу благодарность за высказанное вами соболезнование по случаю кончины князя Щербатова.

Вместе с тем графиня просит меня передать Вам, что сестра моя отправляется в Поречье, чтобы поспешить с укладкой следующего транспорта рукописей. Задержка же вышла также по нездоровью моей матери, которая теперь, Слава Богу, совершенно поправилась.

Графиня просит также передать Вам, что если Вам угодно, то Вам тотчас высланы будут все первые тома трудов Археологического общества (включая также и только что вышедший запоздалый V-й том), так как на получение их, Вы как член Московского Археологического Общества, имеете полное право.

Поручая себя молитвам Вашего Высокопреосвященства, прошу вас принять уверение в глубоком моем к Вам уважении.

Гр. Уваров»⁸.

Книги партиями привозили архимандриту в Троице-Сергиеву Лавру, а после описания он возвращал их Уваровым. Для уточнения вопросов по описанию рукописей велась переписка.

«Честь имею возвратить Вам из 137 находящихся у меня рукописей 133. Четыре Псалтыри пока у меня», — писал архимандрит в конце января 1888 г.⁹

Каждая партия книг сопровождалась описью, и на месте о. Леонид сам проверял их наличие по списку. Например, архимандрит писал, что разобрал и лично пересчитал и описал 244 рукописи, а не 245, как значилось в списках. В предыдущей посылке значилось 98 номеров, а после внимательного просмотра посылки архимандритом оказалось 99¹⁰.

К концу января 1888 г. работа над описанием рукописей «остановилась за неписанием небольшого числа рукописей. Всего 29 номеров (спи-сочек прилагаю). Если они существуют, их надо описать. Если нет, на их места надобно назначить (дав их номера) из двойных или прибавленных»¹¹.

Осенью 1888 г. началось печатание каталога, о чем написала Екатерина Алексеевна: «Сегодня первая часть каталога сдана в типографию. На днях г. Корсунский получил первую корректуру. Высылаем»¹². Редактор в текст рукописи архимандрита Леонида внес незначительные изменения только в предисловии, касающиеся количества греческих и арабских рукописей, к которым добавлено по одному экземпляру¹³.

Данный библиографический труд отца Леонида был издан после его смерти. Первая критическая статья на него, написанная М. Н. Сперанским, вышла в свет в 1893 г. В этой рецензии Михаил Нестерович дал высокую оценку труду и личности архимандрита Леонида как «крупной ученой силы» с мнением которого должны считаться¹⁴.

Вклад архимандрита Леонида (Кавелина) в изучение рукописного наследия и в отечественную археографию неоспорим. Труды его не потеряли научное значение, в частности, библиографическое описание рукописного собрания графа А. С. Уварова «составляет, действительно, весьма важное приобретение для ученых, за которое они обязаны ему всегдашней благодарностью»¹⁵.

- ¹ Архимандрит Леонид (Кавелин) // ОР РГБ. — Ф. 148. — Картон 10. — Ед. хр. 10, 11, 12, 13, 14.
- ² Архимандрит Леонид (Кавелин). Систематическое описание славяно-русских рукописей графа А. С. Уварова. — М., 1893. — С. III.
- ³ Фролов А. И. Частный музей графов Уваровых в имени Поречье Московской губернии // Уваровские чтения — II. — М., 1994. — С. 45.
- ⁴ Формозов А. А. А. С. Уваров и его место в истории русской археологии // Уваровские чтения — II. — М., 1994. — С. 14.
- ⁵ Амальрик А. С., Монгайт А. С. В поисках исчезнувших цивилизаций. — М., 1959. — С. 320.
- ⁶ Архимандрит Леонид (Кавелин) // ОР РГБ. — Ф. 148. — Картон 10. — Ед. хр. 10. — Л. 1.
- ⁷ Леонид (Кавелин), архимандрит. Письма к графине Уваровой Прасковии Сергеевне. 1886, 1888. 3 л.; Уварова Прасковья Сергеевна, графиня. Письма к архимандриту Леониду (Кавелину). 1885-1886. 34 л. // ОР РГБ. — Ф. 148. — Картон 5; Картон 10.
- ⁸ Там же. — Ед. хр. 11.
- ⁹ Там же. — Картон 5. — Ед. хр. 12.
- ¹⁰ Там же.
- ¹¹ Там же. — Л. 1.
- ¹² Там же. — Картон 10. — Ед. хр. 11. — Л. 3.
- ¹³ Там же. — Л. 4.
- ¹⁴ Сперанский М. Н. Собрание рукописей графа А. С. Уварова. — М., 1895. — С. 4.
- ¹⁵ Субботин Н. И. Памяти о. Леонида. — М., 1893. — С. 312. Н. И. Субботин (13 ноября 1827 — 30 мая 1905) — профессор Московской духовной академии, писатель, публицист, тайный советник.

ГРАФСКИЙ РОД УВАРОВЫХ В КОНТЕКСТЕ ВЫСТАВОК ЦЕНТРАЛЬНЫХ МУЗЕЕВ МОСКВЫ

Интерес к жизни и деятельности представителей знаменитого графского рода Уваровых необычайно высок. За последние двадцать лет вышел ряд книг и статей, освещающих их значительный вклад в культурную жизнь Российской империи. В последние годы материалы Уваровых активно включаются в экспозиции выставок, организуемых центральными музеями Москвы.

На монографической выставке Ф. С. Рокотова (1735/1736-1808), проходившей в 2016 году в Третьяковской галерее, целый раздел был посвящен творчеству великого русского художника, работы которого находились в крупнейших усадебных комплексах России, увековечивая образы их владельцев. Авторы выставки, желая подчеркнуть идею единства усадеб и портретов их хозяев, в непосредственной близости от живописных работ размещали материалы о соответствующих им «дворянских гнездах». Так, в рамках оригинальной экспозиции можно было видеть портрет Дарьи Ивановны Уваровой (урожденной Головиной), супруги флигель-адъютанта императрицы Екатерины Великой Семена Федоровича и матери Сергея и Федора Уваровых¹. Представленный портрет поступил

в Третьяковскую галерею в 1923 г. из Государственного исторического музея. В 2011 году при анализе фактуры портрета и рентгенографическом исследовании были выявлены авторские правки: первоначально плечи модели и декольте были прикрыты легкой косынкой. Эта деталь получила распространение в женской моде во Франции в 1770-х годах, т. е. во время создания портрета. В России массовое использование указанного атрибута приходится на начало 1790-х гг. Рядом с портретом Дарьи Уваровой находился общий вид усадьбы в селе Поречье Можайского уезда Московской губернии, выполненный неизвестным художником первой четверти XIX века и хранящийся в ГНИМА². Усадебный комплекс, расположенный на берегу реки Иночи, создавался графом Львом Кирилловичем Разумовским (1757-1818), а затем совершенствовался при Уваровых, его наследниках. В левой части композиции доминирует графский дворец, перестраиваемый при Сергее Семеновиче (1786-1855) и Алексее Сергеевиче (1824-1884). Семейные портреты Разумовских и Уваровых, согласно путеводителю 1853 года, украшали оба этажа главного усадебного дома.

Ил. 1. Ф. С. Рокотов. Портрет Д. И. Уваровой. Вторая половина 1770-х

Ил. 2. Неизвестный художник. Усадьба Поречье. Общий вид. Первая четверть XIX в.

Ил. 3. Парковый фасад дома и терраса в Поречье. Неизвестный фотограф. Конец 1870-х

В правой части изображения возвышается церковь Рождества Богородицы, воздвигнутая в 1804 году.

В 2016 году в Государственном историческом музее на выставке «Глазами памяти. Образы русской усадьбы в фотографии. 1860-1920-е» удалось воссоздать облик «дворянского гнезда» Уваровых во всем его многообразии. На фотографиях конца 1870-х годов был запечатлен усадебный дом в Поречье после реконструкции, проведенной на рубеже 1860-1870-х гг. М. Н. Чичаговым и А. П. Поповым. На одной из них перед дворцом копия фонтана «Тритон» Дж. Л. Бернини (Рим), заказанная графом Уваровым в Берлине³. На другом снимке отчетливо виден фасад дворца, украшенный великолепными кариатидами из желтой обожженной глины (привезены из Берлина), а также мраморными кентаврами с амурами, сохранившимися со времен Льва Разумовского⁴. Здесь же видна и вся большая терраса перед дворцом, оформленная чугунной решеткой и мраморными вазами на столбах. На другой фотографии запечатлен интерьер центрального зала Порецкого музея, в центре которого знаменитая Альтемпская урна — римский саркофаг III в., украшающий ныне четвертый зал ГМИИ им. А. С. Пушкина (в музее с 1925 года)⁵. Богатейшая порецкая оранжерея представлена на снимке конца 1870-х годов⁶. На фотографиях, относящихся к 1868-1914 гг., можно увидеть четыре поколения знаменитой

семьи [от матери Прасковьи Сергеевны (1840-1924) П. Б. Щербатовой (1818-1899) до дочерей Ф. А. Уварова (1866-1954) Варвары (1892-1966) и Екатерины (1893-1975)], а также гостей усадьбы, среди которых был великий князь Константин Константинович (1858-1915), посетивший Поречье 19 августа 1912 года⁷. На выставке были представлены и три фотографии, выполненные в 1899 году в Карачарове Муромского уезда Владимирской губернии (имение с 1891 года находилось во владении П. С. Уваровой и ее дочерей). На них изображены П. С. Уварова с собакой на поводке, Е. А. Уварова на скотном дворе и четыре собаки на фоне флигеля⁸.

Научная и общественная деятельность Алексея Сергеевича и Прасковьи Сергеевны Уваровых нашли отражение в нескольких выставочных проектах. В 2014-2015 годах в Государственном музее изобразительных искусств имени А. С. Пушкина впервые показали коллекцию древностей Кипра (более 350-ти памятников)⁹. Всего в музее хранятся около 900 предметов с легендарного древнегреческого острова. Возраст некоторых из них достигает 4500 лет. Крупнейшее в России собрание кипрского искусства было сформировано из трех частных коллекций (археолога А. С. Уварова, востоковеда В. С. Голенищева, посла П. К. Ермошина), а также из памятников, поступивших в 1945 г. из Фонда перемещенных ценностей. К сожалению

Ил. 4. Фрагмент экспозиции «Искусство Древнего Кипра в собрании ГМИИ им. А. С. Пушкина» (2014-2015 гг.)

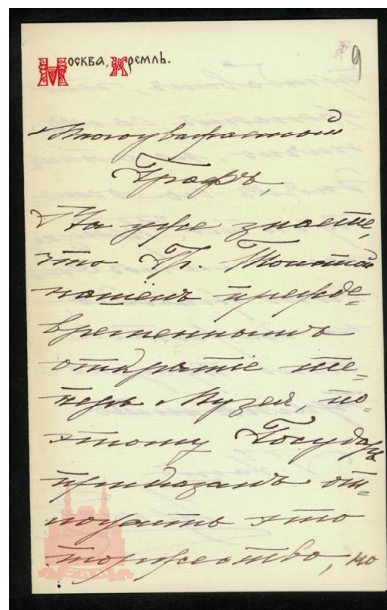

Ил. 5. Великий князь Сергей Александрович и великая княгиня Елизавета Федоровна. Фото 1884 года

нию, коллекция кипрских древностей графа Уварова не является единым комплексом: вторая половина собрания хранится ныне в Государственном историческом музее. Выставка «Искусство Кипра» вызвала большой интерес, экспозиционное пространство по форме напоминало очертания легендарного острова. К сожалению, в концепцию выставки не были вписаны имена собирателей представленных шедевров.

Ил. 7. И. К. Айвазовский. Автопортрет. 1874

Ил. 6. Письмо великого князя Сергея Александровича графу А. С. Уварову (1883)

На рубеже 2015-2016 гг. в Государственном историческом музее состоялась выставка «Москва — Святая Земля великого князя Сергея Александровича (1857-1905) и великой княгини Елизаветы Федоровны (1864-1918)», раскрывающая на основе четырехсот экспонатов жизнь и благотворительную деятельность знаменитой супружеской пары¹⁰. Несколько документов (переписка и дипломы) относились к Уваровым:

Ил. 8. Н. Е. Рачков. Портрет П. С. Уваровой. Начало 1880-х

Алексей Сергеевич состоял товарищем Председателя Исторического музея, т. е. осуществлял руководство учреждением при августейшем покровительстве великого князя Сергея Александровича, брата Александра III и дяди Николая II. Один из экспонатов — письмо великого князя, адресованное графу А. С. Уварову, о желании императора Александра III посетить Исторический музей до его открытия (весна 1883 года). После смерти мужа Прасковья Сергеевна участвовала в судьбе музея, передав в дар богатую коллекцию древностей из Поречья.

Крупным событием в культурной жизни России стала выставка, посвященная 200-летию со дня рождения легендарного художника Ивана Константиновича Айвазовского (1817-1900), организованная Государственной Третьяковской

галереей в 2016 году. В биографическом отделе выставки было представлено письмо графини П. С. Уваровой, написанное в 1887 году. К сожалению, этот материал не был включен в каталог выставки¹¹.

Выставки в центральных музеях Москвы (Историческом музее, Третьяковской галерее, Пушкинском музее) позволяют рассмотреть жизнь и деятельность представителей знаменитого рода Уваровых во всем многообразии: научная и общественная работа, коллекционирование, хозяйственные заботы, круг общения. Значительный корпус источников (живописные работы, фотографии, археологические находки, письменные материалы) способствуют комплексному освещению этих вопросов.

¹ Федор Рокотов 1735/1736-1808. — М., 2016. — С. 120-121. В каталоге выставки Д. И. Уварова названа графиней, хотя графский титул Уваровым был дарован значительно позже написания портрета (1846).

² Там же. — С. 118-119.

³ «Глазами памяти». Образы русской усадьбы в фотографии. 1860-1920-е. — М., 2016. — С. 51.

⁴ Там же. — С. 52.

⁵ Там же. — С. 54.

⁶ Там же. — С. 53.

⁷ Там же. — С. 50, 55-57, 143-147.

⁸ Там же. — С. 140-141.

⁹ Смоленкова В. В., Самар О. Ю. Античный Кипр. Между Востоком и Западом. — М., 2014.

¹⁰ Москва — Святая Земля великого князя Сергея Александровича и великой княгини Елизаветы Федоровны. 2 ноября 2015-22 февраля 2016. — М., 2015.

¹¹ Иван Айвазовский. К 200-летию со дня рождения. — М., 2016.

ГОЛОВНЫЕ И НАГРУДНЫЕ УКРАШЕНИЯ, ПРЕДМЕТЫ БЫТА И ПРОИЗВОДСТВА В КОЛЛЕКЦИИ ИЗ ГРАБИТЕЛЬСКИХ РАСКОПОК 1910 Г. НА ПОДБОЛОТЬЕВСКОМ МОГИЛЬНИКЕ МУРОМЫ

Представленная публикация является завершающим этапом ввода в научный оборот коллекции из грабительских раскопок 1910 г. на Подболотьевском могильнике, оставленного племенем мурома. Коллекция хранится в фондах Муромского историко-художественного музея, общее количество предметов составляет 260 единиц. Шумящие украшения, украшения рук и детали пояса опубликованы в предыдущем сборнике «Уваровские чтения»¹; предметы вооружения, а также инвентарь, который обычно встречается в мужских захоронениях, опубликованы в сборнике «Археология Владимиро-Суздальской земли»².

В указанных публикациях была освещена история обнаружения предметов, их поступления в Муромский музей.

К сожалению, предметы не имеют контекста, известна лишь их принадлежность к определенному могильнику и усредненная датировка по аналогичным образцам. В целом все предметы датируются периодом IX-XI вв., кроме некоторых вещей, время бытования которых начинается с конца VII-VIII вв.

В описании предметов шифр (например, М-13351/95) обозначает номер по коллекционной описи. Размеры вещей даны общие — максимальная длина, максимальная ширина.

Женские головные украшения (Ил. 1-3.1)

Представлены фрагментами головных жгутов и венчиков, височными кольцами.

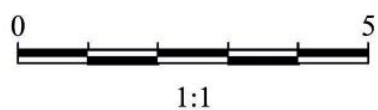
Фрагмент разомкнутого головного жгута с ремненной основой с надетыми на нее вплотную друг к другу незамкнутыми кольцами треугольного сечения (Ил. 1.1, М-13351/201). Основа — кожаная лента, свернутая спиралью. Жгут имеет узкие пропорции. Цветной металл, кожа. Размер фрагмента — 16x16,5 см, диаметр 1,8 см. Данный экземпляр относится к типу I по классификации Ю. А. Краснова, подобные жгуты обнаруже-

ны в погребениях Безводнинского могильника (№ 130, 140, 142, 148), датированных V-VI вв.³ Исходя из того, что фрагмент жгута имеет узкие пропорции и конструктивно отличается от головных жгутов мурома, имеющих плотные широкие спиральные оплетки, можно предположить, что он извлечен из погребения Подболотьевского могильника, датируемого не позже VIII в. Видимо, в этот период традиция изготовления жгутов — этноопределяющих элементов женского головного убора — переходит от безводнинского населения к муроме⁴.

Шесть фрагментов оплеток головных жгутов (Ил. 1.2, М-13351/78; /81; /95; /97; /195; /255). Изготовлены из проволоки треугольного сечения. Цветной металл. Диаметр от 2,7 до 4 см. Датируются IX-X вв.

Два фрагмента налобных ременных венчиков с пластинчатыми обоймицами (Ил. 1.3, М-13351/74; Ил. 1.4, М-13351/184). Состоят из широких кожаных ремней в основе, обернутых узкими пластинчатыми обоймицами. Цветной металл, кожа. Размеры: 7,2x2,5 см (М-13351/74); 10,5x2 см (М-13351/184). Подобные венчики появились у мурома в VIII в. и, сменяя сложно-составные венчики, бытовали вплоть до начала XI в. Со временем кожаная основа стала шире, и обоймицы стали прилегать плотно друг к другу⁵.

Двадцать два целых и семь фрагментов проволочных браслетовидных височных колец «муромского» типа с различными привесками и без них (М-13351/36-38; /40-46; /48-50; /53; /56; /58-59; /62; /69; /98; /133-139; /196; /214). Замок колец представляет собой щиток с отверстием и крючок, загнутый под прямым углом. Все височные кольца и привески изготовлены из цветного металла. Диаметр колец от 4,2 до 16 см. Среди общего числа целых колец четыре имеют привески:

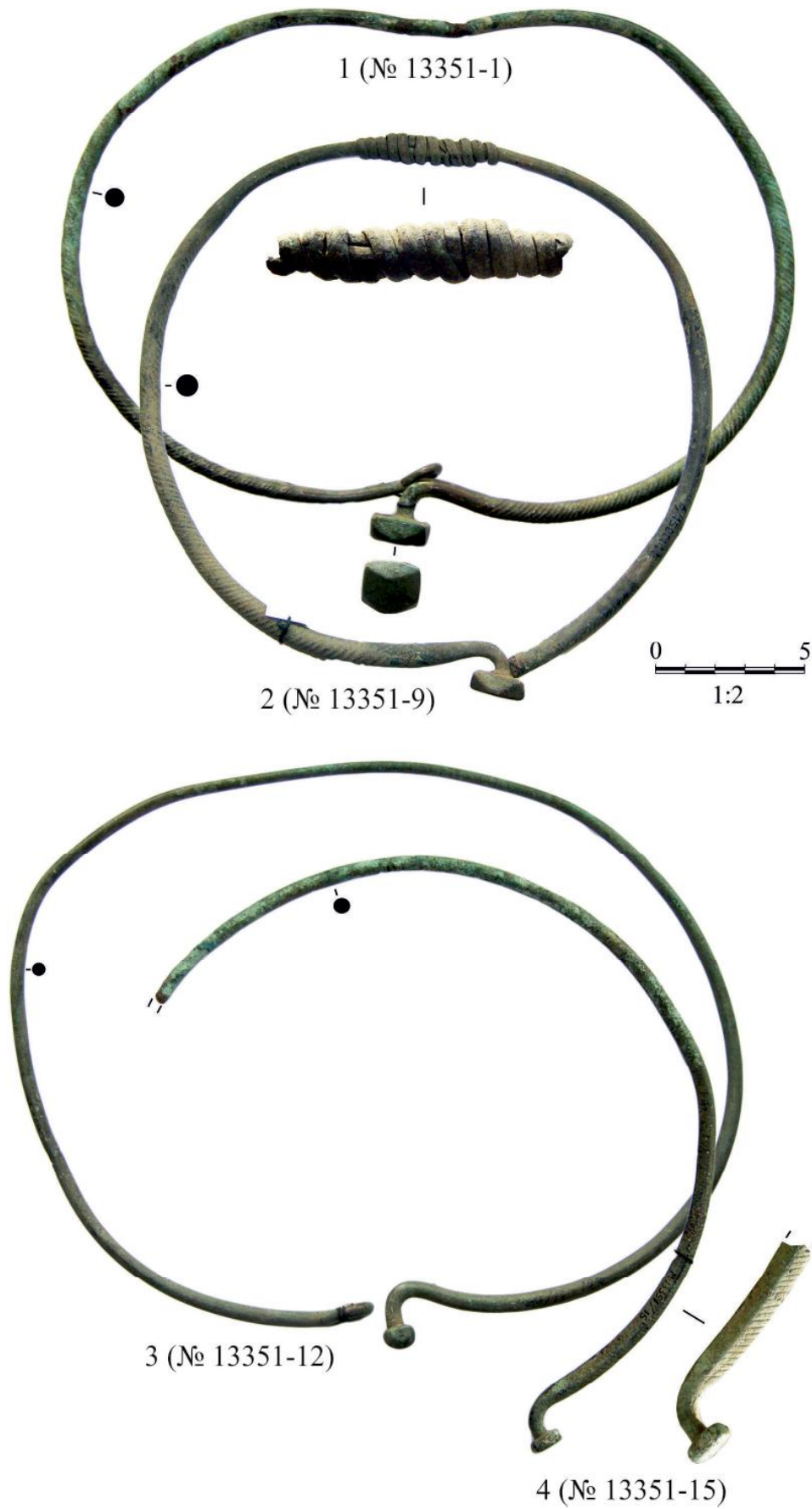
Ил. 1. Головные украшения. Цветной металл, кожа: 1.1 – фрагмент разомкнутого головного жгута; 1.2 – фрагмент оплетки головного жгута; 1.3-1.4 – фрагменты налбных ременных венчиков с пластинчатыми обоймицами

Ил. 2. Головные украшения. Цветной металл: 2.1-2.4 – проволочные браслетовидные височные кольца «муромского» типа с различными привесками

Ил. 3. Головные и шейные украшения. Цветной металл: 3.1 – височное лопастное лунничное кольцо; 3.2 – фрагмент гривны с «ладьевидным» запором

Ил. 4. Шейные украшения. Цветной металл: 4.1-4.4 – гривны «глазовского» типа с многогранной головкой и петель (с грибовидным запором), целые и их фрагменты

Ил. 5. Шейные украшения. Цветной металл, кость, стекло, речная раковина: 5.1 — гривна «глазовского» типа с многогранной головкой и петлей, на которую нанизана ажурная шумящая «перстневидная» подвеска с лапчатыми привесками; 5.2 — бусина эллипсоидная костяная; 5.3 — ожерелье бусин из стенок речной раковины; 5.4 — ожерелье из стеклянных лимонovidных синих бусин; 5.5 — ожерелье из стеклянных лимонovidных (желтых, серебро-стеклянных, золотостеклянных) и навитых синих бусин; 5.6 — ожерелье из стеклянного синего рубленого бисера; 5.7 — ожерелье из лимонovidных серебро-стеклянных бусин; 5.8 — ожерелье из стеклянного рубленого желтого бисера, бусины из стенки речной раковины, лимонovidных серебро- и золотостеклянных бусин, синей навитой зонной бусины; 5.9 — сьюльгама литая с длинными «усами»

1 (№ 13351-257)

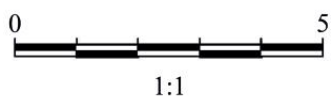
2 (№ 13351-258)

3 (№ 13351-259)

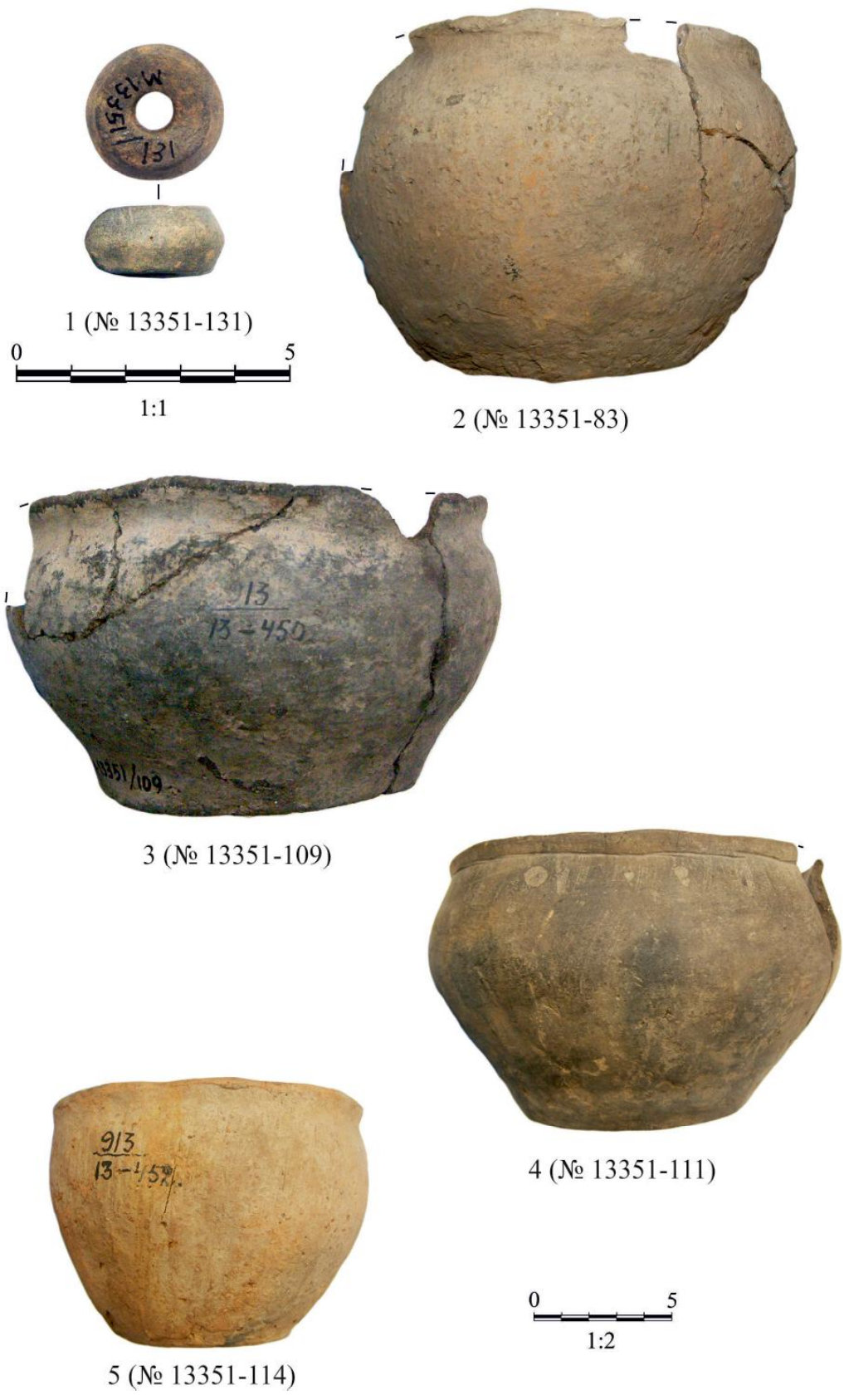
4 (№ 13351-260)

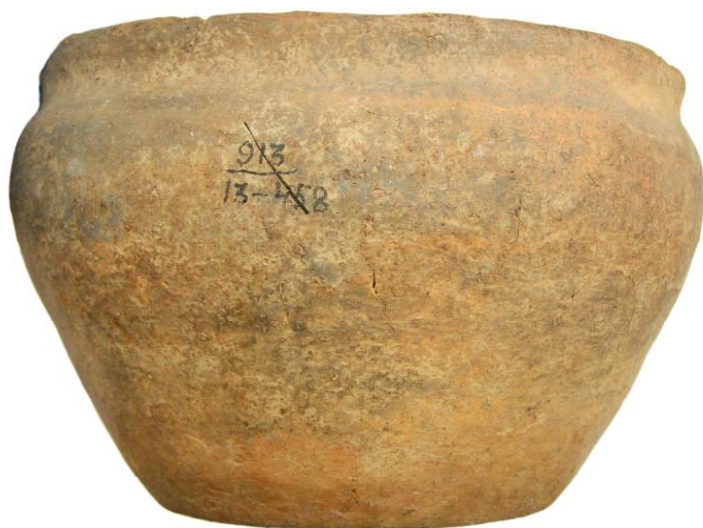
Ил. 6. Нагрудные украшения. Цветной металл: 6.1-6.4 — ажурные округлые литые бляхи-застежки с иглой без шумящих привесок

Ил. 7. Предметы производства. Керамика: 7.1-7.2 – льячки

Ил. 8. Предметы производства и быта. Керамика, камень: 8.1 – пряслице шиферное усеченно-биконическое; 8.2-8.5 – сосуды керамические

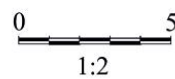
1 (№ 13351-116)

2 (№ 13351-117)

3 (№ 13351-120)

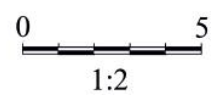
Ил. 9. Предметы быта. Керамика: 9.1-9.3 – сосуды

1 (№ 13351-121)

2 (№ 13351-123)

Ил. 10. Предметы быта. Керамика: 10.1-10.2 – сосуды

1 (№ 13351-124)

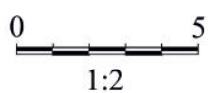
2 (№ 13351-126)

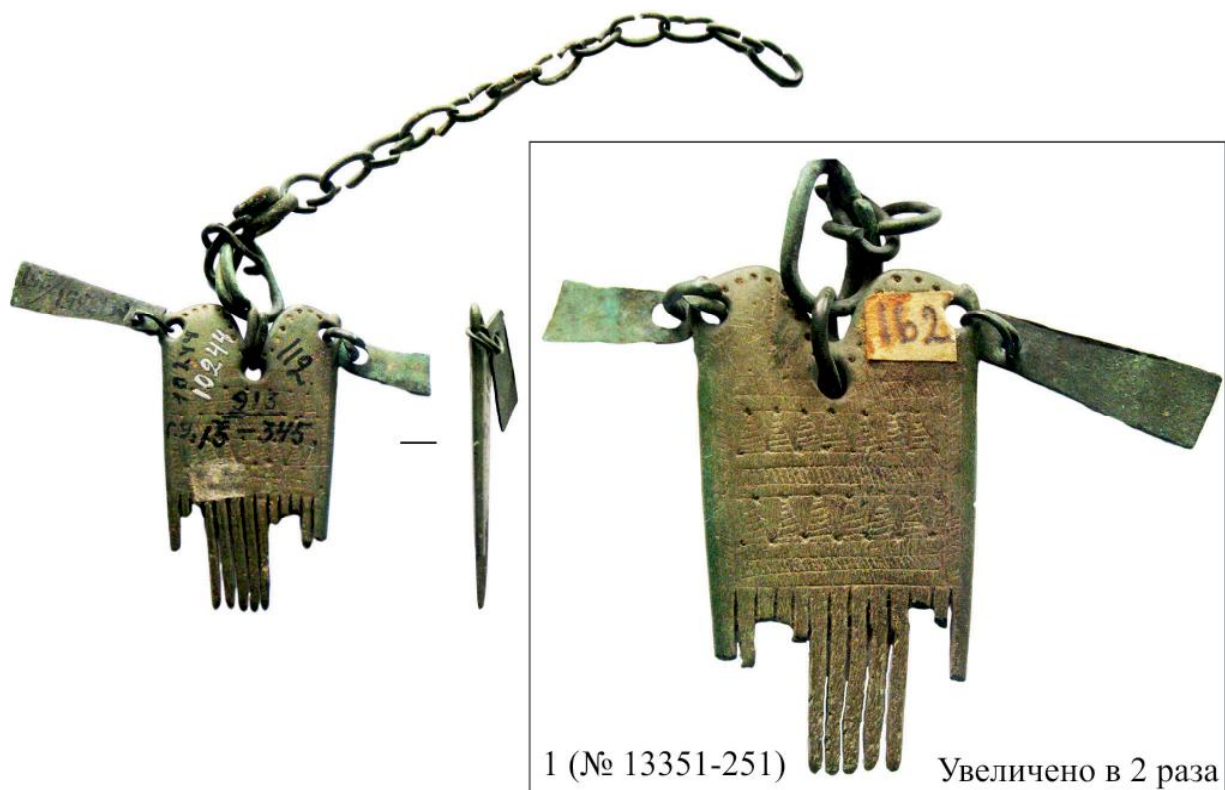

3 (№ 13351-213)

4 (№ 13351-235)

Ил. 12. Предметы быта, другие предметы. Кость, цветной металл: 12.1 – гребень зооморфный костяной цельный одно-
сторонний с изображением на спинке, с привесками и цепочкой из цветного металла; 12.2 – подвеска кольцевидная литая
ложновитая с 7-ю привесками – щелепоровыми бубенчиками; 12.3 – колокольчик (ботало?)

— височное кольцо, на которое нанизано 7 трапециевидных пластинчатых привесок на проволочных колечках в полтора оборота (Ил. 2.1, М-13351/133);

— височное кольцо с нанизанной монетовидной литой подвеской, с орнаментом в виде концентрического рифления и рифленным ушком (Ил. 2.2, М-13351/134);

— височное кольцо, на которое нанизано 2 подвески с рубчатой трубкой (петлей), напоминающие спираль с плотно пригнанными друг к другу витками. От трубки отходит щиток подтреугольной формы из трех спиралек, имеющих в основании два гладких колечка, с которыми соединены соответственно две привески-бубенчика с линейной прорезью. Также на височное кольцо между двумя подвесками нанизана привеска-бубенчик с линейной прорезью с Т-образной рубчатой трубкой (петлей) (Ил. 2.3, М-13351/196);

— височное кольцо, на которое нанизаны 5 подвесок с двумя отходящими под углом полутрубками с гладкими кольцами, к которым прикреплены по две крупных лапчатых привески. Ушко подвесок гладкое (Ил. 2.4, М-13351/214).

Височные кольца «муромского» типа бытуют у муромы с VIII в. (с конца VII в. по Н. В. Тухтиной)⁶ по X в., являясь этноиндикатором культуры. К IX в. они становятся больше диаметром, увеличивается их количество в головном уборе (до 10 с каждой стороны)⁷. Относятся к типу I по классификации Н. В. Тухтиной, типу IV по классификации И. Г. Розенфельдт⁸, типу 3А4в височных украшений по классификации В. И. Вихляева и др.⁹ Аналогичные кольца встречены в единичных экземплярах на дьяковском городище Березняки, мерянских городищах (Сарское, Мало-Давыдовское), в мордовском Шокшинском могильнике (погребение 281, X в.)¹⁰. В погребении 40 раннеболгарского Большетарханского могильника обнаружен браслет, свернутый из височного кольца «муромского» типа¹¹.

Привески на кольцах имели универсальное применение, могли использоваться как нашивки на платье, в составе ожерелий, нагрудных украшений и прочего. Трапециевидные пластинчатые привески с отверстием и колечками были широко распространены у муромы в IX-XI вв., имеют аналогии в позднедьяковских, рязано-окских,

мордовских памятниках. Относятся к типу 6, виду 3 по классификации И. Г. Розенфельдт¹². Остальные привески также характерны для инвентаря женских погребений муромы IX-XI вв.

Височное лопастное лунничное кольцо (Ил. 3.1, М-13351/98). Имеет серповидную форму, по краю внутреннего выреза расположено ребро. Цветной металл. Диаметр 7,5 см. Тип 5 редких лопастных колец по классификации В. П. Левашевой. Лунничные кольца встречаются только на муромских погребальных памятниках. Носились по одному на каждой стороне вместе с проволочными височными кольцами, изготавливались как из серебра, так и из других цветных металлов. Датируются IX-XI вв.¹³

Женские шейные и нагрудные украшения (Ил. 3.2-6)

Представлены круглодротовыми гривнами, бусинами, сьюлгамой и ажурными застежками.

Фрагмент гривны с «ладьевидным» запором (Ил. 3.2, М-13351/13). Имеет фрагменты обмотки из проволоки, плоской в сечении. Цветной металл. Диаметр 18 см. Тип 1Г4 по классификации В. И. Вихляева и др.¹⁴ Такие гривны появляются у муромы и мордвы в конце VII-VIII вв. и бытуют до IX в.¹⁵

Двенадцать целых и семь фрагментов гриввен «глазовского» типа с многогранной головкой и петлей (с грибовидным запором) (Ил. 4.1, М-13351/1; /2-12; /14-15; /143; /238). Имеют фрагментарно крученый (торсированный) или гладкий дрот. Все гривны и их элементы изготовлены из цветного металла. Диаметр от 17,8 до 27 см. Среди них следует выделить ряд образцов:

— гривна с частично крученым (торсированным) дротом, была сломана в древности по центру и отремонтирована путем накручивания на месте слома проволоки плоско-треугольного сечения (Ил. 4.2, М-13351/9);

— гривна с малой гранчатой головкой из гладкого дрота (Ил. 4.3, М-13351/12);

— фрагмент гривны с уплощенной гранчатой головкой, на конце сечение дрота становится ромбическим, на гранях нанесен узор насечкой в виде «елочки» (Ил. 4.4, М-13351/15);

— гривна с уплощенной гранчатой головкой, частично крученая, с напушенной литой ажурной шумящей «перстневидной» подвеской с пя-

тью гладкими колечками, в которые продеты трехзвеньевые ложновитые жгутиковые цепочки, внизу которых крепятся лапчатые привески (Ил. 5.1, М-13351/238). Подвеска украшена «линиями» в 4 ряда и «волнами» в 3 ряда, изготовленными в технике «воскового вязания». Также на гривну напущено ассиметричное колечко из проволоки плоско-выпуклого сечения.

Гривны с грибовидным запором приходят на смену гривнам с «ладьевидным» запором. Также они сменяют аналогичные мужские гривны из серебра, которые были распространены в VIII в., став исключительно женским украшением. Были широко распространены среди финно-угорских племен (мордвы, марийцев), являясь подражанием прикамским образцам. Датируются IX — началом XI вв.¹⁶ Ажурная «перстневидная» подвеска с лапчатыми привесками на одной из гривен (М-13351/238) относится к типу V по классификации перстней И. Г. Розенфельдт. Аналогии таким подвескам встречены в рязанских и мордовских могильниках, датируются они так же, как и гривны¹⁷. Исходя из их конфигурации перстнями такие подвески служить не могли.

Бусы и бисер отдельно и в составе ожерелий:

— бусина круглая эллипсоидная вытянутая костяная (Ил. 5.2, М-13351/144). Покрыта зеленоватой патиной от соприкосновения с предметом из цветного металла. Аналогии не встречены;

— пять бусин из стенок речной раковины, форма цилиндрическая и шаровидная (Ил. 5.3, М-13351/217). Подобные бусины встречены в мордовских могильниках (Заречное II, Красное I, Гагинский)¹⁸. Предположительно можно датировать X-XI вв.;

— ожерелье, состоящее из четырех бусин лимонovidных стеклянных синих полупрозрачных двухчастных, двух бусин лимонovidных стеклянных синих полупрозрачных одночастных (одна крупная, другая малая) (Ил. 5.4, М-13351/221). Изготовлены из тянутой трубочки. Импорт из стран Ближнего Востока. Датируются X-XI вв.¹⁹;

— ожерелье (Ил. 5.5, М-13351/215), состоящее из: 1) бусины лимонovidной стеклянной желтой непрозрачной двухчастной, изготовленной из тянутой трубочки. Ближний Восток. X-XI вв.;

2) бусины стеклянной навитой зонной полупрозрачной темно-синего цвета. XI в.; 3) бусины стеклянной лимонovidной одночастной с металлической прокладкой серебростеклянной. Стекло белого цвета, прозрачное. Изготовлена из тянутой трубочки. Ближний Восток. X-XI вв.; 4) бусины лимонovidной стеклянной синей полупрозрачной одночастной. Изготовлена из тянутой трубочки. Ближний Восток. X-XI вв.; 5) бусины стеклянной лимонovidной двухчастной с металлической прокладкой серебростеклянной. Стекло белого цвета, прозрачное. Изготовлена из тянутой трубочки. Ближний Восток. X-XI вв.; 6) бусины стеклянной крупной навитой зонной полупрозрачной темно-синего цвета. XI в.; 7) бусины стеклянной лимонovidной двухчастной с металлической прокладкой серебростеклянной. Изготовлена из тянутой трубочки. Стекло белого цвета, прозрачное. Ближний Восток. X-XI вв.; 8) бусины лимонovidной стеклянной синей полупрозрачной одночастной. Изготовлена из тянутой трубочки. Ближний Восток. X-XI вв.; 9) бусины стеклянной лимонovidной четырехчастной с металлической прокладкой серебростеклянной. Изготовлена из тянутой трубочки. Стекло белого цвета, прозрачное. Ближний Восток. X-XI вв.;

— ожерелье, состоящее из двадцати одной стеклянной бисерины синего цвета цилиндрических круглых рубленых полупрозрачных (Ил. 5.6, М-13351/218). X-XI вв.²⁰;

— ожерелье (Ил. 5.7, М-13351/220), состоящее из: 1) двух бусин стеклянных лимонovidных трехчастных с металлической прокладкой серебростеклянных. Стекло белого цвета, полупрозрачное. Изготовлены из тянутой трубочки. Ближний Восток. X-XI вв.; 2) бусины стеклянной лимонovidной двухчастной с металлической прокладкой серебростеклянной. Стекло белого цвета, полупрозрачное. Изготовлена из тянутой трубочки. Ближний Восток. X-XI вв.;

— ожерелье (Ил. 5.8, М-13351/219), состоящее из: 1) шестидесяти четырех бисерин стеклянных одночастных рубленых желтого цвета непрозрачных. IX-XI вв.; 2) бусины из речной раковины шаровидной. X-XI вв.; 3) бусины стеклянной лимонovidной одночастной с металлической прокладкой золотостеклянной. Стекло желтого цвета прозрачное. Изготовлена из тянутой

трубочки. Ближний Восток. X-XI вв.; 4) бусины стеклянной навитой зонной синей прозрачной. XI в. (?); 5) бусины стеклянной лимонovidной четырехчастной с металлической прокладкой золотостеклянной. Стекло желтого цвета прозрачное. Изготовлена из тянутой трубочки. Ближний Восток. X-XI вв.²¹

Сюльгама литая с длинными «усами» (Ил. 5.9, М-13351/35). Имеет круглое сечение несомкнутого кольца и «усов», игла отсутствует. Длина «усов» не превышает полутора диаметров кольца. Не орнаментирована. Цветной металл. Относится к типу 5A2a по классификации В. И. Вихляева и др.²² Многочисленные аналогии в мордовских могильниках. Датируется серединой VIII-XI вв.

Четыре ажурные округлые литые бляхи-застежки с иглой без шумящих привесок (М-13351/257-260). Все застежки изготовлены из цветного металла. Следует описать детали каждой застежки отдельно:

— нагрудная застежка с ажурным щитком (Ил. 6.1, М-13351/257). Прямой выступ оформлен в виде парной «косоплетки». Ажурный круглый щиток украшен сочетанием «косоплеток», S-овидных завитков и ложной зерни. В центре щитка отверстие и подвижная игла (обломана). Размер 8,5х7,2 см. Данный экземпляр был ранее опубликован Л. А. Голубевой²³;

— нагрудная застежка с ажурным щитком (Ил. 6.2, М-13351/258). Выступ обломан или отсутствовал, щиток оформлен в виде тройной прямой «косоплетки», оканчивающийся внутри S-овидным завитком. Ажурный овальный щиток украшен сочетанием «змеек» и «косоплеток». В центре щитка отверстие и подвижная игла. Размер 9,8х8,5 см;

— нагрудная застежка с ажурным щитком (Ил. 6.3, М-13351/259). Прямой выступ оформлен в виде парной «косоплетки». Ажурный круглый щиток украшен сочетанием «змеек», «косоплеток» и ложной зерни. В центре щитка отверстие и подвижная игла. Размер 9,5х8,5 см;

— нагрудная застежка с ажурным щитком (Ил. 6.4, М-13351/260). Выступ обломан, имеет рубчатую поверхность в виде 4-х продольных полос. Ажурный овальный щиток украшен сочетанием «змейки» по центру и концентрических

линий по бокам. В центре щитка отверстие и подвижная игла. Размер 5,5х6,4 см.

Ажурные бляхи-застежки с шумящими привесками из коллекции были опубликованы ранее²⁴. «Появление ажурных нагрудных блях в рязано-окских могильниках отнесено А. К. Амброзом к VI в.; у муромы эти изделия с известными трансформациями использовались вплоть до X в., отмечена их генетическая близость мари́йским ажурным бляхам»²⁵. Также они известны в мордовских могильниках. Подобные застежки, вероятно, использовались в качестве оберегов, не являясь функциональной деталью костюма.

Предметы производства (Ил. 7-8.1)

Представлены льячками и пряслицем.

Три целых и один фрагмент льячки (Ил. 7.1, М-13351/127; /185; /236-237). Форма льячек овальная, дно плоское, ручка полая, с круглым отверстием для стержня. Слив слабо выражен. Изготовлены из керамики. Одна из льячек имеет прямоугольное отверстие в ручке (Ил. 7.2, М-13351/237).

В льячках плавил легкоплавкие сплавы (олово, свинец), например, для отливки оловянного бисера. Обычно располагаются в инвентаре женских погребений. Имеют широкий круг аналогий в финно-угорских и древнерусских материалах. Ближайшие аналогии в Безводнинском могильнике, в мордовских могильниках Притешья, мерянских памятниках. Датируются VI-XI вв.²⁶

Пряслице усеченно-биконической формы (Ил. 8.1, М-13351/131). Материал — шифер (пиррофиллит) серого цвета. Размер 2,3х1 см. Появляются у муромы со 2-й половины X в. во время славянской колонизации муромских земель²⁷.

Предметы быта (Ил. 8.2-12.1)

Представлены керамическими сосудами и косяным гребнем.

Семнадцать целых и восемь фрагментов керамических сосудов различных форм (М-13351/83; /109-126; /186-188; /190; /213; /235). Поверхность сосудов шероховатая, заглаженная или лощеная. Все сосуды лепные. По форме выделяются несколько типов (Ил. 8.2-11):

— сосуды типа горшка с туловом усеченно-сфероконической формы с округлым выпуклым плечиком, резко переходящим в блоковидное горло (Ил. 8.2, М-13351/83; Ил. 8.5, М-13351/114).

Поверхность светло-коричневого цвета, шероховатая, с выступающими примесями шамота или заглаженная, обжиг равномерный;

— сосуды типа мисок с туловом усеченно-сфероконической формы с выпуклым округлым плечиком, резко переходящим в блоковидное горло (Ил. 8.3, М-13351/109; Ил. 8.4, М-13351/111; Ил. 9.2, М-13351/117; Ил. 9.3, М-13351/120; Ил. 10.1, М-13351/121; Ил. 11.1, М-13351/124). Поверхность мисок лощеная, цвет серый, коричневый или смешанный (при неравномерном обжиге);

— сосуд типа бокала неглубокий средних пропорций усеченно-конической формы (Ил. 11.2, М-13351/126). Поверхность бугристая серо-коричневого цвета, обжиг неравномерный;

— сосуд типа горшка с туловом усеченно-сфероконической формы со слабовыпуклым плечиком, плавно переходящим в блоковидное горло (Ил. 11.4, М-13351/235). Поверхность заглаженная, серо-коричневого цвета, обжиг неравномерный.

При описании сосудов использованы материалы монографии В. В. Гришакова²⁸.

Гребень зооморфный костяной цельный односторонний с изображением на спинке (Ил. 12.1, М-13351/251). Имеет две трапециевидные привески, продетые через проволочные кольца в полтора оборота по бокам гребня, а также цепочку из проволочных овальных колец разного диаметра из 16-ти звеньев, крепившуюся в верхней части гребня. Изготовлен из плоской роговой пластины. Верхний конец пластины (ручка) орнаментирована, имеет отверстие для подвешивания, в которое продета цепочка. Форма гребня трапециевидная, вытянута по вертикали. Рукоять выполнена в виде двух обращенных в противоположные стороны (расходящихся) головок коней, шеи коней сращены. Мотив конских головок сильно стилизован и выражен лишь в плавной линии верхней части, головы коней не проработаны. В основании морд коньков отверстия, в них продеты трапециевидные привески.

Боковые и центральное отверстия круглые небольшие. Вдоль шеи коньков нанесена плавная линия из точек. Основу орнаментальных композиций составляют два горизонтальных пояска в виде заштрихованных треугольников (решетка), между которыми чередуются три заштрихованных линии. Привески и цепочка изготовлены из цветного металла. Размер 5,6х2,5 см. Гребень ранее был опубликован Л. А. Голубевой в виде рисунка без изображения цепочки²⁹.

Относится к распространенному типу А1.2.4.3а по классификации Н. Б. Крыласовой³⁰. Вариант 3 по классификации Л. А. Голубевой. Аналогии: городище Иднакар, Варнинский могильник, Старая Ладога, могильник «Красная горка», погр. 43, 145 Подболотьевского могильника. Датируется VIII-X вв.

Другие предметы (Ил. 12.2-12.3)

Подвеска кольцевидная литая ложновитая с 7-ю привесками — щелепрорезными бубенчиками, имеющими рубчатые ушки (Ил. 12.2, М-13351/52). Цветной металл. Размер 4х3 см. Предназначение неясно. Датируется по аналогиям IX-XI вв.

Колокольчик (ботало?) усеченно-конической формы с ушком и литым язычком (Ил. 12.3, М-13351/250). Цветной металл. Размер 4,5х3,2 см. Аналогий не встречено. Ботала изготавливались муромой из черного металла с медной напайкой, обычно имели цилиндрическую форму. Возможно, данный колокольчик не относится к инвентарю могильника.

В завершение описания вещей следует сказать, что в Муромском музее в отдельной коллекции драгметаллов (М-8412) хранятся монеты — серебряные куфические дирхемы, также найденные в 1910 г. на Подболотьевском могильнике: два целых с отверстием, один целый без отверстия, два фрагментированных и один резаный. Описание этих монет представлено в монографии В. В. Бейлекчи³¹.

¹ Бейлекчи Вал. В. Шумящие украшения, украшения рук и поясная гарнитура коллекции грабительских раскопок 1910 г. Подболотьевского могильника муромы // Уваровские чтения — IX. — Владимир, 2014. — С. 218-238.

² Бейлекчи Вал. В. «Мужской» инвентарь в коллекции из грабительских раскопок 1910 г. на Подболотьевском могильнике муромы // Археология Владимирско-Суздальской

земли: Материалы научного семинара. — М., 2015. — Вып. 5. — С. 222-235.

³ Краснов Ю. А. Безводнинский могильник. (К истории Горьковского Поволжья в эпоху раннего средневековья). — М., 1980. — С. 41, рис. 21,1-3.

⁴ Гришаков В. В., Зеленева Ю. А. Муромы VII-XI вв. — Йошкар-Ола, 1990. — С. 23-24, 28.

⁵ Там же. — С. 24, 28.

⁶ Тухтина Н. В. Женский головной убор (по материалам Подболотьевского могильника // Археологический сборник. Погребальный обряд. Тр. ГИМ. — М., 1997. — Вып. 93. — С. 115.

⁷ Гришаков В. В., Зеленева Ю. А. Указ. соч. — С. 24, 28.

⁸ Розенфельдт И. Г. Древности западной части Волго-Окского междуречья в VI-IX вв. — М., 1982. — С. 15.

⁹ Вихляев В. И. Хронология могильников населения I-XIV вв. западной части Среднего Поволжья. — Саранск, 2008. — С. 14, рис. 7, 1-3.

¹⁰ Бейлекчи В. В. Древности летописной муромы. — Муром, 2005. — С. 47.

¹¹ Генинг В. Ф., Халиков А. Х. Ранние болгары на Волге. — М., 1964. — С. 57. — Табл. XIV, 18.

¹² Розенфельдт И. Г. Указ. соч. — С. 29, рис. 6.

¹³ Бейлекчи В. В. Указ. соч. — С. 48.

¹⁴ Вихляев В. И. Указ. соч. — С. 18, рис. 17, 3.

¹⁵ Бейлекчи В. В. Указ. соч. — С. 43.

¹⁶ Гришаков В. В., Зеленева Ю. А. Указ. соч. — С. 29.

¹⁷ Розенфельдт И. Г. Указ. соч. — С. 95-96, рис. 21, 10-13.

¹⁸ Мартыянов В. Н. Арзамасская мордва в I — начале II тысячелетия. — Арзамас, 2001. — С. 265.

¹⁹ Захаров С. Д. Древнерусский город Белоозеро. — М., 2004. — С. 40, 45.

²⁰ Там же. — Рис. 313.

²¹ Там же. — Рис. 274, 316.

²² Вихляев В. И. Указ. соч. — С. 57-58, рис. 80, 5.

²³ Голубева Л. А. Зооморфные украшения финно-угров // САИ. Вып. Е1-59. — М., 1979. — Табл. 23, 4.

²⁴ Бейлекчи Вал. В. Шумящие украшения... — С. 224, ил. 6, 1.

²⁵ Бейлекчи В. В. Указ. соч. — С. 40.

²⁶ Там же. — С. 26.

²⁷ Там же. — С. 31; Гришаков В. В., Зеленева Ю. А. Указ. соч. — С. 45.

²⁸ Гришаков В. В. Керамика финно-угорских племен правобережья Волги в эпоху раннего средневековья. — Йошкар-Ола, 1993.

²⁹ Голубева Л. А. Указ. соч. — С. 59, рис. 25, 9.

³⁰ Крыласова Н. Б. Археология повседневности. — Пермь, 2007. — С. 256.

³¹ Бейлекчи В. В. Указ. соч. — С. 62-64.

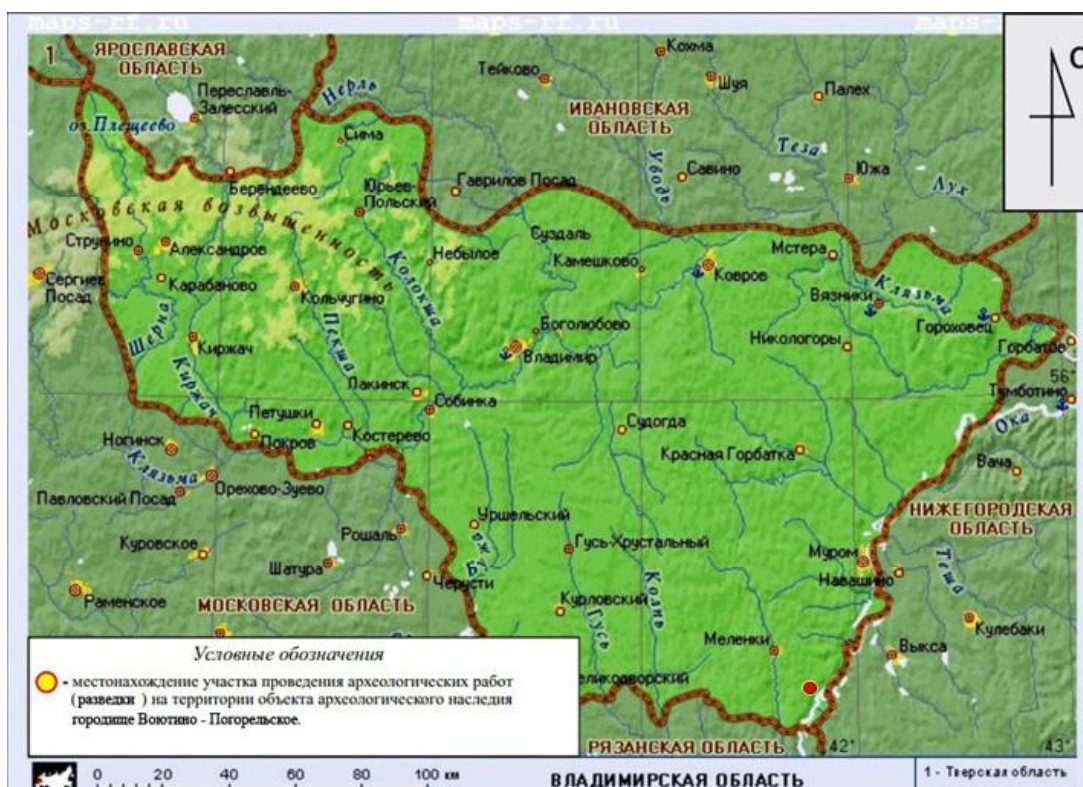
ИССЛЕДОВАНИЯ НА ГОРОДИЩЕ ВОЮТИНО В 2014-2016 ГОДАХ

Городище Воютино расположено в Меленковском районе Владимирской области, у с. Воютино, юго-восточная окраина, левый берег р. Оки. Расположено на левом, высоком берегу. Расстояние от современного русла реки — 612 м. Городище расположено на третьей надпойменной террасе, являющейся, по сути, древним берегом Оки, образованным в период Валдайского оледенения. Внизу террасы расположена старица реки. Судя по картам XIX в., 160 лет назад река находилась ближе к селу. Существующий здесь затон около 160-ти лет назад служил коренным руслом реки (Ил. 1).

Впервые городище Воютино было обследовано действительным членом Владимирского статистического комитета Н. Г. Добрынкиным, о чем он писал на страницах неофициальной части «Владимирских Губернских Ведомостей» от 6-го апреля 1868 года: «В 15 верстах от г. Меленок, при селе Воютине, расположенном на возвышенной

левой стороне (по течению) реки Оки, позади крестьянских усадеб, по направлению к реке Оке, тянется до 150 сажен в длину, продолговато остроугольный мыс земли, известный у местных жителей под названием городок»¹.

В 1901 году городище обследовал И. Л. Щеглов. Он отмечал, что «в селе Воютине, расположенном на высоком левом берегу р. Оки, мною было осмотрено так называемое „Городище“... никаких остатков в валу не было найдено; что касается самой площадки, где можно было бы встретить, если только это действительно городище, так называемые „культурные ямы“, — то ни раскопок, ни тщательного ее исследования не было произведено, а потому ни о времени сооружения вала, ни о назначении самого городища — судить невозможно»². Позднее, в 1947 году, городище близ села Воютино было посещено директором Муромского музея И. П. Богатовым во время «археологической экскурсии» со школьниками

Ил. 1. Владимирская область, с. Воютино. Карта-схема с указанием участка проведения исследовательских работ

из города Муром³. В 1970 году городище осматривала Н. В. Тухтина⁴. Владимирский археолог В. П. Глазов в 1976 году обследовал вал городища, заложил два разведывательных шурфа, позволивших выяснить мощность культурных напластований, определить стратиграфию памятника и собрать керамический материал, который дал возможность отнести памятник к городищной культуре⁵. В 1991 году в ходе составления археологической карты Владимирской области городище было повторно обследовано А. Е. Лентьевым, проведен визуальный осмотр городища, проверено его состояние и произведен сбор подъемного материала⁶.

Столь пристальный интерес исследователей вызван и достаточно крупными размерами городища (площадка занимает по осям ЗВ — 34 м, СЮ — 26 м), и необычной системой укрепления: два рва и два вала, опоясывающих площадку. Длина наружного вала — 20,5 м, внутреннего — 20 м. Ширина в основании наружного вала — 6 м, внутреннего — 6,5 м. Глубина рва между валами — 1,2 м. Далее ров переходит в овраги. Ширина рва — 2,6 м (Ил. 2).

В ходе полевых работ 2014-2015 годов был собран керамический материал, который представлен фрагментами керамики как с «рогожным» (32), так и с «сетчатым» орнаментом (4). Помимо прочего, были найдены ножевидная кремневая пластина и кремневый отщеп⁷.

В 2016 году нами было произведено повторное обследование городища Воютино. Был вскрыт участок культурного слоя в виде шурфа размерами 2х2 метра, непосредственно примыкавшего к шурфу В. П. Глазова 1976 года. Локализация шурфов В. П. Глазова оказалась возможной благодаря составлению полного топографического

Ил. 2. Городище Воютино. Общий вид с севера

плана городища. В период этих работ мы обратили внимание, что две ямы подпрямоугольной формы ориентированы по сторонам света. Их примерные размеры также подпадали под размеры рекогносцировочных шурфов. В шурфе 2016 года было обнаружено 55 фрагментов керамики с текстильным, сетчатым и нитчатым орнаментом. На материке, состоящем из рыжеватого суглинка с включениями линз белого речного песка, на глубине 45-48 см исследование было прекращено. В ЮВ части шурфа на глубине 30 см от поверхности материка и на 60 см от дневной поверхности был совершен контрольный прокоп материка, показавший отсутствие культурных напластований.

Стратиграфия участка выглядит следующим образом.

Северная стенка: под листовым опадом мощностью 2-5 см до глубины 35 см прослежена серая гумусированная супесь с незначительными вкраплениями речного песка, с глубины 35-38 см слой контакта, на глубине 38 см прослежен материк — рыжеватый суглинок с вкраплениями линз белого речного песка.

Восточная стенка: под листовым опадом мощностью 2-5 см в СВ части восточной стенки на глубине 10-18 см прослежен слой однородной серой гумусированной супеси без визуально определяемых примесей, этот же слой прослеживается в ЮВ части стенки, но на глубине около 10 см; основная часть стенки представлена светло-песчаной супесью без визуально определяемых примесей глубиной 38-42 см, достигающей до материка. Материк — рыжеватый суглинок с читаемыми пятнами белого речного песка, также прослеженными в ЮВ части восточной стенки в виде небольших линз мощностью 2 и 4 см, отстоящих друг от друга на 20 см.

Западная стенка: под листовым опадом мощностью 2-10 см (за счет неровностей рельефа ЮЗ угол выше нулевой поверхности на +10 см) слой светло-серой гумусированной супеси без визуально определяемых примесей мощностью 18-20 см, ближе к СЗ углу западной стенки переходящий в слой темно-серой супеси с вкраплениями белого речного песка, мощностью 18-22 см. В ЮЗ части западной стенки прослеживается слой светло-серой супеси с большим количеством корней и вкраплениями темных гумусированных

точек мощностью до 20 см. Материк — рыжеватый суглинок с читаемыми пятнами белого речного песка.

Южная стенка: под листовым опадом мощностью 1-3 см слой светло-серой гумусированной супеси без визуально определяемых примесей мощностью 18-20 см, под ним слой рыжеватой-светлой супеси, содержащий, по всей видимости, примеси материковой глины мощностью 10-20 см. Материк — рыжеватый суглинок с читаемыми пятнами белого речного песка.

Вторым этапом работ был визуальный осмотр повреждений (естественных и антропогенных) культурного слоя городища, зафиксированных нами в ходе исследований 2014 года. Обнаруженные нами тогда ямы имеют следующее современное состояние (нумерация ям повторяет нумерацию 2014 года).

Нарушения на площадке городища.

Кротовина. Зафиксированная по центру подножья внутреннего вала со стороны площадки городища в 2014 году — не прослеживается.

Яма 1. Расположена у южного склона городища. Размеры 1x0,9 м. Глубина 0,3 м. Сильно задернована.

Яма 2. Расположена у южного склона городища. Уточненные размеры 1,6x2 м. Яма округло-подпрямоугольной формы. Определена как шурф В. П. Глазова.

Яма 3. Находится у СЗ склона городища. Размеры 1,7x1,6 м. Подпрямоугольной формы. Определена в ходе исследований 2016 года как шурф В. П. Глазова.

Нарушения на валах городища.

Внутренний вал.

Яма 1. Сильно задернована, поросла молодыми деревьями.

Яма 2. Площадка внутреннего вала 0,9x1 м и глубиной 0,1 м сильно задернована.

Внешний вал.

Яма 1. Размер 3x3 м и глубиной 1,3 м. Яма задернована и, по всей видимости, нарушение культурного слоя произошло достаточно давно (проросло деревце).

Яма 2. Площадка внешнего вала. 2x3 м глубиной 35 см. Сильно задернована.

Тщательный осмотр рва, валов городища, склонов и площадки самого памятника не выявил

свежих антропогенных или природных нарушений, поэтому никаких зачисток культурного слоя произведено не было.

Третьим этапом исследования стал сбор подъемного материала из ручья, протекающего у подножья городища. В 2014 году было установлено, что большая часть культурного слоя сползла и была размыта во время схода снега и иных природных процессов.

Сбор подъемного материала позволил увеличить коллекцию еще на 74 фрагмента, из которых 48 стенок с «рогожным» орнаментом, 2 венчика с «рогожным» орнаментом, 4 донца с «рогожным» орнаментом, 5 фрагментов керамики с «сетчатым» орнаментом и 15 — гладкостенных (Ил. 3). Как и в работах 2014 года, большая часть подъемного материала была обнаружена на северном склоне городища, частично сползающем в протекающий у подножья ручей.

Полное просеивание культурного слоя помогло собрать даже малоинформативные фрагменты керамики, размерами не более 1x0,5 см.

Распределение керамики по пластам выглядит следующим образом:

Таблица 1

Керамика		«рогож- ная»	«сет- чатая»	гладко- стенная
Пласт 1	Венчик	1		
	Стенка	21	1	2
	Донце	3		
Пласт 2	Венчик			
	Стенка	25		1
	Донце			
Подъемный материал	Венчик	2		
	Стенка	48 ⁸	5	15
	Донце	4		
Иное	Венчик			
	Стенка			1 ⁹
	Донце			

Анализируя полученные материалы, мы можем отметить, что «рогожная» керамика преобладает над всеми остальными типами керамики. «Сетчатая» керамика представлена 6-ю экземплярами, гладкостенная 3-мя. Причем, попадание 1-го фрагмента гладкостенной керамики в пласт 2 скорее можно объяснить некими внешними процессами (растаскивание корнями культурного слоя,

Ил. 3. Воютино 2016. Керамика. Подъемный материал. 1 – фрагмент венчика с „рогожным” орнаментом; 2 – фрагмент гладкостенного венчика; 3-6 – фрагменты стенок сосудов с „рогожным” орнаментом

деятельность норных животных), нежели тем фактом, что на городище она появляется достаточно рано. Появление гладкостенной керамики для городищ городецкой культуры все же характерно для первых веков нашей эры, что отвечает более позднему материалу, происходящему из пласта 1.

Отдельно хочется коснуться способов орнаментации керамики. Техника нанесения орнаментов и орнаментальных композиций, которые встречены на керамике городища Воютино,

крайне разнообразна. Мы использовали наработки О. А. Лопатиной, которая выяснила, что при изготовлении керамики жители городищ «дьякова типа» широко применяли прием прокатывания специальными приспособлениями по поверхности сосудов¹⁰.

Прежде, чем перейти к описанию эксперимента, необходимо отметить, что образцы керамики, изготовленные нами, не были обожжены в силу того, что в тесто не был добавлен отощи-

тель. К тому же при сравнении изготовленной нами керамики с керамикой Воютино стоит учесть, что последняя со временем обкаталась, орнамент затерся и утратил свой первоначальный облик.

Гладкостенная керамика являлась наиболее простой в изготовлении — она не требовала какой-то дополнительной обработки после создания формы. Поверхность сосуда просто заглаживали непосредственно после этапа формовки. Характер гладкости (более гладкая или более шероховатая на ощупь поверхность) зависели от примесей в тесте. Иногда на гладкостенной керамике можно наблюдать следы заглаживания поверхности или отпечатки пальцев¹².

«Мелкорябчатая» и «крупнорябчатая» керамика являются одними из самых загадочных типов орнамента в исследованиях дьяковской и городецкой культур. Долгое время исследователи керамического материала этих культур не могли выяснить, каким именно предметом и с помощью какой точно технологической операции наносился данный тип орнамента. Высказывались различные точки зрения. Недавно О. А. Лопатина выяснила, что «мелкорябчатый» и «крупнорябчатый» орнамент мог наноситься благодаря прокатыванию еловой шишки по поверхности лепного сосуда¹². Причем, данная операция проводилась как шишкой с нетронутыми чешуйками, так и полностью или частично очищенной от чешуек. Вероятно, такая же технологическая операция проводилась и мастерами-изготовителями керамики на городище Воютино. Для подтверждения данной гипотезы мы постарались как можно более точно воспроизвести процесс изготовления керамики с «мелкорябчатой» и «крупнорябчатой» орнаментальными композиций. В итоге у нас получились образцы с орнаментацией из чешуек крупных и редких, а также образцы из чешуек мелких и частых.

«Нитчатый» орнамент представляет собой результат прокатывания палочки, обмотанной веревочкой или ниточкой. На керамике видны оттиски нитей из перекрученных волокон. Толщина могла варьироваться (1-2 мм). Нити могли располагаться вплотную друг к другу, а также хаотично. Мы постарались воссоздать процесс нанесения подобного типа орнамента. У нас получились образцы с тонкой ниточкой. Но, так как мы проводили эту операцию впервые, то орнамент

получился очень небрежным (нить расплелась, орнамент слегка «съехал»).

«Рогожный» орнамент характерен для городищ Поочья. Не является исключением и керамика Воютинского городища — здесь также встречены фрагменты с «рогожным» орнаментом. Сам орнамент представляет собой результат оттиска и прокатывания специальными штампами. Следы оттиска ровные и одинаковые по размеру, на фрагментах керамики расположены на одинаковом расстоянии друг от друга. Иногда, правда (в зависимости от формы сосуда), следы могли быть неровными, штамп мог прокатываться по одному и тому же участку несколько раз. Штампы, в основном, были деревянными и костяными. Мы также постарались воспроизвести «рогожный» орнамент. Для этого изготовили штамп из деревянной палочки, вырезав на ней сам штамп в форме квадратов 2x2 мм. Расстояние между квадратами 3-4 мм. Далее мы прокатывали этим инструментом по образцам сырой глины. Стоит добавить, что свой первоначальный вид «рогожка» могла потерять со временем из-за затирания и обкатывания.

Этническая и культурная принадлежность памятника

Еще в 2014 году нами на основании анализа материала отчетов о раскопках и разведках В. П. Глазова и А. Е. Леонтьева было сделано предположение об особом характере материальной культуры данного городища и высказана мысль о том, что дальнейшие полевые исследования смогут подтвердить или опровергнуть мысль о «пограничном» характере городища на пересечении двух археологических культур финно-угорского мира: дьяковской и городецкой¹³. Новые данные, полученные, в том числе, и по материалам раскопок других памятников, заставили нас внести некоторые коррективы в данное предположение.

Городище Воютино, как нам кажется, наряду с городищами Архангел, Окшовский городок и Дмитриевы горы, остается одним из самых перспективных для изучения этнических и социальных процессов, происходящих на территории Нижнего Поочья в раннем железном веке.

Стоит отметить, что ситуация с областями распространения дьяковской и городецкой культур на территории Владимирской области не явля-

ется столь прозрачной, как традиционно считалось ранее. Обращение к архивным материалам и новейшие полевые исследования показывают, что, как минимум, существовала весьма обширная контактная зона между этими культурами.

Исследователи также отмечают, что выявление границ культур по археологическому контексту — весьма сложная задача. Последователи американской исторической школы этнологии К. Уисслер и А. Кребер разработали и ввели понятие «культурный ареал» как четко определенную географическую территорию, выделяющуюся сходством значительного числа культурных черт. Внутри ареала Кребер выделяет «культурный центр» — зону наибольшей концентрации культурных черт — и «маргинальную область», где встречаются и смешиваются черты соседних ареалов. По всей вероятности, Владимирская область в раннем железном веке как раз и является такой «маргинальной областью», на территории которой пересеклись племена городищевой и дьяковской, а, возможно, и иных археологических культур¹⁴.

Новейшие полевые исследования, проведенные Н. А. Кренке на городище близ с. Васильково на реке Нерль в Суздальском Ополе, позволяют нам осторожно предположить существование особой, владимирской, группы городищ раннего железного века.

Городище у с. Васильково расположено в Суздальском районе Владимирской области на правом берегу реки Нерль. Впервые было изучено А. С. Уваровым в 1851 году. В 2013-2014 гг. к исследованию городища обратился отряд Суздальской экспедиции под руководством Н. А. Кренке. В ходе обращения к материалу можно отметить такие вещевые находки, как синяя глазчатая бузина скифского времени (V-III вв. до н. э.), глиняные пряслица в виде цилиндров, текстильная и рогожная керамика. Авторы работ отмечают нехарактерность текстильной керамики дьяковской культуры, а также совершенное отсутствие грузиков дьякова типа. Н. А. Кренке делает предположение о том, что «нет оснований связывать горизонт раннего железного века на городище Васильково с дьяковской культурой. Этот комплекс стоит между дьяковской и городищевой культурами, скорее, ближе к последней. Вероятно,

в ходе дальнейших работ можно будет выделить в особую культурную группу городища раннего железного века Владимирской области с аналогичным керамическим и вещевым комплексом»¹⁵.

Резюмируя, можно отметить, что, скорее всего, найти «классические» городища дьяковской и городищевой культур на территории Владимирской области маловероятно, и, по всей видимости, эта территория действительно стала контактной, или, словами К. Уисслера и А. Кребера, «маргинальной» областью финно-угорских культур раннего железного века. Выяснить характерные особенности материальной культуры данной группы памятников помогут дальнейшие полевые и архивные изыскания.

Что касается городища Воютино, то можно отметить следующее: полевые археологические исследования на памятнике «Городище раннего железного века Воютино-Погорельское» позволили уточнить современное состояние памятника. Состояние городища следует признать удовлетворительным. По сравнению с положением 70-х годов, городище уже не разрушается добытчиками песка, сильно задерновано, поросло молодым подлеском в некоторых местах.

Исследования 2016 года помогли уточнить стратиграфию памятника. Стоит признать, что городище, по всей видимости, однослойное. Говорить о «богатстве/бедности» культурного слоя на материалах, столь ограниченных по масштабам исследований, не представляется возможным, однако стоит отметить, что керамический материал представляет определенный интерес для исследования этнической ситуации в нижнеокском регионе в пределах Владимирской области.

Перспективы исследования видятся, прежде всего, в использовании неразрушающих методов для исследования памятника, в нашем случае, — это электроразведка по принципу магнитометрии, что позволит определить расположение аномалий на памятнике и, возможно, понять его пространственную структуру.

Вторым направлением нам видится закладывание шурфов в уже имеющихся нарушениях культурного слоя и на склонах городища с полным просеиванием культурного слоя, как и в работах 2016 года.

- ¹ Добрынкин Н. Г. Указания о некоторых местностях с народными о них представлениями в Меленковском уезде (археологическая заметка) // Владимирские губернские ведомости. Часть неофициальная. — 1868. — 6 апр. — С. 1-2.
- ² Щеглов И. Л. Следы доисторического человека в Меленковском уезде Владимирской губернии // Труды ВУАК. — Владимир, 1901. — Кн. 3. — С. 24.
- ³ Стоит отметить, что в статье 2016 года (Галкин Т. О. К исследованию памятников городецкой культуры в нижнем течении р. Ока (Владимирская область) // Тезисы международной научной конференции молодых ученых «Актуальная археология 3. Новые интерпретации археологических данных». — СПб., 2016. — С. 205) мною ошибочно было указано, что И. П. Богатов является первооткрывателем городища, однако работа в государственном архиве Владимирской области показала, что городище было известно еще Н. Г. Добрынкину в 1868 году.
- ⁴ Тухтина Н. В. Отчет о работе Владимирской экспедиции ГИМ в 1970 году // Архив ИА РАН Р-1. — № 4359.
- ⁵ Глазов В. П. Археологическое обследование Меленковского и Муромского районов в 1976 году // Архив ИА РАН Р-1. — № 9673.
- ⁶ Леонтьев А. Е. Отчет о разведках во Владимирской области в 1991 году. — М., 1992 // Архив ИА РАН Р-1. — № 14624.
- ⁷ Галкин Т. О. Отчет об археологической разведке на территории памятника «Городище Воютино — Погорельское» в с. Воютино Меленковского района Владимирской области в 2014 году. — Владимир, 2015 // Архив ИА РАН Р-1. — № 44518.
- ⁸ Четыре стенки с прямоугольными вдавлениями, оставленными палочным штампом.
- ⁹ Зачистка северного профиля шурфа.
- ¹⁰ Лопатина О. А. Текстильные отпечатки на керамике как результат приема прокатывания по данным археологии и этнографии // Оки связующая нить: археология Среднего Поочья: — Коломна, 2015. — С. 32-43.
- ¹¹ Коваль В. Ю. Первичная статистическая фиксация массового керамического материала на памятниках эпохи Средневековья (X-XVII вв.) и раннего железного века лесной полосы Восточной Европы. Методические рекомендации // Археология Подмосковья: Материалы научного семинара. — М., 2014. — Вып. 10. — С. 489-571.
- ¹² Лопатина О. А. О происхождении одного вида отпечатков на поверхности «текстильной» керамики // КСИА. — М., 2015. — Вып. 240. — С. 163-171.
- ¹³ Галкин Т. О. Нижнее Поочье: контактная зона городецкой и дьяковской культур? (К постановке проблемы) // IX международная археологическая конференция студентов и аспирантов «Проблемы археологии восточной Европы» (материалы конференции). — Ростов-на-Дону, 2014. — С. 200-202.
- ¹⁴ Успенский П. С., Чаукин С. Н. Ареал городищ дьякова типа // КСИА. — М., 2016. — Вып. 242. — С. 71-80.
- ¹⁵ Кренке Н. А., Ершов И. Н. Городище Васильково на реке Нерль // Российская археология. — 2016. — № 1. — С. 37-50.

В. Е. Ершов (Муром)

ТЕРРИТОРИЯ И ХАРАКТЕРИСТИКА ЗЕМЛЕВЛАДЕНИЯ КУЗЕМСКОГО СТАНА МУРОМСКОГО УЕЗДА ПО СОСТОЯНИЮ НА ПЕРВУЮ ТРЕТЬ XVII ВЕКА

Частью моей работы по изучению Муромского уезда в первой половине XVII столетия является характеристика и составление карты Куземского стана по состоянию на первую треть XVII века. В качестве источников были использованы следующие рукописи:

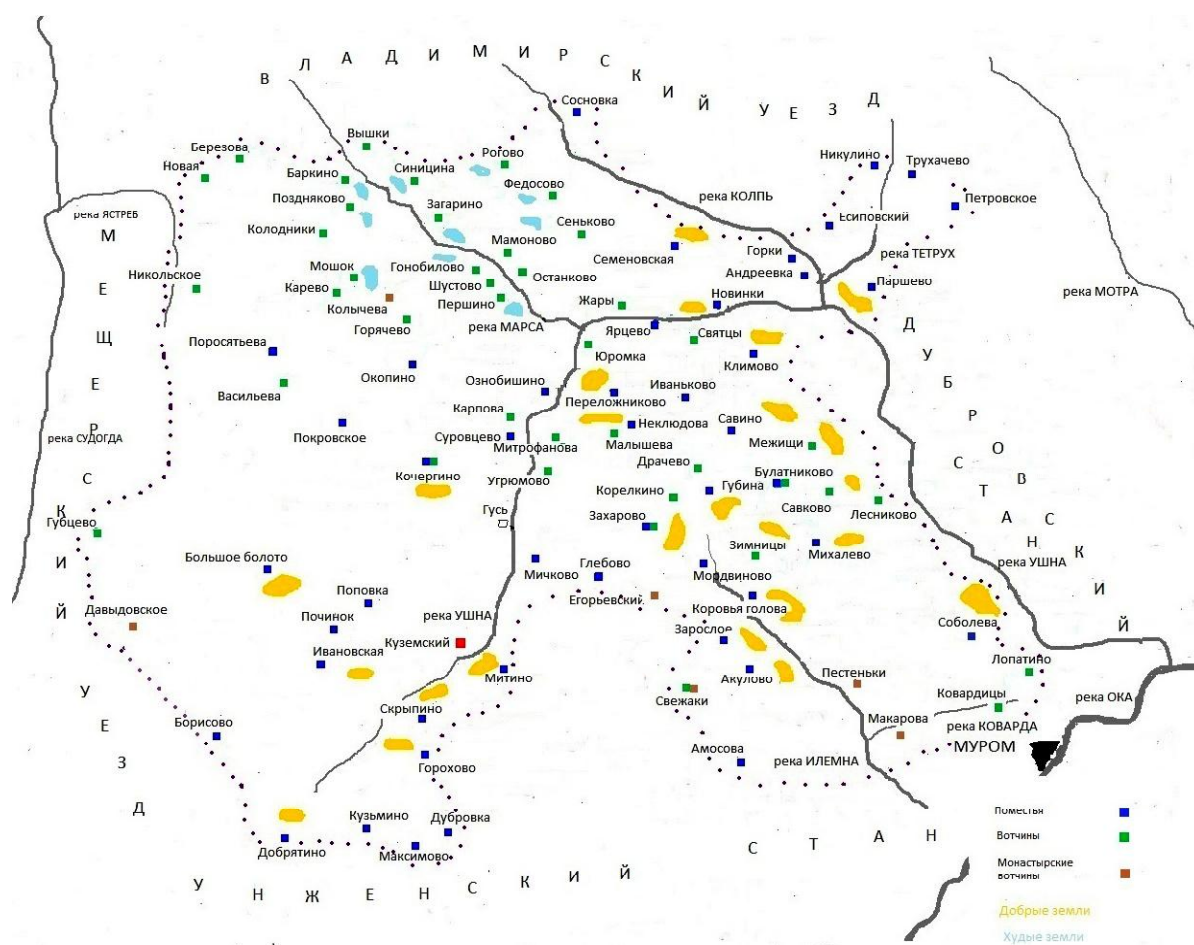
- подлинная писцовая книга поместных и вотчинных земель в станах Муромского уезда 1629, 1630 годов, составленная Яковом Котловским и подьячим Романом Прокофьевым;
- список с переписной книги дворов и в них людей города и посада, поместных и вотчинных сел, деревень и дворов в станах Муромского уез-

да 1646 года, составленный Яковом Петровичем Вельяминовым и подьячим Федором Андреевым;

- книга Муромского уезда письма и метра Якова Петровича Вельяминова да подьячего Федора Андреева Троицы Живоначальной Сергиева монастыря землям которые земли села и деревни писаны в прежних дозорных книгах... 1594 г.;

— дозорная книга вотчины Троице-Сергиева монастыря в станах уезда 1616 года, составленная Айдаром Степановичем Дурасовым и подьячим Михаилом Толпыгиным;

- отказные и межевые... книги по Муромскому уезду 1629-1650 годов;

Ил. 1. Территория Куземского стана Муромского уезда по состоянию на первую треть XVII века

– частные и правовые грамоты первой половины XVII века;

– описание, в виде атласа, смежных уездов Владимирской губернии 1778-97 годов;

– карты Владимирской губернии и карты Владимирской области.

При составлении атласа-схемы стана возникли трудности, с которыми я уже сталкивался ранее при определении территорий других станов, а именно:

– не удалось установить местонахождение более одной третьей части поселений, упоминаемых в источниках;

– есть предположение, что некоторые поселения на момент описи располагались в местах, отличительных от занимаемых современными одноименными поселениями;

– отсутствие сведений о государевых дворцовых землях, находящихся в пределах территории данного стана.

Территория Куземского стана

Свое название Куземский стан как часть территории Муромского уезда получил по названию погоста Куземский (Ивана Предтечи), расположенного на реке Ушне. Основываясь на данных, полученных из подлинной писцовой книги поместных и вотчинных земель в станах Муромского уезда 1628-1630 годов, описания в виде атласа, смежных уездов Владимирской губернии 1778-1797 годов и некоторых частных грамот, я составил карту данного стана по состоянию на первую треть XVII века.

Согласно ей, стан располагался северо-западнее Мурома. На востоке его граница в основном проходила по правому берегу реки Ушны, за исключением малой ее части, находящейся на левобережье реки Тетрух. Северной границей стана можно принять линию, образованную поселениями Новая, Березова, Вышки, Рогово, Сосновка, Никулино, Медведково. Его западной границей также являлась линия, соединяющая поселения Добрятино, Борисово, Давыдовское, Губцево, Никольское, Новая. Намного сложнее выглядит южная граница стана. Здесь она представляет собой ломаную линию, проходящую через поселения Максимово, Дубровка, Горохово, Митино, Глебово, Зарослово, Свежаки, Амосово.

Южнее Куземского стана находился Унженский стан Муромского уезда. На юго-востоке и востоке от стана располагался Дубровский стан того же уезда. Владимирский уезд являлся северным, а Мещерский уезд западными соседями этого стана. На атласе – карте межевания конца XVIII века – южная и западная территории Куземского стана уже является частью Меленковского уезда Владимирской губернии, а его северная территория вошла в состав Судогодского уезда той же губернии. Очевидно, эти земли отошли от Муромского уезда еще в начале XVIII века в ходе областной реформы, проводимой в России царем Петром Алексеевичем.

История вотчинного землевладения Куземского стана и его характеристика

Впервые Куземский стан Муромского уезда упоминается в «Указной грамоте об отдаче Владимирскому Рождественскому монастырю осадного двора», составленной в 1542 году¹. В этой грамоте говорится о «сельце Пестенькино в Муромском уезде в Куземском стану», данном в вотчину Владимирскому Рождественскому монастырю Виняном Ивановым сыном Басаргина. Кроме этого землевладения, в XVI веке здесь была вотчина Ивана, Саула и Никиты Савиных детей Старосельского, которую в середине того же века они продали Федору Матвееву сыну Елизарова². В конце XVI века на территории стана между речками Судогда и Марса находилась обширная вотчина князя Ивана Михайловича Воротынского³. По соседству с ней ближе к устью реки располагались вотчинные земли княжны Ульяны дочери Петра Андреевича Холмского⁴. У реки Ушна находилась вотчина Юрия Васильева сына Осорьина⁵. Достаточно крупная вотчина рода Макаровых располагалась по обоим берегам реки Коварда⁶. Матвей Унковский имел вотчинное землевладение у истока реки Ушны⁷, а род Мещериновых по реке Картоне⁸. В 1578 году часть этой вотчины Данило Васильев сын Мещеринова заложил Марии Денисьевой дочери Андреевой жены Борисова сына Оленина⁹.

В начале XVII века значительная часть вотчинных земель была унаследована потомками. Например, крупную вотчину князя Ивана Михайловича Воротынского после его смерти получил его сын стольник князь Алексей Иванович

Воротынский. Михаилу и Осипову Григорьевым детьми Елизарова досталась вотчина их деда Федора Матвеева сына Елизарова¹⁰. Также родовые вотчины перешли Дружине, Ивану и Дмитрию Юрьевым детям Осорьина; Федору, Степану и увечному Силе Яковлевым детям Макарова; Ивану Маркову сыну Макарова, Ивану и неслужилому Игнату Васильевым детям Макарова, недорослю Тимофею Матвееву сыну Унковского, Никите Данилову сыну Мещеринова, Никите и Данилу Ивановым детям Мещаринова¹¹.

Всего на конец описи земель Куземского стана в 1630 году в старинных вотчинах было 3 села, 2 приселка, монастырь, 2 погоста, 76 деревень с полудеревней, 2/3 деревни, 5 починков и 210 пустошей с полупустошью¹². Во всех селах, погостах, деревнях и починках стояли 18 дворов вотчинников, 5 дворов приказчиков, 3 двора скотных, 65 дворов людских, 254 крестьянских, 193 бобыльских, 38 дворов пустых и 362 дворовых места¹³.

Судьбы других вотчинных землевладений стана в период конца XVI — начала XVII веков сложились по-разному. Часть из них была продана прежними землевладельцами. В результате купли новыми вотчинниками в стане стали стольник Петр Данилов сын Протасьева, Григорий Андреев сын Плещеева и его сын стольник Иван, Степан Осипов сын Караулова, Иван Астафьев сын Макарова; Клим и Никита Макаровы дети, а также Герасим Безсонов сын Ананьина Ковардицкого¹⁴. В купленных вотчинах в 1630 году находились село, полусельца, 3 деревни, 2/3 деревни, в двух деревнях по 1/3, починок, 5 пустошей, в двух пустошах по 1/3. В селе и деревнях стояли 7 дворов вотчинников, двор приказчика, 9 дворов задворных людей, 20 крестьянских, 15 бобыльских, 16 пустых дворов и 4 места дворовых.

В начале XVII века село Драчево, ранее принадлежавшее боярину князю Федору Ивановичу Мстиславскому, было пожаловано стольнику Василию Ивановичу Нагому¹⁵. А Осип Савостьянов сын Кровкова заложил свою деревню и 3 пустоши Ивану Петрову сыну Хомякова Языкова¹⁶.

Тогда же часть вотчинных землевладений перешла к другим владельцам в качестве приданого. Так, стряпчий князь Василий князь Богданов сын Примакова Ростовского получил в приданое целое

сельцо, Федор Алексеев сын Аргамакова и Тихон Семенов сын Хоненева получили по деревне¹⁷. Никифору Петрову сыну Дурасова в качестве приданого была отдана половина сельца, а Томилу Константинову сыну Болдырева — треть деревни¹⁸. Всего в приданных вотчинах в конце 20-х годов XVII века было сельцо, половина сельца, 2 деревни, 1/3 деревни, 6 пустошей, полпустоши. В них стояли 4 двора вотчинников, 3 двора людских, двор конюший, двор скотский, 12 крестьянских, 9 бобыльских и 3 пустых двора.

После восшествия на царский престол Михаил Федорович Романов отблагодарил служилых людей и детей боярских, которые в «смутное время» начала XVII века защищали Москву от войск «самозванца». Его благодарность выражалась в пожаловании им земель «за московское осадное сидение». Именно тогда на территории Куземского стана появились выслуженные вотчины Григория Андреева сына Плещеева, стольника Ивана Григорьева сына Плещеева, Степана Осипова сына Караулова, Михаила Григорьева сына Елизарова, Осипа Григорьева сына Елизарова и недоросля Пантелея Никитина сына Чиркова¹⁹. К выслуженным вотчинам также относится землевладение, данное за астраханскую службу в 1626 году думному дьяку Ивану Кирилову сыну Грязнова²⁰. Всего в этих вотчинах было 2 села с полусельцом, 2 жеребья села, 6 деревень без жеребьев, полпустоши и 3 пустоши с полупустошью. В этих селах и деревнях стояли 6 дворов вотчинников, двор скотский, 6 дворов приказчиков, 26 дворов людских, 72 крестьянских, 61 бобыльский, 51 пустой двор и 56 мест дворовых²¹.

В итоге к концу 20-х годов XVII века на территории Куземского стана находилось 7 выслуженных, 11 унаследованных родовых, 5 приданных, 7 купленных и одна закладная вотчины. Общее количество поселений во всех светских вотчинах составляло 6 сел, 2 сельца, 2 приселка, полусельцо, монастырь, 88 деревень, 5 починков, 227 пустошей и 2 погоста.

Кроме вотчин светских землевладельцев в конце 20-х годов XVII века на территории Куземского стана также находились монастырские вотчины, у каждой из которых своя история. Еще в 1576 году княжна Ульяна княж Петрова дочь Холмского дала в вотчину Троице-Сергиева мо-

настыря село Колычево и 3 пустоши. В конце 20-х годов XVII века в селе Колычево были двор монастырский, 5 дворов детенышев, 6 крестьянских дворов и 6 бобыльских дворов²². К середине XVII века в нем уже стояло 30 крестьянских и 2 бобыльских двора²³. Выявленные источники предоставляют возможность проследить состояние данного села в более ранний период с конца XVI по начала XVII веков. Согласно «Книге Муромского уезда письма и метра Якова Петровича Вельяминова да подьячего Федора Андреева Троицы живоначальной Сергиева монастыря землям» в конце XVI века в селе Колычево стояли двор попа, двор монастырский, 10 крестьянских и 5 пустых дворов²⁴. А в «Подлинной дозорной книге вотчины Троицко-Сергиева монастыря в станах: Дубровском, Куземском, Унженском и Замотренском, письма и дозора Айдара Степановича Дубасова и подьячего Михаила Толпыгина» сказано, что уже в 1616 году все дворы были пустыми, так как «крестьяне... от литовского разорения ушли»²⁵.

Другие монастырские вотчины на территории стана в основном также образовались за счет вкладов, данных в XVI веке светскими землевладельцами. Так, в 1552 году старец Тихон Социн отдал муромскому Спасскому монастырю 3 пустоши. Позднее, в 1572 году Никита Иванов сын Макарова дал в этот же монастырь половину деревни Заковарье и 4 пустоши, а в 1574 году одну пустошь отдал монастырю Саул и Федор Савельевы дети Старосельского²⁶. Вотчину Борисоглебского монастыря составляли треть деревни, данной ему в 1572 году Алексеем Васильевым сыном Черткова, и пустошь, отказанная в 1576 году Юрием Даниловым сыном Скрыпьева²⁷. Муромский Благовещенский ружный монастырь имел старую вотчину в пустоши Погарцы с озерами и лугами, пожалованными ему еще государем Федором Ивановичем в 1596 году и царем Борисом в 1599 году²⁸. Вотчина Владимирского монастыря Рождества Пресвятой Богородицы состояла из 2-х пустошей²⁹. Всего же в конце 20-х годов XVII века в Куземском стану в монастырских вотчинах было село, полдеревни, треть деревни пустой и 15 пустошей³⁰.

Бесспорно, в конце 20-х годов XVII века самой крупным на территории Куземского стана было вотчинное землевладение стольника кня-

зя Алексея Ивановича Воротынского с центром в селе Мошок. В него входило село, 2 приселка, монастырь, 2 погоста, 64 деревни, 5 починков, 186 пустошей 4 пустоши припущены в пашню. При этом в селе, деревнях и починках стояли двор вотчинника, двор конюшенной, двор приказчика, 21 двор служек, 30 дворов дворовых людей, 207 крестьянских, 158 бобыльских, 12 пустых дворов и 292 дворовых места³¹.

Средними по меркам Муромского уезда являлись вотчины: Троице-Сергиева монастыря, состоявшая из села Колычево и 3 пустошей³²; стольника Василия Ивановича Нагого, включающая в себя село Драчево, 5 деревень и пустошь³³; думного дьяка Ивана Кирилова сына Грязнова, в которой стояло село Мальшево и 3 деревни³⁴; стряпчего князя Василия княж Богданова сына Примакова Ростовского, включающая в себя селцо Лопатино и 5 пустошей³⁵ и Григория Андреева сына Плещеева с его сыном стольником Иваном, состоявшая из села Ковардицы, трети деревни, пустоши и починка³⁶.

Большинство же вотчинных землевладений были небольшими. Так, 9 вотчин состояли из одного поселения с пустошами, 15 вотчин из части (жеребья) поселения с пустошами, а 4 вотчины из одних пустошей. При этом деревня Свежаки была поделена. Треть этой деревни была в вотчине Борисоглебского монастыря, а две трети в вотчине за Степаном Осиповым сыном Караулова³⁷. Схожая история наблюдается в деревне Запрудная, одна половина которой отдана в вотчину Василию и Степану Трофимовым детям Мещаринова, а другая также в вотчину Миките и Даниле Ивановым детям Мещаринова³⁸. Части селца Вязовицы, деревень Заковарья и Среднее Макарово находились сразу в 3 вотчинах.

Крупнейшими вотчинными поселениями в стане являлись: село Мошок, в котором стояли двор вотчинника, двор приказчика, двор конюшенный, 6 дворов служек, 15 псарных и охотничьих дворов, 7 поварских дворов, 17 крестьянских, 13 бобыльских дворов и пустой двор; село Святцы, в нем были 2 двора вотчинников, 2 двора приказчиков, двор скотский, 10 дворов задворных людей, 24 крестьянских, 25 бобыльских дворов, 14 пустых дворов и село Драчево, а в нем двор приказчика, 2 людских двора, 29 крестьянских

и 13 бобыльских дворов³⁹. Кроме этого, в 16 поселениях стояло более 10 дворов, в 24 поселениях количество дворов было от 5 до 9. В оставшихся (более 30) поселениях насчитывалось менее, чем по 5 дворов в каждом.

История поместного землевладения

Куземского стана и его характеристика

Уже в конце XVI века в Куземском стане Муромского уезда было значительное количество поместных землевладений: Данилы Коверина сына Жукова⁴⁰, Степана Федорова сына Киселева⁴¹, Безсона Аксентьева⁴², Лаврентия Аристов, Петра Арапова, Ивана Волохова, Казарина Волынского, Василия Глебова, Ивана Дмитриева, Михаила и Осипа Елизаровых, Ивана Жукова, Агиша Киреева, Федора Караулова, Ивана Кикова, Евдокима и Якова Лукиных, Тимофея и Максима Невзоровых, Ивана Опраксина, Богдана Опраксина, Федора Своробоярского, Ивана и Федора Шишеловых⁴³, а также других служилых людей.

В начале XVII века поместная политика в Русском государстве продолжает развиваться и становится важным элементом обеспечения государственной службы и фактором, определяющим порядок землевладения. Основным правилом, лежащим в основе дачи поместных земель, являлся переход их от отцов к сыновьям в случае обязательной государевой службы последних. Таким порядком в первой трети XVII века в Куземском стане поместья получили более 30 человек. При этом лишь трое из них (Иван Васильев сын Кольцова, Григорий Иванов сын Кольцова, Иван Назарьев сын Осорьина⁴⁴) были представителями служилых корпораций других городов, остальные (Осмина Федоров сын Дурасова, Ивашка, Клима и Петрушка Григорьевы дети Лукина, Иван и Левонтий Федоровы дети Караулова, Иван Большой и Иван Меньшой Степановы дети Киселева, Дмитрий Богданов сын Опраксина, Степан и Иван Казариновы дети Волынского, Иван Федоров сын Шишелова Федор и Афанасий Петровы дети Арапова, Иван и Федор Ивановы дети Кикова, Василий Васильев сын Глебова, Микифор Петров сын Дурасова, Иван Данилов сын Дурасова⁴⁵ и другие) верстались по Мурому. Основным условием отказа сыновьям поместных земель, ранее принадлежавших их отцам, был уход последних с государевой службы.

Для того, чтобы заполнить поместные оклады служилых людей, значительная часть отказанных в начале XVII века поместий (около 20) были взяты у неродственных помещиков, которые, очевидно, вышли со службы. Например, стольнику князю Никите княж Ивановичу сыну Черкасскому были даны две половины деревень из поместья Михайла и Осипа Елизаровых, из того поместья другие две половины этих деревень были даны стольнику Ивану Андрееву сыну Полева⁴⁶. Петру Ильину сыну Ананьина дано из Григорьева поместья Плещеева 2/3 деревни и пустошь⁴⁷ Иван Богданов сын Борисова, Афанасий Григорьев сын Лукина и Афанасий Григорьев сын Столыпина получили поместья, ранее принадлежавшие их тестям⁴⁸.

Куземский стан в первой трети XVII века характеризуется большим количеством порожних земель, то есть пустошей, владельцев которых на момент описи установить было невозможно. Всего в конце 20-х годов XVII века в порожних землях здесь значилось более 40 пустошей⁴⁹. Именно из этих вымороченных⁵⁰ земель пустоши в поместье получили Григорий Андреев сын Плещеева, Григорий Сумин сын Кровкова, Томил Константинов сына Болдырева, Иван и Левонтий Федоровы дети Караулова и Осмина Федоров сын Дурасова⁵¹.

Одним из известных способов приобретения новых поместных земель была мена. В начале XVII века в Куземском стане Михаил Григорьев сын Елизарьева выменял у Евдокима Лукина жеребий в селе, Василий Ильин сын Ананьина у брата своего Петра треть деревни, Петр Панфильев сын Языкова у Михаила Федорова сына Языкова пустошь, пустошь выменял Иван Андреев сын Волохова у князя Ивана княж Данила Болховского⁵². Делалось это в основном с целью собрать поместные пай в единое целое землевладение или хотя бы приблизить их друг к другу.

Если проанализировать все поместья с точки зрения сословной принадлежности их владельцев, то получим следующую картину. К концу 20-х годов XVII века на территории стана находилось 3 княжеских поместных землевладения. Это поместья стольника князя Алексея Ивановича Воротынского, стольника князя Никиты княж Ивановича сына Черкасского и стольника Ивана

Андреевича сына Полева⁵³. Две трети деревни Готовцово было в поместье за дьяком Иваном Кириловым сыном Грязевым⁵⁴.

Также на территории стана располагались 8 поместий служилых людей (дворян): Григория Андреева сына Плещеева, Степана Осипова сына Караулова, Михаила и Осипа Григорьевых детей Елизарьева, Ивана Федотова сына Сомова, Павла Григорьева сына Лукина, Ивана Большого и Ивана Меньшого Степановых детей Киселева и Осмина Федорова сына Дурасова⁵⁵.

Но основная же часть поместий, а именно 47, была за детьми боярскими муромцами и жильцами. Среди местных помещиков находились представители известных муромских служилых родов: Ананьиных, Араповых, Болдыревых, Борисовых, Волоховых, Волинских, Глебовых, Дурасовых, Карауловых, Киковых, Кольцовых, Кровковых, Лихоревых, Лукиных, Мещериновых, Немчиновых, Опраксиных, Савиных, Столыпинных, Сьяновых, Тевешевых, Шибановых, Чирковых, Юматовых и Языковых. Именно им обычно от казывались бывшие поместные владения их дедов, отцов и близких родственников.

Вдовам и девкам было отказано 11, иногородним детям боярским 7 и неслужилым, отставленным от службы детям боярским муромцам 2 поместных землевладения. Вдовам и девкам, как правило, на прожиток давались поместья их мужей, по причине смерти отставленных от службы. Таким чередом получили поместье вдова Дарья Федорова жена Исакова, вдова Лукерья Федорова жена Карачева с сыном Иваном, вдова Авдотья Иванова жена Кракозова с сыном Михаилом, вдова Ульяна Васильева жена Кракозова с детьми Иваном и Андреем, вдова Федора Григорьева жена Юматова с детьми Леонтием, Артемием и Федором, вдова Офимья Иванова жена Плещеева с дочерью Матреною и девка Марья Федорова дочь Киселева⁵⁶.

Иногородние же дети боярские в основном получали поместные землевладения, ранее принадлежавшие их ближайшим родственникам. Например, казанскому жильцу Ивану Ильину сыну Ананьина был отделен жеребий села Ознобишина, ранее бывший в поместье за его отцом⁵⁷. Поместные земли своих отцов получали также чебоксарский жилец Иван Васильев сын Коль-

цова, чебоксарский жилец Григорий Иванов сын Кольцова и самарский жилец Иван Назарьев сын Осорьина⁵⁸. Нижегородцу Афанасию Дмитриеву сыну Жедринского отказано прожиточное поместье его жены Агрофены — жеребий деревни Пошатово, а самарскому жильцу Михаилу Васильеву сыну Кольцова поместье родного брата Григория⁵⁹. Лишь владимирец Иван Иванов сын Дубенского получил в поместье две пустоши, ранее принадлежавшие Федору Веревкину, с которым Дубенской в родстве не состоял⁶⁰. Одному из неслужилых, а именно оставленному от службы Степану Матвееву сыну Опраксину, в поместье было отказано по половине в семи пустошах, ранее бывших за его внуком Иваном Богдановым сыном Опраксина, другому отставленному от службы Путилу Оксентьеву были даны две пустоши из поместья Игната Нармацкого⁶¹.

Всего к концу 20-х годов XVII века на территории Куземского стана находилось 78 поместий. Крупнейшими из них являлись поместья дьяка Ивана Кирилловича сына Грязева, включающее в себя 3 деревни, 2/3 деревни и 2 пустоши; Григория Андреева сына Плещеева, состоявшее из села Суровцово, деревни и 7 пустошей; Ивана Большого и Ивана Меньшого Степановых детей Киселева, в котором было 2 деревни, жеребий сельца и 7 пустошей⁶². Около 20 поместных владений включали в себя целое поселение и несколько пустошей, более 40 поместий состояли лишь из части (жеребья) поселения с пустошами, в остальных поместьях были одни пустоши.

Среди поместных поселений наиболее заселенными были: село Суровцово, в котором стояли двор помещика, двор приказчика, двор людской, 6 крестьянских, 11 бобыльских, 6 пустых дворов и 5 мест дворовых; сельцо Савино, в нем 2 двора помещиков, 2 двора приказчиков, 2 людских, 11 крестьянских, 10 бобыльских дворов и место дворовое и сельцо Микулино, а в нем 2 двора помещиков, 9 крестьянских и 7 бобыльских дворов⁶³. Оставшаяся часть поселений (более 30) состояла из 3-10 дворов. Но были и такие поселения (около 15), в которых насчитывалось от 1 до 3 дворов.

Некоторые поселения были поделены на пай — жеребьи. Например, половина села Покровского была в поместье за Григорием Семеновым сыном Борисова, а другая в поместье за Замятнею

Устиновым сыном Языкова⁶⁴. И таких примеров много — более 15 поселений были поделены на два жеребья, а 3 поселения на три жеребья помещиков.

Иногда одна часть поселения жаловалась в вотчину, а другая отказывалась в поместье. Например, одна половина села Захарово была отделена в поместье Ивану и Левонтию Федоровым детям Караулова, а другая половина жалована в вотчину Степану Осипову сыну Караулова⁶⁵.

Всего же к концу описи земель в Куземском стане за стольниками, дворянами, жильцами, муромцами, иногородцами, приказными людьми, вдовами и недорослями в поместьях было 3 села, полсела, 3 жеребья села, 12 селец, 2/3 сельца, 22 деревни с полутретью, в 4-х деревнях по жеребью, 141 пустошь с полупустошью и селище припущено в пашню. В них стояли 45 дворов помещиков, 14 дворов приказчиков, 18 людских дворов, 162 двора крестьянских, 123 бобыльских дворов, 51 двор пустой и 425 мест дворовых⁶⁶.

Заключение

Куземский стан, находящийся на безопасном левом берегу реки Оки, вдали от опасной «касимовской дороги», граничащий с Владимирским уездом, имел богатую историю землевладения. Можно с уверенностью сказать, что первые феодальные, не великокняжеские землевладения здесь появились еще до присоединения Муромских земель к Московскому княжеству. Не случайно в XVI веке здесь имели вотчины князь Иван Михайлович Воротынский, князь Федор Иванович Мстиславский, князь Василий князь Богданов сын Примакова Ростовского, княжна Ульяна дочь Петра Андреевича Холмского, а также монастыри и представители муромских родов, составляющих верхушку служилого Муромы — Елизаровы, Макаровы, Мещеряины, Осоргины и другие.

Простое количественное сравнение вотчин и поместий на территории Куземского стана к концу 20-х годов XVII века показывает, что поместных землевладений было больше, чем в два раза. Но их качественное сравнение говорит о том, что в вотчинах по сравнению с поместьями было в четыре раза больше деревень, в два раза больше сел и почти в два раза больше пустошей. В среднем в каждом вотчинном поселении насчитывалось 7,5 дворов, в то же время в каждом поместном — лишь 5,7 дворов. Только в одной вотчине столь-

ника князя Алексея Ивановича Воротынского количество крестьянских и бобыльских дворов было почти в полтора раза больше, чем во всех поместьях стана. Приблизительно шестая часть поместий состояла из пустошей, и только в вотчинах числились починки. При этом часть земель стана была порожней.

Анализ количества и качества земель во всех землевладениях Куземского стана в конце 20-х годов XVII века показывает приблизительное равенство пашни паханной, перелугу и лесом поросшей, пашен добрых, средних и худых земель в вотчинах и поместьях (10 240 четвертей в поместьях⁶⁷ при общем количестве всей пашни паханной, перелугу и лесом поросшей 20 835 четвертей⁶⁸). Но, если вспомнить, что общее число всех вотчинных землевладений было в два раза меньше общего количества поместных (37 и 80), то налицо количественное преобладание пашни паханной, перелугу и пашни поросшей лесом в среднем в одной вотчине.

Как вывод — вотчинные поселения были более крупными, их земли более обширные. Очевидно, причиной этого было уже сложившееся веками вотчинное хозяйствование и сравнительно молодое, исчисляющееся десятилетиями, поместное. На примере стана видим, что около половины вотчин имеют старые родовые корни. В унаследованных вотчинах находилось более 70 % всех вотчинных поселений. Для сравнения: только 35 % поместных землевладений перешли от отцов к сыновьям и от дедов к внукам. Частая смена помещиков, рассматривающих землевладения как кормление, не способствовала заботе о наделах.

Если же обратиться к качественному показателю земель, то станет очевидным, что в стане преобладали средние и худые земли. Среди всей паханной, наездом, перелугу и лесом поросшей пашни всей земли в стане лишь 568 четвертей были определены как добрые земли, при этом более половины всех земель были записаны как средние⁶⁹. Интересный факт — значительная часть худых земель была определена в вотчине князя Ивана Михайловича Воротынского (пашни паханная, перелугу и пашни поросшие лесом 2387 четвертей)⁷⁰, хотя земли соседних вотчинников были определены как средние.

- ¹ Указная грамота об отдаче Владимирскому Рождественскому монастырю осадного двора. 1542 г. // РГАДА. – Ф. 281. – К. 7739.7.
- ² Подлинная писцовая книга поместных и вотчинных земель в станах Муромского уезда. 1628-1630 гг. // РГАДА. – Ф. 1209. – Оп. 1. – К. 11 828, 11 829. – Л. 619.
- ³ Там же. – Л. 508, 511, 590.
- ⁴ Материалы по Владимиру, Гороховцу, Мурому, Суздаю, Юрьев-Польскому и Вологде // Обзор «Грамот коллегии экономии». – М., 2002. – Вып. пятый. – № 99.7760.
- ⁵ Подлинная писцовая книга... – Л. 625-626.
- ⁶ Там же. – Л. 631, 633.
- ⁷ Там же. – Л. 642.
- ⁸ Там же. – Л. 639.
- ⁹ Материалы по Владимиру, Гороховцу, Мурому... – № 115. 7777.
- ¹⁰ Подлинная писцовая книга... – Л. 619, 637.
- ¹¹ Там же. – Л. 509, 625, 632-634, 640-643.
- ¹² Там же. – Л. 643.
- ¹³ Там же. – Л. 644.
- ¹⁴ Там же. – Л. 605, 607, 618, 635, 637.
- ¹⁵ Там же. – Л. 597.
- ¹⁶ Там же. – Л. 621.
- ¹⁷ Там же. – Л. 591, 595, 624.
- ¹⁸ Там же. – Л. 642, 634.
- ¹⁹ Там же. – Л. 471, 478, 489, 494, 501, 503.
- ²⁰ Там же. – Л. 483.
- ²¹ Там же. – Л. 506.
- ²² Там же. – Л. 651-653.
- ²³ Список с переписной книги дворов и в них людей города и посада, поместных и вотчинных сел, деревень и дворов в станах Муромского уезда 1646 года // РГАДА. – Ф. 1209. – Оп. 1. – К. 11834. – Л. 1671-1675.
- ²⁴ Книга Муромского уезда письма и метра Якова Петровича Вельяминова да подьячего Федора Андреева Троицы живоначальной Сергиева монастыря землям которые земли села и деревни писаны в прежних дозорных книгах... 1594 г. // РГАДА. – Ф. 1209. – Оп. 1. – Д. 703. – Л. 1130об.-1132.
- ²⁵ Подлинная дозорная книга вотчины Троицко-Сергиева монастыря в станах: Дубровском, Куземском, Унженском и Замотренском, письма и дозора Айдаря Степановича Дубасова и подьячего Михаила Толпыгина. 1616 г. // РГАДА. – Ф. 1209. – Оп. 1. – К. 498. – Л. 338-340.
- ²⁶ Подлинная писцовая книга... – Л. 654-655.
- ²⁷ Там же. – Л. 660-661.
- ²⁸ Там же. – Л. 662-663.
- ²⁹ Там же. – Л. 659.
- ³⁰ Там же. – Л. 664.
- ³¹ Там же. – Л. 589-590.
- ³² Там же. – Л. 651-652.
- ³³ Там же. – Л. 603-604.
- ³⁴ Там же. – Л. 487-488.
- ³⁵ Там же. – Л. 594.
- ³⁶ Там же. – Л. 615-616.
- ³⁷ Там же. – Л. 505, 606.
- ³⁸ Там же. – Л. 637, 639.
- ³⁹ Там же. – Л. 474-476, 509-511, 598-599.
- ⁴⁰ Ввозная грамота новику Федору Семенову сыну Языкова на деревни Клеево и Юрьино в Куземском стане Муромского уезда // РГАДА. – Ф. 1209. Столбцы по Мурому. – № 909.36808. – Л. 38.
- ⁴¹ Ввозная грамота Ивану (Большому) Степанову сыну Киселева с матерью Марией и братом недорослем Иваном (меньшим) на поместье их отца и мужа деревни Опалево и Слоньково в Унженском стане, деревни Богданов починок, Мартыновское и др. с пустошами и селищами в Куземском стане Муромского уезда // РГАДА. – Ф. 1209. Столбцы по Мурому. – № 40.35937. Б/п. Список 1620 г. № 187. (АСЗ. 4.)
- ⁴² Ввозная грамота Федору Семенову сыну Языкову на поместье его умершего отчима Безсона Васильева сына Аксентьева деревни Прядышева и Солднева в Куземском стане Муромского уезда // РГАДА. – Ф. 1209. Столбцы по Мурому. – № 909. 36808. – Л. 39.
- ⁴³ Подлинная писцовая книга... – Л. 228, 257, 261, 266, 292, 294, 301, 308, 315, 317, 334, 337, 355, 541.
- ⁴⁴ Там же. – Л. 395, 398, 431.
- ⁴⁵ Там же. – Л. 228, 257, 259, 293, 294, 301, 315, 326, 344, 350, 425.
- ⁴⁶ Там же. – Л. 262, 264.
- ⁴⁷ Там же. – Л. 361.
- ⁴⁸ Там же. – Л. 299, 355.
- ⁴⁹ Там же. – Л. 689.
- ⁵⁰ Свободных, не имеющих владельцев.
- ⁵¹ Подлинная писцовая книга... – Л. 265, 282, 411, 417, 317.
- ⁵² Там же. – Л. 285, 360, 403, 448.
- ⁵³ Там же. – Л. 254, 261, 264.
- ⁵⁴ Там же. – Л. 322.
- ⁵⁵ Там же. – Л. 266, 277, 287, 315, 408, 424, 436-447, 315-317.
- ⁵⁶ Там же. – Л. 303, 366, 373, 374, 416, 426, 385.
- ⁵⁷ Там же. – Л. 354.
- ⁵⁸ Там же. – Л. 395, 398, 431.
- ⁵⁹ Там же. – Л. 382, 393.
- ⁶⁰ Там же. – Л. 319.
- ⁶¹ Там же. – Л. 359, 456.
- ⁶² Там же. – Л. 265-267, 321-324, 436-443.
- ⁶³ Там же. – Л. 265, 291, 314.
- ⁶⁴ Там же. – Л. 297, 420.
- ⁶⁵ Там же. – Л. 282, 489.
- ⁶⁶ Там же. – Л. 467-468.
- ⁶⁷ Там же. – Л. 469.
- ⁶⁸ Там же. – Л. 647-648.
- ⁶⁹ Там же. – Л. 649.
- ⁷⁰ Там же. – Л. 590.

А. А. Тихомирова (Владимир)

СОСТОЯНИЕ И СОДЕРЖАНИЕ ДОРОГ В МУРОМСКОМ УЕЗДЕ В КОНЦЕ XIX – НАЧАЛЕ XX ВВ.

Состояние путей сообщения — важный показатель состояния экономики страны. В рамках данной статьи будет рассмотрен вопрос состояния и содержания земством обыкновенных дорог в Муроме и Муромском уезде.

Как отмечает историк Б. Н. Миронов, главное условие экономического успеха — быстрота сообщений и обмена — в России находило коренное препятствие в рассеянности ее населения¹. Неудовлетворительное состояние путей сообщения, в особенности проселочных дорог, дороговизна перевозок не способствовали развитию сельского хозяйства и распространению промыслов. Большие расстояния затрудняли поддержку путей сообщения, даже там, где они были устроены. Положение медленно менялось к лучшему в течение второй половины XIX — начала XX вв. в основном за счет строительства железных дорог.

До земской реформы 1864 года попечение о дорогах в провинции было вверено нижним земским судам, исправникам и дорожным комиссиям. В 1838 году в России было установлено деление дорог на пять классов, сохранившееся до 1917 года. Дороги делились на: государственные (дороги главных сообщений), дороги больших сообщений, дороги обыкновенных почтовых сообщений из губернии в губернию, дороги уездных почтовых и торговых сообщений, дороги сельские и полевые. Дороги первого класса и некоторые дороги второго и третьего находились в ведении государства и содержались за счет казны. Остальные дороги в 1865 году были переданы земским учреждениям².

В сферы деятельности земских управ входило наблюдение за исправным содержанием земских дорог, поддержание и устройство мостов, переправ и земляного полотна³.

Ил. 1. Карта дорог

Протяженность дорог (грунтовых и шоссейных), находящихся в ведении уездов Владимирской губернии, на 1899 год была следующая⁴: (Табл. 1).

Таблица 1

Уезд	Площадь	Протяженность дорог
Владимирский	2402,5 вер.	106 вер.
Александровский	2886,8	92 вер. 300 саж.
Вязниковский	3309,6	125 вер.
Гороховецкий	3817,7	224 вер.
Ковровский	3427,5	317 вер. 159 саж.
Меленковский	4617,8	63 вер.
Муромский	2229,8	170 вер.
Переяславский	3178,7	119 вер.
Покровский	4142,2	151 вер.
Судогодский	5099,9	56 вер.
Суздальский	2513,1	159 вер.
Шуйский	2565,2	271 вер. 274 саж.
Юрьевский	2641,0	77 вер.
Всего	40 339 вер.	1931 вер. 233 саж.

Промышленно развитые и торговые уезды губернии нуждались в развитой инфраструктуре. Как видно из таблицы, по сравнению с другими уездами Муромский имел достаточно протяженную сеть дорог для своей площади.

Город Муром являлся или конечным пунктом для ряда трактов, или направление трактов обуславливалось необходимостью пройти через Муром⁵.

К началу 1920-х гг. общая протяженность грунтовых дорог в Муромском уезде составляла до 430 км (около 403 верст) пути, т. е. 7 км пути на 100 кв. км площади. Муром связывался дорогами со своей северной частью (тракт Муром – Гороховец и Муром – Судогда), с заокской (тракт Муром – Нижний) и через Меленки, с южной и восточной частями (тракты Муром – Меленки, Меленки – Елатьма, Тамбовской губернии, Меленки – ст. Бутылицы – Драчево, Меленки – Черсевс – Гусь-Баташев – ст. Заколпье)⁶.

Имеющиеся пути сообщений, включая железнодорожные и водные, по мнению специалистов того времени не являлись достаточными для обеспечения необходимой экономической связи отдельных районов уезда как с его центром, так и с другими, за пределами уезда, торгово-промышленными пунктами⁷.

Муромское уездное земство содержало следующие тракты: Арзамасский, Владимирский, Вязниковский, Коржавинский, Меленковский и Нижегородский⁸.

В 1913 году губернское земское собрание определяло, какие грунтовые тракты следует сплошь замостить или шоссировать в первую очередь. Дороги отбирались по следующим критериям: «степень грузопроводности, проездностью количества подвод, количество обслуживаемого населения, количество селений (близлежащих. – Т. А.), место нахождения более населенных пунктов, значение дороги как подъездного пути». В Муромском уезде к дорогам первой очереди были отнесены следующие: уездные дороги по Меленковскому тракту, по Владимирскому тракту через Судогду, Вязниковский тракт, Нижегородский и Арзамасский тракт, а также подъездной путь от Зяблицкого погоста до Варежа к паровой пристани. Подъездной путь к Муромской железнодорожной станции от Мурома до Коржавки на тот момент уже был отнесен к первоочередному и частично был устроен⁹.

Одним из постоянных вопросов, рассматриваемых и решаемых земством, был вопрос о переводе той или иной дороги (либо ее участка) в другой разряд.

В 1908 году Муромская уездная управа представила земскому собранию на рассмотрение вопрос о переводе участка транспортной дороги от Мурома до деревни Волосово по Нижегородскому тракту в разряд проселочной. Штаб Московского военного округа сообщил, что данный участок дороги по картам, составленным в 1907 году, значится почтовым. Но на деле эта когда-то проезжая дорога пользовалась к тому времени малым спросом. Да и почтовых лошадей на ней было не найти на протяжении 70 верст. Зная ситуацию с почтовым сообщением на этой территории, начальник Московского телеграфного округа со сво-

ей стороны сообщил, что не видит препятствий для перевода дороги в разряд проселочной¹⁰.

В ходе обсуждения на собрании также выяснилось, что данная дорога существует в основном лишь для прогона скота. Земское собрание определило, что дорогу следует сделать проселочной и просило губернатора представить это дело на утверждение министру внутренних дел¹¹.

Жители того или иного села, напротив, ходатайствовали о передаче проселочных дорог на содержание земству.

В 1912 году муромский уездный исправник сообщил муромской управе о крайне плохом состоянии дороги от села Яковцева до села Новоселок и моста через реку Кутру (особенно в половодье). В селе Яковцеве на тот момент уже было открыто почтово-телеграфное отделение, и дорога эта была востребованной. Но относилась она к разряду проселочной. Содержание проселочных дорог по статье 802 устава путей сообщения относилось к обязанности владельцев и селений, чрез дачи которых они пролегают. Управа вследствие этого заявила, что дорога имеет местное значение и обслуживать ее должен владелец окрестных земель. На тот момент это были наследники Д. Д. Кондратова¹². Им и предстояло позаботиться об этом участке путей сообщения.

На содержание дорог в земском бюджете имелась обязательная статья расходов. В 1895 году с целью увеличения статьи расходов на дорожные нужды правительство разрешило земствам

по закону от 1 июня 1895 года освободившиеся средства от уплаты казне пособий на содержание судебно-административных учреждений, мировых судей, по крестьянским делам присутствий направить на образование дорожного капитала¹³.

С изданием закона 1 июня 1895 года в распоряжение Владимирского губернского земства поступило 190 197 руб. 70 коп. дорожного капитала (сумма эта поступала ежегодно и не менялась вплоть до 1917 г., но распределялась по уездам по-разному) (Табл. 2).

Сравним величину расходов уездных земств на дороги в 1895 году и соотношение этих расходов с общим бюджетом уезда¹⁴ (Табл. 3).

В процентном отношении затрат на дороги к общему бюджету Муромский уезд заметно выделяется среди остальных, учитывая что общий бюджет уезда был самым маленьким на тот год.

Расходы по ремонту дорог в губернии производились за счет дорожного капитала и за счет уездного земского сбора. Во Владимирской губернии дорожный капитал взимался каждым уездом сообразно прежним платежам на содержание мировых учреждений. Расходы производились уездной управой, а дороги, подлежащие улучшению, намечались уездными собраниями. Каждый уезд пользовался той долей дорожного капитала, которую внес¹⁷.

Расходы на дорожную повинность Муромского уездного земства выглядели следующим образом (Табл. 4).

Таблица 2

Уезд	1895 г. ¹⁵	1917 г. ¹⁶
Владимирский	12 650 руб.	16 255 руб. 7 коп.
Александровский	11 500 руб.	14 777 руб. 32 коп.
Вязниковский	9440 руб.	12 083 руб. 2 коп.
Гороховецкий	9620 руб.	12 361 руб. 52 коп.
Ковровский	11 325 руб.	14 494 руб. 82 коп.
Меленковский	12 176 руб.	14 646 руб. 60 коп.
Муромский	12 580 руб.	16 164 руб. 62 коп.
Переяславский	8528 руб. 88 коп.	10 959 руб. 72 коп.
Покровский	12 968 руб. 45 коп.	16 663 руб. 72 коп.
Судогодский	11 032 руб.	14 175 руб. 96 коп.
Суздальский	11 610 руб.	14 918 руб. 67 коп.
Шуйский	14 629 руб. 90 коп.	18 799 руб. 39 коп.
Юрьевский	10 036 руб. 87 коп.	12 897 руб. 36 коп.
Губернскому земству	42 100 руб.	—

Таблица 3

Уезд	Потрачено на дороги, руб.	Общий бюджет, руб.	% от общего бюджета
Шуйский	18 600	197 624	9,4
Муромский	9500	66 603	14,3
Вязниковский	8613	116 090	7,4
Ковровский	8096	124 092	6,5
Владимирский	7700	85 641	8,9
Переяславский	7445	85 262	8,7
Юрьевский	5480	161 394	3,4
Суздальский	5120	92258	5,5
Покровский	4628	124 129	3,7
Гороховецкий	4520	84 014	5,4
Александровский	4395	79 233	5,5
Меленковский	3400	104 315	3,3
Судогодский	2236	78 721	2,8

Таблица 4

1895	5132 руб. 25 коп. ¹⁸
1897	9621 руб. 75 коп. ¹⁹
1904	8558 руб. 15 коп. ²⁰
1905	8411 руб. 88 коп. ²¹
1908	10 198 руб. 36 коп. ²²
1909	8051 руб. 36 коп. ²³
1910	9616 руб. 09 коп. ²⁴
1911	6769 руб. 30 коп. ²⁵
1912	8312 руб. 94 коп. ²⁶
1913	9827 руб. 57 коп. ²⁷
1914	11 420 руб. ²⁸
1916	14 319 руб. 30 коп. ²⁹

Рассмотрим подробнее, на что тратились деньги. Так, например, по сообщению дорожного техника летом 1913 года были выполнены следующие работы:

построен деревянный мост через реку Илевну по Коржавинскому тракту на сумму по смете — 3270 руб.;

устроен мощный подъезд к перевозу через Оку в Муром на сумму по смете — 1305 руб.;

замощена гора в с. Чаадаеве с деревянным мостом через ручей Выжегу на сумму по смете — 9671 руб.

Произведены ремонты мостов и мостовых по смете на трактах:

Владимирском — 746 руб.;

Нижегородском — 2782 руб.;

Меленковском — 672 руб.;

В Вареже — 261 руб.

Всего по смете было выполнено дорожных работ на сумму — 18 707 руб.

Работы выполняли разные подрядчики³⁰.

В 1915 году уездная управа ограничилась мелкими ремонтными дорожными работами, потратив 2000 руб. дорожного капитала³¹.

Содержание дорожных сооружений в самом городе Муроме выглядело примерно так.

В 1890 году на замощение улиц и ремонт мостовых города Мурома было израсходовано 1217 руб. и 50 руб. на починку и устройство мостов³².

В 1895 году на содержание городских мостовых, площадей было ассигновано 508 руб. 17 коп.³³

В 1901 году на благоустройство города Мурома, куда входили ремонт и содержание мостовых, сточных труб, мостов, освещение города, а также содержание бульваров было потрачено 4649 руб. 50 коп.³⁴

При каждой уездной управе был дорожный отдел. Технический персонал содержался за счет дорожного капитала. Уездными дорожными техниками в рассматриваемый период были сначала М. И. Воскресенский, затем А. В. Зворыкин.

Дорожные работы, как правило, выполняли подрядчики — крестьяне окрестных деревень.

В 1904 году Муромская уездная управа на-

правила ходатайство об учреждении в уезде должности дорожного десятника, который мог бы наблюдать за исполнением подрядчиками дорожных работ. В соседних уездах губернии на тот момент такие должности уже существовали³⁵.

Известно, что в 1911 году в Муромском уезде появился уже второй дорожный десятник³⁶.

В 1897 году на уездном земском собрании гласный И. В. Ознобишин сетовал на систему ремонта дорог через торги. Опыт показывал, что земство выделяло на это немалые деньги, ремонт же производился весьма неудовлетворительно, т. к. подрядчики беспокоились лишь о своей выгоде. В связи с этим гласный предложил в качестве эксперимента отремонтировать Булатниковский тракт хозяйственным способом. Земское собрание согласилось с предложением и поручило управе отремонтировать этот тракт хозяйственным способом в пределах ассигнованной суммы³⁷. Нужно отметить, что гласные Муромского уездного земского собрания рекомендовали внимательнее относиться к качеству материалов при постройке мостов, а также не сдавать с торгов их ремонтные работы³⁸.

Ревизионная комиссия в 1907 году отметила, что по некоторым значимым дорожным сооружениям не заведено отдельных дел, что затрудняет наведение справок уездной управой. Выдача денег подрядчикам для ремонта и содержания дорожных сооружений производилась по мотивированным постановлениям управы. Ревизионная комиссия пожелала управе составлять более подробные сметы с указанием не справочных цен, а реальной стоимости материалов³⁹.

Специалисты того времени понимали, что существующая система содержания дорожного хозяйства было далеко не совершенной и в плане организации, и в плане финансирования, и в технологическом плане.

Например, в 1913 году в связи с ранним таянием снега уездной управе пришлось возместить убытки подрядчику, занимавшемуся постройкой моста через реку Илевну у деревни Коржавки. Лдины, поплывшие на вскрывшейся реке, унесли остатки старого моста и укрепленные сваи нового, в чем не было никакой вины подрядчика (обычного крестьянина). Дорожный техник рассчитал сумму убытков в размере 800 руб⁴⁰.

Вообще мост через Илевну долгое время вы-

зывал множество проблем. В 1908 году земский техник заявил на собрании, что мост в очень ветхом состоянии и едва ли его хватит еще на год. Конструкция моста была такова, что его постоянно подмывало. К тому же мост находился на территории, граничащей с Меленковским уездом, и без согласования с тамошним земством сделать что-либо было невозможно⁴¹.

Обратимся еще раз к проблемам и содержанию проселочных дорог.

В 1905 году крестьяне деревни Мало-Окулово ходатайствовали о принятии на счет земства устройства содержимых ими трех мостов, находящихся на дороге из Мурома в село Поздняково. Ходатайство обуславливалось тем, что в летнее время эта дорога обслуживала всех проезжающих в Муром и обратно поголовно. Кроме того, эта дорога пользовалась популярностью как сокращенный путь большой дороги, которую содержало земство. Вследствие большой изношенности сооружений там, кстати, происходили несчастные случаи. Собрание постановило отпустить крестьянам единовременно 150 руб. на устройство и содержание моста и гати. Работы должны были пройти под контролем управы. Выдача единовременного пособия на содержание сооружений в исправном виде была управе выгоднее, нежели постройка новых мостов (это обошлось бы более чем в 1500 руб.) с их ежегодной разборкой во время весеннего разлива (до 100 руб.)⁴².

Иногда уездная управа выделяла деньги на проселочные дороги из остатков денег на дорожную повинность. Например, в 1912 г. на проселочной дороге из Мурома в Карачарово была устроена насыпь и деревянный мост, что обошлось в 516 руб. 70 коп. Такое исключение было сделано ввиду того, что дорога эта превратилась тогда в земский подъездной путь к перевозу (из-за затруднений с паровой переправой по Оке)⁴³.

Кроме того, владельцы проселочной дороги могли ходатайствовать о том, чтобы с пешеходов и проезжих взимался сбор. Обычно он составлял 10-3 коп. Делалось это на дорогах и мостах с активным движением, чтобы владельцы могли содержать свое дорожное хозяйство в хорошем состоянии. Таким образом земство старалось оказать поддержку населению в этом непростом деле.

Интересно, что в 1917 году состоялось очередное уездное земское собрание, на котором обсуждался ряд важнейших экономических вопросов. В частности заметим, что муромская управа в отношении дорожного хозяйства строила планы на 15 лет вперед(!).

Техническое совещание при Владимирской губернской земской управе с участием представителей уездных управ и инспектора по дорожной части из Министерства внутренних дел В. Ф. Мейена для обсуждения плана дорожного строительства на ближайшие пять лет проходило 3-4 октября 1917 года. На совещании обсуждались в основном вопросы финансирования⁴⁴.

Муромская уездная управа на этом собрании полагала привлечь для дорожного строительства в 1918 году правительственное пособие «в возможно большем размере»⁴⁵.

Уездный техник А. В. Зворыкин в докладе по вопросу об организации технической деятельности выразил надежду на расширение сети шоссейных дорог. Также он сетовал на недостаточное содержание, выплачиваемое техническому персоналу, и неудобную организацию работы. По его мнению, была необходима районная организация технического персонала. Уезд должен быть разделен на строительные участки, во главе которых должны стоять опытные техники, а у каждого техника — по несколько десятников, в зависимости от количества проводимых работ. Уездные техники должны быть объединены под руководством уездного земского инженера⁴⁶, советовал Зворыкин.

Многие планы, представленные на этом совещании, вероятно, так и остались планами. Но уже в 1920-х гг. началось активное исследование и организация путей сообщения в Муромском уезде.

¹ Миронов Б. Н. Социальная история России периода империи. — СПб., 2003. — Т. 1. — С. 286.

² Ковровский музейный сборник. — Ковров, 2007. — Вып. 1. — С. 41-42.

³ Там же.

⁴ Мейен В. Ф. Обзор России в дорожном отношении. — М., 1900. — С. 15.

⁵ Муромский промышленный округ (Проект организации округа). — Муром, 1923. — С. 57.

⁶ Хозяйственное лицо волостей Владимирской губернии. Муромский уезд. — Ковров, 1927. — Вып. 7. — С. 2. Согласно книге «Муромский промышленный округ» 1923 года издания грунтовые тракты в Муромском уезде были следующие: из Павлова на Муром, Горбатов и через Ворсму на с. Богородское; из Арзамаса в Муром; из Арзамаса и Ардатова на Темников; из Арзамаса и Ардатова на Кадом; из Муромы в Ардатов; из Муромы в Судогду; из Муромы в Вязники; из Муромы в Горбатов; из Муромы в Меленки; из Судогды во Владимир; из Егорьевска на Касимов; из Рязани во Владимир; из Егорьевска на станцию Ундола; из Меленок в Елатью.

⁷ Хозяйственное лицо волостей Владимирской губернии. — С. 2.

⁸ Перечень сметы доходов и расходов Муромского уездного земства на 1916 год. — Муром. — С. 2.

⁹ Доклады Муромской уездной земской управы очередному Муромскому уездному земскому собранию 1913 года. — Муром, 1914. — С. 41-42.

¹⁰ Журналы Муромского очередного уездного земского собрания 1908 года. — С. 77.

¹¹ Там же. — С. 25.

¹² Доклады Муромской уездной земской управы 1912 г. — Муром, 1912. — С. 18-19.

¹³ Ковровский музейный сборник. — С. 41-42.

¹⁴ Мейен В. Ф. Указ. соч. — С. 87.

¹⁵ Мейен В. Ф. Указ. соч. — С. 14.

¹⁶ Смета расходов и доходов Владимирского Губернского Земства на 1917 год. — Владимир, 1917. — С. 10-12.

¹⁷ Там же. — С. 49-52.

¹⁸ Журналы очередного Муромского уездного земского собрания 1895 года. — Владимир, 1896. — С. 47.

¹⁹ Сметы доходов и расходов Муромской уездной земской управы на 1899 год. — Муром, 1898. — С. 12-13.

²⁰ Сметы и раскладки по Муромскому уезду на 1906 год. — Владимир, 1906. — С. 6-7.

²¹ Сметы доходов и расходов Муромской уездной земской управы на 1907 год. — Муром, 1906. — С. 11.

²² Отчет Муромской уездной земской управы о доходах и расходах уездного земства за 1908 год. — Муром, 1909. — С. 20-21.

²³ Отчет Муромской уездной земской управы о доходах и расходах уездного земства за 1909 год. — Муром, 1910. — С. 20-23.

²⁴ Смета доходов и расходов Муромского уездного земства на 1912 год. — Муром, 1912. — С. 15.

²⁵ Отчет Муромской уездной земской управы о доходах и расходах уездного земства за 1911 год. — Муром, 1912. — С. 23.

²⁶ Отчет Муромской уездной земской управы о доходах и расходах уездного земства за 1912 год. — Муром, 1913. — С. 22-23.

²⁷ Отчет Муромской уездной земской управы о доходах и расходах уездного земства за 1913 год. — Муром, 1914. — С. 20-21.

²⁸ Отчет Муромской уездной земской управы о доходах и расходах уездного земства за 1914 год. — Муром, 1915. — С. 22-23.

²⁹ Перечень сметы доходов и расходов Муромского уездно-

го земства на 1916 год. — Муром. — С. 2.

³⁰ Доклады Муромской уездной земской управы очередному Муромскому уездному земскому собранию 1913 года. — Муром, 1914. — С. 73-74.

³¹ Доклады Муромской уездной земской управы очередному Муромскому уездному земскому собранию 1915 года. — Муром, 1915. — С. 6.

³² Отчет Муромской городской управы по исполнению росписи доходов и расходов г. Мурома за 1890 год. — Муром, 1891. — С. 58-59.

³³ Роспись доходов и расходов уездного города Мурома на 1886 год. — Муром, 1895. — С. 86-87.

³⁴ Смета доходов и расходов города Мурома на 1903 год. — Муром, 1902. — С. 40-43.

³⁵ Доклады Муромской уездной земской управы XXX очередному Муромскому уездному земскому собранию за 1904 год. — Муром, 1905. — С. 16.

³⁶ Журналы Муромского очередного уездного земского собрания 1911 года. — Муром, 1912. — С. 18.

³⁷ Журналы Муромского очередного уездного земского собрания 1897 года. — Муром, 1898. — С. 28.

³⁸ Журналы Муромского очередного уездного земского собрания 1906 года. — Муром, 1907. — С. 17-18.

³⁹ Журналы Муромского очередного уездного земского собрания 1907 года. — Муром, 1908. — С. 29.

⁴⁰ Доклады Муромской уездной земской управы очередному Муромскому уездному земскому собранию 1913 года. — Муром, 1914. — С. 20-21.

⁴¹ Журналы Муромского очередного уездного земского собрания 1908 года. — С. 74.

⁴² Журналы Муромского очередного уездного земского собрания 1905 года. — Муром, 1906. — С. 50, 14.

⁴³ Доклады Муромской уездной земской управы 1912 г. — Муром, 1912. — С. 46.

⁴⁴ Доклады Муромской уездной земской управы очередному Муромскому уездному земскому собранию 1917 года. — Муром, 1917. — 41.

⁴⁵ Там же.

⁴⁶ Доклады Муромской уездной земской управы очередному Муромскому уездному земскому собранию 1917 года. — Муром, 1917. — С. 28.

ИЗОБРАЖЕНИЕ ОРУЖИЯ НА ИКОНАХ
«ВЕЛИКОМУЧЕНИК НИКИТА С ЖИТИЕМ»
И «СВ. БЛАГОВЕРНЫЕ КНЯЗЬЯ КОНСТАНТИН,
МИХАИЛ И ФЕДОР МУРОМСКИЕ С ЖИТИЕМ»
ИЗ КОЛЛЕКЦИИ МУРОМСКОГО МУЗЕЯ

Изображение на иконе всегда несло смысл в первую очередь духовный и религиозный, но иконы — это и отражение исторических событий, и стилистической эволюции во времени. Иконопись в Киевской Руси возникла под непосредственным влиянием христианства и византийского канона. В иконографии есть отдельные классификации: например, житийные иконы с сюжетами из жизни святых. Это некая историческая летопись в картинках, события которых были отражены в истории. Иконы изучаются именно по иконографическому сюжету, стилю или иконописной школе, иконописцу. Однако не менее интересно рассмотреть их и с точки зрения исторических событий, в данном случае — военных походов и вооружения.

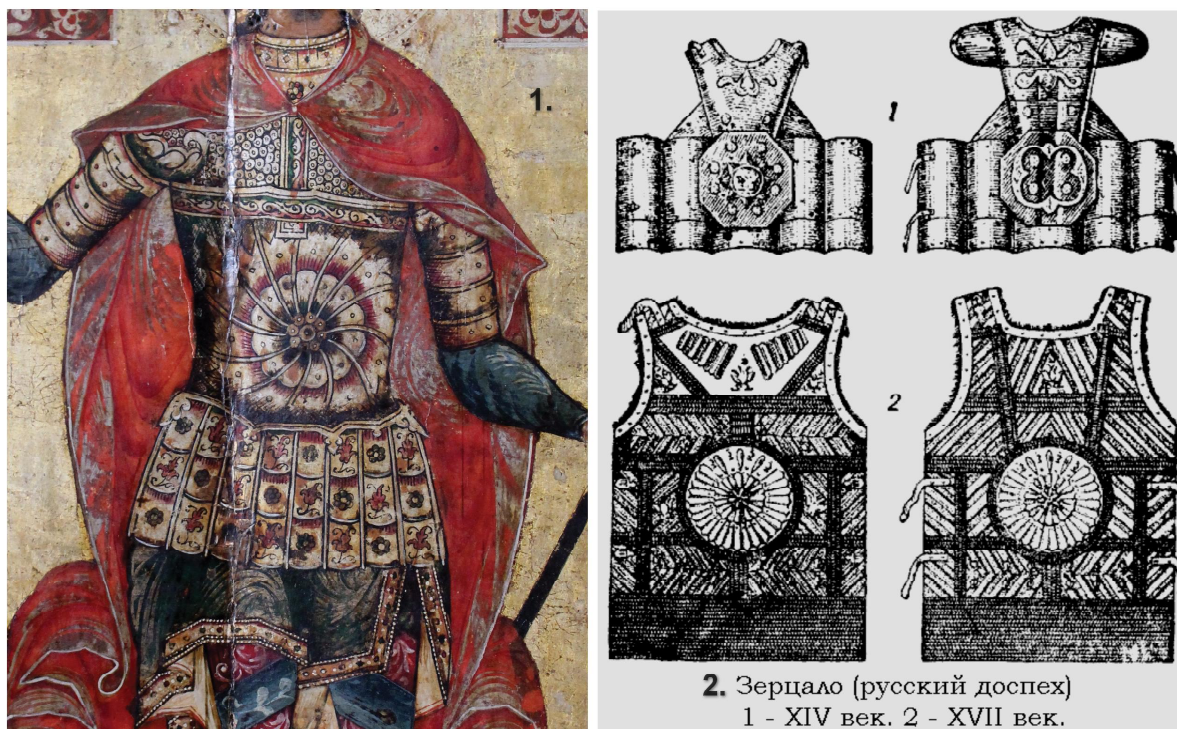
Почитание святых воинов занимает значительное место в истории христианского искусства. Их изображения особым образом выделяли в храмовых росписях и иконописи, им молились как защитникам. Икона из коллекции муромского музея «Великомученик Никита с житием» происходит из Георгиевской церкви в Муроме (1669)¹. Согласно апокрифу, великомученик Никита принадлежит к числу святых мучеников-воинов, широко почитавшихся в Византии и на Руси как помощник в борьбе с бесами и нередко изображается попирающим беса. Согласно житию, он происходил из готских племен, был сыном римского императора Максимилиана (240-310 г. н. э.), после чудесного явления ему Богородицы был обращен в христианство епископом Феофилом, отказался поклоняться языческим богам, был подвергнут многочисленным мучениям и принял смерть на козле в 372 году. Огонь не опалил тело святого, и оно было погребено в древнем городе Мопсуестия (город-крепость) его другом Марианом.

Позднее мощи были перенесены в Константинополь (нынешний Стамбул в Турции).

Какие доспехи и оружие в иконописном изображении воина Никиты могли быть в действительности на вооружении армии Византии, как в действительности выглядело полное обмундирование воинов Византии — так, как это представлено на современных «предположительных» реконструкциях или как оно изображено на фресках, иконах и барельефах — сказать точно никто

Ил. 1. Икона «Великомученик Никита с житием». 1669. Дерево, темпера. 105х69. Инв. № М-6668. МИХМ

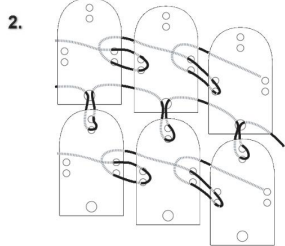
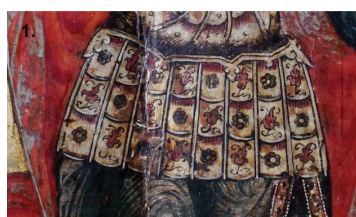

2. Зерцало (русский доспех)
1 - XIV век. 2 - XVII век.

Ил. 2. Фрагмент доспеха «зерцало» с иконы «Великомученик Никита с житием»

не сможет. Дело в том, что в Византии существовала традиция придавать изображениям участников даже вполне современных авторов событий черты «античности», что выражается в подчас совершенно немислимых комбинациях предметов снаряжения. Однако множество источников, даже расходящихся в деталях, в одном сходятся наверняка — каковым бы ни было снаряжение воинов, оно должно было быть высочайшего качества. В одном из Стратегиконов Маврикия² есть мысль, подтверждающая это как нельзя лучше: «Прежде

всего, ваши всадники должны иметь удобные седла, оружие хорошего качества, надежную и прочную сбрую, а также другое обмундирование. Когда всадник имеет хорошую лошадь, одет в надежный доспех и снабжен надлежащим оружием, если он храбр, — он будет храбр вдвойне, а если робок, — приобретет храбрость и внесет свою лепту в общее дело. Но если обмундирование неудобно, седло велико, лошадь хромает, а обувь жмет, — единственная вещь о которой он будет думать, это как спасти свою шкуру, обратившись в бегство при первой же возможности». В иконописи мученики и благоверные князья нередко изображаются в одеждах **воинов**, напоминают о том, что благодать защищает воинов Небесного Царя от невидимых врагов. На каноническую форму изображения часто накладывались подлинные изображения доспехов, вооружения и одежд, подобных тем, какие были в обиходе тех времен в Византии и Древней Руси.

Ил. 3. Фрагмент доспеха (ламеллярной юбки) с иконы «Великомученик Никита с житием». Схема крепления металлических пластин ламеллярного доспеха

В середине иконы великомученик Никита изображен в полный рост, фронтально, на нем длинная туника с узкими длинными рукавами изумрудно-зеленого цвета, украшенная каймой с вышивкой. Доспех состоит из разных элементов. Кольчуга из мелкой чешуи или, как ее называли, «лорикия»³; она могла быть разной длины, в ряде случаев бывала позолочена. Поверх нее надет доспех

Ил. 4. Фрагмент с изображением меча. Икона «Великомученик Никита с житием». Меч «спата»

Ил. 5. Фрагмент изображения обуви и штанов с иконы «Великомученик Никита с житием». Элемент одежды византийского воина (штаны)

зерцало⁴. Зеркала не были самостоятельным доспехом, а служили лишь элементами усиления корпусной брони, которые надевали поверх кольчуги. Попали они на Русь, вероятнее всего, из Ирана и происходят от иранского доспеха, называемого «чахар-айина» (перс. «четыре глаза»), поскольку всегда состояли из четырех больших пластин: нагрудной, наспинной и двух боковых. Согласно Л. А. Боброву и Ю. С. Худякову, круглые зеркала, привязываемые ремнями поверх кольчуги, были наиболее широко распространены в XV-XVII веках и носились не только с кольчугой, но и с другими доспехами, включая ламелляры, куяки, и порой надевались даже поверх бехтереца⁵. В 40-е годы XVII века на основе увеличенных зеркал возник новый тип зеркального доспеха, изначально состоявший из четырех прямоугольных зеркал, расположенных вокруг тела, образуя подобие кирасы. Нижняя часть доспеха состоит из пластинчатой ламеллярной юбки⁶, сделанной из длинных и узких прямоугольных пластин, которые соединяли в ряды, продевая кожаные шнуры через пробитые в пластинах дырочки. Такие доспехи носили воины-катафракты⁷, являвшиеся основным видом византийской тяжелой кавалерии, цветом и главной силой войска. В таких элитных частях служили представители аристократических родов, так что их доспехи и одежда отличались большой роскошью⁸, а панцири обычно были по-

золочены. Предплечья прикрывались наручами⁹ (их называли «черопсела» и «маникелия»). Как правило, они были железными, но могли изготавливаться из кожи, дерева, войлока. Византийские панцирные наплечники всегда имели форму, близкую к полусферической, и украшались кожаными фестонами¹⁰, идущими по нижнему краю. Шею защищал пластинчатый металлический горжет¹¹ и плащ — он использовался в походе как униформа, но не применялся в бою. На иконе в руке великомученика Никиты длинный меч спата¹² (2-3 в. н. э.). Носили их на пояском или наплечном ремне. Спата изначально использовалась в римской кавалерии, была рубящим мечом с закругленным или прямоугольным острием. У ранних спат длина клинка варьировалась в пределах 71-81 см в длину, а ширина от 4,5 до 6,0 см. Весили такие спаты соответственно от 1,7 до 2,4 кг. Длина острия одноручной спаты лежала в пределах 10-13 см. Однако клинки поздних спат от середины II века н. э. и до конца III века н. э. имели длину лезвия до 102 см при ширине в основании около 3,8 см и длине рукоятки с массивной по виду, но пустотелой, гардой около 19 см. Преимущество поздней спаты заключалось в том, что при значительно большей длине ее вес не превышал 1,6-2,5 кг. Из-за большой длины спату носили слева. Мечи подобного рода известны по раскопкам болот Нидама¹³ и Торсбергской топи¹⁴ в Дании и Германии. С лезвиями

Ил. 6. Икона «Св. благоверные князья Константин, Михаил и Федор Муромские с житием». Александр Казанцев. 1714. Дерево, темпера. 199,5х250,5. Инв. № М-6604. МИХМ

ложнодамасской техники они, как предполагают историки, являются вероятными предками рыцарских мечей Европы периода средневековья, не отличаясь от них очертаниями, сечением и длиной рукоятки. Обувью воинов были закрытые сандалии с ремешками, переплетавшимися почти до колен, и мягкие сапоги, которые подвязывались под коленом ремешком (кампаги)¹⁵. Штаны были двух типов: короткие, до колен, и длинные. Обе половины штанов надевались как отдельные части: в виде чулок, прикрепляющихся завязками к поясу¹⁶. Таким образом, описание изображения доспехов, одежды и вооружения на иконе подтверждает документальные свидетельства достаточно детальной передачи иконописцем традиционных элементов вооружения и одежды византийской армии.

Монументальная икона Александра Казанцева «Святые князья Константин, Михаил и Федор Муромские с житием», написанная в 1714 году,

— это грандиозная иллюстрированная «история о граде Муроме». Она состоит из 87-ти житийных клейм, где не пропущен ни один эпизод из жизни святых князей. Происходит икона из муромского Благовещенского монастыря. Литературным основанием для нее послужила «Повесть о водворении христианства в Муроме». В 1097 г. сын киевского князя Святослава князь Константин испросил благословения на просвещение муромских язычников и вместе со своими сыновьями, князьями Михаилом и Феодором, супругой Ириной, епископом Василием, духовенством, воинами и слугами из Киева пришел к Мурому. Муромцы, обманом призвав князя Михаила в город для мирных переговоров, убили его и тело бросили за городом, а сами затворились в городе и стали готовиться к бою. Вскоре подступил к стенам Муромы Константин со всем своим войском и по осаде взял город без кровопролития¹⁷.

В 18-м клейме иконы представлена сцена подготовки муромцев к битве с Константином после убийства его сына Михаила. Композиция передает ощущение ужаса, напавшего на муромцев и побудившего их к стремительному бегству: слева показаны горожане, вбегающие в ворота, а справа, внутри кремля, — уже вооруженные люди, готовые к обороне. Одежда и вооружение муромцев изображены детально. В их руках — различное оружие, в том числе и огнестрельное, хотя в то время огнестрельного оружия еще не было. Защитники Муромского кремля изображены в характерных одеждах стрельцов XVI-XVII вв. Стрельцов во времена изображаемых событий тоже не могло быть: иконописец привносит реалии своего времени, что очень редко можно увидеть в иконографии.

Древнеславянское слово «стрелец» обозначало лучника, поэтому полки назывались стрелецкими,

или говоря современным языком, стрелковыми полками. С 1550 г. Иваном IV Грозным начато формирование на контрактной основе первых регулярных войск на Руси. Стрельцов одевали в одинаковые по покрою и украшениям кафтаны, подпоясанные матерчатым кушаком; шапки — бархатные, с высоким колпаком и меховым околышем. У рядовых стрельцов мех овчинный, у офицеров (начальных людей) — соболиный¹⁸.

На вооружении стрелецкого войска были пищали, бердыши¹⁹, рогатины²⁰ и совни²¹; из клинкового оружия — сабли и шпаги, которые носили на поясной портупее. На Руси первые образцы ручного огнестрельного оружия, появившиеся в конце XIV века, получили название пищаль (от польского *pistula* — «трубка», «дудка») и от русского слова «пищать»; в XIV-XVII веках это общерусское название ранних образцов средне- и длинноствольного огнестрельного ору-

Ил. 7. Икона «Св. благоверные князя Константин, Михаил и Федор Муромские с житием». Клеймо 18. «Подготовка муромцев к битве с Константином». Вооружение стрельцов (ручная пищаль, бердыш, рогатина, совня, сабля). Артиллерийские и ручные пищали

жия любого калибра, включая и осадные пушки²². Разделение пищалей произошло в конце XV века, когда был изобретен фитильный замок и появились переносные — ручные пищали. В XVI веке калибр ручных пищалей в среднем колебался от 11 до 22 мм при длине до 120 см и весе до 10 кг. Ручные пищали известны под названиями ручница, самопал, недомерок. Солдат, вооруженных ручными пищалами, называли пищальниками. Ручной пищали, по причине ее большого веса, обязательно полагалась подпорка в виде бердыша. Одни пищали отличались высоким качеством (нарочитые), другие — нет (худые). Переносились солдатом за плечом на ремне или перевозились в обозной повозке. Русская пищаль могла вести действенный огонь на расстоянии до 150-200 метров. Однако отсутствие прицельных приспособлений делало точность ведения огня посредственной. Невелика была и скорость стрельбы, поскольку перезарядка занимала длительное время, т. к. была трудоемким процессом. Чтобы подготовить пищаль к стрельбе, требовались соответствующие навыки, поэтому в этом отношении была большая разница между новичками и опытными стрелками. При стрельбе рассеивание на предельной дальности было около 3-4 метров, т. е. имело смысл стрелять только залпами всем полком или сотней, по меньшей мере, только так это было эффективно. Словом пищаль также именовали пушки. Орудия разделялись на крепостные, осадные, полковые и полевые. Полевые пищали-орудия перевозились на колесных лафетах. Крепостные устанавливались на стенах, крепились на треногах, лафетах или прямо на самом укреплении. Заряжались такие пищали рубленным металлом, каменной

картечью, ядрами (каменными и чугунными). Калибр орудий был очень разнообразен и не подвергался никакой систематизации. Насчитывалось около 60-ти калибров — от 30 до 250 мм. Но в XVI веке производство подверглось рационализации, и калибр уже не превышал четырнадцатого. В XVII веке были предприняты попытки классифицировать артиллерийские орудия, учитывая их вес и вес применяемого ядра-снаряда. Залповый огонь мог вестись на расстоянии до 200 метров, однако русские уставы предусматривали дальность выстрела не более 50 сажен, потому что из шестифунтовой пушки на дистанции 150-250 сажен отклонение половины ядер от цели составляло 5-7 футов (1,5-2 метра), остальных — до 3 метров. На большем расстоянии (до 500 сажен) отклонение резко возрастало, и одна половина ядер уходила от цели на 5-6 сажен (почти 7 метров), а другая — до 20 сажен²³. Так что стрелять на дальние дистанции было совершенно бессмысленно, и преимущество русских пушек в дальноточности практической пользы не имело. Для того времени, судя по изобразительным источникам, гарнизон муромского кремля был хорошо оснащен, но, несмотря на такое серьезное вооружение, по исторической летописи муромцы все равно сдались войску князя Константина, не решившись вступить в бой с его внушительным войском.

Таким образом, рассмотренные иконы из коллекции Муромского музея позволяют лучше представить картину развития вооружения и костюма Византии и Древней Руси, эволюцию военных традиций в иконографических изобразительных источниках и трансформации их русскими иконописцами с дополнениями реалий своего времени.

¹ Сиротинская А. А. Великомученик Никита, с житием // Сухова О. А. и др. Иконы Муром. — М., 2004. — С. 235-236.

² «Стратегикон Маврикия» — выдающийся памятник византийской военной литературы, рубежа VI и VII столетий, определил основополагающие принципы военной организации империи. См.: Стратегикон Маврикия. — СПб., 2004.

³ Лорикия (лат. панцырь).

⁴ Зерцальный доспех — общее название русских и восточных доспехов. Фактически под термином «зерцала» имелись в виду два различных типа доспехов — полный зерцальный доспех и «зерцала личные», усилитель доспеха, надевавшийся поверх кольчатого доспеха. Также существовало две техники соединения пластин у зеркал — на кольцах, и в таком

случае эти зеркала были кольчато-пластинчатые, и на ремешках, т. е. пластинчатые. Общее подражание Востоку в русской доспешной традиции позволяет попытаться локализовать регионы заимствования зеркальных доспехов. Так, полные зерцальные доспехи имеют османское происхождение, тогда как зеркала личные пришли из Средней Азии и Ирана. В русских документах термин зерцала впервые появляется в 1490 году в переписке между Иваном III и королем Польши Казимиром IV. См.: Шиндлер О. В. Классификация русских корпусных доспехов XVI века // История военного дела: исследования и источники. — 2014. — № 5. — С. 455.

⁵ Бобров Л. А., Худяков Ю. С. Опыт изучения защиты вооружения русских воинов XVI-XVII вв. в Сибири //

Культура русских в археологических исследованиях. — Омск, 2005. — С. 256-275.

⁶ Ламеллярный доспех (от лат. Lamella — пластинка, чешуйка) — общее название доспеха из сплетенных между собой шнуром пластин. Ламелляр обычно существовал либо в виде корсета-кирасы, часто с длинным подолом, играющим роль набедренников, либо в форме ламеллярного халата длиной до колен с разрезами спереди и сзади; в обоих случаях он, как правило, дополнялся плечьями в виде листов ламеллярного полотна, иногда — защитой шеи и паха. Размер пластин ламелляра мог быть самым различным, от очень мелких, плотно из которых по подвижности приближалось к кольчатому, и до крупных, длиной почти с ладонь взрослого человека, которые составляли сравнительно малоподвижный, но крепкий доспех. См.: [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.readtiger.com>.

⁷ Катафракты — византийские тяжеловооруженные конные воины, которые появились под воздействием восточной, больше всего парфянской, тяжелой конницы и вели свое происхождение от позднеримских клибанариев (тяжелобронированная кавалерия в Древнем Риме).

⁸ Банников А. В., Морозов М. А. Византийская армия (IV-XII вв.). — СПб., 2013.

⁹ Наручи — часть доспехов, защищающая руки от локтя до кисти. См.: [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.dic.academic.ru>.

¹⁰ Фестон (фр. feston) — в прикладном искусстве и живописи, а также в портновском искусстве декоративный элемент, орнаментальная полоса с обращенным вниз узором в форме листьев, цветов, ступенчатых зубцов, равнобедренных треугольников, и т. д. См.: [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.academic.ru>.

¹¹ Горжет — первоначально стальной воротник для защиты шеи и горла. Горжет был частью старинных доспехов и предназначался для защиты от мечей и других видов холодного оружия. Эти пластины поддерживали вес носимой на них брони и зачастую были оборудованы ремнями для крепления других частей доспехов. См.: [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.weaponhistory.com>.

¹² Спата — название происходит от древнегреческого spathe, что означает «любой широкий клинок, деревянный, металлический или просто меч». Обоюдоострый меч, изобретен кельтами, использовался преимущественно как оружие пешего бойца, но, т. к. они к тому времени уже овладели верховой ездой, спата стала применяться и конницей галлов. А позже — и римской конницей, что особенно понятно, если учесть, что с I века до н. э. именно из галлов она и состояла. От римлян спата попала на вооружение в армию Византии. Была популярна у германцев в V веке. Старые римские военные мастерские на Рейне массово выпускали спаты. См.: [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.ru.warriors.wikia.com>.

¹³ Нидамкая топь представляет собой около двенадцати гек-

таров болотистой местности вблизи города Зондербург в герцогстве Шлезвиг (Южная Ютландия). Нидам, который во времена поздней Римской империи использовался для жертвоприношений большого количества оружия, кораблей и лодок, является одним из богатейших археологических памятников. Жертвуемые предметы являются в основном военными трофеями 240-450 гг. н. э. См.: [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.swordmaster.org>.

¹⁴ Торсбергская топь — болото к северу от города Зюдербрауп на полуострове Ангельн в земле Шлезвиг-Гольштейн (Германия). Ничем не примечательное внешне заболоченное озеро является ценным археологическим объектом периода поздней Римской империи. В период с I по начало V века н. э. это озеро было местом жертвоприношений местных западногерманских племен. Жертвы состояли из оружия, щитов, лошадиной упряжи, одежды, деревянных предметов, рабочих инструментов и украшений. См.: [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.swordmaster.org>.

¹⁵ Кампаги — обувь византийских воинов, напоминающая сапоги. См.: [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.academic.ru>.

¹⁶ Кибалова Л., Гербенова О., Ламарова М. Иллюстрированная энциклопедия моды. — Прага, 1987 — С. 608.

¹⁷ Сухова О. А. Житийная икона святых благоверных князей Константина, Михаила и Федора Муромских. Александр Казанцев. 1714 год. — М., 2006.

¹⁸ Висковатов А. В. Историческое описание одежды и вооружения российских войск с рисунками, составленное по высочайшему повелению. — СПб., 1899. — Ч. 1; Военно-исторический сборник. Труды ГИМ. — М., 1948. — Вып. XX.

¹⁹ Бердыш (польск. berdysz) — холодное оружие в виде топора (секиры) с искривленным, наподобие полумесяца, лезвием, насаженным на длинное древко — ратовище. См.: [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.spiculo.ru>.

²⁰ Рогатина (рогатыня) — славянское тяжелое копье для рукопашного боя или для охоты на крупного зверя. Отличается большим широким обоюдоострым наконечником. См.: [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.holodnoe-oruzhie.ru>.

²¹ Совня, совна, совь — древковое оружие с изогнутым однолезвийным наконечником, насаженным на длинное деревянное древко. Подобное оружие использовалось многими народами и могло дополняться крюками или шипами. Совня, ввиду формы наконечника, обладала не только колющими, но рубящими и режущими свойствами. См.: [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.weaponhistory.com>.

²² Кирпичников А. Н. Военное дело на Руси в XIII-XV вв. — М., 1976. — С. 84.

²³ Чернов А. В. Вооруженные силы Русского Государства в XVI-XVII вв. — М., 1954.

ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНОЕ НАСЛЕДИЕ ОКИ КАК ФАКТОР РАЗВИТИЯ ТУРИЗМА: НА ПРИМЕРЕ ЛУХОВИЦКОГО РАЙОНА МОСКОВСКОЙ ОБЛАСТИ¹

Введение. Из «Концепции развития туризма в Московской области» следует, что туризм как сфера национальной экономики приобретает на современном этапе статус одного из стратегических и приоритетных направлений социально-экономического развития России. При этом по экспертным оценкам туристский потенциал Московской области составляет не менее 20 % туристских ресурсов России. Его необходимо использовать в соответствии с современными тенденциями стратегического развития индустрии туризма. Наряду с крупными проектами, захватывающими экономику всей области, определенный интерес могут вызывать предложения, которые касаются относительно небольших территорий внутри одного района Подмосковья. К таким предложениям относится и проект «Луховицкое Поочье» (ПЛП), который предлагает организацию тематического туристического проекта, расположенного вдоль реки Оки от впадения реки Москвы до начала Рязанской области.

Луховицкий район, на территории которого Русское географическое общество в лице его областного отделения предлагает организацию ПЛП, обладает рядом уникальных черт. В совокупности эти свойства создают благоприятные условия для организации на его территории туристического проекта, отвечающего основным положениям «Концепции развития туризма в Московской области»².

Так, «Концепция» обращает внимание на следующее: «Туристская политика должна проводиться таким образом, чтобы она способствовала повышению уровня жизни населения посещаемых районов и отвечала их потребностям... популяризация экскурсионных туров по культурно-познавательным маршрутам будет способствовать повышению образовательного и культурного уровня населения России, уважения к своей национальной культуре и традициям, развитию

патриотического и интернационального воспитания молодого поколения страны, пробуждению у людей чувства национального самосознания... уникальные природные ресурсы и культурное наследие, которыми обладает наша страна, не могут рассматриваться в качестве единственного и достаточного условия для обеспечения успешного развития туризма в стране, так как представляют собой лишь один из элементов туристско-рекреационного потенциала...

В современной экономике развитие туризма во многом зависит от состояния наиболее конкурентоспособных туристско-рекреационных кластеров, использующих не только природные и культурно-исторические ресурсы, но и специализированную инфраструктуру, профессиональные кадры, образовательные и научно-производственные центры, сферу развлечений и анимации и др...

Для создания на территории любого масштаба (районе, городе, музее-заповеднике) туристской индустрии необходимо комплексное освоение потенциала, не фрагментарное, а мощное, полномасштабное объединение всех видов туристских ресурсов...

Потенциал рассматривается и с точки зрения его „действия” в разные сезоны (летний, зимний, межсезонье); и приоритет отдается территориям, где существуют разновидности потенциала, обеспечивающие максимальную длительность туристского сезона т. к. от этого зависит рентабельность туристской структуры...

Мировая туристская практика показывает, что масштабные культурные акции, зрелищные представления, ярмарки, фестивали, художественные аукционы и вернисажи привлекают людей не менее, чем исторические и природные памятники...

В летний и зимний периоды, в выходные дни спрос уже превышает предложение (заказ мест идет за 2-3 месяца), отмечается поч-

ти 100 % заполняемость объектов высокого и среднего уровня...

Исходя из этих положений, основными подходами к развитию кластера должны стать: круглогодичная привлекательность; организация и проведение на площадках кластера ярмарок и фестивалей для привлечения населения; создание и развитие комплексов, включающих музеи и организации музейного типа, организации, предлагающие познавательные, образовательные и развлекательные услуги; эффективность и привлекательность таких комплексов подтверждается как зарубежной, так и отечественной практикой; популяризация народных промыслов и вовлечение их в фестивально-музейные программы; развитие экологического и спортивного туризма.

Продолжая рассуждения о территориальной организации туризма в форме кластера, следует представить, что он может состоять из составных частей. Такой составной частью, по нашим представлениям, можно рассматривать комплексный туристический проект, состоящий из отдельных туристических маршрутов. Внутри проекта, очевидно, должны быть различные связи, позволяющие его выделять как территорию с тесными внутренними связями. Ниже будут изложены наши представления о формировании туристического проекта «Луховицкое Поочье», реализация которого предполагается на территории от Коломны до границы по Оке между Московской и Рязанской областями. Речные историко-культурные и познавательные маршруты будут главной особенностью специализации этого проекта.

Основные положения ПЛП были выработаны автором при работе над проектом Московского областного отделения Русского географического общества (МосОО РГО) «От Дединово до Гангута», который реализовывался в 2012-2015 гг. в рамках 300-летнего юбилея первой победы русского военно-морского флота над шведским флотом в битве при Гангуте. Различные разделы ПЛП обсуждались на заседаниях совета отделения, со специалистами районной администрации Луховицкого района, руководителями муниципалитетов Дединово и Белоомута, а также во время конференций и краеведческих семинаров в Луховицком районе. Отдельные аспекты по паломническому туризму обсуждались с настоятелем Бо-

городище-Рождественского мужского монастыря села Старое Бобренево епископом Луховицким Петром (Дмитриевым).

Потенциал территории. Луховицкий район имеет выгодное географическое положение в сравнении с другими районами Московской области и выдающийся историко-культурный потенциал. Через него проходит весьма загруженная трасса М5 на Рязань и далее в Поволжье и Южный Урал. В крест ей расположен достаточно интересный с точки зрения речного судоходства отрезок Оки, который у Коломны переходит в участок Москвы-реки. Весь этот регион имеет достаточно древнюю историю и является очень важным в истории Отечества. За более чем тысячу лет в этой части современного Подмосковья возникли, развивались и зачастую гибли населенные пункты, название которых появились порой ранее упоминания Москвы. Естественно, каждый километр дорог и каждый изгиб рек этого региона буквально «дышит» историей. В состав ПЛП мы не включаем объекты Коломны. Это обусловлено тем, что сама Коломна представляет комплексный историко-культурный туристический кластер, который по своему масштабу превосходит наши предложения в рамках ПЛП.

Основными перспективными направлениями развития туризма в рамках проекта «Луховицкое Поочье» являются:

1). *Культурный (познавательно-экскурсионный) туризм.* Он объединяет в систему все исторические достопримечательности территории. В круг этих достопримечательностей входят дворянские усадьбы, связанные с известными именами (например, Огарёв). Территории исторических событий, отражающих сложные отношения между Рязанским и Московским княжествами. Места памяти, связанные с испытаниями на прочность российского общества и государства. Особенно это касается районов Бобренева монастыря, Коломны, Дединово и Белоомута. Для полноценного формирования предложений по культурному туризму в регионе необходимо создать соответствующий музейный каркас. То, что сейчас турист может найти на этой территории, не выдерживает никакой критики. МосОО РГО считает, что необходимо создать выставочный центр, связанный с памятью о Куликовской битве

и другими днями воинской славы России рядом с Бобреневым монастырем. Помимо этого, в Дединово необходимо создавать музей Российского государственного флага и историко-культурный центр, посвященный истории строительства корабля «Орел» и допетровского судостроения. В Белоомуте мы считаем необходимым создать историко-культурный центр «Поочье», который бы включал территорию в несколько гектаров, на которых будут размещены этнографические подворья всех исторических территорий вдоль Оки, отражающие разнообразие быта и культуры народов, живущих на ее берегах. Одновременно в этом комплексе должны быть представлены природные комплексы Поочья и основные этапы исторического развития территории.

2). *Событийный туризм* (фестивали и ярмарки) пока не является очень заметным на фоне других возможностей территории. Однако проводимые в последнее время фестивали «Луховицкий огурец», «Царская уха», «Есенинские струны», «День Российского флага», «Вальс цветов», «В омут с головой» и др. дают надежду со временем выстроить сбалансированную систему привлекательных событий. В случае организации на территории центра летнего семейного отдыха следует продумать проведение «модных эвентов» с галереями, фестивалями, квестами, театральными постановками, литературными встречами и другими формами эстетического досуга. Духовая музыка и «настроение вальса» могут стать отличительной чертой зоны такого отдыха. Естественно, что в этом случае речной фасад Дединово и Белоомута должны стать зоной особой заботы областной и муниципальной власти. При этом, как мы полагаем, набережная и причал должны быть сделаны в общей стилистике Серебряного века России.

3). *Образовательный туризм* в рамках территории может быть организован в первую очередь на базе уникальных природных ландшафтов территории. Эта часть Луховицкого района является входом в уникальный мир Мещеры. Организация разнообразных познавательно-развивающих и экологических программ может удовлетворить потребность городских жителей в контакте с нетронутой природой. Безусловно, для организации такой деятельности необходима

организация соответствующей экспедиционной базы. Одним из удачных мест размещения такой базы могла бы стать деревня Слёмские Борки.

4). *Рекреационный туризм*, как правило, связан с наличием мест, отведенных для отдыха на природе, а также системы размещения туристов и предложения им разнообразного полноценного питания. При этом необходимо учитывать, что на территории должны в течение всего года предоставляться услуги по прокату лодок, конным прогулкам, летнему пляжному отдыху, аренде велосипедов, предоставление инвентаря для игровых и командных видов спорта. Территория вокруг мест размещения должна быть обустроена, включая организацию парков и рекреационных троп. Рекреационный туризм на этой территории позволит познакомить большое количество гостей с особенностями местной кухни, базирующейся на качественных мясных и молочных продуктах, а также разнообразных овощах и фруктах.

5). *Научный туризм* мог бы в первую очередь затрагивать организацию условий для биологических, археологических и этнографических экспедиций на всем протяжении долины реки Оки. Сюда же относится обеспечение полевых практик высших учебных заведений.

6). *Экологический туризм* затрагивает интерес потребителя к комфортной и целебной окружающей среде отдыха, а также возможности по потреблению органической пищи. В этом направлении потенциал территории просто колоссальный. Здесь со временем можно организовать популярный летний курорт для семейного отдыха с возможностью предоставления ряда медицинских услуг.

7). *Спортивный туризм* предполагает создание условий проведения спортивных тренировок и соревнований на рассматриваемой территории. МосОО РГО полагает, что велоспорт и различные виды водного спорта могут стать лидирующими в этой части. При этом для развития водных видов спорта в Белоомуте следует расположить марину для стоянки и обслуживанию судов: гребных, парусных и моторных. Открытие спортивных секций или морского спортивного клуба на базе такой марины позволило бы увеличить возможности местных школьников и молодежи в реализации своих спортивных потребностей.

8). Большой интерес в этом направлении вызывает *автомобильный спорт и туризм*. В прилегающих к речной долине лесах можно организовывать трассы для авторалли. Эти трассы могут сопровождаться станциями техобслуживания и снабжения. Эту же инфраструктуру можно использовать для автотуристов, которые готовы опираться на сеть автокемпингов и площадок размещения трейлеров караванеров.

9). *Паломнический туризм* смотрится для данной территории как естественная потребность прикоснуться к духовным и историческим корням нашей страны. Начиная храмами Коломны, Бобренева монастыря и заканчивая уникальными храмами в Дединово и на границе области в Белоомуте, пылкий паломник, при соответствующем сопровождении со стороны благочинья, сумеет найти много полезного.

Цели по формированию туристического проекта «Луховицкое Поочье»: развитие внутреннего и въездного туризма в регионе, создание новых рабочих мест, улучшение инвестиционного климата района, сохранение и популяризация культурно-исторического и природного наследия, повышение имиджа страны и региона.

Задачи, решаемые при формировании туристического проекта «Луховицкое Поочье»:

- брендинг территории и создание ее привлекательного имиджа;
- развитие гостинично-кемпинговой инфраструктуры, обеспечивающей круглогодичное комфортное размещение отдыхающих;
- создание образовательных, развивающих, образовательно-развлекательных и научно-производственных комплексов (историческое судостроение, народные промыслы и т. п.);
- создание музейных комплексов (музеи и организации музейного типа), как государственных, так и частных. При этом в этом сегменте могут проявиться и некоммерческие, и общественные организации;
- развитие активных видов туризма, в том числе водного, пешего и велосипедного.

Структура ПЛП. Основными структурными элементами проекта должны стать г. Луховицы, с. Дединово, с. Ловцы, с. Любичи, п. Фруктовая и п. Белоомут. Луховицы выступают в качестве важного опорно-распределительного пункта, име-

ющего налаженное автомобильное и железнодорожное сообщение с городами Москва и Рязань. Близость Коломны, Зарайска, Рязани, с. Константиново, с. Пощупова, с. Солотчи позволяет организовывать радиусные однодневные экскурсии в соседние районы, богатые привлекательными туристическими объектами. Кроме того, уже функционирующий в городе музей огурца предлагается переформатировать в музейно-образовательный комплекс, посвященный традиционным способам сезонной заготовки.

В селе Дединово предполагается организация музейно-производственного комплекса, включающего в себя музеи «Орла» и Российского флага, исторической верфи со строительством на ней копии первого русского военного корабля «Орел» и организацией при верфи туристско-образовательного комплекса, в интерактивной форме демонстрирующего процесс создания исторических судов.

Недалеко от поселка Фруктового уже сейчас проектируется крупный туристско-развлекательный комплекс, состоящий из нескольких парков. Территория имеет значимый историко-культурный потенциал, связанный со становлением единого русского государства. До 1551 года рядом с селом находился острог Перевитск, гарнизон которого вместе с разобранными постройками был переведен в строящийся Свияжск.

В п. Белоомуте, долгое время служившим поставщиком рыбы для царского двора, и, кроме того, имеющим богатую историю промыслов, например, пошив верхней одежды, имеются исторические основания для создания на его территории историко-культурного центра «Поочье», в идейную основу которого должно лечь представление об Оке как о транспортной, экономической и культурной артерии Московского государства. В состав комплекса, помимо музейно-выставочного центра, должны входить производственно-образовательный центр исторического речного судостроения и речная стоянка исторических судов (марина), а также кемпинг для любителей водного и автотуризма.

Важное место в организации ПЛП должно занять обустройство мест пребывания и отдыха туристов, обеспечивающих возможность круглогодичного посещения района. Такого рода места

в летнее время должны работать как кемпинги с обширной экологической, рекреационной и спортивной программой, а в межсезонье и зимой — как комфортные базы отдыха. В количественном отношении их может быть на этом участке Оки от шести до восьми. В зону их ответственности должны входить водоохранные зоны, где такого рода рекреационные центры должны будут контролировать километры речного берега, очищая берега реки Ока от замусоренности и создания стихийных необорудованных площадок, занимаемых автопутеистами. Эти же рекреационные центры должны будут создавать открытые зоны общедоступных пляжей для купания, обеспечивая в их пределах соответствующий надзор за безопасностью на воде.

Помимо этого, на участке берега р. Оки от с. Дединова до п. Белоомута (на участке автодороги от г. Коломны до п. Белоомута) необходимо обустройство авто-велокемпинга. Наличие охраняемой обустроенной площадки способствовало бы развитию контролируемого экологического и спортивного туризма.

Со временем, с развитием инфраструктуры туристического ПЛП и ростом популярности у отдыхающих, представляется целесообразным налаживание речного сообщения между г. Коломной и с. Дединовым, п. Фруктовым и п. Белоомутом.

МосОО РГО начало взаимодействовать с Луховицким районом с осени 2013 года, запустив на данной территории проект «От Дединово до Гангута», посвященный 300-летию первой военно-морской победы России на море. Это событие рассматривалось нами как ресурс развития туризма в Подмосковье. Проект включал несколько мероприятий, часть из которых будет продолжена и в будущем. Словосочетание «от Дединово до Гангута 2014» в поисковой системе Яндекс к концу 2014 года было найдено более 50 тыс. раз. Впервые это словосочетание было озвучено на заседании МосОО РГО в конце 2012 г., а сам проект был доложен в администрации Дединово в конце 2013 г. МосОО РГО этим проектом сумело привлечь к Луховицкому району внимание большого количества людей, используя информационный повод юбилея.

В 2018 году в России будет отмечаться 350-летие спуска на воду первого русского ко-

рабля «Орел» и поднятия на нем российского триколора! Этот славный юбилей должен стать центральной идеей в развитии ПЛП в ближайшие два-три года.

Каким может быть пакет первоначальных мер по организации туристического проекта? В качестве первоначальных мер по организации ПЛП предлагается:

1. Создать в п. Белоомуте историко-культурный центр «Поочье».
2. Организовать пилотные авто-VELO и речные кемпинги.
3. Провести поисково-экспедиционные работы для определения оптимального развития проекта.
4. Разработать концепцию музейного каркаса (комплекса) ПЛП. Каркас может включать как имеющиеся музеи, так и потенциальные частные учреждения музейного типа.

Заключение. Создание программы развития туристического проекта «Луховицкое Поочье» предполагает детальное изучение всего набора ресурсов района, которые могут быть использованы в направлении развития внутреннего туризма территории. Такое изучение, в случае поддержки настоящего видения развития проекта, должно быть проведено в форме экспедиционных исследований силами членов МосОО РГО при участии студентов и преподавателей ряда вузов московского региона. При этом отделение сосредоточится на организации экономгеографического и социально-географического обследования городских и сельских поселений с целью определения перспектив туристической привлекательности.

Важным этапом в развитии ПЛП должны стать:

- организация ежегодных тематических (география, этнография, история) чтений, посвященных уроженцу Белоомута, видному деятелю РГО середины XIX века, профессору МГУ Н. И. Надеждину;
- организация в Белоомуте совместного с РГО морского клуба, в направлении деятельности которого будет включаться парусно-гребная секция (традиционные соревнования в Белоомуте, участие в мероприятиях юных путешественников и корабелов, участие в международном обмене);
- создание верфи по строительству исторических и деревянных судов; марина для стоянки ма-

ломерных судов с полным циклом обслуживания;

— организация историко-культурного центра «Поочье» с выставочным и музейным наполнением деятельности. В состав такого центра планируется включить двухпалубное речное пассажирское судно и использовать его как гостиницу, кафе, выставочный комплекс и временное административное помещение. В дальнейшем — формирование музейной экспозиции и строительство музейного здания;

— организация экспедиционной базы для эко-

лого-географических программ МосОО РГО в д. Слёмские Борки. Организация территории (экспедиционной площадки) для проведения летних образовательных программ для школьников.

МосОО РГО полагает, что проведение соответствующих исследований на рассматриваемой территории и целенаправленные действия по созданию ПЛП в итоге приведет к организации востребованного комплексного историко-культурного водного туристического маршрута между Коломной и Белоомутом.

¹ Автор выражает большую признательность своим товарищам по Московскому областному отделению РГО Д. Г. Александрову и А. А. Чемодурову, которые взяли на себя труд прочитать рукопись статьи и высказали ценные

замечания по ее содержанию.

² [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://mosoblculture.ru/LoadedFiles/Kontseptsiya_razvitiya_turizma_v_Moskovskoiy_oblasti.doc.

Е. А. Васильченко (Муром)

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ БИБЛИОТЕК МУРОМА И МУРОМСКОГО РАЙОНА В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ (ПО МАТЕРИАЛАМ МЕСТНОЙ ПРЕССЫ)

Деятельность библиотек в городе Муроме и Муромском районе во время Великой Отечественной войны — одна из важных страниц в истории развития библиотечного дела нашего края. Ценным источником в раскрытии этой темы служит периодическая печать. Анализируя газетные публикации, можно проследить, как развивалась библиотечная работа в военные годы, как организовывался досуг жителей города и района.

Библиотеки всегда играли большую роль в формировании культурного пространства. Как отмечал «Муромский рабочий», «сеть хорошо устроенных, богато снабженных и уютно обставленных библиотек — одно из средств ускорить достижение высокой цели, поставленной товарищем Сталиным — сделать всех рабочих и колхозников культурными и образованными»¹. А библиотекарь обязан не просто выдавать книги, но и «помогать в выборе, руководить чтением, быть советчиком и другом читателя»².

Вся работа культпросветучреждений (в том числе и библиотек) в Муроме проводилась в соответствии с планом. Еще в 1931 году президиум горсовета постановил ввести в городе единый культплан, «чтобы изжить разнობой и самотек и придать культурной работе политический характер, подчинив ее общим хозяйственным и политическим задачам»³. На начало 1941 года в Муроме действовала 31 библиотека со 150-ю тысячами томов книг и журналов⁴.

На осенне-зимний период 1940-41 годов в плане культурных мероприятий по Муромскому району значилось «привести в порядок все бюджетные и колхозные библиотеки, оживить работу и увеличить книжный фонд, пропагандируя через читательские конференции, беседы, рекомендательные списки лучшие произведения художественной, антирелигиозной, сельскохозяйственной, оборонной и др. литературы. Увеличить количество передвижек по центральной

библиотеке в колхозы до 50, установить твердый график их оборачиваемости. Проводить семинары с библиотечными работниками в целях повышения их квалификации»⁵.

Летом сельские библиотеки ориентировались на выездную работу в полях, городские — старались обеспечить интересный досуг отпускникам. Для школьников готовились мероприятия с учетом каникулярного времени. Из газетных публикаций видно, что так было и летом 1941 года. Н. Чеканов в номере от 17 мая пишет, что «некоторые клубы и избы-читальни с начала весны перестроили свою работу, направив ее на участие в колхозном производстве»⁶. Вместе с тем имеется и ряд недочетов, их нужно устранить как можно быстрее. Несколько заметок посвящено хорошей работе библиотеки Дома партийного просвещения. «Большие и просторные, чистые и уютные читальный зал и зал выдачи литературы привлекают посетителей... Вновь оборудовано несколько витрин... В читальном зале оборудованы две фотовыставки... Увеличилось количество посетителей библиотеки. В мае в ней побывало 1178 человек, выдано социально-экономической, политической и художественной литературы свыше 1500 книг»⁷. В. Воробьев в своей статье «В каникулы» призывает учеников Поздняковской школы читать книги, ведь в их распоряжении богатая библиотека⁸.

С началом войны вся жизнь стала подчиняться интересам обороны страны. Не остались в стороне и библиотеки. Их работа была перестроена по приказам Наркомпроса РСФСР от 2 сентября 1941 года «О работе политико-просветительных учреждений в военное время» и от 27 октября 1941 года «О работе массовых библиотек в военное время». Согласно этим приказам, библиотеки становились центрами агитационно-массовой и культурно-просветительной работы и должны были пропагандировать военно-оборонные знания, популяризировать трудовой героизм, информиро-

вать читателей о ходе войны, разъяснять международное положение.

В годы войны «Муромский рабочий» выходил на двух полосах вместо четырех. Основное внимание уделялось сводкам с фронта, работе в тылу. Находилась место и для освещения деятельности культурно-просветительных организаций города и района.

В этот тяжелый период, когда «от каждого советского гражданина требуется организованность, дисциплина, напряжение всех сил»⁹, местная пресса подчеркивает, что «вся массово-политическая работа культурно-просветительных учреждений должна быть направлена на дело защиты отечества от коварного врага, на воспитание у трудящихся беспримерного трудового героизма, строжайшей военной дисциплины и организованности»¹⁰.

Библиотекам пришлось пересмотреть свои довоенные планы и скорректировать их, учитывая сложившуюся обстановку. Уже третьего июля в библиотеке Дома партийного просвещения оборудовали новую витрину книг, посвященную войне, где расположились свыше 30-ти томов, рассказывающих о подвигах русского народа в сражениях от Ледового побоища до боев на Карельском перешейке с белофиннами¹¹. Вскоре при Доме партийного просвещения был образован агитпункт со множеством наглядных пособий «по истории гражданской войны и созданию непобедимой Красной Армии»¹². Все посетители агитпункта могли получить «консультации и необходимую литературу на разные политические темы», ознакомиться с книжными выставками, посвященными героическим битвам русских войск. Кроме того, была «оборудована специальная комната для занятий агитаторов и других работников по подготовке к лекциям, докладом, читкам и беседам»¹³.

В районной библиотеке пользовалась популярностью размещенная на стене большая политическая карта мира. С ее помощью читатели ориентировались в происходящих событиях. Привлекали внимание выставки: «Из истории нашей родины»; «Великая Отечественная война советского народа против фашистских разбойников»; «Фашизм — лютей враг человечества»; «Будь готов к ПВХО»¹⁴.

Не остался в стороне и музей. Его директор И. П. Богатов в номере от 24 августа 1941 года

пишет, что «на многочисленных полках библиотеки Муромского музея» хранятся комплекты журнала «Сын Отечества» за 1813-1815 гг. и газеты «Северная почта» за 1812 год». В них много внимания уделялось войне России с Наполеоном. «Какой убедительный урок для ошалевшего Гитлера, так же в июне и так же воровски и вероломно напавшего на нашу Родину!.. Но Наполеон... был уничтожен русским народом... так будет уничтожен и Гитлер с его кровавыми бандами»¹⁵.

В годы войны изменился состав читателей: многие ушли на фронт, приехали эвакуированные из других городов. Например, Монаковские сельскую и школьную библиотеки «в основном посещали учащиеся, особенно младшего и среднего возраста, а также эвакуированные из Москвы и Ленинграда»¹⁶. Эвакуированные учителя преподавали в школе и читали лекции в библиотеке. При Муромской районной библиотеке было организовано восемь передвижек, обслуживающих госпитали¹⁷. Заведующая библиотекой Милица Степановна Маланова пишет, что многие читатели, «сдавая книги, говорят с улыбкой: „До свидания, уезжаю на фронт, как приеду, — опять приду в библиотеку”»¹⁸. Маланова также обращает внимание на заметно изменившийся репертуар востребованной литературы. «Десятки читателей ежедневно спрашивают книги по ПВХО, о военной подготовке, как владеть оружием, о тактике авиации, о героическом прошлом русского народа, о походах Суворова, о героях гражданской войны... Военно-оборонной литературы выдается в среднем 50-60 книг в день... Учителя... изучают газетные материалы по ПВХО в читальном зале библиотеки. За газетами люди просиживают по несколько часов, читают их с начала до конца. Журналы „Огонек”, „Крокодил”, альбомы „Боевые эпизоды”, „За Родину, за Сталина” просматриваются читателями с большим интересом»¹⁹. Библиотека при городском агитпункте за второе полугодие 1941 года произвела 12 398 книговых изданий оборонной и военной литературы²⁰. В Поздняковской библиотеке «повысился спрос на литературу об историческом прошлом великого русского народа»²¹.

Остается высокой посещаемость. Только в районной библиотеке ежедневно бывают 230-250 человек на абонементе и 80-100 человек —

в читальном зале²². В библиотеке Дома партийного просвещения в августе 1941-го года побывало 989 человек, а в феврале 1942 — 868²³. После рабочего дня жители села Лопатино приходят в изб-читальню. С 8 вечера и до 12 ночи здесь всегда многолюдно: «Колхозники читают газеты, слушают беседы, просматривают новые кинофильмы»²⁴.

Надо заметить, что во время войны роль деревенских клубов, библиотек, изб-читален как центров массового политпросвещения населения многократно возросла. Об этом говорят даже заголовки газетных заметок: «Клубную работу — на помощь фронту»; «Каждая изба-читальня — боевой агитпункт»; «Чаадаевский клуб — центр культурно-политической работы» и т. п.²⁵

В сельских культурно-просветительных учреждениях создавались военно-оборонные, физкультурные и агро-зоокружки, организовывались кружки по изучению книги И. В. Сталина «О Великой Отечественной войне Советского Союза» и «Краткого курса истории ВКП(б)», проводились беседы и концерты художественной самодеятельности, читались лекции и доклады, выпускались боевые листки и стенгазеты, оформлялись выставки книг и газетных вырезок, демонстрировались кинофильмы, прослушивались радиопередачи. Целью всей этой работы была мобилизация жителей на ударный труд в тылу, укрепление их веры в победу над фашизмом, поднятие боевого духа. Культработники в весенне-летний период выезжали в поля, где информировали население о ходе военных действий, о международном положении; устраивали громкие читки газетных статей или книг патриотического содержания. Подобные методы работы были очень эффективны. Вот что пишут по этому поводу колхозницы Степаньковской артели: «Культурник С. В. Корнев, а мы его просто зовем Сережа, всегда в поле. Он ежедневно читает колхозникам газеты, рассказывает о положении на фронтах, о боевых делах колхозников нашего района и всей нашей страны. Бывает — устанешь и ослабишь темпы работы, а придет Сережа почитает, расскажет, с какими трудностями справляются бойцы Красной Армии, как восстанавливают разрушенное фашистскими варварами хозяйство колхозники освобожденных районов, и сразу мысль — „да разве у нас это — трудности“, и начинаешь работать лучше и напряженнее»²⁶.

А заведующая Чаадаевским клубом С. Шпаковская, говоря о том, что «культурно-политические мероприятия мобилизовали людей на усиление помощи фронту», приводит следующие примеры: «На эскадрилью боевых самолетов чаадаевские колхозники внесли 425 тысяч рублей. На Второй Военный Заем подписались на 833 тысячи рублей. Обучаясь в оборонном кружке, 45 девушек получили значки Ворошиловский стрелок»²⁷. На фоне такого общего подъема бездействие некоторых клубов, библиотек и изб-читален вызывало резкую критику на страницах «Муромского рабочего». Так, заведующий отделом пропаганды и агитации РК ВКП(б) А. Трушин в номере от 27 февраля 1942 года пишет, что «из 32 бюджетных клубов и изб-читален 9 бездействуют, не работают некоторые клубы и избы-читальни, состоящие на колхозном бюджете»²⁸. Далее он призывает все парторганизации и сельсоветы района проанализировать работу этих учреждений и перестроить ее в соответствии с требованиями войны.

В это трудное время не забывают о культурном и патриотическом воспитании подрастающего поколения. К услугам ребят школьные и сельские библиотеки, детская городская читальня. Особенно интенсивно велась работа в дни каникул. Для малышей устраивались громкие читки и вечера сказок, для ребят постарше — лекции, беседы, конференции по прочитанным книгам. Кроме того, организовывались встречи с участниками Великой Отечественной войны и стахановцами предприятий города и района. Дети наравне со взрослыми стойко переносили тяготы военного времени. Римма Алексеевна Трошина в сентябре 1941 года пошла в первый класс Дмитриевскослободской школы. Писали ученики на старых газетах, т. к. не хватало тетрадей. Зимой дети помогали женщинам в сборе дров, весной выкапывали в поле мерзлую картошку, летом работали в колхозе «Путь к коммунизму». Под руководством пионервожатой школьники готовили концерты художественной самодеятельности и выступали в клубах перед солдатами. По воспоминаниям Риммы Алексеевны, когда выпадали свободные минуты, она очень любила «слушать все по радио и читать книги»²⁹.

Одной из самых используемых форм библиотечной работы являлись громкие читки. Особенно

популярны они были в сельской местности. Например, заведующая Битюковской избой-читальней Кузнецова за июнь 1942 года провела 82 читки, которыми обслужено 3000 человек³⁰. Читали газеты, журналы, книги. К выбору книг для громких чтотков подходили ответственно, чтобы прочитанный материал надолго оставался в памяти жителей и находил горячий отклик в их сердцах. Так, после чтения рассказа «Родная кровь», многие девушки из Чаадаевского колхоза решили стать донорами³¹. На территориях, оккупированных врагом, книжный фонд библиотек нес огромные потери. Для восстановления разрушенной библиотечной сети в феврале 1943 года ЦК ВКП(б) принял постановление о создании Государственного фонда литературы при Наркомпросе РСФСР³². В сборах книг для освобожденных от фашистов земель активное участие принимали практически все библиотеки города и района, школы, заводы и другие учреждения. Работники госторговли отдали целиком свою профсоюзную библиотеку, в которой были произведения Маркса, Энгельса, Ленина, Сталина³³. Некоторые жители передавали свои личные собрания. Военком Вдовин сдал домашнюю библиотеку, включающую издания «Шекспира, Шиллера, Пушкина, Гоголя, Некрасова, Салтыкова-Щедрина, Горького, полное собрание сочинений Ленина и много произведений советских писателей»³⁴ в количестве 600 экземпляров. Сотрудники горкома ВКП(б) сдали 126 книг, среди которых оказались тома «В. Гроссмана „Степан Кольчугин“, Чапыгина „Гулящие люди“, В. Василевской „Земля в ярме“, сочинения Пушкина и др.»³⁵. Иногда горожане специально для этой цели покупали книги в магазине КОГИЗа. Всего в Госфонд поступило: 1320 книг общественно-политической литературы, 290 — сельскохозяйственной, 1120 — художественной литературы и 395 учебников³⁶.

Отдельно хочется сказать о работниках культурно-просветучреждений. В годы войны они трудились с полной самоотдачей, оперативно откликаясь на изменившиеся обстоятельства. Например, в районной библиотеке сотрудники начали заниматься изучением ПВХО, тщательно изучать отдел военно-оборонной и исторической литературы с тем, чтобы лучше рекомендовать книги читателям³⁷. Заведующая Чаадаевским клубом

С. Шпаковская организовала выставку из музея на тему: «Великая Отечественная война», «Муромцы на защите родины». Для чтотков использовала не только газеты, но и материалы музея. В беседах с колхозниками освещала и разъясняла сложные вопросы политического характера и международных отношений³⁸. В 1944 году правление Мордвиновского колхоза поставило Ф. И. Кузнецову заведовать клубом, и культмассовая работа в деревне закипела. Клуб был приведен в порядок, украшен лозунгами и плакатами. Стали регулярно выпускаться стенгазеты и демонстрироваться фильмы. Но Ф. И. Кузнецова не ограничивалась работой в стенах клуба. «Ее можно видеть в поле, в звеньях с газетой, журналом, с книгой. Она рассказывает колхозникам о положении на фронтах, читает газеты, журналы»³⁹. Анна Николаевна Романова, трудившаяся в Монаковской библиотеке с 1943 года, выходила на сенокос и, помимо чтения газет, старалась организовать небольшие концерты с исполнением частушек на злобу дня, постановкой спектаклей, чтением стихов⁴⁰. Даже в военные годы в райисполкоме г. Муром проходили совещания библиотекарей, на которые сельским библиотечным работникам зачастую приходилось добираться пешком несколько километров. Культработники в деревнях были на виду. Если они плохо исполняли свои обязанности, то подвергались резкой критике, в том числе и на страницах газет.

Наш город в годы Великой Отечественной войны не был оккупирован фашистами и не подвергался бомбежкам. Но трудности военного лихолетья не обошли Муром стороной. В этот тяжелый период библиотеки города и района продолжали работать. Изменился контингент читателей, но посещаемость продолжала оставаться высокой. Смещение акцента в спрашиваемой литературе повлекло изменение в комплектовании — больше внимания стало уделяться книгам о героическом военном прошлом нашего народа, изданиям и наглядным пособиям по обороне. Библиотечные фонды продолжали пополняться новой литературой. Муромской районной библиотекой на комплектование в 1942 году было истрчено 6800 рублей, в 1943 году — 7000⁴¹. Библиотеки использовали традиционные формы своей деятельности: книжные выставки, громкие чтения,

индивидуальные консультации читателей, лекции и беседы на актуальные темы. Упор в библиотечной работе делался на патриотическое воспитание, укрепление веры населения в победу над врагом. Применялись и новые методы: организация при библиотеках военно-оборонных кружков; размещение в читальнях больших политических карт, на которых отмечался ход боевых действий; обслуживание раненых бойцов по госпиталям; сбор

литературы для освобожденных от врага районов. Библиотекари разделили все трудности этой поры со своими земляками: получали скудные продовольственные пайки для служащих, дежурили в системе ПВО, принимали участие в сборе средств на военные нужды, сами заготавливали дрова для библиотеки⁴². Вместе с тем продолжали честно трудиться на рабочих местах, внося свой вклад в общее дело победы над врагом.

¹ Лекутов В. Библиотека — очаг культуры // Муромский рабочий. — 1941. — № 294. — С. 3.

² Там же.

³ С 1931 г. вводится единый культплан // Муромский рабочий. — 1930. — № 89. — С. 4.

⁴ Рудаков В. Наш город в 1940 году // Муромский рабочий. — 1941. — № 305. — 1 января. — С. 2.

⁵ План культурных мероприятий по Муромскому району на осенне-зимний период 1940-41 г. // Муромский рабочий. — 1940. — № 240. — С. 4.

⁶ Чеканов В. Задачи клубов и изб-читален // Муромский рабочий. — 1941. — № 114. — С. 2.

⁷ Мошкова Н. В библиотеке Дома партийного просвещения // Муромский рабочий. — 1941. — № 139. — С. 2.

⁸ Воробьев В. В каникулы // Муромский рабочий. — 1941. — № 148. — С. 4.

⁹ Трушин А. Превратить клубы и избы-читальни в боевые агитпункты // Муромский рабочий. — 1942. — № 24. — С. 2.

¹⁰ Чулошникова З. Каждая изба-читальня — боевой агитпункт // Муромский рабочий. — 1942. — № 124. — С. 2.

¹¹ Н. М. Книжная витрина «Великая Отечественная война» // Муромский рабочий. — 1941. — № 155. — С. 4.

¹² Лекутов В. Агитпункт при Доме партийного просвещения // Муромский рабочий. — 1941. — № 188. — С. 3.

¹³ Там же.

¹⁴ Маланова М. В районной библиотеке // Муромский рабочий. — 1941. — № 184. — С. 3.

¹⁵ Богатов И. Отечественная война 1812 года в освещении газет и журналов той эпохи // Муромский рабочий. — 1941. — № 200. — С. 4.

¹⁶ [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.libnav.ru/index.php/o-biblioteke/biblioteki-tsbs/monakovskaya-selskaya-biblioteka/istoriya-monakovskoj-biblioteki>.

¹⁷ Муромская библиотека в годы войны // [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://ru.calameo.com/read/00188699823d0ad99f2ce>.

¹⁸ Маланова М. Указ. соч.

¹⁹ Там же.

²⁰ Лекутов В. Городской агитпункт в дни войны // Муромский рабочий. — 1942. — № 5. — С. 2.

²¹ Воробьев В. В Поздняковском клубе // Муромский рабочий. — 1941. — № 250. — С. 2.

²² Маланова М. Указ. соч.

²³ Лекутов В. В городском агитпункте // Муромский рабочий. — 1941. — № 208. — С. 2; он же. В городском агитпункте // Муромский рабочий. — 1942. — № 33. — С. 1.

²⁴ Антонова. Изба-читальня — центр массово-политической работы // Муромский рабочий. — 1945. — № 2. — С. 2.

²⁵ См.: Муромский рабочий. — 1941. — № 190. — С. 3; 1942. — № 124. — С. 2; 1943. — № 70. — С. 2.

²⁶ Решетова А. П., Артемьева А. К., Григорьева Е. П. и др. Наш культурник // Муромский рабочий. — 1944. — № 100. — С. 2.

²⁷ Шпаковская С. Чаадаевский клуб — центр культурно-политической работы // Муромский рабочий. — 1943. — № 70. — С. 2.

²⁸ Трушин А. Указ. соч.

²⁹ Война глазами читателей. — Муром, 2005. — С. 28.

³⁰ Чулошникова З. Каждая изба-читальня — боевой агитпункт // Муромский рабочий. — 1942. — № 124. — С. 2.

³¹ Шпаковская С. Указ. соч.

³² Голубева Н. Д. Деятельность филиала Госфонда литературы Горьковской областной библиотеки в годы Великой Отечественной войны // [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://www.nounb.sci-nnov.ru/library/rus/panorama/2010_2/panorama_2_10_6.php.

³³ Лекутов В. Книжные фонды для районов, освобожденных от немецких оккупантов // Муромский рабочий. — 1942. — № 14. — С. 2.

³⁴ Вдовин. Передаю личную библиотеку для освобожденных районов // Муромский рабочий. — 1943. — № 20. — С. 2.

³⁵ Маланова М. В Государственный библиотечный фонд // Муромский рабочий. — 1943. — № 33. — С. 1.

³⁶ В Государственный библиотечный фонд // Муромский рабочий. — 1943. — № 44. — С. 2.

³⁷ Маланова М. В районной библиотеке. — С. 3.

³⁸ Чулошникова З. Указ. соч.

³⁹ Алексеев А. Работу клуба — на высшую ступень // Муромский рабочий. — 1944. — № 74. — С. 2.

⁴⁰ [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.libnav.ru/index.php/o-biblioteke/biblioteki-tsbs/monakovskaya-selskaya-biblioteka/istoriya-monakovskoj-biblioteki>.

⁴¹ Муромская библиотека в годы войны // [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://ru.calameo.com/read/00188699823d0ad99f2ce>.

⁴² Там же.

ОТ КУПЕЧЕСКОГО ОСОБНЯКА ДО МУЗЕЯ САТИРЫ И ЮМОРА:

ИСТОРИЯ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ

КОЗЬМОДЕМЬЯНСКОГО МУЗЕЯ ИМ. О. БЕНДЕРА

В городе Козьмодемьянске по адресу Советская 7, на площади Карла Маркса, называвшейся до 1918 г. центральной Базарной площадью, стоит двухэтажное каменное здание в стиле классицизма. Здесь находится единственный в России полноценный музей сатиры и юмора имени великого комбинатора Остапа Бендера.

Музей располагается в здании с богатой историей, уводящей исследователя в прошлое почти на два века назад. После пожара 26 мая 1833 года, когда из более чем 600 домов сгорело 418, город стал застраиваться по плану, высочайше утвержденному 1 марта 1835 года. Тогда же на Базарной площади был построен большой дом в три этажа; третий этаж был антресольным. Согласно топографическому плану Козьмодемьянска 1840-х годов, в этом здании находилась городская дума. В 50-х гг. здание было передано во владение сестрам мещанкам Арине Артемьевой-Баевой и Пелагее Артемьевой-Волковой¹. В 1873 году, после очередного крупного пожара в Козьмодемьянске, пострадавший дом выкупил Павел Федорович Бычков, купец второй гильдии, известный в городе меценат и городской голова, а впоследствии — депутат IV Государственной думы. На деньги П. Ф. Бычкова здание было восстановлено и перестроено по вкусу нового владельца, превратившись в купеческий особняк. Появился красивый декоративный балкон, с которого открывался замечательный панорамный вид на Базарную площадь и Волгу.

В 1905 году часть здания была отдана под женскую прогимназию, которая просуществовала здесь вплоть до открытия в 1914 г. нового здания для женской гимназии. В 1918 г. казанский художник Павел Радимов привез в Козьмодемьянск Волжско-Камскую художественную выставку, расположившуюся в здании бывшей прогимназии. И, хотя по воспоминаниям Радимова выставка не вызвала в городе особого ажиотажа, а самому ему

приходилось часами просиживать у окна в пустом выставочном зале в ожидании посетителей, она явилась прологом к созданию при поддержке художника Александра Владимировича Григорьева, нашего земляка, картинной галереи в созданном в 1919 г. музее.

В советское время в бывшем особняке купца Бычкова располагались самые различные государственные учреждения. В результате неоднократных ремонтных работ основательно изменилась внутренняя планировка здания, из-за чего часть окон была заложена кирпичом, снаружи стены побелили, вероятно, для того, чтобы здание не очень выделялось своим благородным бежевым цветом. В 1920-1950-е годы, во время различных демонстраций и социалистических праздников, балкон превращался в трибуну, с которой первые лица города произносили перед трудящимся народом торжественные речи.

Однако ремонт не был частым явлением, вследствие чего уже в 1960-е годы обвалился декоративный балкон, о существовании которого горожанам и гостям долгое время напоминали стальные штыри, на которых когда-то держалась конструкция.

В 1995 году здание, будучи памятником историко-архитектурного значения, было передано в ведение Козьмодемьянского историко-архитектурного музея-заповедника, где уже через год открылся новый, весьма оригинальный музей. Этому предшествовало еще одно немаловажное событие в культурной жизни города. 7 августа, при активном участии сотрудников музея-заповедника во главе с директором Арнольдом Валентиновичем Муравьевым, в городе прошел Первый Межрегиональный фестиваль сатиры и юмора «Бендериана». Ранее было выяснено, что образ города Васюки больше всего подходит для г. Козьмодемьянска, столицы шахматной мысли из знаменитого сатирического романа советских

писателей И. Ильфа и Е. Петрова «Двенадцать стульев». Правда, стоит заметить, лавры Васюков не давали покоя и жителям Васильсурска, что выше по Волге, но они, увы, упустили пальму первенства².

Само название «Васюки» вымышленное. Стоит оно, по всей вероятности, из наименований четырех населенных пунктов, стоящих на реке Волге, которые в свое время посетил Илья Ильф: Васильсурск, Юрино, Козьмодемьянск и Ильинка. Но только от Козьмодемьянска, еще до строительства Чебоксарской ГЭС, можно было за ночь добраться на лодке до Чебоксар. Это и удалось главным персонажам романа «Двенадцать стульев». И только в Козьмодемьянске оказалась в те времена лестница из 400 ступеней.

Еще с советских времен в Горномарийский краеведческий музей им. А. В. Григорьева приходили письма со всех уголков страны, в которых содержался один-единственный, но очень важный вопрос: «Козьмодемьянск — это Васюки?»³. Количество писем и телеграмм уменьшилось только с появлением в «Литературной газете» статьи писателя А. А. Шамаро «Приключения в Васюках», в которой он однозначно расставил точки над *i*³. Кстати, и письма, и статья хранятся в музейных архивах.

Праздник «Бендеряна» получился масштабным. Тем более, что фестиваль удалось совместить с проходом Большого московского торгового каравана по Великому Российскому пути от Твери до Астрахани с остановкой в Васюках. Был открыт Первый международный форум делового и свободного авантюризма имени Остапа Бендера, торжественно открыт Всемирный центр междупланетной шахматной мысли — васюкинский «Шахматный клуб 4-х коней», произведена закладка будущего мемориала, посвященного героям романа «12 стульев», проведен шахматный турнир с участием московского гроссмейстера Е. Васюкова. И, конечно же, — аукцион «12 стульев». В качестве почетного гостя прибыл актер театра и кино Семен Фарада⁴. Впоследствии праздник стал ежегодным.

Первый сеанс одновременной игры в шахматы между гроссмейстером Евгением Васюковым и васюкинскими любителями прошел как раз в здании по адресу Советская 7.

1995 — первая половина 1996 гг. ознаменовались подготовкой к созданию нового музея. Стоит сказать, что в Козьмодемьянске к тому времени уже существовали два музея: Художественно-исторический музей им. А. В. Григорьева и Этнографический музей под открытым небом. А в 1994 году появился градостроительный музей-заповедник, в обязанности которого входила охрана памятников истории и архитектуры города, нашедший поддержку своих начинаний в Художественно-историческом музее. В состав нового учреждения вошел и музей мебельного мастерства, заявивший о себе в день первой «Бендеряны» поначалу как выставочный зал, но официально открывшийся в день проведения второй «Бендеряны».

24 августа 1996 года состоялось торжественное открытие музея О. Бендера как раз в разгар Второго межрегионального фестиваля сатиры и юмора. Идея создания обоих музеев принадлежит краеведу Арнольду Валентиновичу Муравьеву, ставшему директором этого музея-заповедника.

Экспонаты пришлось собирать буквально по крупицам: что-то перекочевало из фондов Художественного музея, некоторые старые вещи советской эпохи были переданы наиболее ответственными жителями города, так что юный фестиваль сатиры и юмора явился хорошим источником пополнения музейных фондов. А 15 марта 1996 г. от знаменитого советского режиссера Михаила Швейцера были получены фотографии со съемок фильма «Золотой теленок» с подписями и автографами самого режиссера и его жены.

Под собственно музей был отдан второй этаж здания — четыре зала, на первом этаже располагались магазины. Тут же открылся пресс-центр «Бендеряны». По воспоминаниям очевидцев тех лет, посетители оставались довольны просмотром экспозиций: музей оказался вполне в духе великого комбинатора.

Следует заметить, что васюкинские идеи нашли еще одно неожиданное воплощение. В конце 1990-х годов в Художественно-историческом музее начались удивительные нововведения. В 1998 г., в разгар туристического сезона, в связи с передачей Йошкар-Олинской епархии Смоленского собора, музей переехал в новое здание, бывший особняк купца Александра Михайловича

Пономарева. Создавать экспозиции приходилось в ускоренном темпе. В 1999 году художественный салон, занимавший один из залов Художественно-исторического музея, закрылся, и на его месте с подачи директора музея Николая Вадимовича Просвирнина возникла целая мемориальная комната, посвященная пребыванию Остапа Бендера в Васюках. Над созданием экспозиций этой комнаты работал художник-оформитель из Йошкар-Олы Сергей Васильевич Прутов. Прутов очень любил Козьмодемьянск, с радостью бывал в нашем городе и за работу брался с большим энтузиазмом. Под его руководством, среди прочего, появилась замечательная трехмерная инсталляция «Васюки — пуп Земли». Тут, пожалуй, стоит пояснить, что музей-заповедник, в состав которого входил музей О. Бендера, в те времена работал совершенно самостоятельно от Художественно-исторического музея, и состав экспозиций между ними не согласовывался.

Такая двойственность просуществовала несколько лет.

В сентябре 2001 года по представлению городской администрации все музеи города были объединены в единое муниципальное учреждение «Козьмодемьянский культурно-исторический музейный комплекс», директором которого была назначена Анна Ананьевна Красавина. Тогда же музей мебельного мастерства стали именовать музеем купеческого быта, а музей О. Бендера получил новое звучное название: музей сатиры и юмора им. О. Бендера.

В начале 2000-х годов в бывшем доме купца Бычкова прошли ремонтные работы. Прежде всего, была отремонтирована крыша здания. Внутренние помещения находились в плачевном состоянии. Пришлось много белить, красить, убирать многочисленные перегородки, доставшиеся в наследство от «Дома медиков», кое-где менять доски пола. Под руководством Сергея Васильевича Прутова экспозиции подготовили в кратчайшие сроки: всего за три месяца. В обновленный музей сатиры и юмора перекочевали экспонаты и экспозиции из бывшей «мемориальной комнаты» О. Бендера в Художественно-историческом музее.

Для гостей города, приезжавших в Козьмодемьянск большими группами, музейными сотрудниками долгое время проводилась т. н. «Мини-

Бендериада», включающая в себя самодеятельные театрализованные представления с участием персонажей романов Ильфа и Петрова, «Тараканьи бега», сеанс игры в шахматы и, конечно же, аукцион «12 стульев», на котором можно было выиграть забавные призы.

Музейные фонды регулярно пополняются, в том числе эксклюзивными экспонатами. Так, в марте 2004 г. Александра Ильф подарила музею галстук своего отца, Ильи Арнольдовича Ильфа, купленный им во время поездки в Америку в 30-е гг. прошлого века. В настоящее время действуют все четыре музейных зала: два экспозиционных и два выставочных. Регулярно проводятся выставки как местных художников и скульпторов, так и художников всероссийского масштаба. К настоящему времени в музее действуют семь постоянных тематических экспозиций, последняя из которых была оформлена в 2012 году художницей Елизаветой Крыловой. Ею же в начале лета 2015 года создано эффектное граффити у входа в музей, где посетители и прохожие теперь очень любят фотографироваться.

О некоторых экспонатах и экспозициях музея, отсылающих посетителей в далекие времена нэпа, стоит рассказать подробнее. Тут и провинциальная цирюльня «Стригу и брею козлов», и дань советскому нарпиту с двойными расценками, и скромному буфету, в котором, тем не менее, пиво отпускалось только членам профсоюза. Здесь можно полюбоваться на идеологически правильную картину «Письмо Чемберлену», основанную на знаменитой картине Ильи Репина «Запорожцы пишут письмо турецкому султану», а также посмотреть на эволюцию образа Остапа Бендера в произведениях народных умельцев.

Идее и воплощению могучей шахматной мысли посвящена самая большая экспозиция в музее под названием «Васюки — пуп Земли»; автор — художник-оформитель Сергей Васильевич Прутов. Экспозиция состоит из двух частей. У двери посетителя ждет Киса Воробьянинов, выглядывающий из-за круглой тумбы с объ- явлениями, который приглашает, заплатив небольшую сумму, посетить сеанс одновременной игры в шахматы со знаменитым гроссмейстером О. Бендером. Дальше посетителя ждет сам сеанс игры, вернее, его окончание, — когда комбинатор

национализировал у одноглазого васюкинско-го любителя ладью и держит ее в правой руке. Одноглазый подозрительно смотрит на гресс-мейстера, как бы восклицая: «Здесь только что стояла моя ладья!»

Экспозиция «Антилопа Гну» (персонаж романа «Золотой теленок») создана художницей Елизаветой Крыловой. Экспозиция не простая — можно посидеть в машине на месте водителя, покрутить руль и сделать фото на память на фоне старинных улочек патриархальных Васюков, где деревянные домики, украшенные красивой резьбой, и каменные здания девятнадцатого века убегают куда-то вдаль, вверх по крутому берегу Волги, к рассветным краскам пробуждающегося нового дня. В высоту небес, где гордо парят аэропланы, тянутся многочисленные лестницы — символ осуществившихся заветных мечтаний.

С самого своего основания Козьмодемьянский музейный комплекс принимает активное участие в проведении фестиваля «Бендериада». С 2009 по 2014 гг. по инициативе директора музейного комплекса Лидии Александровны Батюковой колонна музейных сотрудников участвовала в карнавальном шествии.

В 2014-2015 годах, в рамках реализации проекта «Купеческая слобода», в котором Козьмодемьянский музейный комплекс принимал активное участие, по решению Правительства РФ,

на деньги федерального бюджета была проведена реставрация фасада здания — историко-архитектурного памятника «дом купца П. Ф. Бычкова». Здание снова засияло яркими красками. В доме было заново проведено отопление, а в ближайшие годы планируется масштабный внутренний ремонт помещений.

На первом этаже предполагается оформление конференц-зала для проведения массовых мероприятий, мастерской и отдельного зала для мастер-классов по лепке из глины для детей, которые уже много лет подряд проводит известный скульптор Николай Борисович Леденейкин. Возможно открытие закусочной вроде советского «нарпита» для большего погружения посетителей в эпоху великого комбинатора.

В заключение хочется выразить благодарность сотрудникам Козьмодемьянского музейного комплекса Николаю Борисовичу Леденейкину, Фелонии Николаевне Шестаковой и научному консультанту Владимиру Леонидовичу Шерстневу за их воспоминания о создании и развитии музея О. Бендера, оказавшиеся очень полезными при написании данной статьи.

Сейчас музей активно развивается как в экспозиционно-выставочном, так и в туристическом плане и шагает в ногу со временем, к светлому будущему, когда, по словам О. Бендера, васюкинцы денег платить не будут, они будут их получать.

1 Шилова Е., Чернова О. Малый город с великолепной архитектурой // Отчина. — 2016. — № 14. — С. 65-68.

2 А. Согомонов рассматривает эту ситуацию как пример весьма успешного, хотя, может, и не совсем правомочного брендинга: «Поволжский город Козьмодемьянск Республики Марий Эл базирует свою имиджевую стратегию на том, что именно он якобы стал прототипом легендарных Васюков. Весь городской ландшафт выстраивается в соответствии с этой креативной идеей. На пристани вас встречает многообещающая надпись „Киса и Ося здесь были“; вы на каждом шагу сталкиваетесь с шахматной символикой, а фасады домов, зачастую даже без должного ремонта, оформляются в виде шахматных досок. Дополняя музейную составляющую, в общую линию вписываются и обычные магазины: вы совершаете шопинг в торговом пассаже, украшенном вывесками „Отец Федор“ и „Мадам Грицадуева“, а продукты питания приобретаете в магазине „Пиво продается только членам профсоюза“. И то обстоятельство,

что приватизация „Васюков“ произведена без всякого права — авторы знаменитого романа упоминают Козьмодемьянск наряду с Васюками, — абсолютно не смущает ни жителей, ни городские власти. Главное, они оказались первыми, а их брендинговая идея оригинальна, что незамедлительно обернулось ростом доходов, притоком туристов, информационной привлекательностью. Не менее важно и то, что творческая находка способствует большей устойчивости городского сообщества: борьба за горожанина в данном случае не менее значимая цель брендинга города, чем привлечение массового посетителя». См.: Согомонов А. Современный город: стратегия идентичности // [Электронный ресурс]. — <http://magazines.russ.ru/nz/2010/2/so21.html>. (Прим. ред.).

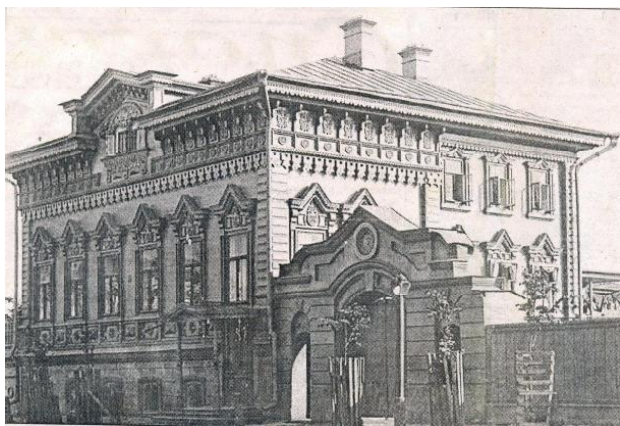
3 Яшина Е. По следам Остапа // Козьмодемьянский музейный вестник. — 1995. — 17 окт. — С. 4.

4 Документальный фонд Козьмодемьянского культурно-исторического музейного комплекса.

КОЛЛЕКЦИЯ МУЗЕЯ КУПЕЧЕСКОГО БЫТА: ИЗ ИСТОРИИ НЕКОТОРЫХ ЭКСПОНАТОВ

Музей купеческого быта входит в состав Муниципального учреждения «Козьмодемьянский культурно-исторический музейный комплекс». Располагается музей в старинном купеческом особняке с цокольным этажом, антресолями и мезонином. Особняк был построен в 1897 году, принадлежал купцу-лесопромышленнику Александру Ивановичу Шишочкину.

Семья Шишочкиных появилась в Козьмодемьянске в начале 1860-х годов: крестьянин Иван Иванович Шишочкин переехал в наш старинный город из села Верхнего Белоомута Рязанской губернии. Его сын Александр Шишочкин служил приказчиком у П. Ф. Бычкова, городского головы, купца 2-й гильдии. Вскоре стал заниматься торговлей самостоятельно, в 1878 году открыл портерную лавку. Накопив капитал, А. И. Шишочкин стал заниматься торговлей лесом, был купцом 2-й гильдии. В 1896 году ему принадлежали три завода: Лопатинский, Кушергский и Мариинский. В 1897 году в Козьмодемьянске на ул. Вознесенской для семьи Шишочкиных был построен деревянный особняк, богато украшенный резьбой. Александру Ивановичу принадлежало пять домов в Козьмодемьянске, а его супруге Екатерине Ефимовне — три дома. В 1899 году А. И. Шишочкин разорился, его заводы были заложены, а 9 января 1902 года состоялись первые торги¹.

Ил. 1. Дом купца А. И. Шишочкина

Таким образом, в начале XX века особняк на Вознесенской был продан «Торговому дому» купцов Губиных, здесь находились конторы. «Торговый дом» был основан купцами-лесопромышленниками Иваном, Василием и Александром Губиными. Родом они были из с. Ижевское Спаского уезда Рязанской губернии, но считали себя астраханскими купцами, владели в Астрахани шестью домами. Купцам Губиным принадлежали лесопильные заводы около с. Коротни и в п. Лопатино (сейчас г. Волжск). Последним владельцем особняка был Александр Александрович Губин.

После 1917 года дом был национализирован: здесь находился уездный комитет РКП(б), до начала 1980-х годов комитет ВЛКСМ, редакция газеты «Ленинский путь». После переезда редакции в другое здание дом был передан под жилье. В 1995 году в старинном особняке открыли музей мебельного мастерства, а с 2001 года это музей купеческого быта.

Музей является хранителем исторической памяти о российском купечестве: интерьеры музея воссозданы из подлинных предметов быта того времени, что позволяет почувствовать прелесть и размеренность ушедшей эпохи.

Важным представляется то, что образ музея купеческого быта во многом является собирательным, но в этом особняке чувствуется атмосфе-

Ил. 2. Музей купеческого быта

Ил. 3. Коробка из-под торта Наполеон. 1912

ра конца XIX — начала XX веков. Строгость, функциональность, художественный вкус служат основными характеристиками обстановки данного дома. В настоящее время в музее расположены восемь залов, рассказывающих об образе жизни и нравах этого сословия: гостиная, рабочий кабинет, столовая, спальни купца и купчихи, спальня дочери купца, комната модистки, мезонин. Со времени постройки дома сохранился паркетный пол — настоящий дубовый паркет. Паркетом были выложены все комнаты, причем рисунок нигде не повторялся, он был в каждой комнате свой, оригинальный. Сейчас паркет сохранился только в трех залах: гостиной, рабочем кабинете и в одной из спален. Сохранилась оригинальная лепнина на потолке конца XIX века, при ремонте дома она была покрыта белой краской, и печи-голландки со старинными изразцами, топившиеся из коридоров.

В данной статье речь пойдет об истории некоторых экспонатов из коллекции музея.

Коробка из-под торта «Наполеон»

Для экспозиции музея купеческого быта данный экспонат представляет исторический интерес. Кондитерская фабрика, на которой торт был изготовлен, принадлежала Кондратию Григорьевичу Пирогову. Пряничное заведение Пирогова находилось в Казани на Большой Проломной улице, сейчас это ул. Баумана².

Имя К. Г. Пирогова упоминается в издании «Адрес-календарь Казанской губернии на 1915 год» в перечне крупнейших торговых-промышленных предприятий г. Казани: Пирогов Кондратий Григорьевич, хл.-бакал. и конд. — Вознесенская, свой дом³. На откидной крышке

имеется копия портрета Наполеона работы французского живописца Поля Делароша. На боковых стенках изображены атака на Бородинском поле и отступление французов под названием «Последний барабанщик».

По одной из версий, торт впервые был приготовлен в 1912 году, когда Россия торжественно отмечала столетие со дня победы над французами. Во многих кондитерских появились коробки с портретами героев Отечественной войны: Кутузова, Барклай-де-Толли, Багратиона, Давыдова и... Наполеона. Среди прочих был торт, который нарезали на треугольники — по форме шляпы знаменитого полководца. Согласно другой версии, слоеный торт с кремом не имеет отношения к Наполеону Бонапарту. Он был испечен в годы правления Наполеона III. Его пекут по сей день, но называют иначе — «Millefeuille», что означает «тысяча слоев».

Стиральная машина

Стиральная машина представляет собой деревянную круглую «крышку» с колесом и лопастями. Такое приспособление для стирки белья ставили на бочку с водой, колесо вращали и таким образом стирали, «перелопачивали» мокрое белье. Стиральная машина из экспозиции Музея купеческого быта принадлежала семье городского головы П. Ф. Бычкова.

Отметим, что впервые «устройство для стирки белья» было официально зарегистрировано

Ил. 4. Деталь стиральной машины

в 1856 году. Патент на изобретение получил американец Мур. Он предложил деревянный ящик на колесах, над которым двигалась деревянная рама сложной конструкции. В ящик складывали белье, до половины заполняли деревянными шариками и заливали моющим раствором. Приводимая рычагом рама двигалась вверх-вниз, шарики перекачивались по белью⁴. До конца XIX века машины для стирки в основном приводились в движение мускульной силой человека или животных⁵.

В 1900 году Карл Миле доработал конструкцию маслобойки (деревянной кадки с вращающимися от ручного привода лопастями) и приспособил ее для стирки белья. В том же году начался серийный выпуск таких деревянных стиральных машин. Кстати, не обошлось и без курьезов. Когда в начале XX века в Российскую империю завезли партию немецких стиральных машин, смекалистые русские быстро приспособили их под... маслобойки. Партия была моментально раскуплена, а белье продолжали стирать руками.

Мороженица

Необычный экспонат, представленный в музее купеческого быта, — это мороженица. Мороженица представляет собой металлическую капсулу с крышкой. Сосуд с приготовленной сладкой массой из сливок, сахара и яиц ставили в бочку со льдом, время от времени вращали, и получалось домашнее мороженое. Мороженое в России известно достаточно давно: еще в Киевской Руси было распространено замороженное наструганное молоко. Замороженные десерты стали приобретать популярность при Екатерине II. Так,

Ил. 5. Мороженица кон. XIX – нач. XX вв.

Ил. 6. Ковер «Сватовство царя Алексея Михайловича». XIX – нач. XX вв.

в 1791 году в Москве вышла «Новейшая и полная поваренная книга», где были опубликованы рецепты приготовления мороженого из сливок, шоколада, лимонов, апельсинов, смородины, малины, вишни, клюквы и яичных белков⁶.

Как известно, для приготовления мороженого необходима постоянная низкая температура примерно минус 7° С. Такую температуру можно получить при использовании не чистого льда, а льдосоляной смеси: одну часть соли перемешивают с тремя частями раздробленного на кусочки льда. Поэтому в лед добавляли соль.

Ковер «Сватовство царя Алексея Михайловича»

Сюжет ковра, возможно, связан с историей сватовства царя Алексея Михайловича. Девушка в голубом сарафане, изображенная на ковре, — Евфимия (Ефимия) Федоровна Всеволожская (1629 или 1630-1657) — царская невеста, дочь касимовского помещика. В 1647 году был устроен смотр невест для царя Алексея Михайловича, в котором участвовало двести девушек. Царской невестой была избрана Евфимия. По одной из версий, при одевании в первый раз в царскую одежду сальные девушки так затянули волосы на голове Всеволожской, что она упала в обморок при женихе. Решили, что девушка больна, страдает падучей болезнью (эпилепсией). Царскую невесту увезли из терема и отправили в монастырь с приказом постричь в монахини. Однако заточение в монастырь было вскоре заменено отправкой в Тюмень, куда отца девушки спешно назначили воеводой. В 1653 году судьба семьи Всеволожских была решена окончательно: «Рафову жену Всеволожскую и детей ее сына Андрея и дочь Евфимию

с людьми отпустить с Тюмени в Касимов, и быти ей и с детьми, и с людьми в Касимовском уезде в дальней деревне, а из деревни их к Москве и никуда не отпущать без государева указа». (Глава семьи к тому времени умер)⁷.

Евфимия Всеволожская умерла в 1657 году, а Алексей Михайлович женился 16 января 1648 года на Марии Ильиничне Милославской.

Кресло «Дуга, топор и рукавицы»

В экспозиции музея купеческого быта представлено кресло «Дуга, топор и рукавицы». Возможно, автором нашего варианта этого кресла является мастер М. Красильников. Принадлежало кресло владельцу Козьмодемьянской типографии.

Отметим, что впервые кресло под названием «Дуга, топор и рукавицы» изготовил Василий Петрович Шутов, петербургский мебельщик, мастер резьбы по дереву. Кресло может служить примером неорусского стиля в декоративно-прикладном искусстве. Идеи стиля зарождались в подмосковном Абрамцеве, Талашкине Смоленской губернии, Сергиевом Посаде — наиболее ярких мебельных центрах того времени.

В. П. Шутов (1827-1887) происходил из богатой семьи, но его отец разорился, поэто-

му мальчика отдали в ученики в петербургскую столярную мастерскую, где обнаружили его художественные способности. Восемь лет будущий мастер посещал биржевую школу рисования. В 27 лет Шутов стал владельцем собственной столярной мастерской⁸.

В 1870 году его художественные столярные изделия были представлены на Всероссийской выставке в Петербурге и получили бронзовую медаль. Самым оригинальным из представленных работ мастера стало кресло с атрибутами крестьянского быта: спинка его решена как дуга (один из элементов конской упряжи), на которой красуется надпись — любимая шутка — прибаутка всех ямщиков и ездовых: «Тише едешь — дальше будешь», подлокотники — в форме топоров; сиденье «покрывает» шитый рушник, а на выступающей из-под спинки-дуги части сиденья «лежат» оставленные кем-то резные рукавицы.

Популярность кресла была столь велика, что его аналоги можно было встретить и в квартирах демократической интеллигенции, и в особняках аристократии, и в кабинете императора Александра III. Кресло имело большой успех, и автору было заказано до пятидесяти его повторений. На изготовление этих предметов мебели у В. П. Шутова имелась привилегия от Департамента торговли и мануфактуры сроком на десять лет. По истечении срока привилегии появляются копии и варианты кресла, выполненные другими мастерами. Варианты получали новые детали: кнут, уздечку, лапти, балалайку, менялась форма сиденья, появлялись другие пословицы на дуге: «Поспешишь — людей насмешишь», «Написано пером — не вырубшь топором». Встречаются варианты, в которых мастер-исполнитель вырезал на дуге вместо пословицы свою фамилию⁹.

После успеха на выставке 1870 года В. П. Шутов, преподаватель школы Общества поощрения художников и владелец столярно-резной мастерской в Петербурге, получает такие ответственные заказы, как резной иконостас для Новодевичьего монастыря, распятие для храма Воскресения Христова («Спаса-на-крови»), рамы для императорских портретов, а также носовые фигуры для серии броненосцев российского флота, изготовленные по моделям скульптора М. О. Микешина. В 1876 году Шутова приглашают преподавать

Ил. 7. Кресло «Дуга, топор и рукавицы». Нач. XX в.

Ил. 8. Настенные часы Торгового дома «М. П. Калашниковъ и сынъ»

в организуемое на средства барона А. Л. Штиглица Центральное училище технического рисования в Петербурге, ставившее своей задачей подготовку мастеров для художественной промышленности.

Авторские копии кресла Шутова и его повторения другими мастерами встречаются во многих музейных собраниях, есть они и в частных коллекциях.

Настенные часы Торгового дома «М. П. Калашниковъ и сынъ»

В музее купеческого быта представлены настенные часы, изготовленные Торговым домом «М. П. Калашниковъ» в Москве. Михаил Петрович Калашников родился 20 октября 1809 г., происходил из старинного купеческого рода, был купцом 1-й гильдии. Торговал часами в Москве на улице Ильинке, в доме Купеческого общества, в Большом овощном ряду под № 20-26.

Торговый дом «М. П. Калашниковъ» существовал с 1832 года, с 1 января 1882 года был переименован в Торговый дом «М. П. Калашниковъ и сынъ». Владельцами Торгового дома были Михаил Петрович Калашников и его сын Петр Михайлович. Фирма торговала часами швейцар-

ских марок, а также выпускала настенные часы под своей маркой, оснащая их либо русскими, либо швейцарскими механизмами. Торговый дом просуществовал до 1917 года¹⁰.

Отметим, что старинные часы сегодня интересны многим людям, есть в них какая-то притягательная сила, которая заставляет по-другому взглянуть на течение времени.

Дамские платья

из коллекции музея купеческого быта

В дореволюционной России гардероб женщины четко делился по назначению того или иного платья. Была одежда домашняя, для балов, для визитов, летняя, дорожная, свадебный костюм и т. д.

В экспозиции находятся два женских костюма начала XX века: визитный костюм и подвенечное платье. Эти дамские костюмы принадлежали

Ил. 9. Подвенечное платье. 1912

Вере Ивановне Ремезовой (урожденной Шихиной), супруге приказчика Федора Ремезова, служившего у лесопромышленника В. И. Шуртыгина. Передала в музей платья ее дочь Елизавета Федоровна Семенишина¹¹.

Подвенечное платье 1912 года сшито из китайского шелка и отделано брюссельским кружевом. Брюссельское кружево — богатая ткань с узорами из цветов, лепестков и листьев. Вообще, любовь к декору — это черта русского стиля, платья отделявали вышивкой, лентами и кружевом¹².

В начале XX века происходит постепенное избавление от корсетов и платье приобретает более мягкие очертания. С 1910-х годов силуэт становится почти прямым, но стройность остается в моде. Стоит отметить, что свадебные платья конца XIX — начала XX вв. не отличались чрезмерной вычурностью и помпезностью. По сравнению с бальными нарядами они выглядели весьма скромно: их отличает однотонность решения и отсутствие контрастных деталей. Вместе с тем девушка сохраняла таинственность, это были именно платья для венчания в церкви.

Визитное платье сшито из тонкого атласа малинового цвета. В 1890-1914 гг. визитные платья носили только для выездов с целью визита, а также для прогулок. Визитов было достаточно много, ездили друг к другу в гости и по делам. Визитные платья отличает изысканность и строгая роскошь, к ним полагались шляпа и перчатки. Предпочтительными цветами были светло-серый, бежевый, гранатовый, вишневый, синий. Платья для юных незамужних девушек шились из светлых недорогих материалов, чтобы подчеркнуть скромность и юность визитерши¹³.

Дамские платья из экспозиции отличает изысканность и изящная скромность, они — отражение моды того времени.

Женские лайковые перчатки

Женские длинные перчатки можно отнести к концу XIX — началу XX вв. Изготовлены они из лайки — сорта кожи, который имел способность растягиваться, поэтому перчатки идеально облегли руку.

Перчатки застегивались на три пуговицы. Старинные перчатки красавицы той эпохи натягивали при помощи специальных деревянных нож-

ниц, которые назывались распяла, и застегивали специальным крючком на пуговицы¹⁴.

Сначала распялой расправляли изнутри пальцы перчаток и только потом надевали перчатки на руку. Интересным представляется то, что перчатки до XX века было принято надевать не так, как это делаем мы: сначала короткая перчатка надевалась на четыре пальца, начиная с мизинца, а большой палец — в последнюю очередь.

Для ношения перчаток существовали правила этикета: при открытых платьях носили длинные перчатки выше локтя, а при закрытых — маленькие. В торжественных случаях всегда надевали белые перчатки, в других случаях — в тон платья. Верхом неприличия считалось надевать перчатки на улице. Снимали их только для игры на музыкальном инструменте, для еды и в церкви¹⁵.

Ломберный стол

В гостиной старинного купеческого особняка находится ломберный стол. Своему названию стол обязан старинной карточной игре для трех игроков. Игра ломбер (франц. l'hombre, от исп. hombre человек) появилась в Испании в XVI веке и считалась неазартной игрой. В России ломбер был популярен при Екатерине II.

Классический ломберный стол — складной стол для игры в карты, обтянутый зеленым сукном. На столешнице писали ставки мелом, потом их стирали специальными щеточками. Для обивки стола могли использовать лен, драп или бархат¹⁶.

Часто ломберный стол держали в сложенном виде в гостиной у стен, под подоконниками, раскладывали стол при гостях. Обычно такие столы были квадратными, хотя можно встретить круглые, овальные и прямоугольные.

Карточные игры того времени делились на азартные, коммерческие и домашние. Азартные игры преследовались законом, поэтому играть «по-крупному» мужчины уходили в кабинет хозяйина, куда дамы не приглашались. Карточные долги в XIX веке считались «долгом чести», отдавать их приличия требовали в первую очередь¹⁷.

Коллекция музея купеческого быта передает дух того времени, житейский уклад провинциальной России конца XIX — начала XX веков, раскрывает интересную и малоизвестную страницу купеческой культуры.

- ¹ Муравьев А. В. Крах купца Шишокина // Ведомости Козьмы и Дамиана. — 2009. — 24 дек. — С. 10.
- ² История Казани в документах и материалах XIX века. — Казань, 2005.
- ³ Адрес-календарь Казанской губернии на 1915 год. — Казань, 1914. — С. 686.
- ⁴ История создания стиральных машин // [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://himchist.spb.ru/folder1/pressa9/pr92/>.
- ⁵ Коляда В. Все о стиральных машинах // Наука и жизнь. — 2005. — № 9. — С. 12.
- ⁶ Богданов И. Лекарство от скуки, или Краткая история мороженого // [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.landmanhn.no/paper.php?lang=nor&nr=322>.
- ⁷ Васильева Л. Н. Жены русской короны. — М., 1999. — С. 388.
- ⁸ Шутов Василий Петрович. — Большая биографическая энциклопедия // [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://dic.academic.ru/dic.nsf/enc_biography/121126/Шутов.
- ⁹ Арсеньева Э. Дуга, топор и рукавицы // Вечерний Петербург. — 2011. — 1 дек. (№ 218). — С. 2.
- ¹⁰ М. П. КАЛАШНИКОВЪ и СЫНЪ / М.Р. Kalaschnikoff & Fils (российская часовая марка, история) // [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://german242.com/wiki/index.php/КАЛАШНИКОВЪ>.
- ¹¹ Муравьев А. В. Подвенечное платье 1912 вернулось в Козьмодемьянск // Марийская правда. — 2005. — 19 авг. — С. 14.
- ¹² Русская женская мода начала 20 века // [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://www.liveinternet.ru/users/arin_levindor/post53595712/.
- ¹³ Дамская мода серебряного века // [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.liveinternet.ru/users/4405823/post262070195/>.
- ¹⁴ Веер и перчатки // [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://elsa555.livejournal.com/67479.html>.
- ¹⁵ Короткова М. В. Традиции русского быта. — М., 2008. — С. 195.
- ¹⁶ История создания ломберного стола // [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://www.ro4emu.ru/drugoe/history/index/raznoe/stat_raznoe/289.htm.
- ¹⁷ Ломберный стол // [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://nason.ru/lombernyjstol/>.

В. Л. Шерстнев (Козьмодемьянск)

СОХРАНЕНИЕ КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ В Г. КОЗЬМОДЕМЬЯНСКЕ

Козьмодемьянск — самый древний город республики Марий Эл, основан в 1583 году, располагается на правом берегу р. Волги.

Выгодное географическое расположение г. Козьмодемьянска, его хорошие природные условия для жизнедеятельности и проживания человека способствовали тому, что Козьмодемьянск стал городом, имеющим богатое историко-культурное наследие, привлекательное для изучения и знакомства с ним. Однако это накладывает определенную ответственность на современников.

Культурное наследие г. Козьмодемьянска

Козьмодемьянск имеет относительно хорошо сохранившуюся историческую часть, которая сформировалась в конце XIX — начале XX вв. Данная территория города является примером градостроительства второй половины XIX в., что позволяет сегодня возвести ее в ранг памятника градостроительства XIX-XX вв. Город имеет планировочную структуру, которая характеризуется расположением домов и улиц исторической части на террасах, склонах и верхнем плато берега р. Волги, есть также отдельные улицы, которые располагаются в городских оврагах: Больничная и Кирпичнозаводская.

На территории г. Козьмодемьянска находится более ста памятников истории и архитектуры, статус их определен реестром памятников Республики Марий Эл. Из этого числа можно выделить памятники церковной архитектуры; здания, построенные для образовательных учреждений, и здания, построенные под жилье с помещениями для торговли и хозяйственных нужд. Из числа зданий, построенных под жилье, выделяются купеческие усадьбы городского типа и крестьянские усадьбы, которые находятся в основном на Юркино — так условно местные жители называют бывшую ямскую слободу, которая сегодня представляет собой пример городской и сельской застройки конца XIX — начала XX вв.

Важное культурное наследие сосредоточено в музеях. Козьмодемьянская картинная галерея, расположенная в Художественно-исто-

рическом музее им. А. В. Григорьева, является венцом культурного наследия города. Коллекции изобразительного искусства русских, зарубежных и местных художников, собранные основоположником художественной галереи горномарийским художником Александром Владимировичем Григорьевым, представляют огромное значение в культурной среде народов России, Марий Эл.

Музей этнографии им. В. И. Романова, основанный в 1983 г., является кладезем культурного наследия марийского народа. Разнообразная научно-исследовательская, фондовая работа сотрудников этнографического музея способствует планомерной популяризации идентичности марийского народа в большой семье народов России и народов мира. Музей способствует развитию этнотуризма в г. Козьмодемьянске.

Музей купеческого быта, основанный в 1995 г., является своеобразным памятником козьмодемьянскому купечеству, сыгравшему в свое время важную роль в развитии культуры в городе. Этот музей также отображает культуру русского населения г. Козьмодемьянска XIX-XX вв.

Музей сатиры и юмора в своей работе представляет юмор и сатиру населения страны, республики и народов других стран, популяризирует роман И. Ильфа и Е. Петрова «Двенадцать стульев». Сотрудники музея активно участвуют в региональном фестивале сатиры и юмора «Бендериада».

Сотрудники МУ «Козьмодемьянский музейный комплекс» в настоящее время работают над созданием «Козьмодемьянского музея археологии», а также готовы принять участие в разработках других музеев в рамках музеефикации исторической части г. Козьмодемьянска.

Вопросы сохранения культурного наследия г. Козьмодемьянска

В основном данную задачу решают сотрудники МУ «Козьмодемьянский культурно-исторический музей», который объединяет вышеперечисленные музеи города. Министерство культуры,

печати и по делам национальностей, Управление по сохранению, использованию и охране объектов культурного наследия Республики Марий Эл, администрация г. Козьмодемьянска в рамках Конституции Республики Марий Эл регламентируют деятельность музея в данном направлении. Для решения поставленных задач в области сохранения культурного достояния музей использует свои собственные интеллектуальные и материальные ресурсы, обращается за помощью к представителям научного сообщества Республики Марий Эл и соседних регионов. В частности, музейные конференции служат делу сохранения и популяризации культурного достояния города, являются показателем его культурной жизни. Для усиления работы по сохранению историко-архитектурных памятников, улучшению эстетического состояния экскурсионных маршрутов в исторической части города по инициативе директора музея Лидии Александровны Батюковой была создана группа из сотрудников музея и общественности с условным названием «Воеводская дружина», которая своей работой внесла определенный вклад в сохранение культурного наследия города.

Разнообразная музейная работа отражается на музейном сайте. Сайт имеет виртуальный тур и канал «онлайн», трансляции музейных мероприятий на нем ведутся в реальном времени и затем фиксируются в архиве сайта.

Важную роль в популяризации культурного наследия на сайте музея играет литературно-исторический квест. Квест показывает, что прошлое города не хранится в архивах, музейных фондах и в сундуках старожилов, оно живет, витает в воздухе и прогуливается по улицам.

Большая работа проводится представителями православной культуры: восстанавливаются церкви и часовни, растет культура населения церковных приходов. Показателем роста православной культуры г. Козьмодемьянска являются работы общественности по восстановлению Тихвинской церкви и его прихода.

Представители частного сектора г. Козьмодемьянска, имеющие в своем пользовании памятники архитектуры или живущие в исторической среде города, в силу своих возможностей тоже вносят определенный вклад в сохранение культурного наследия. Представители музея проводят

подворовые обходы с целью разъяснения жителям их задач по сохранению культурного наследия города. Результатом явилось открытие в архитектурных памятниках г. Козьмодемьянска частной картинной галереи, частного музея мореного дуба, магазинов. Сегодня подобное государственно-частное партнерство может служить наглядным примером в решении сохранения культурного наследия разных регионов страны.

Таким образом, механизм, сложившийся в области сохранения культурного наследия в г. Козьмодемьянске, можно охарактеризовать как механизм государственно-партнерских отношений с церковью, частным сектором и общественными организациями, в том числе и ВООПИиК. Остается, как мы думаем, этот механизм поддерживать и совершенствовать дальше.

Однако сегодня в работе по сохранению культурного наследия города имеются определенные проблемы. Они касаются, в первую очередь, сохранения памятников деревянного зодчества в исторической части г. Козьмодемьянска.

Эту проблему в 2016 году затронул государственный и общественный деятель республики, заслуженный работник культуры Марий Эл А. В. Муравьев в своем письме в адрес МУ «Козьмодемьянский культурно-исторический музейный комплекс». Он изложил свою концепцию по сохранению деревянного зодчества в г. Козьмодемьянске. В частности, он пишет: «Кризисное состояние культуры России, недостаточность финансирования тяжело отразилась на положении малых исторических городов, к которым относится и Козьмодемьянск Республики Марий Эл. Между тем эти города еще продолжают хранить хрупкие национальные традиции в своем архитектурно-художественном облике. Сохранить и возродить то, что еще не потеряно окончательно, передать материализованную память прошлого нашим потомкам — задача поистине многонационального масштаба. Город Козьмодемьянск богат старинными деревянными домами, изукрашенными великолепной резьбой.

Козьмодемьянская домовая резьба конца XIX и начала XX вв. вобрала в себя различные элементы ее, появившиеся в различных местах страны. Здесь и виноградные лозы, пришедшие с Украины, и древние солярные знаки в виде лучистых кругов

как символ солнца, здесь и сандрики над окнами, появившиеся во времена нарышкинского барокко в каменном зодчестве, и марийские обереги. Число элементов не так уж велико. Но композиционные варианты бесчисленны. Типичный козьмодемьянский доходный дом — это двухэтажное строение, иногда с цокольным каменным этажом. При каждом доме находились надворные постройки: сарай-каретник, одноэтажный или двухэтажный флигель. Ввиду плотности застройки городской территории дома отделялись brandmaуэрами.

Широкому строительству деревянных домов с резьбой в г. Козьмодемьянске способствовало наличие на левом берегу Волги крупных лесных массивов и искусных плотников. До 1917 года у берегов Козьмодемьянска находилась лесная ярмарка. Древесина транспортировалась по Волге в виде плотов и белян. Объем оборотов ярмарки считался вторым в Европейской части России после Архангельской. Однако неумолимое время и нерадивые хозяева привели к исчезновению отдельных домов. Поэтому возникла необходимость в срочности изучения мастерства плотников и резчиков... Нужно выяснить корни этого явления в Республике Марий Эл. Какие технологии, материалы и инструменты использовались мастерами. Необходимо зафиксировать все элементы резьбы.

В настоящее время в городе Козьмодемьянске насчитывается 158 памятников истории и архитектуры, из них 59 деревянного зодчества с общей площадью декоративной резьбы примерно 2020 кв. м.

Нужно срочно провести детальную инвентаризацию всех памятников деревянного зодчества и фиксацию всего уникального в его интерьере: фронтонов, причелин, карнизов, фризových досок, очелья наличников, подоконных досок, пилястр и т. д.

Данная работа подразумевает следующие этапы:

1. Изучение архивных и других материалов по исследуемому вопросу;

2. Фиксация декоративной резьбы и ее элементов (фотографирование, зарисовки, видеофрагменты);

3. Анализ полученных материалов и составление отчета.

Программа работ:

1. Изучение архивных и других источников о мастерах, работавших в г. Козьмодемьянске в XVIII-XX веках;

2. Особенности технологии изготовления резьбы козьмодемьянскими мастерами;

3. Инструменты и материалы, применяемые при изготовлении резьбы;

4. Элементы резьбы;

5. Марийские мотивы в резьбе;

6. Виды резьбы (скульптурная, моделированная накладная и пропильная);

7. Фиксация декоративной резьбы и ее элементов на домах (чертежи, шаблоны, фотографии, зарисовки, видеофрагменты);

8. Анализ полученных материалов. Написание отчета.

Значимость проекта состоит в его научной и практической ценности. Будут получены результаты, дающие возможность оценить особенности козьмодемьянской резьбы, использование в ее архитектонике марийских мотивов и сохранение ее в виде чертежей, шаблонов и т. д.

Практическое значение данного проекта имеет для малого исторического города, каким является Козьмодемьянск, социальную направленность. Последующая реставрация деревянного декора позволит обеспечить работой такие прослойки рабочей интеллигенции, как художники, резчики резьбы, плотники и столяры.

Методы исследований: натурные обмеры и фотофиксация с последующим использованием сравнительных методов и анализом.

В результате будет получен необходимый материал для дальнейшего восстановления резьбы на старинных домах и использование на домах вновь строящихся»¹.

Внимание А. В. Муравьева к необходимости сохранения и реставрации деревянного зодчества весьма актуально. Сегодня благодаря резьбе г. Козьмодемьянск выгодно отличается от других низовых городов на волжском туристическом маршруте. Но, однозначно, город может сохранить свою привлекательность для туристов на долгие годы при условии гармоничного сочетания развития музейного дела с работой по сохранению историко-архитектурного наследия в плане каменного и деревянного зодчества.

Результаты и перспективы в сохранении памятников истории и культуры в г. Козьмодемьянске

На протяжении многих десятилетий в г. Козьмодемьянске велась планомерная работа по реставрации памятников истории и культуры.

Активизировалась она в 2014 году в рамках подпрограмм «Туризм», «Наследие» и «Искусство» государственной программы Российской Федерации «Развитие культуры и туризма на 2013-2020 годы». Республике Марий Эл была предоставлена государственная поддержка. Согласно решениям правительства Республики Марий Эл часть средств была направлена на реставрацию памятников г. Козьмодемьянска.

В сжатые сроки министерство культуры, печати и по делам национальностей Республики Марий Эл, администрация г. Козьмодемьянска и руководство МУ «Козьмодемьянский культурно-исторический музейный комплекс» подготовили необходимую проектно-сметную документацию. К 1 июня 2015 года работы по реставрации четырех памятников и реконструк-

ции парка в г. Козьмодемьянске в основном были завершены. Работа по сохранению культурного наследия позволила улучшить состояние и привлекательность экскурсионных туристических маршрутов по исторической части города, создала условия для перспективного развития Козьмодемьянского музея сатиры и юмора и проведения республиканского юмористического фестиваля «Бендериада», способствовала созданию Козьмодемьянского археологического музея, внесла вклад в развитие детской художественной школы и школы-интерната для одаренных детей. Тем самым можно констатировать, что работа по сохранению культурного наследия в г. Козьмодемьянске ведется.

Думаем, что новым всплеском в сохранении и популяризации культурного наследия, не только в г. Козьмодемьянске, может стать государственная программа Правительства РФ по развитию Волго-Окского туристического маршрута, создание которой нужно продвигать общими усилиями участников государственно-частного партнерства в области культурного наследия.

¹ Шерстнев В. Л. Концепция А. В. Муравьева // Ведомости Космы и Дамиана. – 2017. – 19 янв.

Г. А. Пудов (Санкт-Петербург)

ИЗ ИСТОРИИ СУНДУЧНОГО ПРОМЫСЛА МУРОМСКОГО УЕЗДА ВЛАДИМИРСКОЙ ГУБЕРНИИ (ПОСЛЕРЕВОЛЮЦИОННЫЙ ПЕРИОД)

Специальная литература о русском сундучном промысле обширна, научных статей насчитывается несколько десятков наименований. Особенно разработанной можно назвать историю производства сундучных изделий на Русском Севере и Урале. Однако сундуки делали не только здесь. Муромский уезд Владимирской губернии был одним из самых крупных центров по производству сундуков в России.

Литература по истории местного промысла бедна и однообразна. Информацию о тех или иных частных сундучных заведениях можно встретить в выставочных каталогах, статистических и земских изданиях конца XIX — начала XX века. Она касается исключительно технической и экономической стороны производства. Литературы по послереволюционному периоду в истории муромского промысла почти нет. В периодике того времени иногда встречаются статьи о местных артелях, в т. ч. о сундучных¹. Главная их особенность сходна с земскими изданиями — в них речь идет почти исключительно об экономической стороне производства, проблемах мастеров и проч. Ценная информация содержится в книге «Помыслы о вачских промыслах», вышедшей в свет в 2014 году². Авторы рассказали о сложных перипетиях существования артелей, привели цифры, характеризующие объемы производства, назвали имена мастеров. Но сундучный промысел рассматривается в книге лишь в ряду других, к тому же некоторые приводимые сведения нуждаются в дополнении и исправлении. Надо подчеркнуть, что муромский сундук — ни дореволюционный, ни послереволюционный — не анализировался как художественный предмет. Он всегда считался принадлежностью истории, этнографии и краеведения.

Настоящая статья посвящена сложному и неоднозначному периоду существования производства сундуков в Муромском уезде — времени после 1917 года до 1940-х годов. Это — период жесткой регламентации деятельности мастеров, частные заведения были заменены артелями.

Сундук в предлагаемой работе рассматривается как произведение народного искусства.

Основой исследования стали материалы Государственного архива Владимирской области. Также использовались сведения из специальной литературы. Автором учтены изделия из коллекций музеев Нижегородской и Владимирской областей, а также сундуки, выставленные на интернет-аукционах.

К началу XX века Муромский уезд считался одним из самых развитых в губернии «в промышленном отношении». Здесь развивалось множество промыслов, особенно металло- и деревообрабатывающих. Главные причины этого — обилие материала и выгодное географическое положение. Определяющую роль сыграла близость Нижегородской ярмарки, на которой мастера сбывали свои изделия. Река Ока позволяла быстро и относительно дешево доставлять продукцию к покупателю. Среди промыслов, мастера которых занимались обработкой дерева, сундучный был одним из самых распространенных. В уезде существовало множество частных заведений, отличавшихся по количеству мастеров и объемам изготавливаемой продукции³.

После революции 1917 года на основе этих сундучных мастерских были созданы артели. Первые были зарегистрированы 24 января и 6 марта 1919 года соответственно⁴. Это — «Приокская сундучно-столярная и по выработке кузнечных мехов трудовая артель „Прогресс” в д. Пурки Варезжской волости» и «Загаринская районная столярно-кузнечная и по выработке кузнечных мехов трудовая артель при д. Поляне Загаринской волости». Руководство ими осуществлял Владимирский губернский Совнархоз. Все сундуки и материалы из частных заведений поступили в его распоряжение, причем они оставались на хранении у прежних хозяев (но им уже не принадлежали)⁵. Не все хозяева сундучных мастерских добровольно отказались от своего имущества. Чуть позже от них поступили заявления, в которых они просили либо вернуть им отнятое, либо разрешить продать, поскольку от этого зависело существова-

ние их семей⁶. Кроме того, бывшие хозяева-сундучники просили повысить цены за «принятые» сундуки, оплатить хранение их же изделий и снять с учета «непринятые» материалы⁷. У некоторых хозяев вещи были отняты сразу и переданы артелям. Например, у братьев Овсовых, кроме собственно сундуков, отняли и передали в Загаринскую артель «жареное железо, крон, личины средние, мелочь скобяную, гвоздики, чеканку из жести, жечь белую, пробой средние, накладки черные» и другое⁸. Справедливости ради надо отметить, что большинству сундучников было заплачено за отнятое.

Как же советская власть рассчитывала поступить с экспроприированным добром? «Агенту для поручений» А. П. Барскову было поручено принять у частных сундучников их изделия (при этом Губсовнархоз уже передал их «на бумаге» Губпродукту) и погрузить их на баржу, а также дополнительно загрузить сундуками пять вагонов и отправить их в Муром, поскольку изделия уже распределены среди населения губернии⁹. Местным властям предписывалось помочь А. П. Барскову, так как многие хозяева решительно противились окончательной потере своих сундуков.

В это время в Варежской и Загаринской волостях работали «агенты», защищавшие интересы Владимирского Совнархоза (до февраля 1919 года им был А. Ф. Моренов, затем — В. А. Ягунов¹⁰). Не все складывалось удачно во взаимоотношениях этой организации и артелей. Следует привести письмо из Совнархоза агенту А. Ф. Моренову: «По имеющимся сведениям, Варежская артель производит скупку готовых изделий, на что не имеет никакого права. При приемке у нее готовых изделий следует выяснить, какого происхождения изделия, т. е. выработаны ли они артелью, или куплены... Выдачу местного материала прекратить, а остальной материал от владельцев следует выдавать только на сделанный заказ 750 мест. За выдачу материала сверх заказа, ответственность будет возложена на Вас. Сведения о выдаче материала... следует высылать незамедлительно»¹¹. На это письмо последовал быстрый ответ. А. Ф. Моренов заверял, что «скупка готовых сундучных изделий допущена не будет», «никакого самочинного выступления Правления артели из пределов прямого назначения допущено не будет», далее он писал, что «счетоводство на-

лаживается», «порядок восстанавливается», «выработка сундуков усиливается», и вообще «работа происходила в полном порядке»¹².

Таким образом, из этой переписки можно сделать вывод, что артели, находившиеся в ведении Владсовнархоза, были под жестким контролем этой организации, проявлявшимся в директивном стиле управления, вполне характерном для того времени.

Несмотря на заверения Моренова, работу артелей наладить быстро не удалось, приходилось постоянно преодолевать трудности, связанные с недостатком материалов, борьбой с «дикими» артелями¹³, сопротивлением бывших хозяев. Артели находили разные решения. Например, Загаринская доставала материал у прежнего владельца Тулупова и у председателя Варежской артели А. В. Веденева¹⁴, олифу просили у Владимирского Губотдела продовольствия и на заводе Никитина в Муроме, столярный клей — в Катунском районе Нижегородской губернии и т. д.

В целом надо отметить, что роль частных заведений в становлении артелей была очень велика, хотя отношения между ними иногда были весьма напряженными. Порой артельщики незаконным образом отбирали у хозяев сундучный инвентарь и не возвращали обратно. Почти все попытки восстановить справедливость заканчивались безрезультатно¹⁵.

На каких же условиях работали сундучные артели в составе Совнархоза и какова была их производственная мощь? Председатель Загаринской артели Иван Иванович Кокурин доносил: «Загаринская районная трудовая артель может изготовить сундуков к 1 июля 1919 года 2000 мест, работаем в Губернском совете народного хозяйства, получаем за работу и 15 % с рубля стоимости сундуков»¹⁶. Далее приводится ведомость материалов артели: «накладки, проволока, обрезки жести, толстое железо, железо пучковое... гвозди, крон, белила, лазурь, масло, клей столярный, чекан, печатки, морозная жечь, личины крупные и средние, подъемы, петли, сажа, малярный клей»¹⁷. Все материалы были получены от Совета народного хозяйства. В 1919 году артель производила 400 мест сундуков в месяц (кроме кузнечных мехов и ульев)¹⁸.

Мастера артели «Приокский прогресс» делали 600 мест окованных сундуков в месяц, основным

Ил. 1. Наклейка на сундуках артели «Приокский прогресс»

цветом был зеленый (использовались краски: крон, белила, лазурь, мумия, милория)¹⁹. Ее организатор и первый руководитель — Иван Дмитриевич Киселев. Артель находилась в бывших помещениях Тулупова. В 1925 году она насчитывала 52 мастера (Ил. 1). Количество продукции исчислялось вагонами. Например, известно, что артель продала три вагона сундуков местным торговцам братьям Житковым²⁰. В 1926-1927 годах произошло укрупнение артели. В нее вошли артели Ишутинская, Полянская, Криушинская, Кошкинская кузнечно-меховая, Арефинская по производству сундучной фурнитуры. Председателем этого сложного образования стал Петр Васильевич Фокин. Артели был выделен участок земли около реки. Сундуки изготовлялись в нескольких цехах и по Оке отправлялись покупателям. По данным на 1930 год в артели работало 518 человек²¹. В 1931 году Криушинская артель перешла в Варежскую сундучную артель, а «Приокский прогресс» был переименован в «Знамя труда». Заведующим производством, а затем и председателем, стал Иван Алексеевич Леваков.

Надо отметить, что еще в 1919 году и Загаринская артель, и «Приокский прогресс» вошли во Владимирский союз артелей, причем в первой было 78 мастеров, во второй — 70 (на фоне других артелей это было весьма значительными цифрами)²².

К 1927-1928 годам сундучный промысел оставался в числе самих крупных в уезде²³. Главные роли в управлении им перешли к Муромскому кустарному промысловому союзу, в который на тот момент входило четыре сундучных артели

(мастеров числилось 353 человека)²⁴. Осуществлялись попытки переориентировать продукцию артелей с местного рынка на внешний, направить ее «в страны Востока и Запада, укрепляя тем самым активность... баланса по внешней торговле»²⁵. Организация внедряла четкий планово-договорной принцип в управлении артелями. Мастера работали как на дому, так и в специальных помещениях. У артелей существовали отделения в разных деревнях.

В 1926-27 годах было закуплено сундучного сырья на 50 716 руб. 34 коп., в 1927-28 годах — на 98 372 р. 23к.²⁶ Сырье закупалось из разных источников: через государственные и кооперативные органы, у частных лиц и членов Союза. По плану на 1927-1928 годы сундучные артели должны были изготовить сундуков на 280 000 рублей, а сделали на 314 428 руб. 90 коп., т. е. перевыполнили план на 12,3 %²⁷. При этом сбыт сундучных изделий по отношению к общим показателям Союза составил в 1926-1927 годах 28,7 %, а в 1927-28 годах — 18,1 %²⁸, что свидетельствует о значительной роли сундучного промысла. Улучшение экономических показателей позволило взять займы, за счет которых удалось оказать поддержку сундучным артелям, в т. ч. «Приокскому прогрессу» было выдано 14 000 р., Полянской артели — 12 000 р. и Чулковской артели — также 12 000 р.²⁹. На 1928-1929 годы было запланировано изготовить сундуков уже на 450 000 руб. Стоит отметить, что при Муркустпромсоюзе существовала социальная работа, а также касса взаимопомощи, оказывавшая поддержку пострадавшим, вдовам, больным.

Как указывалось выше, в сундучном промысле были кустари, не вступившие в артели. Например, в Арефинской волости на 1926 год значилось 56 хозяйств, где делали сундуки, и 70 мастеров³⁰.

В 1919 году на Нижегородскую ярмарку из Муромского уезда прибыло 17 сундучников, доставивших товара на сумму 80-110 тыс. рублей. Было продано 24 тысячи сундуков, изготовленных чулковскими мастерами (а также артелью «Прогресс» из Варежа)³¹. Сундуки в округе Чулкова изготавливались круглый год, спрос был весьма активный³². Отмечается, что изделия отличались высоким качеством, были разных размеров и форм.

Рассмотрим несколько сундуков, изготовленных в артелях Муромского уезда. Сундук значительных размеров, окрашенный в коричневый цвет, находится сегодня в частном собрании. Его форма и конструкция характерны для муромских изделий: вертикальные стенки, покатая крышка, резные ножки, на лицевой стороне — три петли сложной формы, в которые вставляется длинный стержень. На боковых сторонах — по две литые ручки. Вся поверхность сундука покрыта жестяными полосами, образующими сетку³³. Края обрамлены широкими лентами, также состоящими из тонких жестяных полос. Они вносят упорядоченность и четкость в общее художественное решение изделия, подчеркивают его форму. Изнутри конструкция сундука укреплена полосами с тиснеными узорами, состоящими из растительных мотивов. Сбоку — полочка для документов и предметов, связанных с женским рукоделием. Она состоит из трех отделений. На внутренней стороне крышки помещена этикетка, свидетельствующая о том, что сундук был изготовлен в артели «Приокский прогресс». Если бы не наличие этикетки, то изделие вполне можно было бы отнести к продукции заведений конца XIX — начала XX века.

Другой сундук, также находящийся в частном собрании, декорирован несколько разнообразнее (отличие конструкции состоит лишь в том, что у него одна петля, а не три). Он окрашен в зеленый цвет, лицевая стенка покрыта темно-коричневыми листами «мороженой» жести, на которые дополнительно наложены в виде сетки тонкие полосы (Ил. 2)³⁴. Кроме того, края лицевой стороны украшены лентами с трафаретным орнаментом, состоящим из растительных и геометрических мотивов. На одной из стенок помещено клеймо «СССР сундучная артель Приокский прогресс». Как и в отношении предыдущего изделия, об этом также можно сказать, что оно почти не имеет отличий от сундуков частных заведений. Надо отметить, что изделию свойственны хорошо найденные пропорции, а также точное соответствие между декором и формой. Звучная декоративность лицевой стенки прекрасно выявляется на фоне глухих зеленых тонов стенок. Различие фактуры поверхностей вносит разнообразие во внешний вид вещи. Мастер сумел скромными техническими средствами богато украсить изделие.

Ил. 2. Сундук артели «Приокский прогресс» (частное собрание)

На третьем сундуке (частное собрание) нет полос с трафаретным узором, но вся лицевая сторона покрыта листами «мороженой» жести золотистого цвета, кроме того, сохранился изначальный цвет краски. Это изделие доказывает, что продукция «Приокского прогресса» при всей «конвейерности» не была скучным повторением найденных решений. На некоторых артельных изделиях сохранился музыкальный звон, что также делает сундуки запоминающимися произведениями народного искусства.

Надо отметить, что изменения происходили не в конструкции и формах артельной продукции, а в ее орнаментике, в частности, появилась советская символика. На одном из сундуков, из числа встреченных автором, были нанесены пятиконечные звезды, серп и молот. Они изготавливались из жестяных полос, что свидетельствует о мастерстве муромских сундучников. В целом виды сундуков постреволюционного времени, которые изготавливались артелью «Приокский прогресс» очень разнообразны³⁵. Встречаются не только простые, лишь окрашенные в зеленый цвет и обитые жестяными полосами в широкую сетку (между клетками нанесены штампом розетки)³⁶, но и довольно «богатые» сундуки, сплошь декорированные листами «мороженой» жести. Смена названия не изменила конструкции и принципов декорирования изделий, внешний вид их остался прежним, о чем свидетельствуют сундуки 1940-50-х годов (Ил. 3).

Изделия других артелей, например, Полянской (из числа известных автору), порой смотрятся несколько проще, хотя вряд ли в данном случае можно предполагать значительные отличия. Муромский уезд был единым центром производства

Ил. 3. Сундук артели «Приокский прогресс» (частное собрание)

с прочными традициями, сформировавшимися на протяжении длительного времени. Кроме того, между организациями не было жестких границ: мастера переходили из артели в артель. Стоит также отметить как важный факт наличие единого руководящего центра, откуда «спускались» различные планы и директивы.

Таким образом, время после 1917 года стало особым периодом в истории сундучного промыс-

ла Муромского уезда. Мастера были вынуждены объединяться в артели. В последних насаждался валовой принцип работы, осуществлялось жесткое руководство.

Надо подчеркнуть, что перемена формы организации мало сказалась на внешнем облике изделий, потому что мастера-сундучники использовали давно известные приемы и методы работы. Пусть деятельность артелей приобрела со временем производственный характер, отказывать муромскому сундуку того времени в художественности было бы несправедливо.

Артель, являясь закономерным этапом развития форм организации кустарей, дала им возможность сохранить навыки работы, обеспечила средствами к существованию в неблагоприятных экономических условиях. Эпоха после 1917 года стала логичным завершением предшествующего периода истории муромского сундучного центра и одновременно началом нового.

¹ Плюсы и минусы чулковской сундучной артели // Призыв. — 1925. — № 139.

² Помыслы о вачских промыслах // Автор-составитель и редактор Ф. Лепеев. — Нижний Новгород, 2014.

³ О дореволюционном периоде существования сундучного промысла см.: Пудов Г. А. Из истории сундучного промысла Муромского уезда Владимирской губернии (II половина XIX — I половина XX века). — СПб., 2017 (в печати).

⁴ ГАВО. — Ф. 511. — Оп. 1. — Д. 464. — Л. 32-32об.

⁵ В архивных документах перечислено более 30 хозяев (см.: ГАВО. — Ф. 511. — Оп. 1. — Д. 441. — Л. 40). Пособереволюционная суматоха, наличие множества контролирующих органов порой порождали комичные ситуации. Например, волостная комиссия по чрезвычайному налогу не знала, с кого взывать налог: с сундучников или с Владгубсовнархоза?

⁶ ГАВО. — Ф. 511. — Оп. 1. — Д. 441. — Л. 14, 41, 78 и др.

⁷ Там же. — Л. 135, 138, 139.

⁸ Там же. — Л. 152, 155.

⁹ Там же. — Л. 86.

¹⁰ Там же. — Л. 17.

¹¹ Там же. — Л. 2.

¹² Там же. — Л. 3-3об.

¹³ Так в документах того времени назывались самостоятельные артели, т. е. не подчиняющиеся Совнархозу.

¹⁴ ГАВО. — Ф. 511. — Оп. 1. — Д. 441. — Л. 175. Кроме него, в Правление входили П. М. Ягунов и И. Ф. Платонов.

¹⁵ Например, из заведения Корешковых был взят инвентарь без разрешения и документов Совнархоза и не возвращен

(см.: ГАВО. — Ф. 511. — Оп. 1. — Д. 441. — Л. 204, 205).

¹⁶ Там же. — Л. 599.

¹⁷ Там же. — Л. 600-600об.

¹⁸ Там же. — Л. 617.

¹⁹ Там же. — Л. 618, 619.

²⁰ Плюсы и минусы чулковской сундучной артели. — С. 3.

²¹ Помыслы о вачских промыслах. — С. 107.

²² ГАВО. — Ф. 511. — Оп. 1. — Д. 441. — Л. 648, 651.

²³ ГАВО. — Ф. 511. — Оп. 1. — Д. 2697. — Л. 7.

²⁴ ГАВО. — Ф. 511. — Оп. 1. — Д. 2660. — Л. 1-2.

²⁵ ГАВО. — Ф. 511. — Оп. 1. — Д. 2697. — Л. 9.

²⁶ Там же. — Л. 19.

²⁷ Там же. — Л. 19об.

²⁸ Там же. — Л. 19об.-20.

²⁹ Там же. — Л. 22.

³⁰ ГАВО. — Ф. 3278. — Оп. 2. — Д. 194. — Л. 20.

³¹ Помыслы о вачских промыслах. — С. 106.

³² Там же. — С. 106.

³³ Это один из самых узнаваемых типов муромских сундуков, который изготовлялся на протяжении весьма длительного времени. Такие изделия встречаются во многих музеях, например, в РЭМ, МИХМ, ВГИАИХМЗ, ВУГИАХМЗ, ВМДПНИ, Музее художественных промыслов Нижегородской области, Дербентском музее-заповеднике и мн. др.

³⁴ Подобные сундуки хранятся в Нижегородском государственном историко-архитектурном музее-заповеднике.

³⁵ См.: ГАВО. — Ф. 511. — Оп. 1. — Д. 441. — Л. 9, 22, 22об.

³⁶ См.: [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.sobirau.ru/showroom/antikvariat/mebel-predmeti-interera/13563.html>.

ЛИЧНОСТЬ МАСТЕРА-РЕМЕСЛЕННИКА В МИРОВОЗЗРЕНИИ КАРАКАЛПАКОВ

Происходящие в нашем обществе социально-политические процессы и ряд других немаловажных факторов выдвигают на первый план задачу возрождения утрачиваемых к настоящему дню ценностей и требуют нового подхода к освещению этнографии каракалпакского народа на основе идеологии национальной независимости. Важными в ряду таких национальных ценностей являются традиционные верования, обряды и представления каракалпаков, связанные с ремеслом.

В традиционных верованиях, обрядах и представлениях, связанных с ремеслом, фигура мастера-ремесленника, его личность занимает главное место. Многие авторы, изучавшие традиционные ремесла, а также исследователи, занимающиеся вопросами религиоведения, связывают личность мастера с шаманством, культом предков, с анимистическими верованиями.

Г. П. Снесарев отмечает связь шаманства, колдовства и кузнечества, определяя ее данными о «силе» железа, служащего в качестве оберега. Связь шаманов и кузнецов прослеживается в шаманских призываниях духов и святых¹. О. М. Сухарева указывает на одну из основных концепций народного мировоззрения, которая объединяет в единое целое, отражая генетическую связь, и пережитки шаманизма, и практику, и идеологию суфизма, и различные виды производственной деятельности в их обычной для Средней Азии форме профессиональных корпораций². Б. А. Рыбаков, анализируя генезис производственных культов Древней Руси, пишет о том, что русские кузнецы считались знахарями, колдунами, чародеями. От кузнечных технических терминов производились слова, имевшие смысл хитрого, опасного³. А. М. Сагалаев, И. В. Октябрьская, анализируя различные аспекты знаковой деятельности, раскрывая мировоззренческие основы шаманизма тюрков Южной Сибири, отмечают, что мастера и шаманы в мифологии сибирских тюрков тесно связаны. Контаминация шаманства и ремесленничества в народном сознании отра-

зилась в якутской пословице: «Кузнец и шаман из одного гнезда»⁴.

Наши полевые этнографические материалы, собранные среди ремесленников, а также среди обычных людей, пользующихся их продукцией, дают интересные факты по рассматриваемому вопросу⁵.

Каракалпаки с особым почтением относились к мастерам различных ремесел. Ремесленник, будь он кузнец, ювелир или гончар, был уважаемым лицом в традиционном обществе. Концепция труда — основной формы жизнедеятельности человека, способа его взаимодействия с природой и обществом — была одной из доминант мироощущения. Труд как форма жизнедеятельности, жизнеобеспечения обладал в глазах традиционного общества безусловной ценностью. Дидактика каракалпакского фольклора утверждает необходимость труда как одну из нравственных заповедей. Среди каракалпаков бытовали пословицы, поговорки, возвеличивающие труд ремесленника, личность мастера: «Усталы ел дузелер, кассаплы ел бузылар» («Народ, имеющий мастеров процветает, народ, у которого много мясников, погибает»); «Онерлинин озеги талмас» («Человек, занимающийся ремеслом, не знает усталости»); «Онерли орге журеди» («Мастер всегда продвигается вверх»); «Мийнет пенен танылган ердин, мангликке ошпейди тарийхтан аты» («Имя человека, прославленного трудом, не угаснет в истории»)⁶. Мастера-ремесленники рассказывали нам легенды, притчи о своих ремеслах. Здесь мы приводим одну из притч, записанную нами у кузнеца из Тахтакупырского района. «У одного человека было три сына, каждый из которых имел свое место в обществе и обладал определенной профессией. Их отец всем говорил:

Бир баламды уста кылдым (Один сын стал мастером),
Бул исимди пухта кылдым (Это я сделал расчетливо).
Бир баламды бахсы кылдым (Другой сын стал певцом)
Бул исимди яхшы кылдым (Это сделал хорошо).
Бир баламды молла кылдым (Третий стал муллой),

Еки козин жолда кылдым (Теперь он только глядит на дорогу, т. е. он ждет какого-либо религиозного мероприятия)».

Эта притча отражает отношение людей к знаниям, ремеслу, освещает мировоззрение человека относительно личности мастера, человека в обществе.

В представлениях широких масс различные виды производственной деятельности, профессии дают средства к существованию. Занятие ремеслом является также моральной и религиозной обязанностью перед предками, которые занимались этим делом, начиная с мифического основателя этого ремесла. Как информировали нас мастера, они продолжают заниматься ремеслом своих предков, объясняя тем, что «кто не будет продолжать дело предков, тот будет проклят. Если мастер будет заниматься другим видом ремесла, его труд не окупится, не будет приносить доход».

В традиционном обществе люди, стремясь возвысить труд до уровня сакральных ценностей, уводя родословную мастеров своего дела в мир божеств, в то же время воспринимали труд как воплощение земного бытия, отличающегося от творчества богов. Поскольку многие наши информаторы являлись потомственными мастерами, у нас в наличии большой фактический багаж, освещающий личность мастера-ремесленника. Каждый ныне действующий мастер рассказывал нам о качествах, которыми обладали его деды. Кроме того, современники их отцов, дедов также поведали нам о наличии сверхъестественных способностей и сил у мастеров. Здесь мы приведем несколько фактов, которые посчитали необходимыми для полного показа представлений о личности мастера. Вот что рассказал нам потомственный кузнец в восьмом поколении из Караузякского района: «Мастер-кузнец не должен лгать, воровать, наговаривать на людей. Он не должен обманывать клиента, обязан выполнять заказ в назначенный срок. Каждую среду кузнецы должны давать „садака“ (милостыню нуждающимся). Каждый четверг мастер должен работать бесплатно (халыс). Мастерство передается по наследству. Если хоть один день я не буду заниматься своим ремеслом, в этот день я не смогу спать, буду плохо себя чувствовать. Мастера всегда чувствуют, будто кто-то их незримо всегда охраняет. Однажды в меня

хотел выстрелить пьяный сосед, но ружье его дало осечку, он же набросился с лопатой на мою мать, но лопата сломалась. Я думаю, что меня и моих родных постоянно охраняют духи моих предков». Интересной в этом плане представляется информация, полученная от невестки ныне покойного известного ювелира Амета-зергера. «В совхозе имени 8-марта Тахтакупырского района жил родственник моего свекра, тоже знаменитый ювелир Ибадулла-зергер. У него был единственный сын. Он был очень избалованным. Однажды мальчик, балуясь, стал пинать наковальню, трогать инструменты, мешая отцу работать. Отец несколько раз прикрикнул на него, но мальчик не переставал мешать. Ибадулла-зергер очень разозлился и в ярости он проклял сына: „Наверное, ты сойдёшь с ума“. В этот же день после обеда с мальчиком случилось необъяснимое, он действительно сошел с ума. Люди привязали его к арбе, через три дня он умер в припадках».

Сообщение мастера-универсала из Тахтакупырского района отражает, какими качествами и способностями должны обладать ремесленники. «Мастера брали на обучение не всех желающих, они выбирали ребят с определенными качествами, выделявшие его среди остальных. Находчивость, ум, коммуникабельность — этими качествами должен был обладать ученик. О таких говорят „ата аруакы бар“, т. е. им покровительствуют духи предков. Я знаю, что все ремесла священны, они имеют пиров-покровителей. Мне снятся мои недоконченные изделия, какие технические приемы я использую, чтобы изделие вышло красивым и качественным. Просыпаясь, утром я сразу же приступаю к работе, доканчиваю изделие, как делал во сне. Видимо, это мне снится оттого, что каждое ремесло имеет своего пира-покровителя. Думаю, что они мне указывают, как надо изготавливать вещи (аян береди)».

Информация, полученная от ювелира из Чимбайского района, дает характеристику мастерам-ювелирам. «Мой дед говорил, что мастер не должен быть слабохарактерным. У него должен быть дерзкий характер. Мастер должен иметь „аруак“ — „духа“, не имея „аруак“, он не сможет стать истинным мастером. Что касается моих способностей, — меня никто не может обмануть. Если кто-либо заберет готовое изделие не заплатив, то он не смо-

жет спать спокойно, или с ним случится какое-либо несчастье. Наше ремесло очень религиозное, вообще все ремесла являются священными».

Многочисленные данные, и, в частности, мифология о происхождении ремесел, указывают на то, что, создавая вещь, человек как бы повторял те операции, которые вначале мог выполнять только творец Вселенной. Таким образом, человек как-бы продолжал начатое демиургами дело творения мира, возложив на себя задачи не только восполнения естественных потерь, но и дальнейшего заполнения, уплотнения мира. Практически во всех культурах специалистам (кузнецам, гончарам, строителям и др.) приписывались особые свойства, качества и знания, что служило основанием для их выделения. Среди этих особых качеств обращает на себя внимание устойчивая деталь: сила и могущество специалистов в глазах остального общества выходили далеко за рамки ремесла. Благодаря своему знанию, они приобретали способность общения с теми силами, которые могли воздействовать на судьбы людей. Им приписывалось владение языком, недоступным для остальных. Причем, специалисты не только владели особым языком, но и контролировали канал связи между миром человека и миром природы, являясь своеобразным посредником⁷.

Сообщения наших информаторов свидетельствуют о том, что мастерами становились те люди, которые имели особые качества, они наделялись сверхъестественными способностями. Асы своего дела — это люди, имеющие «аруак», «арка». «Аруак» в переводе с каракалпакского языка обозначает дух, душу, призрак, привидение, а слово «арка» — спину. В данном случае термин «арка» можно объяснить тем, что за спиной мастера стоят сверхъестественные силы. В народе бытует выражение «аркасы котерилди» («у него поднялась спина»). У табибов, порханов процесс лечения начинается тогда, когда к ним приходят пиры-покровители и у них «поднимается спина» аркасы котериледи. Термины «аруак», «арка» понятия синонимичные, обозначающие сверхъестественные высшие силы, якобы сопутствующие маргинальным личностям. По словам самих мастеров, их подпитывают энергией, поддерживают духи покровителей ремесел, духи умерших ремесленников. Следующая информация, полученная нами от быв-

шего ювелира, дает объяснение о способностях настоящих мастеров. «Не каждый может стать ювелиром. Занимаются ювелирным ремеслом те, которые имеют „аруак“. Мои деды-прадеды были „аруаклы зергер“ — ювелирами, имеющие „аруак“. У меня самого нет „аруак“. В годы войны были очень трудные времена, я занимался ювелирным ремеслом только ради пропитания, изготавливал простые ювелирные украшения из недорогих металлов. Ювелир, имеющий „аруак“ — это настоящий мастер». Заниматься ремеслом, имея особый дар «аруак», «арка» и быть ремесленником без таких способностей понятия поляризованные, стоящие далеко друг от друга. По представлению каракалпаков, человек, наделенный особыми качествами, сакральными способностями, может стать настоящим мастером. Слава о таких мастерах простирается далеко за пределами селения или города, где он проживает. А после смерти их имена еще больше возвеличивали, память о них сохранялась из поколения в поколение. Люди поминали их, а ученики в честь них совершали молитвы, жертвоприношения.

Н. Л. Жуковская, исследуя бурятскую мифологию и ее монгольские параллели, пишет, что к покровителям кузнечного дела относились также души умерших земных кузнецов — людей, обладавших при жизни особым талантом и, как полагают окружающие, особым покровительством небес. Их души становились добрыми кузнечными духами, приобщенными к миру божеств и почитались профессионалами-кузнецами и их семьями⁸. Исследователи традиционного мировоззрения тюрков Южной Сибири отмечают, что социальная роль в традиционном обществе не осознается как профессия или должность. Скорее она воспринимается как призвание, особенно если эта роль связана с особым знанием в ремесленной или сакральной области. Противоречивость и неоднозначность основных социальных ролей в этнографической традиции прослеживаются вполне отчетливо. Проявление творческого начала, знания сверх нормы расценивалось обществом двояко: с одной стороны, как явление позитивное и полезное, с другой — как потенциально опасное, имеющее отношение к миру иного. Соотношение в обществе людей обычных и наделенных особым даром понималось как соотношение «внутреннего»

и «внешнего», «своего» и «чужого»⁹. Специалисты в области тайного знания, так или иначе сопряженного с их профессией — кузнецы, гончары и другие ремесленники — обладают избытком свойств и качеств, что ставит их вне нормы. Среди кузнецов, ремесленников особое знание-умение уже передается из поколения в поколение, и тем самым закрепляется наследственный характер особого статуса человека, ими обладающего. Реалии технологического процесса ремесленного производства дополняются или же связываются с сакральными действиями. Это объясняется тем, что вещь, изготовленная ремесленником, была до этого бесформенной массой, рудой и т. п., то есть сырьем, из которого она сделана, подвергнутая обработке сведущими, отмеченными людьми и превращенная в вещь, необходимую для жизнеобеспечения. Весь цикл физического освоения людьми природной среды — производство, распределение и потребление материальных благ — совершается в определенных социально-организованных формах. Созидая и используя искусственную вещную среду, обеспечивающую удовлетворение его базовых жизненных запросов, человек в этой своей деятельности стимулируется не одними лишь витальными потребностями и руководствуется далеко не только соображениями чисто утилитарного порядка. Конструируя эту среду и стремясь максимально приспособить ее к себе, человек выносит в нее, объективирует в ее вещественных формах и способах своего собственного поведения в ней практически весь набор своих биологических, социальных и интеллектуальных характеристик, в том числе комплекс социально унаследованных, закрепленных в механизме этнокультурной традиции идей, представлений, стандартов поведения, нормативных критериев, предпочтений и т. п.¹⁰

Деятельность мастера всецело определяется традицией. Вещь должна изготавливаться в соответствии с традицией, определенным способом и определенным, наделенным благодатью, человеком: она должна соотноситься с мифологическими покровителями ремесла или благодетельными духами и т. д.

Помимо почтительного, уважительного отношения к ремесленникам, существовала противоположная позиция по отношению к ма-

стерам-ремесленникам отдельных ремесел. К ремесленникам, занимающимся определенными видами производственной деятельности, люди относились со скрытым презрением, некоторых из них причисляли к низким социальным слоям. Кроме того, обычные люди как бы боялись их, опасались большего и частого общения с ними. Профессии, которыми владели эти мастера, у каракалпаков не были в почете. К таким профессиям относили мясников, парикмахеров, сапожников, кожевников, ювелиров. К ювелирам бытовало двойственное отношение. С одной стороны, ювелиры были в почете, к ним относились с глубоким уважением, мастерство ювелиров, их изделия славилось из поколения в поколение. Их имена оставались в памяти народа. С другой стороны, к ним было предвзятое отношение, за глаза говорили, что мастера-ювелиры обворовывают заказчиков (адамлардын хакысын жейди). Среди каракалпаков распространены поговорки и легенды, связанные с ювелирами. Например, есть выражение «зергердин мазарындай» — «кладбище для ювелиров»: так называли людей, каким-то образом обособившихся от остальных членов традиционного общества. Как нам объясняли, это связано с тем, что ювелиров после их смерти хоронили на отдельном участке кладбища. Существует легенда о ювелирах. Сын одного бая был наслышан о том, что ювелиры обманывают своих заказчиков. Он решил проверить, действительно ли это так. Пришел он к мастеру заказать себе нож. Сел возле мастера и целый день не отходил от него, пока он не закончил работу. В процессе изготовления ножа ювелир периодически поглаживал бороду. Закончив работу, он обратился к заказчику: «Я присвоил твое золото, обворовал тебя». Байский сын не поверил ему: «Я целый день специально сидел около вас, глаз не сводил с ваших рук. Каким образом вы могли присвоить мое золото?» Тогда ювелир постелил перед собой кусок белой ткани, потряс бородой, с его бороды посыпалась золотая пудра. Вот таким образом, рассказывали нам информаторы, ювелиры неприемлемо обкрадывают своих заказчиков.

В Южном Хорезме исследователи обнаружили представления о профессиях, которые считались низкими, непочетными «етти бам». Г. П. Снесарев на большом этнографическом

материале объясняет институт профессий «бам». К «бамам» причисляются омывальщики мертвых, мясники, лодочники, лица, занимающиеся убоим новорожденных ягнят для получения каракуля, весовщики, парикмахеры, банщики и массажисты, маслобойщики, рыбаки, убивающие рыбу отстрелом из ружья, красильщики, садовники, занимающиеся прививкой деревьев, кожевники, ювелиры. Профессии, чаще всего относимых к «бам», представляют интерес той мотивировкой, которой оправдывается причисление их к «низким», «презренным» профессиям. Эта мотивировка двоякого характера. Совершенно четко выступают мотивы морально-этические, которые являются более поздними, навеянными мусульманством, с развитыми понятиями греховности и добродетели. Другая группа мотивов, часто и первая, касается области сакральных представлений, ничем не связанных с исламом¹¹.

У многих народов мира существуют представления о «низких», «презренных» профессиях, к которым в большинстве относятся мясники, парикмахеры, кожевники, красильщики, уборщики, омывальщики, танцоры. Г. П. Снесарев объясняет непочтительное, презрительное отношение к обладателям определенных ремесел наличием в прошлом Средней и Передней Азии рабовладения¹².

Е. В. Антонова в своей работе по реконструкции мировосприятия древних земледельцев Передней и Средней Азии отмечает, что такая

ситуация (презрительное отношение к ремесленникам) — порождение дифференцированного общества, и судить по ней о первобытной древности невозможно. Связь работы ремесленников с деятельностью богов-творцов предполагает скорее их высокий общественный статус¹³.

В отличие от других народов, в традиционном обществе каракалпаков не принято демонстрировать свое презрение, непочтение к обладателям «низких» профессий. Хотя всем известно, что они соприкасаются с «нечистыми» веществами, люди скрывают подобное отношение, объясняя это тем, что эти мастера могут навлечь на них несчастье. Соглашаясь с Е. В. Антоновой, представления о «низких», «презренных» профессиях являются поздними напластованиями в идеологии, связанной с эволюцией ремесленной деятельности. В архаическом сознании традиционного общества каракалпаков к ремесленникам было двойственное отношение: с одной стороны суеверно-боязливое, с другой стороны суеверно-почтительное.

Рассмотрев представления о личности мастера-ремесленника в мировоззрении каракалпакского народа, сравнив их с другими народами, можно сделать вывод, что их изучение имеет важное значение в исследовании традиционной духовной культуры каракалпаков. В них можно проследить эволюцию развития мировоззрения, миропонимание каждого поколения. Кроме того, они свидетельствуют о социальной жизни ремесленников, об их статусе в традиционном обществе.

¹ Снесарев Г. П. Реликты домусульманских верований и обрядов у узбеков Хорезма. — М., 1969. — С. 46.

² Сухарева О. А. О ткацких ремеслах в Самарканде // История и этнография Средней Азии. — Душанбе, 1981. — С. 35.

³ Рыбаков Б. А. Ремесло древней Руси. — М., 1948. — С. 485-486.

⁴ Сагалаев А. М., Октябрьская И. В. Традиционное мировоззрение тюрков Южной Сибири. Знак и ритуал. — Новосибирск, 1990. — С. 91.

⁵ Полевые материалы автора, собранные в 2010-2012 гг. по районам Каракалпакстана, приводятся без сносок.

⁶ Каракалпак фольклоры. — Нукус, 1978. — Т. 4. — С. 28, 147-148.

⁷ Байбурун А. К. Семиотические аспекты функционирова-

ния вещей // Этнографическое изучение знаковых средств культуры. — Л., 1989. — С. 64.

⁸ Жуковская Н. Л. Бурятская мифология и ее монгольские параллели // Символика культов и ритуалов народов зарубежной Азии. — М., 1980. — С. 107-108.

⁹ Сагалаев А. М., Октябрьская И. В. Указ. соч. — С. 92, 110-116.

¹⁰ Маркарян Э. С., Арутюнов С. А. и др. Культура жизнеобеспечения и этнос. Опыт этнокультурологического исследования. — Ереван, 1983. — С. 6-65.

¹¹ Снесарев Г. П. Указ. соч. — С. 165.

¹² Там же. — С. 179-180.

¹³ Антонова Е. В. Очерки культуры древних земледельцев Передней и Средней Азии. Опыт реконструкции мировосприятия. — М., 1984. — С. 126.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- АН СССР — Академия наук Союза Советских Социалистических республик
 АССР — Автономная Советская Социалистическая Республика
 АССР НП — Автономная Советская Социалистическая Республика Немцев Поволжья
 БГТО — «Будь готов к труду и обороне»
 БД — база данных
 БССР — Белорусская Советская Социалистическая Республика
 ВГИАИХМЗ — Вологодский государственный историко-архитектурный и художественный музей-заповедник
 ВДНХ — Выставка достижений народного хозяйства
 ВКП(б) — Всесоюзная коммунистическая партия (большевиков)
 ВЛКСМ — Всесоюзный ленинский коммунистический союз молодежи
 ВМДПНИ — Всероссийский музей декоративно-прикладного и народного искусства
 ВМФ — военно-морской флот
 ВООПиК — Всероссийское общество охраны памятников истории и культуры
 ВСНХ — Высший совет народного хозяйства
 ВУГИАХМЗ — Великоустюжский государственный историко-архитектурный и художественный музей-заповедник
 ВХНРЦ — Всероссийский художественно-реставрационный центр им. И. Э. Грабаря.
 ВЦИК — Всероссийский Центральный Исполнительный Комитет
 ВЦСПС — Всесоюзный центральный совет профессиональных союзов
 ВЧК — Всероссийская чрезвычайная комиссия по борьбе с контрреволюцией и саботажем при Совете народных комиссаров РСФСР
 ГАВО — Государственный архив Владимирской области
 ГАИО — Государственный архив Ивановской области
 ГИАХМЗ — Государственный историко-архитектурный и художественный музей-заповедник «Александровская слобода»
 ГИМ — Государственный исторический музей
 ГМИИ — Государственный музей изобразительных искусств
 ГНИМА — Государственный научно-исследовательский музей архитектуры им. А. В. Щусева
 ГосНИИР — Государственный научно-исследовательский институт реставрации
 Госплан — Государственный плановый комитет, осуществлявший планирование экономического и социального развития страны и контроль за выполнением планов в СССР
 ГОЭЛРО — Государственный план электрификации РСФСР
 ГРМ — Государственный Русский музей
 Губотдел — губернский отдел
 ГУКХ — Главное управление коммунального хозяйства
 ГУМП — Главное управление металлургической промышленностью
 ДРИ — Древнерусское искусство
 ЗСФСР — Закавказская Советская Федеративная Социалистическая Республика
 ИА РАН — Институт археологии Российской академии наук
 ИТК — исправительно-трудовая колония
 КОГИЗ — Книготорговое объединение государственных издательств Кооперативное государственное издательство
 КПСС — Коммунистическая партия Советского Союза
 КСИА — Краткие сообщения Института археологии
 МГУ — Московский государственный университет
 МИХМ — Муромский историко-художественный музей
 МИХМ НА — Муромский историко-художественный музей, научный архив
 МПСУ — Московский психолого-социальный университет
 МЮД — Международный юношеский день
 Наркомпрос — Народный комиссариат просвещения

- Наркомтруда – Народный комиссариат труда
 НГОМЗ – Новгородский государственный
 объединенный музей-заповедник
 НКВД – Народный комиссариат
 внутренних дел
 НККХ – Народный комиссариат комму-
 нального хозяйства
 НЭП – новая экономическая политика
 ОГПУ – Объединенное государственное по-
 литическое управление при СНК СССР
 ОР РГБ – Отдел рукописей Российской го-
 сударственной библиотеки
 ОР ГИМ – Отдел рукописей Государствен-
 ного исторического музея
 ОРПГФ – отдел рукописных, печатных
 и графических фондов
 ОСОАВИАХИМ – Общество содей-
 ствия обороне, авиационному и химическому
 строительству
 ПВХО – противовоздушная и противохими-
 ческая оборона
 ПКНО – Памятники культуры. Новые
 открытия
 ПМЗ – Псковский музей-заповедник
 ПСРЛ – полное собрание русских летописей
 ПСТГУ – Православный Свято-Тихонов-
 ский гуманитарный университет
 Райпо – районное потребительское общество
 РГАДА – Российский государственный ар-
 хив древних актов
 РГИА – Российский государственный исто-
 рический архив
 РККА – Рабоче-крестьянская Красная
 армия
 РКП(б) – Российская коммунистическая
 партия (большевиков)
- РНБ – Российская Национальная
 библиотека
 РПЦ – Русская православная церковь
 РСФСР – Российская Советская Федера-
 тивная Социалистическая Республика
 РФ – Российская федерация
 РЭМ – Российский этнографический музей
 САИ – свод археологических источников
 СНК – Совет Народных Комиссаров
 СНК СССР – Совет народных комиссаров
 СССР
 Совнархоз – Совет народного хозяйства
 СОЦИС – “Социологические исследова-
 ния”, ежемесячный научный и общественно-по-
 литический журнал Российской Академии наук
 СССР – Союз Советских Социалистических
 Республик
 Торгсин – “Торговля с иностранцами”
 ТЭЦ – теплоэлектростанция
 УССР – Украинская Советская Социалисти-
 ческая Республика
 ЦАНО – Центральный архив Нижегород-
 ской области
 ЦИАМ – Центральный исторический архив
 Москвы
 ЦИК – Центральный исполнительный
 комитет
 ЦК ВКП (б) – Центральный коми-
 тет Всероссийской коммунистической партии
 большевиков
 ЭКМ – Энгельский краеведческий музей
 ЭКОСО РСФСР – Экономический
 совет Российской Советской Федеративной
 Социалистической Республики
 ЯМЗ – Ярославский музей-заповедник

Научное издание

Уваровские чтения — X
Материалы всероссийской научной конференции
с международным участием
«Физиогномика города»

Муром, 19-21 апреля 2017 г.

Под редакцией Ю. М. Смирнова

Компьютерная верстка Е. Ю. Лемм
Обложка К. А. Ляпин

Бумага офсетная. Формат 29,7x21.

Усл. печ. листов 41,5.

Авт. листов 28,66

Тираж 100 экз.

Отпечатано в типографии «ВИТ-принт».

Россия, Владимирская обл., г. Владимир, ул. Большая Московская, 75Б.